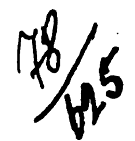

BUHR B
a39015 00027813 8b

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

Digitized by Google

178/625

Л. Ф. Воеводскому от автора

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I

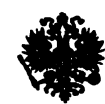
И

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

ПРОФЕССОРА

В. К. Надлера.

Томъ IV.

Изданіе книгопродавца Н. Киммеля

въ Ригѣ.

1888.

Дозволено цензурою. Кіевъ, Октября 31 дня 1888 года.

Харьковъ. Типографія Окружнаго Штаба.

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I.

съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ

НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

всеподданнѣйше

ПОСВЯЩАЕТЪ

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

армія.—Планы Блюхера и генералъ Винцингероде.—Битва при Краонѣ.—Героизмъ русскихъ и страшныя потери обѣихъ сторонъ.—Силезская армія располагается подъ Лаономъ.—Наступленіе Наполеона.—Французы останавливаются въ недоумѣніи передъ страшными силами союзниковъ.—Наполеонъ предполагаетъ возобновить бой на слѣдующій день.—Болѣзнь Блюхера и ея тяжелыя послѣдствія.—Ночное нападеніе пруссаковъ.—Паника французовъ и истребленіе корпуса Мармона.—Отступленіе Наполеона.—Онъ рѣшается броситься въ тылъ главной союзной арміи.—Взятіе Реймса и пораженіе Сенъ-При.—Инструкціи Коленкуру.—Бернадотъ и Мюратъ.—Взглядъ Наполеона на бѣдственныя послѣдствія войны для крестьянина.—Тревожныя вѣсти изъ Шатильона и Парижа.—Наполеонъ жестоко пробираетъ брата своего Іосифа.—Конецъ шатильонскаго конгресса.—Ослѣпленіе Наполеона.—Онъ отдаетъ приказъ удалить императрицу и короля римскаго изъ Парижа въ случаѣ появленія союзниковъ подъ стѣнами столицы.—Начало роковой экспедиціи Наполеона.—Положеніе дѣлъ въ главной арміи союзниковъ.—Бездѣйствіе Шварценберга.—Недовольство и деморализація въ союзной арміи.—Тяжелая борьба Александра.—Императоръ пытается дѣйствовать на Шварценберга то непосредственно, то черезъ посредство другихъ лицъ.—Генералы Толь и Дибичъ.—Раздражительность Александра.—Его тревога при появленіи Наполеона.—Внезапная рѣшимость Шварценберга.—Онъ рѣшается дать отпоръ Наполеону при Арсисѣ.—Гнѣвъ Александра; онъ уѣзжаетъ съ поля битвы.—Сраженіе при Арсисѣ на Обѣ.—Отступленіе Наполеона.—Онъ рѣшается броситься на сообщенія союзниковъ.—Его движеніе на Витри и Сенъ-Дизье.—Недоумѣніе и нерѣшительность въ главной квартирѣ союзниковъ. Неожиданное соединеніе съ Блюхеромъ.—Перехваченное письмо Наполеона.—Намѣренія Блюхера и тревога въ главной квартирѣ.—Военный совѣтъ въ Пужи.—Рѣшеніе идти вслѣдъ за Наполеономъ и принудить его къ битвѣ.—Новыя извѣстія и разоблаченія.—Движеніе на Витри.—Императоръ Александръ въ Сомменюи.—Его тяжелое раздумье и внутренняя борьба.—Онъ ищетъ спасенія и свѣта въ молитвѣ.—Молитва императора и ея чудесныя послѣдствія.—Военный совѣтъ въ квартирѣ государя.—Толь предлагаетъ идти на Парижъ.—Военный совѣтъ на полѣ.—Побѣда Александра.—Движеніе на Парижъ.—Переполохъ въ средѣ дипломатовъ и радость Штейна.

Походъ на Парижъ.—Радость въ средѣ союзныхъ войскъ.—Паленъ и его блестящая кавалерійская атака.—Сраженіе при Феръ-Шампенаузѣ.—Пораженіе Мармона и Мортье.—Внезапное появленіе новаго врага.—Отрѣзанный французскій отрядъ.—Нечаянное открытіе русскаго офицера.—Отчаянное сопротивленіе французовъ.—Героизмъ генерала Пакто.—Онъ отвергаетъ всѣ предложенія положить оружіе.—Совершенное истребленіе французовъ.—Поле битвы.—Раненый французъ.—Союзники пользуются своею побѣдою.—Отступленіе Мармона и Мортье къ Парижу.—Союзники подступаютъ къ столицѣ Франціи.—Подступы къ Парижу.—Природа и искусство.—Укрѣпленія города.—Ошибочныя предположенія въ главной квартирѣ союзниковъ.—Рѣшеніе атаковать Парижъ съ самой сильной стороны.—Ночь передъ битвою.—Бѣлая повязка.—Мысли

и чувствованія императора Александра.—Возмездіе и пощада.—Государь намѣренъ дѣйствовать въ духѣ Евангелія.—Вѣсти о настроеніи въ арміи.—Солдаты собираются мстить за Москву.—Александръ принимаетъ мѣры для спасенія Парижа.—Прокламація князя Шварценберга.—Тревога въ Парижѣ.—Засѣданіе государственнаго совѣта.—Рѣчь военнаго министра.—Громкія слова и трусливыя рѣшенія.—Письмо Наполеона и его рѣшающія послѣдствія.—Послѣдняя ночь въ Тюльири.—Бѣгство Маріи Луизы.—Сынъ Наполеона не хочетъ покидать отцовскаго дворца.—Средства для обороны Парижа.—Громадныя преимущества союзниковъ.—Диспозиція князя Шварценберга и ея ошибочныя основанія.—Битва подъ Парижемъ.—Прозорливость Евгенія Виртембергскаго и его героическое рѣшеніе.—Отчаянный бой за Роменвиль и отступленіе французовъ.—Мармонъ на высотахъ Бельвиля.—Его письмо къ Іосифу Бонапарте.—Перерывъ въ союзной атакѣ.—Грозный видъ съ высоты Монмартра.—Іосифъ Бонапарте теряетъ послѣднія надежды.—Мармонъ рѣшается продолжать сопротивленіе.—Возобновленіе атаки.—Повсемѣстное пораженіе французовъ.—Взятіе Ла-Виллета и Бельвиля.—Защитники Парижа отброшены къ самому городу.—Мармонъ рѣшается вступить въ переговоры.—Мортье тщетно пытается остановить союзниковъ обманомъ.—Императоръ Александръ и его великодушныя намѣренія.—Полковникъ Орловъ.—„Европа должна нынѣ-же ночевать въ Парижѣ!"—Мнимый парламентеръ.—Орловъ и герцогъ Рагузскій.—Перемиріе.—Союзная комиссія для переговоровъ о сдачѣ Парижа.—Конференціи въ Ла-Виллетскомъ трактирѣ.—Упорство Мармона и Мортье.—Они требуютъ свободнаго выхода изъ города для своихъ войскъ.—Взятіе Монмартра.—Государи даютъ свое согласіе на требованіе маршаловъ.—Новыя недоразумѣнія по поводу пути отступленія.—Союзные комиссары возвращаются къ государямъ.—Орловъ остается заложникомъ у французовъ.—Ночная поѣздка черезъ опустѣлый Парижъ.—Отель Мармона.—Бесѣда Орлова съ французскими офицерами.—„И весь міръ былъ-бы тѣсенъ для Наполеона".—Великій мастеръ интриги.—Талейранъ и его порученіе.—Разговоры въ кабинетѣ Мармона.—Жирарденъ адъютантъ Наполеона и его миссія.—Ночная трапеза.—Споръ между Жирарденомъ и Орловымъ.—Пріѣздъ графа Паара.—Капитуляція Парижа.—Орловъ ведетъ депутатовъ города Парижа къ императору Александру.—Радость государя и его бесѣда съ Орловымъ.—„Теперь это пока еще анекдотъ, но можетъ сдѣлаться исторіею".—Наполеонъ и его послѣдняя борьба.—Пріѣздъ Коленкура въ императорскій лагерь.—Наполеонъ пытается возобновить переговоры съ союзниками.—Сраженіе при Сенъ-Дизье.—Наполеонъ сознаетъ наконецъ свое отчаянное положеніе.—Военный совѣтъ.—Наполеонъ спѣшитъ на помощь Парижу.—Пойманные дипломаты.—Совѣтъ Макдональда.—Войска не въ состояніи идти далѣе за Наполеономъ.—Онъ спѣшитъ впередъ одинъ.—Роковая встрѣча.—Отчаяніе и бѣшенство Наполеона.—Совѣщаніе на почтовой станціи.—Безумныя рѣчи Наполеона и его коварные замыслы.—Поѣздка Коленкура въ союзный лагерь.—Встрѣча съ парижскими депутатами.—Коленкуръ у императора Александра.—Судьба Наполеона рѣшена.

ГЛАВА I.

Наполеонъ на краю бездны.--Провидѣніе произнесло свой приговоръ.—Тщетная борьба съ судьбою.—Новыя комбинаціи и отступленіе отъ прошлаго.—„Эти скоты кой чему выучились!“..—Безцѣльныя и безплодныя движенія.—Колебанія и нерѣшительность. — Тяжелый выборъ. — Политикъ и полководецъ.—Новый планъ.—Что дѣлать съ Дрезденомъ?—Наполеонъ думаетъ уничтожить Блюхера.—Неудача.—Сцены въ Дюбенѣ.—Бесѣда съ Мармономъ.—Пророчество.—Исторія и легенда.—Движеніе къ Лейпцигу.—Планы и маневры союзниковъ.—Блюхеръ переправляется черезъ Эльбу.—Пробужденіе Шварценберга.—Черепашій ходъ богемской арміи.—Императоръ Александръ заставляетъ австрійцевъ идти къ Лейпцигу.—Толль и Шварценбергъ.—Мюратъ въ роли кавалерійскаго генерала.—Поле битвы.—Наполеонъ въ Лейпцигѣ.—Его планъ; его упорство и непонятное ослѣпленіе.--Уловки Бернадота и силы обѣихъ сторонъ.—Непостижимыя диспозиціи австрійскаго штаба.—Александръ говоритъ рѣшительно съ Шварценбергомъ.—Тяжелое предчувствіе.—Кровавая побѣда Блюхера.—Постыдное пораженіе австрійцевъ.—Рѣшительный бой при Вахау.—Героизмъ русскихъ и пруссаковъ.—Атака французской кавалеріи—Спасительное рѣшеніе Александра.—Опасность миновала! Результаты кровавого дня.—Мнимая побѣда Наполеона.--Миссія австрійскаго генерала.—Прибытіе Беннигсена и Бернадота.—Гасконецъ и старый гусаръ.—Наполеонъ рѣшается отступить.—Утро 18 (6-го) Октября.—Битва народовъ.—Отчаянное сопротивленіе французовъ.—Гигантскій бой у Пробстъ Гайды.—Рѣшительныя событія на правомъ крылѣ.—Пораженіе французовъ.—Молитва на полѣ брани.—Наполеонъ на бивуакѣ.—Диспозиція къ отступленію.—Возвращеніе въ Лейпцигъ.—Планы и диспозиціи австрійскихъ стратеговъ.—Комедія съ Саксонскимъ королемъ.—Наполеонъ съ трудомъ выбирается изъ Лейпцига.—Штурмъ Лейпцига.—Миссія Толля.—Взятіе города и взрывъ моста.—Торжество побѣдителей.

Въ августѣ мѣсяцѣ, 1813 года, Провидѣніе произнесло свой окончательный приговоръ надъ властелиномъ полуміра. Онъ былъ *взвѣшенъ и найденъ легкимъ* [1]), онъ выполнилъ свою великую и страшную миссію бича въ рукахъ Божіихъ для вразумленія людей; его звѣзда померкла окон-

[1]) Книга прор. Даніил. гл. 5, ст. 27.

чательно, онъ предоставленъ былъ своимъ собственнымъ человѣческимъ силамъ. Но гигантъ, осужденный на гибель высшею волею, все еще продолжалъ внушать страхъ и ужасъ обыкновеннымъ смертнымъ. Его послѣдняя агонія должна была продолжаться не малое время. Онъ падалъ все глубже и глубже, но приближаясь къ краю бездны, онъ все еще боролся съ судьбою и устилалъ конечный путь свой новыми сотнями тысячъ кровавыхъ жертвъ.

Послѣ битвы при Кульмѣ настало затишье на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Обѣ стороны то и дѣло передвигали массы своихъ войскъ съ одного пункта на другой, грозили, демонстрировали, но не предпринимали ничего рѣшительнаго. Подобный образъ дѣйствій былъ совершенно понятенъ и естественъ со стороны союзниковъ. Каждый лишній день составлялъ для нихъ чистый выигрышъ, онъ увеличивалъ ихъ силы и уменьшалъ въ тоже время силы ихъ противника. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находился Наполеонъ. Для него каждый лишній день войнъ былъ лишь новымъ шагомъ къ совершенному истощенію силъ, къ конечной гибели. Далекая, совершенно изнуренная Франція не въ состояніи была уже во время пополнять страшныя убыли въ его войскахъ; колебанія и измѣна начали обнаруживаться въ средѣ его союзниковъ и вассаловъ. Уже Баварія вела тайные переговоры съ Австріею и готовилась открыто перейти на сторону коалиціи [1]); уже Виртембергскій тиранъ, до сихъ поръ вѣрнѣйшій изъ вѣрныхъ, начиналъ подумывать въ интересахъ собственной безопасности о сближеніи съ союзниками, уже измѣна и дезертирство въ рядахъ столь покорныхъ до сихъ поръ нѣмецкихъ войскъ Наполеона принимали съ каждымъ днемъ все большіе и большіе размѣры; уже союзные партизаны захватывали въ его тылу всѣ обозы и транспорты, подымали противъ него населеніе цѣлыхъ областей, разрушали въ одинъ день созданныя имъ путемъ столькихъ побѣдъ и

---

[1]) Окончательный договоръ Австріи съ Баваріею подписанъ былъ въ Ридѣ 8-го октября (н. с.).

жертвъ королевства и вассальныя княжества [1]), уже арміи его начинали страдать отъ голода въ опустошенной Саксоніи и онъ вынужденъ былъ снаряжать для прикрытія какого-нибудь мучного транспорта цѣлые пѣхотные корпуса, многочисленные отряды кавалеріи и артиллеріи [2]). Ясно, что подобное положеніе дѣлъ не могло продолжаться долго, что только новые и рѣшительные удары могли спасти императора отъ окончательной и безповоротной гибели.

Люди, хорошо знавшіе Наполеона, судившіе о немъ по его прошлому, впадали теперь въ полное недоумѣніе по поводу его непонятнаго бездѣйствія. „Что это такое?" спрашивали они въ тревогѣ себя и другихъ. Кроется-ли въ этомъ хорошо обдуманный замыселъ, или ослѣпленіе? Неужели и на этотъ разъ онъ вѣрнѣе и лучше понимаетъ положеніе дѣлъ, нежели всѣ остальные? Не замышляетъ-ли онъ какой-нибудь чрезвычайный, непостижимый для человѣческой проницательности ударъ, ударъ, долженствующій разомъ измѣнить положеніе всѣхъ державъ? Или опасности, сопряженныя съ запоздалымъ отступленіемъ, кажутся ему ужаснѣе всѣхъ тѣхъ, которыя грозятъ ему въ теперешнихъ его позиціяхъ! Или, быть можетъ, ему слишкомъ тяжело оставить свою позицію и помрачить свою и безъ того уже померкшую славу? Кто можетъ знать это? Ни одинъ генералъ, ни одинъ очевидецъ сихъ великихъ событій не можетъ найти ключа къ этой загадкѣ [3]).

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Чернышевъ съ двухъ-тысячнымъ отрядомъ занялъ въ концѣ сентября Кассель и разрушилъ королевство Вестфальское, гдѣ царствовалъ младшій братъ Наполеона, ничтожный Жеромъ. Еще въ августѣ къ союзникамъ перешло два лучшихъ вестфальскихъ полка, стоявшихъ въ Силезіи. См. Богдановичъ. Т. IV, стр. 239 и слѣд.

[2]) Для прикрытія одного изъ такихъ транспортовъ, шедшаго къ Дрездену отъ Торгау, посланы были одинъ пѣхотный и два кавалерійскихъ корпуса. См. Napoleon als Feldherr, Graf Iork v. Wartenburg Т. II, ст. 292.

[3]) Письмо Генца къ Молдавскому господарю Караджѣ отъ 13 сентября изъ Праги. Тутъ-же мы читаемъ слѣдующее: Умнѣйшіе генералы истощаются въ предположеніяхъ на счетъ намѣреній императора Наполеона. Никто не можетъ составить себѣ о нихъ вѣрнаго понятія; величайшіе военные таланты отчаиваются въ разрѣшеніи этой задачи. См. Oesterreichs Theilnahme an den Befreiungskriegen. (собраніе документовъ, преимущественно писемъ Генца, изданное княземъ Р. Меттернихомъ: Вѣна. 1887 г., стр. 28.

Такъ говорили и писали въ союзномъ лагерѣ, не подозрѣвая, что ключъ къ страшной загадкѣ, о которой шла рѣчь, не былъ и въ рукахъ Наполеона. Тревожная нерѣшительность, тяжелое раздумье напали на императора, не останавливавшагося въ былые годы ни предъ какими трудностями, разрѣшавшаго съ молніеносною быстротою самыя сложныя и запутанныя проблеммы. Въ глазахъ другихъ онъ все еще старался казаться прежнимъ, рѣшительнымъ, быстрымъ, никогда не колеблющимся, никогда не ошибающимся повелителемъ; но въ глубинѣ души своей онъ начиналъ постигать впервые предѣлы своего генія, начиналъ чувствовать свое безсиліе передъ обстоятельствами. Еще такъ недавно онъ любилъ говорить о себѣ: „работа—это моя стихія, я рожденъ, я созданъ для работы. Я познalъ предѣлъ моихъ ногъ, я позналъ предѣлъ моихъ глазъ, но я никогда не могъ познать предѣла моей рабочей силы“ [1]). Теперь онъ начиналъ чувствовать, что и эта сила оскудѣваетъ въ немъ, что его душа и тѣло начинаютъ изнывать въ борьбѣ съ судьбою. Онъ силится внушить всѣмъ своимъ союзникамъ, генераламъ и приближеннымъ, что его дѣла находятся въ самомъ блестящемъ положеніи, онъ приказываетъ своему начальнику штаба написать Макдональду, что богемская армія союзниковъ почти уничтожена, что она потеряла отъ 70 до 80 тысячъ человѣкъ, что онъ взялъ одними плѣнными 30,000 человѣкъ, не считая раненыхъ, которыми наполнены всѣ селенія вокругъ Дрездена, что онъ захватилъ 1000 багажныхъ фуръ и 80 орудій [2]); но самъ онъ хорошо понимаетъ, что все это страшное преувеличеніе и хвастовство не можетъ поправить его въ сущности безвыходнаго положенія. По цѣлымъ часамъ проводитъ онъ въ глубокомъ раздумьѣ надъ своимъ письменнымъ столомъ передъ разложенною картою театра войны. Его изобрѣтательный геній создаетъ все новыя и новыя стра-

---

[1]) Эти слова Наполеонъ повторялъ о себѣ и на островѣ св. Елены. См. Memorial de Ste Helene. VI, 272.

[2]) Подобныя-же извѣстія сообщалъ Наполеонъ и своему союзнику, королю Виртембергскому, Фридриху. См. Correspondance de Napoleon I-er T. 26, письмо изъ Дрездена отъ 30-го августа 1813 года, стр. 184.

тегическія комбинаціи, но у него нѣтъ уже рѣшимости и силы воли остановиться на одной изъ нихъ и употребить всѣ средства для ея побѣдоноснаго осуществленія. Совершенно несвойственныя ему колебанія и сомнѣнія закрадываются въ его душу; какой-то внутренній голосъ удерживаетъ его отъ всякаго риска, парализуетъ его волю. Онъ измѣняетъ самому себѣ, онъ начинаетъ придумывать новую стратегію, стратегію вполнѣ понятную, быть можетъ, единственно возможную для всякаго другаго, но не для него, героя битвъ. Онъ силится убѣдить самого себя, что вся сущность войны заключается не въ побѣдоносныхъ битвахъ, не въ быстрыхъ рѣшеніяхъ на поляхъ сраженій, а въ сложныхъ и искусныхъ стратегическихъ маневрахъ. Онъ вдругъ впадаетъ въ столь часто осмѣянную имъ ошибку своихъ противниковъ и начинаетъ придавать значеніе не истребленію боевыхъ силъ противника, а занятію того или другаго географическаго пункта. Онъ останавливается на совершенно вѣрной мысли, что ему надо идти всѣми силами въ Богемію и истребить во чтобы то ни стало Шварценберга, но онъ вдругъ начинаетъ критиковать этотъ планъ, замѣчаетъ, что исполняя его, онъ не будетъ угрожать ничему, что было-бы безсмысленно утверждать, что онъ угрожаетъ Вѣнѣ [1]). И онъ оставляетъ этотъ планъ, онъ убѣждаетъ себя, что надо держаться чисто оборонительно на богемской границѣ и въ Лузаціи, что слѣдуетъ дѣйствовать наступательно только противъ Бернадота, что необходимо во чтобы то ни стало взять Берлинъ. Онъ увлекается этою новою комбинаціею, онъ думаетъ самъ стать во главѣ своей сѣверной арміи; но пока онъ раздумываетъ и колеблется, иниціатива ускользаетъ изъ его рукъ и противникъ заставляетъ его обратиться въ ту сторону, куда онъ и не предполагалъ [2]).

---

[1]) „Je ne menace rien; il serait absurde de dire que je menace Wienne“. Correspondance, 26, стр. 182.

[2]) Объ этихъ колебаніяхъ и о стратегическихъ комбинаціяхъ Наполеона въ этотъ моментъ войны см. его собственную замѣтку въ correspondance подъ заглавіемъ Note sur la situation de mes affaires. Дрезденъ 30-го августа Т. 26, стр. 179—182.

Отъ Макдональда приходятъ каждый день все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Кацбахскій погромъ окончательно разстроилъ его армію, онъ не въ состояніи удержаться у Герлица; тѣснимый Блюхеромъ онъ поспѣшно отступаетъ къ Бауцену. Императоръ спѣшитъ къ нему на помощь, онъ беретъ съ собою всю гвардію, корпусъ Мармона, кавалерію Латуръ-Мобуръ; надежда нанести, наконецъ, рѣшительный ударъ дерзкому Блюхеру окрыляетъ его движенія. Онъ оставляетъ позади свои войска, онъ спѣшитъ къ Бауцену. По дорогѣ ему попадаются на встрѣчу обломки Макдональдовой арміи. Вся дорога запружена толпами бѣгущихъ солдатъ. Они идутъ безъ всякаго порядка, они побросали свое оружіе, паническій страхъ гонитъ ихъ впередъ. Негодованіе овладѣваетъ Наполеономъ при этомъ зрѣлищѣ. — Онъ сворачиваетъ съ дороги, онъ гонитъ въ карьеръ своего коня. Небольшая собаченка съ лаемъ бросается на его лошадь. Этотъ ничтожный случай приводитъ его въ ярость. Онъ выхватываетъ пистолетъ и прицѣливается въ собачку, но пистолетъ даетъ осѣчку и императоръ съ бѣшенствомъ кидаетъ его въ сторону [1]). Встрѣтивъ генерала Себастіани, Наполеонъ осыпаетъ его грубою бранью [2]). Всѣ окружающіе дрожатъ при видѣ его страшнаго гнѣва. Онъ останавливаетъ бѣглецовъ, онъ ведетъ ихъ вмѣстѣ съ свѣжими войсками противъ быстро наступающаго непріятеля.

Прибытіе Наполеона съ громадными подкрѣпленіями не могло, разумѣется, укрыться отъ Блюхера. Слѣдуя принятой въ Трахенбергѣ системѣ, онъ тотчасъ-же отдалъ приказъ своимъ войскамъ отступать. На слѣдующій день, рано утромъ, Наполеонъ въѣхалъ на Волаускую гору, близь Гохкирхи и наблюдалъ оттуда за движеніями непріятеля. Русскіе и пруссаки повсюду отходили передъ наступающими французами. Наполеонъ не обманывалъ себя на этотъ разъ; онъ понялъ,

---

[1]) См. Оделебенъ, der Feldzüg in Sachren 1813, стр. 222.

[2]) Между прочимъ Наполеонъ сказалъ Себастіани: „Vous commandez de canailles, et non pas des soldats". Себастіани имѣлъ мужество отвѣтить ему: „Syre, je ne commande pas des canailles". См. тамъ-же.

что Блюхеръ систематически избѣгаетъ сраженія съ нимъ. Негодованіе, гнѣвъ кипѣли въ его груди. „Эти скоты койчему выучились!“ говоритъ онъ сквозь зубы и поварачиваетъ своего коня.

Уже въ головѣ его мелькнула новая мысль. Онъ предполагаетъ двинуться на сѣверъ и поддержать движеніе Нея на Берлинъ, [1]), но въ этотъ моментъ приходитъ вѣсть, что богемская армія предпринимаетъ вновь наступательное движеніе и императоръ спѣшитъ возвратиться въ Дрезденъ.

Шварценбергъ, неустанно возбуждаемый императоромъ Александромъ, дѣйствительно рѣшился сдѣлать шагъ впередъ. Убѣдившись, что Наполеонъ направился противъ Блюхера, онъ послалъ за Эльбу 60,000 австрійцевъ, намѣреваясь ударить съ ними черезъ Румбургъ во флангъ императору. Остальныя войска богемской арміи подъ предводительствомъ Барклая-де-Толли подвинулись также впередъ и ихъ форпосты появились на Пирнской дорогѣ у Котты и Нейман-сдорфа [2]). Наполеонъ немедленно же двинулъ свои войска къ горнымъ проходамъ. Одно появленіе ихъ парализовало наступленіе союзниковъ. Шварценбергъ спѣшилъ сосредоточить всѣ свои силы въ Теплицкой долинѣ; поспѣшно призвалъ онъ назадъ войска, только что двинутыя за Эльбу [3]).

Въ теченіи нѣсколькихъ дней Наполеонъ производилъ угрожающія демонстраціи противъ позицій союзниковъ. Всѣмъ казалось, что онъ былъ намѣренъ проникнуть во чтобы то ни стало въ Богемію и нанести рѣшительный ударъ Шварценбергу. Его войска неоднократно наступали на союзниковъ, гнали передъ собою ихъ передовые отряды, но достигнувъ Ноллендорфскихъ высотъ, Наполеонъ останавливался каждый разъ въ глубокомъ раздумьѣ. Пристально всматривался онъ въ распростертую у его ногъ Теплицкую долину.

---

[1]) Съ этою цѣлью Наполеонъ приказалъ утромъ 6-го сентября Мармону и Латаръ-Мобору двинуться на Гойерсверду. См. Мемуары Мармона, Т. 5. стр. 309—310.

[2]) Объ этихъ движеніяхъ богемской арміи см. Бернгарди, Т. 3, стр. 301 и слѣд.

[3]) Бернгарди, т. 3, стр. 307.

Онъ наблюдалъ по цѣлымъ часамъ за движеніями непріятельскихъ колоннъ, посылалъ генерала Друо осмотрѣть спуски въ долину и видимо готовъ былъ дать сигналъ къ общему наступленію; но рука его, уже подъятая для удара, каждый разъ безсильно опускалась [1]). Непріятельскія позиціи казались ему слишкомъ сильными, а Друо доносилъ, что горные спуски совершенно неудобны для движенія артиллеріи. Молчаливая досада нападала во всѣ такіе моменты на императора. Не говоря никому ни слова, онъ поворачивалъ назадъ свою лошадь. Все окружающее теряло для него всякое значеніе. Съ равнодушіемъ смотрѣлъ онъ, какъ его войска располагались на бивуакахъ въ этой суровой, холодной и совершенно пустынной мѣстности, какъ его гвардейцы дрожали отъ стужи и изнывали отъ голода. Онъ относился съ апатіею даже къ своимъ личнымъ удобствамъ. Сегодня онъ ночуетъ вмѣстѣ съ Бертье въ брошенномъ пасторскомъ домѣ въ Брейтенау, при чемъ его солдаты должны сначала очистить комнаты отъ конскаго навоза и другихъ нечистотъ; завтра онъ остановится въ полуразрушенной крестьянской избѣ въ Петерсвальде, гдѣ вѣтеръ свободно свиститъ черезъ выбитые окна и двери [2]).

Эти въ концѣ концовъ безцѣльныя и безплодныя движенія утомляютъ подъ конецъ самого императора. 18-го сентября онъ стягиваетъ свои войска ближе къ Дрездену. Сознаніе неудачи, безполезно потеряннаго времени, видимо тяготитъ его; но онъ старается оправдать себя въ глазахъ генераловъ, онъ рѣшается говорить о выигранномъ времени, онъ говоритъ, что онъ довольствуется пока этою игрою, этими маневрами [3]), чтобы выждать удобнаго случая. Но

---

[1]) Объ этихъ движеніяхъ см. въ особенности мемуары маршала Сенъ-Сира. Т. IV, стр. 137 и слѣдующее

[2]) См. Оделебенъ, стр. 333 и слѣд.

[3]) Mon cousin! j'ai fait hier une reconnaissance pour bien connaitre la force et la position de l'ennemi. Sa position m'a paru forte et, quoique le dèbouche de Peterswalde soit assez favorable pour l'artillerie, les pentes en ètant assez douces, la position de l'ennemi ne me permettait pas de l'attaquer; je me suis donc arrète au parti de m'en tenir au jeu de vaet-vient, et d'attendre l'occasion.

удобнаго случая не представляется, и къ чему сводится выигрышъ во времени? Ему удалось препроводить благополучно громадный транспортъ муки въ Дрезденъ; онъ получилъ за это время подкрѣпленіе въ 16,000 человѣкъ; но его враги не имѣютъ никакой надобности конвоировать свои провіантскіе транспорты, они утопаютъ въ изобиліи, и, что самое главное, они получили за это время громадныя подкрѣпленія. Цѣлая новая армія, 70,000 русскихъ, подъ предводительствомъ Бенингсена достигла уже предѣловъ Силезіи.

Между тѣмъ Блюхеръ переходитъ вновь въ наступленіе. Онъ гонитъ передъ собою Макдональда, онъ оттѣсняетъ его до Бауцена, онъ угрожаетъ самому центру позицій Наполеона. Императоръ понимаетъ, что необходимо предпринять что нибудь противъ этого опаснѣйшаго изъ всѣхъ противника. 19-го сентября онъ выдвигаетъ впереди къ Бауцену корпусъ Мортье, но ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день онъ не предпринимаетъ ничего рѣшительнаго противъ силезской арміи. Онъ откладываетъ наступленіе подъ предлогомъ дурной погоды. „Вчерашній день и эта ночь", пишетъ онъ Мармону, „были такъ ужасны, что невозможно двинуться съ мѣста" [1]. „Напишите королю Неаполитанскому, герцогу Рагузскому, герцогу Тарентскому и князю Понятовскому", диктуетъ онъ маршалу Бертье, „что ужасная погода", продолжающаяся сегодня цѣлый день, дѣлаетъ невозможнымъ всякое движеніе, но что если завтра погода улучшится, тогда все должно быть готово на послѣ завтра" [2]. И это пишетъ тотъ самый Наполеонъ, который въ 1805 г. писалъ въ своемъ бюлетенѣ: „Дождь льетъ непрерывно; но

Письмо къ маршалу С. Спру отъ 18-го сентября. См. Correspondance, т. 26, стр. 252—253.

[1]) „Герцогъ Тарентскій, читаемъ мы тамъ-же, надѣлалъ фальшивой тревоги. Оставайтесь до новаго приказа въ вашей позиціи; невѣроятно, чтобы непріятельская пѣхота отважилась наступать. Если-же это случится, то я поспѣшу къ вамъ на помощь и мы дадимъ сраженіе, что было-бы весьма выгодно, но что кажется не соотвѣтствуетъ ихъ системѣ. Величайшая забота настоящаго момента кажется сбереженіе оружія и патроновъ". См. Мемуары Мармона, т. 5, стр. 318.

[2]) См. Correspondance, т. 26, стр. 262.

это нисколько не задерживаетъ форсированныхъ маршей великой арміи". Не ясно-ли, замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Наполеона, что во всемъ этомъ обнаруживается одно и тоже странное явленіе: это неспособность къ какому-бы то ни было рѣшенію [1]). „Къ чему спѣшить, вѣдь времени достаточно, и что не будетъ сдѣлано сегодня — можетъ быть сдѣлано завтра"—вотъ мысль, ясно сквозящая во всѣхъ тогдашнихъ распоряженіяхъ Наполеона. По временамъ, онъ какъ будто самъ сознаетъ всю ошибочность подобной мысли, всю безконечную цѣну, которую имѣетъ для него именно теперь время, эти невозвратно уходящіе часы и дни. „Въ такой сложной войнѣ, какъ эта, — дни имѣютъ огромное значеніе", пишетъ онъ Макдональду [2]). Но онъ спѣшитъ взять назадъ свои слова, какъ-бы сознавая, что они заключаютъ въ себѣ осужденіе всего его образа дѣйствій. „Мнѣ кажется", говоритъ онъ другому своему сподвижнику, „что въ данный моментъ важнѣе всего сберегать сколько возможно оружіе и патроны".

Настроеніе и намѣренія императора смѣняются въ это время ежедневно. 21 сентября онъ предполагаетъ сосредоточить всѣ свои силы подъ Дрезденомъ и дать отдыхъ своимъ войскамъ, но уже на слѣдующій день онъ предпринимаетъ новое, столь-же безплодное, какъ и всѣ прежнія, наступленіе на Блюхера. Весь день 23 сентября проходитъ въ новомъ раздумьѣ и колебаніяхъ; наконецъ 24 числа, онъ рѣшается отвести всѣ свои войска, не исключая и Макдональда, на лѣвый берегъ Эльбы, и держаться строго оборонительной системы. „Я намѣренъ", пишетъ онъ Мюрату, „построить семь мостовъ черезъ Эльбу, у Кенигштейна, Пирны, Пильница, Мейсена и у Дрездена, перевести всѣ мои

---

[1]) „Fs ist eben jenes Gleichgewicht zwischen Einsicht und Karacter, welches er uns selbst als das für den Feldherrn Wünschenswertheste bezeichnet hat, nicht mehr vorhanden und so begreifen wir, dass das Ergebniss Entschlussiosigkeit, Schwanken, rukweises nicht folgerichtiges Handeln und dem gemäss Misserfolg ist". См. Napoleon als Feldherr Graf Jork von Wartenburg, т. II, стр. 293.

[2]) Correspondance, т. 26, стр. 268. Письмо отъ 22-го сентября.

войска на лѣвый берегъ и дать имъ нѣкоторый отдыхъ. Всѣ эти мосты будутъ прикрыты укрѣпленіями и мы займемъ, такимъ образомъ, всѣ выходы изъ Дрезденскаго лѣса. Въ этой позиціи я буду слѣдить за непріятелемъ, и если онъ отважится на какое нибудь наступательное движеніе, то я брошусь на него и заставлю принять сраженіе“ [1]). Вопросъ продовольственный безпокоитъ также не мало Наполеона въ это время. Въ своемъ письмѣ къ генералъ-интенданту Дарю отъ 23 сентября [2]) онъ заявляетъ, что солдаты не получаютъ достаточнаго количества хлѣба, что они питаются почти одною говядиною и убиваютъ весь скотъ, который попадается имъ подъ руку. Наполеонъ требуетъ, чтобы въ Дрезденъ было свезено достаточно хлѣба, однимъ словомъ онъ принимаетъ всѣ мѣры, разсчитанныя на продолжительную стоянку арміи подъ этимъ городомъ.

Среди всѣхъ этихъ перемѣнъ, колебаній, раздумья, иниціатива ускользаетъ мало по-малу окончательно изъ рукъ Наполеона и переходитъ всецѣло къ его врагамъ. Слова, сказанныя имъ въ 1806 г. по отношенію къ пруссакамъ: „пока они совѣщаются, французская армія идетъ впередъ“, могутъ быть примѣнены теперь къ нему самому. Въ союзномъ лагерѣ начинаютъ, наконецъ, ясно понимать положеніе дѣлъ и спѣшатъ воспользоваться бездѣйствіемъ Наполеона. Богемская армія двигается впередъ, она идетъ на Лейпцигъ, направляясь черезъ Коммотаву, Маріенбергъ и Хемницъ, она обходитъ такимъ образомъ лѣвый флангъ Наполеона. Въ тоже самое время силезская армія переправляется черезъ Эльбу у Эльстера, наноситъ при Вартенбургѣ страшное пораженіе корпусу Бертрана [3]) и начинаетъ обхо-

---

[1]) Письмо это начинается хвастливою фразою, безъ которой Наполеонъ положительно не могъ обойтись въ это время: J'ai poussé l'ennemi; partout il est en retraite. Correspondance, т. 26 стр. 275.

[2]) См. Correspondance, т. 26, стр. 276,—279.

[3]) Подробности о битвѣ при Вартенбургѣ, той самой, въ которой Блюхеръ сказалъ свою знаменитую рѣчь русскимъ солдатамъ, приведенную нами въ предъидущей главѣ, см. у Богдановича, т. 4, 246—248, Дройзена, жизнь Іорка. т. II; стр 174—191, Шерра, жизнь Блюхера, т. 3, стр. 226—230.

дить позиціи французской арміи съ правой стороны. Въ первыхъ числахъ октября, становится окончательно ясно, что Наполеонъ не можетъ оставаться далѣе у Дрездена, что эта позиція, обойденная съ обѣихъ сторонъ, становится для него негодною, что онъ долженъ установить новый планъ дѣйствій и притомъ, не теряя ни минуты времени.

Новое тяжелое раздумье нападаетъ на императора. Различныя возможности представляются ему; онъ развиваетъ каждую изъ нихъ, онъ разбираетъ ихъ критически и колеблется между ними. Онъ можетъ перенести свою позицію изъ Дрездена на сѣверъ къ берегамъ Мульды, близь Вурцена, отбросить отсюда силезскую армію и Бернадота, а затѣмъ, соединившись съ Мюратомъ, который будетъ прикрывать Лейпцигъ, нанести рѣшительный ударъ Шварценбергу. Затѣмъ другая не менѣе заманчивая возможность! Онъ можетъ отступить со всѣми своими войсками къ Лейпцигу и дать здѣсь генеральное сраженіе союзникамъ. Правда, въ этомъ случаѣ, онъ даетъ полную возможность противнику соединить всѣ свои силы и подавить его своими массами. Но эта преспектива не особенно страшитъ его. Онъ слишкомъ увѣренъ въ своемъ внутреннемъ превосходствѣ; на полѣ битвы, гдѣ его геній торжествовалъ еще до сихъ поръ повсемѣстно, онъ надѣется сокрушить противника, несмотря на его численный перевѣсъ. И третья возможность представляется его изобрѣтательному уму, и онъ самъ не можетъ отрицать, что она едва-ли не самая вѣрная и безопасная. Онъ можетъ отвести всѣ свои войска за Заалу; непріятель не въ состояніи помѣшать этому его движенію, онъ усилитъ тамъ свои войска новыми подкрѣпленіями, тогда какъ противникъ принужденъ будетъ ослабить свои массы, оставивъ сильные отряды подъ крѣпостями на Эльбѣ. Къ тому-же линія Заалы несравненно крѣпче въ оборонительномъ отношеніи нежели линія Эльбы, такъ какъ тамъ высоты лѣваго берега несравненно значительнѣе высотъ праваго берега. Все это прекрасно, разсуждаетъ Наполеонъ, но дѣло имѣетъ и свою обратную сторону. Переходить на линію Заалы — это значитъ отступать, значитъ отдавать безъ

боя цѣлыя области, жертвовать всею Саксоніею. Быть можетъ, это и разумно въ чисто военномъ отношеніи, но крайне неразумно и опасно въ политическомъ. Дѣйствовать такимъ образомъ—значитъ подрывать окончательно свой престижъ, значитъ терять всякое довѣріе союзниковъ и поднимать самоувѣренность враговъ. И Наполеонъ съ негодованіемъ отвергаетъ эту, какъ сознается онъ самъ, вѣрнѣйшую комбинацію. Интересы и соображенія чисто политическія заставляютъ его совершить непоправимую военную ошибку [1]).

Наполеонъ останавливается затѣмъ и на второй комбинаціи, движеніи къ Лейпцигу, но онъ отвергаетъ и ее. Онъ думаетъ, что для нея не настало еще время, что она не вызывается пока необходимостью; онъ останавливается окончательно на движеніи на сѣверъ, къ Вурцену и Дюбену, онъ разсчитываетъ настигнуть здѣсь наконецъ армію Блюхера, которая причиняла ему столько вреда, и ускользала столько разъ отъ его ударовъ.

Приступая къ исполненію этого маневра, Наполеонъ впадаетъ однако-же въ новыя колебанія. Онъ не знаетъ, что дѣлать ему съ Дрезденомъ? очистить-ли его совершенно, или оставить въ немъ часть своей арміи? Сначала онъ думаетъ удерживать Дрезденъ. Вечеромъ, 6-го октября, онъ призываетъ къ себѣ маршала Сенъ-Сира и сообщаетъ ему, что онъ долженъ защищать Дрезденъ съ I и XIV корпусами. Онъ говоритъ въ тонѣ, не терпящемъ возраженій. Касаясь своего плана, онъ кажется взволнованнымъ, страстнымъ, неспособнымъ разсуждать; но вообще онъ какъ будто спокоенъ и веселъ. Онъ начинаетъ критиковать операціи маршала Сульта въ Испаніи противъ Велингтона. Онъ развиваетъ свои мысли такъ ясно, такъ доказательно и притомъ съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что приводитъ въ изумленіе и восторгъ своихъ слушателей [2]). Сенъ-Сиръ удаляется, но уже

---

[1]) О планахъ и стратегическихъ комбинаціяхъ Наполеона въ этотъ моментъ войны см. собственноручную замѣтку Наполеона, не вошедшую въ Correspondance, но помѣщенную у Norvins Portfeuille de 1813. Я пользуюсь ею въ переводѣ Iорка въ его книгѣ Napoleon als Feldher, т II, стр. 298 и слѣд.

[2]) См. Мемуары маршала Сенъ-Сира, т. IV. стр. 184.

въ полночь его вновь требуютъ къ императору. Намѣренія Наполеона совершенно измѣнились. Онъ объявляетъ маршалу, что онъ намѣренъ совершенно очистить Дрезденъ и взять съ собою всѣ войска. „Я буду имѣть навѣрное сраженіе“, говоритъ онъ. „Если я выиграю его, то мнѣ прійдется сожалѣть, что не всѣ мои войска у меня; если-же я буду разбитъ, то вы и войска ваши, не принеся мнѣ никакой пользы на полѣ битвы, погибнете здѣсь безвозвратно. Къ тому-же, что такое теперь Дрезденъ? Онъ не можетъ служить долѣе точкою опоры для арміи; вся страна кругомъ истощена; здѣсь невозможно оставаться далѣе“ [1]).

Уже на другой день, въ шесть часовъ утра, Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена. Къ вечеру онъ остановился въ замкѣ Зергаузенѣ, близь Мейссена.—Тутъ онъ узналъ, что вся армія Блюхера переправилась черезъ Эльбу у Вартенбурга и съ увѣренностью началъ разсчитывать на сраженіе. Но тутъ-же онъ вновь измѣнилъ свое намѣреніе относительно Дрездена и послалъ приказъ Сенъ-Сиру удерживать съ своими корпусами во чтобы-то ни стало столицу Саксоніи. Рѣшеніе по-истинѣ изумительное! Оно противорѣчило всѣмъ основнымъ правиламъ стратегіи Наполеона, оно противорѣчило всему его прошлому. Не онъ-ли утверждалъ всегда такъ настойчиво, что не слѣдуетъ раздѣлять своихъ войскъ передъ битвою, что надо соединять всѣ свои силы, образовать импонирующія массы; не онъ-ли проводилъ это правило до мелочей и требовалъ, чтобы дивизіи, выступая въ бой, имѣли подъ знаменами всѣхъ людей [2]). А теперь онъ ищетъ рѣшительнаго боя, онъ разсчитываетъ съ увѣренностью на него и оставляетъ въ тоже время въ тылу два корпуса, оставляетъ ихъ почти въ открытомъ городѣ, и лишая себя 40,000 ч., отдаетъ ихъ въ жертву непріятелю. Но Наполеонъ совершаетъ эту странную ошибку, по мѣткому замѣчанію графа

---

[1]) См. Мемуары Сенъ-Сира, Т. IV. стр. 185.

[2]) Это основное правило своей стратегіи Наполеонъ высказываетъ съ особенною рельефностью въ письмѣ къ Бертье отъ 6-го декабря 1811 г. См. также его письма къ Даву изъ Шенбруна отъ 15-го ноября 1805 г. и къ Сенъ-Сиру отъ 13-го Августа 1813 г.

Іорка, не какъ полководецъ, а какъ политикъ. Его влечетъ къ гибели непомѣрное упорство властелина, не желающаго уступать ничего, опасающагося, чтобы малѣйшій шагъ назадъ не поколебалъ въ глазахъ свѣта его господства, основаннаго лишь на одной силѣ и на всеобщемъ убѣжденіи въ его непобѣдимости [1]).

Въ теченіи 7-го октября войска Наполеона подвигались на сѣверъ по направленію къ Вурцену; 8-го числа они были сосредоточены на линіи Вурценъ-Шильда-Тауха. Неподалеко отъ нихъ, близь Дюбена, находилась армія Блюхера и Наполеонъ намѣренъ былъ атаковать ее на слѣдующій день. Рано утромъ, 9 числа, многочисленныя французскія колонны двинулись со всѣхъ сторонъ на предполагаемыя позиціи непріятеля, уже онѣ достигли окрестностей Дюбена, но непріятеля нигдѣ не было видно. Блюхеръ во-время узналъ о движеніи Наполеона и успѣлъ уклониться отъ грозящаго ему удара. Онъ не отступилъ обратно за Эльбу, какъ бы сдѣлалъ это на его мѣстѣ другой, менѣе рѣшительный и находчивый полководецъ, а двинулся форсированнымъ маршемъ на сѣверо-западъ и занялъ позицію на лѣвомъ берегу Заалы. Бернадотъ, переправившійся также черезъ Эльбу, послѣдовалъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній его примѣру.

Наполеонъ не узналъ въ первый моментъ, въ какую сторону уклонились обѣ непріятельскія арміи. Онъ предполагалъ, что и Блюхеръ и Бернадотъ отступили за Эльбу,—намѣревался послѣдовать за ними и принудить ихъ къ сраженію. Онъ хотѣлъ перейти на правый берегъ Эльбы и избрать своимъ опорнымъ пунктомъ Магдебургъ. Мюратъ, въ распоряженіи котораго находилось 60,000 человѣкъ, долженъ былъ между тѣмъ пытаться держаться подъ Лейпцигомъ, но избѣгать всякаго рѣшительнаго сраженія съ превосходными силами непріятеля. Въ случаѣ, если Шварценбергъ двинется на него со всѣми своими силами, онъ долженъ былъ отступить черезъ Эйленбургъ и Дюбенъ

---

[1]) См. Napoleon als Feldherr, т. II. стр. 307.

къ Виттенбергу и переправиться въ свою очередь черезъ Эльбу [1]).

Таковъ былъ новый планъ, составленный моментально Наполеономъ, но уже на слѣдующій день императоръ убѣдился окончательно, что Блюхеръ ускользнулъ отъ него за Заалу, что силезская армія сосредоточилась уже у Галле. Движеніе за Эльбу потеряло при этихъ условіяхъ всякій смыслъ, на правомъ берегу рѣки не было уже непріятелей, а между тѣмъ отъ Мюрата пришло извѣстіе, что вся богемская армія наступаетъ на Лейпцигъ, что онъ не въ состояніи будетъ противостоять ея напору. Наступилъ самый тяжелый кризисъ въ жизни Наполеона. Надлежало принять рѣшеніе, единственно возможное при данныхъ условіяхъ, надо было отступать къ Лейпцигу, а между тѣмъ это рѣшеніе было такъ безконечно тяжело, такъ безотрадно отчаянно. Наполеонъ пугался этого рѣшенія, онъ истинктивно уклонялся отъ него. „Я засталъ императора", разсказываетъ очевидецъ, „ожидающаго извѣстій съ Эльбы. Онъ сидѣлъ на софѣ въ своей комнатѣ, передъ большимъ столомъ. Погруженный въ глубокія думы, онъ чертилъ какія-то фигуры на большомъ листѣ бумаги. Его географъ д'Альбе и секретарь сидѣли также безъ дѣла въ углу комнаты, ожидая его приказаній" [2]). Такъ прошелъ день, наступила ночь; Наполеонъ потребовалъ къ себѣ маршала Мармона. Ровно въ полночь маршалъ вошелъ въ кабинетъ. Наполеонъ вступилъ съ нимъ въ бесѣду, продолжавшуюся цѣлыхъ пять часовъ. Онъ говорилъ о положеніи своей арміи, о своихъ планахъ, о движеніяхъ непріятеля, причемъ замѣтилъ, что армія Бернадота находится еще по правую сторону Эльбы. Разобравъ и взвѣсивъ всѣ шансы, императоръ заявилъ, что онъ намѣренъ сосредоточить всѣ войска подъ Лейпцигомъ и дать тамъ союзникамъ генеральное сраженіе. Мармонъ возражалъ, онъ находилъ, что было-бы гораздо лучше очистить Лейпцигъ и перенести театръ войны за Заалу. Позиція подъ Лейпцигомъ казалась марша-

---

[1]) См. Napoleon als Feldherr, т. II. стр. 308.

[2]) Оделебенъ стр. 310.

лу во всѣхъ отношеніяхъ неудобною. „Намъ прійдется“, говорилъ онъ, „сражаться тамъ на днѣ воронки, окруженной опасными и длинными дефилеями“. Наполеонъ спокойно выслушалъ маршала и отвѣчалъ ему въ тонѣ стараго, столь привычнаго ему самообольщенія: „Я буду сражаться лишь въ томъ случаѣ, когда захочу. Они не осмѣлятся атаковать меня“ [1]).

Разговоръ перешелъ на событія текущей кампаніи и на чрезвычайныя потери, понесенныя французской арміею. Мармонъ доказывалъ, что армія пострадала такъ сильно не столько на поляхъ битвъ, сколько отъ недостатка припасовъ всякаго рода, отъ совершеннаго пренебреженія санитарной части. Онъ полагалъ, что если-бы Наполеонъ обратилъ болѣе вниманія на продовольствіе своихъ солдатъ, на уходъ за ранеными и больными, то онъ сберегъ-бы этимъ 50,000 жизней и 25 милліоновъ франковъ. Наполеонъ сухо отвѣчалъ: „Быть можетъ, но что-же изъ этого? 25 милліоновъ навѣрное были-бы украдены и все осталось-бы по прежнему“. Все безсердечіе завоевателя сказалось въ этихъ словахъ. Онъ не упомянулъ даже о жизняхъ, а говорилъ лишь о деньгахъ. Мармонъ замѣчаетъ по этому поводу: Наполеонъ всегда умѣлъ найти средства для созданія новыхъ силъ; но онъ никогда не хотѣлъ принести даже самой ничтожной жертвы для сохраненія тѣхъ силъ, которыя были въ его распоряженіи [2]).

Наполеонъ, порѣшивъ отступленіе къ Лейпцигу, видимо не желалъ разсуждать далѣе о чисто военныхъ предметахъ, онъ перешелъ къ болѣе общимъ вопросамъ. Онъ никогда не вѣровавшій въ людей, онъ издѣвавшійся всегда надъ всѣмъ идеальнымъ, началъ вдругъ жаловаться на невѣрность своихъ союзниковъ. „Есть люди чести и есть люди совѣсти“ [3]), говорилъ онъ. „Я предпочитаю первыхъ, ибо они держатся

---

[1]) Единственное средство спасенія заключалось, по мнѣнію Мармона, въ совершенномъ оставленіи Саксоніи и отступленіи за Заалу. См. Мемуары Мармона, т. V. стр. 275.

[2]) См. Мемуары Мармона, т. 5, стр. 275.

[3]) Les hommes d'honneur et les hommes de conscience.

просто и прямо своего слова, на нихъ можно разсчитывать; тогда какъ у вторыхъ все зависитъ отъ ихъ личнаго пониманія и взглядовъ. Мой тесть, напр., императоръ Австрійскій поступилъ такъ, какъ казалось это ему полезнымъ и для его интересовъ, и для интересовъ его народовъ. Онъ почтенный человѣкъ, онъ человѣкъ совѣсти, но онъ не человѣкъ чести. Или, напримѣръ, вы, какъ поступили-бы вы въ томъ случаѣ, если-бы непріятель наводнилъ Францію и занялъ высоты Монмартра. Вы полагали-бы, быть можетъ, основательно, что благо Франціи повелѣваетъ вамъ оставить меня и вы поступили-бы какъ добрый французъ, какъ хорошій человѣкъ, какъ человѣкъ совѣсти, но не какъ человѣкъ чести". Эти послѣднія слова поразили маршала. „Что-то необычайное, сверхъестественное, пророческое слышалось въ нихъ". Мармонъ вспомнилъ о нихъ черезъ шесть мѣсяцевъ, когда обстоятельства, показавшіяся ему всесильными, заставили его измѣнить Наполеону [1]).

Изъ мемуаровъ генерала Ронья мы узнаемъ, что Наполеонъ, вопреки своему обыкновенію, совѣтовался въ этотъ день и съ другими генералами. Роньяя, спрошенный въ числѣ другихъ, не совѣтовалъ идти къ Лейпцигу, а переправиться на правый берегъ Эльбы у Виттенберга, спуститься внизъ по теченію рѣки и возвратиться у Магдебурга на лѣвый берегъ. Подъ Лейпцигомъ, говорилъ онъ, мы встрѣтимся съ обѣими непріятельскими арміями, мы вынуждены будемъ дать двойное сраженіе, а въ случаѣ отступленія, намъ прійдется переправляться черезъ двѣ рѣки Эльстеръ и Заалу. Избирая второй планъ, мы избавляемъ себя отъ переправы черезъ обѣ рѣки, мы приближаемся къ Магдебургу, громадному депо нашихъ военныхъ запасовъ; мы выиграемъ новую операціонную линію, дорогу на Везель, болѣе обезпеченную

[1]) „Ces paroles prononcées par Napoleon, et adressèes a moi le 11 octobre 1813 ne portaient-elles pas l'empreinte d'un caractere tout à fait extraordinaire? n'ont-elles pas quelque chose de surnaturel et de prophetique? Elles sont revenues à ma pensee aprés ler evenements d'Essonne. Elles m'ont fait alors une impression que l'on concoit et qui jamais ne s'est effacée de ma memoire". Мемуары Мармона, т. 5, стр. 276.

нежели дорога на Майнцъ; наше отступленіе въ случаѣ неудачи будетъ гарантировано, мы усилимъ себя гамбургскимъ корпусомъ, мы будемъ имѣть время призвать къ себѣ войска, оставленныя въ Дрезденѣ, наконецъ, мы разстроимъ этою неожиданною операціею всѣ планы нашихъ непріятелей [1]). Наполеонъ выслушалъ внимательно мнѣніе генерала, но замѣтилъ, что все-же остается при своемъ рѣшеніи идти къ Лейпцигу. Уже въ ночь съ 11 на 12 число всѣ корпуса великой арміи двинуты были на роковое поле.

Концентрируя свои войска на Лейпцигскихъ равнинахъ, Наполеонъ совершалъ величайшую стратегическую ошибку своей жизни, онъ дѣлалъ то, что было желательно для его противниковъ, онъ велъ свою армію въ такую-же ловушку, въ какую попалъ герцогъ Брауншвейгскій подъ Іеною, Макъ-Магонъ подъ Седаномъ. У него было лишь одно оправданіе, онъ разсчитывалъ на свое несравненное искусство на полѣ битвы и на ошибки своихъ враговъ. Нельзя сказать, чтобы этотъ послѣдній разсчетъ былъ совершенно не вѣренъ. Его враги сами сознавали его превосходство, какъ руководителя битвъ и продолжали трепетать передъ нимъ. Ослѣпляемые какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, они готовы были совершить еще большія ошибки, нежели ихъ геніальный противникъ [2]).

Два противоположныя теченія замѣчаются за это время въ

---

[1]) См. Ронья, Considerations sur l'art de la geure. стр. 393.

[2]) Составители Наполеоновской легенды никакъ не могли примириться съ мыслью, что ихъ герой пошелъ добровольно къ Лейпцигу, что онъ совершилъ такую страшную ошибку. И вотъ они придумали для вящшаго возвеличенія императора слѣдующую драматическую исторію. Наполеонъ задумалъ смѣлѣйшій планъ своей жизни. Онъ хотѣлъ перейти на восточный берегъ Эльбы, опереть свое лѣвое крыло на Гамбургъ и Магдебургъ, соединиться съ датчанами и распространиться направо черезъ Кюстринъ и Штетинъ до Данцига. Далѣе, онъ предполагалъ дать независимость полякамъ, возбудить возстаніе въ тылу у русскихъ и отрѣзать ихъ отъ отечества. Онъ разсчитывалъ склонить на свою сторону Австрію уступкою Иллиріи и изолировать, такимъ образомъ, совершенно Пруссію. Все, говорятъ намъ, было уже готово къ выполненію геніальнаго плана, когда вспыхнулъ внезапно бунтъ въ средѣ окружающихъ Наполеона. Они ворвались въ кабинетъ императора и потребовали, чтобы онъ отказался отъ своихъ плановъ и отступилъ къ Лейпцигу. Въ главѣ мятежниковъ

союзномъ лагерѣ. Представителями перваго является Бернадотъ, князь Шварценбергъ, представителями второго императоръ Александръ и Блюхеръ. Шведскій кронъ-принцъ и австрійскій фельдмаршалъ думали лишь о томъ, какъ-бы благополучно избѣгнуть всякой рѣшительной встрѣчи съ Наполеономъ. Одна мысль о генеральномъ сраженіи наводила на нихъ ужасъ; они предпочитали дѣйствовать противъ Наполеона обходными движеніями и сложными маневрами; этими средствами надѣялись они заставить его очистить Германію. Они трогались съ мѣста лишь вслѣдствіе настоятельныхъ требованій, они подвигались впередъ какъ-бы ощупью и, сдѣлавъ

стоялъ маршалъ Ней. Императоръ, выслушавъ ихъ рѣчи, отпустилъ ихъ со словами: „хорошо, я подумаю". Поздно вечеромъ Колинкуръ отважился проникнуть въ кабинетъ императора. Наполеонъ лежалъ на софѣ; подлѣ него стоялъ небольшой столъ, покрытый картами и бумагами. Неподвижные, усталые глаза императора, вся его осанка обнаруживали страшное внутреннее страданіе, полнѣйшую безнадежность и отчаяніе. „Все погибло, восклицаетъ онъ, увидѣвъ Колинкура, напрасно бороться съ судьбою!" И вслѣдъ затѣмъ онъ отдаетъ приказъ отступать къ Лейпцигу.

Приведенную сказку мы находимъ впервые у Фена въ его Manuscrit de l'Anné 1813 г., а затѣмъ еще съ большими подробностями въ подложныхъ мемуарахъ Колинкура. Хотя ни одинъ изъ ближайшихъ источниковъ не упоминаетъ ни слова о мнимомъ бунтѣ въ Дюбенѣ, хотя о немъ не знаютъ ни маршалъ Мармонъ, ни Сенъ-Сиръ, хотя намъ положительно извѣстно, что въ Дюбенѣ, въ день предполагаемаго бунта, не было ни одного маршала, а слѣдовательно и Нея, тѣмъ не менѣе фантазіи Фена и подложнаго Колинкура повторялись и повторяются до самаго послѣдняго времени. Исторію Дюбенской катастрофы мы читаемъ даже въ извѣстномъ сочиненіи Дройзена: Vorlesungen über die Geschichte der Freiheitskriege, и притомъ во второмъ изданіи, вышедшемъ въ 1886 г. (см. Дройзенъ т. II, стр 442). Другіе бонапартистскіе писатели, напр., генералъ Пеле, не рѣшились повторять исторію о бунтѣ и объявили, что только извѣстіе, полученное въ Дюбенѣ Наполеономъ о непонятной измѣнѣ Баваріи, заставило императора отказаться отъ геніальнѣйшаго плана своей жизни. Но и этотъ разсказъ относится къ области чистѣйшаго вымысла, какъ доказалъ это уже Бернгарди. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ зналъ о переговорахъ Баваріи съ Австріею гораздо ранѣе своего прибытія въ Дюбенъ; о самомъ-же заключеніи договора онъ узналъ не въ Дюбенѣ, а гораздо позже 16 октября въ день сраженія при Вахау. Въ дѣйствительности, дѣло происходило такъ, какъ изложено у насъ въ текстѣ. Грандіозный планъ, приписываемый Наполеону, существовалъ лишь въ головѣ Фена и компаніи. Направляясь къ Дюбену, Наполеонъ имѣлъ только въ виду разбить Блюхера; когда-же силезская армія и на этотъ разъ уклонилась отъ него, то онъ рѣшился сосредоточить войска свои подъ Лейпцигомъ. Это послѣднее рѣшеніе вы-

одинъ переходъ, или останавливались на продолжительное время, или-же уклонялись въ сторону [1]).

Всѣ три союзныя арміи оставались на своихъ прежнихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока Блюхеръ не переправился черезъ Эльбу у Эльстера и не увлекъ за собою Бернадота. Громовой ударъ, разразившійся при Вартенбургѣ, истребленіе французскаго корпуса Бертрана, вывелъ Шварценберга изъ неподвижности. Побуждаемый императоромъ Александромъ, который не давалъ ему ни минуты покоя, австрійскій генералиссимусъ разстался, скрѣпя сердце, съ своими богемскими квартирами, гдѣ онъ чувствовалъ себя сравнительно такъ безопасно и удобно, и черепашьимъ ходомъ двинулся въ Саксонію, по направленію къ Лейпцигу. 7-го октября передовые отряды богемской арміи достигли Цвикау и Альтенбурга. Непріятель отступалъ повсемѣстно, но Шварценбергъ вовсе не думалъ тѣснить его. „Въ этой позиціи мы остались-бы навѣрное нѣкоторое время“, писалъ Толль, „при нерѣшимости князя Шварценберга, если-бы извѣстіе о блестящемъ успѣхѣ Блюхера не пробудило князя отъ сна“ [2]).

За пробужденіемъ не послѣдовало, впрочемъ, особенно энергическихъ дѣйствій. Шварценбергъ собирался лишь атаковать непріятельскій авангардъ на слѣдующій день; но пока онъ собирался и составлялъ диспозиціи, французы снялись съ своихъ позицій и подъ покровомъ ночи отошли ближе къ Лейпцигу. Все соединялось между тѣмъ, чтобы побудить союзнаго главнокомандующаго къ болѣе быстрымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Императоръ Александръ, находившійся въ это время еще позади, постоянно возбуждалъ энергію князя Шварценберга и черезъ посредство князя Волконскаго и ге-

---

текло исключительно изъ инициативы самого Наполеона и на него одного падаетъ вся отвѣтственность за послѣдствія. См. подробный разборъ вымысловъ Фена и Пеле у Бернгарди, т. 3, стр. 381—388.

[1]) Таковъ былъ общій характеръ стратегіи кн. Шварценберга и Бернадота и никакія обнародованія съ австрійской стороны, не исключая и знаменитыхъ писемъ Шварценберга къ его „Нанни“ (супруга фельдмаршала), о которыхъ такъ распространяется Шерръ въ своей біографіи Блюхера, не въ состояніи поколебать мнѣнія, вытекающаго изъ самихъ фактовъ.

[2]) См. Бернгарди, достопамятности Толля, т. III, стр. 398.

нерала Толля, [1]) прикомандированнаго къ главной квартирѣ вѣжливо, но настойчиво порицалъ крайнюю медленность и излишнюю методичность операцій богемской арміи. Съ сѣвера пришло извѣстіе, что Наполеонъ идетъ съ главными своими силами на Блюхера и что туда-же направляются корпуса Виктора и Лористона, стоявшіе до сихъ поръ между Лейпцигомъ и Дрезденомъ. Наконецъ, Витгенштейнъ, шедшій во главѣ богемской арміи, доносилъ, что въ Лейпцигѣ и его окрестностяхъ сосредоточено всего лишь 60,000 непріятелей подъ предводительствомъ Мюрата. Шварценбергъ, получивъ всѣ эти внушенія и извѣстія, готовъ былъ, повидимому, воспользоваться столь выгодно сложившимися для него обстоятельствами. На военномъ совѣтѣ, въ замкѣ Августусъбургѣ, главнокомандующій возвѣстилъ своимъ генераламъ, что настало время рѣшительныхъ дѣйствій и что онъ твердо намѣренъ двинуться со всѣми своими силами форсированными маршами къ Лейпцигу. Но энергія и рѣшимость были и на этотъ разъ только на словахъ, а не на дѣлѣ. Правда, князь Шварценбергъ перенесъ на слѣдующій день свою главную квартиру въ Хемницъ, но войска его сдѣлали и въ этотъ день лишь незначительный переходъ. Корпуса Витгенштейна и Клейста заняли Борну, австрійскій корпусъ Кленау вытѣснилъ поляковъ Понятовскаго изъ Пенига [2]), но остальныя войска большой арміи оставались еще далеко позади и никто не могъ предвидѣть, когда достигнутъ наконецъ, при такомъ черепашьемъ способѣ передвиженія, союзныя массы Лейпцигской равнины.

Императоръ Александръ, постоянно увѣдомляемый Толлемъ о каждомъ шагѣ Шварценберга, потерялъ, наконецъ, терпѣніе. Вполнѣ сознавая всю важность какъ можно большаго и скорѣйшаго сосредоточія союзныхъ войскъ подъ Лейпци-

---

[1]) См. между прочимъ, письмо кн. Волконскаго къ Толлю отъ 8-го октября (н. с.) Бернгарди, т. 3, стр. 399.

[2]) „Тутъ мы имѣли случай", замѣчаетъ адъютантъ Толля, „убѣдиться вновь въ оплошности и медленности австрійцевъ. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать живо отступающаго непріятеля, они удовольствовались тѣмъ, что подвинули немного впередъ свои форпосты". См. Бернгарди, т. 3, стр. 402.

гомъ, онъ отдалъ приказаніе генералу Бенингсену, стоявшему во главѣ стотысячной русской резервной арміи, оставить подъ Дрезденомъ 20,000 ополченія для наблюденія за Сенъ-Сиромъ, а самому съ массою войскъ своихъ спѣшить къ Лейпцигу [1]). Отдавъ это приказаніе, Александръ немедленно-же выѣхалъ въ Хемницъ, разсчитывая лично вліять на князя въ эти важнѣйшія минуты похода. Одновременно съ прибытіемъ императора въ главной квартирѣ получены были извѣстія, что Блюхеръ стоитъ у Дюбена; а Бернадотъ у Авдигаста, что въ Дрезденѣ осталось всего лишь 20,000 непріятельскаго войска, что Наполеонъ можетъ, слѣдовательно, сосредоточить въ короткое время большія массы подъ Лейпцигомъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ Шварценбергъ и его совѣтники рѣшили также двинуть впередъ свои войска, но только не на Лейпцигъ и не на встрѣчу непріятеля, а въ обходъ его праваго крыла. Они предполагали направить богемскую армію влѣво отъ Лейпцига къ Заалѣ и этимъ маневромъ заставить Наполеона отступить безъ боя къ Магдебургу [2]).

Шварценбергъ пытался убѣдить всѣми силами императора Александра въ несомнѣнномъ превосходствѣ своего плана,— и быть можетъ, онъ успѣлъ-бы въ своемъ намѣреніи, если-бы въ дѣло не вмѣшался энергическій генералъ Толль. Едва только сдѣлалась извѣстною диспозиція австрійскаго генеральнаго штаба, какъ Толль, отлично понимая, что Шварценбергъ и Лангенау заботятся лишь о томъ, чтобы избѣгнуть генеральнаго сраженія и не задумываются подвергать, ради этой цѣли, союзную армію опасности быть разбитою по частямъ, поспѣшилъ къ императору Александру и послѣ долгой бесѣды успѣлъ убѣдить его, что необходимо устранить во что-бы то ни стало австрійскій планъ, что теперь или никогда настало время дѣйствовать рѣшительно, не избѣгать, а искать встрѣчи съ непріятелемъ. Императоръ, соглашаясь вполнѣ съ Толлемъ, не желалъ однако-же лично объясняться съ Швар-

---

[1]) Приказаніе Бенингсену исходило отъ Александра, а не отъ Шварценберга. См. Бернгарди, т. 3, стр. 404.

[2]) Подробности см. у Бернгарди, т. 3, стр. 409

ценбергомъ; онъ возложилъ эту важную миссію на самого Толля, но уполномочилъ его притомъ говорить съ главнокомандующимъ отъ имени императора [1]). Само собою понятно, что Толлю было не легко исполнить возложенное на него порученіе. Мы не знаемъ подробностей его объясненій съ Шварценбергомъ, Радецкимъ и Лангенау, но можно сказать положительно, что австрійскіе генералы нелегко поддались на его доводы, что они не съ разу отказались отъ своей излюбленной мысли [2]). Какъ-бы то ни было, но Толль достигъ своей цѣли. Вечеромъ, 13 октября, отмѣнена была прежняя диспозиція Шварценберга и всѣ колонны богемской арміи двинуты были прямо на Лейпцигъ.

Тѣснимый союзными войсками, Мюратъ отступалъ все ближе и ближе къ Лейпцигу. Уже онъ намѣревался очистить совершенно городъ и отойти за Парту, когда пришло извѣстіе, что Наполеонъ приближается со всѣми своими силами къ Лейпцигу. Ободренный этою вѣстью, Мюратъ остановилъ свои войска, и занялъ позицію на небольшихъ высотахъ къ юго-востоку отъ Лейпцига у Либертвольквица. Союзники послѣдовали за нимъ туда, ихъ кавалерія, состоявшая изъ русскихъ и прусскихъ полковъ, немедленно-же атаковала французскіе форпосты. Мюратъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи весьма значительное количество конницы, въ томъ числѣ нѣсколько отборныхъ драгунскихъ полковъ, только что прибывшихъ изъ Испаніи, не могъ устоять противъ искушенія предпринять одну изъ тѣхъ блестящихъ кавалерійскихъ атакъ, до которыхъ онъ былъ такой большой охотникъ.

---

[1]) „Первымъ дѣломъ Толля было отклонить императора отъ этихъ идей и ему удалось убѣдить его, что теперь настало время рѣшительно со всѣми силами идти на Лейпцигъ и вызвать непріятеля на генеральное сраженіе. Это удалось. Но Толль получилъ, какъ узнаемъ мы это изъ неоднократно приводимаго, краткаго, но богатаго содержаніемъ русскаго дневника, отъ своего императора крайне тяжелую задачу. Александръ не хотѣлъ и здѣсь выступить лично, хотя дѣло шло о судьбѣ всего похода, о рѣшеніи высшаго порядка,—и Толлю было поручено уговорить и переубѣдить, именемъ императора, руководящихъ австрійскихъ генераловъ, и этимъ способомъ побудить ихъ къ движенію на Лейпцигъ и къ сраженію". Бернгарди, т. 3, стр. 409.

[2]) Такъ думаетъ и Бернгарди, см. т. 3, стр. 410.

Французскіе драгуны, желая отличиться передъ глазами зятя Наполеона, съ энтузіазмомъ бросились впередъ, но они встрѣтили энергическій отпоръ со стороны русскихъ и прусскихъ всадниковъ. Мюратъ, терявшій всегда разсудокъ при подобныхъ дѣлахъ, горячился страшно. Какъ бѣшеный скакалъ онъ по полю битвы, сбивая съ толку всѣхъ подчиненныхъ генераловъ. Полкъ за полкомъ, бригада за бригадою кидались, по его зову, въ атаку, но и союзники вводили съ своей стороны въ бой все новыя и новыя силы. „Конница съ обѣихъ сторонъ смѣшалась, говоритъ очевидецъ, и въ тѣснотѣ рубилась. Уподобляла битву сію сѣчамъ древнихъ" [1]). Среди страшной свалки и дикаго безпорядка перевѣсъ началъ склоняться, однако, все болѣе и болѣе на сторону союзниковъ. Лошади французскихъ драгунъ, истомленныя долгимъ походомъ, вскорѣ обезсилѣли и могли ходить въ атаку только шагомъ. Пруссаки и русскіе, располагавшіе добрыми и свѣжими конями, тѣснили все съ большею энергіею своихъ противниковъ и принудили ихъ наконецъ отойти къ самому Либертвольквицу подъ защиту пѣхоты и артиллеріи. Было уже темно и густой туманъ подымался съ сосѣднихъ болотъ и рѣчекъ, когда окончилась эта безцѣльная свалка [2]).

На другой день, 15 октября, императоръ Александръ, князь Шварценбергъ и ихъ свита въѣхали на холмъ близъ Гюльденъ-Госсы, откуда открывался видъ на Лейпцигъ и его окрестности. Передъ ними растилалась безконечная на первый взглядъ почти гладкая равнина. На десятки верстъ уходила она вдаль и сливалась, подъ конецъ, съ краями горизонта. Верстахъ въ десяти, двѣнадцати отъ города виднѣлась обширная роща, такъ называемый Университетскій лѣсъ. Все пространство къ юго-востоку отъ города казалось совершенно безлѣснымъ и открытымъ, но оно пересѣкалось во многихъ мѣстахъ небольшими рѣчками и канавами, а незначи-

---

[1]) См. записки Н. Н. Муравьева. „Русскій архивъ"; 1886 г. кн. 1, стр. 39.

[2]) Мюратъ приписывалъ себѣ побѣду въ этой дракѣ, хотя онъ потерялъ цѣлую треть людей и лошадей и принужденъ былъ отступить. Союзники взяли кромѣ того въ плѣнъ 500 человѣкъ.

тельныя возвышенности, почти что незамѣтныя для простого глаза, тянулись по немъ въ разныхъ направленіяхъ и представляли позиціи, удобныя для обороны. Къ западу и сѣверо-западу отъ города характеръ равнины совершенно измѣнялся. Тутъ протекали рѣчки Эльстеръ и Плейссе; раздѣляясь на безчисленные рукава, онѣ образовывали топкую непроходимую низину, заросшую почти сплошь кустарникомъ, камышами, а мѣстами и лѣсомъ. Лишь одна мощенная дорога вилась по этой болотистой, недоступной для войскъ низменности, направляясь изъ Лейпцига къ мѣстечку Линденау. Наконецъ, къ сѣверо-востоку отъ города тянулось обширное Брейтенфельдское поле, на которомъ мѣрялись когда-то своими силами герои тридцатилѣтней войны, Густавъ-Адольфъ и Тилли. Окрестности Лейпцига заселены были и тогда уже довольно значительно. Во всѣхъ направленіяхъ виднѣлись обширныя селенія и менѣе значительныя деревушки, нерѣдко съ каменными домами и оградами, обширными садами и огородами.—На югѣ, ближе къ союзникамъ, лежали селенія Марклеебергъ, Вахау, Либертвольквицъ, Гольцгаузенъ; за ними, такъ сказать во второй линіи, виднѣлись Цукельгаузенъ и Наумансдорфъ, еще дальше ближе къ Лейпцигу расположено было весьма удобное для защиты селеніе Пробстгайда.—Къ сѣверо-востоку отъ Лейпцига находилось мѣстечко Мёкернъ [1]); тогда какъ важнѣйшими пунктами на западѣ среди болотъ и низинъ Эльстера и Плейссе были: Конневицъ къ юго-западу отъ города и Линденау на западъ отъ него [2])

Весь слѣдующій день, 15-го октября, прошелъ въ приготовленіяхъ обѣихъ сторонъ къ рѣшительному бою. Импера-

---

[1]) Вблизи его протекала рѣчка Парта, впадающая въ Плейссе; хотя на ней было много бродовъ, однако-же и она могла служить хорошимъ прикрытіемъ для арміи.

[2]) Въ настоящее время окрестности Лейпцига сильно измѣнились вслѣдствіе постройки многочисленныхъ желѣзныхъ дорогъ. Лучшее и подробнѣйшее описаніе поля битвы находимъ у Астера, который посвятилъ, какъ извѣстно, цѣлыхъ два большихъ тома описанію Лейпцигскаго боя. См. также замѣтки у Бернгарди, Богдановича, Плото и другихъ.

торъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Дюбена 14-го числа рано утромъ и уже къ полудню прибылъ въ Лейпцигъ. Немедленно объѣхалъ онъ весь городъ, сдѣлалъ распоряженія для защиты предмѣстій, а затѣмъ, выѣхавъ въ поле, наблюдалъ съ вурценской дороги за ходомъ кавалерійскаго боя у Либертвольквица и лишь при наступленіи темноты расположился на ночлегъ въ деревушкѣ Рейдницѣ. На видъ императоръ былъ совершенно спокоенъ; старая, обычная самоувѣренность просвѣчивала во всѣхъ его словахъ и распоряженіяхъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что ни Блюхеръ, ни Бернадотъ не успѣютъ принять участіе въ дѣлѣ, что ему прійдется сражаться съ одною богемскою арміею, а потому и не сомнѣвался въ побѣдѣ. Онъ рѣшился расположить свои войска къ юго-востоку отъ Лейпцига на линіи Марклеебергъ-Гольцгаузенъ, обойти правое крыло союзниковъ у Гольцгаузена и отбросить всю ихъ армію къ Плейссѣ. Сообразно съ такою цѣлью, французскія войска заняли въ теченіи 15-го октября слѣдующія позиціи. На правомъ крылѣ отъ Маклееберга до Либертвольквица стали корпуса Понятовскаго, Виктора и Лористона; сзади ихъ расположились во второй линіи гвардія, корпусъ Ожеро и кавалерія Летуръ-Мобура и Коллермана. Войска Макдональда и Себастіани, назначенныя для обхода праваго крыла союзниковъ, стали у Гольцгаузена. На сѣверной сторонѣ Лейпцига стояли войска Мармона; но уже утромъ 15-го числа Мармонъ получилъ приказаніе двинуться на югъ и расположиться тремя колоннами между Лейпцигомъ и Либертвольквицомъ. Мѣсто его на сѣверной сторонѣ Лейпцига должны были занять корпуса Нея и Сугама. Имъ поручено было наблюдать за дорогою на Галле, откуда можно было опасаться появленія силезской арміи. Что-же касается до западныхъ окраинъ Лейпцига, до такихъ важныхъ пунктовъ, какъ Конневицъ и Линденау, то они были заняты лишь незначительными отрядами [1]).

Весь планъ Наполеона построенъ былъ на томъ предпо-

---

[1]) О расположеніи войскъ Наполеона и о его планахъ см. въ особенности: „Napoleon als Feldherr“, т. II, стр. 314.

ложеніи, что войска Блюхера, а тѣмъ болѣе Бернадота ни коимъ образомъ не успѣютъ подойти къ Лейпцигу въ теченіи 15 числа. Привыкнувъ представлять себѣ положеніе дѣлъ не въ томъ видѣ, каково оно было въ дѣйствительности, а такъ, какъ оно было желательно для него, императоръ не хотѣлъ слышать никакихъ предостереженій. А недостатка въ предостереженіяхъ не было. Все показывало, что гроза собирается съ нѣсколькихъ сторонъ, что непріятели собираются атаковать Лейпцигъ не только съ юга, но и съ сѣвера. Въ полдень прибѣжали нѣсколько французскихъ саперовъ въ лагерь Мармона изъ Галле. Они разсказывали, что большія непріятельскія массы двигаются по дорогѣ къ Лейпцигу [1]). Вслѣдъ за тѣмъ, передъ позиціями Мармона начали показываться сначала кавалерія и артиллерія, а затѣмъ и пѣхотные отряды. Наступила ночь. Томимый страшными предчувствіями, маршалъ взобрался на колокольню въ селеніи Линдентамъ. Поразительное зрѣлище открылось передъ нимъ. Весь сѣверный горизонтъ залитъ былъ яркимъ заревомъ. Десятки тысячъ бивуачныхъ костровъ пылали на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Все указывало на присутствіе многочисленной арміи. Поспѣшно отправилъ Мармонъ гонцевъ къ Наполеону. Онъ увѣдомлялъ императора, что онъ имѣетъ передъ собою сильнаго непріятеля, по всей вѣроятности соединенныя силезскую и сѣверную арміи, что въ виду этого, онъ не можетъ оставить свои позиціи у Линденталя и Мёкерна, а напротивъ нуждается въ подкрѣпленіяхъ [2]). Всю ночь ожидалъ маршалъ отвѣта Наполеона, но только въ 8 часовъ утра 16 октября прибылъ съ письмомъ ординарецъ императора, Лавенанъ. Мармонъ прочелъ письмо и ужаснулся. Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить ему; онъ намѣренно закрывалъ глаза передъ страшною истиною. Онъ относился съ критикою и даже съ ироніею ко всѣмъ донесеніямъ и заключе-

---

[1]) Маршалъ Мармонъ прямо говоритъ, что саперы разсказывали ему о движеніи къ Лейпцигу соединенныхъ силезской и сѣверной армій, что было впрочемъ не совсѣмъ вѣрно. См. Marmont Memoires, т. 5, стр. 279.

[2]) Мармонъ требовалъ въ помощь себѣ треть его корпуса. См. Мемуары, т. 5, стр. 280.

ніямъ маршала [1]). „Вы находитесь въ полнѣйшемъ заблужденіи“, писалъ онъ ему; „передъ вами нѣтъ никого, вы должны немедленно-же исполнить мое приказаніе и занять мѣсто, назначенное вамъ къ югу отъ Лейпцига“.

Донесенія Мармона были совершенно вѣрны, но лишь на половину. Онъ дѣйствительно имѣлъ передъ собою всю армію Блюхера, но что касается до сѣверной арміи, то она была еще далеко позади. Хвастливый, коварный гасконецъ сыгралъ въ этотъ день самую дурную шутку съ своими союзниками. Несмотря на всѣ просьбы Блюхера и на настойчивыя требованія англійскаго уполномоченнаго сэра Чарльза Стюарта, Бернадотъ провелъ въ бездѣйствіи цѣлыхъ два дня у Кётена. Только утромъ 15 октября онъ выступилъ по дорогѣ къ Лейпцигу, но пройдя двѣ съ половиною мили, остановился вновь у Петерсберга и объявилъ, что его утомленныя войска нуждаются по крайней мѣрѣ въ однодневномъ отдыхѣ. Бернадотъ настоялъ на этой дневкѣ, несмотря на громкій ропотъ собственныхъ войскъ и такимъ образомъ благополучно избѣгъ всякаго участія въ сраженіи 16 октября [2]).

Если Бернадотъ намѣренно опоздалъ къ Лейпцигу, то Беннигсенъ, несмотря на всѣ свои усилія, также не могъ поспѣть во-время на поле битвы. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, союзники не могли располагать въ первый день Лейпцигскаго боя всѣми своими силами; на ихъ сторонѣ не было даже численнаго превосходства. Они могли ввести въ дѣло всего лишь 193,000 ч. (въ томъ числѣ 38,000 всадниковъ) и 750 орудій, тогда какъ императоръ французовъ могъ противоставить имъ 190,000 ч. (въ томъ числѣ 33,500 всадниковъ) и 700 орудій. Но этого мало. Австрійскій штабъ, съ хитроумнымъ Лангенау во главѣ, постарался распредѣлить союзныя войска такимъ образомъ, что значительная часть ихъ вовсе не могла дѣйствовать на главномъ

---

[1]) Jl critiquait tous mes rapports et leurs conclusions. Jl pretendait que j'etais dans une erreur complete. Je navais disait—il, personne de vantmoi“. Текстъ письма Наполеона см. Memoires, т. 5, стр. 280.

[2]) Подробности объ интригахъ и движеніи Бернадота см. у Бернгарди т. 3, стр. 414—415.

театрѣ сраженія и была направлена въ такія мѣста, гдѣ она не могла принести никакой пользы. Первоначальная диспозиція [1]) князя Шварценберга на роковой день 16 октября оставляла далеко позади по своей нелѣпости и полнѣйшей несообразности всѣ предъидущія произведенія австрійскихъ стратеговъ, не исключая бездарныхъ выдумокъ Вейротера, Макка и компаніи. Австрійскій главнокомандующій остановился на безсмысленной идеѣ атаковать Лейпцигъ съ западной, т. е. положительно неприступной стороны; онъ задумалъ направить главную часть союзной арміи, въ томъ числѣ русско-прусскую гвардію, въ болотистый треугольникъ между Эльстеромъ и Плейссою, переправиться черезъ болото подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля и форсировать затѣмъ неприступные дефилеи у Линденау и Конневица. Къ востоку отъ Плейссы на линіи Марклееберrъ - Вахау - Либертвольквицъ—главнокомандующій предполагалъ оставить лишь небольшую часть союзныхъ силъ, другими словами, онъ дѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы облегчить исполненіе плана, задуманнаго Наполеономъ [2]).

Толль, находившійся неотлучно при князѣ Шварценбергѣ, пришелъ въ ужасъ, когда ему сообщили австрійскую диспозицію, но всѣ его попытки разубѣдить главнокомандующаго остались тщетными [3]). Тогда русскій генералъ прибѣгъ къ послѣднему средству; онъ поспѣшилъ къ императору Александру и умолялъ его сломить во что-бы то ни стало упрямство Шварценберга и тѣмъ спасти союзную армію отъ неизбѣжной катастрофы. Императоръ немедленно же послалъ за княземъ. Шварценбергъ явился въ сопровожденіи Радецкаго и Лангенау, но— о чудо! онъ не хотѣлъ слышать на этотъ разъ ни о какихъ измѣненіяхъ своей диспозиціи. Прежній мягкій уступчивый дипломатъ и кавалеръ былъ положительно неузнаваемъ. Ничто не дѣйствовало на него: ни

---

[1]) См. текстъ диспозиціи у Бернгарди, т. 3, стр. 420—422.

[2]) Шварценбергъ удалялъ массы войска именно съ той части поля битвы, гдѣ должно было воспослѣдовать обходное движеніе Наполеона.

[3]) „Все напрасно! Шварценбергъ и Лангенау остались глухи ко всѣмъ доводамъ". Бернгарди. Достопамятности Толля, т. III, стр. 423.

доводы, ни доказательства, ни просьбы, ни даже столь обязательныя для него въ иныхъ случаяхъ желанія императора. Александръ потерялъ наконецъ терпѣніе. „Ну хорошо, господинъ фельдмаршалъ“, сказалъ онъ не безъ горечи Шварценбергу, „такъ какъ вы настаиваете на вашемъ мнѣніи, то дѣлайте все, что вамъ угодно съ австрійскою арміею; что же касается до русскихъ войскъ подъ начальствомъ великаго князя Константина и Барклая, то они перейдутъ на правый берегъ Плейссы, гдѣ они и должны быть, а не на какомъ либо другомъ мѣстѣ“ [1]).

Шварценбергъ понялъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко. Пораженный непривычнымъ для него тономъ императора, онъ объявилъ, что воля императора будетъ исполнена, и что русско-прусская гвардія будетъ переведена на правый берегъ Плейссы. Но дѣлая эту уступку, Шварценбергъ вовсе не думалъ, однакоже, отказываться отъ основной идеи своего плана. Главная масса австрійскихъ войскъ распредѣлена была согласно первоначальной диспозиціи. 20,000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Гіулая направлены были противъ Линденау, тогда какъ 30,000, подъ начальствомъ генерала Меерфельдта, должны были форсировать неприступный конневицкій дефилей. Русско-прусская гвардія переведена была дѣйствительно на правый берегъ Плейссы, но оставлена у Реты, близь самой рѣки, вдали отъ поля битвы при Вахау. Такъ какъ изъ остальныхъ союзныхъ войскъ 10,000 русскихъ гренадеровъ и кирасировъ оставлены были въ резервѣ, а весь австрійскій корпусъ Кленау (22,000 человѣкъ) былъ направленъ въ обходъ Либертвольквица, то для атаки главныхъ непріятельскихъ позицій у Марклееберга-Вахау, занятыхъ сто тысячами французскихъ войскъ, осталось всего лишь 30,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на три слабыхъ корпуса, изъ нихъ одинъ прусскій подъ начальствомъ генерала Клейста и два русскихъ подъ предводительствомъ герцога Евгенія Виртембергскаго и князя Горчакова [2])

---

[1]) См. Бернгарди, т. 3, стр. 424, Богдановичъ, т. 4, стр. 267.

[2]) См. Бернгарди, т. 3, стр. 425—427.

Рано утромъ 16-го октября императоръ Александръ выѣхалъ на возвышенный холмъ у Гюльденъ-Госсы. Онъ могъ ясно различать отсюда и непріятельскія позиціи и наступленіе союзныхъ колоннъ, предназначенныхъ къ атакѣ. Непріятельскія массы произвели на него импонирующее, почти подавляющее впечатлѣніе. Онъ видѣлъ, что всѣ холмы между Маклеебергомъ и Вахау были унизаны многочисленными батареями, что за ними стояли сплошными колоссальными массами непріятельскія колонны. Съ другой стороны императору казалось, что союзныя войска, назначенныя для взятія этихъ страшныхъ позицій, были малочисленны, почти ничтожны. Сердце императора наполнилось самыми мрачными предчувствіями. „Можетъ-ли удаться эта атака", спросилъ онъ своего адъютапта Вольцогена. Вольцогенъ отвѣчалъ отрицательно. Тогда императоръ немедленно-же послалъ приказъ русско-прусской гвардіи двинуться къ Вахау, а къ князю Шварценбергу отправилъ Вольцогена съ просьбою перевести на правый берегъ Плейссы австрійскіе резервы [1]).

Сраженіе 16 октября началось почти одновременно на четырехъ различныхъ поляхъ битвъ. Съ сѣвера наступила на позиціи Мармона силезская армія подъ начальствомъ Блюхера; съ запада австрійскій корпусъ Гіулая повелъ атаку на Линденау; съ юго-запада колонны генерала Меерфельдта двинулись на Конневицъ, тогда какъ русско-прусскія войска, бывшія подъ общимъ начальствомъ Витгенштейна, бросились на главныя позиціи Наполеона у Вахау. Совершенно неожиданная для французовъ атака Блюхера имѣла спасительное значеніе для союзниковъ. Она разстроила всѣ планы императора французовъ, она парализовала его руку, готовую нанести рѣшительный ударъ богемской арміи. Никогда еще въ теченіи всей этой страшной войны мужество и ожесточеніе противниковъ не доходило до такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ на этой сѣверной части лейпцигскаго поля, какъ въ этой битвѣ при Мёкернѣ между войсками Блюхера и Мармона. Главное нападеніе произведено было прусскимъ кор-

[1]) Wolzogen, Memoiren. 212—218.

пусомъ Іорка. „Никогда еще не испытывалъ я ничего подобнаго, пишетъ маршалъ Мармонъ. Наши и непріятельскія войска сошлись такъ близко и оставались столь долго въ этой близи, что никогда еще подобное зрѣлище не представлялось моимъ глазамъ“ [1]). Пруссаки потеряли всѣхъ своихъ баталіонныхъ командировъ, большую часть офицеровъ и половину всѣхъ людей, но несмотря на это шли впередъ. Подъ страшнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей они ворвались въ селеніе Мёкернъ и, раздѣлившись на отряды по 30 и 40 въ каждомъ, начали штурмовать дома, занятые французами, при чемъ безпощадно истребляли непріятелей штыками и прикладами. Наконецъ, послѣ страшныхъ усилій и невѣроятнаго кровопролитія французы принуждены были очистить селеніе. Тогда, не теряя ни минуты времени, войска Іорка, поддержанныя нѣсколькими русскими батареями, бросились вслѣдъ за отступающимъ непріятелемъ. Французы построились въ каре и пытались всѣми силами остановить яростный натискъ союзниковъ. Все напрасно. Всѣ ихъ каре были прорваны и разсѣяны; сбитые на всѣхъ пунктахъ, они принуждены были бѣжать въ полномъ разстройствѣ къ самымъ предмѣстьямъ Лейпцига. Побѣда силезской арміи была полная. Одинъ орелъ, три знамени, 53 орудія, 2,000 плѣнныхъ достались въ руки союзниковъ. Потери обѣихъ сторонъ были ужасны. 13,000 убитыхъ и раненыхъ лежали грудами въ Мёкернѣ и окрестъ его [2]).

Въ то время, когда войска Блюхера покрывали себя новою безсмертною славою на кровавомъ Мёкернскомъ полѣ, дѣла на поляхъ битвъ къ западу и югу отъ Лейпцига приняли оборотъ крайне неблагопріятный для союзниковъ. Ата-

---

[1]) Marmont, Memoires, т. 5, стр. 286.

[2]) Подробности сраженія при Мёкернѣ см. въ особенности у Дройзена — жизнь Іорка, т. 2, стр. 193 — 223. Мармонъ даетъ также подробный разсказъ въ своихъ мемуарахъ, но онъ видимо старается выгородить себя и свои войска и уменьшить значеніе побѣды союзниковъ. Такъ онъ утверждаетъ, что войска его принуждены были отступить вслѣдствіе неожиданнаго взрыва четырехъ пороховыхъ ящиковъ. Кромѣ того, онъ говоритъ, что французы потеряли только половину поля битвы и очень мало плѣнныхъ. Въ дѣйствительности французы потеряли все поле битвы и у нихъ было взято 2,000 человѣкъ плѣнныхъ.

ки австрійцевъ на Линденау и Конневицъ ведены были крайне не искусно, и кончились, какъ и слѣдовало ожидать, самымъ неудачнымъ и постыднымъ образомъ. Гіулай пропустилъ удобное время для нападенія на Линденау, раннее утро, когда мѣстечко было занято всего лишь четырьмя непріятельскими баталіонами. Когда же въ 10 ч. утра онъ двинулъ наконецъ впередъ свои войска, то Линденау было уже занято цѣлымъ корпусомъ Бертрана, состоявшимъ изъ 10,000 ч. Расположенные въ превосходной, почти неприступной позиціи, французы легко отразили всѣ нападенія Гіулая и заставили его отступить съ огромными потерями къ селеніямъ Лейчу и Маркранштдету [1]).

Еще постыднѣе окончилось нападеніе австрійскаго генерала Меерфельдта на Конневицъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ пытался онъ перевести свои войска черезъ рѣчку Плейссу, но его солдаты, встрѣчаемые сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, отказывались идти впередъ. Наконецъ, Меерфельдту удалось перебраться черезъ рѣку по кладкамъ, но всего лишь съ однимъ батальономъ. Едва только выбрался онъ на берегъ, какъ французы окружили его со всѣхъ сторонъ и принудили положить оружіе. Массы австрійскихъ войскъ, столпившіяся на лѣвомъ берегу рѣки, остались равнодушными зрителями этой постыдной для ихъ оружія сцены [2]).

Судьба битвы должна была рѣшиться, однако-же, не здѣсь, въ этихъ второстепенныхъ стычкахъ, а въ центрѣ союзниковъ на линіи Марклеебергъ-Вахау-Либертвольквицъ. Наступленіе союзниковъ на всѣ эти пункты началось еще съ 8 часовъ утра. Корпусъ Клейста, состоявшій изъ однихъ пруссаковъ, атаковалъ Марклееебергъ; герцогъ Евгеній съ своимъ вторымъ армейскимъ корпусомъ и прусскою бригадою Клюкса двинулся противъ самого центра непріятельской позиціи у Вахау; князь Горчаковъ съ одною русскою дивизіею и од-

---

[1]) Подробности атаки Гіулая см. Hofmann 274 — 275, Aster т. I, стр. 401—404.

[2]) Даже батальонъ, перебравшійся съ Меерфельдтомъ черезъ рѣку, бѣжалъ обратно и покинулъ своего генерала на произволъ судьбы.

ною прусскою бригадою направился на Либертвольквицъ, тогда какъ австрійскій корпусъ Кленау долженъ былъ поддержать атаку князя Горчакова, со стороны Университетскаго лѣса. Хотя корпусъ Кленау былъ самый многочисленный изъ всѣхъ союзныхъ колоннъ, хотя самъ Кленау былъ человѣкъ неустрашимый, любившій ходить въ бой впереди своихъ войскъ, однако роль, разыгранная австрійцами и на этой части поля сраженія, оказалась ниже всякой критики. Причинами такого явленія были отчасти нераспорядительность и мелочное самолюбіе австрійскихъ генераловъ, отчасти крайне посредственныя боевыя качества цесарскихъ солдатъ. При отрядѣ Кленау находился русскій генералъ Толль, но его разумные и рѣшительные совѣты отклонены были австрійскими генералами. Толль предлагалъ имъ дѣйствовать противъ непріятеля массами и отнюдь не разбрасывать своихъ войскъ, но Кленау и начальникъ штаба его, генералъ Роткирхъ, предпочитали посылать противъ непріятеля батальоны и роты и въ концѣ концовъ потерпѣли постыдное пораженіе [1]).

Совершенно инымъ характеромъ отличалась борьба у Марклееберга и Вахау, гдѣ дѣйствовали небольшіе, но геройскіе отряды русско-прусскихъ войскъ, гдѣ распоряжались такіе вожди безъ страха и упрека, какъ генералъ Клейстъ и герцогъ Евгеній. Въ первый моментъ наступленіе союзниковъ должно было увѣнчаться здѣсь, повидимому, полнымъ успѣхомъ. Русскіе и пруссаки встрѣтили въ Марклеебергѣ и Вахау лишь небольшіе отряды непріятеля и безъ особаго труда вытѣснили ихъ оттуда. Но вдругъ сцена моментально измѣнилась [2]). Многочисленныя непріятельскія колонны, стоявшія въ резервахъ, поспѣшили на помощь къ своимъ отступающимъ отрядамъ. Колоссальная непріятельская артиллерія, скрытая до тѣхъ поръ въ углубленіяхъ, внезапно явилась на высотахъ за селеніями. Противъ одного отряда Евгенія на-

---

[1]) Только неожиданное появленіе казаковъ и Платова спасло австрійцевъ отъ окончательнаго пораженія. Подробности см. у Бернгарди, достопамятности Толля изд. 2-е т. 3, стр. 486—492.

[2]) Schnell veränderte sich jedoch die Scene. Wir hatten den schlafenden Löwen gewekt. Aus dem Leben d. Prinzen Eugen v. Würtemberg. Helldorf. T. II, стр 159.

правлено было около ста непріятельскихъ орудій. Поднялась пальба, подобно которой, говоритъ очевидецъ, не слышали и подъ Бородинымъ. Настоящій градъ ядеръ, картечи и разрывныхъ снарядовъ посыпался на русскихъ и пруссаковъ. „Ярость всѣхъ стихій міра казалось разразилась надъ нами. Громъ гремѣлъ, земля подъ нами тряслась. Со всѣхъ сторонъ сыпались искры, отовсюду летѣли осколки. Дымъ и пламя, кровь и смерть окружали насъ со всѣхъ сторонъ“ [1]). Ужасно было дѣйствіе этой канонады. 17 русскихъ орудій и 6 прусскихъ были подбиты въ самое короткое время. Почти всѣ артиллерійскія лошади были перебиты. Люди валились сотнями. Въ теченіе двухъ часовъ русскіе и пруссаки потеряли двѣ трети своихъ солдатъ. Герцогъ Евгеній, воодушевляя свои войска, ежеминутно подвергался самой страшной опасности. Ядра и гранаты постоянно ложились вокругъ него. Разрывные снаряды убивали и ранили вблизи его десятки людей. Нѣсколько лошадей было убито подъ нимъ. Почти всѣ его адъютанты были убиты, или ранены. Подъ покровомъ этой убійственной стрѣльбы бросились многочисленныя французскія колонны въ атаку селеній, занятыхъ русскими и пруссаками. Подавляя одною своею массою, они вытѣснили союзниковъ изъ Вахау и Марклееберга, но всѣ ихъ попытки продвинуться далѣе встрѣтили самый рѣшительный отпоръ. Войска Евгенія и Клейста утвердились въ кустахъ и рвахъ передъ деревнями и съ неописаннымъ мужествомъ отбивали повторенныя атаки непріятеля. Прикованные къ мѣсту чувствомъ долга и чести, эти геройскіе батальоны быстро таяли въ числѣ, но не уступали непріятелю ни пяди земли. Наполеонъ, лично наблюдавшій за ходомъ боя на этомъ мѣстѣ, понялъ, что теперь настало время для нанесенія рѣшительнаго удара. Поспѣшно собралъ онъ массу конницы и бросилъ ее на изнывающіе батальоны Евгенія. Земля задрожала подъ копытами 8,000 лошадей. Ничто, казалось, не могло противостать страшному натиску французской конницѣ, на половину состоявшей изъ латниковъ. Первые батальо-

---

[1]) Слова Молоствова, адъютанта принца Евгенія, у Гельдорфа, стр. 163.

ны русско-прусской пѣхоты, попавшіе подъ эту бурю, были буквально изрублены и истоптаны, но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что эти батальоны состояли въ моментъ атаки изъ нѣсколькихъ десятковъ, много сотни людей [1]). Дѣло приняло иной оборотъ, когда французскіе всадники очутились лицемъ къ лицу съ фронтами главныхъ боевыхъ колоннъ герцога Евгенія и генерала Клейста. Войска эти, пострадавшія такъ ужасно отъ адской канонады, не дрогнули ни однимъ мускуломъ при видѣ обрушившейся на нихъ тучи всадниковъ. Построившись въ каре, они встрѣтили непріятеля ружейными залпами и штыками, и не колеблясь, отбили всѣ повторенныя яростныя атаки. Тогда французская конница оставила въ покоѣ пѣхоту и ринулась между интервалами ея на союзную артиллерію. Два полка русской гвардейской кавалеріи пытались остановить натискъ французовъ, но были смяты и отброшены въ сторону. Самъ герцогъ Евгеній бросился тогда, во главѣ русскихъ кирасировъ, на непріятеля, но и эта контръ-атака окончилась неудачно. Кирасиры бѣжали въ разсыпную назадъ, а самъ герцогъ, разгоряченная лошадь котораго занесла его въ середину свалки, чуть не попался въ руки французовъ [2]). Миновавъ нашу пѣхоту, отбросивъ конницу, французскіе всадники моментально завладѣли батареями, изрубили артиллеристовъ и сметая все на своемъ пути, понеслись во весь карьеръ къ Гюльденъ-Госскому ручью, какъ-разъ за которымъ на небольшомъ холмѣ между селеніями Гюльденъ-Госсою и Греберномъ находились въ этотъ моментъ: императоръ Александръ, король Фридрихъ Вильгельмъ, князь Шварценбергъ и вся ихъ свита. Вблизи не было никакихъ войскъ за исключеніемъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, составлявшаго личный конвой императора всероссійскаго.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, батальонъ Кременчугскаго полка состоялъ въ моментъ кавалерійской атаки всего лишь изъ одной роты. Батальонъ потерялъ при атакѣ 60 ч. и своего командира, оставшіеся въ живыхъ собрались вновь, а юнкеръ, державшій знамя, сохранилъ его до конца. См. Гельдорфъ, т. II, стр. 165

[2]) См. Helldorf, т. II, стр. 165.

Князь Шварценбергъ, личная храбрость котораго стояла выше всякихъ похвалъ, былъ страшно озадаченъ внезапнымъ появленіемъ непріятельской конницы. Онъ дрожалъ въ этотъ моментъ вовсе не за себя, а за государей. Онъ умолялъ монарховъ оставить какъ можно скорѣе это ужасное мѣсто и удалиться съ поля битвы подъ прикрытіемъ гвардейскихъ казаковъ. И въ самомъ дѣлѣ, опасность была близка и очевидна. Непріятельскіе всадники находились всего лишь въ восьми стахъ шагахъ отъ холма монарховъ; ядра и разрывные снаряды ложились то и дѣло близь самихъ государей и среди ихъ свиты. Но Александръ и Фридрихъ Вильгельмъ далеки были отъ всякой мысли покидать свой опасный постъ. Они хорошо понимали, что это значило подавать сигналъ къ общему бѣгству и способствовать полному торжеству непріятеля. Великодушный Александръ не думалъ въ этотъ моментъ о своей особѣ, а Фридрихъ Вильгельмъ былъ на полѣ битвы прежде всего солдатъ. Зорко слѣдилъ Александръ съ самаго начала за всѣми кровавыми перипетіями боя. Еще утромъ отдалъ онъ приказъ русскимъ гренадерамъ и гвардіи спѣшить на мѣсто боя; тогда же настоялъ онъ предъ Шварценбергомъ, чтобы австрійскіе резервы двинуты были отъ береговъ Плейссы къ Вахау. Теперь императору было извѣстно, что всѣ эти войска уже приближаются къ мѣсту побоища и въ виду этого обстоятельства онъ не задумался бросить на встрѣчу французской кавалеріи свой послѣдній резервъ, гвардейскій казачій полкъ.

По сигналу, поданному самимъ государемъ [1]), казаки смѣло бросились на встрѣчу непріятельской кавалеріи. Пере-

---

[1]) Что приказаніе къ атакѣ дано было самимъ государемъ видно изъ свидѣтельствъ Толля у Бернгарди, (т. 3, стр. 495), Н. Н. Муравьева (Записки, стр. 41). У Богдановича (т. 4, стр. 275) гр. Орловъ-Денисовъ дѣйствуетъ какъ бы по собственной инииціативѣ: „въ этотъ рѣшительный мигъ гр. Орловъ-Денисовъ перевелъ находившійся въ конвоѣ государя лейбъ-казачій полкъ черезъ весьма узкую гать между прудами (передъ Гюльденгоссою находился рядъ прудовъ) и ударилъ во флангъ непріятеля“. Трудно допустить, однако же, чтобы Орловъ-Денисовъ произвелъ атаку помимо воли государя.

скакавъ черезъ узкую плотину у Гюльденъ-Госсы, они съ крикомъ ударили на непріятеля. Французскіе всадники были озадачены внезапнымъ появленіемъ этого новаго врага. Ихъ лошади, утомленныя продолжительною скачкою, не въ состояніи были соперничать съ свѣжими и горячими казацкими конями. Прошло нѣсколько минутъ, какъ уже казаки врубились въ разорванные ряды непріятелей. Поднялась бѣшенная свалка. Русская кавалерія, только что опрокинутая передъ тѣмъ французами, собралась теперь вновь и ударила имъ во флангъ; съ другой стороны непріятельская конница атакована была двумя свѣжими прусскими полками. Сопротивленіе французовъ продолжалось при такихъ обстоятельствахъ очень не долго. Ихъ передніе эскадроны были смяты и опрокинуты на задніе и вскорѣ вся эта стройная масса непріятельской кавалеріи, наводившая еще полъ-часа тому назадъ такой паническій страхъ, превратилась въ безпорядочную толпу, ищущую спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ [1]).

Кризисъ миновалъ. Непоколебимая твердость императора Александра, его моментальная находчивость и рѣшимость вырвали изъ рукъ Наполеона почти вѣрную побѣду. Императоръ французовъ, узнавъ о побѣдоносной атакѣ своей кавалеріи, считалъ сраженіе выиграннымъ. Онъ приказалъ поздравить съ побѣдою саксонскаго короля, онъ велѣлъ звонить въ Лейпцигѣ во всѣ колокола. Намѣреваясь привести союзниковъ въ окончательное разстройство, онъ двинулъ впередъ всю свою пѣхоту. Но было уже поздно. Наступающія французскія колонны были встрѣчены страшнымъ огнемъ союзной артиллеріи. Около ста орудій, сосредоточенныхъ у Гюльденъ-Госсы, осыпали ихъ цѣлымъ градомъ ядеръ, гранатъ и картечи. Подъ покровомъ этой канонады бросились на встрѣчу непріятелю русскіе и австрійскіе резервы. Французы сражались съ отчаяннымъ мужествомъ. Войска

---

[1]) Русская кавалерія, особенно казаки, преслѣдуя разбитаго непріятеля, попали, однакоже, подъ сильный огонь и понесли большія потери. Н. Н. Муравьевъ, записки, стр. 41.

Виктора вытѣснили союзниковъ изъ мызы Ауэнгеймъ; Удино занялъ Кребернъ, Макдональдъ взялъ Кольмбергъ и оттѣснилъ войска Кленау. Но это было послѣднее отчаянное усиліе. Страшная канонада союзниковъ и свѣжія войска, спѣшившія къ нимъ на помощь со всѣхъ сторонъ, склонили судьбу дня окончательно на ихъ сторону. Послѣ ожесточеннѣйшаго боя французскія войска были вынуждены отступать повсемѣстно. Дольше всѣхъ держался маршалъ Викторъ въ мызѣ Ауэнгеймъ, но къ пяти часамъ вечера и онъ вынужденъ былъ отойти къ Вахау, потерявъ большую половину своихъ людей. Короткій осенній день склонился къ вечеру. Густая темнота быстро спускалась на поля и низины, усѣянныя трупами, залитыя кровью. Мало по-малу замолкли послѣдніе выстрѣлы. Только яркое пламя пылающихъ деревень, только стоны и вопли десятковъ тысячъ раненыхъ напоминали собою законченную кровавую работу дня.

Кто-же извлекъ результаты изъ этой ужасной работы, на чьей сторонѣ была побѣда? Наполеонъ приписывалъ себѣ славу и успѣхъ этого дня, и онъ имѣлъ на это свои основанія. Еще разъ показалъ онъ свое превосходство на полѣ битвы. Онъ умѣлъ сосредоточить свои массы тамъ, гдѣ должно было воспослѣдовать рѣшеніе, въ то время, когда союзники разбросали свои; онъ вѣрно опредѣлилъ минуту, когда слѣдовало нанести противнику рѣшительный ударъ. Всѣ атаки союзниковъ были отражены имъ побѣдоносно, но непредвидѣнное имъ наступленіе Блюхера на сѣверную сторону Лейпцига разстроило всѣ его по-истинѣ геніальныя комбинаціи. Это обстоятельство заставило его измѣнить свой первоначальный планъ и побудило его направить свой рѣшительный ударъ на центръ союзниковъ вмѣсто того, чтобы обойти ихъ правый флангъ. Горячій бой, загорѣвшійся съ самаго утра у Мёкерна, не дозволилъ императору французовъ воспользоваться для рѣшительной атаки войсками Мармона и Нея. Силезская армія и ея геройскій вождь оказались и на этотъ разъ самыми опасными врагами непобѣдимаго. Еще разъ и при томъ въ рѣшительнѣйшій моментъ па-

рализовали они его руку, готовившуюся нанести смертельный ударъ противнику [1]).

И такъ Наполеонъ имѣлъ основаніе выдавать себя за побѣдителя и онъ выдавалъ себя таковымъ въ своихъ бюлетеняхъ [2]), но въ тоже время онъ понималъ лучше кого либо другаго весь смыслъ и все роковое значеніе подобной побѣды. Въ этотъ день онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои силы и на сторонѣ его противниковъ не было превосходства числа,— и однако же, ему не удалось сбить непріятелей съ ихъ позицій, онъ принужденъ былъ ограничиться однимъ отраженіемъ ихъ атакъ. Что же должно было воспослѣдовать завтра и послѣ завтра? Наполеонъ зналъ, что союзники ожидали съ часу на-часъ прибытія двухъ цѣлыхъ армій, что они должны были усилиться на 120,000 человѣкъ, тогда какъ онъ самъ поставилъ уже на карту свои послѣдніе резервы и не могъ ждать подкрѣпленій ни откуда. Что же оставалось дѣлать при такихъ обстоятельствахъ? Отступать и при томъ какъ можно скорѣе за линію Заалы,—вотъ исходъ единственно возможный для полководца Наполеона,— но съ этимъ спасительнымъ исходомъ ни какъ не могъ согласиться Наполеонъ политикъ, Наполеонъ властелинъ. Какъ прежде подъ Дюбеномъ и Дрезденомъ, такъ и теперь подъ Лейпцигомъ, политикъ оказался въ Наполеонѣ сильнѣе полководца. У него вдругъ мелькнула мысль, мысль сама по себѣ безумная, вступить въ переговоры съ непріятелемъ, затянуть время, разстроить интересы противниковъ и заключить съ ними перемиріе. Онъ старался убѣдить себя, что сама судьба указываетъ ему на этотъ спасительный исходъ, что она отдала уже въ его руки лице, на которое онъ можетъ возложить задуманную имъ мирную миссію. Колебанія Наполеона продолжались и на этотъ разъ довольно долго. Мгновенія и минуты были дороги для него, а онъ терялъ

[1]) Наполеонъ обнаружилъ въ этотъ день всѣ великія качества истиннаго полководца въ полномъ ихъ блескѣ; но было уже поздно, онъ былъ уже не въ состояніи отвратить свою судьбу. Napoleon als Feldherr, т. II, стр. 318.

[2]) См. бюлетень великой арміи отъ 16 октября. Correspondance de Napoleon, т. 26, стр. 426—429.

цѣлые часы то въ одинокомъ раздумьи, то въ безплодныхъ бесѣдахъ и совѣщаніяхъ съ своими приближенными. Еще вечеромъ императоръ приказалъ привести къ своему бивуаку плѣннаго австрійскаго генерала Меерфельдта. Онъ разговаривалъ съ нимъ очень долго и очень любезно, но наконецъ отпустилъ его, не упомянувъ ни однимъ словомъ о своемъ намѣреніи [1]). Только въ два часа ночи императоръ пришелъ къ окончательному рѣшенію. Онъ вновь призвалъ къ себѣ плѣнника, объявилъ ему, что освобождаетъ его на честное слово и желаетъ дать ему важное порученіе къ императору Францу. Вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ вдругъ заговорилъ о мирѣ. Австрія, замѣтилъ онъ, упустила въ Прагѣ случай стать во главѣ Европы; для этого ей стоило лишь заключить союзъ съ Франціею. Вина въ этомъ падаетъ не столько на Австрію, сколько на Англію. Она одна не желала мира и не желаетъ его и теперь. Англія превратила Россію въ свое покорное орудіе. Англичане сожгли Москву, чтобы помѣшать миру, лежавшему и въ интересахъ Россіи и въ интересахъ Франціи. А теперь? Англія взяла на свое жалованье всю Европу, чтобы погубить Францію и упрочить свое міровое владычество. Но есть еще возможность разстроить эти планы. Онъ, Наполеонъ, готовъ заключить миръ на континентѣ; онъ, побѣдитель, великодушно протягиваетъ свою руку побѣжденнымъ и предлагаетъ имъ самыя выгодныя условія. Онъ согласенъ пожертвовать Польшею,—отечествомъ тѣхъ поляковъ, которые сражаются и умираютъ и теперь подъ его знаменами. Онъ готовъ отречься отъ Испаніи и отъ Иллирійскихъ провинцій. Онъ отдастъ даже Ганноверъ и Ганзейскіе города, но подъ условіемъ, чтобы Англія возвратила захваченныя ею французскія колоніи.—„Но союзники не удовлетворятся этими уступками, замѣтилъ Меерфельдтъ. Они потребуютъ кромѣ того независимости Голландіи, уничтоженія Рейнскаго союза“. „Я не могу отказаться отъ Голландіи, возразилъ Наполеонъ съ живостью;

---

[1]) См. подробный разсказъ самого Меерфельдта у Бернгарди, т. III, приложеніе XII, стр. 612—615.

ея независимость будетъ лишь номинальная; англичане наложатъ на нее свои руки [1]). Что же касается до моего протектората въ Германіи, до Рейнскаго союза,—то это для меня вопросъ чести. Я не могу отказаться отъ моихъ союзниковъ“ [2]). „Но большинство рейнскихъ князей уже перешли на нашу сторону, а другіе готовятся сдѣлать то-же самое“, замѣтилъ Меерфельдтъ. „Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до оставившихъ меня“, отвѣчалъ Наполеонъ. „Я говорю о тѣхъ, кои пребываютъ въ вѣрности ко мнѣ“ [3]).—„И такъ, миръ кажется возможенъ“, сказалъ Меерфельдтъ. „Да“, возразилъ Наполеонъ, „пришлите ко мнѣ лице, которому я могъ бы довѣриться, и мы сойдемся. Меня обвиняютъ, что я всегда предлагаю только перемиріе; я не предлагаю его теперь; но согласитесь, что человѣчество выиграло бы отъ него много. Если хотятъ, я могу отойти за Заалу, русскіе и пруссаки отойдутъ за Эльбу, а вы расположитесь въ Богеміи; несчастная же Саксонія, пострадавшая такъ страшно, останется нейтральною“ [4]).

Наполеонъ высказалъ, наконецъ, свою затаенную мысль. Ему вовсе не нужно было мира, онъ добивался только перемирія, которое дало бы ему возможность отвести спокойно войска свои за Заалу, собраться съ новыми силами и начать затѣмъ старую игру. Меерфельдтъ далъ ему тотчасъ же понять, что союзники едва ли согласятся на подобное

---

[1]) Oh! elle ne exisistera pas; elle ne respecterait pas les pavillons; la Hollande isolée serait sous la dependance d'Anglettere.

[2]) Il y a des choses aux quelles mon honneur tient, et dont surtout dans ma position je ne saurais me departir; par exemple le protectorat de l'Allemagne.

[3]) Oh, ceux qui ne veulent pas de ma protection, je les abandonne; mais l'honneur ne me permet pas de me departir de le qualitè de protecteur pour les restants.

[4]) „On m'aceuse de proposer toujours des armistices; je n'en prepose donc pas; mais vous conviendrez que l'humanite y gagnerait beaucoup; si l'on veut, je me placerai derriere la Saale; les Russes et les Prussiens derriere l'Elbe vous en Boheme, et la pauvre Saxe qui a tant souffert, resterait neutre“ Саксонія, о которой Наполеонъ выражается такъ трогательно, въ данномъ случаѣ была та самая страна, которую онъ приказалъ обратить въ пустыню, отступая къ Лейпцигу.

предложеніе, что, разсчитывая на превосходство своихъ силъ, они надѣются еще этою осенью отбросить Наполеона за Рейнъ. „Они могутъ сдѣлать это лишь въ томъ случаѣ, если я проиграю сраженіе, чего пока еще не случилось“ возразилъ Наполеонъ [1]). Бесѣда приближалася къ концу. Напо-

[1]) Таковъ былъ дѣйствительный ходъ бесѣды Наполеона съ Меерфельдтомъ; что-же сдѣлали изъ нея бонапартистскіе авторы, главнымъ образомъ, Фенъ? Они воспользовались этимъ случаемъ, чтобы выставить своего героя въ совершенно новой для него роли, великодушнаго миротворца. Одержавъ побѣду при Вахау, разсказываетъ Фенъ, императоръ рѣшается предложить миръ союзникамъ. Онъ высказываетъ эту мысль въ кругу своихъ генераловъ и офицеровъ своего штаба въ интимной бесѣдѣ послѣ ужина и приказываетъ позвать затѣмъ Меерфельдта. Онъ объясняетъ ему свои условія мира, условія, поражающія своимъ великодушіемъ. Онъ отказывается отъ Польши, Рейнскаго союза, Илиріи, Голландіи, Испаніи; для Итальянскаго королевства онъ требуетъ лишь одной независимости и территоріальной цѣлости. Онъ обязывается немедленно-же очистить Германію и отойти за Рейнъ. Императоръ идетъ до послѣднихъ предѣловъ уступчивости; союзники должны принять его условія, если они дѣйствительно заинтересованы благомъ Европы. Наполеонъ вѣритъ въ святость родственныхъ связей. Всего болѣе надеждъ возлагаетъ онъ на императора австрійскаго; безсердечный тесть немыслимъ для его теплой, искренней души; онъ не хочетъ вѣрить въ существованіе подобнаго феномена. Но императоръ становится на болѣе возвышенную точку зрѣнія. Его предусмотрительная мудрость проникаетъ въ темное будущее. Зачѣмъ стремятся ослабить Францію? Не отъ нея, а съ востока грозитъ величайшая опасность независимости и цивилизаціи Европы. Францiя, Австрія, Пруссія, соединившись вмѣстѣ, едва-ли будутъ въ состояніи остановить на берегахъ Вислы полукочевой народъ, русскихъ, положить предѣлъ Россіи, государству завоевательному по самой своей сущности.

По этому поводу, Бернгарди замѣчаетъ слѣдующее: и Наполеонъ не въ состояніи былъ подняться до подобныхъ общихъ воззрѣній. Опасаться завоевательныхъ стремленій Россіи не вошло еще тогда въ моду. Дрожать за европейскую цивилизацію и независимость Наполеону никогда не приходило въ голову. Цивилизація, т. е. идеологія, выражаясь его языкомъ, была ему ненавистна въ глубинѣ души, а что касается до свободы европейскихъ государствъ, то она не имѣла болѣе злаго врага, какъ Наполеона. Дѣйствительная точка зрѣнія Наполеона была совсѣмъ иная. Онъ постоянно оправдывалъ свои захваты враждебною и коварною политикою Англіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь прочесть книгу Биньона, который писалъ исторію по приказанію и въ духѣ Наполеона.

Къ счастію для потомства, Меерфельдтъ записалъ дословно все, что говорилъ ему Наполеонъ и въ его сухой, но правдивой реляціи нѣтъ ни единаго намека ни на великодушныя предложенія императора, ни на его довѣріе къ тестю, ни на его предостереженія по поводу завоевательныхъ стремленій Россіи. Въ разсказѣ Меерфельдта, какъ и у Биньона, все вращается вокругъ Англіи и ея интригъ.

леонъ еще разъ повторилъ Меерфельдту всѣ свои предложенія, онъ вручилъ ему вслѣдъ за тѣмъ собственноручное письмо къ императору Францу и отпустилъ его въ непріятельскій лагерь.

Не трудно было предвидѣть, что миссія Меерфельдта окончится полнѣйшею неудачею, что союзники не дадутъ даже никакого отвѣта на предложенія Наполеона. Они слишкомъ хорошо понимали свои выгоды и твердо намѣрены были продолжать войну. Даже князь Шварценбергъ былъ полонъ столь несвойственною ему рѣшимостью и намѣревался возобновить сраженіе на слѣдующій день. Но императоръ Александръ настоялъ, что необходимо подождать прибытія подкрѣпленій и атаковать затѣмъ непріятеля всѣми силами. Предположено было, такимъ образомъ, держаться оборонительно въ теченіи всего 17 октября и ограничиваться лишь отраженіемъ предполагаемыхъ атакъ Наполеона. Къ общему изумленію, атакъ этихъ, однако-же, не послѣдовало. Французскія массы оставались неподвижными въ теченіи всего дня. Не замѣтно было также никакихъ приготовленій къ отступленію. Такое бездѣйствіе Наполеона казалось союзнымъ вождямъ непонятнымъ, даже загадочнымъ, но загадка разъяснилась, когда прибылъ съ своими порученіями Меерфельдтъ. Его разсказъ и письмо, привезенное имъ, окончательно убѣдили всѣхъ и каждаго въ безвыходномъ, отчаянномъ положеніи Наполеона. Даже императоръ Францъ, даже Меттернихъ, не колеблясь ни минуты, рѣшили, что предложенія Наполеона слѣдуетъ оставить безъ всякаго отвѣта.

Въ теченіи 17 октября прибыли одни за другими всѣ подкрѣпленія, ожидаемыя союзниками. Прежде всего пришелъ австрійскій корпусъ Коллоредо и былъ направленъ на лѣвое крыло [1]). Въ два часа пополудни прибылъ генералъ Бенингсенъ, а вслѣдъ затѣмъ начали подходить массы его арміи. Войска эти расположились на правомъ крылѣ богемской арміи, къ востоку отъ Университетскаго лѣса. Австрій-

[1]) Корпусъ этотъ оставленъ былъ первоначально подъ Дрезденомъ и отозванъ оттуда по иниціативѣ императора Александра.

скій корпусъ Кленау, стоявшій въ этой мѣстности, былъ также подчиненъ Бенингсену. Императоръ Александръ велѣлъ передать ему, что въ честь его, Бенингсена, нападеніе отложено до слѣдующаго дня, годовщины Тарутинскаго боя. Императоръ благодарилъ еще разъ генерала за успѣхъ этого славнаго дня, онъ ожидалъ отъ храбрости Бенингсена не меньшихъ результатовъ и въ предстоящемъ рѣшительномъ сраженіи [1]).

Позже всѣхъ подошла къ Лейпцигу сѣверная армія. Бернадотъ всячески старался избѣгнуть какого-бы то ни было участія въ сраженіи. Онъ двинулся къ Лейпцигу только тогда, когда англійскій уполномоченный Сэръ Чарлзъ Стюартъ объявилъ ему, что въ случаѣ дальнѣйшихъ замедленій, Лондонскій кабинетъ принужденъ будетъ пріостановить уплату субсидій Швеціи [2]). Достигнувъ, наконецъ, вечеромъ Брейтенфельда въ окрестностяхъ Лейпцига, Бернадотъ объявилъ, что такъ какъ Наполеонъ будетъ навѣрное отступать черезъ Тахау и Эйленбургъ на Торгау, то онъ намѣренъ занять въ виду этого позицію на Таухѣ, вправо отъ силезской арміи [3]). Блюхеръ и Гнейзенау тотчасъ-же поняли затаенный смыслъ этого заявленія кронъ-принца; они догадались, что Бернадотъ лишь потому хочетъ стать на Таухѣ, на крайнемъ правомъ крылѣ союзниковъ, чтобы не принимать никакого участія въ сраженіи. На другой день, рано утромъ, произошло рѣзкое объясненіе между кронъ-принцомъ и Блюхеромъ. Бернадотъ началъ развивать свою странную стратегію, онъ говорилъ, что онъ долженъ расположиться позади силезской арміи, дабы прикрывать Берлинъ и ударить во флангъ непріятелю, въ томъ случаѣ если-бы онъ вздумалъ проложить себѣ путь къ Эльбѣ. Въ отвѣтъ на это заявленіе, Блюхеръ разразился такими страшными, чисто гусарскими, ругатель-

---

[1]) Императоръ, разумѣется, не зналъ, что настоящая роль Бенингсена въ Тарутинскомъ сраженіи была далеко не блестящая.

[2]) Сэръ Чарлзъ побужденъ былъ къ этой угрозѣ Гнейзенау. См. Бернгарди, т. III, стр. 447.

[3]) Другими словами, Бернадотъ хотѣлъ оставаться на крайнемъ правомъ крылѣ союзниковъ, гдѣ никто не могъ заставить его принять участіе въ сраженіи.

ствами и проклятіями, что переводчикъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе при ихъ переводѣ [1]). Бернадотъ былъ видимо сконфуженъ, но не истощимый на уловки, онъ все-же хотѣлъ настоять на своемъ. „Хорошо", отвѣчалъ онъ Блюхеру, „я готовъ пренебречь всѣми стратегическими соображеніями, я готовъ пожертвовать собою, но лишь въ томъ случаѣ, если мой братъ по оружію уступитъ мнѣ на сегодняшній день 30,000 ч. изъ своей арміи; безъ этого подкрѣпленія я не могу предпринять наступленія на лѣвомъ берегу Парты". Бернадотъ былъ твердо увѣренъ, что Блюхеръ уже изъ одного самолюбія не согласится на его требованіе, но онъ плохо зналъ стараго героя. Не колеблясь ни минуты, фельдмаршалъ объявилъ коварному Гасконцу, что онъ отдаетъ ему на сегодня корпусъ Ланжерона, но что онъ самъ будетъ при этихъ войскахъ. Бернадотъ принужденъ былъ согласиться, но его интриги продолжались до самаго послѣдняго момента. Уже пальба поднималась со всѣхъ сторонъ вокругъ Лейпцига, когда адъютантъ кронъ-принца привезъ приказъ Ланжерону идти къ Таухѣ и переправиться тамъ черезъ Парту. Если-бы Ланжеронъ выполнилъ этотъ приказъ, то ему пришлось-бы потерять цѣлыхъ четыре часа въ безполезныхъ и утомительныхъ переходахъ. Но Блюхеръ былъ тутъ на сторожѣ. „Нѣтъ, закричалъ онъ на адъютанта! Это вздоръ или измѣна! Такимъ способомъ мой корпусъ потеряетъ цѣлый день въ переходахъ, и не увидитъ непріятеля. Скажите кронъ-принцу, что Ланжеронъ переправится здѣсь-же, сейчасъ-же черезъ Парту и будетъ ожидать его приказаній у Альтъ-Наундорфа. И затѣмъ баста!" Бернадотъ принужденъ былъ покориться, онъ видѣлъ, что старикъ понялъ его насквозь [2]). Единственно благодаря Блюхеру, сѣверная армія заняла подобающее ей мѣсто въ боевой линіи. Союзники охватывали теперь своими массами отовсюду Лейпцигъ; только на западѣ, у Линденау, гдѣ тянулись узкіе и опасные дефилеи по направленію къ Люцену и

---

[1]) См. Шерръ, Blücher's Leben, т. III, стр. 272.
[2]) См. Шерръ, Blücher's Leben, т. III, стр. 273; Бернгарди, т. III, стр. 506—507

Вейсенфельсу, открывался единственный путь отступленія для Наполеона [1]).

Весь день 17-го октября [2]) прошелъ для Наполеона въ полнѣйшемъ бездѣйствіи и томительномъ ожиданіи. Императоръ отлично сознавалъ, что въ военномъ отношеніи его неподвижность была величайшая ошибка, но онъ давно уже пересталъ быть настоящимъ воиномъ, и всѣ его дѣйствія опредѣлялись не столько стратегическими разсчетами, сколько соображеніями чисто политическаго свойства. Какъ ни обманчивы были надежды, возлагаемыя имъ на мирную миссію Меерфельдта, но все-же онъ цѣпко держался за нихъ, какъ утопающій держится за соломинку. Чтобы не разрушить этой послѣдней надежды, онъ воздерживался отъ всякихъ нападеній на союзниковъ; чтобы не показать, что его предложеніе вызвано было сознаніемъ безсилія и безвыходности его положенія, онъ не рѣшался подать сигналъ къ отступленію. Увлекаемый призрачною надеждою, онъ упорно стоялъ на своихъ позиціяхъ, какъ-бы нарочно выжидая того момента, когда враги сосредоточатъ всѣ свои силы, когда они преградятъ ему послѣдніе пути къ спасенію. Часы проходили за часами, но о Меерфельдтѣ не было ни слуху, ни духу. Еще утромъ пріѣхалъ къ Наполеону Мюратъ. Около получаса прогуливался Наполеонъ съ своимъ зятемъ по плотинѣ стараго высохшаго пруда, на днѣ котораго были разбиты императорскія палатки. Мюратъ былъ оживленъ и болтливъ по обыкновенію; императоръ молчаливъ и сумраченъ. Король неаполитанскій видимо старался развеселить своего повелителя. Съ обычною хвастливостью разсказывалъ онъ ему о блестящей кавалерійской атакѣ предшествовавшаго дня, онъ старался увѣрить Наполеона, что союзники понесли страшныя потери и не рѣшатся возобновить нападеніе. Императоръ относился съ полнѣйшею апатіею ко всей этой

---

[1]) Австрійскіе стратеги намѣренно оставили этотъ путь открытымъ для Наполеона.

[2]) 5-е октября с. с.

болтовнѣ и почти вовсе не возражалъ Мюрату [1]). Наконецъ король неаполитанскій уѣхалъ и Наполеонъ остался одинъ съ своими мрачными мыслями и съ своимъ томительнымъ ожиданіемъ. Его безпокойство, его нетерпѣніе возрастали по мѣрѣ приближенія вечера. Наполеонъ замѣчалъ, что никто изъ его окружающихъ не раздѣляетъ его призрачныхъ надеждъ; онъ видѣлъ вокругъ себя одни мрачныя, встревоженныя лица [2]), онъ слышалъ какъ роковое слово „отступленіе", произносилось шопотомъ даже вблизи его, но онъ молчалъ упорно и все ждалъ и ждалъ. Куда дѣвалась его проницательность? Что сталось съ его геніемъ? Судьбы Божіи совершались надъ нимъ.

Пробило девять часовъ вечера. Глубокая осенняя тьма окутывала окрестности Лейпцига; только одно кровавое пламя бивуачныхъ костровъ бросало свой зловѣщій отблескъ, придавая всѣмъ предметамъ какой-то фантастическій видъ. Послѣдняя надежда исчезла. Враги не удостоили императора даже своимъ отвѣтомъ. Надо было пользоваться послѣдними часами и минутами и начать немедленно отступленіе. И Наполеонъ рѣшился отступать, но его отступленіе не должно было имѣть вида поспѣшности и вынужденности; оно отнюдь не должно было напоминать бѣгства. Онъ намѣревался отвести свои массы не подъ покровомъ ночи, а среди бѣлаго дня; онъ хотѣлъ отходить назадъ шагъ за шагомъ, отражая безъ особаго труда нерѣшительныя и неумѣлыя нападенія союзниковъ. Съ этой цѣлью и роздалъ императоръ свои приказанія. Только одинъ корпусъ Бертрана долженъ былъ выступить на зарѣ изъ Линденау къ Вейсенфельсу и обезпечить дефилеи по пути отступленія великой арміи; всѣ остальныя войска должны были занять въ теченіи ночи вторую оборонительную линію ближе къ Лейпцигу и затѣмъ уже изъ нея отходить постепенно въ теченіе дня, не спѣша и показывая непріятелю грозную готовность къ бою, по направленію къ Линденау. Эта вторая оборонительная линія тяну-

---

[1]) См. Оделебенъ, стр. 385.

[2]) Оделебенъ тамъ-же.

лась отъ Леснига черезъ Пробстъ-гайду къ Цукельгаузену и Гольцгаузену; она была почти вдвое короче линіи Марклееберг-Вахау-Либертвольквицъ, опиралась на нѣсколько густо застроенныхъ деревень и представляла несомнѣнно большія удобства для защиты. Весь планъ отступленія построенъ былъ на странномъ и несбыточномъ предположеніи, что союзники не отважатся на сколько-нибудь серьезныя атаки, что они будутъ созерцать въ благоговѣйномъ молчаніи и полной неподвижности грандіозный маневръ императора. Наполеонъ съумѣлъ убѣдить самого себя, но только себя, въ возможности успѣха подобнаго плана; никто изъ его маршаловъ и генераловъ не раздѣлялъ въ эти дни его непостижимаго самообольщенія.

Вся ночь прошла со стороны французовъ въ передвиженіяхъ на новыя позиціи. Хотя войскамъ пришлось отодвинуться всего лишь верстъ на пять ближе къ Лейпцигу, но само собою понятно, что это отступательное движеніе среди ночной темноты не могло не утомить солдатъ и не повліять тяжелымъ образомъ на ихъ моральное состояніе. И для императора эта ночь была ночью тревоги и не прерывающейся лихорадочной дѣятельности. До двухъ часовъ ночи провелъ онъ въ бесѣдѣ съ своими генералами и въ раздачѣ приказаній. Подкрѣпивъ себя часовымъ отдыхомъ, онъ поспѣшилъ вслѣдъ за тѣмъ въ Рейдницъ, къ сѣверу отъ Лейпцига и имѣлъ тутъ двухъ-часовое совѣщаніе съ маршаломъ Неемъ. Изъ Рейдница императоръ отправился черезъ Лейпцигъ въ Линденау и, отдавъ здѣсь послѣднія распоряженія Бертрану, поспѣшилъ въ Штетерицъ къ востоку отъ Лейпцига, гдѣ расположена была въ резервѣ его гвардія. Было уже восемь часовъ утра и императоръ только что расположился завтракать, когда раздались съ различныхъ сторонъ пушечные выстрѣлы. Еще нѣсколько минутъ и эти выстрѣлы, учащаясь все болѣе и болѣе, перешли, наконецъ, въ непрерывную, потрясающую всю окрестность канонаду [1]. Наполеонъ бросилъ

[1]) Оделебенъ, стр. 387.

завтракъ и поспѣшилъ на такъ называемую глиняную гору позади Пробстъ-гайды.

Страшно—величественное зрѣлище открывалось передъ его глазами. Вдали, охватывая весь горизонтъ, подобно грозовымъ тучамъ, сверкая оружіемъ, двигались по направленію къ его позиціямъ безконечныя, безчисленныя колонны непріятеля. Отрядъ за отрядомъ, линія за линіею выдвигались онѣ изъ полосы утренняго прозрачнаго тумана. Казалось не было конца этимъ полчищамъ. И въ то время, когда передовые отряды приближались уже къ самымъ позиціямъ французовъ, на далекомъ югѣ и востокѣ обрисовывались неясные силуэты другихъ двигающихся колоннъ. Становилось очевиднымъ, что союзники предпринимаютъ нападеніе всѣми своими силами; арьергардное дѣло, котораго ожидалъ Наполеонъ, должно было превратиться въ страшную борьбу на жизнь и смерть [1]).

Карлъ Ѳедоровичъ Толль, одинъ изъ первыхъ, еще задолго до зари, проснулся въ союзномъ лагерѣ. Едва только началъ брезжить свѣтъ, какъ онъ поспѣшилъ вмѣстѣ съ генераломъ Кленау на Кольмбергъ, чтобы осмотрѣть оттуда непріятельскія позиціи. Утро было прекрасное, свѣжее. Дождь, шедшій почти непрерывно въ теченіи предшествующаго дня, пересталъ ночью. Густые туманы, заволокивавшіе всѣ окрестности Лейпцига, начали быстро разсѣеваться послѣ восхода солнца. Ничто не мѣшало рекогносцировать мѣстность. Достигнувъ вершины холма, Толль и Кленау остановились въ недоумѣніи. Нигдѣ вблизи ихъ не было замѣтно присутствія большихъ непріятельскихъ массъ. Грозныя позиціи у Вахау и Либертвольквица были, повидимому, совершенно брошены непріятелемъ. Черныя массы французской пѣхоты со всѣхъ сторонъ отходили по направленію къ Лейпцигу, прикрываемыя своею кавалеріею. Толлю казалось, что непріятель хочетъ избѣгнуть сраженія, что онъ находится въ полномъ отступленіи. Немедленно-же отправилъ онъ поручика Щер-

---

[1]) Подобное-же зрѣлище открывалось и съ позиціи со стороны Галле. См. Шерръ, Blücher's Leben, т. 3, стр. 278.

*

бинина съ этимъ извѣстіемъ къ императору Александру и приказалъ открыть пальбу по отступающему непріятелю изъ двухъ находившихся вблизи орудій. Какъ ровно годъ тому назадъ, при Тарутинѣ, такъ и теперь подъ Лейпцигомъ, первые выстрѣлы по непріятелю раздались по его приказанію [1]).

Союзники наступали на непріятеля шестью отдѣльными отрядами. Гіулай съ своимъ двадцатитысячнымъ корпусомъ возобновилъ нападеніе на Линденау. Главная масса австрійцевъ, состоявшая изъ 50,000 человѣкъ, атаковала селенія Леснигъ, Дёзенъ и Конневицъ на лѣвомъ берегу Плейссы. Въ центрѣ, противъ сильно укрѣпленной Пробстъ-гайды наступали 65,000 русскихъ и пруссаковъ подъ общимъ начальствомъ Барклая-де-Толли. На правомъ крылѣ велъ атаку Бенингсенъ на Цукельгаузенъ и Гольцгаузенъ. Съ сѣверо-востока со стороны Парты двигалась армія Бернадота; тогда какъ Блюхеръ, въ распоряженіи котораго было въ этотъ день всего лишь 25,000 чел. русскихъ и пруссаковъ, намѣревался ударить на Лейпцигъ съ сѣвера, со стороны Галле.

Союзныя колонны, наступавшія въ этотъ день съ большою самоувѣренностью и соперничавшія одна съ другою въ геройской храбрости, встрѣтили повсюду самое упорное сопротивленіе. Французскія войска, сосредоточенныя на сравнительно небольшомъ пространствѣ и сражавшіяся, по большей части, подъ прикрытіемъ деревенскихъ построекъ, боролись съ мужествомъ отчаянія и дорого продавали каждый шагъ земли. Подъ Линденау, австрійцы были отброшены отступающимъ Бертраномъ и князь Шварценбергъ перевелъ вслѣдъ за тѣмъ весь почти корпусъ Гіулая на правый берегъ Плейссы, чтобы усилить войска, дѣйствовавшія противъ Леснига и Конневица. Но не смотря на то, что здѣсь сосредоточено было, такимъ образомъ, около 70,000 войска, французы продолжали упорно держаться въ Конневицѣ [2]) и всѣ попытки австрійцевъ выбить ихъ отсюда остались неудачны до самаго вечера.

---

[1]) См. Бернгарди, т. III, стр. 508—509.

[2]) Деревни Дѣлицъ и Дёзенъ, а подъ конецъ, къ самому вечеру, Леснигъ были взяты австрійцами. См. Napoleon, als Feldherr, т. II, стр. 321.

Столь-же отчаянное сопротивленіе встрѣтили войска Барклая въ центрѣ. Селеніе Пробстъ-гайда, центръ французской позиціи, было укрѣплено Наполеономъ сильнѣйшимъ образомъ. По обѣимъ сторонамъ деревни были поставлены большія батареи, обстрѣливавшія всѣ доступы перекрестнымъ огнемъ; всѣ постройки были заняты многочисленными батальонами корпуса Виктора, а улицы преграждены баррикадами. Позади селенія стояли въ видѣ резерва отборныя непріятельскія войска, въ томъ числѣ гвардія. Приблизившись къ Пробстъ-гайдѣ, Барклай тотчасъ-же убѣдился въ неприступности непріятельской позиціи, и не желая терять понапрасно массу людей, остановилъ свои войска передъ деревнею внѣ пушечныхъ выстрѣловъ непріятеля. Только повторенные приказанія императора Александра заставили его, наконецъ, предпринять атаку [1]). Ровно въ часъ дня русскіе и пруссаки пошли на штурмъ, но были отброшены назадъ съ страшными потерями. Въ два часа пополудни Барклай возобновилъ нападеніе. На этотъ разъ онъ ввелъ постепенно въ дѣло всѣ войска, бывшія въ его распоряженіи: два русскихъ корпуса подъ общимъ начальствомъ Витгенштейна и одинъ прусскій подъ командою Клейста. Союзники наступали съ неслыханнымъ героизмомъ, но встрѣчали самый рѣшительный и отчаянный отпоръ. Неоднократно они овладѣвали послѣ кровопролитнѣйшаго боя всѣмъ селеніемъ, при чемъ имъ приходилось брать штурмомъ каждый домъ, дворъ и садъ; но войска Виктора, подкрѣпляемыя свѣжими силами, каждый разъ вытѣсняли ихъ обратно изъ Пробстъ-гайды [2]). Ожесточеніе сражающихся возростало съ каждою новою атакою союзниковъ. Потери обѣихъ сторонъ были, поистинѣ, ужасныя. „Убитыхъ и раненыхъ“, говоритъ очеви-

---

[1]) См. Бернгарди, т. III, стр. 509.

[2]) „По чьему то безразсудному приказанію, Псковскій кирасирскій полкъ былъ посланъ въ Пробстъ-гайду для вытѣсненія оттуда непріятеля. Храбрый полкъ этотъ проскакалъ деревню насквозь, потерялъ много народа, и не причинивъ французамъ никакого вреда, выѣхалъ на противоположную сторону, гдѣ встрѣтилъ ихъ резервы, и принужденъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха“ Н. Н. Муравьевъ, записки, стр. 44.

децъ, „было несмѣтное число“ [1]). Всѣ подступы къ деревнѣ, всѣ улицы, сады и дворы завалены были убитыми и ранеными. Эти груды мертвыхъ и полуживыхъ, истерзанныхъ людей, начали заграждать подъ конецъ путь штурмовымъ колоннамъ союзниковъ. Атаки продолжались до самой темноты, но Наполеонъ, придававшій особенное значеніе именно этому пункту своей линіи, каждый разъ во-время подкрѣплялъ изнывающія войска Виктора новыми резервами. Забывая о своей личной безопасности, онъ самъ водилъ въ атаку батальоны старой гвардіи. Одушевляемые его присутствіемъ, французы отразили всѣ нападенія союзниковъ и до самаго вечера удерживали за собою окровавленныя развалины Пробстъ-гайды [2]).

Между тѣмъ, въ то самое время, когда бой у Пробстъ-гайды былъ уже въ самомъ разгарѣ, войска Бенингсена съ своей стороны двинулись на непріятеля и заняли интервалъ въ союзной линіи между крайнимъ правымъ флангомъ богемской арміи и арміею Бернадота. „Многочисленныя колонны Бенингсена“, разсказываетъ очевидецъ, „тянулись къ намъ черезъ гору, со стороны Дрезденской дороги, наводя ужасъ на непріятеля, который не былъ болѣе въ силахъ держаться противъ насъ“ [3]). Бенингсенъ ударилъ прежде всего на деревни Цукельгаузенъ и Гольцгаузенъ, занятыя войсками Макдональда и послѣ ожесточеннаго боя завладѣлъ ими обѣими. Утвердившись на этихъ пунктахъ, Бенингсенъ обратился противъ селенія Штетерица, намѣреваясь, по овладѣніи имъ, ударить съ лѣвой стороны на Пробстъ-гайду и подать такимъ образомъ руку помощи Барклаю. Но нападеніе на Штетерицъ не удалось, и тогда Бенингсенъ, отклоняясь отъ общей диспозиціи, началъ направлять свои массы все болѣе и болѣе вправо, пытаясь войти въ связь съ войсками Бернадота [4]). Такой маневръ Бенингсена имѣлъ

---

[1]) Н. Н. Муравьевъ, записки, стр. 45.

[2]) См. Богдановичъ, т. 4, стр. 291.

[3]) Н. Н. Муравьевъ, записки, стр. 44.

[4]) Такое уклоненіе Бенингсена объясняется его предположеніемъ, что Наполеонъ будетъ отступать къ Эльбѣ на с. в., такъ какъ путь къ Заалѣ пре-

самыя рѣшающія послѣдствія. Неудержимо подвигались впередъ его колонны. Селенія Баальсдорфъ и Цвейауендорфъ, объятыя со всѣхъ концовъ пламенемъ, были взяты штурмомъ. Вправо отъ нихъ войска Бенигсена сошлись съ корпусами Бернадота и общими силами выбили непріятеля изъ деревень Мелькау и Паунсдорфа. Другіе корпуса сѣверной арміи и войска Блюхера атаковали между тѣмъ позиціи Нея и Мармона на сѣверной сторонѣ Лейпцига. Пруссаки, бывшіе подъ начальствомъ Бюлова, покрыли себя въ этотъ день безсмертною славою. Они двинулись въ бой съ пѣніемъ священнаго гимна „Слава тебѣ въ побѣдномъ вѣнцѣ“. Когда первыя гранаты начали разрываться среди ихъ рядовъ, они начали пѣть все громче и громче [1]). Такъ добрались они до непріятеля и не теряя времени на перестрѣлку, штыками и прикладами выбили его изъ укрѣпленныхъ позицій. Русскіе [2]) соперничали въ храбрости съ пруссаками. Самъ Бернадотъ старался показать въ этотъ день, что у него не было недостатка въ храбрости. Онъ поспѣшилъ въ передовую цѣпь и хладнокровно распоряжался атакою подъ адскимъ огнемъ непріятеля [3]). Французы были скоро сбиты съ своихъ позицій, но Мармонъ и Ней отвели свои войска на вторую оборонительную линію Штюнцъ-Зеллергаузенъ-Шенефельдъ и рѣшились защищаться здѣсь до послѣдней крайности. Ничто не могло, повидимому, поколебать ихъ геройской рѣшимости и стойкости ихъ солдатъ. Среди самаго разгара боя два полка саксонской конницы отдѣлились внезапно отъ французовъ и перешли на сторону союзниковъ. Ихъ примѣру послѣдовали виртембергская конная бригада подъ начальствомъ генерала Нормана и двѣ бригады саксонской пѣхоты съ 38 орудіями. Но ни измѣна

гражденъ ему австрійцами у Линденау. Это мнѣніе, совершенно ошибочное, благодаря распоряженіямъ Шварценберга, было сильно распространено между генералами союзной арміи. См. Бернгарди, т. III, стр. 509.

[1]) См. Шерръ, Blücher's Leben, т. III, стр. 280.

[2]) Что касается до шведовъ, то участіе ихъ въ сраженіи было самое второстепенное, и вся ихъ потеря доходила лишь до 300 ч.

[3]) См. Шерръ, Blücher's Leben, т. III, стр. 281.

союзниковъ, ни повторенныя яростныя атаки непріятеля не могли поколебать героической твердости французскихъ солдатъ. До самаго вечера держались они среди горящихъ развалинъ деревень; лишь передъ самымъ наступленіемъ темноты удалось наконецъ Бюлову вытѣснить французовъ изъ Штюнца и Зеллергаузена. Въ тотъ-же самый моментъ русскіе, подъ начальствомъ Ланжерона, выбили непріятеля изъ Шенфельда, и войска Іорка и Сакена, воодушевляемые Блюхеромъ, отбросили французовъ до самыхъ предмѣстій Лейпцига. Вся лѣвая сторона французскихъ позицій была, такимъ образомъ, взята. Французы продолжали еще держаться въ Пробстъ-гайдѣ и Штетерицѣ; но во всѣхъ остальныхъ пунктахъ они были оттѣснены къ самому Лейпцигу. Звѣзда Наполеона померкла; гигантскій бой, на который отважился онъ, окончился его пораженіемъ.

Осенняя тьма быстро спускалась на кровавыя Лейпцигскія равнины. Сраженіе мало по-малу замирало. Лишь изрѣдка раздавались тамъ и сямъ отдѣльные запоздалые пушечные выстрѣлы. Пламя двѣнадцати горящихъ деревень бросало свой яркій отблескъ на поля и низины, усѣянныя тысячами мертвыхъ и истерзанныхъ страдальцевъ, залитыя потоками благороднѣйшей крови. Сознаніе великаго, конечнаго успѣха вдругъ овладѣло массами мужественныхъ воиновъ, собранныхъ сюда со всѣхъ концовъ Европы,—но это сознаніе, это торжество побѣды выразилось совершенно особымъ, необычнымъ способомъ. Тутъ не было мѣста для шумнаго взрыва радости, для восторженныхъ, дикихъ побѣдныхъ кликовъ. Предшествующія событія были настолько колоссальны, вынесенныя страданія такъ ужасны, нравственное и физическое напряженіе такъ велико, что умы и сердца способны были лишь къ одному движенію, могли проникнуться лишь однимъ чувствомъ. Рука Господня сокрушила его; не намъ, не намъ, а Ему единому подобаетъ хвала и слава,—вотъ была мысль, блеснувшая внезапно въ сотняхъ тысячахъ людей. И эти люди, столь недоступные еще нѣсколько минутъ назадъ инымъ чувствамъ, кромѣ чувства ярости и злобнаго ожесточенія,—вдругъ вспомнили, что всѣ они братья и дѣ-

ти единаго Небеснаго Отца и что лишь одна неисповѣдимая благость Его привела ихъ къ столь давно и столь горячо желанной цѣли. И они поверглись во прахъ передъ Всемогущимъ, и уста, изрыгавшія до сихъ поръ лишь слова проклятія и злобы, открылись для словъ благодарственной молитвы. Среди одного изъ русскихъ отрядовъ раздалось вдругъ торжественное церковное пѣніе; солдаты и офицеры колѣнопреклоненно воспѣвали хвалу Господу Силъ. И по всему кровавому полю пролетѣлъ тихій ангелъ любви и вѣры. И всѣ сотни тысячъ воиновъ, обрызганныхъ кровью своею и вражескою, пали на колѣни и на всѣхъ языкахъ Европы вознеслось къ небу благодарственное, хвалебное славословіе [1]). А тамъ, на высокомъ холмѣ, за пылающею Пробстъ-гайдою, стояли на колѣнахъ союзные монархи, окруженные своею свитою. И они возсылали горячія молитвы къ Богу Силъ; и ихъ сердцамъ недоступны были въ эту торжественную минуту какія либо иныя ощущенія, кромѣ чувства благоговѣйной благодарности Божественному Провидѣнію.

Наполеонъ былъ страшно потрясенъ исходомъ сраженія. При наступленіи сумерокъ онъ собралъ остатки своей гвардіи близь вѣтрянной мельницы, у глинянаго холма, откуда онъ руководилъ битвою въ теченіе цѣлаго дня. Солдаты императорскаго конвоя тотчасъ-же разложили большой костеръ, но едва только вспыхнулъ огонь, какъ прилетѣла непріятельская граната и разбросала дрова. Солдаты немедленно-же сложили другой костеръ, но только что успѣли они окончить свою работу, какъ костеръ былъ вновь разметанъ упавшимъ ядромъ. Императоръ, не обращавшій до сихъ поръ никакого вниманія на все окружавшее его, запретилъ пока солдатамъ разводить огонь [2]); обратившись затѣмъ къ маршалу Вертье, онъ приказалъ ему изготовить диспозицію къ отступленію войскъ. Сказавъ эти немногія слова, Наполеонъ погрузился, повидимому, въ глубокія думы. Онъ велѣлъ при-

---

[1]) Объ этомъ торжественномъ моментѣ см. Трейчке, Deutsche Geschichte Deutschland's im XIX Jahrhundert, т. I. стр. 504.

[2]) См. Богдановичъ, т. IV, стр. 291; Астеръ, т. II стр. 171.

нести себѣ низенькую деревянную скамеечку и, присѣвъ на нее, задремалъ. Въ такомъ положеніи онъ оставался около четверти часа. Никогда не могли забыть очевидцы этой сцены. Лице спящаго императора, вся его согбенная фигура, его руки, небрежно покоившіеся на колѣнахъ, ничѣмъ не напоминали обычный видъ гордаго, недоступнаго слабостямъ человѣческимъ, властелина. Нѣтъ, онъ производилъ теперь совершенно иное впечатлѣніе. На этой скамейкѣ, въ этой позѣ, среди этой обстановки, онъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго жалкаго смертнаго, сраженнаго ударомъ судьбы [1]). Все кругомъ его было объято сумрачнымъ молчаніемъ. Генералы и адъютанты молча стояли вокругъ огня, который удалось наконецъ развести. Тутъ-же диктовалъ въ полъголоса Бертье диспозицію къ отступленію одному изъ адъютантовъ. Диспозиція эта поражала на первый взглядъ нѣкоторыми странностями. Путь къ отступленію великой арміи былъ, какъ извѣстно, совершенно открытъ, благодаря распоряженіямъ Шварценберга и бездарности австрійскаго генерала Гіулая, стоявшаго на западной сторонѣ Лейпцига. Бертранъ, выступившій изъ Линденау еще утромъ, не только достигъ благополучно Люцена, но и успѣлъ разбить на пути одинъ изъ отрядовъ Гіулая, при чемъ около 600 ч. австрійцевъ захвачены были въ плѣнъ. Оставивъ часть своихъ войскъ въ Линденау и Люценѣ, Бертранъ двинулся далѣе и къ вечеру занялъ Вейсенфельсъ и мостъ черезъ Заалу. Вслѣдъ за Бертраномъ потянулись изъ Лейпцига безконечные обозы великой арміи и большая часть ихъ успѣла благополучно достигнуть Вейсенфельса и переправы черезъ Заалу. Относительно отступленія массы арміи,—(у Наполеона оставалось еще вечеромъ этого дня около 100,000 ч. подъ ружьемъ),—диспозиція предписывала двинуть прежде всего корпуса Виктора, Ожеро и гвардію, т. е. именно тѣ части войскъ, которыя стояли ближе всего къ Лейпцигу. За ними должны были слѣдовать корпуса Мармона, Нея, Сугама и Лористона, занимавшіе болѣе отдаленныя отъ города позиціи. Что-

[1]) См. Шерръ, Blücher's Leben, т. III, стр. 281.

же касается до войскъ, находившихся подъ начальствомъ Домбровскаго, Макдональда и Ренье, находившихся на самой отдаленной части поля сраженія, то имъ предписано было занять въ теченіе ночи городъ Лейпцигъ и защищать его до вечера слѣдующаго дня, а если окажется это возможнымъ, то и въ теченіи цѣлыхъ сутокъ.

Отдавая подобныя приказанія и обрекая на вѣрную гибель корпуса Домбровскаго, Макдональда и Ренье, Наполеонъ руководился не военными, а исключительно политическими соображеніями. Для него было чрезвычайно важно спасти ту часть арміи, которая состояла изъ природныхъ французовъ, что-же касается корпусовъ трехъ названныхъ генераловъ,—состоявшихъ изъ поляковъ и нѣмцевъ, то Наполеонъ имѣлъ полное основаніе считать ихъ во всякомъ случаѣ потерянными для себя, а потому и не задумывался принести ихъ въ жертву [1]).

Тревожный сонъ Наполеона продолжался недолго. Уже черезъ четверть часа онъ очнулся и изумленнымъ какъ бы испуганнымъ взоромъ оглянулся вокругъ себя. Что грезилось въ эти минуты сокрушенному владыкѣ полуміра? Призраки-ли прежнихъ дней, дней славы и счастія, или ужасныя, леденящія кровь видѣнія близкаго, темнаго будущаго? Кто можетъ отвѣтить на эти вопросы? Наполеонъ скоро пришелъ въ себя. Его лице приняло прежнее апатичное, усталое выраженіе. Пристально вглядывался онъ въ окружавшую его картину. Все вокругъ него было попрежнему. Пальба прекратилась совершенно. Только шумъ двигающихся войскъ, только жалобные стоны раненыхъ нарушали ночную тишину. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него пылалъ горящій костеръ. Бертье продолжалъ диктовать адъютантамъ диспозицію.—Маршалы, генералы и свита стояли и сидѣли вокругъ него. Весь горизонтъ залитъ былъ яркимъ заревомъ огней; только къ западу, куда направлялись остатки его разбитой арміи, господствовала непроницаемая темнота. По обѣимъ сторонамъ его бивуака двигались колонны отступающихъ французскихъ

---

[1]) См. Бернгарди, т. III, стр. 511—512.

войскъ. Стукъ и скрипъ колесъ, мѣрные шаги людей, топотъ, а иногда и ржаніе коней явственно доносились до его слуха.

Наполеонъ оставался на бивуакѣ до восьми часовъ вечера. Все это время онъ провелъ въ бесѣдѣ съ Бертье и другими маршалами, но бесѣда не касалась на этотъ разъ никакихъ общихъ вопросовъ, не затрогивала ни темнаго прошедшаго, ни еще болѣе темнаго будущаго. Наполеонъ и его окружающіе видимо были подавлены настоящимъ; все ихъ вниманіе было поглощено интересомъ минуты, всѣ заботы сосредоточены на спасеніи разбитой арміи. Нравственное потрясеніе ихъ было, однако-же, такъ велико, ударъ, ошеломившій ихъ, такъ ужасенъ, что величайшій полководецъ міра и его помощники, испытанные въ столькихъ кампаніяхъ, не въ состояніи были сосредоточиться всецѣло на занимавшемъ ихъ вопросѣ. Они опустили изъ виду, занятые второстепенными подробностями и мелочами отступленія, самыя существенныя условія для спасенія арміи. Забыли, что стотысячной арміи и безконечнымъ обовамъ придется проходить черезъ узкія и кривыя улицы тѣсно построеннаго города и не подумали назначить заранѣе проводниковъ для каждой колонны и указать имъ направленіе. Опустили изъ виду, что по выходѣ изъ города войскамъ придется проходить на протяженіи нѣсколькихъ верстъ по узкой плотинѣ, не позаботились о постройкѣ понтонныхъ мостовъ черезъ рѣки Плейссу и Эльстеръ, забыли однимъ словомъ о томъ, что было несомнѣнно важнѣе всякихъ диспозицій [1]).

Наполеону видимо не хотѣлось оставлять своего бивуака, ему не хотѣлось ѣхать въ Лейпцигъ—и онъ объявилъ, что намѣренъ провести ночь на полѣ битвы въ одномъ изъ сосѣднихъ деревенскихъ домовъ. Немедленно же посланы были ординарцы съ приказаніемъ отыскать подходящую квартиру для императора, но всѣ ихъ поиски остались тщетными. Нигдѣ, во всемъ сосѣдствѣ, не возможно было найти сколько нибудь подходящаго помѣщенія. Всѣ дома, сараи и

---

[1]) См. Бернгарди, т. 3, стр. 512.

хлѣвы были или выжжены и разрушены, или переполнены ранеными и умирающими. Волею или неволею приходилось ѣхать въ Лейпцигъ [1]). Страшныя картины, напоминавшія какъ двѣ капли воды эпизоды московской кампаніи, ожидали тутъ императора. Уже съ ранняго утра населеніе Лейпцига находилось въ страшной тревогѣ. Тщетно старались французскія власти увѣрить жителей, что побѣда склоняется на сторону Наполеона, что союзники отступаютъ, что городу не грозитъ ни малѣйшая опасность. Никто не хотѣлъ вѣрить лживымъ объявленіямъ; страшная дѣйствительность слишкомъ явно и рѣзко противорѣчила имъ. Гулъ пальбы, сначала глухой и отдаленный, съ каждымъ часомъ приближался къ городу; толпы раненыхъ и бѣглецовъ со всѣхъ сторонъ стремились въ предмѣстія; торопливое движеніе обозовъ къ Рапштетскимъ воротамъ, по направленію къ Линденау, указывало несомнѣнно на скоро предстоящее отступленіе французской арміи. Самъ король Фридрихъ-Августъ, до сихъ поръ слѣпо вѣрившій въ неизмѣнное счастіе и непобѣдимость своего союзника, впалъ въ сомнѣніе и тревогу. Правда, даже въ 8 часовъ вечера къ королю явился офицеръ отъ Наполеоновскаго министра Маре и объявилъ ему, что сраженіе выиграно, что союзники отступятъ въ теченіи ночи; но Фридрихъ-Августъ не могъ уже повѣрить этой наглой лжи, такъ какъ собственный генералъ-адъютантъ его, Ф. Бозе, наблюдавшій съ высоты обсерваторіи въ теченіи цѣлаго дня за ходомъ битвы, доносилъ ему въ это-же самое время, что сраженіе несомнѣнно выиграно союзниками, что французы оттѣснены почти повсемѣстно къ самымъ предмѣстіямъ Лейпцига. Король начиналъ уже подумывать о своей личной безопасности, о примиреніи съ союзниками. Онъ рѣшительно отклонилъ предложеніе Маре ѣхать заблаговременно въ Эрфуртъ и объявилъ, что онъ намѣренъ оставаться въ Лейпцигѣ, полагаясь на великодушіе союзныхъ государей [2]).

---

[1]) Оделебенъ стр. 399.

[2]) Королю прислалъ отвѣтъ Маре черезъ своего министра Ейнзиделя, см. Бернгарди, т. 3, стр. 437.

Между тѣмъ паника въ городѣ возрастала съ часу на часъ. При приближеніи вечера ядра и гранаты начали падать въ предмѣстія, зажигая дома, убивая жителей. Наступающая ночь удвоила ужасъ жителей. Яркое пламя горящихъ деревень освѣщало улицы. Повсюду тѣснились отступающія войска. Колонны, входившія съ различныхъ сторонъ въ городъ, сталкивались и спутывались въ узкихъ улицахъ. Обозы, опрокинутыя и поломанныя фуры загромождали дороги. Тысячи солдатъ, утратившихъ всякую дисциплину, спѣшили какъ безумные впередъ и бросали оружіе. Мародеры грабили и буйствовали, и никто не думалъ останавливать ихъ. Одни изъ горожанъ, собравъ свои пожитки, бѣжали вслѣдъ за войсками къ Люцену, другіе, болѣе благоразумные, запирались въ своихъ домахъ, или прятались въ погребахъ. Всѣ магазины и лавки были заперты. Всякая торговля прекратилась. Невозможно было достать за деньги хлѣба [1]).

Съ величайшимъ трудомъ пробирался императоръ черезъ улицы Лейпцига, покрытыя сплошнымъ потокомъ бѣглецовъ. Силою принуждены были его конвойные прокладывать ему дорогу. Онъ приказалъ вести себя въ ближайшую гостинницу и, какъ бы въ насмѣшку, его привезли въ отель короля прусскаго. Здѣсь провелъ Наполеонъ тревожную, безсонную ночь. Занятый всецѣло вопросомъ спасенія арміи, онъ не вспомнилъ, однакоже, и въ эту ночь о постройкѣ мостовъ черезъ Плейссу [2]) и Эльстеръ, но за то придумалъ нѣсколько иныхъ средствъ болѣе дипломатическаго, нежели военнаго свойства, которыя должны были, по его мнѣнію, задержать непремѣнно наступленіе союзниковъ. Одно изъ этихъ средствъ было въ высшей степени оригинально. Наполеонъ заставилъ лейпцигскій магистратъ снарядить депутацію въ союзный лагерь. Депутаты должны были упросить государей

---

[1]) О положеніи Лейпцига во время битвы см. въ особенности Астеръ, т. II, стр. 235-236, 250-282.

[2]) Дѣло идетъ, разумѣется, о постройкѣ понтонныхъ мостовъ, матерьялъ для которыхъ былъ въ распоряженіи Наполеона, и которые могли быть наведены въ теченіи нѣсколькихъ часовъ.

пощадить Лейпцигъ и отложить его занятіе до вечера, т. е. дать возможность французамъ уйти безпрепятственно изъ города со всѣми своими обозами.

Наполеонъ хватилъ несомнѣнно черезъ край, разсчитывая, что союзники будутъ на столько наивны, что склонятся на просьбы лейпцигскихъ депутатовъ, но какъ прежде, такъ и теперь, онъ имѣлъ основаніе надѣяться, что враги не съумѣютъ воспользоваться своею побѣдою и исправятъ его ошибки еще большими промахами съ своей стороны. Еще вечеромъ 6 (18) октября начались въ союзномъ лагерѣ совѣщанія о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія. Всѣ корпусные командиры были призваны на монаршій холмъ, гдѣ находились императоръ Александръ, король прусскій и князь Шварценбергъ. Имъ было объявлено, что войска должны изготовиться съ разсвѣтомъ къ новому бою; въ случаѣ же совершеннаго оставленія непріятелемъ занятой имъ позиціи, имъ было предписано двинуться къ Лейпцигу и штурмовать городъ. На этотъ счетъ господствовало, такимъ образомъ, полнѣйшее единодушіе, но мнѣнія раздѣлились, когда затронутъ былъ вопросъ о преслѣдованіи непріятеля. Изъ всѣхъ присутствующихъ только императоръ Александръ имѣлъ вполнѣ ясное и точное понятіе о положеніи дѣлъ. Онъ одинъ понималъ, что не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было серьёзномъ сраженіи на слѣдующій день, что непріятельская армія находится въ полнѣйшемъ разстройствѣ и отступленіи, и что необходимо теперь же, пока не ушло еще время, принять энергическія и разумныя мѣры къ ея преслѣдованію и окончательному уничтоженію. Императоръ тутъ же высказалъ свое убѣжденіе и предложилъ немедленно же двинуть на путь отступленія непріятеля, т. е. на правый берегъ рѣки Эльстера, черезъ Пегау, всѣ свѣжія, нетронутыя войска, бывшія въ распоряженіи союзниковъ, а именно русско-прусскую гвардію, русскихъ гренадеръ и кирасиръ. Не удивительно, что предложеніе Александра вызвало противорѣчіе со стороны Шварценберга и его методическихъ, трусливыхъ совѣтниковъ; естественно, что оно показалось имъ не только слишкомъ отважнымъ и рискованнымъ, но и вовсе не же-

лательнымъ, въ виду хорошо извѣстныхъ имъ политическихъ видовъ вѣнскаго кабинета, въ разсчеты котораго вовсе не входило окончательная гибель Наполеона. Гораздо страннѣе было то обстоятельство, что противорѣчіе австрійскихъ стратеговъ нашло поддержку со стороны нѣкоторыхъ русскихъ генераловъ, какихъ именно—на этотъ вопросъ источники наши не даютъ отвѣта [1]. Господа эти указывали на утомленіе войскъ, на недостатокъ припасовъ и совѣтовали государю отложить движеніе къ Пегау до слѣдующаго дня. Доводы, приводимые ими, были, очевидно, крайне слабы. Всѣмъ было отлично извѣстно, что ни гвардія, ни гренадеры, ни кирасиры, не принимали никакого участія въ сраженіяхъ 4-го и 6-го числа, что оставаясь все время въ резервѣ, они не могли понести никакихъ потерь и истощить свои силы; всѣмъ было извѣстно, наконецъ, что именно эти отборныя части арміи снабжены были припасами гораздо обильнѣе всѣхъ остальныхъ войскъ. Императоръ Александръ, никогда не считавшій себя спеціальнымъ знатокомъ военнаго дѣла и не отличавшійся въ подобныхъ случаяхъ непоколебимою твердостью, имѣлъ и на этотъ разъ слабость уступить австрійскимъ стратегамъ и ихъ русскимъ сторонникамъ. Вмѣсто грандіозной мѣры, предложенной имъ, Шварценбергъ и его совѣтники придумали цѣлый рядъ полумѣръ, которыя въ самомъ лучшемъ случаѣ не могли имѣть другаго результата кромѣ захвата нѣсколькихъ тысячъ отсталыхъ и мародеровъ.

Прежде всего австрійскій штабъ напалъ на странную мысль свалить всю задачу преслѣдованія на сѣверную и силезскую армію, намѣренно опуская при этомъ изъ виду, что обѣ эти арміи имѣли передъ собою болотистую, не проходимую мѣстность, изрѣзанную извилистымъ теченіемъ Эльстера и Луппы, что для обхода этой мѣстности онѣ должны

[1] Бернгарди, т. 3, стр. 518. Здѣсь не сказано, что въ числѣ возражавшихъ Александру были и русскіе генералы; но такъ какъ возражавшіе ссылались на усталость и недостатокъ провіанта именно у русскихъ войскъ, то отсюда ясно, что въ числѣ возражавшихъ были и русскіе генералы, которые одни могли знать и говорить съ авторитетомъ о положеніи своихъ войскъ.

были взять сначала направленіе, не приближавшее, а отдалявшее ихъ отъ непріятеля, что, слѣдовательно, они ни въ какомъ случаѣ не могли настигнуть быстро отступающаго непріятеля. Затѣмъ австрійскіе мудрецы предписали стать во главѣ преслѣдованія атаману Платову съ его казачьими полками, какъ-бы забывая, что Платовъ находился въ этотъ моментъ на крайнемъ правомъ флангѣ, что ему надо было пройти нѣсколько миль и переправиться черезъ двѣ рѣки, чтобы стать во главѣ другихъ союзныхъ войскъ, стоявшихъ несравненно ближе къ непріятелю и его путямъ отступленія. Въ такомъ-же положеніи находился и австрійскій генералъ Бубна, которому было также предписано преслѣдовать непріятеля. И онъ находился на правомъ крылѣ союзниковъ, и ему предстояло сдѣлать большой обходъ, чтобы достигнуть переправы черезъ Эльстеръ. Австрійскія власти дали впрочемъ подъ рукою знать Бубнѣ, что ему вовсе нѣтъ надобности спѣшить, что онъ долженъ сообразовать свой маршъ со степенью усталости своихъ войскъ. (?) Но едва ли не самыя курьёзныя инструкціи получилъ злополучный генералъ Гіулай. Генералъ этотъ стоялъ, какъ извѣстно, ближе всѣхъ къ пути отступленія непріятеля и уже 18 числа [1]) имѣлъ нѣсколько не совсѣмъ счастливыхъ встрѣчъ съ Бертраномъ. Теперь Гіулаю было предписано отойти съ своими войсками къ Пегау, т. е. какъ-разъ на двѣ мили въ сторону отъ непріятеля, соединиться тамъ съ армейскимъ корпусомъ Ледерера и кавалеріею Ностица и спѣшить форсированными маршами къ Наумбургу, дабы занять ранѣе непріятеля горныя тѣснины у Кёзена. По-истинѣ мастерское измышленіе. Оставлять непріятелю открытыми опасные дефилеи у самаго Лейпцига и спѣшить предупреждать его у Наумбурга,—на такую мысль могло напасть или полное тупоуміе или скрытное коварство! [2]).

---

[1]) 6-го ст. ст.

[2]) См. Бернгарди, т. 3, стр. 460—461. Въ концѣ концовъ, такъ какъ намѣренія Наполеона не выяснялись, Шварценбергъ отмѣнилъ и эти распоряженія, т. е. отказался отъ всякаго преслѣдованія Наполеона.

Такъ разрѣшили австрійскіе стратеги свою задачу. Принявъ всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры къ благополучному отступленію Наполеона, устроивъ въ полномъ смыслѣ слова золотой мостъ для разбитаго противника и удовлетворивъ всѣмъ этимъ какъ нельзя болѣе затаенныя желанія графа Меттерниха, они спокойно расположились на ночлегъ.

Австрійскіе стратеги провели во всякомъ случаѣ болѣе спокойную ночь, нежели императоръ Наполеонъ. Сонъ бѣжалъ отъ сокрушеннаго повелителя полуміра, когда позднимъ вечеромъ удалось ему, наконецъ, достигнуть гостепріимнаго крова Hotel de Prusse. Онъ приказалъ подать ужинъ, но во всемъ городѣ невозможно было достать чего либо кромѣ черстваго хлѣба. Бозпорядокъ на улицахъ, дикіе крики, всевозможный стукъ и топотъ не прекращались всю ночь. Немыслимо было спать, да Наполеонъ и не думалъ о снѣ. Тяжелыя думы, заботы объ отступленіи арміи не давали ему покоя. Онъ работалъ всю ночь съ Бертье и адъютантами, съ своимъ географомъ и секретарями, но,—странное дѣло, работа шла въ эту ночь какъ-то нескладно и несвязно. Умъ, прежде столь ясный и находчивый, блуждалъ какъ-бы въ потьмахъ; воля, столь твердая и опредѣленная, колебалась въ сомнѣніяхъ и предположеніяхъ. Настроеніе императора отражалось съ удвоенною силою на окружающихъ. Всѣ они окончательно потеряли голову. Мосты, проводники, однимъ словомъ, все самое необходимое, все наиболѣе спасительное, было забыто въ эту ночь такъ-же точно какъ было забыто и въ предъидущій вечеръ.

Рано утромъ 19-го (7) октября Наполеонъ окончательно пришелъ въ себя. Если и не прежняя самоувѣренность, но за то наружное холодное спокойствіе возвратилось къ нему. Не торопясь, собрался онъ въ путь и передъ выѣздомъ изъ города рѣшился сдѣлать прощальный визитъ своему вѣрнѣйшему союзнику, королю саксонскому. Наполеонъ былъ всегда великимъ актеромъ, хотя и любилъ называть такъ другихъ лицъ. Никто не обладалъ такимъ искусствомъ скрывать свои настоящія мысли и чувства, никто не умѣлъ лгать такъ спокойно и нагло, какъ онъ. Но въ этотъ день онъ превзо-

шелъ самого себя. Онъ вошелъ къ королю съ такою самонадѣянною, небрежною осанкою, съ такимъ спокойнымъ, почти веселымъ лицемъ, что всѣ сомнѣнія и тревоги Фридриха-Августа разсѣялись мгновенно при первомъ взглядѣ на своего высокаго союзника. Наполеонъ заговорилъ въ тонѣ легкой ироніи о неудачахъ, понесенныхъ будто-бы его войсками, онъ высказалъ несомнѣнную увѣренность въ своей полной и скорой побѣдѣ и объявилъ въ заключеніе, что онъ выходитъ теперь изъ города съ массою своей арміи, чтобы свободнѣе маневрировать въ открытомъ полѣ, но что онъ возвратится черезъ два или три дня и освободитъ городъ отъ осады. Фридрихъ-Августъ съ благоговѣніемъ слушалъ наглую ложь своего высокаго союзника, онъ повѣрилъ ей вполнѣ и прощаясь съ императоромъ, старался увѣрить его въ своей неизмѣнной вѣрности и преданности [1]).

Комедія, разыгранная съ саксонскимъ королемъ, стоила, однакоже, Наполеону, какъ видно, большихъ усилій. Едва только вышелъ онъ на улицу и сѣлъ на лошадь, какъ призракъ спокойствія и веселости исчезъ съ его лица и вся его физіономія приняла мрачное, задумчивое выраженіе. Сцены, окружавшія императора, способны были потрясти самаго желѣзнаго человѣка. Пушечный громъ и ружейная пальба раздавались со всѣхъ сторонъ. Густыя облака дыма застилали всѣ предмѣстія Лейпцига. Штурмъ города начался и съ каждою минутой шумъ битвы приближался все ближе и ближе. Всѣ улицы были сплошь покрыты бѣгущими. Пѣшіе

---

[1]) Наполеонъ обманывалъ, впрочемъ, не одного саксонскаго короля, а также своихъ маршаловъ и генераловъ, сидѣвшихъ въ осадѣ по крѣпостямъ Польши и Германіи. Такъ онъ писалъ Сенъ-Сиру, что 16 и 18 числа были сраженія, и что онъ прогналъ непріятельскія войска, пытавшіяся отрѣзать ему сообщенія съ Заалою. Непріятель нападалъ тремя арміями, но его пѣхота оказалась такою-же плохою, какъ и прежде. Непріятель хотѣлъ напасть на Лейпцигъ и былъ разбитъ. Только недостатокъ въ аммуниціи заставляетъ императора избѣгать новаго сраженія; онъ предполагаетъ отступить въ Эрфуртъ, чтобы возобновить свои запасы. Описавъ такимъ образомъ Лейпцигское сраженіе, Наполеонъ разрѣшаетъ маршалу капитулировать, но не иначе какъ подъ условіемъ свободнаго выхода со всѣми войсками, не исключая и больныхъ. См. Бернгарди, т. 3, стр. 455.

*

и конные солдаты, орудія, фуры, зарядные ящики, лейпцигскіе обыватели, спасавшіе свой домашній скарбъ на всевозможныхъ повозкахъ и экипажахъ, всѣ тѣснились, путались, перегоняли, давили другъ друга. Тщетно пытались конвойные императора проложить дорогу своему повелителю черезъ эту движущуюся живую массу. Наполеонъ смотрѣлъ спокойно на безплодную борьбу своихъ провожатыхъ. Погруженный въ глубокія думы, онъ лишь по временамъ оглядывался вокругъ и тогда лице его принимало растерянное, почти безсмысленное выраженіе. Убѣдившись, наконецъ, въ невозможности выбраться изъ города этимъ кратчайшимъ путемъ, онъ повернулъ лошадь и направился черезъ внутреннюю часть города мимо церкви св. Ѳомы къ Петровскимъ воротамъ, но и тутъ господствовалъ тотъ-же дикій, хаотическій безпорядокъ, и тутъ масса конныхъ и пѣшихъ бѣглецовъ, фуръ и повозокъ всякаго рода, загреждала всѣ улицы. Наполеонъ принужденъ былъ возвратиться еще разъ на конную площадь въ своей квартирѣ, отсюда окольными путями, хотя и съ величайшимъ трудомъ, удалось ему, наконецъ, выбраться изъ города на Ранштетское шоссе [1]). Съ какою то апатіею, не говоря ни слова, подвигался онъ впередъ, какъ-бы противъ своей воли, увлекаемый потокомъ бѣгущихъ. Достигнувъ Линденау, онъ какъ будто очнулся отъ глубокаго сна. Остановившись у мельницы, онъ подозвалъ къ себѣ нѣсколькихъ штабныхъ офицеровъ и приказалъ имъ направлять бѣглецовъ къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ собирались ихъ корпуса [2]). Тутъ у мельницы увидѣлъ императора генералъ Шато. Онъ такъ разсказывалъ впослѣдствіи объ этой встрѣчѣ. „Я замѣтилъ человѣка въ странномъ костюмѣ, почти одинокаго. Онъ насвистывалъ извѣстную мелодію „Мальбругъ въ походъ собрался“, хотя казалось погруженъ былъ при этомъ въ глубокое раздумье. Я принялъ его за лейпцигскаго обывателя, и подъѣхавъ къ нему, хотѣлъ распросить его, что онъ здѣсь дѣлаетъ. Но это былъ самъ

---

[1]) Оделебенъ, стр. 401—402.

[2]) Оделебенъ, стр. 403.

императоръ. Съ обычнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ онъ вокругъ себя. Картины ужаса и разрушенія, окружавшія его, казалось, нисколько не трогали его" [1]). Эта флегма, это ледяное, хотя быть можетъ, и кажущееся равнодушіе, способны были вызвать негодованіе даже въ средѣ людей, самыхъ близкихъ къ императору. „Смотрите", шептали маршалы, генералы и приближенные, раболѣпно слѣдовавшіе за нимъ. „Смотрите на этого человѣка, такимъ-же точно образомъ бѣжалъ онъ изъ Россіи" [2]). И въ самомъ дѣлѣ, было что то демоническое, недоступное, невѣроятно холодное въ этомъ человѣкѣ, именно въ минуты великаго несчастія. Въ такія минуты онъ замыкался въ самомъ себѣ, онъ не вызывалъ и не просилъ сочувствія, и никто не отваживался тогда подойти къ грозному, неприступному властелину. Странное впечатлѣніе производилъ онъ въ такія минуты на стороннихъ, безпристрастныхъ наблюдателей. Имъ казалось, что они видятъ предъ собою великаго инквизитора или генерала іезуитскаго ордена [3]). Ледяное спокойствіе, умъ, глубокое презрѣніе міра и людей, твердая непоколебимая воля—свѣтились во всемъ его лицѣ, одушевляли всю его мрачную, коренастую, словно вылитую изъ стали фигуру. Такой человѣкъ не способенъ былъ вселять любви и восторженной преданности; все вокругъ него трепетало, все держалось страхомъ, который внушалъ онъ своимъ подчиненнымъ, раболѣпною привычкою слѣпаго повиновенія къ которой пріучилъ онъ ихъ.

Союзники начали нападеніе на Лейпцигъ, рано утромъ, 19-го (7-го) октября. Едва только взошло солнце и разсѣялись осенніе туманы, какъ ихъ колонны двинулись со всѣхъ сторонъ къ городу, гоня передъ собою небольшіе непріятельскіе отряды, остававшіеся еще въ открытомъ полѣ. Императоръ Александръ былъ на конѣ среди наступающихъ войскъ. Великодушный государь, никогда не забывавшійся

---

[1]) Iomini, Précis pol. et. milit. des Campagnes de 1812—1815. т. II, стр. 207
[2]) Шерръ Blücher und seine Zeit т. III, стр. 290.
[3]) Шерръ Blücher und seine Zeit, т. III, стр. 283.

подобно другимъ въ минуты счастія и побѣды, думалъ и теперь прежде и больше всего о страшной участи, ожидавшей разбитыхъ бѣгущихъ непріятелей и ни въ чемъ неповинныхъ жителей Лейпцига. Подъѣхавъ къ войскамъ Витгенштейна, Александръ обратился къ солдатамъ съ такими словами; „Ребята! Вы вчера дрались, какъ храбрые воины, какъ непобѣдимые герои; будьте же сегодня великодушны къ побѣжденнымъ вами непріятелямъ и къ несчастнымъ жителямъ города. Вашъ государь этого желаетъ, и если вы преданы мнѣ, въ чемъ я увѣренъ, то вы исполните мое приказаніе“ [1]). Съ энтузіазмомъ откликнулись войска на великодушный призывъ государя и его слова съ быстротою молніи разнеслись по всему полю, среди безчисленныхъ сонмовъ побѣдителей, надвигавшихся со всѣхъ сторонъ на Лейпцигъ.

Слѣдуя за наступающими колоннами, Александръ, Фридрихъ-Вильгельмъ и князь Шварценбергъ въѣхали на глиняный холмъ и остановились у вѣтряной мельницы, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда руководилъ Наполеонъ сраженіемъ 18 октября. Въ этотъ самый моментъ солнце явилось во всемъ своемъ блескѣ и освѣтило пеструю, оживленную картину атаки предмѣстій Лейпцига союзниками. Внезапно предъ государями явились два человѣка, конвоируимые солдатами. Одинъ изъ нихъ оказался депутатомъ отъ города Лейпцига [2]), другой саксонскимъ полковникомъ Рисселемъ. Первый просилъ пощады города и изъявилъ готовность сдать его безъ сопротивленія, второй, отъ имени короля саксонскаго, заявлялъ о готовности Фридриха-Августа вступить въ переговоры. Александръ, не колеблясь ни минуты, отвѣчалъ посланцамъ, что онъ самъ и союзники его не хотятъ гибели Лейпцига. Переговоривъ съ королемъ прусскимъ, государь рѣшился отправить въ Лейпцигъ генерала Толля и прусскаго

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 298.

[2]) Депутація состояла первоначально изъ нѣсколькихъ именитыхъ лицъ, гофратовъ и ратегеровъ; но ни одинъ изъ нихъ не рѣшился ѣхать подъ пули; и лишь одинъ несчастный податной сборщикъ Вихманнъ долженъ былъ исполнить опасное порученіе. Бернгарди, т. III, стр. 464.

полковника Нацмера. Имъ дано было такое порученіе: „О переговорахъ съ королемъ саксонскимъ не можетъ быть и рѣчи послѣ того, какъ онъ отвергъ всѣ прежнія предложенія союзниковъ. Государи охотно желали бы пощадить Лейпцигъ, но лишь въ томъ случаѣ, если непріятельскія войска немедленно очистятъ городъ. Что касается до саксонскихъ войскъ, то съ ними не будутъ поступать какъ съ непріятелями, но подъ условіемъ, если король отзоветъ ихъ изъ боя, и если они добровольно положатъ оружіе“. Отпуская Толля, Александръ добавилъ, что рѣшеніе саксонскаго короля должно воспослѣдовать не позже какъ черезъ полчаса [1]).

Порученіе, возложенное на Толля и Нацмера, оказалось не особенно легкимъ и удобоисполнимымъ. Уже битва была въ полномъ разгарѣ, уже союзныя войска начали проникать въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ предмѣстія города, когда оба уполномоченные, рискуя на каждомъ шагу своею жизнію, достигли, наконецъ, городскихъ воротъ. Тутъ взялся ихъ сопровождать какой-то баденскій офицеръ, случайнымъ образомъ также по имени Толль. Выбравшись изъ предмѣстій, гдѣ кипѣлъ мѣстами самый ожесточенный бой и по всѣмъ направленіямъ свистали ружейныя пули, Толль и Нацмеръ вмѣстѣ съ своимъ проводникомъ попали въ толпы бѣглецовъ, покрывавшихъ всѣ улицы внутренняго города. Странные контрасты поражали ихъ на каждомъ шагу: непріятельскіе солдаты, пораженные паническимъ страхомъ, инстинктивно бросались въ сторону, завидѣвъ ихъ мундиры, тогда какъ изъ оконъ домовъ жители, въ особенности-же женщины, привѣтствовали ихъ восторженными криками и махали имъ бѣлыми платками. Проводникъ повелъ обоихъ уполномоченныхъ сначала къ генералу Понятовскому, а потомъ къ маршалу Ожеро. Оба они спросили Толля и Нацмера, что имъ угодно. Толль отвѣчалъ, что они посланы не къ нимъ, а къ королю саксонскому. Тогда Ожеро приказалъ одному изъ своихъ адъютантовъ препроводить ихъ сначала къ маршалу Виктору, а потомъ на рыночную площадь, къ

[1]) Бернгарди, т. III, стр. 464. Изд. II, т. III, стр. 523-524.

дому, гдѣ помѣщался Фридрихъ-Августъ. Передъ домомъ стояли на часахъ саксонскіе гренадеры. Баденская пѣхота и нѣсколько саксонскихъ батальоновъ расположены были на площади. Уполномоченные направились прямо къ дому и, встрѣтивъ нѣсколькихъ перепуганныхъ придворныхъ и саксонскихъ министровъ, потребовали, чтобы ихъ допустили немедленно къ королю. Это требованіе видимо смутило королевскихъ придворныхъ. „Его величество никого не принимаютъ! Его величество заняты въ своемъ кабинетѣ!“ вотъ были неожиданные отвѣты, полученные уполномоченными. Рѣшительный Толль не намѣренъ былъ однако-же терять по-пусту время. Онъ обратился къ господину, который казался ему старшимъ изъ всѣхъ и замѣтилъ, что порученіе, возложенное на него, слишкомъ важно, а срокъ слишкомъ коротокъ и что ему необходимо тотчасъ-же видѣть короля. Сановники и министры засуетились и пригласили уполномоченныхъ въ комнату. Вскорѣ дѣло разъяснилось. Король вовсе не былъ занятъ неотложными дѣлами, и вовсе не сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, а скрывался вмѣстѣ съ своею семьею въ погребѣ. Храбрость никогда не была выдающимся качествомъ вѣрнаго Наполеоновскаго вассала. Прошло нѣсколько минутъ и Фридрихъ-Августъ предсталъ предъ уполномоченными. Онъ былъ въ полной парадной формѣ, которую онъ не успѣлъ еще снять послѣ свиданія съ Наполеономъ. Его изящный бѣлый мундиръ, орденскія ленты и звѣзды, обтянутые брюки, шелковые чулки и башмаки какъ-то странно противорѣчили его согбенной старческой фигурѣ и его испуганному растерянному выраженію лица.

Въ вѣжливыхъ короткихъ словахъ передалъ Толль королю порученіе императора Александра. Фридрихъ-Августъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ дать уполномоченнымъ никакого отвѣта. Что касается до города Лейпцига, то объ этомъ, замѣтилъ онъ, слѣдуетъ говорить не съ нимъ, а съ герцогомъ падуанскимъ, который занимаетъ, по назначенію императора Наполеона, его высокаго союзника, высокій постъ лейпцигскаго губернатора. Онъ, король, не можетъ дѣлать никакихъ военныхъ распоряженій. Онъ не можетъ отозвать

изъ боя саксонскихъ войскъ, такъ какъ онъ предоставилъ ихъ въ полное и безусловное распоряженіе императора Наполеона, своего высокаго союзника, отъ императора и его маршаловъ получаютъ приказанія эти войска.

Уполномоченные не хотѣли вѣрить своимъ ушамъ, выслушивая эти странныя рѣчи короля саксонскаго. „Да это совсѣмъ не то“, замѣтилъ прямой и честный Толль, „что мы слышали тамъ за городомъ отъ полковника Русселя и депутата города Лейпцига“.—„Это вѣрно, возразилъ король, но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Тогда я полагалъ, что императоръ Наполеонъ считаетъ дѣло проиграннымъ и не былъ противъ миссіи полковника Русселя. Но часъ тому назадъ, я видѣлся съ моимъ высокимъ союзникомъ и узналъ отъ него, что онъ вовсе не думаетъ прекращать борьбу, что черезъ нѣсколько дней онъ надѣется освободить Лейпцигъ отъ осады“. Загадка разъяснилась. Уполномоченные поняли, что жалкій, несчастный старикъ, совершенно одураченный своимъ высокимъ союзникомъ, находился въ состояніи полной невмѣняемости, что говорить съ нимъ далѣе, значило-бы лишь по-пусту терять время. А между тѣмъ время не ждало. Ружейная пальба приближалась, становилась сильнѣе, тогда какъ пушечные выстрѣлы дѣлались все рѣже и рѣже. Ясно было, что борьба клонится къ концу, что штурмовыя колонны союзниковъ проникли уже въ самый городъ. Прошло еще нѣсколько минутъ и послѣднія сомнѣнія разсѣялись. Ружейный залпъ прогремѣлъ у самаго королевскаго отеля и нѣсколько пуль ударилось въ стѣну. Рѣзкіе веселые звуки рожковъ раздались подъ самыми окнами. Фридрихъ-Августъ поспѣшилъ обратно въ свой погребъ, а Толль бросился къ окну. Вся улица была покрыта прусскими стрѣлками, они гнали передъ собою на площадь французовъ и саксонцевъ. Толль распахнулъ окно. „Ребята!“ закричалъ онъ пруссакамъ, „не стрѣляйте въ саксонскихъ гренадеровъ!“ Вслѣдъ за тѣмъ русскій генералъ бросился внизъ по лѣстницѣ и, выйдя на площадь, обратился съ такими словами къ стоявшимъ здѣсь подъ ружьемъ баденцамъ. „Это ваши друзья, пруссаки, они сражаются за освобожденіе Германіи; соеди-

нитесь съ ними противъ вашихъ общихъ враговъ французовъ. Да здравствуетъ императоръ Александръ и союзные государи!“ Приблизительно съ такими же словами обратился полковникъ Нацмеръ къ саксонцамъ. Онъ убѣждалъ ихъ обратить свое оружіе противъ французовъ. Одинъ моментъ баденцы и саксонцы стояли въ недоумѣніи. Но одобрительные крики гражданъ Лейпцига, а еще болѣе женщины, махавшія платками во всѣхъ окнахъ и громко кричавшія имъ: „сражайтесь за право дѣло!“ порѣшили ихъ сомнѣнія. Солдаты двинулись вслѣдъ за Толлемъ и Нацмеромъ и съ крикомъ ура бросились на французовъ, столпившихся на мясной площади. Нѣсколько долѣе продолжались колебанія офицеровъ, но въ скоромъ времени и они увлечены были общимъ потокомъ [1]).

Между тѣмъ смятеніе въ городѣ возрастало съ каждою минутой. Побѣдители со всѣхъ сторонъ проникали въ Лейпцигъ. Первые ворвались въ улицы кенигсбергскіе ополченцы черезъ Гриммайскія ворота; спустя четверть часа русскіе егеря корпуса Сакена утвердились въ Галлескомъ предмѣстіи; еще нѣсколькими минутами позже, генералъ Паскевичъ съ 26-ою пѣхотною дивизіею взялъ штурмомъ Петровское предмѣстіе. Сопротивленіе непріятеля ослабѣвало. Уже онъ думалъ не о сраженіи, а о бѣгствѣ. Десятки тысячъ бѣглецовъ бросились въ дикомъ безпорядкѣ къ Ранштетской дорогѣ, но было уже поздно. Русскіе егеря спѣшили имъ на перерѣзъ. Ружейныя пули сыпались градомъ на нихъ. Въ этотъ моментъ раздался оглушительный трескъ, земля поколебалась, облака дыма и пыли затмили дневный свѣтъ, обломки, трупы людей поднялись на воздухъ. Французы взорвали каменный мостъ черезъ рѣку Эльстеръ, какъ разсказывали потомъ, преждевременно, по оплошности и суетливости сапернаго унтеръ-офицера [2]). Войскамъ, оставав-

---

[1]) Всѣ подробности о миссіи Толля и Нацмера см. Бернгарди, т. III, стр. 465—468. Изданіе II-е, т. III, стр. 524—528.

[2]) Бюлетень великой арміи разсказываетъ по этому поводу цѣлую исторію. Взрывъ моста порученъ былъ полковнику Монфору, который удалился само-

шимся еще въ Лейпцигѣ и тѣснившимся по дорогамъ къ рѣкѣ, прегражденъ былъ послѣдній путь къ спасенію. Имъ не оставалось иного исхода, какъ положить оружіе. Лишь немногіе пытались спастись черезъ рѣку вплавь. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ польскій генералъ Понятовскій, только что произведенный въ санъ маршала французской имперіи. Раненый, онъ бросился на конѣ въ рѣку, но пораженный пулею, пошелъ ко дну. Счастливѣе его былъ маршалъ Макдональдъ; ему удалось выбраться на противоположный берегъ. Лористонъ и многіе французскіе генералы сдались военно-плѣнными вмѣстѣ съ своими солдатами.

Стрѣльба еще продолжалась, побѣдители и побѣжденные тѣснились еще на улицахъ города, когда императоръ Александръ и король Фридрихъ Вильгельмъ достигли среди восторженныхъ восклицаній своихъ воиновъ рыночной площади. То былъ великій, незабвенный моментъ. Неизгладимыми чертами врѣзался онъ въ памяти очевидцевъ! Со всѣхъ сторонъ приливали на площадь все новыя и новыя войска. Тутъ сошлись отряды всѣхъ трехъ союзныхъ армій. Побѣдители при Кацбахѣ радостно привѣтствовали побѣдителей при Денневицѣ и героевъ Кульма. Всѣ вожди и генералы столпились вокругъ обоихъ монарховъ. Одушевленіе блистало на всѣхъ лицахъ, свѣтилось во всѣхъ глазахъ. Радостные клики народа, громовое „ура" солдатъ, звонъ колоколовъ заглушали послѣдніе выстрѣлы замирающаго боя. Старый Блюхеръ, одинъ изъ первыхъ, прибылъ на площадь. Увидѣвъ монарховъ, онъ сошелъ съ коня и преклонилъ передъ

вольно и передалъ возложенное на него важное порученіе капралу и четыремъ саперамъ. Капралъ человѣкъ невѣжественный, не понимавшій своего порученія, зажегъ мины, какъ только раздались первые выстрѣлы съ городскихъ укрѣпленій. Это имѣло, по словамъ бюлетеня, самыя ужасныя послѣдствія. Часть арміи и обозовъ и около 80 орудій принуждены были сдаться непріятелю. Безпорядокъ охватилъ всѣ войска и великая армія, до сихъ поръ побѣдоносная, превратилась въ побѣжденную. Итакъ, виновникомъ всѣхъ бѣдъ оказался въ концѣ концовъ безтолковый капралъ. Въ дѣйствительности взрывъ моста далеко не имѣлъ такого значенія,--катастрофа послѣдовала-бы и безъ него, такъ какъ русскія войска отрѣзали путь отступленія французамъ. См. Correspondance de Napoleon, т. 26, стр. 442.

ними свой мечъ, увѣнчанный столькими побѣдными лаврами. Императоръ Александръ отдался въ этотъ моментъ всецѣло благородному порыву своей души. Онъ соскочилъ съ лошади, бросился къ Блюхеру и, крѣпко обнимая его, обратился къ нему съ такими словами: „Любезный генералъ! вы дѣйствовали какъ нельзя лучше; вы освободитель Германіи!" —„Я только исполнилъ свой долгъ", отвѣчалъ разстроганный вождь „мои войска сдѣлали больше и гораздо больше" [1]). Всѣ присутствующіе поздравляли другъ друга. Многіе плакали отъ радости. Слезы текли по загорѣлымъ мужественнымъ лицамъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались торжественные звуки военной музыки. Всѣ сознавали въ эту минуту торжества праваго святаго дѣла неисповѣдимую благость Божественнаго Промысла. И высоко поднялись въ этотъ моментъ надежды и вѣрованія борцевъ великаго дѣла. „Борьба должна окончиться лишь низложеніемъ Наполеона", сказалъ въ этотъ день и на этомъ мѣстѣ Гнейзенау,—и его слова нашли себѣ радостный отголосокъ въ сотняхъ тысячъ сердецъ [2]).

---

[1]) Шерръ. Blücher, seine Zeit und s. Leben. т. III, стр. 284.
[2]) Бернгарди, т. III, стр. 469.

ГЛАВА II.

Александръ о результатахъ Лейпцигскаго боя.—Кому обязана Германія своимъ освобожденіемъ?—Обратная сторона картины.—Поле побоища.—Участь раненыхъ и печальное состояніе санитарной части.—Александръ увѣдомляетъ народъ свой о великой побѣдѣ надъ врагомъ.—Смиреніе побѣдителя.—Неудовлетворительное преслѣдованіе разбитаго непріятеля.—Толки и слухи.—Непостижимыя распоряженія австрійскихъ стратеговъ—и ихъ политическая подкладка.—Наполеонъ ускользаетъ отъ гибели, но его войско таетъ на пути.—Гіулай и В. К. Константинъ.—Шварценбергъ и его записочка къ Меттерниху.—Новое сумасбродство, или, быть можетъ, коварство австрійскаго генералиссимуса.—Бернадотъ и его Норвежскіе планы.—Баварцы пытаются заградить путь отступающему Наполеону.—Сраженіе при Ганау.—Наполеонъ за Рейномъ.—Отчаянное положеніе императора и его непреклонность.—Наполеонъ въ С—клу.—Раболѣпство французскаго сената и отвѣтъ Наполеона.—Оппозиція въ законодательномъ корпусѣ.—Гнѣвъ Наполеона и его грозная рѣчь депутатамъ.—Императоръ обходится безъ содѣйствія законодателей.—Онъ принимаетъ мѣры для возбужденія французскаго патріотизма—и собранія новыхъ силъ.—Австрійская политика способствуетъ съ своей стороны планамъ Наполеона.—Новая геніальная затѣя Меттерниха и Шварценберга.—Францъ долженъ предупредить Александра во Франкфуртѣ.—Неудача.—Торжественное вступленіе русскаго императора въ старый имперскій городъ.—Франкфуртъ,—центръ европейской политики и интриги.—Франкфуртское веселье и злоязычіе Н. Н. Муравьева.—Противоположности между русскою и австрійскою политикою.— Нѣмецкіе вассалы Наполеона и крайнее снисхожденіе къ нимъ со стороны союзниковъ.—Меттернихъ задается цѣлью спасти во чтобы то ни было Наполеона и его династію.—Онъ вступаетъ въ переговоры съ французами.—Баронъ С. Эньянъ и его бесѣда съ австрійскимъ канцлеромъ.—Ф. Кнезебекъ совѣтуетъ пріостановить на время военныя дѣйствія.—Александръ склоняеття на его доводы.—Онъ даетъ свое согласіе на переговоры съ Наполеономъ.—Мирная программа Меттерниха и уклончивый, высокомѣрный отвѣтъ императора французовъ.—Александръ и его совѣтники.—Поццо-ди-Борго, Разумовскій и Штейнъ.—Рѣшеніе продолжать войну.—Воззваніе Шварценберга къ французскому народу и декларація союзныхъ державъ.—Приказъ Александра по русскимъ войскамъ.—Еще разъ—идея священнаго союза.

„Позвольте мнѣ“, писалъ въ вѣчнопамятные дни Лейпцигскаго боя императоръ Александръ княгинѣ З. А. Волконской, „поднести вамъ краткій перечень результатовъ, дарованныхъ намъ въ достославные дни 4-го, 5, 6 и 7-го, гдѣ Наполеонъ самъ лично разбитъ былъ на голову подъ Лейпцигомъ, послѣ того какъ онъ собралъ всѣ свои силы. 300 пушекъ, 23 генерала и 37,000 плѣнныхъ—плоды безсмертныхъ подвиговъ нашихъ войскъ. Всевышній одинъ руководилъ всѣмъ и Ему мы обязаны всѣми этими блестящими

успѣхами“ [1]). А баронъ Штейнъ писалъ въ эти самые дни: „Зданіе, построенное безумною и гнусною тираніею, слѣпленное слезами и кровью стольких милліоновъ, лежитъ, ниспровергнутое въ прахъ. Отъ одного конца Германіи до другаго проносится радостный кличъ: палъ злодѣй и врагъ человѣческаго рода, разбиты позорные оковы, въ которыхъ держалъ онъ наше отечество, смытъ въ потокахъ французской крови позоръ, которымъ покрылъ онъ насъ. Этими великими успѣхами обязаны мы твердости и благородному мужеству, выказанными императоромъ Александромъ въ теченіи великаго кризиса прошлаго года, геройскому самопожертвованію его народа, духу справедливости и умѣренности, которыми руководился онъ во всѣхъ переговорахъ съ державами и убѣдилъ ихъ соединить свои усилія съ его усиліями“ [2]). „Провидѣніе оправдало себя великимъ судомъ, произнесеннымъ имъ надъ чудовищемъ. Собственное ослѣпленіе вовлекло Наполеона въ величайшія политическія и военныя ошибки, оно ускорило его паденіе и сдѣлало его посмѣшищемъ народовъ“. „Мы не обязаны этими великими результатами вліянію трусливыхъ политиковъ и жалкихъ властелиновъ; они достигнуты двумя кровавыми, полными подвиговъ, увѣнчанными лаврами, залитыми слезами походами. При Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кацбахѣ, Кульмѣ, Деннивицѣ, Лейпцигѣ, посѣяны сѣмяна великой радостной жатвы, ожидающей насъ. Воспользуемся же плодами этой жатвы въ духѣ набожности и благодарности Провидѣнію, въ духѣ умѣренности и кротости“ [3]).

Велико было торжество,—но велики и страшно тяжелы

---

[1]) См. Сборникъ Историческаго Общества, т. III, стр. 313. Общая потеря французовъ въ битвахъ подъ Лейпцигомъ доходила до 60,000 челов. и до 300 орудій. Союзники потеряли до 50,000 ч. въ томъ числѣ 22,000 русскихъ, 16,000 пруссаковъ, 12,000 австрійцевъ и 300 шведовъ.

[2]) Итакъ величайшій германскій патріотъ торжественно свидѣтельствовалъ, что Германія обязана была своимъ освобожденіемъ прежде и больше всего императору Александру и народу русскому. Никакія измышленія позднѣйшихъ германскихъ писателей не могутъ ослабить значеніе этого свидѣтельства.

[3]) См. Перцъ, Stein's Leben т. III, стр. 433—434. Письмо барона Штейна къ женѣ отъ 21 октября.

были жертвы, которыми было оно куплено. „Какъ я счастливъ, какъ я легко живу и дышу, не трудно себѣ представить“, писалъ Гнейзенау. „Высочайшее счастіе жизни— это удовлетвореніе мести высокомѣрному врагу. Мы насладились этою местью, какъ никто во всей всемірной исторіи. Государство спасено, тронъ утвержденъ. Мы стали бѣдны, но мы обогатились воинскою славою и можемъ гордиться возвращенною національною независимостью. Эти блага дороже, выше всѣхъ иныхъ богатствъ, сбереженныхъ цѣною рабства. Но зачѣмъ нѣтъ той, которая была достойнѣе всѣхъ счастія, зачѣмъ нѣтъ нашей усопшей королевы“. „А какими потоками крови куплена эта безпримѣрная побѣда! Четыре дня сряду сражалась Силезская армія. Изъ 103,000 ч., состояла она вначалѣ похода, теперь въ рядахъ ея насчитывается всего лишь 40,000; эти четыре дня подъ Лейпцигомъ навѣрное стоили союзникамъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ. Потери непріятеля намъ неизвѣстны. На разстояніи нѣсколькихъ миль вокругъ Лейпцига поля завалены тысячами убитыхъ, растерзанныхъ, раненыхъ. Вокругъ внутренняго города расположены, какъ извѣстно, широкіе, прекрасные бульвары. Здѣсь кипѣлъ бой 19 октября. Еще на другой день тамъ все было завалено умирающими, трупами людей и лошадей, обломками, опрокинутыми фурами и орудіями, оружіемъ, сѣдлами. Вся земля была пропитана кровью. То была горестная картина человѣческаго бѣдствія въ его высочайшей степени“ [1]).

Какъ въ земной жизни вообще, такъ и въ этомъ великомъ потрясающемъ событіи была своя обратная, темная, ужасная сторона. Благословенна была участь героевъ, пораженныхъ на смерть въ самый моментъ торжествующей побѣды; но ужасна, невыразимо тяжела была участь, выпавшая на долю десятковъ тысячъ раненыхъ воиновъ, валявшихся съ оторванными, раздробленными членами, среди грудъ мертвыхъ разлагающихся тѣлъ. Не хватало силъ и средствъ по-

---

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 435—436. Письмо Гнейзенау къ принцессѣ Луизѣ.

дать руку помощи этимъ несчастнымъ. Въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ оставались они на страшномъ полѣ, истекая кровью, томясь жаждою и голодомъ, коченѣя отъ стужи холодныхъ октябрьскихъ ночей. Одни только мародеры, одни только одиночные солдаты, совершенно одичавшіе среди ужасовъ и бѣдствій этой кампаніи, утратившіе всякое чувство человѣчности и стыда, бродили между несчастными, сдирали съ нихъ послѣднія лохмотья, безжалостно добивали ихъ прикладами, докалывали штыками. Страшная картина представилась Н. Н. Муравьеву, когда утромъ, 19 (7) октября, онъ попалъ случайно въ обгорѣлыя, залитыя кровью, заваленныя тысячами труповъ, развалины селенія Пробстъ-Гайды. „Я никогда не видалъ", говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „такого множества убитыхъ и раненыхъ, собранныхъ въ одномъ селеніи. Витгенштейновы солдаты давно уже ходили между ними, топтали ихъ, раздѣвали и докалывали безъ всякаго сожалѣнія. На полѣ мѣста, которыя заняты были французскими батареями, обозначались побитыми лошадьми, подбитыми и брошенными орудіями, которыхъ непріятель не могъ увезти" [1]). Таковы были условія, въ которыхъ находились раненые, оставшіеся на лейпцигскомъ полѣ. Что же удивительнаго, если цѣлыя тысячи ихъ, если цѣлая половина, сдѣлались жертвами мучительной смерти? Но мало чѣмъ легче была участь тѣхъ несчастныхъ, которые послѣ долгихъ мытарствъ попали, наконецъ, въ такъ называемые лазареты. Что творилось въ этихъ лазаретахъ,— объ этомъ свидѣтельствуетъ лучше всего знаменитый германскій врачъ этого времени, Рейль. Рейль поспѣшилъ добровольно на помощь несчастнымъ страдальцамъ, онъ взялъ на себя, по предложенію Штейна, общій надзоръ надъ всѣми госпиталями въ Лейпцигѣ и его окрестностяхъ. Вотъ отрывки изъ его донесеній Штейну:

„Ваше превосходительство поручили мнѣ представить вамъ отчетъ о состояніи лазаретовъ союзныхъ армій. Охотно исполняю ваше желаніе, ибо и темная сторона этой великой

---

[1]) Н. Н. Муравьевъ, записки, стр. 47.

эпохи не должна погибнуть для исторіи. Рано утромъ 25-го октября я прибылъ въ Галле. Въ этомъ маленькомъ городкѣ я нашелъ 7,000 больныхъ и постоянно прибывали новыя партіи съ полей битвъ при Лейпцигѣ. Было бы напрасно сдѣлать что нибудь для этихъ несчастныхъ въ короткій срокъ, бывшій въ моемъ распоряженіи. Я ограничился лишь самымъ необходимымъ и возможнымъ и долженъ замѣтить, что всѣ жители, безъ изъятія, изъявили полную готовность слѣдовать моимъ указаніямъ и принести посильную помощь. Отсюда я поспѣшилъ въ Лейпцигъ. Мнѣ хотѣлось организовать хотя сколько нибудь вывозъ больныхъ изъ этого вулкана, извергавшаго на всѣ стороны свои жертвы. По пути туда я встрѣчалъ безконечные обозы съ ранеными. Ихъ тащили на открытыхъ телѣгахъ, наваленныхъ грудами, безъ соломы, безъ всякаго прикрытія, точь въ точь какъ возятъ на убой телятъ мясники. За повозками тянулись страдальцы не нашедшіе себѣ мѣста на нихъ, въ томъ числѣ многіе тяжело раненые, съ прострѣленными, оторванными членами. И въ этотъ день, т. е. ровно черезъ недѣлю, послѣ вѣчно памятной битвы народовъ, находили на полѣ сраженія людей, неискоренимая жизненная сила которыхъ не могла быть разрушена ни ранами, ни ночными морозами, ни голодомъ. Въ Лейпцигѣ я нашелъ около 20,000 раненыхъ и больныхъ воиновъ всѣхъ націй. Необузданнѣйшая фантазія не въ состояніи набросать въ самыхъ яркихъ краскахъ картину ужаса, представившуюся мнѣ. Самый крѣпкій человѣкъ не въ состояніи созерцать въ совокупности эту панораму, я представлю вамъ лишь немногія черты страшнаго зрѣлища, черты, которыя я могу засвидѣтельствовать какъ очевидецъ. Наши раненые размѣщены въ такихъ мѣстахъ, гдѣ я не рѣшился бы помѣстить и больныхъ собакъ [1]). Они лежатъ или въ глухихъ подвалахъ, гдѣ воздухъ не содержитъ въ себѣ и такого количества кислорода, которое необходимо для пресмыкающихся, или въ школьныхъ помѣщеніяхъ съ выбитыми стеклами,

---

[1]) Въ подлинникѣ сказано: Man hat unsere Verwundete an Orte niedergelegt, die ich der Kaufmänin nicht für ihren kranken Möppel anbieten möchte.

или въ холодныхъ церквахъ, гдѣ холодъ атмосферы растетъ, по мѣрѣ того, какъ уменьшается ея испорченность, или, наконецъ, подобно нѣкоторымъ французамъ прямо на дворѣ, гдѣ небо служитъ вмѣсто кровли, гдѣ раздается вопль и скрежетъ зубовъ. Въ одномъ мѣстѣ больныхъ умерщвляетъ спертый воздухъ; въ другомъ ихъ истребляетъ морозъ. Не смотря на недостатокъ общественныхъ зданій, не подумали отвести подъ госпитали хотя нѣсколько частныхъ домовъ. Изъ 20,000 больныхъ ни одинъ не получилъ рубахи, простыни, одѣяла, матраца и кровати. Ни одной націи не отдано предпочтенія; всѣ бѣдствуютъ одинаково, и въ этомъ единственномъ отношеніи нѣтъ солдатамъ повода къ жалобамъ. Нѣтъ даже соломы, на которую можно было бы уложить раненыхъ; вмѣсто нея разсыпана по полямъ какая то труха [1]). Всѣ раненые, съ раздробленными руками и ногами, (а ихъ такое множество), которыхъ нельзя уложить на голомъ полу, должны погибнуть для союзныхъ армій. Одна часть ихъ уже умерла, другая умретъ навѣрное. Ихъ члены страшно распухли какъ бы вслѣдствіе отравы и поражены антоновымъ огнемъ [2]). Многіе раненые вовсе не перевязаны; другимъ не перемѣняютъ ежедневно повязокъ. Для повязокъ берутъ нерѣдко грубое сѣрое полотно или Древбургскіе соляные кули; понятно, что такія повязки могутъ разъѣсть даже здоровое тѣло. Ампутаціи производятся людьми невѣжественными, не умѣющими владѣть даже бритвою. Многіе неопытные субъекты, пользуясь случаемъ, дѣлаютъ свои первые эксперименты на раненыхъ членахъ нашихъ воиновъ. Въ прислугѣ страшный недостатокъ. Больные, не могущіе подняться, гніютъ въ собственныхъ нечистотахъ [3]). Пища

---

[1]) Sie haben nicht einmal Lagerstroh, sondern die Stuben sind mit Heckerling aus den Bivoua's ausgestreut, das nur für den Schein gelten kann".

[2]) Ihre Glieder sind wie durch Uergiftungen furchtbar angeschwollen, brandig, und liegen in allen Richtungen neben den Rümpfen: daher der Zinnbackenkrampf in allen Ecken und Winkeln, der um so mehr wuchert, als Hunger und Kälte seiner Haupturseche zu Hülfe kommen.

[3]) Für die gangbaren sind zwar offene Bütten ausgesezt, die aber nach allen Seiten überströmen, weil sie nicht ausgetragen werden. In der Petri-Kirche

приготовляется крайне небрежно и грязно и раздается больным въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Мясная порція состоитъ изъ двухъ, или въ самомъ лучшемъ случаѣ, изъ четырехъ лотовъ; хлѣба отпускаютъ на человѣка отъ 8 до 12 лотовъ. Пива и водки не отпускается вовсе; вмѣсто послѣдней даютъ иногда отвратительную жидкость съ запахомъ сивухи, содержащую въ себѣ не болѣе 10 градусовъ алкоголя".

„Заключаю мое донесеніе ужаснѣйшимъ зрѣлищемъ, при одномъ воспоминаніи о которомъ морозъ пробѣгаетъ по жиламъ. На открытомъ дворѣ городской школы я увидѣлъ цѣлую гору, состоявшую изъ всевозможныхъ отбросковъ и голыхъ и обезображенныхъ труповъ нашихъ воиновъ. Они валялись тутъ какъ останки преступниковъ и разбойниковъ; ихъ пожирали на виду у всѣхъ вороны и собаки. Такъ ругаются надъ тѣлами героевъ, падшихъ за отечество" [1]).

Донесенія Рейля имѣли самыя благотворныя послѣдствія. Императоръ Александръ какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Лейпцигѣ явился—ангеломъ-спасителемъ и утѣшителемъ страждущихъ. Его любящее сердце относилось съ одинаковымъ участіемъ къ страдальцамъ всѣхъ націй. Его рука не оскудѣвала въ широкомъ дѣлѣ благотворительности, и тамъ гдѣ дѣло шло о помощи несчастнымъ жертвамъ чудовищной войны, тамъ онъ не задумывался жертвовать сотнями тысячъ и милліонами [2]). Энергическій Штейнъ, поставленный волею русскаго императора во главѣ управленія освобожденныхъ отъ французовъ германскихъ земель, принялъ самыя рѣшительныя мѣры для эвакуаціи больныхъ, для устройства лазаретовъ. Лейпцигскіе банкиры и богатые купцы отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ участи раненыхъ, когда желѣзный баронъ объявилъ, что онъ помѣститъ по двадцати больныхъ башкирцевъ въ ихъ салонахъ и будуарахъ ихъ

---

stand eine soclhe Bütte neben einer andern, ihr gleichen, die eben mit der Mittagssuppe hereingebracht war. Тамъ-же другія, не менѣе возмутительныя подробности.

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 437—442, донесеніе Рейля.

[2]) Между прочимъ, императоръ Александръ пожертвовалъ въ пользу разоренной Саксоніи 800,000 франковъ. См. Перцъ, Stein's Leben т. III, стр. 454.

женъ; больничный персоналъ сталъ внимательнѣе къ своимъ паціентамъ, когда услышалъ, что старшими надзирателями въ лазаретахъ назначены будутъ казаки [1]). Рейль, воодушевляемый Штейномъ, неутомимо работалъ день и ночь надъ правильною организаціею санитарной части; его примѣръ, его указанія, его совѣты вызвали благородное соревнованіе и въ средѣ врачей и лейпцигскаго населенія [2]). Борьба съ смертью неутомимо и поспѣшно пошла впередъ и въ скоромъ времени Лейпцигъ, напоминавшій въ первое время послѣ битвы, какъ нельзя болѣе Вильну [3]), изъ притона заразы и гибели превратился въ пріютъ христіанской любви и помощи.

Какъ во всѣ великіе, рѣшительные моменты борьбы, такъ и теперь, когда Наполеонъ стремительно бѣжалъ къ Рейну съ жалкими остатками своихъ полчищъ, когда Германія ликовала при видѣ побѣдоносныхъ русскихъ легіоновъ и торжественно превозглашала своимъ освободителемъ ихъ вѣнценоснаго вождя, Александръ былъ крайне далекъ отъ всякаго самомнѣнія и превозношенія. Какъ въ 1812 г., такъ и теперь онъ считалъ единственнымъ виновникомъ торжества и побѣды Его Единаго, Господа Силъ. По распоряженію императора Шишковъ такими словами возвѣщалъ народу русскому о великихъ событіяхъ на театрѣ войны:

„Приводя на память себѣ едва-ли слыханныя происшествія, въ одинъ годъ и пять мѣсяцевъ совершившіяся, невозможно ни единому изъ Россіянъ не почувствовать въ умиленномъ сердцѣ своемъ живѣйшей благодарности къ Тому, Кто маніемъ Своимъ управляетъ небо и землю. Онъ располагаетъ судьбами царствъ, возноситъ славу народа, умудряетъ главу его, ополчаетъ десницу, укрѣпляетъ мышцы, ускоряетъ къ побѣдамъ стопы: во всемъ ономъ удивилъ Богъ милость Свою надъ нами“.

---

[1]) Эти оригинальныя мѣры предложены были Штейну докторомъ Рейлемъ. См. Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 442.

[2]) Самъ Рейль сдѣлался, къ сожалѣнію, въ скоромъ времени жертвою страшной эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Лейпцигѣ. См. Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 443.

[3]) Лейпцигъ напомнилъ Арндту Вильну.

„Въ прошедшемъ году видѣли мы, Русскіе, обширную страну нашу безчисленными непріятельскими полчищами наводненную. Казалось, свирѣпое море сіе горами волнъ своихъ покроетъ и поглотитъ насъ. Кто могъ поставить имъ оплотъ? Сомнительны были надежды и трудно спасеніе! Мы стояли на краю гибели и съ нами гибла вся Европа. Но крѣпокъ и силенъ человѣкъ упованіемъ на Бога! Не проходитъ четырехъ мѣсяцевъ, какъ грозныя волны сіи, сокрушась о камень твердости народной и попираемыя сильною грудью войскъ нашихъ, съ такимъ ужасомъ текутъ назадъ, съ какою лютостью къ намъ стремились: текутъ, одна другую давятъ, и всѣ погибаютъ. Кто могъ сотворить сіе чудное и почти мгновенное превращеніе величайшей силы въ величайшую немощь? Не тотъ-ли Единый, о Комъ божественный пророкъ сказалъ: дхнетъ духъ Его и потекутъ воды, коснется горамъ и воздымятся“.

„Исчезли силы врага; разстаяли какъ воскъ отъ лица гнѣва Божія. Но праведнымъ судьбамъ угодно было, чтобы неукротимый, непримиримый повелитель ихъ спасся. Извѣстны зложеланіе его и ненависть къ россійской державѣ, или паче ко всему роду человѣческому. Ненасытимая жадность къ бранямъ принесла уже безчисленное множество жертвъ безпредѣльному его властолюбію. Земля дымится пролитою имъ милліоновъ людей кровью. И такъ, не взирая на истребленіе войскъ его, не было никакой возможности достигнуть съ нимъ до желаемаго спокойствія и тишины. Увѣренность набрать въ землѣ своей новое, уже заблаговременно приготовленное имъ воинство, надежда на повиновеніе чужихъ, порабощенныхъ имъ земель, неволею и противъ пользъ своихъ съ нимъ соединенныхъ, не давали погаснуть кипящему въ сердцѣ его духу брани. Надлежало для достиженія сего двигнуть побѣдоносное россійское воинство за предѣлы сей великой имперіи. Приближеніе наше къ Пруссіи возбудило въ семъ храбромъ народѣ мужество, радость и соревнованіе: онъ, свергнувъ съ себя иго насилія, присоединился къ намъ и составилъ съ нами единую душу. Воспослѣдовавшія потомъ сраженія при Люценѣ и при Бауценѣ хотя нанесли тяжкіе

непріятелю удары, однакожъ, силы его оставались еще такъ велики, что для надежнѣйшаго преодолѣнія оныхъ, нужно было показать видъ нѣкотораго уступленія, дабы черезъ то приблизиться къ Богеміи. Перемиріе доставило намъ способъ пріумножить наши силы и дало время колеблющейся въ рѣшительности своей австрійской имперіи приготовиться и ополчиться противъ общаго врага, отвергавшаго всякое предложеніе о мирѣ, въ которомъ ничего не требовалось, кромѣ спокойствія Европы и отреченія его отъ неправаго преобладанія царствами и народами, ему неподвластными. Такимъ образомъ, Богъ благословилъ союзу сему распространиться и утвердиться. Побѣдоносная Россія, вмѣстѣ съ ободренною примѣромъ ея Пруссіею, шествовала освободить Европу. Гишпанія и Англія отъ долговременнаго на нихъ однѣхъ устремленія великихъ силъ непріятельскихъ отдохнули. Швеція, столь-же какъ и прочія державы угнетенная, присоединяетъ подъ предводительствомъ наслѣднаго принца своего силы свои къ нашимъ силамъ. Одна Саксонія и Рейнскій союзъ воздыхали еще подъ насильственною властью".

„Въ семъ состояніи дѣлъ россійское воинство вступаетъ въ австрійскіе предѣлы и приближается къ Саксоніи. Угрожаемый, но ни мало не уменьшающій киченія своего, непріятель, видя приближеніе къ себѣ наше, кидается съ яростью на три разные корпуса союзныхъ войскъ и вездѣ претерпѣваетъ пораженіе. Съ одной стороны, гвардія наша, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Остермана, и потомъ подоспѣвшіе къ ней армейскіе полки подъ начальствомъ главнокомандующаго Барклая-де-Толли, истребляетъ сорока-тысячный непріятельскій корпусъ, посланный подъ предводительствомъ извѣстнаго лютостью своею Вандамма, ворваться въ Богемію и овладѣть столичнымъ городомъ ея Прагою; но судьба Всевышняго предаетъ его со всѣми другими подъ нимъ начальниками, войсками и орудіями въ наши руки. Съ другой стороны наслѣдный принцъ шведскій, повелѣвающій частью россійскихъ и прусскихъ войскъ, одерживаетъ знаменитую побѣду, отъемлетъ знатное число орудій, и беретъ въ плѣнъ многихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ.

Съ третьей стороны, прусскій генералъ, (нынѣ фельдмаршалъ) Блюхеръ со своими и нашими войсками наноситъ страшные сопротивнику удары, и также лишаетъ его знатной части войскъ и великаго числа орудій".

„Раздраженный сими потерями, непріятель собираетъ всѣ свои силы подъ стѣнами Лейпцига и еще дышетъ мщеніемъ и надеждою возстать и возвеличиться. Между тѣмъ стремящіеся по разнымъ направленіямъ корпусы наши со всѣхъ сторонъ его окружаютъ. Страшное число войскъ стѣсняется на малой округѣ земли, и жаркая, лютѣйшая брань, долженствующая рѣшить судьбу царствъ, возгорается и начинаетъ пылать. Непріятель сильно упорствуетъ. Огнь и смерть растилаются по всему пространству полей, и густой градъ ядеръ и пуль сыплется во всѣ страны. Долго въ стонѣ воздуха и затмѣніи свѣта побѣда стоитъ сомнительною. Слухъ не слышитъ ничего, кромѣ грома и треска; око не видитъ ничего, кромѣ мрака и дыма. Напослѣдокъ праведное оружіе блистаетъ во всей своей славѣ, и утѣснитель народовъ съ остатками разбитыхъ и разсѣянныхъ войскъ своихъ, оставя поле сраженія, бѣжитъ укрыться въ городѣ, но не укрывается: побѣдоносное наше воинство течетъ за нимъ и поражаетъ его въ самыхъ стѣнахъ града. Но что еще? о Промыселъ Божій! о праведное воздаяніе хищности и насилію! войска угнетенныхъ народовъ, поневолѣ присоединенныя къ войскамъ поработителя своего, свергаютъ съ себя, во время самаго сраженія, поносное иго рабства, исторгаются изъ среды оскорбителей своихъ и, обратя на нихъ оружіе, съ удивительною храбростью смываютъ съ себя стыдъ притѣсненія кровью притѣснителей. Наконецъ, вездѣ врагу предстоитъ погибель. Въ единой быстротѣ бѣгства остается ему искать спасенія. Знамена его, орудія, снаряды, полководцы, начальники, воины въ невѣроятномъ множествѣ падаютъ и преклоняются предъ побѣдителемъ".

„Тако рѣшилась важная, воцаряющая правду, всѣ племена и народы воскрешающая битва! Плоды ея неисчетны, слѣдствія спасительны для нынѣшнихъ и будущихъ родовъ всего человѣчества. Очарованіе разрушено, гордость низринута,

слѣпота умовъ и страхъ сердецъ развѣяны, злочестіе и злоба скованы. Непріятель съ малыми остатками изнуренныхъ силъ своихъ вогнанъ въ предѣлы своего царства. Мы на берегу Рейна, и Европа освобождена".

„Проходя мыслію всѣ сіи дивныя событія, предъ очами нашими происходящія, хотя съ совершенною признательностію отдаемъ мы всю должную справедливость искусству вождей, храбрости нашихъ и союзныхъ войскъ,—заслуги и дѣла ихъ никогда не изгладятся изъ памяти потомства, — но вникая въ цѣпь различныхъ случаевъ, часто неудобопредвидимымъ образомъ обращавшихся въ нашу пользу, не можемъ мы въ благоговѣйномъ чувствованіи души нашей не признать явно и очевидно нисходящаго свыше на насъ Промысла и благодати Божіей. Его неисповѣдимая премудрость водитъ насъ по стезямъ чести; Его всесильный перстъ указуетъ намъ путь спасенія; Его святая воля, коснувшись душъ и тѣлесъ нашихъ, творитъ ихъ твердыми и крѣпкими. И такъ да умолкнетъ предъ Нимъ всякая слава человѣческая, да принесется она отъ каждаго изъ насъ, яко жертва смиренія, Тому, отъ Кого все имѣетъ свое начало, и безъ Котораго всѣ наши дѣянія и способности суть ничтожны. Не забудемъ Бога, да не забудетъ Онъ насъ. Мы увѣрены, что всякъ изъ вѣрноподданныхъ нашихъ всегда, наипаче-же послѣ толикихъ изліянныхъ на насъ милостей Господнихъ, почувствуетъ сіе во глубинѣ души своей и чувствовать не престанетъ. Сего ради повелѣваемъ: да отворятся во всемъ пространствѣ области нашей всѣ Божественные храмы; да принесется во всѣхъ церквахъ торжественное молебствіе и колѣнопреклоненіе всемогущему Творцу; да прольются отъ всего народа горячія слезы благодарности за неизреченное Его къ намъ милосердіе. Онъ высокою мышцею Своею изъялъ насъ изъ хлябей бездны и поставилъ насъ на высоту славы. Что воздадимъ Ему, кромѣ радостныхъ слезъ и рыданій?" [1]).

---

[1]) Странная участь постигла этотъ замѣчательный документъ. Шишковъ говоритъ слѣдующее: „Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда моего во Франк-

Извѣщая вѣрный народъ свой о новой неизреченной милости Всевышняго, о великой побѣдѣ праваго и святаго дѣла, одержанной на кровавыхъ поляхъ Лейпцига, императоръ Александръ не могъ объявить ему, однакоже, вожделѣнный конецъ брани и кровопролитія, водвореніе мира и тишины. Чаша золъ и бѣдствій не была еще испита до дна. Повторилось тоже самое, что и въ 1812 году. Полчища тирана были разбиты на голову, но самъ онъ успѣлъ ускользнуть отъ гибели и увелъ съ собою за Рейнъ около 60,000 войска. Спрашивается, кто былъ виновникомъ такого страшнаго опущенія, какъ могло случиться, что остатки разбитой французской арміи могли достигнуть благополучно предѣловъ своего отечества въ виду трехсотъ тысячной союзной арміи, окружавшей ихъ почти со всѣхъ сторонъ? Уже современники, и притомъ люди, отнюдь не посвященные въ стратегическія тайны союзной главной квартиры, указывали пальцами на лицъ, построившихъ золотой мостъ Наполеону послѣ Лейпцигскаго погрома. Шишковъ еще въ бытность свою въ Прагѣ слышалъ общіе толки о томъ, какъ „худо преслѣдованъ былъ Наполеонъ послѣ Лейпцигской битвы". „Какимъ образомъ", говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „съ разбитымъ войскомъ, котораго оставалось у него не болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ, могъ онъ спастись и придти во Францію, имѣя впереди себя сто тысячъ союзныхъ войскъ, да за собою всю, идущую по сторонамъ его побѣдоносную армію? Какимъ образомъ обошелъ онъ передовыя союзныя войска, допустившія его безпрепятственно опередить ихъ и такъ отъ него отставшія, что баварскій генералъ Вреде, ожидавшій его съ сорокатысячнымъ корпусомъ своимъ въ

фуртъ, государь позвалъ меня къ себѣ и приказалъ написать бумагу о послѣднемъ при Лейпцигѣ сраженіи. Я написалъ при титулѣ обыкновенный манифестъ. Онъ былъ имъ очень доволенъ, но оставилъ у себя для прочтенія еще разъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ возвратилъ мнѣ бумагу, сказавъ, чтобы издать ее не въ видѣ манифеста, но въ видѣ частнаго извѣщенія безъ его подписи". Въ краткихъ запискахъ Шишкова замѣчено по этому поводу: „Вѣроятно, потому, что много уже прошло времени безъ всякаго о томъ извѣщенія". См. записки Шишкова. Т. I, стр. 231.

Ганау, долженъ былъ сражаться съ нимъ одинъ, безъ всякой подоспѣвшей къ нему помощи? Могло ли бы сіе статься, если бы въ дѣйствіяхъ противъ него не было или грубыхъ ошибокъ, или явнаго потворства, доставившаго ему средства, по возвращеніи во Францію, господствовать и ополчать ее къ продолженію войны" [1]). Шишкову сообщали, что не было недостатка ни въ грубыхъ ошибкахъ, ни въ явномъ потворствѣ. Ему разсказывали, какъ въ одномъ мѣстѣ австрійскій генералъ безпрепятственно пропустилъ Наполеона; какъ Блюхеру не дозволили идти тою дорогою, по которой онъ могъ настигнуть непріятеля, какъ воротили назадъ Витгенштейна, быстро стремившагося по пятамъ Наполеона. Лица, передававшія эти свѣдѣнія Шишкову, указывали, не обинуясь, откуда проистекали всѣ эти помѣхи. Главными источниками ихъ были австрійскій кабинетъ и австрійская главная квартира. Въ самой Австріи населеніе, особенно славянское, относилось съ крайнимъ недовѣріемъ къ политикѣ графа Меттерниха и стратегіи князя Шварценберга. Въ Прагѣ разнесся даже, однажды, слухъ, что оба они смѣнены и отправлены подъ стражею въ Вѣну [2]).

---

[1]) Шишковъ, записки т. I, стр. 235.

[2]) „Во всѣхъ австрійскихъ дѣйствіяхъ", читаемъ мы въ запискахъ Шишкова, и военныхъ и политическихъ замѣчалась нѣкоторая слабость и нечистосердечіе. Манифестъ ихъ, изданный по разрывѣ конгресса, хотя и объявлялъ Наполеону войну, но въ безпрестанныхъ едва не въ каждой строкѣ его величаніяхъ почтительными выраженіями и титуломъ императорскаго величества, казалось, изъявлялъ передъ нимъ робость свою, и какъ бы, въ случаѣ поворота французской власти, напередъ испрашивалъ у него прощенія и помилованія. Извѣстно, что подъ Лейпцигомъ побѣда была бы не столь полная, еслибъ государь нашъ самъ не рѣшился принудить австрійцевъ войти въ Лейпцигъ, чего Шварценбергъ не хотѣлъ, довольствуясь одержанною поверхностью на полѣ битвы"... „Несогласія между австрійцами и нашими людьми оказывались часто. Въ Богеміи, также и въ другихъ мѣстахъ, во время похода, нѣсколько нашихъ солдатъ казаковъ и даже офицеровъ были отъ нихъ убиты и убійцы остались безнаказанными. Графъ Витгенштейнъ, предводительствуя иногда прикомандированными къ нему австрійцами, никогда не спрашивалъ у начальниковъ ихъ, какъ велико съ ними число людей, но сколько у нихъ паръ башмаковъ, ибо они часто за неимѣніемъ ихъ отговаривались выходить во фронтъ. Онъ отдавалъ иногда приказы: marchiren ohne kochen, потому что они часто не шли въ походъ отзываясь, что еще кашу варятъ. Полицейскій генералъ

Само собою понятно, что этотъ последній слухъ былъ не более какъ пустая выдумка, но все остальное, о чемъ говорили Шишкову, было буквально верно и подтверждается какъ нельзя лучше позднейшими документальными известіями. Мы уже видели, что австрійскій штабъ принялъ съ своей стороны все меры, чтобы дать Наполеону возможность ускользнуть благополучно изъ Лейпцига съ остатками своей арміи. Этого мало! Онъ позаботился обезпечить и дальнейшее отступленіе непріятеля до самого Рейна. Еще утромъ 19-го (7) октября предъ вступленіемъ въ Лейпцигъ, состоялся на открытомъ поле въ присутствіи императора Александра, короля прусскаго и князя Шварценберга военный советъ, въ которомъ установленъ былъ общій планъ преследованія Наполеона. Императоръ Александръ предлагалъ самыя решительныя и вполне разумныя меры, и его предложенія приняты были безусловно всеми присутствующими. Было положено, что богемская армія будетъ следовать за отступающимъ непріятелемъ по левой стороне, что силезская будетъ теснить его съ праваго фланга и что армія Бенигсена будетъ преследовать его по пятамъ. Гонимый и теснимый, такимъ образомъ, со всехъ сторонъ Наполеонъ долженъ былъ неизбежно наткнуться на австро-баварскую армію, спешившую форсированными маршами къ Франкфурту, и подвергнуться совершенному истребленію на берегахъ Рейна. Какъ ни целесообразенъ и ни энергиченъ казался этотъ планъ на первый взглядъ, но въ немъ былъ съ самаго начала одинъ весьма существенный пробелъ: въ немъ не упоминалось вовсе о целой четверти союзныхъ силъ, о войскахъ, бывшихъ подъ начальствомъ Бернадотта. На это бы-

---

нашъ Гертель говаривалъ мне, что если-бы дали ему волю собирать по дороге отстающихъ отъ похода цесарцевъ, то онъ бы набралъ ихъ целые полки. Войска бывшаго рейнскаго союза хотя и вооружались, чтобы соединиться съ нами, но съ великою медленностью и подъ сомненіемъ. Шведскій принцъ Бернадоттъ, хотя и хорошо действовалъ, но берегъ своихъ людей и казалось больше помышлялъ о датчанахъ и норвежцахъ, нежели о деле общемъ. И такъ, вся надежда была на русскихъ и на пруссаковъ, которые одни только усердно и дружно во всехъ битвахъ кровь свою проливали". Шишковъ, записки, т. I, 235—237.

ли, впрочемъ, свои причины, характеризующія, какъ нельзя болѣе внутреннія отношенія коалиціи. Никто, даже императоръ Александръ, не рѣшался отдавать приказанія сѣверной арміи, не посовѣтовавшись предварительно съ ея главнокомандующимъ, хотя цѣлыя три четверти этой арміи состояли изъ русскихъ и прусскихъ войскъ [1]).

Помимо этого важнаго обстоятельства, осуществленіе плана возможно было лишь при одномъ условіи: необычайной и вовсе не свойственной австрійскому штабу быстротѣ дѣйствій. Вмѣсто того чтобы позаботиться именно объ этомъ условіи, австрійскіе стратеги начали ломать себѣ голову надъ тѣми возможностями, которыя могли возникнуть изъ предполагаемыхъ a priori маневровъ Наполеона. Имъ вдругъ представилось, что Наполеонъ навѣрное остановится у Эрфурта и попытается здѣсь еще разъ вступить въ битву съ союзниками. Какъ ни странно было это предположеніе, но Шварценбергъ и его совѣтники пришли по поводу его въ глубокое раздумье и стали измышлять мѣры для противодѣйствія Наполеону у Эрфурта. Между прочимъ они убѣдили Бернадотта двинуться съ своими войсками черезъ Мерзебургъ и Кверфуртъ къ Зондерсгаузену, дабы обойти, такимъ образомъ, съ лѣваго фланга воображаемыя позиціи Наполеона у Эрфурта. Въ этомъ же направленіи была двинута и вся армія Бенингсена и для соблюденія единства въ дѣйствіяхъ, она подчинена была командѣ Бернадотта. Направивъ такимъ образомъ цѣлую треть союзныхъ силъ въ сторону отъ непріятеля, австрійскіе стратеги постарались также разбросать въ этотъ рѣшительный моментъ свои войска. Имъ вдругъ понадобилось завоевать именно теперь же крѣпости на средней Эльбѣ и принудить къ сдачѣ маршала Сенъ-Сира въ Дрезденѣ. Для первой цѣли они отрядили многочисленный прусскій корпусъ генерала Тауэнцина, для второй—они отослали назадъ не менѣе многочисленный австрійскій корпусъ генерала Кленау [2]).

---

[1]) Бернгарди, т. III, стр. 476.
[2]) Бернгарди, т. III, стр. 471.

Остальныя войска богемской арміи двигались, согласно съ австрійскою диспозиціею, необычайно медленно. Казалось, что Шварценбергъ заботился лишь о томъ, чтобы отстать какъ можно дальше отъ Наполеона и упустить его совершенно изъ виду. Въ теченіи всего 20 (8) числа только одинъ отрядъ Гіулая подвинулся нѣсколько впередъ и достигъ Наумбурга, что же касается до главной массы богемской арміи, то она оставалась еще вечеромъ этого дня близь Пегау на Эльстерѣ, т. е. въ виду Лейпцига. Несравненно быстрѣе двигалась силезская армія. Старый Блюхеръ напрягалъ всѣ силы своихъ солдатъ, чтобы настигнуть непріятеля. Хотя войска его принуждены были сдѣлать большой обходъ, чтобы выйти на путь отступленія Наполеона, тѣмъ не менѣе, корпуса Сакена и Ланжерона дошли еще вечеромъ 20 числа до Люцена, тогда какъ корпусъ Іорка, шедшій впереди, достигъ до береговъ рѣки Унштрута и выдержалъ здѣсь ожесточенную схватку съ отступающимъ непріятелемъ. Эта схватка могла бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія для Наполеона, если бы только Іоркъ располагалъ сколько нибудь достаточными силами.

Отдѣлавшись отъ этого противника, Наполеонъ неудержимо продолжалъ свое отступленіе. Никто уже не преслѣдовалъ его, но армія его таяла быстро какъ весенній снѣгъ подъ лучами жаркаго солнца. Въ Эрфуртѣ императоръ думалъ остановиться на одинъ или два дня, чтобы привести хотя сколько нибудь въ порядокъ свои войска, снабдить ихъ амуниціею и всѣмъ необходимымъ. Но армія была уже такъ деморализована, такъ упала духомъ, что всѣ попытки возстановить ея организацію оказались тщетными. Тифъ свирѣпствовалъ съ страшною силою въ ея рядахъ и уносилъ ежедневно тысячи людей. Дисциплина, чувство чести пали окончательно. Тысячи бросали оружіе и брели безпорядочными толпами по сторонамъ большой дороги. Завидѣвъ двухъ-трехъ казаковъ, бѣглецы эти, пораженные паническимъ страхомъ, падали на колѣни и умоляли взять ихъ въ плѣнъ. Солдаты утратили даже физическую выносливость. Они тащились впередъ, едва передвигая ноги и хотя погода была

вообще хорошая, и изморозки случались только по утрамъ, тѣмъ не менѣе тысячи солдатъ ежедневно отмораживали себѣ пальцы, а иногда и цѣлые члены. Въ Эрфуртѣ Наполеонъ приказалъ собрать отсталыхъ, размѣстить ихъ по батальонамъ и снабдить вновь ружьями; но уже на первомъ переходѣ они успѣли вновь ускользнуть изъ рядовъ и побросать ружья. Наполеонъ сердился, выходилъ изъ себя. Онъ кричалъ, что такимъ образомъ онъ потеряетъ до Рейна 80,000 солдатъ, онъ отдавалъ грозные приказы своимъ маршаламъ и генераламъ, но ни его гнѣвъ, ни его приказы не производили желаннаго впечатлѣнія. Его приверженцы, его подчиненные утратили окончательно послѣднюю вѣру въ него. Его грозное обаяніе разсѣялось, его звѣзда померкла. Эгоисты и трусы подумывали обезпечить свою собственную судьбу и спѣшили отречься отъ падающаго великана. Мюратъ первый подалъ примѣръ измѣны и бѣгства. Онъ вдругъ вспомнилъ о своемъ Неаполитанскомъ королевствѣ и тайкомъ бѣжалъ изъ императорскаго лагеря. Жалкій авантюристъ, выдвинутый могучею рукою Наполеона, вдругъ вообразилъ, что онъ можетъ стоять на собственныхъ ногахъ, что онъ можетъ пережить паденіе своего благодѣтеля [1]).

Императоръ Александръ былъ внѣ себя отъ гнѣва, узнавъ какимъ способомъ совершается преслѣдованіе побѣжденнаго непріятеля. Желая исправить хотя сколько нибудь ошибки Шварценберга, онъ немедленно приказалъ сформировать отрядъ легкихъ русскихъ войскъ подъ командою Ожаровскаго и Палена и предписалъ имъ двинуться съ наивозможною быстротою въ слѣдъ непріятеля. При отрядѣ находился великій князь Константинъ. Утромъ 21 (9) октября, русскіе миновали Наумбургъ и къ величайшему удивленію своему замѣтили, что австрійскій отрядъ Гіулая преспокойно расположился на бивуакахъ. Самъ достойный начальникъ ихъ покоился крѣпкимъ сномъ въ полуразрушенной корчмѣ. Эскадронъ кирасиръ, сидя на конѣ, охранялъ безопасность его особы, а въ двухъ или трехъ миляхъ отъ корчмы французы

---

[1]) Бернгарди, т. III, стр. 471—472.

преспокойно проходили через Ауэрштедъ. Великій князь Константинъ обрушился на Гіулая. Произошла крайне непріятная сцена; но къ счастью, прибывшій въ это время, Барклай-де-Толли успѣлъ успокоить цесаревича [1]).

Между тѣмъ князь Шварценбергъ упорно стоялъ на своемъ предположеніи, что Наполеонъ намѣревается дать союзникамъ сраженіе при Эрфуртѣ; въ виду этого онъ собралъ въ теченіи 24 и 25 октября корпуса богемской арміи въ окрестностяхъ Веймара, а самъ отправился въ Германскія Аѳины, гдѣ ожидали его празднества и почести и что всего важнѣе, пріятная бесѣда съ Меттернихомъ. Союзный главнокомандующій обремененъ былъ въ это время множествомъ дѣлъ, но больше всего онъ хлопоталъ о томъ, чтобы поболтать съ Меттернихомъ. А болтать было о чемъ. „Пріѣзжайте сюда пораньше", чтобы имѣть время поговорить, писалъ онъ Меттерниху. „Мы переживаемъ очень важное время, и мнѣ крайне необходимо побесѣдовать съ вами. Предстоитъ уладить тысячи мелочей, прежде чѣмъ я углублюсь въ горы и не буду имѣть возможности видѣть васъ въ теченіи нѣсколькихъ дней" [2]).

---

[1]) „Великій князь разсердился, узнавъ, что Гіулай самъ въ этой корчмѣ и еще съ ночлега не подымался. Онъ послалъ Куруту съ приказаніемъ замѣтить ему медленность, съ которою онъ двигался. Грекъ Курута зналъ генерала Гіулая въ лицо. Гіулай, узнавъ о прибытіи великаго князя, вышелъ изъ корчмы и наткнулся на Куруту, который притворился, что его не узналъ и сталъ спрашивать его, гдѣ бы найти этого Гіулая, который такъ поздно встаетъ и не исполняетъ приказаній начальства. „Я самъ генералъ Гіулай", отвѣчалъ цесарецъ. „Ахъ извините меня, генералъ", продолжалъ Курута, „я не имѣлъ чести знать васъ въ лицо, но вотъ уже его высочество прибылъ съ резервами; мы полагали, что вы уже давно вступили въ дѣло и отрѣзали непріятелю путь къ отступленію". Великій князь пылалъ отъ гнѣва. Онъ подскакалъ къ австрійскому эскадрону и, скомандовавъ ему по-нѣмецки, самъ поскакалъ къ Ауерштеду. Эскадронъ двинулся за нимъ на рысяхъ. Гіулай испугался и совсѣмъ потерялся. Константинъ Павловичъ надѣлалъ бы тутъ большаго шума, еслибъ въ то самое время не пріѣхалъ Барклай съ своею главною квартирою. Онъ послалъ воротить великаго князя, который по долгу службы явился къ главнокомандующему. Нѣмецъ пожурилъ нашего цесаревича за его запальчивость и даже напомнилъ ему, что онъ его начальникъ. Константинъ Павловичъ, какъ добрый подчиненный, терпѣливо перенесъ выговоръ". Н. Н. Муравьевъ, Записки стр. 48—49.

[2]) См. Oesterreich's Theilnahme an den Befreiungskriegen, стр. 769.

Эта записочка, набросанная, такъ сказать, на лету, характеризуетъ какъ нельзя лучше австрійскаго генералиссимуса. Онъ хлопоталъ больше всего о свиданіи и бесѣдѣ съ Меттернихомъ, онъ былъ занятъ и поглощенъ тысячами мелочей,—и очевидно думалъ меньше всего о самомъ главномъ, о своей существеннѣйшей задачѣ, преслѣдованіи разбитаго непріятеля. Среди праздности и совѣщаній въ главную квартиру пришло извѣстіе, что Наполеонъ вовсе и не думалъ о битвахъ подъ Эрфуртомъ, что простоявъ сутки подъ этимъ городомъ, онъ поспѣшно двинулся далѣе на Эйзенахъ и Фульду къ Ганау. Что-же предпринялъ князь Шварценбергъ, получивъ это важное извѣстіе? Ему вдругъ вообразилось, что Наполеонъ навѣрное не пойдетъ на Ганау и Майнцъ, такъ какъ на этомъ пути его ожидаетъ армія Вреде, что онъ непремѣнно повернетъ на болѣе сѣверную дорогу и выйдетъ къ Рейну близь Кобленца. Забравъ себѣ въ голову это новое сумасбродство [1]), Шварценбергъ рѣшился съ своей стороны направить къ Кобленцу через Гиссенъ и Кельнъ всю силезскую армію; этого мало, онъ рѣшился дать такое-же направленіе войскамъ Витгенштейна. Распоряженія Шварценберга были, къ несчастію, исполнены на этотъ разъ буквально. Блюхеръ и Витгенштейнъ, скрѣпя сердце, принуждены были прекратить преслѣдованія непріятеля и уклониться въ сторону. Наполеонъ освободился отъ всякаго преслѣдованія. Путь къ Рейну былъ очищенъ для него австрійскимъ штабомъ. Только одни казаки Платова и партизаны гнались за нимъ по пятамъ. Они забирали въ плѣнъ тысячи отсталыхъ и мародеровъ, захватывали орудія и добычу, бросаемыя по дорогѣ непріятелемъ, но не въ состояніи были нанести ему рѣшительнаго удара.

Между тѣмъ Бернадоттъ рѣшилъ, что теперь настало самое удобное время для осуществленія его Норвежскихъ плановъ. Двойная игра, въ которую игралъ до сихъ поръ бывшій Наполеоновскій маршалъ, не принесла пока ему самому ни какихъ видимыхъ благъ. Надежда, которую онъ пи-

---

[1]) А быть можетъ, коварство, внушенное ему Меттернихомъ.

талъ въ глубинѣ души на императорскую корону Францiи, такъ и оставалась пока надеждою. Вернуться въ Швецiю съ одною этою надеждою и съ сомнительными побѣдными лаврами было для него во всѣхъ отношенiяхъ неудобно. Ему надо было чѣмъ нибудь оправдать себя въ глазахъ шведовъ и во всякомъ случаѣ не являться къ нимъ съ пустыми руками. И ловкiй Гасконецъ, не думая долго, рѣшилъ оставить пока своихъ союзниковъ и идти на Данiю. 30 октября (18-го) сѣверная армiя сосредоточена была у Гейлигенштата. Отсюда, согласно общему плану, она должна была идти на Кассель и Дюссельдорфъ. Но Бернадоттъ внезапно, не дожидаясь даже согласiя союзныхъ государей, поворотилъ изъ Гейлигенштата на сѣверъ и двинулся черезъ Ганноверъ на Гамбургъ. Онъ мотивировалъ свой маневръ намѣренiемъ отрѣзать маршала Даву отъ Францiи, но само собою понятно, что никто не вѣрилъ его заявленiямъ и что въ союзномъ лагерѣ всѣ понимали отлично куда и зачѣмъ направился на этотъ разъ ловкiй интриганъ. Понятно, что никто не могъ помѣшать Бернадотту вести куда угодно своихъ шведовъ; но удивительно, что ему позволили увести за собою съ главнаго театра войны цѣлые корпуса пруссаковъ и русскихъ [1]).

И въ этомъ обстоятельствѣ, равно какъ и въ массѣ другихъ, отражались, какъ нельзя лучше, странные, чтобы не сказать болѣе, порядки, господствовавшiе въ это время въ главной квартирѣ союзниковъ. Австрiйское теченiе, представляемое Меттернихомъ и Шварценбергомъ, взяло въ ней окончательно верхъ. Императоръ Александръ послѣ отъѣзда своего изъ Лейпцига очутился въ положенiи полнѣйшаго одиночества. Его вѣрный союзникъ, король прусскiй, уѣхалъ на время въ Берлинъ, его лучшiй совѣтникъ и крѣпчайшая опора, баронъ Штейнъ, остался въ Лейпцигѣ. Впечатлительный, увлекающiйся, и иногда податливый императоръ остался въ средѣ австрiйскихъ дипломатовъ и генераловъ, и ихъ влiянiе, ихъ настойчивыя внушенiя не могли не

[1]) Русско-прусскiя войска отдѣлились, впрочемъ, впослѣдствiи отъ Бернадотта. Корпусъ Бюлова двинулся на Голландiю.

отзываться, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ на его рѣшеніяхъ. Впослѣдствіи разсказывали, что австрійцы убѣдили императора остановиться въ Веймарѣ и потерять тамъ безъ пользы три драгоцѣнныхъ дня. Безспорно также, что Шварценбергъ и его помощники побудили императора Александра согласиться на новое, совершенно ошибочное направленіе, данное войскамъ Блюхера и Витгенштейна.

Особенность князя Шварценберга и его совѣтниковъ Лангенау и Дуки заключалась въ томъ, что они упорно и вопреки всѣмъ очевидностямъ держались на разъ занятой ими точкѣ зрѣнія, что они проводили свои воззрѣнія до послѣдней степени возможности и нелѣпости. Такъ дѣйствовали они подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ, такъ дѣйствовали они и теперь. Забравши себѣ разъ въ голову, что Наполеонъ направляется съ главными своими силами не на Ганау и Франкфуртъ, а на Кобленцъ, и отославъ вслѣдствіе этого въ сторону лучшія силы русскихъ и пруссаковъ, Шварценбергъ далъ знать въ тоже время о своихъ предположеніяхъ баварскому генералу Вреде и сумѣлъ увѣрить его, что онъ будетъ имѣть дѣло лишь съ небольшою частью Наполеоновыхъ силъ. Вреде, человѣкъ храбрый и рѣшительный, но не особенно опытный и искусный полководецъ, принялъ слова австрійскаго генералиссимуса за чистую монету, и построилъ на нихъ весь свой операціонный планъ. Онъ не позаботился занять узкій и опасный проходъ у Геленгаузена и расположилъ свои войска въ открытой мѣстности на берегу рѣчки Кинцига у Ганау. Въ распоряженіи Вреде находилось всего на-всего 40,000 человѣкъ, тогда какъ его противникъ располагалъ, по крайней мѣрѣ, 80,000 войска. При такомъ неравенствѣ силъ исходъ сраженія не оставался долго сомнительнымъ. Правда, баварцы дрались съ геройскимъ мужествомъ и причинили французамъ страшныя потери, но все-же они были сбиты съ своихъ позицій и принуждены открыть дорогу Наполеону. Сраженіе продолжалось цѣлый день 30 (18-го) октября и только къ вечеру французы завладѣли переправами черезъ Кинцигъ и заняли городъ Ганау. Наполеонъ не въ состояніи былъ, однако-же,

воспользоваться своею послѣднею побѣдою на Германской землѣ. Оставивъ въ Ганау корпуса Бертрана и Мармона, онъ поспѣшно выступилъ утромъ 31 октября (19-го) къ Франкфурту съ гвардіею и остальною массою своихъ войскъ. Какъ только Вреде замѣтилъ отступленіе главныхъ массъ непріятеля, онъ тотчасъ-же предпринялъ нападеніе на Ганау. Сраженіе продолжалось съ большимъ упорствомъ до самаго вечера. Подъ конецъ баварцы ворвались въ городъ и принудили французовъ бѣжать по дорогѣ къ Франкфурту. Казаки, находившіеся при арміи Вреде, дѣятельно преслѣдовали непріятеля до самаго Франкфурта и захватили у него въ плѣнъ около трехъ тысячъ человѣкъ. Но главная добыча была упущена. Наполеонъ неудержимо подвигался впередъ, отбрасывая въ сторону слабыхъ противниковъ, пытавшихся заградить ему дорогу. Выбивъ изъ Франкфурта баварскую дивизію Рехберга, онъ двинулся далѣе и уже 1 ноября (20 окт.) переправился черезъ Рейнъ у Майнца [1]).

Императоръ французовъ былъ крайне доволенъ этими послѣдними своими побѣдами, хотя и не хотѣлъ сознаваться, что онъ былъ обязанъ ими не столько своему генію, ни даже счастію, сколько безумнымъ диспозиціямъ Шварценберга. По своему обычаю, Наполеонъ ядовито смѣялся надъ побитымъ противникомъ и съ особенною ѣдкостью, какъ было это въ порядкѣ вещей, глумился надъ Вреде, генераломъ своего бывшаго вѣрнаго союзника. „Вреде, замѣтилъ онъ между прочимъ, графъ моего издѣлія, но не генералъ" [2]). Хвалиться на этотъ разъ не было, впрочемъ, особеннаго повода. Наполеонъ отбросилъ, правда, въ сторону Вреде, благодаря своему двойному численному превосходству, но его армія потерпѣла въ сраженіи гораздо большій уронъ, нежели союзная. Союзники потеряли въ оба дня около девяти тысячъ человѣкъ, тогда какъ потери французовъ достигали до 20,000 человѣкъ въ томъ числѣ 10,000 плѣнныхъ.

---

[1]) Подробности см. между прочимъ у Богдановича т. 4, стр. 314—318.

[2]) „M-re Wrede, сказалъ Наполеонъ франкфуртскому банкиру Бетману, est bien un comte de ma façon, mais pas un general de ma façon. Шерръ Блюхеръ т. III, стр. 293.

Какъ-бы то ни было, но благодаря непостижимымъ распоряженіямъ Шварценберга, за которыми крылась, безъ всякаго сомнѣнія, политическая интрига Меттерниха, все-же Наполеону удалось увести за Рейнъ около 60,000 солдатъ. Цифра, на первый взглядъ ничтожная, если принять во вниманіе, что въ теченіе осенней кампаніи 1813 года погибло въ Германіи около 350,000 солдатъ великой арміи, но во всякомъ случаѣ значительная, въ виду того совершеннаго истощенія силъ, въ которомъ находилась тогда Франція. Но Наполеону не суждено было воспользоваться и этимъ жалкимъ остаткомъ боевыхъ силъ, ускользнувшихъ изъ Германіи. Страшная зараза, свирѣпствовавшая во французскихъ войскахъ въ теченіи всей кампаніи, не прекратилась и по переходѣ арміи черезъ Рейнъ. Покой и сравнительное изобиліе, заступившіе вдругъ мѣсто прежней неутомимой дѣятельности и постоянныхъ лишеній, способствовали скорѣе развитію эпидеміи, нежели задерживали его. Тѣсныя квартиры, въ которыхъ расположены были войска, дурная погода, излишества всякаго рода усиливали болѣзненность, а плохое устройство госпиталей, отсутствіе медикаментовъ и медицинской помощи удваивали и утраивали и безъ того уже ужасающую смертность. Главнымъ центромъ эпидеміи сдѣлался Майнцъ. Тутъ умерло въ теченіи двухъ мѣсяцевъ 14,000 солдатъ и почти такое-же количество жителей. Паника напала на населеніе, она охватила даже врачей и больничный персоналъ. Никто не хотѣлъ ухаживать за больными. Только благородный самоотверженный примѣръ, поданный маршаломъ Мармономъ, ободрилъ прислугу и населеніе и далъ возможность вести борьбу съ эпидеміею [1]), но борьба не могла идти успѣшно при данныхъ условіяхъ. Зараза распространялась все далѣе и далѣе, она проникала повсюду, куда только приходили войска, возвращавшіяся изъ Германіи. Франція, потерявшая въ послѣднихъ войнахъ цвѣтъ своего населенія, несла теперь новыя, страшныя жертвы, по винѣ своего страшнаго повелителя.

---

[1]) Подробности объ эпидеміи см. въ запискахъ маршала Мармона т. 6, стр. 2—5.

Но воля этого повелителя оставалась столь же непреклонная, какъ и всегда. Борьба въ Германіи окончилась катастрофою, напоминавшею по своимъ размѣрамъ, если и не по ужасамъ, трагическій исходъ русской экспедиціи. Наполеонъ выставилъ для этой борьбы еще большія силы, нежели для похода въ Россію, и всѣ эти силы или погибли на поляхъ битвъ или сидѣли, запертые по крѣпостямъ и были совершенно потеряны для Франціи. Потери враговъ Наполеона въ этой кампаніи были также колоссальны, но все же на ихъ сторонѣ было громадное превосходство силъ и эти силы возрастали теперь съ каждымъ днемъ. Въ распоряженіи коалиціи была теперь вся центральная Европа, средствами которой пользовался до сихъ поръ Наполеонъ [1]). Италія была также почти потеряна для императора французовъ. Его зять, Мюратъ, открыто измѣнилъ ему и перешелъ на сторону коалиціи. Его войска вытѣснены были изъ Испаніи окончательно и Велингтонъ готовился вступить въ южную Францію. Данія, его единственная союзница на сѣверѣ Европы, принуждена была отложиться отъ него и уступить Норвегію ненавистному ему Бернадотту. Пруссаки собирались вступить въ Голландію, и онъ не въ состояніи былъ дать ни одного батальона на защиту этой страны, которую онъ объявлялъ столько разъ неотъемлемою собственностью Франціи, продуктомъ наносовъ французскихъ рѣкъ. Императоръ принужденъ былъ довольствоваться силами одной Франціи, а между тѣмъ ему должно было быть извѣстно лучше, нежели кому либо, что эти силы истощены были до послѣдней степени. Онъ долженъ былъ знать отлично, что всѣ классы населенія, подлежавшіе конскрипціи, не въ состояніи были дать въ короткое время достаточное количество годныхъ солдатъ; ему было извѣстно, что страшныя жертвы людьми и невыносимая тяжесть налоговъ распространили во всей странѣ глухой ропотъ и недовольство; ему доносили ежедневно о проискахъ эмигрантовъ, объ увеличивающейся

[1]) Германскіе князья, бывшіе вассалы Наполеона, должны были выставить противъ него въ теченіи осени 1813 г. около 150,000 ч.

холодности и сдержанности денежной аристократіи; объ интригахъ и подготовляющейся измѣнѣ его прежнихъ помощниковъ и министровъ. Онъ самъ началъ бояться людей, на которыхъ онъ смотрѣлъ еще недавно съ презрѣніемъ какъ на покорныхъ рабовъ своихъ. Онъ счелъ нужнымъ отправить въ Иллирію въ качествѣ губернатора бывшаго министра полиціи Фуше, чтобы отдѣлаться отъ этого коварнаго человѣка. Онъ вдругъ предложилъ Талейрану постъ министра иностранныхъ дѣлъ, но ловкій интриганъ, хорошо понимавшій, что дни имперіи сочтены, отклонилъ вѣжливо, но рѣшительно предложенную ему честь.

И въ другихъ отношеніяхъ Наполеонъ какъ будто понималъ всю тяжесть своего положенія и старался найти изъ него выходъ. Такъ онъ рѣшился освободить изъ заточенія папу и короля испанскаго Фердинанда, но въ скоромъ времени ему пришлось убѣдиться, что поздняя и вынужденная милость никогда не можетъ загладить прежнія обиды и превратить врага въ друга. Вообще, Наполеонъ если и дѣлалъ уступки въ это время, то всѣ этѣ уступки были или несвоевременны, или касались мелочей и второстепенныхъ вопросовъ. Въ главныхъ же и существенныхъ вопросахъ онъ оставался непоколебимъ; но эта непоколебимость не вытекала уже изъ разумнаго сознанія собственной силы, а являлась скорѣе результатомъ упрямства и самообольщенія. Императоръ вовсе не думалъ отказываться и теперь отъ своего преобладанія въ Италіи, и хотя онъ нуждался въ каждомъ лишнемъ солдатѣ, однако-же онъ ни за что не хотѣлъ призвать для защиты Франціи многочисленные и отборные отряды войска, находившіеся въ Италіи и Испаніи. Наполеонъ полагалъ, что Франція сама должна дать ему достаточныя средства для своей защиты и онъ питалъ твердую надежду, что союзники дадутъ ему и на этотъ разъ время окончить свои вооруженія.

Съ береговъ Рейна Наполеонъ поспѣшилъ въ Сенъ-Клу, и уже на другой день его привѣтствовала здѣсь депутація раболѣпнаго сената. Ораторъ сената, ничтожный Ласепедъ, отважился утверждать въ своей рѣчи, что императоръ сра-

жался въ Германіи съ единственною цѣлью утвердить прочный, общій миръ. Онъ говорилъ, что французы желаютъ мира не менѣе своихъ сосѣдей, но что они съ негодованіемъ отвергаютъ условія, которыя имѣли бы видъ покорнаго преклоненія передъ врагомъ. Пусть отважатся непріятели напасть на Францію и французы покажутъ тогда своею преданностью и своими жертвами, что ни одинъ народъ никогда не понималъ лучше ихъ свои обязанности по отношенію къ отечеству, національной чести и своему государю. Наполеонъ остался недоволенъ этою рѣчью. Она не была выдержана въ настоящемъ тонѣ, она была слишкомъ миролюбива, она не дышала энергіею и мужествомъ. „Сенаторы!" отвѣчалъ онъ депутаціи. „Я принимаю чувства, выраженныя вами. Годъ тому назадъ Европа была съ нами, теперь она противъ насъ. Общественное мнѣніе опредѣляется или Франціею, или Англіею. Мы должны бы были опасаться всего, безъ мужества и энергіи нашего народа. Пусть познаетъ потомство, что Франція стояла всегда выше всякихъ испытаній, какъ бы велики и ужасны онѣ не были" [1]).

Раболѣпный сенатъ поспѣшилъ загладить ошибку своего президента. Онъ аплодировалъ рѣчи графа Ренье-де-С-тъ Жанъ д'Анжели, утверждавшаго съ неслыханною наглостью, что союзники готовятъ Франціи участь Польши, и вызывавшаго съ поддѣльнымъ паѳосомъ тѣнь послѣдняго короля Рѣчи Посполитой; онъ назначилъ одинъ за другимъ два набора въ 280,000 и 300,000 человѣкъ [2]); но въ законодательномъ корпусѣ обнаружилась впервые явная и сильная оппозиція противъ императорскаго правительства. Столь безгласные и покорные до сихъ поръ представители народа вдругъ заговорили объ интересахъ Франціи, о тяжелыхъ жертвахъ народа, потребовали, чтобы имъ сообщены были всѣ доку-

---

[1]) Diplomatische Geschichte der 1813—1815, B. I. стр. 363—364.

[2]) Оппозиція обнаружилась и въ сенатѣ, хотя и не съ особенною силою. При баллотированіи декретовъ 30 голосовъ высказались противъ проектовъ. Въ числѣ оппонирующихъ были такіе старые республиканцы какъ Ланжюмо, Грегуаръ, Гара, а во главѣ ихъ стоялъ Талейранъ. См. Diplomatische Geschichte d. J. 1883—15, т. I, стр. 365—366.

менты о ходѣ мирныхъ переговоровъ и рѣшительно заявили, что они готовы собрать всѣ силы для защиты независимости Франціи и цѣлости ея территоріи, но только Франціи, а не тѣхъ естественныхъ границъ, о которыхъ толковалъ императоръ и его министры [1]).

Гнѣвъ Наполеона не зналъ границъ. Онъ запретилъ печатать адресъ, онъ осыпалъ депутатовъ рѣзкими укоризнами. „Одиннадцать двѣнадцатыхъ изъ васъ добрые граждане", объявилъ онъ имъ въ лице, „остальные измѣнники. Лене, составитель адреса, подкупленъ англичанами. Вы вовсе не избранники народа, а лишь представители департаментовъ. Законодательный корпусъ только часть государства; онъ не можетъ ставить себя на одну линію съ государственнымъ совѣтомъ и съ сенатомъ. Я призванъ на тронъ четырьмя милліонами французовъ; я одинъ представляю собою народъ. Что могли бы вы сдѣлать при теперешнихъ обстоятельствахъ, когда дѣло идетъ объ отраженіи непріятеля? Они раздавили бы васъ. Вы были бы уничтожены пролетаріями предмѣстій".

Наполеонъ говорилъ долго въ такомъ же родѣ [2]), но онъ не довольствовался однѣми рѣчами. Онъ распустилъ законодательный корпусъ и началъ распоряжаться самовластно. Онъ производилъ наборы и назначалъ новые тяжелые налоги, такъ какъ государственная казна была пуста. Во всѣхъ городахъ имперіи созвана была національная гвардія, частью для охраненія внутренняго порядка, частью для подкрѣпленія арміи. Помимо конскрипціи старались привлечь въ военную службу толпы рабочихъ, оставшихся безъ хлѣба и

---

[1]) Адресъ законодательнаго корпуса былъ составленъ депутатомъ Лене. Содержаніе его см. Diplomatische Geschichte der J. 1813—1815, т. I, стр. 869—871.

[2]) Между прочимъ онъ сказалъ: „я знаю все. Духъ Жиронды руководилъ вашимъ комитетомъ. Лене, это заговорщикъ, агентъ Англіи, остальные бунтовщики. Я не упущу Лене изъ глазъ, это злодѣй. За что хотѣли вы причинить Франціи столько бѣдъ, что сдѣлала она вамъ? Вы требуете отъ меня болѣе нежели союзники. Если бы они потребовали отъ меня Шампанію, то вы посовѣтовали бы мнѣ отдать въ придачу и Бри".—„Да я нуждался въ утѣшеніи и ожидалъ его отъ васъ. Вы хотѣли забросать меня грязью, но я одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ можно убить, но не обезчестить". См. Diplomatische Geschichte. Т. III, стр. 373.

дѣла, обѣщая имъ принять на счетъ государства содержаніе ихъ семействъ. Въ театрахъ давали, по распоряженію полиціи, патріотическія пьесы и пѣли куплеты, въ которыхъ прославляли защитниковъ отечества. Въ Парижѣ поставлена была опера Карлъ Мартеллъ, въ которой древній франкскій герой уподоблялся Наполеону, а союзники играли ненавистную роль сарациновъ. Всячески старался раздуть Наполеонъ ненависть и отвращеніе народа къ чужеземцамъ, собиравшимся вторгнуться во Францію. Въ своихъ манифестахъ и объявленіяхъ [1]) онъ разсказывалъ самыя нелѣпыя вещи въ особенности о русскихъ войскахъ. Русскіе были, по словамъ его, варвары, дышащіе злобою и мщеніемъ; между ними были и настоящіе дикари, питающіеся человѣческимъ мясомъ, пожирающіе съ особенною охотою дѣтей. Отъ такихъ изверговъ нельзя ожидать ни пощады, ни состраданія. Они не имѣютъ ни малѣйшаго уваженія къ женскому полу; грабежи, пожары, убійства, насилія будутъ обозначать ихъ кровавый путь. Французы должны ополчиться всѣми силами противъ этихъ новыхъ гунновъ; они должны подняться какъ одинъ человѣкъ на защиту своихъ женъ и дѣтей, своего имущества и отечества.

Раздувая народныя страсти, Наполеонъ, однако-же, вовсе не желалъ, чтобы движеніе противъ иноземцевъ приняло бур-

---

[1]) „Между тѣмъ Наполеонъ до вступленія войскъ нашихъ во Францію распускалъ, сказываютъ, не только безстыдныя и нелѣпыя, но даже и смѣшныя лжи, прежде досаждавшія, а нынѣ забавлявшія меня. Онъ увѣрялъ, что хотя армія его, отступая отъ Лейпцига, имѣла видъ побѣжденной, но въ самомъ дѣлѣ побѣда была на его сторонѣ. Объ насъ, русскихъ, разглашалъ онъ, что мы варвары, дышущіе злобою и мщеніемъ, что между нами есть дикіе народы, которые жарятъ и ѣдятъ малыхъ ребятъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго уваженія къ женскому полу, и что ежели придемъ въ ихъ землю, то смѣшаемъ нечистую кровь свою съ ихъ чистою кровью и произведемъ въ отечествѣ ихъ варварскую породу людей. Не знаю, вѣрили-ли французы побѣдѣ его подъ Лейпцигомъ, но выходцы изъ Франціи увѣряютъ, что француженки не очень баснями его напуганы, и что напротивъ многія изъ нихъ любопытствуютъ увидѣть сихъ варваровъ, и почитаютъ не великою бѣдою, если черезъ нѣсколько времени будутъ вокругъ ихъ прыгать маленькіе казаки и башкирцы. Впрочемъ, кажется не трудно согласиться, что наша оставленная у нихъ порода причинитъ имъ меньше зла, нежели ихъ привитая къ намъ безнравственность“. Шишковъ, записки, т. I, стр. 265—266.

ный революціонный характеръ. Онъ не любилъ и боялся всякихъ народныхъ движеній; а всѣ воспоминанія изъ временъ революціи были ему противны до глубины души. Онъ хотѣлъ, чтобы энтузіазмъ не выходилъ изъ извѣстныхъ предѣловъ. Онъ желалъ, чтобы все дѣлалось чинно и въ порядкѣ, по программѣ, заранѣе установленной и одобренной полиціею. Онъ не дозволялъ никакихъ сборищъ, онъ запрещалъ пѣть марсельёзу и другія республиканскія пѣсни. Онъ не хотѣлъ и слышать объ ополченіи всего народа; онъ требовалъ, чтобы ему давали только, какъ можно больше, рекрутъ.

До извѣстной степени Наполеонъ достигъ своей цѣли. Ему не удалось, правда, вызвать ни особеннаго энтузіазма, ни охоты къ самопожертвованію, но его декреты исполнялись повсюду безпрекословно, а его администрація и полиція работали успѣшно и исправно. Тѣмъ не менѣе невозможное осталось невозможнымъ. Немыслимо было создать въ теченіи какихъ нибудь двухъ мѣсяцевъ новую армію. Наборъ, обученіе, экипировка, вооруженіе конскриптовъ подвигались впередъ лишь постепенно, а между тѣмъ время уходило. Въ концѣ ноября мѣсяца Наполеонъ самъ сознавался, что ничего еще не было готово [1]). Если-бы союзники вступили въ это время во Францію, то они могли-бы напередъ установить, по словамъ маршала Нея, свои маршруты до самого Парижа [2]). Въ половинѣ декабря Наполеону удалось собрать, наконецъ, до ста тысячъ человѣкъ, но изъ этого числа только 80,000 были вполнѣ годны къ дѣйствію въ открытомъ полѣ.

Императоръ французовъ могъ добиться этихъ далеко неудовлетворительныхъ результатовъ, единственно благодаря непонятному, на первый взглядъ, бездѣйствію союзниковъ. Виновниками этого бездѣйствія были австрійскіе министры и полководцы, успѣвшіе присвоить себѣ первое мѣсто въ коа-

---

[1]) „Nous ne sommes dans ce moment-ci en mesure pour rien. Nous serons dans la premiee quinzaine de decembre deja en mesure pour beaucoup de choses“. Слова Наполеона изъ его письма къ Мармону отъ 19-го ноября 1813 г. См. Мемуары Мармона, т. 6, стр. 80.

[2]) См. Бернгарди, т. IV, стр. 46.

лиціи. Глубокая, принципіальная рознь между политикою вѣнскаго кабинета и императора Александра явственно вышла наружу тотчасъ-же послѣ Лейпцигскаго сраженія. Она обнаруживалась во всемъ, начиная отъ внѣшностей и мелочей и оканчивая самыми важнѣйшими вопросами. Меттернихъ, Шварценбергъ и вся ихъ компанія никакъ не могли примириться съ мыслью, что русскій императоръ занималъ первое мѣсто въ ряду союзныхъ государей, что населеніе Германіи привѣтствовало его повсюду какъ своего избавителя. Всѣми способами старались они выдвинуть впередъ своего невзрачнаго и ничтожнаго Франца. Подкупленные газетчики и публицисты разсказывали умилительныя и трогательныя исторіи о восторженномъ пріемѣ, оказываемомъ населеніемъ австрійскому императору на всемъ пути его отъ Лейпцига къ Франкфурту. Генцъ утверждалъ въ своихъ письмахъ, что жители принимали Франца какъ бога, что они падали предъ нимъ на колѣни, плакали, смѣялись, кричали, однимъ словомъ, неистовствовали какъ безумные [1]).

Эти шумныя оваціи должны были достигнуть своего апогея въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Императоръ Францъ долженъ былъ вступить во главѣ австрійскихъ войскъ ранѣе императора Александра въ старый имперскій городъ, гдѣ принялъ онъ двадцать лѣтъ тому назадъ такъ позорно утраченную имъ корону священной римской имперіи. Въ качествѣ властелина и побѣдителя долженъ онъ былъ встрѣтить затѣмъ своихъ союзниковъ; онъ и его австрійцы, а не русскіе и пруссаки, должны были явиться въ глазахъ франкфуртцевъ настоящими побѣдителями Наполеона и спасителями Германіи. Князь Меттернихъ придумалъ эту геніальную выходку, а князь Шварценбергъ принялъ всѣ мѣры для ея осуществленія. Францъ, остававшійся до сихъ поръ далеко позади главной квартиры, былъ теперь благополучно доставленъ въ нее вмѣстѣ съ своимъ оркестромъ. Австрійскіе войска были двинуты прямымъ кратчайшимъ путемъ на Франкфуртъ, черезъ

---

[1]) См. Oesterreich's Theilnahme an den Befreiungskriegen, стр. 118. Такъ писалъ Генцъ изъ Праги господарю Караджѣ, повторяя, разумѣется, слова другихъ.

Фульду и Гедьнгаузенъ; тогда какъ русско-прусскимъ войскамъ, при которыхъ находился и императоръ Александръ, былъ указанъ болѣе длинный и обходный путь на Мейнингенъ, Швейнфуртъ и Ашафенбургъ [1]).

Все было придумано какъ нельзя лучше, упущено было изъ виду лишь одно маленькое обстоятельство. Австрійцы, какъ извѣстно, никогда не любили ходить скоро; тогда какъ русскіе и пруссаки привыкли къ ускореннымъ переходамъ. Императоръ Александръ во-время узналъ объ австрійской интригѣ и рѣшился предупредить Франца въ Франкфуртѣ. Русско-прусская кавалерія получила приказъ двинуться впередъ форсированными маршами. Напрягая всѣ силы, она дѣлала въ день переходы по семи миль, и уже 5-го ноября (25-го октября) достигла Франкфурта [2]). Ничто не могло сравниться съ блескомъ и торжественностью императорскаго въѣзда. Александръ въѣхалъ въ городъ на конѣ во главѣ блестящаго сонма всадниковъ. 12 русскихъ кирасирскихъ полковъ, вся русская и прусская гвардейская кавалерія слѣдовали за нимъ. 7500 всадниковъ составляли парадный кортежъ побѣдителя. Населеніе обезумѣло отъ восторга. Всѣ улицы были наполнены ликующимъ народомъ, всѣ крыши, балконы и окна унизаны зрителями. Народъ толпился со всѣхъ сторонъ къ государю, каждый хотѣлъ увидѣть его какъ можно ближе, прикоснуться къ его одеждѣ, къ его лошади. Дамы махали платками и бросали букеты. Воздухъ стоналъ отъ восторженныхъ кликовъ толпы, отъ грома пушекъ, отъ торжественнаго звона колоколовъ. Только днемъ спустя прибылъ императоръ Францъ, и его вступленіе сопровождалось большою помпою, но ни его фигура, ни самая обстановка не могли вызвать особеннаго энтузіазма. Не одни австрійцы, а главнымъ образомъ, русскіе кирасиры составляли цѣпь, среди которой ѣхалъ онъ къ соборной церкви. И въ этотъ день императоръ Александръ приковывалъ къ себѣ общее вниманіе и вызывалъ порывы народнаго восторга.

---

[1]) См. Бернгарди, т. III, стр. 478.

[2]) См. Бернгарди, т. III, стр. 478—79. Н. Н. Муравьевъ, Записки, стр. 50 и слѣд

Онъ встрѣтилъ Франца за городомъ во главѣ блестящей воинской свиты, онъ ввелъ его въ старую столицу и какъ хозяинъ гостя препроводилъ его въ соборъ къ торжественному богослуженію [1].

Съ пріѣздомъ государей Франкфуртъ мгновенно превратился въ центръ европейской политики. Всѣ большіе, малые и малѣйшіе нѣмецкіе короли, герцоги, князья спѣшили со всѣхъ сторонъ въ старый имперскій городъ. Министры и дипломаты всѣхъ европейскихъ государствъ стекались сюда-же. Весь городъ и всѣ его окрестности наводнены были многочисленными, разноплеменными войсками. Веселая шумная жизнь господствовала во Франкфуртѣ. Шишковъ, попавшій въ этотъ водоворотъ изъ тихой и скромной Праги, окончательно потерялъ голову: „Городъ здѣшній, писалъ онъ, наполненъ всякаго званія и достоинствъ людьми: императорами, королями, владѣтельными князьями, принцами, герцогами; у всякаго свой дворъ, министры, генералы; а у этихъ секретари, адъютанты; всѣ скачутъ, ѣздятъ, бѣгаютъ, верхами, въ каретахъ, колясках, пѣшкомъ въ разныхъ одѣяніяхъ, въ лентахъ, въ звѣздахъ, въ шишакахъ съ высокими перьями. Сверхъ того пропасть разнодержавныхъ войскъ. По утрамъ маршируютъ, бьютъ въ барабаны, кричатъ ура! по вечерамъ: театры, балы, маскарады, клубы“ [2]).

Само собою понятно, что далеко не всѣ участники франкфуртскаго веселья относились къ нему съ такою ироніею, какъ старый и подчасъ ворчливый государственный секретарь. Не менѣе другихъ увлеченъ былъ на этотъ разъ общимъ потокомъ императоръ Александръ. Натура, въ высшей степени живая, воспріимчивая, Александръ легко поддавался впечатлѣніямъ минуты и обстановки. Къ тому-же онъ былъ еще молодъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ. Его душа, истомленная и истерзанная страшными и тяжелыми впечатлѣніями пережитаго въ недавнее время, жадно стремилась къ отдыху

---

[1]) См. Бернгарди, т. III, 479. Н. Н. Муравьевъ. Записки, стр. 53.

[2]) См. Шишковъ, Записки. Стр. 230—31 см. такъ-же письма его изъ Франкфурта къ женѣ, стр. 371 и слѣдующія.

и наслажденіямъ жизни. Онъ сознавалъ, что великіе успѣхи, достигнутые за послѣднее время, были прежде всего послѣдствіемъ помощи свыше, онъ заявлялъ это свое глубокое и искреннее убѣжденіе во всѣхъ своихъ оффиціальныхъ и частныхъ письмахъ; но какъ и всякій другой смертный онъ не могъ не утѣшаться тѣмъ блестящимъ ореоломъ славы и побѣдоноснаго величія, который окружалъ его въ глазахъ толпы, не могъ относиться только пассивно и отрицательно къ тѣмъ восторженнымъ оваціямъ, которыя ожидали его на каждомъ шагу, не могъ оставаться равнодушнымъ и холоднымъ къ тѣмъ заявленіямъ дѣйствительной любви и восторженной преданности, которыми осаждало его знатное и веселое общество, тѣснившееся въ стѣнахъ Франкфурта.

Но какъ ни велики были увлеченія Александра, какъ ни охотно предавался онъ общему порыву веселья, все-же и во Франкфуртѣ вопросы политическіе и военные стояли для него на первомъ планѣ, поглощали большую часть его вниманія и времени. Императоръ принужденъ былъ вести во Франкфуртѣ тяжелую борьбу съ представителями австрійской политики. Политика эта принимала съ каждымъ днемъ оборотъ все болѣе противоположный самымъ основнымъ стремленіямъ Александра. Разногласіе обнаруживалось съ особенною силою въ двухъ важнѣйшихъ, основныхъ вопросахъ: въ вопросѣ о будущемъ политическомъ устройствѣ Германіи и въ вопросѣ о продолженіи войны съ Наполеономъ. Россія и Пруссія торжественно объявили въ Калишѣ, что они твердо намѣрены освободить Германію и дать ей такое политическое устройство, которое могло-бы обезпечить въ будущемъ ее и Европу отъ новыхъ властолюбивыхъ покушеній со стороны Франціи. Обѣ державы освободительницы пригласили тогда-же нѣмецкихъ князей рейнскаго союза отложиться отъ Наполеона и посвятить всѣ свои силы одному общему великому дѣлу освобожденія германскаго отечества отъ позорнаго ига. Онѣ грозили тѣмъ изъ вассаловъ Наполеона, которые не послѣдуютъ ихъ призыву, низложеніемъ съ престоловъ и секвестромъ ихъ владѣній. Хотя императоръ Александръ стоялъ въ германскомъ вопросѣ на

нѣсколько иной точкѣ зрѣнія, нежели прусскіе патріоты; хотя онъ не имѣлъ въ виду созданія единой и могущественной Германіи, но все-же онъ не могъ отступить отъ столь торжественно сдѣланныхъ имъ заявленій, и что самое важное, онъ считалъ необходимымъ, въ интересахъ самой Россіи, дать Германіи такую организацію, которая усиливала-бы ея оборонительное положеніе по отношенію къ Франціи и избавляла Россію отъ опасности новой борьбы за интересы въ сущности ей чуждые. Императоръ отлично понималъ, что для достиженія этой цѣли необходимо урѣзать въ весьма значительной степени верховныя права нѣмецкихъ князей и подчинить ихъ въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ германскому центральному правительству. Австрійскій кабинетъ отнесся съ самаго вступленія въ союзъ крайне отрицательно, чтобы не сказать враждебно, къ этой разумной и умѣренной тенденціи Россіи. Калишскій договоръ и русско-прусскіе манифесты казались Францу и Меттерниху чисто якобинскими и разрушительными актами [1]) и всецѣло приписывались вліянію такихъ отъявленныхъ и опасныхъ революціонеровъ, какъ Штейнъ, Арндтъ, Шарнгорстъ и Нибуръ. Присоединяясь къ коалиціи, австрійскій кабинетъ вовсе не одобрялъ калишской программы и съ самаго начала взялъ подъ свое покровительство князей рейнскаго союза. Еще до открытія военныхъ дѣйствій, онъ вступилъ въ тайные переговоры съ баварскимъ королемъ, и результатомъ этихъ переговоровъ явился Ридскій договоръ, вполнѣ обезпечивавшій политическую самостоятельность Баваріи. Россія и Пруссія не могли протестовать противъ этого договора, такъ какъ шансы успѣха въ борьбѣ съ Наполеономъ были тогда еще крайне шатки и присоединеніе Баваріи, имѣвшей въ своемъ распоряженіи 50,000 ч. отличнаго войска, могло увеличить въ значительной степени силы коалиціи. Совершенно не таково было положеніе дѣлъ послѣ Лейпцигскаго погрома, когда владычество Наполеона въ Германіи рушм-

[1]) Публикація этихъ манифестовъ запрещена была даже въ австрійскихъ земляхъ.

лось окончательно, когда самъ онъ бѣжалъ за Рейнъ съ жалкими остатками своихъ полчищъ. Теперь не предстояло уже ни малѣйшей надобности щадить, а тѣмъ болѣе заискивать рейнскихъ князей, теперь можно было говорить инымъ тономъ съ сателитами Наполеона, теперь можно было потребовать отъ нихъ самыхъ серьезныхъ и существенныхъ гарантій.

Такія гарантіи были крайне необходимы, въ виду извѣстнаго всѣмъ образа мыслей рейнскихъ князей. Всѣ они, безъ изъятія, были совершенно чужды національному духу, всѣ были безусловно преданы Наполеону, и если отрекались отъ него, то въ высшей степени неохотно и съ тайнымъ намѣреніемъ возвратиться при первомъ-же удобномъ случаѣ подъ знамена своего покровителя и благодѣтеля. Первый баварскій министръ Монжеласъ вовсе не скрывалъ своего расположенія къ французамъ и всячески тормозилъ распоряженія центральнаго германскаго комитета, во главѣ котораго стоялъ Штейнъ [1]). Маркграфъ баденскій, прощаясь съ французскимъ агентомъ Биньономъ, увѣрялъ его въ чувствахъ искренняго сожалѣнія по поводу неудачъ императора и объявлялъ съ горечью, что только одни всесильныя обстоятельства заставляютъ его перейти противъ собственной воли на сторону враговъ Франціи. Далѣе всѣхъ пошелъ въ своихъ франко-фильскихъ заявленіяхъ король виртембергскій, Фридрихъ. Этотъ страшный деспотъ и мучитель своихъ подданныхъ открыто издѣвался надъ союзниками и громогласно заявлялъ о своихъ симпатіяхъ къ Наполеону. Отпуская французскаго резидента, состоявшаго при его дворѣ, король изъявлялъ въ горячихъ выраженіяхъ свое глубокое сожалѣніе о необходимости отложиться отъ Наполеона. Виртембергская кавалерія, перешедшая подъ Лейпцигомъ на сторону союзниковъ, была расформирована, по приказанію короля; офицеры, служившіе въ ней, отставлены, а начальникъ ея, генералъ Норманъ, посаженъ въ крѣпость, какъ преступникъ. Наказывая такимъ образомъ своихъ подданныхъ

---

[1]) Перцъ, Stein's Leben, т. 3, стр. 476.

за сочувствіе союзникамъ, какъ за измѣну, старый тиранъ принималъ въ тоже время мѣры, чтобы патріотическое движеніе, охватывавшее всю Германію, не распространилось на его владѣнія. Желая предупредить самую возможность формированія народныхъ ополченій въ предѣлахъ Виртемберга, онъ приказалъ конфисковать все огнестрѣльное оружіе. Его смѣлость дошла наконецъ до того, что онъ хотѣлъ арестовать прибывшаго въ Карлеруэ прусскаго полковника Рюле, какъ агитатора и якобинца [1]).

Само собою понятно, что всѣ эти коварства и дерзкія выходки князей рейнскаго союза были бы немыслимы, если-бы державы отнеслись къ нимъ такъ, какъ предполагалось это въ Калишѣ, если бы въ случаѣ малѣйшаго упрямства или противодѣйствія съ ихъ стороны, всѣ ихъ владѣнія подвергались временному секвестру и были отданы въ управленіе центральнаго комитета. Такъ и думали поступить Россія и Пруссія, такъ поступили они между прочимъ и съ Саксоніею, король которой отведенъ былъ въ качествѣ плѣнника въ Берлинъ; но когда дѣло дошло до Виртемберга, Бадена и остальныхъ княжествъ рейнскаго союза, то Австрія выступила рѣшительно на защиту ихъ самостоятельности. Вѣнскій кабинетъ понималъ, что невозможно возстановить священную римскую имперію и рѣшился упрочить иными способами свое владычество въ Германіи. Онъ взялъ подъ свою защиту вассаловъ Наполеона, обезпечилъ ихъ самостоятельность и составилъ себѣ сильную партію изъ нихъ. Дѣйствія австрійскихъ политиковъ отличались необыкновенною безцеремонностью. Не спрашивая даже согласія Россіи и Пруссіи, Меттернихъ подписалъ третьяго ноября договоръ съ Виртембергомъ на такихъ же точно условіяхъ какъ съ Ба-

---

[1]) Рюле поручено было сформированіе ландвера и ландштурма. Всѣ остальные рейнскіе князья дѣйствовали подобно Фридриху. Перцъ говоритъ „рейнскіе князья, терпѣвшіе отъ Наполеона всевозможныя униженія и издѣвательсгва, отдававшіе безъ сожалѣнія кровь и имѣніе своихъ подданныхъ французамъ, едва только убѣдились, что мѣсто Наполеона занялъ Александръ, какъ тотчасъ же сбросили съ себя всякую подчиненность, необходимую для общаго блага Германіи. Перцъ, Stein's Leben т. 3, стр. 475.

варіею въ Ридѣ. Король Фридрихъ обязался выставить противъ Наполеона 12,000 войска и присоединить ихъ къ „австрійской арміи“. За это Австрія гарантировала ему цѣлость и неприкосновенность его владѣній и полноту его верховныхъ правъ, съ тѣмъ однако-же, что король обязывался подчиниться тѣмъ политическимъ учрежденіямъ и тѣмъ территоріальнымъ измѣненіямъ, которыя признаны будутъ необходимыми для возстановленія и обезпеченія независимости и свободы Германіи. Насколько дѣйствительнаго значенія имѣла эта послѣдняя оговорка видно изъ того, что въ слѣдующей статьѣ договора прямо говорилось, что всѣ территоріальныя и иныя измѣненія никоимъ образомъ не должны послужить въ ущербъ Виртембергу и что король долженъ получить за всякую свою земельную уступку соотвѣтствующее вознагражденіе [1]).

Громкій крикъ негодованія раздался въ средѣ всѣхъ германскихъ патріотовъ, когда сдѣлались извѣстными статьи этого договора. Россія и Пруссія очутились въ самомъ неловкомъ положеніи: они не могли возстать рѣшительно противъ договора, такъ какъ Австрія не поколебалась-бы въ такомъ случаѣ выйти изъ коалиціи и вступить въ отдѣльное соглашеніе съ Наполеономъ; и что всего хуже, они не могли отказать послѣ подобнаго прецедента въ такихъ-же условіяхъ и остальнымъ рейнскимъ вассаламъ Наполеона. И въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи можно было-бы отнестись съ большею суровостью къ мелкимъ и менѣе виновнымъ князьямъ, послѣ того какъ самый главный и наиболѣе виновный изъ всѣхъ не только освободился отъ всякаго наказанія, но и признанъ былъ во всѣхъ тѣхъ правахъ, которыя получилъ онъ по милости Наполеона. Самъ Штейнъ, прибывшій во Франкфуртъ 13-го ноября, понялъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ, необходимо отказаться отъ мысли объ удаленіи рейнскихъ князей, о передачѣ во временное управленіе комитета всѣхъ ихъ владѣній; но онъ убѣдилъ императора Александра, что необходимо установить

[1]) Перцъ, Stein's Leben, т. 3. стр. 466.

одну общую форму для договоровъ съ рейнскими князьями и внести въ нихъ такія условія, которыя обязывали-бы вопервыхъ: вассаловъ Наполеона принять дѣятельное участіе въ дальнѣйшей борьбѣ съ Франціею, а во-вторыхъ, обезпечивали-бы, хотя въ нѣкоторой степени, будущую независимость и силу Германіи. Александръ охотно поддерживалъ это требованіе Штейна и всѣ слухи, ходившіе тогда и послѣ о разногласіяхъ между нимъ и желѣзнымъ барономъ, лишены всякаго основанія [1]).

Общая формула договоровъ была дѣйствительно установлена, но благодаря вмѣшательству австрійской дипломатіи, она страдала крайнею общностью и неопредѣленностью выраженій. Рейнскіе князья получали въ силу ея, за свое отреченіе отъ Наполеона и за обязательство участвовать всѣми силами въ войнѣ за освобожденіе, полную гарантію всѣхъ своихъ владѣній и правъ. Они обязывались подчиниться всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя признаны будутъ необходимыми для охраненія независимости Германіи, но въ чемъ именно будутъ заключаться эти учрежденія и какія жертвы прійдется принести князьямъ при ихъ осуществленіи, объ этомъ формула договора не заключала въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Столь-же мало значенія имѣли въ дѣйствительности и тайныя статьи договора. Въ этихъ статьяхъ князья изъявляли, правда, свою готовность на всѣ тѣ уступки, которыя признаны будутъ необходимыми для сохраненія будущихъ учрежденій, разсчитанныхъ на обезпеченіе могущества и независимости Германіи, но въ этихъ-же статьяхъ союзники принимали на себя обязательство вознаградить князей за всѣ сдѣланныя уступки и предоставить имъ тер-

[1]) Эти слухи нашли себѣ отголосокъ и въ извѣстныхъ мемуарахъ Вольцогена. Здѣсь находимъ, между прочимъ, слѣдующій разговоръ между Александромъ и Штейномъ. Александръ: Ich must das Fortbestehen der Kleinstaaten und verschiedenen fürstlichen Dynastien in Deutschland schon des halb wünschen um die russischen Gross fürsten und Gross furstinnen mit passenden Mariagen versorgen zu können. Штейнъ: Das freilich habe ich nicht gewusst, das Ew. Kaiserliche Majestät aus Deutschland eine russische Stuterei zu machen beabsichtigen. Wollzogen, стр. 239. Мы сомнѣваемся въ возможности подобнаго разговора, такъ какъ дѣло шло вовсе не объ удаленіи всѣхъ нѣмецкихъ династій.

риторіи, которыя равнялись бы по объему ихъ настоящимъ владѣніямъ. Если-бы всѣ рейнскіе князья, безъ исключенія, получили эти условія, то ясно, что не могло-бы быть и рѣчи о какихъ-бы то ни было земельныхъ уступкахъ въ пользу общаго отечества [1]).

Въ числѣ вассаловъ и креатуръ Наполеона нашлись, однако-же, такія лица, которыя не имѣли подъ собою никакой правовой или династической почвы. Вызванные изъ ничтожества волею великаго завоевателя, они должны были исчезнуть вслѣдъ за паденіемъ своего властелина. Не могли удержаться на своихъ игрушечныхъ тронахъ и такіе князья, которые запятнали себя слишкомъ позорными и преступными дѣяніями. Само собою понятно, что австрійская дипломатія не могла спасти ни вестфальскаго короля Іеронима, брата Наполеонова, ни великаго герцога Бергскаго; оба они бѣжали за Рейнъ вслѣдъ за своимъ властелиномъ и всѣ земли ихъ отданы были въ завѣдываніе центральнаго комитета. Такая-же участь постигла великаго герцога франкфуртскаго [2]); вмѣстѣ съ нимъ должна была бѣжать изъ стараго имперскаго города позорная французско-жидовская камарилья, грабившая и терзавшая населеніе въ теченіи столькихъ лѣтъ [3]). Князь Изенбургъ, составлявшій въ 1806 году французскія разбойничьи шайки и завлекавшій въ нихъ бѣглыхъ прусскихъ солдатъ и графъ ф.-д. Лейенъ, принявшій добровольно французское гражданство, также должны были разстаться съ своими владѣніями [4]). Всѣ-же остальные рейнскіе князья удержали на основаніи изложенныхъ выше условій свои владѣнія и свои верховныя права.

---

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 467.

[2]) Номинальный предсѣдатель рейнскаго союза, Дальбергъ, покорное орудіе Наполеона.

[3]) „Во Франкфуртѣ найдено было столько министровъ и членовъ государственнаго совѣта, что ихъ оказалось-бы достаточно для десятимилліоннаго государства. Это была настоящая пирамида изъ французовъ и жидовъ, обремененная проклятіями страны за свою продажность и грабительность. Всѣ они были удалены... Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 469.

[4]) Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 468.

Если союзники отнеслись такъ великодушно къ бывшимъ сатрапамъ Наполеона, то само собою понятно, что они не могли помѣшать возстановленію тѣхъ старыхъ нѣмецкихъ владѣтелей, которые были изгнаны изъ Германіи по волѣ Наполеона. Въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Ольденбургѣ, Бременѣ возстановлены были старыя правительства. Курфюрстъ гессенскій, полоумный тиранъ, получилъ обратно, на основаніи договора съ союзниками, всѣ свои владѣнія [1]). Старый порядокъ въ Германіи былъ возстановленъ. О калишской программѣ, о правахъ народовъ не было и рѣчи. Австрійская политика одержала блестящую побѣду.

Но Меттернихъ не думалъ довольствоваться этою побѣдою. Онъ хотѣлъ спасти не только сатраповъ Наполеона, но и его самого. Побѣдоносное шествіе союзниковъ должно было остановиться на берегахъ Рейна. Императоръ французовъ долженъ былъ удержать всѣ свои владѣнія къ западу отъ великой средне-европейской рѣки; его династія, родственная съ династіею габсбурговъ, должна была удержать за собою престолъ Франціи. Наполеонъ, свергнутый съ высоты своего могущества, казался уже не опаснымъ для вѣнскихъ политиковъ; равновѣсію и свободѣ Европы угрожалъ, по ихъ мнѣнію, уже не онъ, а императоръ Александръ. А въ Вѣнѣ, болѣе нежели гдѣ-либо въ Европѣ, заботились въ это время о сохраненіи равновѣсія и свободы. „Сохраненіе въ Европѣ равновѣсія“, писалъ въ это самое время Генцъ, это вѣрное эхо Меттерниха, „будетъ постоянно основнымъ правиломъ, компасомъ и полярною звѣздою австрійскаго перваго министра. Вѣнскій дворъ никогда не мыслилъ уничтожать французское преобладаніе, чтобы дать Россіи именно то мѣсто, которое занимала до сихъ поръ Франція. Россія, работая надъ паденіемъ Наполеона, трудится себѣ на поль-

---

[1]) Курфюрстъ, возвратившись въ свои владѣнія, не хотѣлъ выполнять обязательствъ, принятыхъ имъ по отношенію къ союзникамъ и позволялъ себѣ всевозможныя сумазбродства. Штейнъ замѣтилъ по этому поводу: „Тутъ излишни всякія представленія. Дайте мнѣ пушки; съ нимъ ничего не сдѣлаешь одними доводами“. Перцъ, Stein's Leben. T. III, стр. 475.

зу. Главная причина, побуждающая императора Александра желать продолженія войны, это постоянное желаніе его отличиться въ глазахъ всего свѣта, въ смыслѣ устроителя гигантской контръ-революціи, освободителя Европы и возобновителя всего, что было уничтожено Наполеономъ" [1]).

Для Австріи было необходимо во что бы то ни стало остановить Александра на пути его побѣдъ, помѣшать ему выполнить его освободительную миссію. Задавшись этою цѣлью, не обнаруживавшею, впрочемъ, ни особенной политической дальновидности, ни пониманія характера Наполеона, (ибо кто могъ поручиться, что великій завоеватель ограничится отмежованными ему предѣлами, что онъ согласится играть роль противовѣса Россіи и уступитъ первое мѣсто Австріи), Меттернихъ, въ этомъ надо отдать ему честь, приступилъ къ выполненію своего плана съ неподражаемою ловкостью. Онъ выбралъ какъ нельзя болѣе удачно моментъ для открытія переговоровъ съ Наполеономъ. Лейпцигскій погромъ долженъ былъ сломить, хотя до нѣкоторой степени, непомѣрную гордость и непонятное самообольщеніе завоевателя. Въ главной квартирѣ союзниковъ, прибывшей тогда въ Веймаръ, не было ни одного человѣка, который могъ бы противодѣйствовать австрійской интригѣ. Императоръ Александръ былъ совершенно изолированъ. Король прусскій уѣхалъ на время въ Берлинъ, Штейнъ остался въ Лейпцигѣ. Изъ всѣхъ русскихъ дипломатовъ былъ на лице только одинъ Нессельроде, давно уже привыкшій преклоняться передъ авторитетомъ Меттерниха, смотрѣвшій на австрійскаго канцлера, какъ на непогрѣшимаго оракула, слѣпо подчинявшійся вездѣ и во всемъ его руководству и указаніямъ. Изъ прусскихъ министровъ былъ на лице одинъ только Гарденбергъ, неспособный уже по одному своему характеру къ какому бы то ни было серіозному самостоятельному дѣйствію. Что же касается до представителя Великобританіи, лорда Эбердина, то онъ давно уже находился въ рукахъ Меттерниха

[1]) См. Prokechgsten. Depeches inedites de Chewalier de Gentz aux Gospodars de Walaschie. T. I, 54, 59—72.

и привыкъ смотрѣть на вещи не иначе какъ черезъ очки австрійскаго премьера. Обстоятельства благопріятствовали, такимъ образомъ, какъ нельзя болѣе планамъ Меттерниха; не доставало лишь одного: лица, которое могло бы отправиться къ Наполеону въ качествѣ довѣреннаго уполномоченнаго. Канцлеръ былъ въ немаломъ затрудненіи, такъ какъ онъ считалъ неудобнымъ и неловкимъ отправлять къ Наполеону кого либо изъ союзныхъ дипломатовъ или генераловъ. Судьба помогла, однако же, и въ этомъ отношеніи ревнителю европейскаго равновѣсія. Совершенно неожиданно казаки доставили въ Веймаръ пойманнаго ими близъ Готы, французскаго дипломата средней руки, нѣкоего барона С. Эньяна, занимавшаго должность наполеоновскаго резидента при мелкихъ саксонскихъ дворахъ. Меттернихъ принялъ барона, перепуганнаго до смерти казаками, съ отверзстыми объятіями, и тотчасъ же сообщилъ ему о своемъ намѣреніи отправить его вѣстникомъ мира къ императору французовъ. Меттернихъ говорилъ при этомъ отъ имени всѣхъ союзниковъ и съ свойственною ему наглостью приписывалъ имъ всѣмъ, безъ исключенія, австрійскую миролюбивую политику [1]). Баронъ былъ въ восторгѣ и изъявилъ свою полную готовность принять предлагаемое ему порученіе. Меттернихъ взялъ его съ собою во Франкфуртъ, гдѣ онъ надѣялся обезпечить окончательно дѣло мира. Его надежды не лишены были своего основанія.

Партія мира была чрезвычайно сильна во Франкфуртѣ. Изъ союзныхъ государей только одинъ императоръ Александръ требовалъ продолженія войны. Что-же касается до короля прусскаго, то въ этомъ вопросѣ онъ не отважился слѣдовать за своимъ царственнымъ другомъ. Ему казалось, что союзники, дойдя до Рейна и освободивъ Германію, исполнили свою главную задачу, что идти далѣе,—значило бы испытывать Бога и рисковать потерею всего достигнутаго. Генералъ Ф. Кнезебекъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на короля, старался увеличить опасенія и сомнѣнія, напол-

---

[1]) О первой бесѣдѣ Меттерниха съ С. Эньяномъ см. Биньонъ, т. XIII, стр. 23.

нявшія душу Фридриха-Вильгельма. Онъ говорилъ какъ ученый стратегъ; а такъ какъ его стратегія напоминала какъ двѣ капли воды стратегію Шварценберга, Дуки и Лангенау, то не удивительно, что вторженіе во Францію казалось ему верхомъ безумной смѣлости, на которую могъ быть способенъ, по его мнѣнію, лишь одинъ Блюхеръ и другіе отчаянные головорѣзы, стоявшіе во главѣ силезской арміи. Кнезебекъ не опустилъ также изъ виду напомнить о несчастной экспедиціи 1792 года; печальная участь герцога Брауншвейгскаго должна была, по его мнѣнію, предостеречь союзниковъ [1]). Уговоривъ Фридриха-Вильгельма, Ф. Кнезебекъ принялся убѣждать императора Александра. Въ бесѣдахъ съ нимъ онъ возставалъ не столько противъ продолженія войны, сколько доказывалъ, что вторженіе во Францію, защищенную самою природою, огражденную тройнымъ рядомъ крѣпостей, сопряжено съ величайшими трудностями, что для него необходимы гораздо большія силы, нежели тѣ, которыми располагали союзники, что необходимо, слѣдовательно, выждать время, усилить союзную армію новыми подкрѣпленіями и идти за Рейнъ только тогда, когда на сторонѣ союзниковъ будетъ подавляющее превосходство силъ. Доводы Кнезебека, дѣятельно поддерживаемые не только всѣми австрійскими генералами, но также и нѣкоторыми изъ русскихъ [2]) произвели свою долю впечатлѣнія на императора Александра. Государь былъ, правда, далекъ отъ всякой мысли о примиреніи съ Наполеономъ, но входя въ доводы знатоковъ военнаго дѣла, и не желая ссориться съ союзниками, онъ изъявилъ свое согласіе на временное пріостановленіе военныхъ дѣйствій. Александръ не нашелъ также возможнымъ возставать рѣшительно противъ всякихъ переговоровъ съ Наполеономъ. Убѣжденный въ глубинѣ души, что Наполеонъ останется вѣренъ себѣ, что онъ отвергнетъ всякое предложеніе, сопряженное съ какими бы то ни было уступ-

---

[1]) См. Müfling, Aus meinem Leben. 78—79.

[2]) „Нѣкоторые изъ русскихъ генераловъ, принимая во вниманіе огромныя жертвы, принесенныя Россіею въ пользу Германіи, полагали, что уже настало время заключить миръ и пожать плоды побѣды“. Богдановичъ, т. 4, стр. 320.

ками, Александръ далъ свое согласіе на мирную миссію С. Эньяна; онъ не возражалъ даже противъ програмы мирныхъ условій, выработанной Меттернихомъ, хотя программа эта нимало не соотвѣтствовала великимъ цѣлямъ борьбы, хотя требованія союзниковъ доведены были въ ней до крайней степени умѣренности.

Меттернихъ требовалъ: во-первыхъ, чтобы миръ былъ общеевропейскій и чтобы онъ распространялся на сушу и на море; во-вторыхъ, онъ объявлялъ, что союзники готовы оставить Франціи ея естественныя границы, т. е. Рейнъ, Альпы и Пиренеи; въ третьихъ, онъ требовалъ безусловной независимости Германіи и возстановленія Бурбонской династіи на испанскомъ престолѣ; въ четвертыхъ, онъ полагалъ, что Голландія должна быть независима отъ вліянія великихъ державъ; въ пятыхъ, онъ констатировалъ полную готовность Англіи гарантировать свободу мореплаванія и торговли; въ шестыхъ, наконецъ, онъ предлагалъ, въ случаѣ согласія Наполеона на всѣ предварительныя условія, открыть немедленно мирный конгрессъ и опредѣлить для этого какой-нибудь нейтральный пунктъ на правомъ берегу Рейна [1]).

Таковы были условія, составленныя Меттернихомъ. Они оставляли за Франціею не только всю ея старую территорію, но также всю Бельгію, всѣ нѣмецкія земли на лѣвомъ берегу Рейна, Совойю и Ниццу. Кто могъ, повидимому, подумать, что Наполеонъ не ухватится обѣими руками за эти условія, что онъ не будетъ благословлять судьбу, или лучше сказать, непонятную трусость и малодушіе своихъ враговъ. Меттернихъ, по крайней мѣрѣ, не принадлежалъ къ числу такихъ скептиковъ. Съ радостными надеждами отпустилъ онъ С. Эньяна изъ Франкфурта. Торжество австрійской политики казалось ему вполнѣ обезпеченнымъ, честолюбивые планы Александра разстроенными, равновѣсіе Европы утвержденнымъ на незыблемыхъ основаніяхъ. Но радость канцлера была преждевременная; его ожидали тяжелыя разочарованія.

---

[1]) Bignon, т. XIII, 23—26.

Первое изъ этихъ разочарованій поднесено было Меттерниху самимъ Наполеономъ. Послѣ нѣсколькихъ дней томительнаго ожиданія, пришла, наконецъ, во Франкфуртъ отвѣтная нота французскаго императора, составленная министромъ его Маре. Нота была написана въ сдержанномъ, почти высокомѣрномъ тонѣ. Въ ней слышался не голосъ побѣжденнаго, а великодушнаго, могучаго, непобѣдимаго властелина. Наполеонъ выражалъ въ ней свою готовность къ переговорамъ, онъ былъ не прочь прекратить кровопролитіе и даровать миръ Европѣ; онъ находилъ даже удобнымъ назначить мѣстомъ для мирнаго конгресса городъ Мангеймъ, но онъ совершенно умалчивалъ о самомъ главномъ и существенномъ и не упоминалъ ни единымъ словомъ о предложенныхъ ему мирныхъ условіяхъ [1]). Ясно, что онъ вовсе не думалъ серьезно о мирѣ, что онъ смотрѣлъ на переговоры лишь какъ на средство выиграть время и окончить свои вооруженія. Меттернихъ былъ страшно сконфуженъ. Его политическая дальновидность оказалась ниже всякой критики. Императоръ Александръ, на котораго онъ начиналъ уже смотрѣть какъ на свою жертву, какъ на игрока, окончательно обойденнаго имъ, вдругъ оказался мудрѣе и предусмотрительнѣе его.

Австрійскій канцлеръ не считалъ себя, однако же, окончательно побѣжденнымъ. Онъ все еще настаивалъ на необходимости переговоровъ и требовалъ открытія конгресса въ Мангеймѣ, но его положеніе становилось съ каждымъ днемъ все изолированнѣе и партія войны пріобрѣтала все большую силу. Фельдмаршалъ Блюхеръ поспѣшилъ во Франкфуртъ и осыпалъ генерала Кнезебека такими жестокими укоризнами, что несчастный стратегъ-дипломатъ заболѣлъ отъ досады и огорченія и далъ себѣ слово не мѣшаться впредь въ политику [2]). Вліяніе Нессельроде въ совѣтѣ русскаго государя

---

[1]) См. текстъ ноты Маревъ Diplomatische Geschichte der Jahre 1813—15. Т. I. стр. 349.

[2]) Шерръ, Blücher und seine Zeit, т. III, стр. 309—311. „Я снесъ все“, писалъ Кнезебекъ Гнейзенау, „я выслушалъ спокойно тѣ жестокія вещи, которыя наговорилъ мнѣ маршалъ „Впередъ“, но я заболѣлъ отъ досады и огорченія“.

стушевалось окончательно, когда во Франкфуртъ прибыли одинъ за другимъ такіе рѣшительные сторонники войны какъ: князь Андрей Кирилловичъ Разумовскій, Поццо ди Борго и баронъ Штейнъ. Разумовскій, старый русскій вельможа и опытный дипломатъ старой школы, ненавидѣлъ Наполеона какъ своего личнаго врага. Онъ проживалъ долгое время въ Вѣнѣ въ качествѣ посла, пріобрѣлъ тамъ большую популярность и превосходно изучилъ коварнаго и двуличнаго Меттерниха. Разумовскій пріѣхалъ во Франкфуртъ прямо изъ Вѣны. Онъ сообщилъ государю, что въ австрійской столицѣ всѣ говорятъ только объ Александрѣ, что австрійское населеніе возлагаетъ всѣ свои надежды на твердость и великодушіе государя русскаго, что политика канцлера возбуждаетъ всеобщее недовѣріе, что вѣнцы собираются прислать къ императору Всероссійскому депутацію съ выраженіемъ своихъ чувствъ благодарности и энтузіазма [1]). Поццо ди Борго, природный корсиканецъ и злѣйшій врагъ Наполеона, имѣвшій большія связи во Франціи, доложилъ императору, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, Франція истощила всѣ свои силы за послѣднія двадцать лѣтъ, что союзники, вступивъ на французскую территорію, не найдутъ тамъ серіознаго сопротивленія, что крѣпости за Рейномъ стоятъ безъ всякой защиты, и что утомленная Франція сама откажется, при видѣ вломившихся въ предѣлы ея союзниковъ, отъ доведшаго ее до погибели Наполеона [2]). Извѣстія, приходившія со всѣхъ сторонъ, подтверждали, повидимому, какъ нельзя болѣе, слова Поццо ди Борго. Наполеоновская имперія находилась несомнѣнно въ состояніи предсмертной агоніи. Вооруженія во Франціи подвигались впередъ крайне медленно, несмотря на всѣ усилія властей и администраціи; о народномъ энтузіазмѣ, о движеніяхъ, напоминавшихъ времена первой революціи, не было и помину. Сторонники

---

[1]) Депутація города Вѣны дѣйствительно привѣтствовала Александра въ Базелѣ, въ то время, когда государь былъ уже на походѣ во Францію. См. Богдановичъ, т. 4, стр. 351. Подробности о кн. А. К. Разумовскомъ см. извѣстное изслѣдованіе князя Васильчикова „Семейство Разумовскихъ", т. III и IV.

[2]) См. кн. Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ". Т. 4, стр. 454.

Бурбоновъ начинали подымать голову. Въ странахъ, еще подвластныхъ Франціи, подымались мятежныя движенія. Ломбардская чернь избивала французовъ; въ Голландіи пруссаки были встрѣчены, какъ освободители. При первомъ слухѣ о приближеніи Бюлова, въ Амстердамѣ вспыхнуло возстаніе. Оранская партія провозгласила принца Вильгельма своимъ государемъ. Пруссаки взяли штурмомъ Арнгеймъ, вступили съ торжествомъ въ Амстердамъ и къ началу декабря выгнали французовъ изъ Голландіи. Велингтонъ окончательно освободилъ Пиренейскій полуостровъ и готовился вторгнуться во Францію. Зданіе тираніи, основанное путемъ такихъ страшныхъ насилій, ослѣпленное кровью столькихъ милліоновъ, трещало и рушилось во всѣхъ направленіяхъ.

При такомъ положеніи дѣлъ прибылъ во Франкфуртъ баронъ Штейнъ, и его огненный энтузіазмъ, его непреклонная энергія разсѣяли послѣднія колебанія и сомнѣнія. Самъ императоръ Александръ свидѣтельствовалъ впослѣдствіи, что единственно благодаря Штейну не заключенъ былъ тогда во Франкфуртѣ гнилой миръ. Александръ сдѣлался теперь такимъ-же непреклоннымъ, какъ и въ вѣчно памятную годину 1812 года [1]).

Въ началѣ декабря во Франкфуртъ пришло извѣстіе, что императоръ Наполеонъ видимо склоняется къ миру, что онъ принялъ всѣ предварительныя условія союзниковъ, что онъ назначилъ своимъ министромъ миролюбиваго Колинкура. Меттернихъ съ восторгомъ ухватился за эти извѣстія и настаивалъ на немедленномъ открытіи конгресса въ Мангеймѣ. Но было уже поздно. Императоръ Александръ рѣшительно заявилъ, что онъ несогласенъ на конгрессъ въ Мангеймѣ, что переговоры должны происходить на французской территоріи, что союзныя войска должны немедленно идти за Рейнъ. Въ виду рѣшительнаго слова русскаго государя, истиннаго вождя ополченной Европы, должны были умолкнуть всѣ противорѣчія и разсѣяться всѣ сомнѣнія. Австрійская дип-

---

[1]) Перцъ Stein's Leben, т. 3, стр. 481.

ломатія признала себя побѣжденною. Послѣдній актъ великой борьбы начинался [1]).

Въ какомъ-же духѣ намѣревались вести эту борьбу союзники, съ какими цѣлями вступали они въ предѣлы Франціи? Австрійская точка зрѣнія выразилась всецѣло въ манифестѣ къ французскому народу, подписанномъ княземъ Шварценбергомъ. Нельзя сказать, чтобы тонъ манифеста соотвѣтствовалъ достоинству соединенной Европы. Державы какъ будто просили въ немъ извиненія передъ Франціею, что онѣ осмѣливаются ввести свои войска въ ея предѣлы. Въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ французы дали достаточно доказательствъ своей полнѣйшей солидарности съ Наполеономъ. Они провозгласили его своимъ императоромъ, они ограбили вмѣстѣ съ нимъ всю Европу, они принимали живѣйшее участіе во всѣхъ его злодѣяніяхъ, они дѣлили съ ними добычу и славу. И теперь, когда послѣ стольхихъ униженій и несчастій, Провидѣніе благословило, наконецъ, правое дѣло, когда наступила минута возмездія, съ какими же словами обратился союзный главнокомандующій къ народу, издѣвавшемуся до сихъ поръ вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ такъ явно и нагло надъ общественнымъ правомъ и свободою народовъ. Онъ объявлялъ имъ, что союзники воюютъ не съ Франціею, а съ ея правительствомъ, что они не намѣрены отплачивать ей за тѣ безчисленныя бѣдствія, которыми отягощала она своихъ сосѣдей, что они ищутъ въ ней только мира для себя и для нея [2]).

Понятно, что подобный тонъ не могъ произвести ни малѣйшаго впечатлѣнія во Франціи; что онъ не могъ, правда, раздражать, но не могъ также успокоивать, или завлекать кого-бы то ни было. Союзники объявляли, что они воюютъ только съ Наполеономъ, но Франція не отреклась еще въ это время отъ Наполеона, да и сами державы продолжали признавать его императоромъ французовъ и вели съ нимъ

[1]) Рѣшеніе императора Александра было подробно мотивировано въ особомъ мемуарѣ. См. Михайловскій-Данилевскій. Война 1814 г. т. I, стр. 39—43

[2]) Критика манифеста у Шишкова. Записки, т. I, стр. 269 и слѣд. Тутъ-же курьезное воззваніе къ французамъ, проектированное самимъ Шишковымъ.

переговоры въ качествѣ таковаго. Союзники объявляли, что они не намѣрены воздавать Франціи зломъ за зло, но развѣ нашествіе полумилліонной арміи не было уже само по себѣ страшнымъ бѣдствіемъ и зломъ для страны? Союзники говорили, что они идутъ во Францію искать мира, но съ кѣмъ желали они заключить этотъ миръ какъ не съ тѣмъ-же Наполеономъ, и могъ-ли быть этотъ миръ выгоденъ и почетенъ для французовъ? Но ни что не поражало такъ въ манифестѣ, какъ его крайне сдержанный и почти двуличный тонъ. Союзники, повидимому, желали отдѣлить Наполеона отъ Франціи, но они нигдѣ не высказывали этого въ ясной и опредѣленной формѣ. Отсюда слѣдовало само собою, что ни одна изъ политическихъ партій Франціи не могла отнестись съ довѣріемъ къ цѣлямъ соединенной Европы, такъ какъ цѣли эти оставались въ сущности неизвѣстными.

Подобнымъ-же двусмысленнымъ характеромъ отличалась и знаменитая декларація союзныхъ государей, подписанная во Франкфуртѣ 2-го декабря, т. е. передъ самымъ открытіемъ новой кампаніи [1]). И здѣсь говорилось, что война будетъ ведена не противъ Франціи, а противъ того преобладанія, которымъ пользовался Наполеонъ, къ несчастію Франціи и Европы, внѣ границъ своего государства! И здѣсь не высказывалось никакихъ опредѣленныхъ намѣреній относительно будущаго политическаго строя Франціи. Союзные государи объявляли только, что они желаютъ, чтобы Франція оставалась великою, сильною и счастливою, ибо они считаютъ французскую державу одною изъ главныхъ основъ политическаго строя Европы. Они желаютъ, чтобы Франція была счастлива, ибо великій народъ можетъ быть спокоенъ лишь тогда, когда онъ будетъ счастливъ. Государи обѣщали оставить за Франціею такую территорію, которую она никогда не имѣла при своихъ короляхъ, „ибо, сказано было въ деклараціи, великая нація не должна пасть, потому что она претерпѣла неудачи въ долгой и кровавой борьбѣ".

Декларація и манифестъ Шварценберга были продуктами

1) Декларація была обнародована въ „Journal de Francfort" отъ 3-го декабря.

общихъ и продолжительныхъ совѣщаній между государями и ихъ министрами; они были результатомъ компромисса, а потому самому отличались неясностью и двойственностью. Съ русской точки зрѣнія нельзя было возразить ничего противъ основной мысли обоихъ документовъ. Россія не заинтересована была дѣйствительно въ униженіи и раздробленіи Франціи; возстановляя свободу Германіи, она должна была оставить Францію на степени великой европейской державы. Иной вопросъ, умѣстно-ли было касаться этого чисто политическаго обстоятельства въ документахъ, исходившихъ отъ союзныхъ государей и возвѣщавшихъ Европѣ и Франціи начало новой борьбы. Во всякомъ случаѣ, тонъ обоихъ документовъ не соотвѣтствовалъ ни положенію дѣлъ, ни достоинству великихъ державъ. Ничто не указывало на то, чтобы Франція намѣрена была отдѣлить свою судьбу отъ судьбы Наполеона, ничто не говорило въ пользу того, что французы готовятся встрѣтить союзниковъ съ отверзстыми объятіями. Если угрозы не идутъ тому, кто сознаетъ свою силу передъ противникомъ; то столь-же мало подобаетъ сильному заискивать и льстить врагу, далеко еще не побѣжденному окончательно.

Утверждаютъ, что основной тонъ обоихъ документовъ внушенъ былъ Бернадотомъ [1]), какъ-бы то ни было, но онъ не можетъ быть приписываемъ императору Александру. Александръ говорилъ другимъ языкомъ, въ другомъ тонѣ. Этотъ языкъ, этотъ тонъ сказались во всемъ своемъ благородствѣ въ другомъ документѣ, обнародованномъ въ это-же самое время. Передъ вступленіемъ въ предѣлы Франціи императоръ отдалъ слѣдующій приказъ своей побѣдоносной арміи [2]):

---

[1]) Шерръ, Blücher und seine Zeit. T. 3, стр. 313.

[2]) Приказъ былъ написанъ Шишковымъ, но какъ всегда тщательно просмотрѣнъ самимъ императоромъ. Какъ далеко шла эта тщательность видно изъ слѣдующаго обстоятельства, такъ передаваемаго самимъ Шишковымъ: „Государь возвратилъ мнѣ назадъ сію бумагу, (т.-е. приказъ), безъ подписанія, съ приказаніемъ вновь переписать и прислать къ нему поскорѣе. Причина сему была слѣдующая: въ приказѣ семъ стояла рѣчь: неизгладимая никогда въ душахъ нашихъ православная вѣра. Государю, повидимому, выраженіе въ сей рѣчи „неизгладимая никогда“ не понравилась; оно было вычеркнено и вверху соб-

„Воины! Мужество и храбрость ваши привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ насъ далѣе: мы переходимъ за оный, вступаемъ въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили свое отечество, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина! да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго своего правительства властью и законами благополучно! да процвѣтаетъ въ каждой землѣ, къ всеобщему благоденствію народовъ: вѣра, языкъ, науки, художества и торговля! Сіе есть намѣреніе наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступая въ средину царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій покаралъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава Россіянина низвергать ополченнаго врага и, по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ. Сему научаетъ насъ свято почитаемая въ душахъ нашихъ православная вѣра; она божественными устами вѣщаетъ намъ: любите враги ваша, и ненавидящимъ васъ творите добро. Воины! Я несомнѣнно увѣренъ, что вы кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской столько-же побѣдите ее великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ, и соединяя въ себѣ храбрость воина противъ вооруженныхъ съ благочестіемъ христіанина противъ безоружныхъ, довершите многотрудные подвиги свои сохраненi-

---

ственною рукою карандашомъ написано: горящая, или пылающая, или чтимая. Я тотчасъ отдалъ переписать бумагу, а между тѣмъ послалъ къ нему слѣдующую записку:—„Горящая или пылающая кажется немножко стихотворно; чтимая немножко мало; не прикажите-ли поставить священно чтимая или свято почитаемая. Онъ возвратилъ мнѣ сію записку съ слѣдующею отмѣткою: „Свято почитаемая кажется всего приличнѣе“. Изъ этого свидѣтельства ясно, насколько можно считать знаменательные манифесты этой эпохи произведеніями одного Шишкова. Не подлежитъ сомнѣнію, что Александръ не только внушалъ составителю идею и мысли, но принималъ живѣйшее участіе въ самой редакціи.

ей приобрѣтенной уже вами славы мужественнаго и добронравнаго народа. Вы ускорите черезъ то достигнуть конца желаній нашихъ, всеобщаго мира".

Въ этомъ приказѣ заключалась цѣлая программа. Императоръ вступалъ въ предѣлы Франціи и подымалъ оружіе на новую тяжелую борьбу съ единственною цѣлью утвердить и упрочить тишину и спокойствіе на лицѣ всего земнаго шара. Императоръ ополчался на защиту тѣхъ великихъ, идеальныхъ благъ, которые попраны были сначала революціею, а потомъ Наполеономъ. Онъ желалъ обезпечить идеи національности и религіи, онъ хотѣлъ, чтобы каждый народъ пользовался политическою самостоятельностью, онъ начерталъ на своемъ знамени: мирное, свободное развитіе народовъ во всѣхъ отрасляхъ матерьяльной и идеальной дѣятельности. И что всего важнѣе: онъ намѣренъ былъ вести самую войну въ духѣ христіанскаго миролюбія. Онъ требовалъ, чтобы его воины побѣждали враговъ своихъ не одною силою оружія, но и великодушіемъ. Онъ стремился построить международныя отношенія на заповѣдяхъ евангельской любви. Идея священнаго союза окончательно созрѣла въ его умѣ. На развалинахъ царства тьмы и зла должно было возникнуть царство любви и правды.

ГЛАВА III.

Положеніе дѣлъ наканунѣ вступленія во Францію.—Силы обѣихъ сторонъ.—Соображеніе и планы Наполеона.—Планы союзниковъ.—Географическая стратегія.—Лангрское плато и его чудодѣйственное значеніе.—Гнейзенау и его планы.—Императоръ Александръ не соглашается посадить на цѣпь Блюхера.—Политическая подкладка австрійской стратегіи.—Швейцарскіе замыслы Меттерниха.—Лагарпъ предупреждаетъ Александра.—Каподистрія и его бесѣда съ государемъ.—Положеніе Швейцаріи: старые и новые кантоны, актъ о посредничествѣ, бернскіе мужики, Вѣнскій комитетъ.—Бернская декларація и затруднительное положеніе Каподистріи.—Меттернихъ спѣшитъ воспользоваться поѣздкою Александра въ Карлсруэ.—Австрійская главная квартира въ Фрейбургѣ.—Бубна и Лангенау на швейцарской границѣ.—Бесѣда Лангенау съ швейцарскими офицерами.—Миссія Фишера и переправа австрійцевъ черезъ Рейнъ.—Неловкое положеніе Шварценберга.—Его странныя диспозиціи и комментаріи къ нимъ.—Мрачное настроеніе фельдмаршала.—Его интимныя изліянія.—Отдыхъ Александра.—Разоблаченіе интриги.—Австрійскіе эмиссары въ Саксоніи.—Продѣлки графа Зенфта и бернскихъ „господъ“.—Рѣшительное слово русскаго государя.—Пораженіе Меттерниха.—Онъ предлагаетъ Александру остаться въ Фрейбургѣ.—Отвѣтъ Александра.—Вступленіе во Францію.

Наступали послѣдніе дни вѣчно-памятнаго 1813 года. Освобожденная Европа, съ русскимъ императоромъ во главѣ, готовилась перенести войну въ предѣлы Франціи. Низложеніе тирана съ беззаконно захваченнаго трона, освобожденіе французскаго народа отъ тяжелаго и постыднаго ярма военнаго деспотизма,—вотъ была цѣль послѣдняго усилія союзныхъ ополченій, сосредоточенныхъ на правомъ берегу Рейна и готовыхъ перейти рѣку по первому мановенію своихъ вождей. Никогда еще ни одинъ монархъ не обнажалъ меча за болѣе правое и святое дѣло, и никогда еще обстоятельства не слагались такъ благопріятно для торжества его, какъ въ на-

стоящій моментъ. Союзники имѣли дѣло съ врагомъ, могущество котораго было уже поколеблено въ самомъ своемъ основаніи, ореолъ непобѣдимости разсѣянъ, а средства истощены до послѣдней степени возможности. За Александромъ и его сподвижниками стояла ликующая, готовая на всевозможныя жертвы Европа; въ распоряженіи Наполеона была одна истощенная средствами и людьми, утомленная, глубоко разочарованная и недовольная Франція. Союзники могли легко пополнять свои многочисленныя арміи все новыми и новыми подкрѣпленіями; Наполеонъ принужденъ былъ пополнять свои войска несовершеннолѣтними и стариками. Союзники могли пользоваться не только рессурсами всей континентальной Европы, но и покрывать свои расходы при помощи англійскаго кредита; Наполеонъ растратилъ въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ сокровища, награбленныя имъ со всего міра, раззорилъ Францію и вынужденъ былъ теперь наложить руку на послѣдніе остатки военной добычи, хранившіеся въ подвалахъ Тюльирійскаго дворца. Обиліе и избытокъ господствовали въ арсеналахъ и магазинахъ союзниковъ; въ ихъ распоряженіи были колоссальные запасы оружія, артиллеріи, пороху, припасовъ всякаго рода; Россія, Германія и Австрія могли доставить несмѣтное количество лошадей для всѣхъ частей арміи. Наполеонъ потерялъ въ два послѣдніе похода милліоны ружей и тысячи артиллерійскихъ орудій; одни изъ его арсеналовъ и складовъ были захвачены непріятелями, другіе опустошены для собственныхъ цѣлей; оружейные заводы и фабрики не успѣвали изготовить потребнаго для новой войны матерьяла, и Франція, никогда не отличавшаяся коневодствомъ, не въ состояніи была уже комплектовать свою кавалерію лошадьми изъ подвластныхъ и вассальныхъ странъ.

Союзныя арміи [1]), достигнувшія линіи Рейна въ концѣ ок-

[1]) О силахъ и приготовленіяхъ союзниковъ къ войнѣ 1814 г. мы пользовались слѣдующими пособіями: Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten, T. IV, пол. I, главы 1—2; Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I-го T. IV, стр. 335 и слѣд., c. v. Plotho, der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 и 1814, Томъ III-й, стр. 8—9; см. также сочиненія Шпоршиля, Бейцке и другихъ.

тября 1813 г., значительно пополнились и усилились подкрѣпленіями, прибывшими къ нимъ въ теченіи ноября и декабря. Армія Шварценберга, носившая по прежнему наименованіе главной или большой, состояла въ первыхъ числахъ ноября, со включеніемъ баварскихъ войскъ, подъ начальствомъ Вреде, изъ 160,000 ч., теперь она достигла до 190,672 ч. въ томъ числѣ 29,500 ч. конницы. Орудій при этой арміи насчитывалось 682 [1]); главная часть ея состояла изъ австрійцевъ, около 97,000 ч.; кромѣ того въ ней числилось 44,000 русскихъ, 6,500 пруссаковъ и 42,500 ч. другихъ германскихъ войскъ, какъ-то баварцевъ, виртембергцевъ и баденцевъ. Силезская армія, подъ предводительствомъ Блюхера, состояла передъ переходомъ черезъ Рейнъ изъ 84,500 ч. въ томъ числѣ 18,000 всадниковъ, при 436 орудіяхъ [2]). Эта армія состояла по прежнему исключительно изъ русскихъ и пруссаковъ; отдѣльные корпуса ея находились подъ командою генераловъ Ланжерона, Сакена, Олсуфьева, Сенъ-При и Іорка. Обѣ союзныя арміи должны были усилиться въ ближайшемъ будущемъ новыми весьма значительными подкрѣпленіями. Къ арміи Шварценберга готовились присоединиться шестой и седьмой корпуса союзныхъ германскихъ войскъ всего на-всего около 20,000 человѣкъ; тогда какъ къ арміи Блюхера спѣшили четвертый и пятый германскіе корпуса въ составѣ 21,000, русскій корпусъ Винцингероде около 30,000 и пруссаки подъ начальствомъ Клейста, также 30,000 ч.

Независимо отъ этихъ громадныхъ силъ, сосредоточенныхъ на среднемъ и верхнемъ Рейнѣ, союзники располагали еще цѣлыми арміями въ Нидерландахъ, Италіи и на Испанской границѣ Франціи. Изъ Бельгіи готовились вторгнуться въ сѣверную Францію пруссаки подъ начальствомъ Бюлова; въ верхней Италіи дѣйствовали 80,000 австрійцевъ подъ командою Кленау, тогда какъ изъ Испаніи приближалась къ южной границѣ Франціи 120,000 армія Веллингтона, состоявшая изъ англичанъ, испанцевъ и португальцевъ. Подобно

---

[1]) Въ томъ числѣ 360 австрійскихъ, 188 русскихъ, 24 прусскихъ, 86 баварскихъ и 24 виртембергскихъ. Бернгарди, Т. IV, стр. 68.

[2]) Въ томъ числѣ 332 русскихъ и 104 прусскихъ.

грозовымъ тучамъ облегали эти гигантскія силы со всѣхъ сторонъ Францію, въ то время какъ многочисленный британскій флотъ держалъ въ строгой блокадѣ все ея морское побережье [1]).

Спрашивается, что могъ противопоставить Наполеонъ этимъ подавляющимъ по численности, сильнымъ по духу и ненависти, упоеннымъ побѣдою, непріятельскимъ полчищамъ. Мы видѣли, что не смотря на всѣ лихорадочныя усилія, не смотря на крайнее напряженіе силъ, императоръ французовъ успѣлъ собрать къ началу декабря мѣсяца всего лишь 100,000 ч. [2]). Правда, у него были еще значительные отряды войска въ Италіи подъ начальствомъ Евгенія Богарне и цѣлая армія старыхъ солдатъ, (около 70,000 ч), въ Испаніи, подъ предводительствомъ маршаловъ Сульта и Сюше, но войска эти находились на второстепенныхъ театрахъ войны, и императоръ не рѣшался призвать хотя-бы часть ихъ на восточную границу Франціи, дабы противоставить ихъ здѣсь главнымъ своимъ врагамъ. Главнѣйшими причинами такого, на первый взглядъ, страннаго распоряженія, были: во-первыхъ, хорошо извѣстныя намъ упорство и властолюбіе Наполеона, а во-вторыхъ, его безграничная самонадѣянность, не только не упавшая подъ повторенными ударами судьбы, а напротивъ— возроставшая все болѣе и болѣе до гигантскихъ размѣровъ. Какъ прежде, такъ и теперь, Наполеонъ ни за что не хотѣлъ выпустить изъ рукъ того, что онъ считалъ своимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Какъ въ 1812 и 13 годахъ, онъ продолжалъ слѣпо вѣрить, въ свою звѣзду, убаюкивалъ себя обман-

---

[1]) Всего союзники имѣли подъ оружіемъ около милліона солдатъ, а именно: 278,000 русскихъ, 230,000 австрійцевъ, 162,000 пруссаковъ, 197,000 германскихъ союзныхъ войскъ; 120,000 англичанъ, испанцевъ и португальцевъ подъ начальствомъ лорда Веллингтона и 20,000 шведовъ. См. Плото, Т. 3, стр. 6 и 7, гдѣ не показаны, впрочемъ, войска Веллингтона.

[2]) Важнѣйшія и достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о вооруженіяхъ Наполеона мы находимъ у Коха, Memoires pour servir a l'histoire de la campagne de 1814, томъ первый; кромѣ того важны письма, распоряженія и замѣтки самого Наполеона въ 27 томѣ его Correspondance; Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 1—5; а равно названныя уже выше сочиненія Бернгарди, Плото и другихъ.

чивыми надеждами на краю бездны, произвольно уменьшалъ силы противниковъ и увеличивалъ свои собственныя средства [1]).

До насъ дошла собственноручная записка императора, рисующая какъ нельзя лучше его непонятное ослѣпленіе. Въ началѣ кампаніи, Наполеонъ составилъ лично для себя замѣтки о численности непріятеля, о его планахъ, а равно о тѣхъ силахъ, которыя собирался онъ противопоставить ему [2]). Непріятели, разсуждалъ онъ, наступаютъ тремя отдѣльными арміями, но ни одна изъ этихъ армій не можетъ страшить его своею численностью. Въ Голландіи союзники располагаютъ, подъ предводительствомъ Бюлова, какими нибудь 20,000 ч.; но эти войска никогда не отважатся вступить въ предѣлы Франціи и будутъ задержаны на все время войны осадою Антверпена и другихъ бельгійскихъ крѣпостей. Болѣе опасна армія Блюхера, направляющаяся на Мецъ, она состоитъ изъ 60,000 чел.; но и ей придется оставить подъ крѣпостями около половины своихъ солдатъ. Сильнѣе всѣхъ армія Шварценберга, въ ней насчитывается около 100,000 чел.; но и ей придется оставить въ Швейцаріи, подъ Безансономъ, рейнскими крѣпостями и Бельфоромъ около 50,000 ч. Пусть остальные 50,000 успѣютъ соединиться съ 30,000 Блюхера; неужели же эти 80,000 ч. отважатся идти на Парижъ, неужели осторожный и трусливый Шварценбергъ осмѣлится на такую безумную операцію?

Уменьшая до смѣшного силы непріятеля, Наполеонъ преувеличиваетъ въ такой же степени свои собственныя. Мезонъ, разсуждаетъ онъ, будетъ прикрывать съ 15,000 Бельгію, Макдональдъ съ 10,000 будетъ дѣйствовать на правый флангъ Блюхера, Мармонъ Викторъ, Мортье, въ распоря-

---

[1]) Не смотря на крайнюю опасность, Наполеонъ заявлялъ притязаніе прикрывать отовсюду свой фронтъ. И въ то время, когда тысячи причинъ налагали на него долгъ прикрывать прежде всего свою столицу, онъ оставлялъ лучшія свои войска на второстепенныхъ пунктахъ, гдѣ даже величайшіе успѣхи не могли имѣть никакого вліянія на исходъ войны". Кохъ, Т. I, стр. 141.

[2]) Замѣтки эти составлены были въ январѣ 1814 г., онѣ помѣщены въ 27 т. Correspondance. Мы пользуемся извлеченіями у гр. Іорка, Napoleon als Feldherr. T. II, стр. 340 и слѣд.

женіи которыхъ находятся 37,000 солдатъ, будутъ отступать шагъ за шагомъ передъ непріятелемъ, по направленію къ Парижу, гдѣ соберется между тѣмъ 80,000 резервная армія. Наполеонъ настаиваетъ съ самоувѣренностью на этой послѣдней цыфрѣ, онъ возлагаетъ свои главныя надежды на эту резервную армію, а между тѣмъ онъ долженъ былъ знать лучше кого либо, что армія эта существовала только въ его пылкой фантазіи, а не въ дѣйствительности.

Ошибаясь такъ страшно въ опредѣленіи численности непріятеля, Наполеонъ ошибался совершенно и на счетъ его плана. Онъ былъ убѣжденъ, что союзники вторгнутся во Францію со стороны Голландіи и нижняго Рейна, и соображаясь съ этимъ, направилъ къ бельгійской границѣ большую часть своихъ войскъ, въ томъ числѣ всю старую гвардію. Строя подобное предположеніе, Наполеонъ разсуждалъ, впрочемъ, какъ настоящій полководецъ, или выражаясь иначе, онъ предполагалъ у непріятеля такія намѣренія, которыя онъ принялъ бы самъ на его мѣстѣ. Наступленіе со стороны нижняго Рейна представляло для союзниковъ несомнѣнныя выгоды; оно соотвѣтствовало, какъ нельзя болѣе, расположенію ихъ силъ, оно сулило самые скорые и блестящіе результаты, особливо въ случаѣ быстраго и рѣшительнаго образа дѣйствія. Блюхеръ и Гнейзенау настаивали тотчасъ по прибытіи во Франкфуртъ именно на этомъ планѣ, но они встрѣтили самыя рѣшительныя возраженія со стороны князя Шварценберга, всего его ученаго штаба и методическаго генерала Ф. Кнезебека [1]). Всѣ эти господа предпочитали, какъ это намъ достаточно извѣстно, кривые и сложные пути путямъ прямымъ и смѣлымъ. Воспитанные на глубокомысленныхъ правилахъ отжившей свой вѣкъ стратегіи, они предполагали всю цѣль военныхъ дѣйствій не въ истребленіи вооруженныхъ силъ непріятеля, а въ занятіи важныхъ стратегическихъ пунктовъ и господствующихъ позицій. Сѣверовосточная граница Франціи казалась имъ недоступною и не-

[1]) Подробности о планахъ Шварценберга, Лангенау, Дуки и Ф. Кнезебека см. у Бернгарди, т. IV, гл. 1—2.

уязвимою уже потому, что она была окружена тройнымъ рядомъ крѣпостей. Неблагоразумно, утверждали они, углубляться въ страну, защищенную такъ сильно и укрѣпленіями и непріятельскими арміями; странно вести атаку именно въ томъ направленіи, въ какомъ ожидаетъ ее непріятель; несравненно удобнѣе вторгнуться во Францію съ той стороны, которая вовсе не защищена крѣпостями, откуда непріятель не ожидаетъ и не можетъ ожидать серьезнаго наступленія. Такою слабою стороною Франціи является ея швейцарская граница; здѣсь то находится ахиллова пята непріятеля, отсюда можно нанести ему рѣшительный ударъ. Правда, движеніе черезъ Швейцарію сопряжено, на первый взглядъ, съ большими неудобствами. Оно потребуетъ гораздо болѣе времени, оно заставитъ союзниковъ передвинуть всѣ свои силы на верхній Рейнъ, измѣнить свою операціонную базу, и что важнѣе всего, оно будетъ сопряжено съ большими политическими неудобствами. Швейцарская республика только что провозгласила свой нейтралитетъ. Придется нарушать этотъ нейтралитетъ. Придется, быть можетъ, занимать Швейцарію силою и тѣмъ заставить швейцарцевъ просить помощи у Наполеона. Не слѣдуетъ, однако-же, придавать особеннаго значенія всѣмъ этимъ трудностямъ. Всего менѣе слѣдуетъ стѣсняться номинальнымъ швейцарскимъ нейтралитетомъ. Самъ Наполеонъ никогда не стѣснялся имъ, онъ владычествовалъ въ Швейцаріи, онъ пользовался средствами страны для своихъ цѣлей, онъ выбралъ изъ нея за послѣдніе шесть лѣтъ 200,000 рекрутъ, онъ подчинилъ ее континентальной системѣ и конфисковалъ подъ этимъ предлогомъ нѣсколько милліоновъ товаровъ, онъ отдѣлилъ, наконецъ, отъ Швейцаріи нѣсколько областей и присоединилъ ихъ къ Франціи, не спрашивая ни чьяго согласія. Въ виду всѣхъ этихъ вопіющихъ фактовъ, союзники имѣютъ полное основаніе не обращать ни малѣйшаго вниманія на швейцарскій нейтралитетъ; да и сами швейцарцы навѣрное встрѣтятъ ихъ какъ освободителей и добровольно примкнутъ къ общему доброму дѣлу.

Занявъ Швейцарію, продолжали совѣтники Шварценберга, союзники пріобрѣтутъ большія политическія и особен-

но военныя выгоды. Для нихъ представится возможность вступить въ сношенія съ австрійскою арміею въ Италіи. Угрожаемый съ фланга и съ тыла, вице-король Евгеній принужденъ будетъ поспѣшно отступить во Францію; австрійская армія въ Италіи послѣдуетъ за нимъ, она займетъ Ліонъ и соединится тутъ съ другими союзными войсками. Главная союзная армія вступитъ во Францію со стороны Швейцаріи черезъ такъ называемое вольное Бургундское графство, вовсе не защищенное сильными крѣпостями, а лишь двѣнадцатью ничтожными фортами. Отсюда союзникамъ представляется полная возможность достигнуть Лангрскаго плато, а занятіе этого въ высшей степени важнаго стратегическаго пункта должно имѣть самыя рѣшающія послѣдствія. Лангрское плато составляетъ важнѣйшую часть той возвышенности, которая отдѣляетъ рѣчную область Сены отъ рѣчной области Роны и Соны. Подымаясь на 1600 ф. надъ уровнемъ моря, оно господствуетъ подобно колоссальной крѣпости надъ всею Франціею. Отсюда страна понижается съ одной стороны къ сѣверному морю и Антлантическому океану, съ другой, къ Средиземному морю; отсюда направляются въ одну сторону Маасъ, Марна и Сена, на другую притоки Соны. Завладѣвъ этимъ плато, союзники обойдутъ Вогезы, обойдутъ Мозель, Маасъ и Марну у ихъ истоковъ, точно также какъ занявъ Швейцарію, они обойдутъ Рейнъ. Непріятель принужденъ будетъ оставить безъ боя всѣ свои сильныя оборонительныя линіи: Рейнъ, Вогезы, Маасъ; онъ принужденъ будетъ искать себѣ оборонительной позиціи далѣе назади, но не найдетъ ее нигдѣ [1]).

Правда, нельзя опускать изъ виду и другой возможности. Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ понимаетъ лучше кого-либо другаго всю важность Лангрской позиціи [2]). По всей вѣроятности, онъ постарается предупредить союзни-

---

[1]) Итакъ, все дѣло сводится къ обходамъ и занятію оборонительныхъ линій; живая сила непріятеля, очевидно, не имѣла въ глазахъ этихъ стратеговъ никакого значенія.

[2]) Наполеонъ, какъ мы увидимъ это ниже, не придавалъ ни малѣйшаго значенія этой позиціи и не принялъ никакихъ мѣръ для ея защиты.

ковъ и займетъ ее своими главными массами. Быть можетъ, придется занимать плато съ боя, но надо надѣяться, что численное превосходство союзниковъ доставитъ имъ побѣду. Къ тому-же необходимо принять заблаговременно всѣ мѣры, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ этого главнаго пункта, помѣшать сосредоточенію его силъ и разстроить въ самомъ началѣ его вооруженія. Съ этой цѣлью силезская армія должна занять угрожающее положеніе на среднемъ Рейнѣ у Майнца и предпринимать демонстраціи на лѣвый берегъ рѣки. Далѣе необходимо составить множество партизанскихъ отрядовъ, по преимуществу изъ казаковъ, и двинуть ихъ, не теряя ни минуты времени, во внутрь Франціи. Отряды эти должны распространиться по всей странѣ, занимать пути сообщенія, захватывать и разгонять конскриптовъ на ихъ сборныхъ мѣстахъ, уничтожать магазины и склады непріятеля и подавить такимъ образомъ въ самомъ зародышѣ начинающіяся вооруженія Франціи. На этихъ-же партизанскихъ отрядовъ необходимо возложить и другую важную задачу. Они должны поддерживать связь между отдѣльными союзными арміями и установить сообщеніе съ войсками герцога Веллингтона, вступающими въ юго-западную Францію [1]).

Таковъ былъ планъ, предложенный отъ имени князя Шварценберга еще во Франкфуртѣ, но составленный главнымъ образомъ генераломъ Лангенау. Несомнѣнно, что планъ этотъ могъ произвести сильное впечатлѣніе на людей, незнакомыхъ практически съ военнымъ дѣломъ, что онъ подкупалъ своими, повидимому, чисто-научными основами, что онъ открывалъ широкія перспективы и вносилъ единство и связь въ движенія союзныхъ армій, разбросанныхъ на громадномъ протяженіи между устьями Рейна и Пиренеями. Императоръ Александръ, всегда увлекавшійся сложны-

[1]) Этому послѣднему обстоятельству придавали особенное значеніе австрійскіе стратеги. Они намѣтили даже заранѣе партизана, который долженъ былъ пробраться къ Веллингтону. То былъ смѣлый и искусный русскій партизанъ, Сеславинъ. Императору Александру понравилась также эта мысль, но объ ея осуществленіи не было впослѣдствіи и рѣчи.

ми и грандіозными комбинаціями, не могъ не одобрить предположеній Лангенау уже и потому, что они были поддерживаемы не только Шварценбергомъ, Радецкимъ, Ф. Кнезебекомъ, но также, прусскимъ королемъ и многими русскими генералами. Въ пользу плана говорило, повидимому, и то обстоятельство, что противъ него возражали всѣ люди, черезъ чуръ осторожные и методичные, что противъ него протестовалъ генералъ Дука, называя зимній походъ во Францію безумнымъ предпріятіемъ, что противъ него высказывался и Бернадотъ, утверждая съ своею обычною гасконскою развязностью, что вторженіе союзниковъ во Францію повлечетъ за собою страшное, поголовное возстаніе всего французскаго народа [1]).

Понятно, что такія трусливыя и коварныя внушенія не могли произвести на императора Александра желаннаго дѣйствія; напротивъ, они только утверждали его и безъ того уже въ твердомъ намѣреніи перенести немедленно войну въ предѣлы Франціи. Иное дѣло возраженія Гнейзенау, начальника штаба силезской арміи. Если устами Лангенау говорила кабинетная стратегія Маковъ, Вейротеровъ и другихъ членовъ вѣнскаго Гофскригсрата, то въ энергическихъ рѣчахъ Гнейзенау слышалась чисто-практическая стратегія истиннаго полководца, избравшаго своими образцами Суворова и Наполеона. Гнейзенау предполагалъ оставить на линіи Рейна и въ Голландіи лишь небольшіе отряды для наблюденія за крѣпостями, перевести немедленно всю армію черезъ средній Рейнъ и идти прямо на Парижъ, черезъ Нанси и Мецъ. Онъ доказывалъ, что движеніе черезъ Швейцарію отниметъ у союзниковъ нѣсколько драгоцѣнныхъ недѣль времени и что непріятель съумѣетъ воспользоваться ими, какъ нельзя лучше, для окончанія своихъ вооруженій.

---

[1]) Дука предлагалъ расположить арміи на зимнія квартиры и начать войну, въ духѣ добраго, стараго времени, весною, приступивъ къ осадѣ Майнца. Бернадотъ прямо заявилъ, что партизаны и казаки будутъ перебиты одними стариками и бабами, безъ участія молодежи и населенія средняго возраста, которые соберутся подъ знаменами Наполеона. См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten, т. IV, полов. I, стр. 25, 26, 41.

Походъ Шварценберга черезъ Швейцарію и трудно проходимую, особенно въ зимнее время, Юру можетъ подвергнуть кромѣ того величайшей опасности силезскую армію, оставляемую на среднемъ Рейнѣ. Легко можетъ случиться, что Наполеонъ оставитъ на-время безъ вниманія главную армію, бросится со всѣми своими силами на Блюхера, уничтожитъ его армію и перенесетъ вновь войну въ Германію. О Лангрскомъ плато и его стратегическомъ значеніи Гнейзенау выражался съ величайшимъ презрѣніемъ. Онъ доказывалъ, что географическіе пункты сами по себѣ не могутъ имѣть никакого военнаго значенія, что смѣшно и странно утверждать, что возвышенность, сама по себѣ ничтожная, можетъ господствовать надъ всею Франціею, лишь потому что на ней находятся истоки нѣкоторыхъ французскихъ рѣкъ. Наполеонъ, говорилъ Гнейзенау далѣе, навѣрное не придаетъ ни малѣйшаго значенія этому горбу, онъ не поставитъ для его защиты ни одного своего солдата, онъ съумѣетъ найти себѣ иныя позиціи и остановить союзниковъ иными болѣе реальными способами, нежели занятіемъ воображаемыхъ господствующихъ пунктовъ. Съ такимъ полководцемъ какъ императоръ французовъ надо вести войну такимъ-же образомъ, какъ ведетъ ее онъ самъ. Живая сила непріятеля должна составлять единственный объектъ нашихъ военныхъ операцій [1]).

Какъ ни убѣдительно говорилъ Гнейзенау, но императоръ Александръ, не желая расходиться съ своими союзниками, не счелъ возможнымъ стать рѣшительно на его сторону. Лишь въ одномъ отношеніи онъ не согласился съ планомъ Лангенау и потребовалъ его существеннаго измѣненія. Силезская армія не должна была оставаться на правомъ бе-

---

[1]) Рѣчь, вложенная здѣсь въ уста Гнейзенау, не была буквально произнесена имъ именно въ этомъ видѣ, но всѣ мысли и доводы, сжатые здѣсь въ нѣсколькихъ фразахъ, были неоднократно и подробно излагаемы имъ какъ письменно, такъ и устно. И тутъ мы слѣдуемъ примѣру, поданному великими историками древности. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что идеи Гнейзенау встрѣчали противорѣчіе въ средѣ самой силезской арміи. Противъ нихъ высказались генералы Іоркъ и Мюфлингъ.

Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten, т. IV. пол. I, стр. 27.

регу Рейна и ограничиваться „какими-то демонстраціями“, стараго Блюхера не слѣдовало сажать на цѣпь и тѣмъ лишать дѣйствующую армію союзниковъ ея острѣйшаго меча и популярнѣйшаго вождя. Александръ потребовалъ и настоялъ на своемъ, чтобы силезская армія перешла черезъ Рейнъ у Майнца и приняла самое дѣятельное участіе въ нашествіи на Францію. Внося это коренное измѣненіе въ планъ Лангенау, Александръ отлично понималъ, что онъ разстраивалъ тѣмъ самымъ одинъ изъ важнѣйшихъ затаенныхъ замысловъ вѣнскаго кабинета. Устраненіе Блюхера было, по всей вѣроятности, дѣломъ самого Меттерниха. Онъ хотѣлъ лишить Александра его главной поддержки и сосредоточить все веденіе войны въ рукахъ Шварценберга.

Съ планомъ Лангенау соединялись и другія заднія мысли чисто политическаго свойства. Намѣчая Лангрское плато, какъ главную стратегическую цѣль вторженія союзниковъ во Францію, Шварценбергъ и его совѣтники тщательно умалчивали о томъ, что-же должно воспослѣдовать послѣ занятія плато въ томъ случаѣ, если Наполеонъ не поспѣшитъ заявить свою покорность. Очевидно, что и въ такомъ случаѣ, они вовсе не намѣревались идти далѣе въ глубину Франціи. Мысль о походѣ на Парижъ, о сверженіи Наполеона съ престола не входила ни въ ихъ желанія, ни въ разсчеты. Они смотрѣли на предстоящую кампанію не какъ на рѣшительное предпріятіе, а какъ на набѣгъ, долженствовавшій сломить упрямство императора французовъ и побудить его заключить миръ на условіяхъ предложенныхъ Сентъ-Эньяну [1]). Понятно, что императоръ Александръ ни коимъ образомъ не могъ примириться съ подобными идеями, но Меттернихъ надѣялся тѣмъ или инымъ способомъ обойти и обмануть русскаго государя.

Походъ черезъ Швейцарію, на которомъ такъ упорно настаивали Шварценбергъ и Лангенау, имѣлъ также свою политическую подкладку, не имѣвшую ничего общаго съ глав-

---

¹) Бернгарди, т. IV, пол. II, стр. 26.

ною цѣлью войны. Проходя черезъ Швейцарію [1]), австрійцы разсчитывали подчинить эту страну своему вліянію, уничтожить ея политическое устройство, основанное на равноправности кантоновъ и возстановить ненавистное для народа господство бернской аристократіи. Какъ ни тщательно держалъ Меттернихъ въ тайнѣ этотъ свой замыселъ, но интриги его агентовъ и бернскихъ патриціевъ повели къ его скорому и внезапному разоблаченію. Лагарпъ, бывшій воспитатель Александра, уроженецъ кантона Ваадта, независимости котораго угрожала опасность въ случаѣ удачи задуманнаго австрійцами переворота, поспѣшилъ увѣдомить русскаго императора о замыслахъ Меттерниха и умолялъ его взять подъ свою защиту свободную Швейцарію. Александръ, глубоко возмущенный новымъ коварствомъ австрійскаго канцлера, немедленно принялъ самыя энергическія мѣры. Онъ объявилъ императору Францу и его канцлеру, что онъ не только не намѣренъ принимать участіе въ ихъ замыслахъ, но что онъ беретъ Швейцарію подъ свою защиту. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ потребовалъ, чтобы союзная армія переправилась черезъ Рейнъ, ниже Базеля въ Баденскихъ владѣніяхъ и вступила во Францію, не касаясь нейтральной Швейцарской территоріи. Наконецъ, императоръ предложилъ отправить немедленно-же въ Цюрихъ, гдѣ находилось швейцарское союзное правительство, союзныхъ коммиссаровъ и вступить въ дружественные переговоры съ республикою. Коммиссары должны были заявить швейцарскимъ правителямъ, что союзные монархи питаютъ къ Швейцаріи самыя благосклонныя чувства и намѣренія и что они приглашаютъ ее присоединиться къ союзу противъ общаго врага европейскаго порядка и свободы.

Меттернихъ, захваченный въ расплохъ, не рѣшился открыто противорѣчить Александру. Онъ согласился даже на

[1]) Подробности о швейцарскихъ дѣлахъ см. Diplomatische Geschichte d. Iahre 1812—15, гдѣ на стр. 339—344 помѣщены и нѣкоторые документы; Бернгарди, т. IV, пол. I, главы 1 и 2, гдѣ все это дѣло изложено съ большою подробностью; Богдановичъ, императоръ Александръ, т. IV, стр. 342 и слѣдующія; Перцъ, Stein's Leben, т. 3 глава IX.

всѣ его требованія, хотя въ душѣ вовсе не думалъ отказываться отъ своихъ замысловъ. Князь Шварценбергъ долженъ былъ заявить русскому государю, что, согласно его волѣ, союзная армія переправится черезъ Рейнъ ниже Базеля, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ разрѣшенія занять постоянный мостъ въ самомъ Базелѣ, ссылаясь на стратегическую важность этого пункта. Александръ далъ охотно свое согласіе на эту послѣднюю просьбу, замѣтивъ, что въ такомъ случаѣ линія швейцарской нейтральной территоріи можетъ быть отодвинута на одну милю назадъ. Въ тоже время назначенъ былъ австрійскимъ коммиссаромъ въ Швейцарію Ф. Лебцельтернъ; выборъ-же Александра палъ на графа Каподистрію, состоявшаго тогда директоромъ канцеляріи главнокомандующаго русскими войсками Барклая-де-Толли.

Полная уступчивость австрійскаго канцлера возбудила подозрѣнія Александра. Онъ предчувствовалъ что-то недоброе и рѣшился для предупрежденія новыхъ интригъ Меттерниха дать самыя точныя инструкціи своему уполномоченному. Императоръ потребовалъ къ себѣ графа Каподистрію и обратился къ нему съ такими словами: „Я очень доволенъ вашею прежнею службою и намѣренъ возложить теперь на васъ важное порученіе. Ваши правила и чувства мнѣ извѣстны. Вы любите республики и я также люблю ихъ. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы спасти одну изъ нихъ, порабощенную французскимъ деспотизмомъ и угрожаемую такою-же участью, какая постигла вольные германскіе города, а равно Геную и Венецію. Я говорю о Швейцаріи. Государи наканунѣ перехода ихъ арміи черезъ Рейнъ должны убѣдиться въ расположеніи честнаго и воинственнаго народа этой страны, содѣйствовать его возрожденію и дать ему возможность принять вмѣстѣ съ нами участіе въ великомъ дѣлѣ возстановленія европейской системы. Возвратить каждой изъ націй полное и совершенное пользованіе ея правами и учрежденіями; ввѣрить защиту ихъ и свою собственную общему союзу; остерегаться самимъ и охранять ихъ отъ властолюбія завоевателей: таковы основанія, на коихъ, съ помощью Бо-

жіею, мы надѣемся утвердить нашу новую систему. Всевышній Промыслъ указалъ намъ путь къ этой цѣли. Мы уже прошли часть его; остальная часть усѣяна преградами. Необходимо устранить ихъ, и вы будете содѣйствовать этому трудному дѣлу. Союзъ противъ Франціи образовался самъ собою въ силу необходимости; подобно снѣжному кому, росъ онъ на своемъ пути, увлекая все за собою. Трудно представить себѣ сколько нужно было благоразумія, умѣренности и настойчивости, чтобы упрочить союзъ и не дозволить общему непріятелю разъединить союзниковъ".

Перейдя затѣмъ къ положенію дѣлъ въ Швейцаріи, Александръ сказалъ: „Упрямые бернскіе аристократы не хотѣли сдѣлать никакой добровольной уступки требованіямъ вѣка и общественнаго прогресса швейцарской націи. Это дало возможность усилиться революціонной партіи, которую старалась образовать Франція въ земляхъ, подвластныхъ коренным кантонамъ и французскія войска, пользуясь тѣмъ, овладѣли безъ труда Швейцаріею. Послѣ многихъ бѣдствій, ею перенесенныхъ, договоръ о посредничествѣ, которымъ Бонапарте успокоилъ страну, былъ несомнѣннымъ благодѣяніемъ. Если-бы власть, даровавшая его, могла внушить довѣріе, то швейцарцы сдѣлали-бы очень дурно, пожелавъ возвратиться къ прошлому и подвергнувъ себя опасностямъ новаго политическаго устройства. Какова-бы ни была развязка этого вопроса, мы не имѣемъ права рѣшить его. Союзныя державы должны соблюдать и охранять положеніе дѣлъ, нынѣ существующее въ Швейцаріи. На этомъ основаніи, непреложно условленномъ мною съ моими союзниками, мы желаемъ указать гражданамъ швейцарской республики истинныя выгоды ихъ отечества и постепенно побудить ихъ къ содѣйствію намъ. Но для этого необходимо на первый разъ потребовать отъ нихъ истиннаго нейтралитета въ настоящую войну. Такова цѣль даннаго вамъ порученія. Мы не знаемъ, что теперь происходитъ въ Швейцаріи. И потому вы отправитесь туда въ качествѣ путешественника. По прибытіи на мѣсто, вы будете доставлять мнѣ донесенія, содержаніе которыхъ опредѣлитъ свойства вашей миссіи. Ав-

стрійцы посылаютъ съ такими-же предосторожностями барона Лебцельтерна, съ которымъ вы будете дѣйствовать за-одно".

Каподистрія, выслушавъ государя, замѣтилъ, что онъ сомнѣвается въ своей способности къ таковой миссіи. „Я знаю Швейцарію только изъ книгъ, я не говорю по-нѣмецки и что самое главное,—я буду имѣть товарища", замѣтилъ онъ.

Государь возразилъ: „Я отвѣчу только на послѣднее затрудненіе. На счетъ прочихъ могу отдать справедливость вашей скромности. Что-же касается до вашего товарища, то поступайте на основаніи, данныхъ вамъ инструкцій. Ежели онъ отклонится отъ нихъ, дѣйствуйте такъ, какъ вамъ указано и присылайте мнѣ ваши донесенія. Мы будемъ близко. Въ нѣсколько дней вы получите отвѣтъ" [1]).

Бесѣда государя съ Каподистріею бросаетъ яркій свѣтъ и на положеніе Швейцаріи, и на благородныя, безкорыстныя цѣли русской политики. До самыхъ временъ французской революціи, въ Швейцаріи господствовалъ порядокъ, созданный вѣками и основывавшійся на привиллегированномъ положеніи и господствѣ однихъ, на зависимости и угнетеніи другихъ. Коренные кантоны, отличавшіеся впрочемъ самымъ различнымъ политическимъ устройствомъ, одни считались полноправными членами союза и составляли союзный совѣтъ. Другіе кантоны, носившіе названіе примкнувшихъ областей, находились только въ оборонительномъ союзѣ или со всѣми старыми кантонами или съ однимъ изъ нихъ. Они не имѣли своихъ представителей въ союзномъ совѣтѣ, но пользовались полною внутреннею самостоятельностью. Въ числѣ ихъ были вольные города, какъ напримѣръ, Женева, республики, какъ напримѣръ, Граубюнденъ и маленькія монархическія государства, какъ графство Невшательское и С. Галленское аббатство. Наконецъ, въ составъ старой Швейцаріи входили такъ называемыя подчиненныя области, завоеванныя однимъ

---

[1]) Весь этотъ разговоръ, равно какъ и инструкція Каподистріи помѣщены у Богдановича, Т. IV, стр. 343—345 и приложенія стр. 44—45, „который взялъ ихъ изъ собственноручной рукописи Каподистріи, хранящейся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

или нѣсколькими кантонами. Такія области не имѣли никакихъ политическихъ правъ; онѣ находились въ строгой зависимости отъ владѣтельныхъ кантоновъ. Ими управляли по большей части жестоко и несправедливо ландфогты. Бернъ, самый старый и могущественный изъ коренныхъ кантоновъ, владѣлъ большею частью такихъ зависимыхъ областей. Ему принадлежали Ааргау и Ваадтъ, родина Лагарпа. Бернскіе ландфогты, грубые и жестокіе „мужики стараго покроя“, тяжело давали чувствовать свою власть болѣе образованному населенію подвластныхъ областей. Ихъ тиранія принесла самые горькіе плоды Швейцаріи. Когда войска революціонной Франціи вторгнулись въ страну, то населеніе подвластныхъ земель встрѣтило ихъ какъ своихъ освободителей. Старые кантоны утратили свое господствующее положеніе и Наполеонъ своимъ посредническимъ актомъ превратилъ Швейцарію въ Гельветическую республику, состоявшую изъ совершенно равноправныхъ и автономныхъ кантоновъ, устроенныхъ демократически и поставленныхъ подъ покровительство Франціи.

Но понятно, что бернскіе аристократы не могли примириться съ этимъ новымъ порядкомъ вещей. Они молчали и повиновались лишь до тѣхъ поръ, пока оставалось незыблимымъ могущество Наполеона; когда-же могущество это пошатнулось и арміи соединенной Европы придвинулись къ самымъ границамъ Швейцаріи, то они рѣшили добиться во-что-бы то ни стало своего прежняго господствующаго положенія. Всѣ свои надежды бернскіе патриціи возлагали при этомъ на Австрію и на руководителя габсбургской политики Меттерниха. Они видѣли, что Австрія начертала на своемъ знамени безусловное возстановленіе до-революціонныхъ порядковъ и ожидали съ увѣренностью, что она съумѣетъ возвратить и имъ ихъ прежнее положеніе. Ничто не усиливало такъ ихъ надеждъ, какъ успѣхи, достигнутые Австріею въ Германіи при содѣйствіи англійскихъ торіевъ и вопреки Россіи и Пруссіи. Бернскіе аристократы полагали совершенно основательно, что если Меттернихъ успѣлъ возстановить даже Гессенскаго курфюрста, то никто не

съумѣетъ помѣшать ему возстановить и въ Швейцаріи старые порядки.

Едва только союзные государи и министры прибыли во Франкфуртъ, какъ швейцарскіе патриціи вступили въ тайныя сношенія съ австрійскимъ канцлеромъ. Меттернихъ обѣщалъ сдѣлать для нихъ все, но потребовалъ, чтобы они сами взяли на себя починъ дѣла и немедленно организовали тайный комитетъ дѣйствія. Патриціи послѣдовали совѣту своего высокаго покровителя. Они устроили комитетъ, получившій впослѣдствіи характерное названіе „Вѣнскаго комитета" [1]). Въ составъ комитета вошли самые отъявленные реакціонеры и ловкіе интриганы. Тутъ мы встрѣчаемъ и генеральнаго коммиссара Висса, принимавшаго самое дѣятельное участіе во всѣхъ прежнихъ смутахъ и интригахъ въ Швейцаріи и фанатика Карла ф. Галлера выступившаго впослѣдствіи въ качествѣ научнаго ресторатора стараго государственнаго права, и графа Салисъ-Огліо, австрійскаго камергера, богатаго швейцарскаго землевладѣльца, потерявшаго всѣ свои имѣнія вслѣдствіе вторженія французовъ въ Швейцарію и произведеннаго ими въ ней переворота.

Комитетъ началъ свою дѣятельность, не теряя ни минуты времени и уже въ началѣ ноября поднялъ на ноги всю бернскую мужицкую аристократію. Бернскій государственный совѣтъ [2]) предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ, шедшихъ въ разрѣзъ съ дѣйствіями союзнаго совѣта, засѣдавшаго въ Цюрихѣ. Союзный совѣтъ объявилъ торжественно нейтралитетъ Швейцаріи; бернскій совѣтъ издалъ прокламацію, въ которой заявлялъ, что онъ съумѣетъ поддержать порядокъ и спокойствіе въ кантонѣ и подвластныхъ земляхъ даже въ томъ случаѣ, если союзныя арміи вступятъ въ Швейцарію. Союзный совѣтъ выслалъ на границу 12,000 отрядъ войска подъ начальствомъ генерала Ваттевиля для охраненія швейцар-

---

[1]) Вѣнскій комитетъ засѣдалъ въ Вальдегутѣ, неподалеку отъ Берна и направлялъ оттуда дѣйствіе бернскаго государственнаго совѣта.

[2]) Этотъ совѣтъ учрежденъ былъ на основаніи посредническаго акта; въ прежнее время верховная власть находилась въ рукахъ бернскаго городскаго совѣта, состоявшаго изъ однихъ патриціевъ.

скаго нейтралитета; бернскіе патриціи отправили посланіе къ князю Шварценбергу, въ которомъ просили его не обращать никакого вниманія на швейцарскій нейтралитетъ и ввести въ страну, какъ можно скорѣе, союзныя войска, такъ какъ этого требуетъ громадное большинство швейцарскихъ гражданъ. Патриціи препроводили это свое посланіе въ Цюрихъ къ австрійскому и русскому коммиссару и просили ихъ засвидѣтельствовать крайнюю необходимость таковой мѣры и подписать въ свою очередь ихъ заявленіе. Лебцельтернъ, дѣйствовавшій на основаніи тайныхъ инструкцій Меттерниха, немедленно исполнилъ желаніе патриціевъ и объяснилъ Каподистріи, что онъ подписываетъ этотъ странный документъ, исходящій отъ собранія чисто частнаго, единственно изъ опасенія, что въ противномъ случаѣ онъ можетъ разстроить тайные, неизвѣстные ему лично, планы своего двора. Каподистрія съ своей стороны, послѣ нѣкотораго раздумья, также подписалъ бернскую декларацію. Онъ рѣшился на этотъ шагъ, опасаясь, что въ противномъ случаѣ разногласіе между Россіею и Австріею станетъ для всѣхъ очевиднымъ и можетъ причинить вредъ общему дѣлу союзниковъ.

Между тѣмъ наступили первыя числа декабря и союзныя войска, согласно принятому рѣшенію, двинулись по Рейну къ Базелю. Князь Шварценбергъ, посвященный во всѣ дипломатическія интриги Меттерниха, „далъ такое направленіе колоннамъ союзной арміи, что австрійскія войска шли въ авангардѣ ея и должны были первыя вторгнуться въ Швейцарію, тогда какъ русскій корпусъ генерала Витгенштейна былъ расположенъ у Келя для наблюденія за Страсбургомъ“, русско-прусская гвардія оставлена далеко позади, а остальныя русскія войска втиснуты такъ искусно между австрійскими колоннами, что должны были по необходимости слѣдовать за ними. Одновременно съ этими стратегическими мѣропріятіями, Меттернихъ отправилъ въ Швейцарію, въ качествѣ тайнаго агента, графа Зенфтъ-Пильзаха, бывшаго саксонскаго министра, выгнаннаго изъ Саксоніи за различныя темныя продѣлки Наполеономъ и вступившаго теперь въ австрійскую службу. Графу дано было секретное

порученіе побудить бернскихъ патриціевъ произвести внутренній переворотъ, какъ только австрійскія войска войдутъ въ Швейцарію [1]).

Предпринимая всѣ эти тайные ходы и обманывая самымъ безчестнымъ образомъ своихъ союзниковъ, Меттернихъ старался въ тоже время изо всѣхъ силъ задержать, какъ можно долѣе, императора Александра вдали отъ швейцарской границы и держать его въ полномъ невѣдѣніи на счетъ всѣхъ швейцарскихъ дѣлъ. Обстоятельства благопріятствовали ему какъ нельзя болѣе въ исполненіи этого послѣдняго замысла.

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Франкфурта 30-го ноября [2]), но онъ не послѣдовалъ прямо за арміею, а заѣхалъ въ Карлсруэ, чтобы провести тамъ нѣсколько дней въ кругу близкихъ родныхъ своей супруги. Меттернихъ, знавшій заранѣе о предположеніи Александра, спѣшилъ воспользоваться этою случайностью. По его мановенію, австрійскія военныя и политическія власти снялись съ мѣста и поспѣшили впередъ съ совершенно несвойственною имъ быстротою. Князь Шварценбергъ выѣхалъ изъ Франкфурта 27-го ноября и уже 29-го [3]) прибылъ въ Фрейбургъ неподалеко отъ швейцарской границы. Императоръ Францъ, не отличавшійся въ другихъ случаяхъ особенною подвижностью, послѣдовалъ на этотъ разъ очень скоро за своимъ главнокомандующимъ и уже 2-го декабря [4]) торжественно вступилъ въ Фрейбургъ на конѣ во главѣ своихъ войскъ. Населеніе этого бывшаго габсбургскаго города встрѣтило императора не только съ подобающимъ почетомъ, но и съ шумными оваціями. Меттернихъ сопровождалъ своего монарха; ему надо было быть какъ можно ближе къ мѣсту дѣйствій. Весь Фрейбургъ и окрестности были переполнены австрійскими войсками; всѣ квартиры въ городѣ заняты австрійскими придворными и генералами. Меттернихъ, горячо принимавшій

---

[1]) Подробности объ интригахъ Зейфта см. у Бернгарди, Т. IV, ст. 79—81

[2]) 12-го декабря н. ст.

[3]) 9-го и 11-го декабря н. ст.

[4]) 15-го дек. новаго ст.

къ сердцу удобства русскаго государя и правила этикета и высокаго уваженія, подобающихъ его особѣ, сообщилъ русскому военному агенту, что императору Александру и его свитѣ приготовлены уже приличныя помѣщенія въ Фрейбургѣ, не смотря на всю тѣсноту въ этомъ маленькомъ городкѣ, и что комендантъ императорской главной квартиры, полковникъ Ставраковъ можетъ немедленно занять эти помѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Меттернихъ и Шварценбергъ заявили Толлю, что въ городѣ можно будетъ найти мѣсто и для двухъ русскихъ гвардейскихъ полковъ, но что войска эти могутъ вступить въ Фрейбургъ никакъ не ранѣе 21-го декабря, такъ какъ до этого дня городъ будетъ переполненъ австрійскими войсками [1]).

Австрійская интрига становилась уже очень прозрачною. На письмо Толля, увѣдомлявшаго объ австрійскихъ заявленіяхъ, князь Волконскій отвѣчалъ, по распоряженію государя, что походъ русской гвардіи задержался вслѣдствіе распоряженій князя Шварценберга и что было-бы крайне интересно узнать, какія причины побудили фельдмаршала измѣнить свои первоначальныя диспозиціи [2]). Высказывая такимъ образомъ свое недоумѣніе по поводу дѣйствій австрійскихъ властей, императоръ Александръ не находилъ, однако-же, возможнымъ оставить Карлсруэ и поспѣшить немедленно въ Фрейбургъ, такъ какъ считалъ неудобнымъ и неловкимъ останавливаться въ городѣ, занятомъ одними австрійцами. Самъ не подозрѣвая того давалъ онъ такимъ образомъ Меттерниху возможность и время продолжать свои интриги.

Уже 7-го декабря авангардъ австрійской арміи, подъ начальствомъ генерала Бубны, явился на швейцарской границѣ у Лёрраха. При этомъ отрядѣ находился и главный помощникъ Шварценберга, генералъ Лангенау. Онъ потребо-

---

[1]) Всѣ эти заявленія были переданы Толлю генералъ-квартирмейстеромъ австрійской арміи, графомъ Радецкимъ. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten. T. IV, п. I, стр. 73.

[2]) Извлеченіе изъ письма кн. Волконскаго см. у Бернгарди, Т. IV, стр. 74.

валъ свиданія съ полковникомъ Герреншвандомъ [1]), командовавшимъ расположенными въ этомъ мѣстѣ швейцарскими войсками, и объявилъ ему, что сила необходимости и военныя соображенія заставляютъ союзную армію направить свой походъ на Францію черезъ Швейцарію и что войска князя Шварценберга сегодня-же вечеромъ перейдутъ черезъ границу. Отъ образа дѣйствій швейцарскихъ военноначальниковъ будетъ зависѣть теперь врагами или друзьями войдутъ союзники въ Швейцарію. Впрочемъ, заключилъ свою рѣчь Лангенау, союзные монархи, одушевлены самыми благосклонными намѣреніями по отношенію къ Швейцаріи. Они не только твердо намѣрены охранять ея самостоятельность, но и желаютъ освободить ее отъ двойнаго ига, наложеннаго на нее актомъ о посредничествѣ.

Полковникъ Герреншвандъ возразилъ, что онъ не имѣетъ никакого права вести переговоры, что онъ поставленъ здѣсь лишь для охраненія нейтральной швейцарской территоріи и что онъ желалъ-бы получить письменное заявленіе отъ Лангенау для препровожденія его своему начальству. Лангенау замѣтилъ на это, что о письменномъ заявленіи не можетъ быть и рѣчи, но что онъ готовъ дать всѣ необходимыя словесныя разъясненія. Въ виду такого категорическаго отвѣта, швейцарскій офицеръ поневолѣ долженъ былъ вступить въ дальнѣйшія объясненія съ Лангенау. Онъ выразилъ свое удивленіе, почему такія важныя рѣшенія не могутъ быть облечены въ письменную форму. Если союзные монархи, сказалъ онъ далѣе, дѣйствительно желаютъ перемѣнъ въ швейцарской конституціи, то съ такими предложеніями слѣдовало-бы обратиться къ признанному правительству республики, ибо всѣ иные пути могутъ бросить ложный свѣтъ на намѣренія союзныхъ державъ, и напомнить несчастныя времена революціи, насильственно внесенной въ Швейцарію французскими республиканцами. Въ заключеніи Геррен-

---

[1]) Герреншвандъ явился на свиданіе въ сопровожденіи полковника Фюсли изъ Цюриха и адъютанта капитана Фишера. Съ австрійской стороны кромѣ Лангенау при разговорѣ присутствовалъ графъ Бубна. Подробности у Бернгарди, Т. IV. пол. I, стр. 82--84.

швандъ заявилъ, что онъ имѣетъ приказъ силою отражать всякую попытку нарушенія нейтралитета.

Лангенау отвѣчалъ, что союзники дѣйствуютъ согласно желанію самихъ швейцарцевъ, что швейцарцы сами съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возстановленія своего прежняго устройства и своихъ старыхъ правительствъ. „Не слѣдуетъ смѣшивать интересовъ отдѣльныхъ партій, возразилъ ему швейцарецъ, съ общими интересами страны". „Но швейцарское правительство дѣйствуетъ само партейно, отвѣчалъ Лангенау; оно выставило войска только противъ союзниковъ, но не противъ Франціи; его границы, его нейтралитетъ остаются безъ всякой охраны со стороны Франціи. Швейцарія не въ состояніи, слѣдовательно, дать союзникамъ ручательство, что она съумѣетъ охранить свой нейтралитетъ отъ всякихъ покушеній Наполеона. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства союзникамъ не остается иного средства обезпечить свои интересы, какъ занять Швейцарію своими войсками".

Разговоръ принималъ съ каждою минутою все болѣе возбужденный характеръ. Герреншвандъ началъ ссылаться на обѣщаніе императора Александра уважать швейцарскій нейтралитетъ; Лангенау не отрицалъ этого факта, онъ объявилъ, что дипломаты готовы были признать этотъ нейтралитетъ, но что военныя власти не согласились съ ними. „Въ такомъ случаѣ", возразилъ Герреншвандъ, „вамъ слѣдуетъ обратиться съ вашимъ требованіемъ непосредственно къ швейцарскому главнокомандующему Ваттевилю". „Для этого нѣтъ у насъ времени", рѣзко прервалъ его Лангенау; „войска наши должны перейти черезъ Рейнъ сегодня-же вечеромъ". „Если такъ", воскликнулъ швейцарскій капитанъ, Фишеръ, присутствовавшій при совѣщаніи, „то намъ не остается ничего иного, какъ пасть до послѣдняго человѣка, подобно нашимъ предкамъ при с. Якобѣ, защищая границу отечества!"

Смѣлое восклицаніе Фишера видимо озадачило Лангенау. Тонъ его сразу понизился. Кровавая схватка съ швейцарцами вовсе не входила въ разсчеты коварной австрійской политики. Лангенау отлично понималъ, что ради успѣха ин-

триги, затѣянной Меттернихомъ, слѣдуетъ тщательно избѣгать всякаго шума, а тѣмъ болѣе открытаго насилія. Онъ тотчасъ-же объявилъ, что входя въ стѣсненное положеніе швейцарскихъ офицеровъ, онъ готовъ отсрочить переходъ войскъ черезъ границу на двадцать четыре часа.

Понятно, что швейцарцы ни коимъ образомъ не могли осуществить своей угрозы. Превосходство силъ союзниковъ было слишкомъ колоссально; оставалось покориться необходимости. Уже 7-го декабря вечеромъ пришло приказаніе отъ генерала Ваттевиля немедленно очистить границу, отступить во внутрь страны и избѣгать, по возможности, всякой встрѣчи съ союзными войсками. Полковникъ Герреншвандъ тотчасъ-же приступилъ къ исполненію приказа. Онъ оставилъ въ Базелѣ 1000 ч., состоявшихъ изъ войскъ этого кантона, для охраненія порядка въ городѣ, но предписалъ имъ тотчасъ-же разойтись по домамъ, какъ только союзники вступятъ въ городъ. Одновременно съ этимъ онъ отправилъ капитана Фишера въ Лёррахъ и поручилъ ему заявить австрійскимъ генераламъ, чтобы они поторопились занять Базель, такъ какъ въ противномъ случаѣ городъ можетъ подвергнуться нападенію гарнизона сосѣдней французской крѣпости Гюненгена. Фишеру дано было также порученіе заключить возможно выгодную капитуляцію для Базеля, и онъ снабженъ былъ на всякій случай проэктомъ таковой капитуляціи.

Утромъ 8-го декабря Фишеръ прибылъ въ Лёррахъ и засталъ здѣсь большое оживленіе. Князь Шварценбергъ перенесъ уже сюда свою главную квартиру. Все мѣстечко было переполнено австрійскими генералами и офицерами. Огромныя массы войскъ придвинуты были къ самому Рейну. Всеобщее вниманіе было поглощено предстоящимъ вступленіемъ въ Швейцарію. Почти никто не обратилъ вниманія на Фишера. О капитуляціи Базеля не было и рѣчи; но швейцарскимъ войскамъ сдѣланы были всевозможныя уступки. Они могли отступить со всѣми военными почестями, оружіемъ и багажемъ. Городу Базелю гарантирована была защита отъ покушеній Гюнингенскаго гарнизона. Относительно-же

сохраненія кантональныхъ войскъ, переговоровъ съ центральнымъ правительствомъ и другими властями, Фишеру указано было на обѣщанія заключавшіяся въ прокламаціи князя Шварценберга. Обѣщанія эти отличались впрочемъ характеромъ слишкомъ общимъ и ни коимъ образомъ не могли стѣснить свободу дѣйствій австрійскаго главнокомандующаго [1]).

Уже въ тотъ-же вечеръ 8-го декабря началась переправа союзныхъ войскъ черезъ Рейнъ и вступленіе ихъ въ Швейцарію. Австрійскія войска перешли черезъ рѣку нѣсколькими колоннами на пространствѣ между Базелемъ и Шафгаузеномъ, еще въ теченіе ночи съ 8-го на 9-е число. 10-го декабря переправился въ Базелѣ баварско-австрійскій корпусъ подъ начальствомъ графа Вреде. Что-же касается русско-прусской гвардіи, то намѣренно задержанная Шварценбергомъ, она прибыла только 1-го января 1814 года.

Князь Шварценбергъ чувствовалъ себя въ эти дни крайне неловко и тяжело. Удручаемый тяжелыми политическими заботами, князь волновался въ тоже время самыми неосновательными военными опасеніями. Ему доносили, что въ Страсбургѣ собираются значительныя французскія военныя силы и что туда ожидаютъ прибытія самого Наполеона. На основаніи этихъ совершенно ложныхъ извѣстій, главнокомандующій началъ трепетать за свой правый флангъ

---

[1]) Въ прокламаціи были даже такія мѣста, которыя должны были дѣйствовать подстрекающимъ образомъ на приверженцевъ старины. Между прочимъ фельдмаршалъ высказывалъ убѣжденіе, что вступленіе союзныхъ войскъ въ Швейцарію обрадуетъ всѣхъ тѣхъ швейцарцевъ, которые понимаютъ истинные интересы страны, всѣхъ друзей старой швейцарской независимости, старой швейцарской славы и стараго федеративнаго устройства Швейцаріи. Онъ ожидаетъ, что всѣ, безъ сомнѣнія, многочисленные швейцарскіе истинные патріоты встрѣтятъ австрійскихъ воиновъ, какъ друзей въ увѣренности, что возстановленіе мудрой и справедливой политической системы въ Европѣ окажетъ въ будущемъ соотвѣтствующее вліяніе и на Швейцарію. Князь ожидаетъ недоброжелательства лишь отъ тѣхъ извращенныхъ и ослѣпленныхъ швейцарцевъ, которые готовы предпочесть чуждое иго благосостоянію своихъ согражданъ.

Бернгарди, т. IV, стр. 96.

и опасаться, чтобы Наполеонъ, переправившись черезъ Рейнъ у Страсбурга, не отрѣзалъ ему сообщеній съ южною Германіею. Желая предупредить эту воображаемую опасность, Шварценбергъ составилъ диспозицію движенія войскъ, поражающую на первый взглядъ своими странностями, почти что несообразностями. Союзная армія раздѣлена была на семь колоннъ и каждой изъ этихъ колоннъ предписано было направленіе. Первая колонна, подъ начальствомъ графа Бубны, состоявшая изъ дивизіи Бубны и отряда князя Лихтенштейна, должна была, переправившись черезъ Рейнъ у Базеля, двинуться черезъ Гауенштейнъ и Золотурнъ на Бернъ и швейцарскій Фрейбургъ и прибыть въ этотъ послѣдній городъ уже 25-го (13-го) декабря. Вторая колонна, составленная изъ дивизій Біанхи и Кренневиля, должна была, по переправѣ черезъ Рейнъ у Базеля, двинуться вправо отъ первой по Мюнстерской долинѣ, прикрывать ея правый флангъ со стороны Франціи и достигнуть Биля 12 декабря. Третья колонна, подъ начальствомъ Коллоредо, переправившись черезъ Рейнъ у Лауфенбурга, лѣвѣе первой колонны, должна была двинуться вверхъ по долинѣ Аары и прибыть 12 декабря въ Аарвангенъ. Четвертая колонна, подъ начальствомъ Гіулая, переправившись черезъ Рейнъ также у Лауфенбурга, должна была повернуть направо, достигнуть у Листаля дороги, по которой двигалась первая колонна, слѣдовать за нею до Золотурна, а затѣмъ повернуть налѣво и достигнуть Аарберга 14-го декабря. Пятая колонна, подъ начальствомъ наслѣднаго принца Гомбургскаго, должна была составить крайній лѣвый флангъ всей арміи. Перейдя черезъ Рейнъ у Шафгаузена, она имѣла направиться на Ленцбургъ на Аарѣ, а оттуда на Аарбургъ и Бернъ, куда она должна была прибыть 29-го (17-го) декабря. Шестая колонна, подъ предводительствомъ Вреде, должна была перейти черезъ Рейнъ у Базеля и взять на себя охрану праваго фланга и тыла арміи, вступившей въ Швейцарію. Съ этой цѣлью Вреде долженъ быть завладѣть горнымъ фортомъ, Ландскрономъ, обложить Гюнингенъ и выдвинуть одну изъ своихъ дивизій къ Бельфору. Седьмая колонна, состоявшая

изъ Вюртембергскихъ войскъ, подъ начальствомъ своего кронъ-принца, должна была направляться черезъ Лёррахъ и Базель по пути первой колонны. Войскамъ Витгенштейна было предписано обложить Кель и наблюдать Страсбургъ. Наконецъ русско-прусской гвардіи, подъ командою Барклая, велѣно было выступать изъ своихъ квартиръ въ окрестностяхъ Дурлаха 10 декабря и, достигнувъ Лёрраха, ожидать здѣсь дальнѣйшихъ приказаній.

Независимо отъ диспозиціи [1]), князь Шварценбергъ разослалъ еще начальникамъ колоннъ особыя объясненія, бросающія нѣкоторый свѣтъ на планы и опасенія главнокомандующаго. Особенно интересны въ этомъ отношеніи инструкціи, данныя Вреде, Витгенштейну, кронъ-принцу Виртембергскому и Барклаю. Во всѣхъ ихъ проглядываетъ одна и та-же мысль. Шварценбергъ страшно боится наступательнаго движенія Наполеона изъ Эльзаса; для предупрежденія этой воображаемой опасности онъ употребляетъ цѣлую половину своей арміи. Положеніе по-истинѣ трагикомическое! Во всемъ Эльзасѣ находилось въ это время не болѣе 10,000 французскихъ войскъ, а Наполеонъ, занятый приготовленіями къ защитѣ Франціи, находился въ Парижѣ, не собирался выѣзжать въ скоромъ времени изъ своей столицы и не помышлялъ ни о какомъ вторженіи въ Германію.

Диспозиція Шварценберга опредѣлялась, впрочемъ, не одними военными, но и политическими соображеніями. Странное скрещиваніе и путаница колоннъ на лѣвомъ крылѣ объясняется ни чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ оставить въ сторонѣ Цюрихъ, резиденцію швейцарскаго союзнаго совѣта и сосредоточить войска у Берна, гдѣ засѣдали друзья и сторонники австрійской интриги. Къ чести Шварценберга слѣдуетъ замѣтить, что онъ дѣйствовалъ, въ видахъ интриги Меттерниха, крайне неохотно, скрѣпя серце [2]). Не одна

---

[1]) О диспозиціяхъ и инструкціяхъ Шварценберга см. Бернгарди, Т. IV, стр. 88—92.

[2]) Лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить собственноручныя письма Шварценберга къ Меттерниху. Приведемъ изъ нихъ два отрывка: „L'affaire de la Suisse a grand besoin de votre attention toute particulière. Vous recevrez

перспектива страшной борьбы съ Наполеономъ, но и вмѣшательство въ швейцарскія дѣла лежало тяжело на его душѣ. „И такъ началось", писалъ онъ въ эти дни своей супругѣ. „Швейцарія, Франція давятъ меня своею тяжестью. Да поможетъ мнѣ небо! Я чуждъ всякаго тщеславія; я не жажду славы; добиться мира,—вотъ мое высочайшее желаніе. И гдѣ, и когда будетъ конецъ всему этому? Я не знаю; Франція такъ богата средствами и нигдѣ не умѣютъ такъ хорошо выжимать все до послѣдней капли, какъ въ этой странѣ. Тяжелая работа предстоитъ мнѣ, моя маленькая слава поставлена на карту. Если счастье не будетъ покровительствовать мнѣ, то общественное мнѣніе уронитъ меня ниже, нежели оно подняло меня до сихъ поръ.—Мнѣ предстоитъ самая гигантская задача. Если меня будутъ поддерживать, то миръ можетъ и долженъ быть достигнутъ. Если же сѣверная армія, Веллингтонъ и Итальянская армія не будутъ сопровождать мои шаги, то я могу пасть низко, но я съумѣю снести это, ибо моя совѣсть оправдываетъ меня" [1]).

---

ci—joint une piece que je m'empresse de vous communiquer et qui prouve que pour empêcher de grands inconvénients, il faut travailler les esprits d'une manière bien dèlicate. Il me semble que tous les cantons sentiront également la necessité urgente d'etablir une constitution differente de celle qui les attache à la Françe, mais le joug bernois ne sera supporté que lorsqu il sera soutenu par la force des baionnetes. La grande question à resoudre, c'est de faire entendre raison aux Bernois, car il parait que, si les nouveaux cantons ne sont pa rayès et effacès, ils epousseront volotiers la cause des allies; l'attachement à la France ne tient qu'a l'idee que ce n'est qu'auprès de cette puissance qu 'ils peuvent trouver un appui". Письмо изъ Лёрраха отъ 28 декабря 1813 года. „Nos troupes ont ètè parfaitemont reçues dans le pays de Vaud, mais la declaration bernoise a faila plus mauvaise sensation. Bubna est convaincu, que du moment où l'on y saura queles àlliès desavouent la de marche du canton de Bern, les esprits seront entièrement tranquillises en notre faveur, tandis que la guerre civile, serait inevitable, au moment même ou les troupes sortòraient de la Suisse, dans le cas ou on voudraiss soutenir la question". Письма эти, напечатанныя въ самое недавнее время, доказываютъ до очевидности, что князь Шварценбергъ не одобрялъ безчестной и близорукой политики Меттерниха. См. извѣстный сборникъ документовъ: Oesterreichs Theilnahme an den Befreiungskriegen et...

Вѣна 1887 года, стр. 783 и 784

[1]) Изъ писемъ кн. Шварценберга къ его женѣ, изъ Воспоминаній Тилена, стр. 164—170

И другія письма фельдмаршала изъ этой эпохи полны самыми мрачными опасеніями. Ему кажется, что надъ его головою виситъ мечь Дамокла; онъ дрожитъ передъ несуществующими силами непріятеля, онъ приписываетъ Наполеону самые невѣроятные и невозможные планы. Никогда еще полководецъ, стоявшій во главѣ такихъ подавляющихъ силъ, имѣвшій передъ собою такого слабаго противника, не обнаруживалъ столько нерѣшительности, не смотрѣлъ на свою задачу такъ безнадежно, какъ Шварценбергъ наканунѣ своего вступленія во Францію. Понятно, что такое настроеніе главнокомандующаго не могло отразиться благопріятнымъ образомъ на дѣйствіяхъ арміи. Моментъ, тормозившій союзниковъ въ теченіи всей кампаніи 1814 года, ставившій на пути ихъ самыя непреодолимыя преграды, обрисовывается передъ нами ясно въ самомъ началѣ похода. Не отчаянныя усилія Наполеона, а настроеніе союзнаго главнокомандующаго и коварная политика его двора продлили еще на нѣсколько мѣсяцевъ борьбу и едва не погубили въ конецъ правое дѣло.

Между тѣмъ наступила минута полнаго разоблаченія интригъ Меттерниха. Императоръ Александръ провелъ по выѣздѣ изъ Франкфурта нѣсколько дней въ Карлсруэ. Окруженный здѣсь своими родными и вѣрными приверженцами, онъ отдохнулъ отъ франкфуртской суеты и собрался съ силами для новыхъ тяжкихъ трудовъ и испытаній [1]). Штейнъ, бывшій при императорѣ, свидѣтельствуетъ, что Александръ вполнѣ наслаждался счастіемъ, доставляемымъ ему тѣснымъ фамильнымъ кружкомъ. Онъ производилъ чарующее впечатлѣніе не только своимъ обращеніемъ, но и всею своею личностію. Высокое спокойствіе, внутреннее удовлетвореніе,— эти прямыя послѣдствія глубокаго и чистаго религіознаго настроенія,—свѣтились въ его прекрасномъ лицѣ, во всей его одухотворенной личности. Необычайная, благородная простота выражалась во всѣхъ его словахъ и движеніяхъ. Онъ

[1]) О пребываніи Александра въ Карлсруэ см. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 487 и Шишковъ, Записки, T. I, стр. 249.

относился съ глубокою сыновнею почтительностію къ тещѣ своей, маркграфинѣ, онъ былъ сердеченъ и любезенъ со всѣми родными, внимателенъ и предупредителенъ къ своимъ подчиненнымъ. „Нельзя было смотрѣть на него иначе, какъ съ высокимъ удовольствіемъ", замѣчаетъ Штейнъ.

Австрійскіе происки не замедлили, однакоже, помрачить это удовольствіе и нарушить душевный миръ Александра. Уже въ Карлсруэ сдѣлались извѣстными интриги Меттерниха въ Саксоніи, а по прибытіи императора Александра въ Фрейбургъ 10 декабря получены были оффиціальныя донесенія отъ князя Репнина, саксонскаго генералъ-губернатора, что австрійскіе офицеры, подосланные Лангенау, ѣздятъ по странѣ, дѣятельно интригуютъ противъ Россіи и Пруссіи и составляютъ партію для защиты Саксонской самостоятельности. Штейнъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, онъ совѣтовалъ императору призвать къ отвѣту Меттерниха и пригрозить ему немедленнымъ арестомъ австрійскихъ агентовъ. Александръ, глубоко возмущенный подпольными дѣйствіями австрійцевъ, послѣдовалъ этому совѣту и потребовалъ категорическихъ объясненій отъ Меттерниха. Канцлеръ съ свойственною ему наглостію отвѣчалъ, что ему ничего не извѣстно объ этомъ дѣлѣ, что онъ порицаетъ происки агентовъ и пріиметъ мѣры для ихъ пресѣченія [1]). Императоръ удовлетворился на первый разъ этимъ заявленіемъ, но послѣдовавшія вслѣдъ за тѣмъ разоблаченія образа дѣйствій австрійцевъ въ Швейцаріи возстановили его окончательно противъ Меттерниха.

Едва только Александръ прибылъ въ Фрейбургъ, какъ ему стало извѣстно, что Каподистрія подписалъ вмѣстѣ съ Лебцельтерномъ извѣстную уже намъ Бернскую декларацію. Самъ Каподистрія, поспѣшившій въ Фрейбургъ на встрѣчу государю, увѣдомилъ его объ этомъ обстоятельствѣ. „Надѣюсь, что вы не подписали австрійской декларацій?" такими словами встрѣтилъ государь графа, входившаго въ его кабинетъ.--„Напротивъ того", отвѣчалъ Каподистрія, „я под-

---

[1]) Объ интригахъ въ Саксоніи см. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 495.

писалъ ее и явился къ вамъ, чтобы довести до вашего свѣдѣнія, какія выгоды для Швейцаріи и для общаго дѣла могутъ произойти отъ этого неожиданнаго случая".—„Я не думалъ, чтобы вы начали свои дѣйствія", возразилъ государь, „совершеннымъ уклоненіемъ отъ данныхъ мною инструкцій".—„Благоволите меня выслушать, а потомъ судите", отвѣчалъ Каподистрія.—„Если-бы я не подписалъ деклараціи, то швейцарцы, замѣтивъ разногласіе между союзниками и опасаясь послѣдствій бернскаго переворота, быть можетъ, обратились бы къ помощи Наполеона. Въ настоящихъ-же обстоятельствахъ, ваше величество можете потребовать отъ вѣнскаго кабинета отреченія отъ всего сдѣланнаго графомъ Зенфтомъ; въ случаѣ-же несогласія на то, вы не утвердите подписанной мною деклараціи. Австрія не можетъ признать своего тайнаго агента и потому принуждена будетъ соображаться съ планомъ дѣйствій, условленнымъ въ Франкфуртѣ. Къ томуже австрійскія войска вступили уже въ Швейцарію, и все, что мы можемъ сдѣлать, состоитъ въ охраненіи девятнадцати кантоновъ отъ междуусобной войны, и европейскихъ армій отъ всѣхъ опасностей, которыя были-бы ея послѣдствіями" [1]).

Александръ, выслушавъ объясненія Каподистріи, послѣдовалъ его совѣту. Онъ объявилъ оффиціально, что онъ порицаетъ декларацію и не одобряетъ подпись своего уполномоченнаго. Онъ потребовалъ, чтобы и австрійское правительство не одобрило дѣйствій Лебцельтерна. Этого мало. Императоръ заявилъ, что онъ не намѣренъ принимать съ своей стороны никакого участія въ нарушеніи швейцарскаго нейтралитета и что русско-прусскія войска не послѣдуютъ за швейцарцами въ глубину Швейцаріи. Императоръ сдержалъ свое слово. Русскіе и пруссаки, а равно и германскія войска прошли всего одну милю по швейцарской территоріи и вступили вслѣдъ за тѣмъ во Францію. Эта первая мѣра Александра не особенно смутила Меттерниха и не остановила его на разъ намѣченномъ пути. Канцлеръ

---

[1]) См. Богдановичъ, исторія царствованія Александра I, т. IV, стр. 347—348.

былъ, правда, недоволенъ, что русскій государь рѣшительно сталъ на сторону новыхъ кантоновъ и взялъ ихъ подъ свое покровительство, но съ другой стороны, ему было вполнѣ на руку, что въ Швейцарію вступили лишь одни австрійскія войска, и что задуманная реставрація могла быть произведена при ихъ помощи, безъ всякой помѣхи.

Графъ Зенфтъ и бернскіе патриціи не дремали; они спѣшили ковать желѣзо пока оно было горячо. Едва только первыя австрійскія войска подъ начальствомъ графа Бубны вступили въ Бернъ, какъ большой и малый совѣтъ Бернскаго *кантона*, подстрекаемые австрійскимъ агентомъ, объявили, что актъ о посредничествѣ отмѣняется, что они отрекаются отъ своей незаконной власти и передаютъ власть въ руки законнаго правительства, т. е. большаго и малаго совѣта *города Берна*. Возстановленный, такимъ образомъ, патриціанскій совѣтъ приступилъ къ дѣлу, не теряя ни минуты времени. Немедленно повелѣлъ онъ своимъ подданнымъ встрѣчать австрійцевъ какъ друзей, причемъ подъ подданными онъ разумѣлъ не только жителей Бернскаго кантона, но и населеніе Ааргау и Ваадта. Всѣмъ властямъ въ этихъ двухъ кантонахъ было предписано адресовать всѣ донесенія въ Бернъ „своимъ милостивымъ господамъ“, этимъ-же господамъ должны были доставить они и всѣ общественныя кассы, находившіяся подъ ихъ охраною.

Распоряженія „милостивыхъ господъ“ встрѣтили, однако же, рѣшительный отпоръ въ новыхъ кантонахъ. Кантональныя власти не думали посылать донесеній и денегъ въ Бернъ и бернскіе патриціи тщетно ожидали, что австрійцы принудятъ ихъ къ этому силою. Графъ Бубна имѣлъ, правда, секретное порученіе возстановить мимоходомъ старые порядки въ Ваадтѣ, но прибывъ на мѣсто, графъ не замедлилъ убѣдиться въ крайне враждебномъ настроеніи населенія противъ бернскихъ господъ, а потому и счелъ неудобнымъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла кантона [1]). Поспѣшно двинулся онъ далѣе на Женеву, при чемъ строго предписалъ

---

[1]) См. приведенное выше, на стр. 68 письмо князя Шварценберга.

своимъ войскамъ избѣгать всякихъ столкновеній съ жителями.

Извѣстія о продѣлкахъ графа Зенфта и бернскихъ мужиковъ не замедлили достигнуть до Фрейбурга. Императоръ Александръ, взволнованный до глубины души, категорически объявилъ Меттерниху, что тайный австрійскій агентъ долженъ быть немедленно отозванъ изъ Швейцаріи и всѣ перемѣны, произведенныя въ Бернѣ, объявлены незаконными и недѣйствительными. Меттернихъ принужденъ былъ покориться. Съ обычною своею лживостью онъ свалилъ всю вину на Зенфта, объявилъ, что онъ преступилъ свое полномочіе и далъ предписаніе своему агенту выѣхать изъ Швейцаріи. Саксонскій графъ убрался въ тихомолку, и Меттернихъ долженъ былъ оффиціально заявить всѣмъ швейцарскимъ кантональнымъ правительствамъ, что союзные государи желаютъ лишь полнаго возстановленія независимости Швейцаріи и ея старыхъ границъ, но что они предоставляютъ самимъ швейцарцамъ уладить свои внутреннія дѣла.

Императоръ Александръ вовсе не намѣренъ былъ, однакоже, довольствоваться этими уступками. Онъ потребовалъ безусловно, чтобы бернскій городской совѣтъ возвратилъ захваченную имъ власть большому и малому совѣту кантона и чтобы порядокъ, установленный въ Швейцаріи актомъ о посредничествѣ, былъ возстановленъ повсемѣстно. Австрійскій кабинетъ принужденъ былъ преклониться и передъ этимъ требованіемъ. Благодаря великодушной инициативѣ русскаго государя, Швейцарія была спасена отъ возстановленія тиранскихъ и отжившихъ свой вѣкъ порядковъ прежней эпохи [1]).

Меттернихъ потерпѣлъ полное и постыдное пораженіе. Всѣ его хитросплетенія и интриги разсѣялись какъ дымъ передъ прямымъ и могучимъ словомъ русскаго государя.

---

[1]) Волненія въ Швейцаріи продолжались впрочемъ и по выходѣ австрійскихъ войскъ изъ страны; впослѣдствіи они повели къ отмѣнѣ конституціи и къ страшной враждѣ между кантонами. Таковы были послѣдствія благодѣтельной политики Меттерниха.

Александръ понялъ теперь окончательно коварнаго и вѣроломнаго канцлера, онъ понялъ, что въ его интригахъ скрывается теперь самая страшная опасность для великаго дѣла. Государь рѣшился держать себя постоянно на сторожѣ противъ этого внутренняго врага и не довѣрять ничему, что исходило отъ него прямымъ, или косвеннымъ образомъ.

Съ своей стороны Меттернихъ и австрійцы вообще ничего не желали теперь такъ сильно, ни къ чему не стремились такъ настойчиво, какъ къ возможно скорѣйшему прекращенію войны и къ сохраненію Наполеона на французскомъ престолѣ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ усматривали они единственное спасеніе Европы отъ тяжелаго преобладанія Россіи. Велика была поэтому радость австрійскаго канцлера, когда 7 января (26 декабря ст. ст.) получено было совершенно неожиданно письмо отъ Колинкура изъ Люневиля. Французскій министръ увѣдомлялъ въ немъ, что императоръ Наполеонъ, желая дать союзникамъ доказательство, какъ искренно стремится онъ къ возстановленію всеобщаго мира, посылаетъ его, Колинкура, съ необходимыми полномочіями къ союзнымъ монархамъ. Онъ, Колинкуръ, находится въ настоящую минуту на французскихъ форпостахъ и проситъ, чтобы ему были доставлены немедленно паспорты и проводники для свободнаго прослѣдованія въ главную квартиру государей.

Меттернихъ, обладавшій при всѣхъ своихъ иныхъ, некрасивыхъ качествахъ, громадною долею легкомыслія, былъ въ восторгѣ отъ этого неожиданнаго инцидента. Онъ вообразилъ, что письмо Колинкура открываетъ ему путь къ серьезнымъ мирнымъ переговорамъ и даетъ ему въ тоже время возможность удержать императора Александра отъ слѣдованія за арміею. Особенно эта послѣдняя возможность радовала канцлера. Онъ полагалъ не безъ основанія, что отсутствіе русскаго государя дастъ Шварценбергу возможность вести войну по своему, т. е. систематически избѣгать всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій и всякаго столкновенія съ непріятелемъ. Съ обычною своею наглою развязностью, какъ-бы забывая все только что случившееся, Меттернихъ началъ

разъяснять Александру, что трудно отыскать болѣе удобное мѣсто для мирнаго конгресса какъ Фрейбургъ въ Брейсгау, и предложилъ въ концѣ концовъ, чтобы государи и дипломаты остановились здѣсь въ ожиданіи прибытія Колинкура и открытія мирныхъ переговоровъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, канцлеръ получилъ подобающій отвѣтъ. Возмущенный наглою назойливостью Меттерниха, Александръ отбросилъ на этотъ разъ въ сторону столь свойственныя ему мягкость и деликатность, и отвѣчалъ канцлеру такими словами: „Я далекъ отъ признанія тѣхъ выгодъ, которыя вы находите въ Фрейбургѣ. Чѣмъ болѣе сократимъ мы путь французскому уполномоченному, тѣмъ въ лучшее положеніе, кажется мнѣ, станемъ мы. Заставить Францію подписать миръ по сю или по ту сторону Рейна, въ самомъ сердцѣ Франціи, далеко не безразлично для союзныхъ государей. Такое историческое обстоятельство заслуживаетъ труда переѣхать съ одного мѣста на другое“ [1]). Государь не ограничился на этотъ разъ одними словами; на дѣлѣ спѣшилъ онъ доказать австрійцамъ свою непреклонную рѣшимость. Вечеромъ, того-же 7 января онъ выѣхалъ изъ Фрейбурга въ Лёррахъ. Уже 13 января, въ день русскаго новаго года, онъ переправился черезъ Рейнъ въ Базелѣ во главѣ своей гвардіи.

---

[1]) Подлинныя слова императора Александра: Ie suis loin de reconnaitre les avantages que ous trouvez à ce Fribourg. Plus nous épargnons de chemin au negociateur français, plus il me semble que nous nous placons bien. Avoir fait signer la paix a la França de ce côte du Rhin ou bien de l'ouetre, au coeur de la França même, ne me párait nullement indifférent pour les s oue-rains alliés, et une circonstance historique pareille aut bien la, peine de se deplacer.

Бернгарди, т. IV, стр. 102.

ГЛАВА IV.

Союзники во Франціи.—Стратегія Шварценберга.—Борьба съ невидимымъ непріятелемъ и воображаемыми препятствіями.—La belle France.—Новая партія бостона.—Гіулай подъ Лангромъ.—Предполагаемая засада.—Открытіе русскихъ офицеровъ.—Занятіе Лангра.—Блюхеръ на канунѣ вступленія во Францію.—Ночная переправа.—Быстрое движеніе силезской арміи.—Ключи стараго французскаго города.—Лангрскій съѣздъ.—Британскіе дипломаты.—Лордъ Кестльри и его чрезвычайныя полномочія.—Меттернихъ беретъ въ руки благороднаго лорда.—Лангрскія конференціи.—Тяжелое положеніе Александра.—Поццо ди-Борго и Штейнъ.—Меттернихъ выдвигаетъ противъ Александра тяжелую артиллерію кабинетной стратегіи.—Мемуары Лангенау и Кнезебека.—Гнейзенау и отвѣтъ императора Александра.—Дипломатическія совѣщанія.—Бесѣды Кестльри съ Александромъ.—Бурбонская реставрація.—Лагарпъ и новое изданіе конвента.—Александръ заявляетъ, что онъ будетъ продолжать войну одинъ.—Фридрихъ Вильгельмъ не оставляетъ своего друга.—Компромиссъ.—Война и конгрессъ.—Инструкціи Разумовскаго.—Союзные представители въ Шатильонѣ.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Блюхеръ становится впереди главной арміи.—Наполеонъ въ Парижѣ.—Его приготовленія къ отъѣзду въ армію.—Ослѣпленіе Наполеона.—Укрѣпленіе Парижа.—Регенство Маріи Луизы и Іосифъ Бонапарте.—Театральная сцена въ Тюльири.—Наполеонъ въ Шалонѣ.—Его силы и планы.—Движеніе на Бріеннь.—Паника въ главной квартирѣ Шварценберга.—Битва при Бріенни.—Прерванный ужинъ въ Бріенскомъ замкѣ.—Совѣщанія въ главной квартирѣ союзниковъ.—Позиція Блюхера при Траннѣ.—Александръ требуетъ, чтобы Шварценбергъ уступилъ первое мѣсто Блюхеру.—Сраженіе при Ла-Ротьерѣ.—Поле битвы и позиціи обѣихъ сторонъ.—Блюхеръ во главѣ русской конницы.—Отчаянныя усилія Наполеона.—Пораженіе французовъ.

На дипломатическомъ поприщѣ австрійцы понесли полное пораженіе; но руководительство военными операціями, по крайней мѣрѣ, въ главной арміи оставалось всецѣло въ ихъ рукахъ. Князь Шварценбергъ и его методическіе совѣтники одни распоряжались движеніями союзныхъ войскъ и неуклонно слѣдовали при этомъ стратегическимъ правиламъ, установленнымъ старою школою. Отъ Базеля до Лан-

гра насчитывается всего лишь девять умѣренныхъ переходовъ, но это незначительное разстояніе австрійскіе вожди предполагали пройти въ теченіе тридцати четырехъ дней. Передъ ними не было въ сущности никакого непріятеля. Маршалы Мортье и Викторъ, не имѣвшіе въ своемъ распоряженіи даже и 10,000 солдатъ, не могли думать о противодѣйствіи движенію союзныхъ массъ. Но за то передъ австрійскими стратегами лежало не мало крѣпкихъ природныхъ позицій, холмистыхъ возвышенностей и рѣкъ. Каждое изъ такихъ географическихъ условій казалось имъ серьезнымъ, почти непреодолимымъ препятствіемъ. За каждымъ пригоркомъ мерещились имъ многочисленныя полчища Наполеона и они ломали себѣ по нѣсколько дней голову, какими искусственными маневрами могутъ преодолѣть они воображаемую преграду. Какъ ни странны, какъ ни не вѣроятны подобные факты, но они слишкомъ хорошо засвидѣтельствованы вполнѣ компетентными, всецѣло посвященными въ тайны главной квартиры, очевидцами и не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. „Передъ нами не было нигдѣ непріятела", пишетъ англійскій военный агентъ лордъ Бургершъ, „но наши вожди не могутъ обойтись безъ сложныхъ движеній и ученыхъ маневровъ. Они то и дѣло прибѣгаютъ къ нимъ, для того, чтобы обойти ни кѣмъ не занятыя позиціи, и переправиться безопасно черезъ никѣмъ незащищаемыя горы и рѣки".—„Находясь по распоряженію государя императора постоянно при князѣ Шварценбергѣ", пишетъ Толль, „я былъ ежедневно свидѣтелемъ опасеній и заботъ, волновавшихъ офицеровъ его главной квартиры. Если съ форпостовъ приходило извѣстіе, что непріятель показывался вблизи, или усиливался на какомъ нибудь пунктѣ, то господа эти, несмотря на всѣ мои возраженія и доводы, убѣждали князя остановить движеніе нашихъ колоннъ и предписать имъ концентрическое направленіе. Если-же затѣмъ оказывалось, что донесенія съ форпостовъ были неосновательны, тогда князя уговаривали дать нашимъ колоннамъ эксцентрическое направленіе. Въ этихъ-то безполезныхъ маршахъ проходило время. Ни разу не случилось, чтобы

диспозиція, составленная австрійскими генералами, направляла наши войска кратчайшимъ путемъ на непріятеля, а между тѣмъ извѣстно, что быстрота въ движеніяхъ есть первое ручательство успѣха“ [1]).

Быть можетъ, австрійскіе генералы никогда не довели-бы союзную армію до Лангра, если-бы имъ встрѣтился на пути дѣйствительный, а не воображаемый непріятель, но такъ какъ таковаго непріятеля нигдѣ не оказывалось, за исключеніемъ небольшихъ патрулей и кавалерійскихъ разъѣздовъ, быстро отступавшихъ при первомъ появленіи союзниковъ, то колонны большой арміи, хотя и медленно, но все-же подвигались впередъ. Колонна графа Бубны заняла безъ сопротивленія Женеву и приблизилась къ Безансону. Гіулай, достигнувъ Биля, на швейцарской границѣ, безпрепятственно двинулся черезъ Везуль на Лангръ. Колонна наслѣднаго принца гамбургскаго, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, достигла Дижона. Войска графа Вреде, обложивъ нѣсколько пограничныхъ крѣпостей, заняли Сенъ-Дье и выступили на Нешато. Графъ Витгенштейнъ, перейдя черезъ Рейнъ у Форъ-Луи, и обложивъ нѣсколько крѣпостей, выслалъ кавалерію своего корпуса, подъ начальствомъ графа Палена, къ Нанси. Наконецъ, русско-прусская гвардія, переправившись черезъ Рейнъ 13 (1-го) января, дошла 22-го января (10 января) до окрестностей Лангра [2]).

Союзники проходили по странѣ совершенно не живописной, мало плодородной и бѣдной. Наши молодые офицеры, мечтавшіе такъ давно ознакомиться со всѣми прелестями La belle France, были видимо разочарованы. Обнаженныя, безлѣсныя возвышенности, каменистыя долины смѣняли безпрестанно другъ друга. Лишь изрѣдка попадались на пути селенія и города. Повсюду бросались въ глаза бѣдность и неопрятность. Города и деревушки утопали въ грязи, точь

---

[1]) Свидѣтельства Бургерша и Толля см. у Бернгарди Tolle's Denkwürdigkeiten, Т. IV, I половина, стр. 139 и 140.

[2]) Подробности о движеніи къ Лангру см. въ особенности Бернгарди, т. IV, 1-я полов. стр. 134—187.

въ точь какъ въ Польшѣ. Невозможно было найти удобныхъ квартиръ. Дома были построены дурно, камины дымили, комнаты и мебель наполнены клопами. Вездѣ отвратительная грязь и нечистота. Жители этихъ домовъ производили столь-же невыгодное впечатлѣніе, какъ и ихъ жилища. О красивыхъ женщинахъ не было и помину. Обыватели выглядывали крайне невзрачно. Молчаливые, подавленные они оживлялись только тогда, когда заходила рѣчь о Наполеонѣ. О своемъ великомъ императорѣ они не могли говорить иначе, какъ съ ругательствами и проклятіями. Всѣ жаловались на бѣдственныя времена, на невыносимую тяжесть налоговъ и конскрипціи. Лживые разсказы Бернадота о страшномъ національномъ одушевленіи, долженствующимъ охватить всю Францію при первомъ-же появленіи союзниковъ, обнаружились во всей своей наготѣ. О народной войнѣ, о возстаніи населенія не было и рѣчи. Всѣ, напротивъ, смотрѣли на появленіе союзниковъ, какъ на вѣрный признакъ скораго освобожденія отъ невыносимаго ига и не скрывали своей радости. По свойству своего національнаго характера, французы начинали уже острить и подшучивать надъ своимъ грознымъ властелиномъ. Въ Лангрѣ обыватели придумали особую партію бостона. Игроками являются императоръ Александръ, король прусскій и Наполеонъ. Александръ говоритъ: я играю; король прусскій: я поддерживаю; Наполеонъ беретъ большое левé (т. е. levee en masse поголовное возстаніе) и проигрываетъ партію. Среди обитателей попадались кое-гдѣ и сторонники Бурбоновъ, но надъ всѣми симпатіями и настроеніями господствовало одно общее, неудержимое, страстное стремленіе къ миру, къ миру во чтобы то ни стало [1]).

Какъ ни замѣчательны были эти признаки, но князь Шварценбергъ и его ученые стратеги, поглощенные всецѣло своими глубокомысленными маневрами, направленными противъ воображаемаго непріятеля, не имѣли ни времени, ни охоты обращать на нихъ должное вниманіе. Ихъ волненіе и тре-

---

[1]) Всѣ эти подробности у Перца Stein's Leben, т. III стр. 511—512.

вога возростали по мѣрѣ приближенія къ Лангру. Они были твердо убѣждены, что Наполеонъ не уступитъ имъ безъ самого упорнаго боя стратегическаго ключа Франціи, этого грандіознаго плато, воздымающагося и господствующаго надъ всею страною. Лазутчики доносили, что въ Лангрѣ и его окрестностяхъ находятся значительныя массы французской пѣхоты, съ форпостовъ приходили извѣстія о сильныхъ непріятельскихъ разъѣздахъ, появляющихся въ различныхъ направленіяхъ. Эти грозныя вѣсти усугубили тревожное настроеніе и лихорадочную дѣятельность австрійской главной квартиры. Ежедневно и ежечасно предлагались и обсуждались новыя диспозиціи, предписывались то эксцентрическіе, то концентрическіе марши. Медленно и съ величайшими предосторожностями подступали союзныя колонны къ Лангру, поминутно останавливаясь на своемъ пути и готовясь къ рѣшительной встрѣчѣ съ многочисленнымъ непріятелемъ. Но дни и часы проходили, а о непріятелѣ не было ни слуху, ни духу. Наконецъ, передовый отрядъ подъ начальствомъ Гіулая отважился подойти къ самому Лангру. На небольшой возвышенности виднѣлся городъ, обнесенный старою стѣною и укрѣпленный сверхъ того нѣсколькими земляными шанцами. Мертвая тишина господствовала въ городѣ и безжизненной окрестности; ни одинъ выстрѣлъ. ни одно движеніе не обнаруживало присутствія непріятеля. Само собою возникало предположеніе о засадѣ, о военной хитрости, но загадка не замедлила разъясниться инымъ образомъ.

Князь Шварценбергъ случайно отправилъ въ этотъ самый день 17 января (5 января) парламентеромъ въ Лангръ подполковника Войну; къ Войнѣ присоединились изъ любопытства два русскихъ офицера генеральнаго штаба: Ф. Дистъ и Трясвинъ. Всѣ трое въ сопровожденіи трубача подъѣхали къ воротамъ Лангра и трубачъ подалъ парламентерскій сигналъ. Только теперь обнаружился первый признакъ жизни въ крѣпости. Раздался пушечный выстрѣлъ, но ядро, по счастію, пролетѣло мимо, не задѣвъ никого. Трубачъ протрубилъ во второй разъ. Тогда изъ города вышелъ офицеръ, оказавшійся полковникомъ Симономъ и комендантомъ Лан-

гра. Пока полковникъ принималъ письмо и давалъ росписку въ его полученіи, русскіе офицеры съ любопытствомъ разсматривали городъ и легко убѣдились, что онъ покинутъ непріятелемъ и что въ немъ находится лишь нѣсколько десятковъ солдатъ. Поспѣшно поскакали они назадъ и увѣдомили Гіулая о своемъ неожиданномъ открытіи. Австрійскій генералъ тотчасъ-же подошелъ къ самой крѣпости и приказалъ направить нѣсколько орудій на ворота. Но полковникъ Симонъ не въ состояніи былъ обороняться. Въ его распоряженіи было всего лишь 180 человѣкъ солдатъ; къ шестифунтовымъ орудіямъ, составлявшимъ всю его артиллерію, имѣлись только двѣнадцатифунтовые заряды, а національная гвардія, на содѣйствіе которой онъ разсчитывалъ, отказывалась принять участіе въ защитѣ и настойчиво требовала сдачи города. Симонъ принужденъ былъ сдаться безусловно съ своимъ маленькимъ отрядомъ. Вечеромъ того-же 17 числа Гіулай занялъ Лангръ и событіе, ожидаемое всѣми съ такою тревогою и опасеніями, окончилось комическимъ образомъ. Гора родила, по пословицѣ, мышь! [1])

Князь Шварценбергъ былъ крайне обрадованъ, но въ тоже время чрезвычайно изумленъ, получивъ извѣстіе, что Лангръ занятъ безъ боя. Подобное событіе вовсе не входило въ соображеніе ученыхъ стратеговъ, наполнявшихъ его главную квартиру и должно было сбить ихъ окончательно съ толку. До Лангра, и не далѣе, шелъ австрійскій операціонный планъ; въ занятіи этого пункта заключалась вся цѣль похода. Теперь эта цѣль была достигнута; центральная позиція, господствующая надъ всею Франціею, взята безъ боя. Идти дальше не было, слѣдовательно, никакой надобности. Необходимо было расположиться на плато и ожидать, что предприметъ теперь непріятель.

---

[1]) Подробности у Бернгарди, т. IV, стр. 186—187. Первоначально Наполеонъ хотѣлъ сосредоточить въ Лангрѣ значительныя силы и направилъ туда съ этою цѣлью маршала Мортье съ старою гвардіею, но планъ этотъ въ скоромъ времени былъ оставленъ имъ. См. между прочимъ Correspondance de Napoleon, т. 27, стр.—9, письмо къ маршалу Келлерману отъ 3 января, гдѣ Наполеонъ говоритъ: я хочу соединить въ Лангрѣ 80,000 человѣкъ.

Такъ разсуждали князь Шварценбергъ и его штабные офицеры, въѣзжая въ улицы стараго города, такъ и порѣшили они дѣйствовать, или лучше сказать, бездѣйствовать и выжидать. Лишь одно обстоятельство нѣсколько безпокоило ихъ. Изъ показаній Симона и другихъ плѣнныхъ они узнали, что Лангръ былъ занятъ до послѣднихъ дней маршаломъ Мортье съ 6,000 войска. Далѣе они узнали, что маршалъ, оставивъ Лангръ, отступилъ къ Шомону и укрѣпился на высотахъ по ту сторону Мааса. Нельзя было оставлять непріятеля въ такой близости, тѣмъ болѣе что ходили слухи о сильныхъ подкрѣпленіяхъ, ежедневно получаемыхъ маршаломъ. И вотъ, Шварценбергъ выдвинулъ по направленію къ Шомону корпуса кронъ-принца виртембергскаго и Гіулая. Оба союзные генерала дѣйствовали крайне вяло и нерѣшительно; духъ австрійскаго генеральнаго штаба видимо парилъ надъ ними. Не смотря на громадное превосходство силъ, они не рѣшились атаковать непріятеля въ его крѣпкой позиціи по ту сторону Мааса и прибѣгли къ излюбленнымъ обходнымъ движеніямъ и маневрамъ. Но маршалъ Мортье во-время замѣтилъ грозившую ему опасность. Ночью съ 18 на 19 января онъ снялся съ своей позиціи при Шомонѣ, и ни кѣмъ не преслѣдуемый, отошелъ къ Бару на Обѣ. Онъ расположился здѣсь въ ожиданіи дальнѣйшихъ движеній союзниковъ. Его силы возросли въ это время до 8,000 человѣкъ, вслѣдствіе прибытія второй дивизіи старой гвардіи [1]).

Шварценбергъ съ своей стороны не собирался пока безпокоить маршала. Довольный достигнутыми результатами, онъ расположилъ свои корпуса въ окрестностяхъ Лангра, разсчитывая не трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не приблизится силезская армія и не съѣдутся въ Лангръ монархи и дипломаты, отъ рѣшенія которыхъ должны были зависѣть всѣ дальнѣйшія операціи.

---

[1]) Подробности объ этихъ движеніяхъ см. Плото der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Iahren 1813 и 1814, т. III, 39—41. Бернгарди. Tolle's Denkwürdigkeiten, т. IY, 1-я полов. стр. 188—192.

Движенія Блюхера представляли полнѣйшую противоположность операціямъ главной арміи. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ старый фельдмаршалъ назначеннаго дня для его переправы черезъ Рейнъ. Приготовленія къ переправѣ совершались въ величайшей тайнѣ. Самъ Блюхеръ велъ себя такъ, какъ будто ему и его арміи предстояло продолжительное бездѣйствіе. Онъ жаловался всѣмъ и каждому на скуку и бездѣйствіе, ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ дипломатиковъ, называя ихъ, по обыкновенію, проклятыми собаками. За нѣсколько дней до переправы, Блюхеръ поѣхалъ во Франкфуртъ отдохнуть и отпраздновать 71 годовщину своего рожденія. „Если уже пришлось мнѣ отдохнуть", говорилъ онъ при этомъ, „то отдохну во Франкфуртѣ". Отдыхъ Блюхера отличался впрочемъ чисто гусарскимъ характеромъ. По вечерамъ, онъ игралъ въ карты и истреблялъ въ большомъ количествѣ вино. Въ день своего рожденія онъ танцовалъ на балу, данномъ въ честь его, какъ говорится до упаду, и изумилъ всѣхъ присутствующихъ своею шумною веселостью, неутомимостью и бодростью. Казалось, сами лѣта не имѣли значенія для этого героя.

Между тѣмъ наступилъ давно желанный моментъ. Блюхеръ тайно оставилъ Франкфуртъ, и поспѣшилъ въ городъ Каубъ на самомъ берегу Рейна. Всѣ окрестности городка наполнены были русскими и прусскими войсками. Корпуса Іорка и Ланжерона должны были переправиться въ этомъ мѣстѣ черезъ рѣку. Была ясная, но холодная и звѣздная ночь, ночь подъ новый 1814 годъ, когда къ берегу Рейна подъѣхалъ всадникъ, окутанный въ плащъ и покуривавшій спокойно изъ маленькой трубки. На берегу кипѣло самое дѣятельное, хотя и не шумное, сдержанное движеніе. Въ мѣстѣ, назначенномъ для переправы, собраны были всѣ, оказавшіяся вблизи рыбачьи лодки. Тутъ же стояли, готовые къ работѣ, русскіе піонеры съ своими понтонными мостами. 200 бранденбургскихъ фюзельеровъ должны были первые переѣхать на лодкахъ черезъ Рейнъ и укрѣпиться на противоположномъ берегу. Блюхеръ подъѣхалъ къ этимъ смѣльчакамъ, добровольно вызвавшимся на опасный подвигъ. „Ребята! сказалъ

фельдмаршалъ солдатамъ, теперь пойдемъ поздравлять съ новымъ годомъ Бонапарте! Не правда-ли ребята?“ Солдаты отвѣчали одобрительнымъ шопотомъ. Еще моментъ и лодки съ фюзельерами отчалили отъ берега. Наступила глубокая тишина; слышался только плескъ воды, разбиваемой веслами. Прошло четверть часа и громкое ура послышалось съ противоположнаго берега. То фюзельеры вступили на французскую землю. Еще минута и пушечный выстрѣлъ прогремѣлъ надъ долиною Рейна. Французскія войска замѣтили переправу и спѣшили сбить въ воду горсть фюзельеровъ. Но было уже поздно. Пруссаки встрѣтили французовъ ружейнымъ огнемъ и оборонялись штыками и прикладами. А между тѣмъ лодки подвозили все новые и новые отряды русскихъ и прусскихъ солдатъ. Французы, атакованные превосходными силами, принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ. Къ утру наведены были мосты и корпуса Іорка и Ланжерона безпрепятственно переправились на лѣвый берегъ Рейна [1]).

Въ тотъ же день и съ такимъ же успѣхомъ переправился черезъ Рейнъ у Маннгейма съ своимъ корпусомъ и генералъ Сакенъ. Блюхеръ быстро повелъ впередъ свои войска. Узнавъ изъ перехваченной депеши, что маршалъ Мармонъ спѣшитъ сосредоточить войска свои у Кайзерслаутерна, онъ рѣшился предупредить его тамъ. Оставя корпуса Ланжерона подъ Майнцомъ, а отрядъ генерала Сенъ-При въ Кобленцѣ, Блюхеръ двинулъ войска Іорка и Сакена на позиціи Мармона, но маршалъ уклонился отъ удара и поспѣшно отошелъ сначала къ Мецу, а оттуда за Маасъ. Блюхеръ не преслѣдовалъ его. Оставя на Мозелѣ корпусъ Іорка для наблюденія за крѣпостями Мецомъ, Тіонвилемъ и Верденомъ, онъ двинулся съ одними русскими войсками Сакена и Олсуфьева на Нанси и 17 (5) января вступилъ безъ сопротивленія въ этотъ городъ. „Считаю себя счастливымъ“, писалъ фельдмаршалъ императору Александру, „повергая къ сто-

---

[1]) О переправѣ Блюхера черезъ Рейнъ см. Шакъ, Tagebüch стр. 20, Рёдеръ, der Rheinübergang des Feldmarschall's Blücher bei Kaub, а также Шерръ, Blücher, seine Zeit и sein Leben. T. III, стр. 321—22.

намъ Вашего Императорскаго Величества ключи Нанси перваго изъ занятыхъ союзными войсками добрыхъ городовъ старинной Франціи, пользующагося правомъ посылать своего мера на коронацію французскихъ королей". Императоръ отвѣчалъ: „Очень радъ, что именно вамъ была предоставлена слава первымъ занять одинъ изъ добрыхъ городовъ старинной Франціи. Быстротою вашихъ движеній вы пріобрѣли новыя права на признательность союзныхъ монарховъ. Вамъ извѣстно всегдашнее мое участіе въ вашихъ успѣхахъ и мнѣ пріятно повторить вамъ нынѣ изъявленіе моихъ чувствованій" [1]).

Старый фельдмаршалъ не любилъ покоиться на лаврахъ. Неутомимо стремился онъ впередъ, пользуясь каждою оплошностью своего противника. Маршалъ Викторъ, отступая передъ Блюхеромъ, оставилъ въ цѣлости мосты на Маасѣ. Блюхеръ немедленно перевелъ свои войска на лѣвую сторону этой рѣки, повернулъ на Сенъ-Дизье и Жуанвиль и уже 25 (13) января передовыя войска его появились въ окрестностяхъ Шомона и Лангра и вошли въ связь съ войсками главной арміи [2]).

Между тѣмъ въ Лангръ начали прибывать одинъ за другимъ союзные монархи и столь ненавистные для Блюхера дипломатики, т. е. министры и дипломаты. Одинъ изъ первыхъ уже 22-го января (9-го стар. ст.) прибылъ императоръ Александръ. Кромѣ обычной свиты его сопровождали баронъ Штейнъ, графъ Разумовскій и Нессельроде. Нѣсколькими днями позже пріѣхалъ король прусскій въ сопровожденіи Кнезебека и Гарденберга. Пріѣхалъ императоръ Францъ въ сопровожденіи Меттерниха и всего дипломатическаго хвоста. Особенно велико было число англійскихъ дипломатовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, лордъ Эбердинъ, уполномоченный посолъ при особѣ императора австрійскаго,

---

1) Письмо Блюхера и отвѣтъ Александра у Богдановича, Т. IV, стр. 355.

2) Подробности о движеніяхъ силезской арміи отъ Рейна до Шомона см. у Плото, Т. III, стр. 43—96; Бернгарди, Т. IV, 1-я пол. стр. 159 и слѣд. Мармонъ, мемуары, Т. VI, стр. 17 и слѣд.

Джаксонъ и Стюартъ, состоявшіе послами при королѣ прусскомъ и лордъ Каткартъ, акредитованный при особѣ императора Александра, давно уже сопровождали главную квартиру союзниковъ, тогда какъ другіе и притомъ главные руководители британской политики только что теперь явились на театръ военныхъ дѣйствій. Такими заправилами были графъ Мюнстеръ, отстаивавшій ганноверскіе интересы англійской династіи и лордъ Кестльри, статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ британскаго величества, державшій въ своихъ рукахъ всѣ сложныя и запутанныя нити внѣшней политики торійскаго кабинета [1]). Нельзя сказать, чтобы прежніе представители британскаго правительства при союзныхъ монархахъ отличались особеннымъ тактомъ, прозорливостью или самостоятельностью, напротивъ, всѣ они давно уже попали въ сѣти австрійскаго канцлера и слѣпо слѣдовали его указаніямъ. Несостоятельность этихъ представителей британскихъ интересовъ и вызвала, подъ конецъ, такую чрезвычайную мѣру, какъ поѣздка самого статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ въ главную квартиру союзниковъ.

---

[1]) О Кестльри, его поѣздкѣ въ главную квартиру союзниковъ и объ его участіи въ лангрскихъ конференціяхъ появилась въ недавнее время чрезвычайно интересная статья Онкена въ Historisches Taschenbuch за 1885 г., основанная на неизвѣстномъ до сихъ поръ архивномъ матеріалѣ, преимущественно на донесеніяхъ Кестльри лорду Ливерпулю. Къ сожалѣнію, авторъ не ограничился одними архивными сообщеніями, а постарался розбавить ихъ своими собственными, крайне тенденціозными разсужденіями, имѣющими цѣлію доказать, что весь прежній взглядъ на дѣятельность Меттерниха въ 1814 г. лишенъ основанія и что австрійскій премьеръ былъ не только образцомъ дипломатической ловкости, но даже прямоты и честности. Само собою понятно, что г-нъ Онкенъ не успѣлъ разрѣшить своей трудной задачи и доказалъ своими документами лишь крайнюю пронырливость своего героя, качество Меттерниха, не подлежавшее впрочемъ и прежде ни малѣйшему сомнѣнію. Столь-же неудачна и другая попытка Онкена доказать, что Генцъ вовсе не былъ близокъ къ Меттерниху въ это время и что, слѣдовательно, всѣ его свидѣтельства о тайной дипломатической исторіи этой эпохи лишены основанія. Письма Генца къ Меттерниху, опубликованныя въ самое послѣднее время въ извѣстномъ сборникѣ: Oesterreichs Theilnahme etc. доказываютъ, наоборотъ, до очевидности, что Генцъ посвященъ былъ и въ это время во всѣ интриги и тайны Меттерниха и что свидѣтельства его, заключающіяся въ его письмахъ и депешахъ, должны оставаться по прежнему важнѣйшими источниками для дипломатической исторіи эпохи, несмотря на всѣ открытія г-на Онкена.

Лордъ Кестльри выѣхалъ на континентъ, снабженный чрезвычайно широкими полномочіями. Въ его инструкціи прямо говорилось: Въ высшей степени серьезный моментъ настоящаго кризиса требуетъ наивозможно скорѣйшихъ и опредѣленныхъ рѣшеній со стороны Англіи, а такія рѣшенія почти немыслимы при письменномъ способѣ сношеній съ континентальными державами. Важность текущихъ нынѣ вопросовъ до такой степени велика и лежитъ такъ далеко внѣ сферы условій, разрѣшаемыхъ обычными дипломатическими агентами, что представляется необходимость отправить на мѣсто дѣйствія самого статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ и чрезвычайными полномочіями, дабы онъ могъ именемъ его величества вести переговоры какъ съ союзниками вообще, такъ и съ каждою державою въ особенности, и заключать съ ними условія, необходимыя какъ для энергическаго продолженія войны, такъ и для возстановленія мира. Всѣ остальные представители Великобританіи на континентѣ обязаны слѣдовать его указаніямъ и представлять ему свои донесенія [1]).

Личныя способности Кестльри далеко не соотвѣтствовали ни его высокому сану, ни широкимъ полномочіямъ. Если второстепенные англійскіе агенты, какъ, напримѣръ, Каткартъ и Стюартъ, были люди ограниченные и малоспособные, если лордъ Эбердинъ былъ, по мѣткому замѣчанію Меттерниха,— воплощенная простота [2]), то и лордъ Кестльри съ своей стороны не былъ звѣздою первой величины на дипломатическомъ горизонтѣ тогдашней Европы. Не отличаясь ни проницательнымъ умомъ, ни широтою воззрѣній, заклятый и ограниченный торій съ головы до ногъ, Кестльри не умѣлъ понимать людей, отстаивать свои убѣжденія и легко подпа-

---

[1]) См. Онкенъ, Historisches Taschenbuch, 1885 г. Lord Castlereagh und di Ministerconferenz zu Langres, стр. 3 и 4.

[2]) Словцо это Меттернихъ отпустилъ за ужиномъ въ Лангрѣ въ присутствіи графа Мюнстера и другихъ дипломатовъ Обращаясь къ Мюнстеру, который хотѣлъ возражать Эбердину на одну изъ его глупыхъ выходокъ, онъ шепнулъ ему: „Lassen Sie ihn doch; er ist die Einfalt als Diplomat“. См. Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 514.

далъ подъ вліяніе лицъ, преслѣдовавшихъ въ сущности совершенно иныя цѣли, нежели тѣ, которыя имѣлъ въ виду онъ самъ и его правительство. Торійскій кабинетъ стремился всѣми силами къ низложенію Наполеона съ французскаго престола и къ возстановленію Бурбоновъ; въ такомъ смыслѣ составлены были инструкціи, данныя Кестльри. Какъ же приступилъ онъ къ ихъ исполненію? 18-го января англійскій министръ прибылъ въ Базель и имѣлъ здѣсь, какъ гласятъ его донесенія, важныя совѣщанія съ Меттернихомъ, Стадіономъ и Гарденбергомъ. Понятно, что важнѣйшими изъ этихъ совѣщаній были конференціи съ Меттернихомъ и неудивительно, что Кестльри уже послѣ первыхъ бесѣдъ всецѣло подпалъ подъ вліяніе австрійскаго канцлера [1]). Меттернихъ не былъ великій человѣкъ, у него не было даже настоящихъ политическихъ принциповъ, но онъ обладалъ необычайною хитростью и свѣтскостью, онъ отлично понималъ людей, онъ не пренебрегалъ никакими средствами, а потому для него

[1]) Въ своихъ частныхъ письмахъ къ Генцу Меттернихъ выражалъ свою радость, что ему удалось совершенно забрать въ руки Кестльри. Генцъ съ своей стороны выражалъ полнѣйшее удовольствіе и пѣлъ по этому поводу восторженные дифирамбы канцлеру. См. между прочимъ письма Генца отъ 30-го января и 5-го февраля. Въ послѣднемъ изъ этихъ писемъ мы читаемъ: „И такъ мои добрыя предчувствія, по отношенію къ лорду Кестльри, не обманули меня; это для меня важнѣе двухъ выигранныхъ сраженій. Ваша свѣтлость справедливо замѣтили, что дѣло это будетъ имѣть безконечныя послѣдствія для будущаго. Вамъ извѣстно, какъ часто жаловался я на предпочтеніе англійскаго правительства Россіи, какъ на величайшее политическое несчастіе. А между тѣмъ при теперешнемъ положеніи дѣлъ это предпочтеніе было лишь большимъ неудобствомъ; въ новой-же системѣ Европы, возникающей подъ вашимъ руководствомъ, въ той системѣ, при которой только и возможны: равновѣсіе, независимость и спокойствіе, таковое предпочтеніе явилось-бы мертвящимъ принципомъ. Желаю Австріи, вамъ, ближайшему къ моему сердцу, а затѣмъ и всей Европѣ счастія, чтобы поѣздка лорда Кестльри приняла именно такой, а ни какой-либо иной поворотъ. Благодарю небо, что Кестльри нашелъ въ васъ такого министра, который съумѣлъ развить его благопріятное настроеніе и воспользоваться имъ“. Достаточно прочесть это письмо, чтобы убѣдиться насколько правъ г. Онкенъ, утверждая, что своими послѣдними сообщеніями онъ доказалъ, какъ дважды два четыре, что Генцъ не имѣлъ никакого представленія о дѣйствительномъ ходѣ событій и не пользовался довѣріемъ Меттерниха въ эту эпоху. Замѣтимъ еще, что статья г. Онкена, уничтожающая Генца, явилась въ 1885 г.; тогда какъ обличающія его письма Генца изданы впервые въ 1887 г. въ цитированномъ уже нами сборникѣ Osterreich's Theilnahme etc.

не составляло ни малѣйшаго труда обойти ограниченнаго и неловкаго лорда. Уже въ первой бесѣдѣ съ Меттернихомъ Кестльри позволилъ убѣдить себя, что энергическое продолженіе войны и сверженіе Наполеона съ престола есть вопросъ второстепенной важности, что несравненно важнѣе формулировать точно цѣль войны, и продолжая дѣйствовать силою оружія, не отвергать въ тоже время мирныхъ предложеній, исходящихъ отъ императора французовъ. Кестльри попробовалъ было заговорить о возстановленіи Бурбоновъ, но Меттернихъ отвѣчалъ ему уклончиво, далъ понять, что онъ ничего не имѣетъ противъ такой реставраціи, но что гораздо лучше предоставить это дѣло самимъ французамъ, не поддерживать, но и не противодѣйствовать бурбонской интригѣ, имѣть въ виду только почетный и выгодный миръ съ Франціею, все равно, будетъ-ли она управляться Бурбономъ или Бонапарте [1]).

Склонивъ безъ труда Кестльри на свою точку зрѣнія, Меттернихъ обратилъ вниманіе англійскаго министра на честолюбивые планы императора Александра и старался доказать ему, что главная опасность свободѣ и равновѣсію Европы грозитъ теперь уже не со стороны Франціи и ея императора, а со стороны русскаго царя и полуварварской и колоссальной Россіи. Меттернихъ доказывалъ Кестльри, что подъ юношескимъ энтузіазмомъ Александра и его воинственнымъ азартомъ скрываются тайныя и въ высшей степени опасныя для остальной Европы цѣли. Александръ стремится во чтобы то ни стало въ Парижъ, онъ отклоняетъ отъ себя всякое сужденіе о цѣли войны, онъ протестуетъ противъ всякихъ переговоровъ съ Наполеономъ, а безумные, бѣшенные люди, стоящіе во главѣ силезской арміи: Блюхеръ, Гнейзенау и вся ихъ шайка, стараются поддержать всѣми силами его стремленія. Пруссаки дѣйствуютъ подъ вліяніемъ чувства мести и злобы. Французы побывали въ Берлинѣ, они хотятъ побывать въ Парижѣ; ихъ цѣль—грабежи, контрибуціи и веселыя партіи въ Пале-Роялѣ. Не таковы цѣли Александра. Онъ хочетъ выступить въ покоренномъ Парижѣ въ

---

[1]) Онкенъ стр. 7—8.

роли умиротворителя Европы и вершителя ея судебъ. Онъ хочетъ свергнуть Бонапарте лишь для того, чтобы посадить на престолъ Франціи Бернадота [1]). При помощи этого гасконца и пруссаковъ, приступитъ затѣмъ русскій царь къ устроенію Европы. Понятно, что онъ произведетъ это устроеніе въ своихъ интересахъ и для упроченія своей гегемоніи. Онъ думаетъ захватить всѣ польскія земли и раздвинуть границы Россіи до Одера и Карпатовъ; Саксонію онъ предоставитъ своему вѣрному союзнику, королю прусскому; къ интересамъ другихъ державъ онъ отнесется отрицательно, если и не враждебно. Не слѣдуетъ также опускать изъ виду, что императоръ Александръ проникнутъ самыми опасными революціонными идеями, что онъ находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ бывшаго своего воспитателя, республиканца Лагарпа и прусскихъ якобинцевъ (?), что онъ думаетъ облагодѣтельствовать Францію либеральными учрежденіями, что онъ готовится создать въ возстановляемой имъ Польшѣ революціонный очагъ для всей Европы. Съ благоговѣніемъ слушалъ Кестльри всѣ эти внушенія коварнаго австрійскаго канцлера. Всецѣло подчинился онъ его идеямъ и забылъ о своихъ собственныхъ инструкціяхъ. Онъ явился въ Лангръ съ твердымъ намѣреніемъ отстаивать программу Меттерниха, требовать немедленнаго открытія мирнаго конгресса, протестовать противъ продолженія войны во чтобы то ни стало и противъ безумнаго стремленія на Парижъ, и настаивать прежде всего на точной и опредѣленной формулировкѣ цѣлей войны.

Едва только съѣхались въ Лангръ государи, ихъ министры и уполномоченные, какъ тотчасъ-же начались военныя и дипломатическія конференціи [2]). Положеніе императора

---

[1]) Что Александръ хотѣлъ возвести на престолъ Франціи Бернадота,—въ этомъ не сомнѣвается и самъ Онкенъ, хотя всѣ его свѣдѣнія по этому темному вопросу почерпнуты лишь изъ крайне сомнительнаго источника, а именно: „Вильсона, тайной исторіи похода 1812 года“.

[2]) Извѣстія о лангрскихъ конференціяхъ находятся у Генца въ его депешахъ къ Валашскому господарю (см. извѣстное изданіе Прокешъ-Остена› Depesches inedites du chevallier de Gentz aux Hospodars de Walachie etc.

на этихъ конференціяхъ было въ высшей степени затруднительное. Александръ стоялъ почти особнякомъ. Его собственные министры, и прежде всѣхъ Нессельроде, находились подъ обаяніемъ Меттерниха и готовы были въ тайнѣ содѣйствовать его цѣлямъ. Министры его союзника, короля прусскаго, привыкли также смотрѣть на вещи, сквозь очки, надѣтыя имъ Меттернихомъ. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ готовъ былъ слѣдовать за императоромъ до конца. Но и онъ боялся энергическаго продолженія войны, похода на Парижъ и склоненъ былъ въ душѣ къ миру. Англійскіе дипломаты стояли какъ одинъ человѣкъ противъ Александра. Главнокомандующій и большинство генераловъ не только австрійскихъ, но даже русскихъ и прусскихъ, не совѣтовали идти далѣе Лангра и предпочитали вступить въ переговоры. Только Штейнъ и Разумовскій поддерживали всѣми силами императора въ его тяжелой борьбѣ; только одни вожди силезской арміи и прежде всего Гнейзенау, готовы были отстаивать и оправдывать намѣреніе Александра: не терять время и идти какъ можно скорѣе и всѣми силами на Парижъ.

Уже среди самаго разгара конференцій прибылъ въ Лангръ пламенный корсиканецъ и горячій врагъ Наполеона, Поццо-ди Борго, состоявшій на русской службѣ. Въ его лицѣ партія войны пріобрѣла энергическаго и разумнаго сторонника. Поццо извѣщалъ Штейна въ такихъ словахъ о своемъ прибытіи въ Лангръ: „генералъ Поццо-ди Борго поздравляетъ его превосходительство, барона Штейна, съ тѣмъ, что оба они благополучно встрѣтились въ Лангрѣ, во Франціи, на зло жандармамъ, палачамъ, герцогамъ и шпіонамъ парижской полиціи, на зло Наполеону, безумному малому,

---

Парижъ 1876 г.), и въ его письмахъ къ Меттерниху (см. Oesterreich's Theilnahme etc.), у Перца, въ его Stein's Leben, т. III, стр. 512 и слѣд.; у Бернгарди, т. IV, стр. 206—234, гдѣ изложены подробнѣйшимъ образомъ всѣ военныя совѣщанія и приведены, по большей части дословно, всѣ важнѣйшіе документы, какъ-то: письма Гнейзенау, письменные отзывы Ф. Кнезебека, Лангенау, Дуки, и императора Александра. См. также Васильчиковъ, семейство Разумовскихъ, т. IV, стр. 458 и слѣд.

оставленному Богомъ, какъ должны надѣяться всѣ благомыслящіе люди. Я поздравляю васъ, что мы находимся въ тридцати миляхъ отъ Парижа, въ свитѣ нашего великаго, нашего превосходнаго императора, въ сопровожденіи 200,000 храбрыхъ воиновъ, собравшихся со всей Европы не столько для того, чтобы мстить, сколько для того, чтобы торжествовать великодушно надъ галльскимъ высокомѣріемъ и хвастовствомъ. Ахъ, мой милый другъ! Падемъ на колѣни передъ Богомъ; Его десница очевидна; послѣдуемъ за Его звѣздою; она укажетъ намъ путь“ [1]).

Меттернихъ, тщательно скрывая свои затаенныя цѣли, клонившіяся къ удержанію Наполеона и его династіи на престолѣ Франціи, выдвинулъ прежде всего противъ Александра тяжелую артиллерію ученой, кабинетной стратегіи. Знатоки военнаго дѣла должны были убѣдить императора въ несостоятельности его плановъ и доказать ему до очевидности, что всякое движеніе за Лангръ не только рискованно и опасно, но и безумно и безцѣльно. Прусскій генералъ Ф. Кнезебекъ, работавшій самъ не сознавая того во вредъ своему отечеству и на пользу Австріи, Лангенау, извѣстный намъ географическій стратегъ и тупоумный Дука, любимецъ императора Франца, представили на усмотрѣніе союзныхъ государей и ихъ министровъ обширные мемуары, въ которыхъ силились доказать, что Лангръ долженъ быть рубикономъ для союзныхъ армій, что стремиться на Парижъ ради одной славы есть чуть не преступленіе, что союзники заняли уже тѣ провинціи, которыя они намѣреваются отторгнуть отъ Франціи, что крайне опасно удаляться съ плато, представляющаго естественную и неприступную крѣпость, что всякій шагъ впередъ удалитъ союзниковъ отъ ихъ базы, затруднитъ полученіе подкрѣпленій и подвозъ припасовъ, что невозможно двигать впередъ одинъ центръ союзныхъ силъ и оставлять далеко позади оба фланга и что не слѣдуетъ пренебрегать противникомъ, сред-

---

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 517–518; тутъ-же приложено и факсимиле самаго письма.

ства котораго неистощимы, а энергія и геніальная изобрѣтательность, окрыляемые нынѣ отчаяніемъ, достаточно извѣстны изъ прежнихъ печальныхъ опытовъ [1]).

Основываясь на всѣхъ этихъ не подлежавшихъ, по ихъ словамъ, никакому сомнѣнію данныхъ, ученые стратеги единогласно полагали, что благоразуміе, осторожность и вѣрное пониманіе собственныхъ интересовъ одинаково требуютъ, чтобы союзники остановились на занятыхъ ими позиціяхъ и не отвергали мирныхъ предложеній, исходящихъ отъ Наполеона. Императору Александру не стоило большаго труда разорвать сѣть этихъ то завѣдомо фальшивыхъ, то боязливыхъ и тупоумныхъ хитросплетеній. Для этой цѣли онъ располагалъ вполнѣ достаточнымъ матеріаломъ. Баронъ Штейнъ представилъ ему цѣлый рядъ писемъ генерала Гнейзенау [2]), въ которыхъ доводы кабинетныхъ стратеговъ подвергнуты были самой безпощадной критикѣ, а идея Александра,—идти прямо на Парижъ,—доказана какъ единственный путь къ скорому и побѣдоносному окончанію войны. По порученію Александра составленъ былъ, на основаніи этихъ писемъ и другихъ данныхъ, отвѣтъ на мемуары Ф. Кнезебека, Лангенау и Дуки и представленъ на разсмотрѣніе конференціи. Отвѣтъ опровергаетъ прежде всего курьезное мнѣніе Ф. Кнезебека, что цѣль войны достигнута занятіемъ пограничныхъ провинцій Франціи и что дальнѣйшее движеніе во внутрь непріятельской страны не имѣетъ смысла. „До окончанія войны“ говорится въ отвѣтѣ отъ имени императора Александра, „невозможно рѣшить, достигнута-ли ея цѣль. Напротивъ, до тѣхъ поръ пока война продолжается, результаты ея зависятъ отъ успѣха оружія. Союзные монархи лишь въ томъ случаѣ могутъ разсчитывать на достиженіе своихъ намѣреній, если они будутъ дѣйствовать согласно съ этимъ принципомъ. Они должны стараться уничтожить военную силу непріятеля. Настоящая слабость противника обу-

---

[1]) Мемуары Ф. Кнезебека и Лангенау см. у Бернгарди, т. IV, 1-я половина, стр. 218—230.

[2]) Письма Гнейзенау см. у Бернгарди, т. IV, 1-я полов. стр. 210 и слѣд.

словливается деморализаціею большей части его войскъ, неопытностью только что набранныхъ конскриптовъ, упадкомъ дисциплины, происшедшимъ вслѣдствіе неудачъ послѣднихъ пятнадцати мѣсяцевъ недостаткомъ времени для ея возстановленія. Само собою однакоже понятно, что непріятель съ каждымъ днемъ старается уменьшить сумму этихъ неблагопріятныхъ для него условій. Если союзники будутъ медлить, то легко можетъ случиться, что военныя операціи возобновятся въ тотъ моментъ, когда противникъ успѣетъ устранить всѣ невыгоды своего теперешняго положенія. При такихъ обстоятельствахъ лишь одно рѣшеніе можно почитать единственно мудрымъ. Необходимо продолжать войну съ величайшею энергіею, дабы истребить войска, выставленныя Наполеономъ въ поле и лишить его средствъ къ образованію новыхъ армій" [1]).

Доказавъ такимъ простымъ, но въ тоже время убѣдительнымъ способомъ необходимость и неизбѣжность энергическаго продолженія войны, отвѣтъ Александра обращался затѣмъ къ частностямъ и не менѣе убѣдительно доказывалъ неосновательность старой географической стратегіи, опровергалъ мнимое значеніе лангрскаго плато и развивалъ всѣ преимущества смѣлой наступательной войны передъ системою пассивнаго выжиданія и обороны, которая можетъ послужитъ лишь въ пользу противника.

Стратегическіе сторонники Меттерниха не въ состояніи были серьезно возражать противъ мнѣнія русскаго императора. Тогда австрійскій канцлеръ рѣшился перенести борьбу на болѣе удобное для него дипломатическое поприще. Военное бездѣйствіе должно было быть оправдано глубокими и неопровержимыми политическими основаніями. Прежде всего, заявилъ Меттернихъ, слѣдуетъ рѣшить вопросъ, для какой цѣли будемъ мы продолжать войну и не слѣдуетъ ли предпочесть миръ войнѣ въ томъ случаѣ, если Наполеонъ согла-

---

[1]) Записка, представленная отъ имени императора Александра, была составлена, какъ предполагаетъ это Бернгарди, Поццо-ди Борго. См. Бернгарди, т. IV, 1-я пол. стр. 232.

сится на условія, предложенныя союзниками, т. е. на введеніе Франціи въ ея старыя до-революціонныя границы 1792 г. Кестльри, повидимому, совершенно забывшій и о своихъ инструкціяхъ и о дѣйствительномъ настроеніи англійской націи, въ которой негодованіе противъ Наполеона достигло въ это время до высшей степени, открыто сталъ на точку зрѣнія австрійскаго канцлера и старался дѣйствовать въ его смыслѣ на императора Александра. Онъ доказывалъ императору, что обѣщаніе, оффиціально данное союзными державами, начать съ Наполеономъ переговоры, ставитъ ихъ теперь въ весьма затруднительное положеніе передъ Европою, что у нихъ нѣтъ никакого основанія возставать противъ открытія мирнаго конгресса въ Шатильонѣ на французской территоріи, какъ предлагаетъ это теперь Наполеонъ, уступая въ этомъ случаѣ требованію Александра, настаивавшаго, чтобы конгрессъ открытъ былъ непремѣнно во Франціи, а не въ Германіи. Въ Англіи, добавилъ Кестльри, новый отказъ произведетъ весьма невыгодное для коалиціи впечатлѣніе. На предстоящемъ конгрессѣ союзники должны настаивать на возстановленіи старыхъ границъ Франціи; если Наполеонъ не приметъ этого предложенія, то переговоры должны быть немедленно прерваны и военныя дѣйствія возобновлены. А если, вопреки ожиданіямъ, Наполеонъ приметъ условія союзниковъ, то этимъ самымъ онъ докажетъ, до какой степени онъ обезсиленъ и униженъ. Кестльри полагалъ, что союзники не въ правѣ требовать отъ Наполеона большаго удовлетворенія и что онъ твердо знаетъ, что Англія будетъ вполнѣ удовлетворена такою его уступкою. Благородный лордъ далъ вслѣдъ затѣмъ понять, что британское правительство сочтетъ въ такомъ случаѣ неудобнымъ платить далѣе субсидіи континентальнымъ державамъ [1]).

Касаясь этого больного мѣста и хорошо понимая, что Россія и Пруссія не въ состояніи вести войны безъ помощи англійскихъ субсидій, Кестльри думалъ тѣмъ самымъ произвести давленіе на русскаго императора, но онъ ошибся

---

[1]) См. Васильчиковъ, семейство Разумовскихъ. Т. IV, стр. 458—459.

въ своемъ разсчетѣ. Александръ былъ знакомъ съ дѣйствительнымъ настроеніемъ англійской націи и не могъ принимать слишкомъ серьезно угрозъ британскаго министра. Стольже уклончиво отнесся императоръ и къ другимъ запросамъ Кестльри. Британскій министръ пытался вывѣдать его настоящія намѣренія относительно будущей судьбы Франціи. Онъ завелъ разговоръ о кандидатурѣ Бернадота на французскій престолъ и спросилъ Александра справедливо-ли, что онъ сочувствуетъ такой кандидатурѣ и намѣренъ поддерживать ее всѣми средствами. Отвѣтъ русскаго государя далеко не удовлетворилъ лорда. „Императоръ", говоритъ онъ въ своемъ донесеніи, „заявилъ, что онъ никогда не обнаруживалъ желанія предпринять какой-либо шагъ въ пользу притязаній кронпринца уже по одному тому, что подобный шагъ противорѣчилъ-бы его основному принципу: ни въ какомъ случаѣ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла чуждаго государства. „И такъ", замѣчаетъ со вздохомъ Кестльри, „Александръ отказывается только отъ дѣяній и фактовъ, но не отъ намѣреній".

Кестльри попробовалъ заговорить съ императоромъ о реставраціи Бурбоновъ, но тутъ ему пришлось услышать еще болѣе непріятныя вещи. „Его величество, доносилъ онъ въ Лондонъ, говоритъ о Бурбонахъ, какъ о такой фамиліи, въ средѣ которой нѣтъ ни одного члена, способнаго къ подобной задачѣ. Рѣшительно требуетъ онъ низложенія Наполеона, но даетъ видъ, что ни мало не заинтересованъ тѣмъ, въ чьи руки перейдетъ власть надъ Франціею. Пусть, говоритъ онъ, нація изберетъ того, кого она пожелаетъ" [1]).

Эта послѣдняя мысль дѣйствительно занимала Александ ра а его бывшій воспитатель Лагарпъ, прибывшій въ это самое время въ Лангръ на обратномъ пути изъ Швейцаріи въ Парижъ, еще болѣе утвердилъ его въ ней. Александръ чувствовалъ самую живѣйшую любовь къ Лагарпу и относился съ большимъ уваженіемъ къ его политическимъ мнѣніямъ. Лагарпъ передалъ императору свои парижскія впе-

---

[1]) См. Онкенъ, стр. 10—11.

чатлѣнія. Онъ увѣрялъ его, что въ столицѣ Франціи господствуетъ самое враждебное настроеніе противъ Наполеона. Паденіе деспота близко и неизбѣжно, такъ какъ большинство сената и законодательнаго корпуса ждутъ только случая, чтобы объявить себя противъ него. При такихъ обстоятельствахъ Лагарпъ совѣтовалъ Александру какъ можно скорѣе идти на Парижъ, завладѣть столицею Франціи, собрать конгрессъ изъ выборныхъ представителей французскаго народа и предоставить ему всецѣло рѣшеніе вопроса о формѣ правленія во Франціи и о личности правителя. Александръ былъ чрезвычайно увлеченъ этою мыслью. Она соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе и его благороднымъ, безкорыстнымъ намѣреніямъ и завѣтнымъ либеральнымъ идеямъ его юности. Императоръ не думалъ скрывать зародившагося въ душѣ его намѣренія отъ своихъ союзниковъ, онъ сообщилъ свой планъ даже Меттерниху при первомъ-же личномъ разговорѣ съ нимъ [1]). Александръ замѣтилъ прежде всего, что, по его личнымъ наблюденіямъ, французская нація настроена противъ Бурбоновъ. При такомъ условіи реставрація Бурбоновъ, говорилъ онъ далѣе, представитъ особенныя затрудненія и подвергнетъ Францію и Европу опасности новыхъ потрясеній. Избраніе-же новаго правителя есть дѣло самихъ французовъ, а не чужихъ. Въ виду всего этого онъ пришелъ къ слѣдующему рѣшенію: „Операціи противъ Парижа должны быть продолжаемы съ энергіею; мы завладѣемъ городомъ. При приближеніи этого событія, долженствующаго увѣнчать военные успѣхи союзниковъ, мы должны обратиться къ французскому народу съ объявленіемъ, что мы твердо намѣрены не мѣшаться ни въ вопросъ его будущей формы правленія, ни въ избраніе ихъ государя. Одновременно съ этимъ мы созовемъ первичныя народныя собранія и предложимъ имъ отправить необходи-

---

[1]) Единственное свидѣтельство объ этомъ разговорѣ принадлежитъ самому Меттерниху, помѣстившему его въ отрывкѣ своихъ воспоминаній написанныхъ въ 1829 г. Принимая во вниманіе хорошо извѣстную недобросовѣстность Меттерниха и его обычное легкомысліе, историкъ обязанъ пользоваться этимъ свидѣтельствомъ лишь съ большею осторожностью.

мое число депутатовъ въ Парижъ, каковые и должны будутъ рѣшить, именемъ и полномочіемъ народа, и тотъ и другой вопросъ".

При этихъ словахъ императора Меттернихъ пришелъ въ ужасъ. „Да вѣдь это значитъ", воскликнулъ онъ, „выпустить второе изданіе конвента, спустить съ цѣпей революцію, обузданную Наполеономъ".—„Успокойтесь", прервалъ его Александръ. „Мы находимся во Франціи, наши арміи многочисленны, мы будемъ держать въ рукахъ избирателей. Депутаты должны будутъ высказаться лишь по двумъ вопросамъ: формѣ правленія и избранія государя. Время республики прошло. Она пала вслѣдствіе своихъ ошибокъ и увлеченій. Государь, котораго изберетъ себѣ сама нація, встрѣтитъ менѣе затрудненій при утвержденіи своего авторитета. Власть Наполеона сломлена, и никто не хочетъ слышать о ней болѣе. Важнѣе всего руководить собраніемъ. Я имѣю въ виду для этой цѣли человѣка, наиболѣе способнаго къ такому дѣлу и не новичка. Мы поручимъ Лагарпу руководить собраніемъ".

Меттернихъ поспѣшилъ заявить, что онъ не согласенъ участвовать въ подобномъ экспериментѣ съ народнымъ самодержавіемъ, что императоръ Францъ скорѣе отзоветъ свою армію изъ Франціи, нежели дастъ свое согласіе на аппеляцію къ народу. Тщательно скрывая свои настоящіе замыслы, клонившіеся къ удержанію Наполеона, или въ крайнемъ случаѣ, его сына на престолѣ Франціи, австрійскій канцлеръ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ гораздо лучше возстановить Бурбоновъ, и что онъ не видитъ вопроса, подлежащаго рѣшенію конгресса, такъ какъ законный король есть и безъ того уже на лицѣ.

Не безъ ироніи отнесся Александръ къ горячимъ заявленіямъ Меттерниха. Онъ видѣлъ насквозь своего противника и отлично понималъ сокровенный источникъ его тревоги. Онъ объявилъ, что онъ вовсе не намѣренъ настаивать на своемъ планѣ и ссориться ради его съ своими союзниками, хотя онъ убѣжденъ въ основательности своихъ идей и глубоко увѣренъ, что ближайшее будущее не замедлитъ оправ-

дать на дѣлѣ его взгляды [1]). Впрочемъ, далъ понять императоръ Меттерниху, сущность дѣла заключается вовсе не въ этихъ вопросахъ о будущей судьбѣ Франціи. Предстоитъ рѣшить вопросъ чисто военный, необходимо двинуть впередъ союзныя арміи; всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ повлечь за собою самыя печальныя послѣдствія.

По настоянію императора Александра, вопросъ военный подвергнутъ былъ, наконецъ, окончательному обсужденію. Въ совѣщаніи принимали участіе всѣ три союзные монарха, всѣ министры, дипломаты и генералы главной квартиры. Огромное большинство голосовъ: императоръ Францъ, Меттернихъ, Кестльри и всѣ англійскіе уполномоченные, Шварценбергъ, Ф. Кнезебекъ и всѣ австрійскіе генералы высказались противъ продолженія наступательныхъ дѣйствій, совѣтовали оставаться на занятыхъ позиціяхъ и выжидать результата мирныхъ переговоровъ съ Наполеономъ. Въ пользу энергическаго продолженія войны высказались только Штейнъ, Разумовскій, Поццо-ди Борго и императоръ Александръ. Что же касается до короля прусскаго и его министровъ, а равно Нессельроде, то они видимо колебались и не рѣшались высказать опредѣленнаго мнѣнія. Императоръ Александръ не намѣренъ былъ, однако-же, подчиняться рѣшенію большинства. Истощивъ всѣ доводы, онъ заявилъ рѣшительно, что военныя дѣйствія должны быть возобновлены немедленно. Если-же, добавилъ онъ, союзники мои рѣшительно отказываются принимать въ нихъ участіе, то я буду продолжать войну одинъ, безъ всякой посторонней помощи. Вслѣдъ затѣмъ императоръ обратился къ королю прусскому съ вопросомъ, какъ намѣренъ онъ поступить въ такомъ случаѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ, не колеблясь ни минуты, что онъ никогда не оставитъ императора и что его арміи послѣдуютъ за русскими войсками [2]).

---

[1]) Печальная исторія Бурбонской реставраціи не замедлила подтвердить и оправдать мнѣнія Александра. Отсюда, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы идея императора, развитая имъ въ бесѣдѣ съ Меттернихомъ, была осуществима на дѣлѣ.

[2]) Объ этой заключительной сценѣ свидѣтельствуетъ Штейнъ въ своей автобіографіи. См. Перцъ, Т. VI, приложеніе, стр. 192.

Единодушное заявленіе двухъ друзей монарховъ произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на собраніе. Меттернихъ понялъ, что дѣло его было проиграно окончательно. Ни онъ, ни князь Шварценбергъ, ни самъ Францъ не могли допустить дѣла до открытаго разрыва между союзниками. Еще болѣе боялись такого разрыва англійскіе министры и дипломаты. Никто изъ присутствующихъ не рѣшался настаивать далѣе на бездѣйствіи союзныхъ армій. Сторонники мира измѣнили свою тактику: они соглашались на энергическое продолженіе войны, но требовали, чтобы открыты были въ то же время мирные переговоры въ Шатильонѣ. Александръ не нашелъ удобнымъ противиться этому требованію австрійцевъ и англичанъ [1]). Глубоко убѣжденный, что Наполеонъ никогда и ни за что не согласится на основное требованіе союзниковъ: введеніе Франціи въ ея до-революціонные предѣлы, онъ далъ свое согласіе на открытіе мирнаго конгресса въ Шатильонѣ. Для него было вполнѣ достаточно, что на ряду съ переговорами рѣшено было возобновить со всею энергіею военныя операціи.

Въ какомъ духѣ предполагалъ вести Александръ переговоры, на это указывалъ ясно уже одинъ выборъ его уполномоченнаго. Этотъ выборъ палъ не на Нессельроде, а на графа Андрея Кирилловича Разумовскаго. Изъ всѣхъ русскихъ дипломатовъ одинъ Разумовскій былъ отъ начала и до конца принципіальнымъ врагомъ Наполеона. Онъ никогда не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, даже въ эпоху Тильзита

---

[1]) Окончательная формулировка рѣшеній лангрской конференціи состоялась въ засѣданіи министровъ 29 января, т. е. въ то время, когда императоръ Александръ выѣхалъ уже изъ Лангра. Къ этому же засѣданію относится та рѣчь лорда Кестльри, которой придаетъ такое значеніе Онкенъ. Основная мысль этой рѣчи заключается въ томъ, что военныя операціи должны продолжаться одновременно съ мирными переговорами, т. е. другими словами, она заключала въ себѣ лишь повтореніе того, что рѣшено было раньше въ присутствіи союзныхъ монарховъ. Если затѣмъ Кестльри требуетъ осторожнаго образа дѣйствій, совѣтуетъ обождать прибытія резервовъ и выражаетъ опасеніе, что даже занятіе Парижа можетъ повести къ новымъ осложненіямъ, напр. къ якобинскому взрыву, или къ попыткѣ возвести на престолъ Бернадота, то въ этомъ онъ лишь повторяетъ слова Меттерниха и самъ, слѣдовательно, опровергаетъ ту самостоятельность, которую старается приписать ему Онкенъ. См. Онкенъ стр. 29—30.

и Эрфурта. „Русскій уполномоченный, говоритъ Генцъ, всегда былъ извѣстенъ какъ самый непримиримый и неукротимый врагъ Наполеона“. Александръ, хорошо знакомый съ образомъ мыслей графа, въ продолжительномъ разговорѣ съ нимъ, не скрылъ отъ него, что онъ начинаетъ переговоры съ Наполеономъ, непримиримымъ врагомъ своимъ, противъ желанія. Онъ, графъ, долженъ вести переговоры такъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не окончились миромъ. Миръ долженъ быть заключенъ въ Парижѣ, а не въ Шатильонѣ, и я твердо надѣюсь, при помощи Бога, достигнуть съ оружіемъ въ рукахъ столицы Франціи, добавилъ императоръ, прощаясь съ своимъ уполномоченнымъ [1]).

Съ такими же чувствами и намѣреніями какъ Разумовскій отправился въ Шатильонъ и уполномоченный короля прусскаго, баронъ В. Ф. Гумбольдтъ. Генцъ такими словами характеризуетъ этого великаго ученаго и политика. „Гумбольдтъ, по своему уму и познаніямъ, несомнѣнно одинъ изъ замѣчательныхъ людей нашего времени; у него холодный и безстрастный характеръ, неспособный ни къ любви, ни къ ненависти; онъ презираетъ свѣтъ и людей, но готовъ поддерживать во всемъ графа Разумовскаго, только по увѣренности, что послѣ мира при прусскомъ дворѣ будетъ во власти именно та партія, которая требуетъ теперь самыхъ крайнихъ мѣръ, и во главѣ которой онъ намѣренъ стать самъ“. Уполномоченнымъ Австріи былъ назначенъ графъ Стадіонъ, выборъ во многихъ отношеніяхъ странный и совершенно не соотвѣтствовавшій затаеннымъ цѣлямъ Меттерниховской политики. Графъ Стадіонъ былъ, безъ сомнѣнія, искусный и ловкій дипломатъ, онъ связанъ былъ инструкціями своего правительства, но, по своимъ убѣжденіямъ и образу мыслей, онъ походилъ какъ нельзя болѣе на уполномоченныхъ Россіи и Пруссіи. „Графъ Стадіонъ“, замѣчаетъ Генцъ, „хотя и слишкомъ честенъ и слишкомъ добросовѣстно исполняетъ свой долгъ, чтобы дѣйствовать на конгрессѣ противъ истин-

---

[1]) См. Васильчиковъ, семейство Разумовскихъ, Т. IV, стр. 461. Тамъ же на страницахъ 463—465, напечатана инструкція, данная Разумовскому.

ныхъ намѣреній своего правительства, однако въ глубинѣ души питаетъ какое-то тайное отвращеніе ко всему тому, что могло бы продолжить дальнѣйшее царствованіе Наполеона, котораго онъ всегда ненавидѣлъ, хотя и съ большимъ разумомъ и осторожностію, но почти такъ-же сильно какъ и графъ Разумовскій" [1]). Александръ могъ только радоваться подобному назначенію; что-же касается до представителей Англіи на конгрессѣ, то и они не могли внушить ему особенно серьезныхъ опасеній. Лордъ Кестльри, не желая отдать предпочтеніе кому либо изъ трехъ англійскихъ уполномоченныхъ и тѣмъ обидѣть двухъ остальныхъ, рѣшился отправить въ Шатильонъ всѣхъ троихъ, т. е. Каткарта, Стюарта и Эбердина [2]), но не полагаясь особенно ни на одного изъ нихъ, онъ намѣревался лично ѣхать въ Шатильонъ, хотя и не предполагалъ принимать оффиціальнаго участія въ засѣданіяхъ конгресса. Занявъ въ самомъ началѣ довольно двусмысленное положеніе, Кестльри не могъ выдержать на конгрессѣ роли, подобавшей первому уполномоченному британскаго правительства. Въ душѣ онъ сочувствовалъ, какъ нельзя болѣе, идеямъ и планамъ Меттерниха, но на дѣлѣ онъ не рѣшался содѣйствовать имъ. „Боязнь", замѣчаетъ Генцъ, „разгнѣвать русскаго императора и еще большій страхъ поставить себя въ непріятное положеніе передъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи, гдѣ ненависть къ Наполеону стала теперь чѣмъ то въ родѣ неистовства, заставляли его противъ воли лавировать и скрывать свои симпатіи къ австрійской политикѣ" [3]).

---

[1]) См. депешу Генца къ Караджѣ отъ 8 марта 1814 г.

[2]) См. депешу Генца къ Караджѣ отъ 11 февраля 1814 г. Osterreich's Theilnahme etc. стр, 240—241.

[3]) См. депешу Генца къ Караджѣ отъ 8 марта. Характеристика Кестльри здѣсь совершенно вѣрна и вполнѣ подтверждается тѣми документами, которые открылъ недавно Онкенъ. Читая эти документы, положительно удивляешься, откуда взялъ новѣйшій панегиристъ свое открытіе, что Кестльри дѣйствовалъ въ Лангрѣ вполнѣ самостоятельно. Напротивъ, даже тѣ отрывки, которые счелъ возможнымъ привести Онкенъ изъ своихъ документовъ, доказываютъ, что Кестльри попалъ съ самаго начала подъ вліяніе Меттерниха, и уже въ силу этого принужденъ былъ лавировать и хитрить изъ боязни передъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи и императоромъ Александромъ.

Не одни только личности и характеры союзныхъ уполномоченныхъ, но и самое свойство ихъ инструкцій могли совершенно успокоить императора Александра на счетъ возможности успѣшнаго хода переговоровъ въ Шатильонѣ. Требованія, которыя должны были предъявить представители державъ на шатильонскомъ конгрессѣ, были такого свойства, что всякій, знавшій хотя сколько-нибудь Наполеона, напередъ могъ предвидѣть, что онъ ни за что не согласится принять ихъ. Императоръ Александръ настоялъ, что объ условіяхъ, предложенныхъ черезъ Сентъ-Эньяна, не можетъ быть теперь и рѣчи, что союзники должны требовать отъ Франціи уступки всѣхъ ея завоеваній, начиная отъ временъ революціи и возстановленія ея старыхъ границъ 1792 года. Кромѣ того императоръ потребовалъ, чтобы переговоры велись не иначе, какъ сообща всѣми уполномоченными и чтобы между союзными державами господствовала полнѣйшая солидарность. Меттернихъ хорошо понималъ, къ чему клонилось это послѣднее условіе; но скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ дать согласіе на это требованіе [1]).

Еще лангрскія конференціи не были закончены, когда военныя дѣйствія возобновились, такъ сказать, сами собою, помимо воли австрійскаго генералиссимуса. Кронъ-принцъ виртембергскій, условившись съ австрійскимъ генераломъ Гіулаемъ, напалъ на маршала Мортье въ его позиціи при Баръ-сюръ-Обѣ, и послѣ жаркаго боя принудилъ отступить его къ Труа. Вслѣдъ затѣмъ двинулись впередъ и всѣ остальныя колонны большой союзной арміи. Шварценбергъ и его стратегическіе совѣтники, вынужденные противъ воли идти впередъ, оглядывались, однако-же, постоянно назадъ и за-

---

[1]) „Нѣкоторые, говоритъ Генцъ, хотѣли отнять у Франціи ея рейнскія провинціи и сдѣлать ея границами Вогезы и Арденны. Другіе намѣревались низложить Наполеона, не зная кто займетъ его мѣсто. Австрійскій кабинетъ, всегда одушевляемый умѣренными мыслями, далекъ былъ отъ всякаго сочувствія подобнымъ крайностямъ, но онъ допускалъ пользу нѣкоторыхъ земельныхъ уступокъ на лѣвомъ берегу Рейна, во-первыхъ для обезпеченія спокойствія Германіи, а во-вторыхъ, для улаженія новыхъ территоріальныхъ отношеній при заключеніи всеобщаго мира“. Депеша къ Караджѣ отъ 8-го марта.

ботились болѣе всего о томъ, чтобы при первой-же опасности возвратиться на спасительное лангрское плато. Они разсчитывали подвигаться впередъ крайне медленно, шагъ за шагомъ, избѣгать всякаго столкновенія съ непріятелемъ и попытаться оттѣснить его не силою, а сложными, искусственными маневрами [1]). По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ передовыхъ войскъ и отъ лазутчиковъ, оказывалось, что непріятель сосредоточиваетъ свои войска при Шалонѣ на Марнѣ. Вмѣсто того, чтобы идти прямо на этотъ пунктъ и схватить, по выраженію Наполеона, быка за рога, Шварценбергъ рѣшился направить свои массы на Труа, обойти такимъ образомъ правый флангъ противника и тѣмъ заставить его отступить безъ боя изъ окрестностей Шалона. Подобное движеніе сопряжено было, однако-же, съ большою опасностью. Наполеонъ могъ легко разстроить наступательное движеніе союзниковъ, двинувшись изъ Шалона черезъ Сенъ-Дизье и Жуанвиль на Шомонъ, и зайдя, такимъ образомъ, въ лѣвый флангъ и тылъ ихъ арміи, направлявшейся на Труа. Шварценбергъ трепеталъ передъ этою возможностью и старался предупредить ее двумя способами. Во-первыхъ, онъ предполагалъ двигаться на Труа съ наивозможною медленностью и возвратиться при первомъ-же признакѣ грознаго обходнаго движенія противника на лангрское плато; а во-вторыхъ, онъ требовалъ, чтобы Блюхеръ расположился съ главными своими силами у Витри на Марнѣ, выдвинулъ

[1]) Подобный способъ дѣйствій соотвѣтствовалъ, какъ нельзя болѣе, политическимъ планамъ австрійскаго двора, и вызывался, слѣдовательно, не одними военными соображеніями, какъ пытались доказать это австрійскіе публицисты съ г-номъ Онкеномъ въ хвостѣ. Въ какомъ настроеніи былъ князь Шварценбергъ и чего ожидалъ онъ самъ отъ своего наступленія, объ этомъ свидѣтельствуетъ лучше всего слѣдующій отрывокъ изъ его письма къ женѣ: „Моментъ такъ важенъ, а головы такъ малы для такого великаго дѣла. (Замѣтимъ, что Шварценбергъ говоритъ здѣсь не о своей головѣ и не о такихъ головахъ, какъ Лангенау и Дука, а о головахъ Блюхера, Штейна, Гнейзенау, В. Ф. Гумбольдта, Александра и т. д.). Не разумныя основанія, а страсти руководятъ шагами Александра. Свѣтъ, его блескъ и предразсудки, — вотъ что имѣетъ значеніе. Разумъ здѣсь безсиленъ (?). Я думаю, мы дойдемъ до Парижа и даже въ Парижъ, но найдемъ-ли мы тамъ миръ, или попадемъ въ хаосъ? Я думаю послѣднее“.

оттуда сильный отрядъ къ Арсису на Обѣ и прикрылъ-бы такимъ образомъ тылъ и сообщенія главной арміи, во время ея рискованнаго движенія на Труа. Таковъ былъ сложный планъ Шварценберга, старавшаго предупредить всякія несчастныя случайности; но какъ часто случается на войнѣ, такъ и теперь, планъ, надъ которымъ ломали голову кабинетные стратеги, разрушенъ былъ внезапно съ одной стороны самостоятельными движеніями Блюхера, а съ другой столь-же неожиданнымъ наступленіемъ Наполеона.

Блюхеръ и Гнейзенау пришли въ это время къ убѣжденію, что рѣчами и доводами, какъ-бы краснорѣчивы и основательны они ни были, невозможно достигнуть въ главной квартирѣ Шварценберга никакихъ положительныхъ результатовъ. Они рѣшились обойти главную армію, стать впереди ея, атаковать непріятеля у Шалона и заставить тѣмъ Шварценберга вступить съ своей стороны въ рѣшительный бой съ непріятелемъ. Старый вождь силезской арміи возлагалъ при этомъ всѣ свои надежды на императора Александра. Онъ твердо надѣялся, что Александръ не дозволитъ австрійцамъ оставить безъ помощи силезскую армію, что онъ принудитъ Шварценберга идти впередъ и тѣмъ самымъ вызоветъ столь желанное и столь необходимое рѣшеніе.

Составивъ свой собственный, столь не похожій на австрійскія диспозиціи планъ [1]), Блюхеръ быстро двинулся впередъ. Въ теченіе восьми дней, съ 22 по 30 января, войска его неутомимо шли впередъ, гоня передъ собою слабые отряды маршаловъ Виктора, Нея и Мармона, переправляясь черезъ рѣки, забирая штурмомъ небольшіе укрѣпленные города, лежавшіе на пути ихъ. Уже 27 января войска Блю-

---

[1]) Этотъ самостоятельный планъ былъ одобренъ впослѣдствіи императоромъ Александромъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы Блюхеръ условился предварительно и въ тайнѣ съ русскимъ императоромъ, какъ утверждаетъ это Генцъ въ депешѣ къ Караджѣ отъ 8 марта. Императоръ Александръ никогда не прибѣгалъ къ тайнымъ интригамъ и сдѣлкамъ, какъ дѣлали это его австрійскіе союзники. Онъ шелъ всегда прямыми и открытыми путями и никогда-бы не постѣснялся предписать Блюхеру то или другое движеніе, не скрывая этого отъ своихъ союзниковъ.

хера опередили главную армію и достигли береговъ Обы. Впереди всѣхъ шли русскіе корпуса силезской арміи, отряды Сакена и Олсуфьева. Первый изъ нихъ достигъ вечеромъ 27 января Бренни, второй расположился у Тремильи. Войска Іорка находились нѣсколько позади. Уже Блюхеръ спѣшилъ сосредоточить свою армію у С. Мигеля, уже онъ готовился переправиться нѣсколько выше этого пункта черезъ Обу, когда французы съ своей стороны перешли совершенно неожиданно для союзниковъ въ наступленіе.

Императоръ Наполеонъ оставался въ Парижѣ до самого 25 января, занятый всевозможными дѣлами, а всего болѣе организаціею своихъ военныхъ силъ. Зорко слѣдилъ онъ за ходомъ событій на театрѣ войны, и не принимая во вниманіе крайнее неравенство силъ, то и дѣло приходилъ въ негодованіе на образъ дѣйствій своихъ маршаловъ. Въ своихъ письмахъ и распоряженіяхъ онъ предписывалъ удерживать во чтобы-то ни стало линію Мааса и Мозеля и пришелъ въ крайнее негодованіе, когда узналъ, что Мармонъ, Викторъ и Ней отступили безъ боя передъ натискомъ силезской арміи и отошли за Маасъ, теряя такимъ „смѣшнымъ образомъ“ всѣ пограничныя области Франціи [1]). Несравненно менѣе тревожили императора печальныя политическія новости, приходившія къ нему со всѣхъ сторонъ. Къ измѣнѣ Мюрата, заключившаго въ это время формальный союзный

[1]) Негодованіе Наполеона обрушилось, главнымъ образомъ, на маршала Виктора. Бертье писалъ ему по приказанію императора отъ 17 января. „Императоръ не одобряетъ, что вы очистили Нанси. Его Величество повелѣваетъ вамъ не оставлять безъ боя линіи Мозеля. Онъ находитъ, что вы утомляете войска вашими большими переходами и придаете смѣлость непріятелю, отступая передъ нимъ безъ нужды. Ваше отступленіе заставляетъ отодвигаться назадъ герцоговъ Рагузскаго и Тревизскаго, навлекаетъ на насъ непріятеля и причиняетъ великій вредъ нашимъ дѣламъ. Особенно печально видѣть, что вы очистили Нанси передъ одною непріятельскою кавалеріею, не ожидая даже прибытія пѣхоты?“ Correspondance de Napoleon, T. 27, стр. 57.

Тотъ-же Бертье писалъ Мармону отъ того-же 17 января: „Императоръ надѣется, что вы не оставили Мецъ; онъ крайне недоволенъ на герцога Беллунскаго, (Виктора), оставившаго Нанси и отступавшаго къ Тулю; ничего не можетъ быть смѣшнѣе манеры, съ какою маршалъ этотъ очищаетъ страну“. Memoires de Marmont, T. VI, стр. 140.

договоръ съ австрійцами, Наполеонъ отнесся съ чувствомъ глубокаго презрѣнія. Нарушеніе швейцарскаго нейтралитета союзниками, ихъ отрицательное отношеніе къ его мирнымъ предложеніямъ ни въ какомъ отношеніи не были для него неожиданностью. Наполеонъ хорошо зналъ, что громадное большинство швейцарцевъ давно уже тяготится его протекторатомъ и не имѣлъ ни малѣйшаго основанія разсчитывать на вѣрность и вооруженную помощь Швейцаріи. Своимъ мирнымъ предложеніямъ Наполеонъ самъ не придавалъ никакого серьезнаго значенія; на переговоры онъ смотрѣлъ лишь какъ на средство выиграть время, и, быть можетъ, поссорить своихъ враговъ. Въ его душѣ таилось смутное представленіе, что миръ не возможенъ уже потому, что во главѣ коалиціи стоитъ императоръ Александръ, задавшійся цѣлью свергнуть его во чтобы-то ни стало съ престола Франціи. „Я могъ-бы заключить миръ въ Дрезденѣ", говаривалъ онъ въ это время, „но съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался немыслимъ" [1]).

Наполеонъ вовсе не смущался, впрочемъ, этою немыслимостью мира. Его безпокоилъ гораздо болѣе медленный ходъ его военной организаціи. Съ горечью принужденъ онъ былъ сознаться, что невозможно создать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ изъ ничего цѣлую армію. Не смотря на всѣ усилія, онъ не въ состояніи былъ открыть кампанію противъ союзниковъ со сколько-нибудь соотвѣтствующими ихъ арміямъ силами. Въ его распоряженіи было не болѣе 70,000 войска [2]),

---

[1]) См. Memoires du Duc de Rovigo, T. VI, стр. 318. „Comme aussi j'au cru m'aperce voir que c'etait alors qu'il regrettait de ne l'avoir pas faite à Dresde (миръ), avant que l'empereur de Russie eût acquis cette influence qui l'avait rendu l'arbitre des volontés de toutes les puisances de l'Europe".

[2]) Страсть новыхъ ученыхъ дѣлать повсюду открытія коснулась даже такого общеизвѣстнаго и, повидимому, безспорнаго вопроса, какъ численности обѣихъ сторонъ передъ началомъ военныхъ дѣйствій 1814 года. Онкенъ въ извѣстной уже намъ статьѣ выписываетъ цифры изъ мемуара, поданнаго на лангрской конференціи отъ имени кн. Шварценберга и замѣчаетъ: „Многіе изъ нашихъ читателей будутъ крайне изумлены узнавъ, что вся армія Шварценберга состояла въ это время изъ 97,000 ч., а войска Блюхера изъ 40,000 чел.; ибо глубоко и повсемѣстно вкоренилось у насъ убѣжденіе, что союзники

а между тѣмъ медлить далѣе не было никакой возможности. Уже враги проникли въ самую глубь его имперіи, уже они стояли въ предѣлахъ старой Франціи. Необходимо было тѣмъ или инымъ способомъ положить конецъ ихъ успѣхамъ; необходимо было оставить Парижъ и стать во главѣ арміи.

Собираясь покинуть свою столицу и поспѣшить на театръ военныхъ дѣйствій, Наполеонъ утѣшалъ себя самыми странными и обманчивыми иллюзіями. Печальные опыты минувшихъ лѣтъ—попытка безумнаго Малле, едва не увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ, недавнія сцены въ законодательномъ корпусѣ, — должны были, повидимому, раскрыть ему глаза, должны были доказать ему до очевидности, что громадное большинство французской націи относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ какъ къ его личной судьбѣ, такъ и къ судьбѣ его династіи. Онъ долженъ былъ видѣть, что его популярность исчезла вмѣстѣ съ его счастіемъ, что чувство глубокаго утомленія и страстное желаніе мира овладѣли французскимъ народомъ, но онъ закрывалъ глаза передъ этими грозными симптомами и составилъ себѣ совершенно ложное понятіе и о своемъ собственномъ положеніи, и о настроеніи націи. Онъ воображалъ, что его правленіе и даже его династія стоятъ твердо и незыблемо во Франціи, онъ думалъ, что они пустили глубокіе корни въ этой взрыхленной столькими революціонными потрясеніями почвѣ, и что никакая буря не въ состояніи опрокинуть ихъ. Нація вѣритъ въ него, она вѣритъ въ будущность его династіи, это

начали кампанію 1814 г. съ подавляющимъ превосходствомъ силъ". Читаемъ-же мы, напр., у Дельбрюка, (Перцъ, жизнь Гнейзенау IV, 18), „что союзники выступили въ первый моментъ въ поле съ десятернымъ превосходствомъ силъ, 270,000 противъ 27 000 ч." Замѣчательная вещь! Свои новыя цифры Онкенъ взялъ изъ книги Бернгарди, вышедшей вторымъ изданіемъ еще въ 1866 году. Спрашивается, гдѣ-же тѣ многіе читатели, которыхъ собирается удивить Онкенъ. Столь-же неудачна замѣтка о Дельбрюкѣ. Дельбрюкъ говоритъ не о той численности, которая показана въ запискѣ Шварценберга, а о количествѣ союзныхъ войскъ передъ вступленіемъ во Францію. Тогда дѣйствительно число союзныхъ войскъ доходило до цифры, показанной у Дельбрюка, но по вступленіи во Францію цѣлые корпуса оставлены были подъ крѣпостями и союзная армія, дѣйствовавшая въ полѣ, уменьшилась до цифры, приведенной у Шварценберга.

убѣжденіе проникало все его существо. Съ негодованіемъ и ироніею относился онъ къ тѣмъ изъ своихъ приверженцевъ, которые смотрѣли на положеніе дѣлъ иначе, нежели онъ, которые задавали себѣ съ тревогою вопросъ, что станется съ императоромъ и его династіею, если союзники успѣютъ завладѣть Парижемъ, или если они явятся съ большими силами подъ стѣнами этого города. Нашлись смѣльчаки, которые рѣшились повергнуть этотъ вопросъ на усмотрѣніе императора, какъ-разъ передъ отъѣздомъ его изъ столицы. Наполеонъ вспыхнулъ. „Это можетъ случиться лишь тогда, воскликнулъ онъ съ негодованіемъ, когда императоръ и имперія не будутъ уже существовать. Пока я живъ, до тѣхъ поръ этого не случится". Подумавъ немного, Наполеонъ добавилъ: „Допустимъ, что я потеряю генеральное сраженіе и паду самъ въ битвѣ, что союзникамъ будетъ открытъ свободный путь къ Парижу. Въ такомъ случаѣ императрица и ея сынъ должны удалиться поспѣшно за Луару. Тамъ должны собраться вокругъ нихъ правительство и армія и продолжать борьбу съ нашествіемъ. Что-же касается до Парижа, то онъ будетъ предоставленъ его участи" [1]).

Съ изумленіемъ слушали люди, хорошо знавшіе Францію и понимавшіе, что судьба государства неразрывно связана съ участью Парижа, эти странныя рѣчи императора. Никто не осмѣлился, однако-же, противорѣчить деспоту; всѣ видѣли, что его ослѣпленіе глубоко и безповоротно и поспѣшили принять видъ, что и они проникнуты незыблемою вѣрою въ полнѣйшую и неразрывную солидарность Франціи и Наполеоновской династіи. Затѣмъ поднятъ былъ вопросъ объ укрѣпленіи Парижа, на тотъ, впрочемъ, маловѣроятный случай, если-бы союзники явились въ его окрестностяхъ. Императоръ не отрицалъ необходимости укрѣпленія, но онъ опасался, чтобы фортификаціонныя работы не произвели дурнаго впечатлѣнія на Парижъ. Онъ не хотѣлъ возбуждать въ парижанахъ сомнѣнія на счетъ возможности его успѣховъ

---

[1]) Бернгарди, Т. IV, стр. 252, гдѣ извѣстіе это заимствовано изъ мемуаровъ Іосифа Бонапарте.

въ открытомъ полѣ,—и на этомъ основаніи пренебрегъ даже самыми необходимыми мѣрами предосторожности. Онъ приказалъ, правда, организовать комитетъ защиты и велѣлъ инженерамъ обслѣдовать окрестности Парижа, но это обслѣдованіе произведено было въ глубокой тайнѣ и не имѣло никакихъ послѣдствій. Императоръ отвергъ всѣ планы укрѣпленій, составленные комитетомъ и ограничилъ всѣ оборонительныя мѣры сооруженіемъ нѣсколькихъ тамбуровъ, т. е. деревянныхъ бойницъ, которые давали-бы возможность обстрѣливать боковымъ огнемъ пространство между городскими заставами. Заботливость о спокойствіи парижанъ дошла, наконецъ, до того, что самое сооруженіе тамбуровъ происходило въ глубокой тайнѣ. Ихъ дѣлали по частямъ въ мастерскихъ и собирались сложить и поставить на мѣстѣ лишь въ томъ случаѣ, когда непріятель дѣйствительно явится подъ стѣнами Парижа [1]).

Между тѣмъ пришли извѣстія, что союзники приближаются уже къ Марнѣ и Обѣ, и Наполеонъ рѣшился выѣхать къ арміи. Еще никогда отъѣздъ его не совершался при такихъ неутѣшительныхъ для него обстоятельствахъ. До сихъ поръ онъ привыкъ становиться во главѣ арміи лишь въ такіе моменты, когда въ распоряженіи его находились массы, дававшія ему возможность открывать тотчасъ-же по прибытіи рядъ смѣлыхъ и блестящихъ операцій. Теперь о такихъ массахъ не было и помину. На театрѣ военныхъ дѣйствій находилось не болѣе 65,000 человѣкъ, а всѣ подкрѣпленія, которыя могъ отправить Наполеонъ наканунѣ своего отъѣзда, состояли изъ 4,600 ч. пѣхоты, 1,700 всадниковъ и четырехъ батарей. Какъ предъ началомъ германской кампаніи, такъ и теперь Наполеонъ назначилъ на время своего отсутствія правительницею Марію-Луизу, но ея полномочія не были особенно обширны, и во всѣхъ важныхъ случаяхъ она должна была совѣтоваться: во-первыхъ, съ такъ называемымъ совѣтомъ регентства, составленнымъ изъ министровъ и государственныхъ санов-

---

[1]) Подробности объ укрѣпленіи Парижа въ запискахъ Іосифа Бонапарте. Мы пользуемся извлеченіемъ у Бернгарди.

никовъ; а во-вторыхъ, съ братомъ императора Іосифомъ, экс-королемъ испанскимъ, котораго Наполеонъ назначилъ своимъ намѣстникомъ. На Іосифа возложены были всѣ заботы о дальнѣйшихъ вооруженіяхъ; онъ былъ назначенъ начальникомъ первой военной территоріальной дивизіи; ему были подчинены всѣ гвардейскіе депо, а равно и національная гвардія города Парижа. Наполеонъ могъ безусловно разсчитывать на вѣрность и слѣпое повиновеніе своего брата, но онъ не могъ ожидать отъ него ни особенной энергіи, не распорядительности, такъ какъ бывшій испанскій король никогда не отличался этими качествами [1]).

Наполеонъ никогда не придавалъ особеннаго значенія національному патріотическому энтузіазму. Онъ былъ врагъ всякихъ шумныхъ заявленій и манифестацій, какой-бы оттѣнокъ ни носили онѣ на себѣ. Природный солдатъ, онъ не признавалъ другаго одушевленія кромѣ чисто солдатскаго; все, что носило на себѣ оттѣнокъ гражданства, все, что напоминало хотя сколько нибудь революціонныя времена, возбуждало его инстинктивное отвращеніе. Онъ никогда не сочувствовалъ такому чисто революціонному институту, какимъ была національная гвардія. Но теперь Наполеонъ вдругъ вспомнилъ, что французы привыкли считать себя гражданами, а не подданными и началъ употреблять даже въ оффиціальныхъ бумагахъ столь непріятное для него до сихъ поръ слово, citoyennes. Онъ началъ любезничать съ національною гвардіею, хотя въ глубинѣ души относился къ ней съ величайшимъ презрѣніемъ. Наконецъ, передъ самымъ отъѣздомъ къ арміи, онъ устроилъ даже одну изъ тѣхъ театральныхъ сценъ, въ аранжировкѣ которыхъ онъ былъ такой великій мастеръ [2]). Всѣ офицеры парижской національной гвардіи приглашены были на торжественное богослуженіе въ

---

[1]) Инструкція Іосифу Бонапарте напечатана въ 27 томѣ Correspondance de Napoleon, стр. 84—91.

[2]) Вся послѣдующая сцена изложена у насъ на основаніи Memoires du duc de Rovigo, т. VI, стр. 314—317. См. также мемуары Дюрандъ, придворной дамы Маріи Луизы, въ которыхъ всей этой сценѣ приданъ слишкомъ сентиментальный и мало достовѣрный характеръ стр. 183 и 184.

придворную церковь тюльирійскаго дворца. По окончаніи мессы офицеры были собраны въ такъ называемомъ маршальскомъ залѣ. Едва только построились они въ ряды, какъ одновременно открылись двѣ двери на противоположныхъ сторонахъ залы. Въ одну дверь вошелъ Наполеонъ, ведя подъ руку императрицу; въ другую вступила мадамъ де-Монтескью, держа на рукахъ римскаго короля. Среди всеобщей, глубокой тишины Наполеонъ подошелъ къ своему сыну, велѣлъ поставить его на полъ, взялъ его за руку, а за другую руку взяла его императрица и обратился къ офицерамъ съ такими словами:

„Господа офицеры національной гвардіи города Парижа! съ удовольствіемъ вижу я васъ вокругъ себя. Я разсчитываю выѣхать въ эту ночь, дабы стать во главѣ моей арміи. Оставляя столицу, я оставляю съ довѣріемъ въ вашей средѣ мою жену и моего сына, на которыхъ возлагается столько надеждъ. Я плачу̀ этимъ довѣріемъ за ту преданность, которую оказывали вы мнѣ во всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни. Я уѣзжаю спокойно, зная, что они будутъ находиться подъ вашею охраною. Я оставляю вамъ и поручаю вашимъ заботамъ то, что для меня послѣ Франціи дороже всего въ мірѣ. Можетъ случиться, что непріятель, пользуясь моими маневрами, найдетъ случай приблизиться къ вашимъ стѣнамъ. Если это случится, помните, что такая случайность можетъ продолжаться лишь нѣсколько дней, ибо я не замедлю поспѣшить къ вамъ на помощь. Я совѣтую вамъ дѣйствовать согласно и противиться всѣмъ попыткамъ, направленнымъ къ вашему разъединенію. Не будетъ недостатка въ стремленіяхъ поколебать вашу вѣрность, но я увѣренъ, что вы отвергнете всѣ подобныя коварныя внушенія“.

Наполеонъ говорилъ свою рѣчь съ видимымъ одушевленіемъ. Произнося послѣднія слова, онъ взялъ на руки малютку и прошелъ съ нимъ вдоль рядовъ офицеровъ. Энтузіазмъ овладѣлъ присутствующими при этомъ зрѣлищѣ. Восторженные клики: да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ императрица! да здравствуетъ король римскій! раздались въ залѣ. Наполеонъ достигъ своей цѣли. Ему казалось, что эти воз-

гласы громко свидѣтельствуютъ о преданности парижскаго населенія его особѣ и его династіи. Онъ не подозрѣвалъ, что шумная манифестація вызвана была лишь моментальнымъ и скоропреходящимъ настроеніемъ его слушателей.

Не безъ тяжелаго чувства покидалъ Наполеонъ тюльирійскій дворецъ. Какой-то внутренній голосъ шепталъ ему, что все кончено, что онъ никогда не увидитъ болѣе этихъ роскошныхъ залъ, что онъ разстается на-вѣки съ своимъ сыномъ. Самоувѣренность, никогда не покидавшая его, поколебалась въ тотъ моментъ отъѣзда. „Прощайте господа“, сказалъ онъ собравшимся вокругъ него министрамъ и сановникамъ, „быть можетъ увидимся!“ Было что-то странное, безнадежное въ тонѣ, которымъ произнесены были эти слова. Нѣкоторымъ изъ присутствующихъ вдругъ показалось, что они въ послѣдній разъ видятъ своего императора [1]).

Наполеонъ путешествовалъ съ необычайною быстротою. 25 января вечеромъ онъ выѣхалъ изъ Парижа и уже на другое утро былъ въ Шалонѣ. Его войска занимали въ этотъ моментъ слѣдующія позиціи. Между Шалономъ и Витри стояли корпуса Мармона, Виктора и Нея, всего около 46,600 ч.; близь Труа, у Вандевра расположены были войска Мортье, усиленные въ послѣдніе дни до 20,500 ч., тогда какъ маршалъ Макдональдъ находился съ 10,000 ч. у Мезьера. Всего въ распоряженіи императора французовъ находилось слѣдовательно около 71,000 чел., въ томъ числѣ 16,100 всадниковъ. Наполеонъ не могъ не знать, что непріятель, стоявшій вблизи отъ него, располагалъ почти что тройнымъ количествомъ силъ, но не колеблясь ни минуты, онъ порѣшилъ тотчасъ-же перейти въ наступленіе. Съ недоумѣніемъ встрѣ-

---

[1]) Таково было впечатлѣніе, произведенное на Савари. I'avais l'honneur d'etre chez lui ce soir-là: il m'accabla de tristesse, parce qu'il me fit l'effet de quelqu'un qui fait un dernier adieu. Memoires du duc de Rovigo. T. VI, стр. 317. „Прощаніе Наполеона съ императрицею и маленькимъ принцемъ, съ женою и ребенкомъ, какъ выражался онъ самъ, было долгое и мучительное; онъ едва могъ оторваться отъ нихъ, и императрица все вновь обнимала его. Быть можетъ, онъ предчувствовалъ уже тогда, что онъ никогда не увидитъ болѣе ихъ обоихъ“. Мемуары Дюрандъ, нѣмецкій переводъ, стр. 186.

тили его маршалы, ожидавшіе, что онъ явится въ арміи въ сопровожденіи цѣлыхъ массъ свѣжаго войска. Еще только что прочли они въ Монитерѣ, что въ Шалонѣ сформированъ цѣлый лагерь. Мармонъ отважился спросить императора, что означаетъ это извѣстіе и какъ велики подкрѣпленія приведенныя имъ въ арміи. „Я не привелъ никакихъ подкрѣпленій. Я пріѣхалъ въ Шалонъ одинъ", отвѣчалъ ему спокойно Наполеонъ.—„Но съ кѣмъ же пойдете вы на непріятеля?" возразилъ ему маршалъ.—„Мы попытаемъ счастье съ тѣмъ, что у насъ есть подъ руками. Быть можетъ оно будетъ благоволить намъ" [1]).

Наполеонъ не терпѣлъ никакихъ возраженій, и его подчиненные очень хорошо знали это. Онъ составлялъ свои планы въ невѣроятно короткое время и принявъ какое либо рѣшеніе, приводилъ его тотчасъ же въ исполненіе. Такъ дѣйствовалъ онъ всегда, такъ поступилъ онъ и теперь. Ознакомившись съ расположеніемъ непріятельскихъ силъ, онъ вознамѣрился двинуть свои войска отъ Витри вверхъ по Марнѣ на С.-Дизье, Жуанвиль и Шомонъ [2]). Онъ разсчитывалъ отрѣзать этимъ маневромъ силезскую армію отъ главной, разбить Блюхера по частямъ и обратиться вслѣдъ за тѣмъ на Шварценберга, массы котораго Наполеонъ предполагалъ между Шомономъ и Лангромъ. Уже 27 января французы двинулись впередъ. Впереди всѣхъ шелъ маршалъ Викторъ съ своимъ корпусомъ и кавалеріею Мильго, за нимъ слѣдовали Мармонъ, Ней съ молодою гвардіею и позади всѣхъ Удино. Въ С.-Дизье Викторъ наткнулся на авангардъ силезской арміи, подъ начальствомъ Ланскаго и послѣ упорной схватки вытѣснилъ его изъ города. Наполеонъ старался придать этому незначительному дѣлу самые громадные размѣры. Въ своихъ бюллетеняхъ и письмахъ онъ превратилъ эту кавалерійскую схватку въ крупную побѣду надъ цѣлымъ не-

---

[1]) Memoires de Marmont, T. VI, стр. 27. „Слыша подобныя слова, мнѣ казалось, что я грежу".

[2]) О распоряженіяхъ и планахъ Наполеона тотчасъ-же по прибытіи въ Шалонъ, см. Correspondance, T. VI, стр. 91—92.

пріятельскимъ корпусомъ. Маршалъ Бертье увѣдомлялъ, по его приказанію, начальниковъ отдаленныхъ отрядовъ, что движенія императора увѣнчались успѣхомъ, что онъ стоитъ уже въ тылу и на сообщеніяхъ непріятеля съ прекрасною и многочисленною арміею.

Въ С.-Дизье Наполеонъ получилъ, однако-же, новыя свѣдѣнія о движеніи непріятельскихъ колоннъ и эти извѣстія побудили его измѣнить свои собственныя намѣренія. Императору доносили, что часть силезской арміи, корпуса Сакена и Олсуфьева прошли уже черезъ С.-Дизье и направляются къ Обѣ, вѣроятно на соединеніе съ главными силами союзниковъ, тогда какъ корпусъ Іорка находится еще далеко позади на Маасѣ. Наступилъ, казалось, удобный моментъ, чтобы разбить непріятеля по частямъ и Наполеонъ спѣшилъ воспользоваться этимъ моментомъ [1]). Оставивъ Мармона въ С.-Дизье, императоръ двинулся вправо съ корпусами Виктора и Нея, направляясь на Бріеннъ и Ла-Ротьеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ приказъ маршалу Мортье двинуться къ нему на встрѣчу черезъ Арсисъ и составить правое крыло французской арміи.

Свѣдѣнія, полученныя Наполеономъ, были, однако-же, не вполнѣ точны и его распоряженія не вполнѣ основательны. Блюхеръ занималъ уже въ это время съ своими войсками Бріеннъ и окрестности, и въ его распоряженіи находилось около 30,000 войска и, что самое важное, въ тылу его находились и притомъ по близости два корпуса главной арміи подъ начальствомъ кронпринца виртембергскаго и генерала Гіулая. Занимая такое выгодное положеніе, Блюхеръ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія опасаться наступленія Наполеона. Къ тому-же казаки успѣли перехватить офицера, ѣхавшаго съ приказаніями Наполеона къ маршалу Мортье и изъ найденныхъ при немъ депешъ главнокомандующій силезской арміи узналъ о всѣхъ намѣреніяхъ своего противника, равно какъ и о силахъ, бывшихъ въ его распоряже-

---

[1]) См. письмо Наполеона къ военному министру Кларке, отъ 28-го января Correspondance, T. VI, стр. 97.

нія. Блюхеръ рѣшился стянуть свои войска въ Бріенни и отразить силою наступательную попытку Наполеона; въ случаѣ-же крайности, онъ намѣревался отступить въ заранѣе избранную имъ крѣпкую позицію при Траннѣ, позади Бріенни и удерживаться въ ней до прибытія главной арміи союзниковъ. О всѣхъ своихъ предположеніяхъ Блюхеръ поспѣшилъ увѣдомить князя Шварценберга.

Въ главной союзной квартирѣ извѣстіе о появленіи Блюхера впереди союзной арміи произвело настоящій переполохъ. Шварценбергъ и его совѣтники были въ отчаяніи. Произвольное и неожиданное движеніе Блюхера, его бѣшеные порывы разстроили всѣ ихъ хитросплетенія. Не имѣя никакихъ точныхъ свѣдѣній о движеніяхъ непріятеля, австрійскіе стратеги вообразили, что правый флангъ ихъ арміи, открытый теперь Блюхеромъ, подвергнется нападенію Наполеона и въ виду этой ужасной возможности, они совершенно забыли о своемъ колоссальномъ численномъ превосходствѣ и окончательно потеряли голову [1]). Они пытались сначала уговорить Блюхера укротить свой воинственный пылъ и усвоить себѣ ихъ стратегическую систему; но отправленный съ этою цѣлію въ главную квартиру силезской арміи полковникъ Штейнгечъ возвратился съ рѣшительнымъ отвѣтомъ Блюхера, въ которомъ старый фельдмаршалъ оправдывалъ свой образъ дѣйствія и убѣждалъ съ своей стороны Шварценберга дѣй-

---

[1]) „Блюхеръ", писалъ Меттерниху Шварценбергъ отъ 29-го января, „бѣжитъ впередъ какъ школьникъ, пренебрегая всѣми правилами военнаго искусства. Онъ бросается на Бріеннь, въ то время какъ непріятель, пользуясь этою ошибкою, двигаетъ 35,000 человѣкъ черезъ С.-Дизье на Жуанвиль. Непріятель можетъ имѣть намѣреніе обойти нашъ правый флангъ и броситься на наши сообщенія... Постъ при Жуанвилѣ становится при такихъ обстоятельствахъ крайне интересенъ и не можетъ быть оставленъ на произволъ судьбы, а потому я двигаю въ этомъ направленіи весь корпусъ Вреде съ приказаніемъ согласовать свои движенія съ движеніями Витгенштейна, которому я далъ еще раньше это направленіе и который долженъ прибыть въ Жуанвиль сегодня". Шварценбергъ досадовалъ не на одного Блюхера и его легкомысленныхъ совѣтниковъ, но и на императора Александра. Въ томъ-же письмѣ мы читаемъ: „Но это возвышенное легкомысліе, пренебрегающее всѣми правилами благоразумія въ связи съ этимъ смѣшнымъ порывомъ побывать поскорѣе въ Пале-Роялѣ, можетъ погубить всѣ плоды нашихъ усилій. Въ главной квартирѣ арміи только

ствовать смѣло и рѣшительно противъ непріятеля, слабаго численностью, а еще болѣе духомъ. Такой отвѣтъ Блюхера усилилъ еще болѣе тревогу Шварценберга. Немедленно пріостановилъ онъ начатое его арміею движеніе къ Труа и поспѣшилъ выдвинуть на свой правый флангъ корпуса Вреде и Витгенштейна для предупрежденія воображаемой опасности со стороны Наполеона. Едва только успѣли составить и разослать австрійцы эти новыя диспозиціи, какъ пришло уже извѣстіе о кровавомъ столкновеніи Блюхера съ самимъ Наполеономъ.

Императоръ французовъ двинулся къ Бріенни не со всѣми своими войсками. Принужденный оставить у С.-Дизье и Васи весь корпусъ Мармона для предупрежденія нападенія Іорка, наступавшаго со стороны Мааса, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего лишь 27,000 человѣкъ; но не имѣя точныхъ свѣдѣній ни о численности Блюхера, ни о близости его къ главнымъ силамъ союзниковъ, онъ смѣло шелъ впередъ, разсчитывая истребить однимъ ударомъ самаго опаснаго изъ своихъ враговъ. Его войска наступали одною большою колонною; впереди шла кавалерія, за нею слѣдовала пѣхота и молодая гвардія. Около полудня 29-го января французы достигли окрестностей Бріенни и немедленно выстроились въ боевой порядокъ. Съ своей стороны Блюхеръ измѣнилъ въ послѣдній моментъ свои намѣренія. Онъ не предполагалъ вступать у Бріенни въ рѣшительный бой съ непріятелемъ,

---

и мечтаютъ о Парижѣ. Какъ-бы императоръ Александръ не добился второго урока подобнаго, полученному имъ подъ Люценомъ. Онъ будетъ обязанъ имъ тѣмъ-же господамъ, которые усматривали въ спасительномъ перемиріи, состоявшемся, благодаря мудрости австрійскаго кабинета, гибель двухъ націй. Эти-же самые господа кричатъ теперь неустанно, распивая шампанское, въ Парижъ! Но чтобы попасть туда, слѣдовало-бы позаботиться о средствахъ. И что-же? Вмѣсто того, чтобы прикрыть мой правый флангъ, они заставляютъ меня раздроблять мою армію, дабы прикрыть ихъ тылъ. Это значитъ маневрировать, подобно свиньямъ. Да спасетъ насъ небо отъ этого безпримѣрнаго замѣшательства!“ Письмо оканчивается трогательною фразою, бросающею яркій свѣтъ на всю политику австрійскаго двора: „Не покидайте меня, мой дорогой другъ. Вы обѣщали мнѣ во Франкфуртѣ, когда я взялся руководить энергически военными операціями, двигать впередъ мирные переговоры. Я сдержалъ мое слово, но, увы, какъ далеко отстали вы отъ меня!“

а разсчитывалъ держаться въ городѣ до тѣхъ поръ, пока войска Сакена, составлявшія главную массу его силъ, успѣютъ отойти на крѣпкую позицію при Траннѣ. Съ этою цѣлью Блюхеръ выдвинулъ впередъ бывшую при немъ русскую кавалерію подъ начальствомъ графа Палена, занялъ городъ Бріеннь небольшимъ пѣхотнымъ отрядомъ Олсуфьева и отдалъ приказъ Сакену отходить постепенно и не торопясь съ своимъ корпусомъ къ Транну. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Блюхеръ спокойно выжидалъ наступленіе противника, намѣреваясь воспользоваться каждою его оплошностью [1]).

Между тѣмъ непріятель не обнаруживалъ въ своихъ движеніяхъ ни особенной энергіи, ни рѣшительности. Французская кавалерія развернулась въ равнинѣ передъ Бріеннью, но не выказывала особеннаго желанія атаковать далеко уступавшую ей въ числѣ конницу Палена. Послѣ нѣкотораго колебанія, французы начали наконецъ обходить лѣвый флангъ русскихъ, тогда Паленъ, исполняя заранѣе отданное ему приказаніе, сталъ отходить назадъ медленно и въ стройномъ порядкѣ. Только у самого города двѣ драгунскихъ дивизіи французовъ рѣшились наконецъ броситься въ атаку, но встрѣтили самый энергическій отпоръ. Драгуны обращены были въ бѣгство и оставили въ рукахъ русскихъ три артиллерійскихъ орудія. Этотъ уронъ произвелъ видимое впечатлѣніе на французовъ. Ихъ кавалерія не рѣшалась въ теченіе цѣлаго дня ни на одну дальнѣйшую атаку.

Уже пробило четыре часа пополудни и пѣхота Сакена прошла уже черезъ Бріеннь, когда Наполеонъ двинулъ, наконецъ, на русскихъ свою пѣхоту. Бригадный генералъ Шато съ нѣсколькими баталіонами получилъ приказаніе обойти городъ съ правой стороны и попытаться захватить врасплохъ бріеннскій замокъ, построенный на холмѣ къ западу отъ города и окруженный садами, террасами, дворами и нѣсколькими каменными оградами. Шесть баталіоновъ подъ начальствомъ генерала Девуца должны были атаковать го-

[1]) Подробности о сраженіи при Бріенни см. Плото, т. III, стр. 103 — 106; Бернгарди, т. IV, стр. 274—78.

родъ съ фронта, тогда какъ дивизія Дюгема должна была повести главную атаку съ восточной стороны. Въ то время какъ войска Шато тихо и незамѣтно двинулись въ обходъ города, Декуцъ послѣ упорнаго боя съ Олсуфьевымъ успѣлъ ворваться въ улицы Бріенни и захватить даже два орудія, но всѣ его попытки проникнуть далѣе встрѣтили самый энергическій отпоръ. Между тѣмъ Дюгемъ построилъ свою дивизію на совершенно открытой равнинѣ и двинулся на городъ. Блюхеръ, зорко слѣдившій за всѣми движеніями непріятеля, только и ожидалъ этого момента. Его кавалерія, эскадроны Палена и Васильчикова, — всѣ безъ исключенія русскія войска, — были наготовѣ. Старый фельдмаршалъ самъ сталъ во главѣ ихъ. Онъ обнажилъ саблю и хорошо знакомымъ русскимъ солдатамъ словомъ „Пошелъ!“ скомандовалъ въ атаку. Съ крикомъ ура бросились впередъ русскіе всадники за своимъ любимымъ вождемъ. Ничто не могло противостать ихъ отважному и дружному натиску. Нападеніе было такъ внезапно и такъ быстро, что французскіе батальоны не успѣли даже построиться въ карре. Они были опрокинуты и смяты почти мгновенно. Вся дивизія Дюгема бѣжала въ дикомъ безпорядкѣ. Цѣлые батальоны были истоптаны и изрублены; другіе, пораженные паническимъ страхомъ, разбѣжались во всѣ стороны. Вся артиллерія дивизіи осталась на мѣстѣ боя. Въ этотъ-же самый моментъ войска Олсуфьева отчаяннымъ натискомъ выбросили изъ города батальоны Декуца и взяли обратно отбитые у нихъ два орудія.

Уже вечерѣло и сраженіе, повидимому, окончилось полною побѣдою русскихъ. Блюхеръ и Гнейзенау спокойно возвратились въ бріенньскій замокъ, гдѣ находилась главная квартира, осмотрѣли еще разъ съ террасы, на сколько дозволяла эта наступившая темнота, окрестности, и не замѣтивъ ничего подозрительнаго, собирались сѣсть за ужинъ. Какъ вдругъ въ замкѣ поднялась страшная тревога. Ружейные выстрѣлы, дикіе крики раздались во дворахъ и корридорахъ. Еще моментъ и непріятельскіе солдаты хлынули со всѣхъ сторонъ въ замокъ. То были застрѣльщики генерала Шато. Положеніе Блюхера и Гнейзенау было самое отчаян-

ное. Слабый конвой, находившійся при нихъ, не въ состояніи былъ бороться съ многочисленными непріятелями. Многіе изъ штабныхъ офицеровъ были убиты на ихъ глазахъ. Но старый фельдмаршалъ и его начальникъ штаба не потеряли присутствія духа. Они успѣли пробраться въ дворъ, гдѣ стояли уже наготовѣ ихъ осѣдланные кони и благополучно спаслись въ городъ отъ своихъ многочисленныхъ преслѣдователей [1]).

Старый Блюхеръ страшно негодовалъ на коварное нападеніе непріятеля. Въ пылу гнѣва онъ забылъ на одинъ моментъ свои планы и рѣшился во что бы то ни стало выгнать французовъ изъ замка. Войска Олсуфьева, подкрѣпленныя четырьмя полками изъ корпуса Сакена, бросились на штурмъ. Загорѣлась отчаянная свалка. Французы бросали на Бріеннь бомбы и гранаты и вскорѣ городъ запылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Яркое зарево пожара освѣщало мѣсто побоища. Русскіе солдаты, тамбовцы, костромичи и егеря дрались какъ львы, но французы оборонялись отчаянно и всѣ преимущества мѣстности были на ихъ сторонѣ. Вскорѣ самъ Блюхеръ убѣдился въ безполезности дальнѣйшаго кровопролитія. Онъ приказалъ прекратить штурмъ замка и послѣ полуночи русскія войска очистили городъ, находившійся до тѣхъ поръ всецѣло въ ихъ рукахъ и расположились на позиціи у Транна.

Наполеонъ не могъ быть особенно доволенъ результатами этого кроваваго дня. Всѣ его выгоды ограничивались занятіемъ Бріенни, но тактическія преимущества были несомнѣнно на сторонѣ противника. Русскіе не только отбили всѣ его атаки, но и отняли у него 11 орудій, тогда какъ въ рукахъ его не осталось никакихъ трофеевъ. Само собою понятно, что Наполеонъ выдавалъ сраженіе при Бріенни не только въ своихъ бюлетеняхъ, но даже въ своихъ частныхъ письмахъ къ брату Іосифу и другихъ лицамъ за побѣду [2]),

---

[1]) Подробности о сценѣ въ замкѣ у Шерра Blücher etc. Т. III, стр. 387—88; Кейзерлингъ, Erinnerungen aus der Kriegszeit. Т. II, стр. 138.

[2]) „Я имѣлъ жаркое дѣло 29 числа подъ Бріенныю. Я атаковалъ всю армію маршала Блюхера и генерала Сакена въ составѣ 80,000 пѣхоты и многочи-

но онъ самъ принужденъ былъ сознаться, что эта побѣда была куплена дорогою цѣною. Его потери убитыми, ранеными и плѣнными доходили въ этотъ день, по его собственнымъ словамъ, до 3000 ч., а въ дѣйствительности онѣ были вѣроятно еще значительнѣе. Потеря вдвойнѣ тяжелая, почти невознаградимая, при его стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Въ теченіе всего 29-го января, въ то время какъ въ Бріенни кипѣлъ отчаянный бой, австрійскіе стратеги ожидали нападенія со стороны Жуанвиля, хотя генералъ Вреде, выдвинутый въ этомъ направленіи съ своимъ корпусомъ, неоднократно доносилъ, что о непріятелѣ нѣтъ съ этой стороны даже и слуху. Только въ три часа утра прибылъ, наконецъ, въ главную квартиру адъютантъ Блюхера и раскрылъ глаза австрійцамъ. Блюхеръ увѣдомлялъ, что всѣ войска его сосредоточены на позиціи при Траннѣ и что онъ надѣется удержаться здѣсь и въ теченіе слѣдующаго дня. Какъ ни успокоительны были въ сущности эти вѣсти, но онѣ только усилили тревожное настроеніе Шварценберга и его совѣтниковъ. Они находили, что положеніе Блюхера крайне опасное, почти отчаянное, что онъ можетъ подвергнуться совершенному истребленію. Они полагали, что ихъ собственная задача заключается вовсе не въ томъ, чтобы подкрѣпить Блюхера, а чтобы выручить его, если возможно, изъ его безвыходнаго положенія [1]).

сленной конницы. Я атаковалъ ихъ съ 10,000 ч. тотчасъ-же послѣ утомительнаго перехода. Я имѣлъ счастіе завладѣть въ самомъ началѣ боя замкомъ, господствующимъ надъ всею окрестностью. Такъ какъ атака началась за часъ до темноты, то пришлось биться всю ночь. Блюхеръ былъ разбитъ; у него взяли отъ 500 до 600 плѣнныхъ, убито и ранено отъ 3 до 4000 ч. Онъ принужденъ былъ отозвать всѣ свои отряды, направленные въ сторону Парижа, дабы отступить къ Бару на Обѣ". Въ заключеніе Наполеонъ увѣряетъ, что онъ-бы совершенно истребилъ непріятеля, если-бы въ его распоряженіи были болѣе старыя и опытныя войска. Такъ писалъ Наполеонъ своему военному министру, т. е. тому лицу, отъ котораго онъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія скрывать истину. Легко себѣ послѣ этого представить, что онъ писалъ другимъ и что приказывалъ писать въ своихъ бюлетеняхъ. Correspondance de Napoleon. T. 27, стр. 103.

[1]) Такъ свидѣтельствуетъ Толль у Бернгарди, т. IV, стр. 278.

По всегдашнему австрійскому обычаю, созванъ былъ немедленно военный совѣтъ. Императоръ Александръ и король прусскій, только что прибывшіе изъ Лангра, принимали участіе въ совѣщаніи, но главную роль играли, какъ и всегда, австрійскіе генералы. Результаты совѣщанія были также чисто австрійскіе. Несмотря на настойчивыя требованія императора Александра подкрѣпить какъ можно скорѣе Блюхера, совѣтъ остановился частью на полумѣрахъ, частью на такихъ рѣшеніяхъ, которыя могли быть приведены въ исполненіе никакъ не ранѣе, какъ черезъ двое сутокъ. Кронпринцу виртембергскому и Гіулаю отданъ былъ приказъ быть наготовѣ помочь Блюхеру; всѣмъ-же остальнымъ колоннамъ разослана была диспозиція, предписывавшая имъ концентрическое движеніе къ Бріенни. Къ счастію для союзниковъ положеніе Блюхера вовсе не было такъ отчаянно, какъ казалось это въ главной квартирѣ, а силы Наполеона вовсе не такъ велики, чтобы онъ могъ отважиться атаковать съ ними траннскія высоты. Обстоятельства сложились такъ, что даже медленныя и плохо разсчитанныя комбинаціи австрійскаго штаба не могли не увѣнчаться въ концѣ концовъ довольно значительнымъ результатомъ.

Наполеонъ былъ крайне обрадованъ, узнавъ утромъ 30 января, что русскіе очистили Бріеннь. Предполагая, что Блюхеръ будетъ отступать на главныя силы союзниковъ, императоръ рѣшился преслѣдовать его энергически. Съ этою цѣлью онъ выдвинулъ впередъ свою кавалерію, но уже тотчасъ-же за Бріенною французы наткнулись у деревень Дивиль и Ла-Ротьеръ на конницу Палена и встрѣченные артиллерійскимъ огнемъ принуждены были остановиться въ недоумѣніи. Густой туманъ покрывалъ всѣ окрестности и французскіе генералы не имѣли даже возможности опредѣлить съ какимъ противникомъ имѣютъ они дѣло. Туманъ разсѣялся около часу дня, но и послѣ этого французы не предприняли ничего рѣшительнаго и ограничились одною канонадою. Съ своей стороны Паленъ медленно отошелъ къ траннскимъ возвышенностямъ и присоединился здѣсь къ остальнымъ войскамъ Блюхера. Французская кавалерія не

отважилась слѣдовать за нимъ. Самъ Наполеонъ находилъ, что атака траннскихъ позицій невозможна. Онъ приказалъ занять лишь деревни, лежавшія между Транномъ и Бріенною, въ томъ числѣ Динвиль и Ла-Ротьеръ, притянулъ къ себѣ дивизію Жерара и отдалъ приказъ Мармону спѣшить къ нему на помощь со всѣми своими войсками.

И въ теченіе всего слѣдующаго дня, 31-го января, Наполеонъ оставался въ выжидательномъ положеніи. Правда, онъ придвинулъ свои передовыя войска еще ближе къ позиціямъ Блюхера, занялъ пѣхотою даже больесвій лѣсъ, лежавшій у самой подошвы траннской возвышенности, но не обнаружилъ при этомъ ни малѣйшаго желанія атаковать Блюхера, съ нетерпѣніемъ и съ увѣренностью ожидавшаго его нападенія. Положеніе Наполеона было въ эти дни въ высшей степени затруднительное. Онъ отлично сознавалъ всю недостаточность своихъ силъ для серьезнаго нападенія даже на одного Блюхера, онъ зналъ, что вблизи находится вся армія Шварценберга, и что союзники могутъ атаковать его превосходными силами и съ фронта и съ фланговъ. Онъ долженъ былъ понимать, что при подобныхъ обстоятельствахъ для него не остается иного исхода, какъ возможно скорѣйшее отступленіе, но онъ не рѣшался подать сигналъ къ этому отступленію, опасаясь не столько военныхъ, сколько политическихъ его послѣдствій. Онъ дрожалъ передъ убійственнымъ впечатлѣніемъ, которое должна произвести во всей Франціи вѣсть, что онъ принужденъ былъ начать отступленіе уже послѣ перваго столкновенія съ непріятелемъ, столкновенія, разглашеннаго имъ повсюду за великую побѣду, уже черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія своего къ арміи. Этотъ, столь чуждый ему въ прежнее время, страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ повергалъ его теперь въ крайнюю нерѣшительность. Онъ продолжалъ стоять въ виду непріятеля съ силами во всѣхъ отношеніяхъ недостаточными, на позиціи почти открытой, не защищенной природою. Онъ самъ понималъ, что онъ дѣйствуетъ ошибочно; но его прежде столь сильная и непреклонная воля смущалась теперь даже призраками, трепетала передъ тѣмъ самымъ общественнымъ

мнѣніемъ, къ которому онъ всегда относился съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ [1]).

Бездѣйствіе Наполеона дало возможность союзникамъ окончить всѣ свои приготовленія и окружить почти со всѣхъ сторонъ его позиціи своими колоннами. Императоръ Александръ, тщательно слѣдившій за всѣми движеніями своихъ и непріятельскихъ войскъ, пришелъ къ окончательному и твердому рѣшенію, атаковать Наполеона всѣми силами, вырвать команду надъ союзными войсками, хотя на нѣсколько дней, изъ рукъ Шварценберга и его штаба и передать ее въ болѣе достойныя и умѣлыя руки. 31 января императоръ прибылъ въ Шомонъ въ сопровожденіи короля прусскаго и тотчасъ-же отправился на квартиру Шварценберга. Онъ заявилъ князю, что, по его убѣжденію, слѣдуетъ атаковать непріятеля непремѣнно на слѣдующій-же день. Шварценберъ не могъ ничего возразить противъ такого мнѣнія и тотчасъже поспѣшилъ согласиться съ нимъ. Тогда Александръ выдвинулъ другой вопросъ и, соблюдая всю свойственную ему деликатность, спросилъ, кому слѣдуетъ вручить начальство надъ союзными арміями на слѣдующій день. На лицо, замѣтилъ онъ, двѣ арміи и два главнокомандующіе и само собою является вопросъ, кто изъ нихъ долженъ распоряжаться завтрашній день на полѣ битвы. Такой вопросъ не долженъ оскорблять ни чьего самолюбія; всякое личное чувство должно преклониться передъ великими интересами человѣчества, поставленными теперь на карту. Онъ увѣренъ, что оба главнокомандующіе какъ Блюхеръ, такъ и Шварценбергъ, охотно и съ полнымъ самоотверженіемъ откажутся отъ перваго мѣста въ пользу другаго. Питая одинаковое уваженіе и довѣріе

---

[1]) Наполеонъ писалъ на другой день послѣ сраженія при Бріенни брату своему Іосифу: „Depuis ce combat de Brienne, nos armees sont en grande réputation chez les alliés. Ils ne croyaient plus à l'existence de nos armees.. Cette affaire de Brienne, la position de nos armees et l'opinion qu'on en a pourraient accelérer la conclusion de la paix. Il est convenable que les journaux montrent Paris dans l'intention de se defendre, et beaucoup de troupes comme y arrivant de tous cotes“. Понятно, что въ виду такого настроенія и такихъ взглядовъ, Наполеонъ не могъ отступить. Correspondance de Napoleon, т. 27. Письмо къ королю Іосифу, стр. 110.

къ обоимъ полководцамъ, онъ, императоръ, полагаетъ, однако же, что фельдмаршалу Блюхеру, выдержавшему съ такимъ геройствомъ первый натискъ Наполеона, и имѣющему самыя точныя и полныя свѣдѣнія о силахъ и расположеніи непріятеля, подобаетъ принять на себя высокую честь и тяжелую отвѣтственность вести завтра въ бой союзныя войска.

Никто не рѣшился возражать противъ рѣчи Александра, но до насъ не дошло также извѣстія, чтобы кто нибудь изъ присутствующихъ отважился поддержать его мнѣніе. Князь Шварценбергъ самъ вывелъ всѣхъ изъ затруднительнаго, почти неловкаго положенія. Джельтменъ съ головы до ногъ, благородный по натурѣ и чуждый всякаго мелочнаго честолюбія, онъ всегда привыкъ ставить свои частные интересы ниже интересовъ общихъ. Такъ поступалъ онъ въ другихъ трудныхъ случахъ своего командованія, такъ поступилъ онъ и теперь. Онъ изъявилъ полную готовность уступить на завтрашній день первое мѣсто Блюхеру и онъ сдѣлалъ это безъ всякой горечи и безъ всякихъ заднихъ мыслей. Никогда, впослѣдствіи, не упоминалъ онъ объ этомъ щекотливомъ дѣлѣ и никогда ни единымъ словомъ, или намекомъ не высказывалъ своего недовольства, и не смотрѣлъ на предложеніе императора Александра, какъ на личную для себя обиду [1]).

Но любезность и уступчивость одной стороны обязывала при извѣстной мягкости характера къ тому-же и другую сторону. Самъ императоръ Александръ, обрадованный и тронутый самоотверженнымъ поступкомъ князя, не рѣшился устранить его вовсе отъ команды, отнять у него всѣ войска и подчинить ихъ хотя-бы на одинъ день Блюхеру [2]). Онъ нашелъ возможнымъ усилить армію Блюхера лишь нѣсколькими корпусами большой арміи, а остальные отряды ея оставить подъ начальствомъ Шварценберга. Эта нѣсколь-

[1]) См. Плото, т. III, стр. 110; Бернгарди, т. IV, стр. 292.

[2]) Формально начальство осталось за Шварценбергомъ; общая диспозиція была составлена отъ его имени, но въ этой диспозиціи относительно войскъ Блюхера сказано было только, что они произведутъ нападеніе на непріятеля совокупно съ 3-мъ и 4-мъ корпусами главной арміи, которые подчиняются на этотъ день фельдмаршалу Блюхеру по диспозиціи, составленной симъ послѣднимъ. См. текстъ дис. Плото, т. III, стр. 112—113.

ко странная мѣра одобрена была всѣми присутствующими. Было постановлено, что корпуса кронпринца виртембергскаго? Гіулая и русскіе гренадеры должны быть предоставлены въ распоряженіе Блюхера; тогда какъ отряды Вреде, Витгенштейна и Коллоредо останутся подъ начальствомъ Шварценберга. Только одни войска Блюхера должны были принять участіе въ сраженіи; войска-же Шварценберга должны были присутствовать при битвѣ въ качествѣ зрителей. Рѣшеніе небывалое, замѣчаетъ Клаузевицъ, во всей военной исторіи [1]).

Армія Наполеона занимала позицію, вовсе не соотвѣтствовавшую ея численности и не представлявшую особенныхъ удобствъ для обороны. Впереди Бріенни растилалась широкая равнина, ограниченная на западѣ теченіемъ рѣки Обы, противоположный высокій берегъ которой господствовалъ надъ всею окрестностію. На югѣ равнина ограничивалась извѣстными уже намъ траннскими возвышенностями, на которыхъ стояли войска Блюхера. На востокѣ тянулись ряды другихъ холмовъ, поросшихъ по большей части лѣсомъ. Между параллельными грядами холмовъ пролегали низменныя болотистыя долины, по которымъ текли ручьи и рѣчки, направлявшіеся въ Вуару, ближайшій притокъ Обы. Правое крыло французской арміи опиралось на деревню Динвиль, расположенную у самого берега Обы. Тутъ стояла дивизія Жерара съ небольшимъ троннымъ отрядомъ, всего на-всего 7,500 чел. Отъ Динвиля французская линія тянулась прямо на востокъ черезъ равнину до Ла-Ротьера. Здѣсь расположенъ былъ центръ арміи, подъ начальствомъ маршала Виктора, всего около 6,000 чел. Лѣвое крыло, расположенное на холмистыхъ возвышенностяхъ Шомениля, Морвилье

[1]) Клаузевицъ приписываетъ это странное рѣшеніе одному Шварценбергу, что впрочемъ не совсѣмъ вѣрно. Вотъ его слова: Anstatt seine Uberlegenheit zu benutzen, um den Gegner von allen Seiten zu umfassen und ihm durch einen grossen Sieg Verluste beizubringen, behielt er noch eine beträchtliche Truppen masse ganz ausserhalb des Schlachfelds und delegirte gewissermassen einen seiner (?) Feldherren (Blucher) mit einem Theil seiner Kräfte um eine Schlacht zu versuchen. Ein solches Beispiel war noch in der Geschichte nie dagoweren Clausewits, Hinterlassene Werke, т, VII, стр. 359.

и Лажибери, состояло изъ войскъ Мармона около 4,000. Позади во второй линіи стояла кавалерія Нансути въ числѣ 8,000 лошадей; тогда какъ въ третьей линіи передъ самой Бріенныю поставлена была въ качествѣ общаго резерва вся гвардія, въ числѣ 10,000 чел. подъ начальствомъ маршала Нея. Длина всей французской линіи доходила до 12,000 шаговъ; число-же всѣхъ войскъ, назначенныхъ для ея обороны равнялось 40,000 чел. Только одною артиллеріею Наполеонъ былъ снабженъ въ достаточномъ количествѣ. Въ его распоряженіи находилось около 130 орудій [1]).

Позиція и силы Наполеона были, такимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ крайне слабы, и если-бы союзники пустили въ дѣло всѣ войска, бывшія въ ихъ распоряженіи, то пораженіе французовъ было бы полное, оно равнялось бы ихъ совершенному истребленію. Но мы уже знаемъ, что для атаки французскихъ позицій предназначена была всего лишь одна половина союзной арміи, тогда какъ другая половина должна была присутствовать лишь въ качествѣ зрителей. Въ распоряженіи Блюхера было всего лишь 46,000 ч., и хотя онъ могъ разсчитывать на содѣйствіе русскихъ гренадеръ, около 12,000 и корпуса Вреде (27,000 чел.), но войска эти могли принять участіе въ боѣ лишь въ концѣ дня, да къ тому же Вреде дѣйствовалъ совершенно самостоятельно и вовсе не былъ подчиненъ старому фельдмаршалу. По диспозиціи, составленной Гнейзенау, войска должны были двинуться впередъ нѣсколькими колоннами. Гіулай съ своимъ корпусомъ долженъ былъ атаковать Динвиль и опрокинуть правое крыло непріятеля. Сакенъ, Олсуфьевъ и кавалерія Васильчикова должны были ударить на центръ непріятельской позиціи и завладѣть Ла-Ротьеромъ. Наконецъ, войска кронпринца виртембергскаго должны были атаковать высоты у Лажибери, Морвилье и Шомениля и вступить въ связь съ корпусомъ Вреде, наступавшимъ на лѣвый флангъ непріятеля [2]).

---

[1]) О мѣстности и о расположеніи французскихъ войскъ см. Бернгарди. Т. IV, стр. 300—301.

[2]) Текстъ диспозиціи Блюхера см. Плото, Т. III, стр. 113—114.

Сраженіе при Ла-Ротьерѣ началось со стороны союзниковъ сильнѣйшею канонадою въ центрѣ. Русская артиллерія, подъ начальствомъ генерала Никитина, смѣло выдвинулась впередъ и открыла огонь по непріятелю на самомъ близкомъ разстояніи. Конница Нансути, замѣтивъ, что русская артиллерія дѣйствуетъ безъ всякаго прикрытія, стремительно бросилась на нее, но всѣ ея яростныя, повторенныя атаки были отражены картечнымъ огнемъ. Между тѣмъ двинулась впередъ кавалерія Ланскаго и Васильчикова, а за нею пѣхота Сакена и Олсуфьева. Императоръ Александръ присутствовалъ при этой блистательной атакѣ. Самъ Блюхеръ сталъ во главѣ русской конницы и съ крикомъ: „впередъ ребята! Пошелъ!“ повелъ ее на непріятеля. Пѣхота, предводимая Сакеномъ, двинулась вслѣдъ за всадниками бѣглымъ шагомъ. Ничто не могло противостать стремительному натиску. Нансути пытался остановить русскихъ, но атакованный съ фронта и съ фланговъ Ланскимъ и Васильчиковымъ былъ мгновенно обращенъ въ бѣгство. Французскіе драгуны, подъ начальствомъ Лефебра-Денуета, спѣшили на помощь своимъ товарищамъ, но и они были смяты и увлечены общимъ потокомъ бѣгущихъ. Какъ ураганъ неслась впередъ русская конница, сметая все на своемъ пути. Четыре конныхъ батареи достались въ руки побѣдителей; французская кавалерія, за исключеніемъ одной дивизіи Лефебра-Денуета, была совершенно разстроена и прогнана съ поля битвы.

Между тѣмъ подоспѣла на мѣсто боя и русская пѣхота. Баталіоны Сакена, послѣ упорнаго сопротивленія французовъ, ворвались въ деревню Ла-Ротьеръ и завладѣли нѣсколькими орудіями. Но французы укрѣпились въ нѣскольких домахъ и продолжали обороняться упорно. Сильная мятель, поднявшаяся въ это время, не дозволяла обозрѣвать мѣстность. Сакенъ, распоряжавшійся въ Ла-Ротьерѣ, не замѣтилъ совершеннаго пораженія французской конницы. Ожидая новаго наступленія непріятеля, онъ не рѣшался ввести въ дѣло баталіоны Олсуфьева и отложилъ рѣшительную атаку до прибытія гренадеръ.

На обоихъ флангахъ союзники дѣйствовали далеко не такъ

рѣшительно какъ въ центрѣ. Отсутствіе Блюхера дало себя чувствовать здѣсь. Гіулай безъ труда оттѣснилъ французовъ отъ берега Обы, но всѣ его попытки завладѣть Динвелемъ оканчивались неудачно и только при наступленіи темноты онъ успѣлъ, наконецъ, выгнать французовъ изъ селенія. Столь-же медленно подвигался впередъ и кронпринцъ виртембергскій. Его войска принуждены были бороться съ мѣстными условіями болотистой и пересѣченной мѣстности. Только прибытіе Вреде съ свѣжими войсками склонило, наконецъ, побѣду на сторону союзниковъ. Войска Мармона выбиты были послѣдовательно изъ всѣхъ своихъ позицій. Морвилье, Шомениль и Ла-Жибери были взяты штурмомъ и вся французская линія отброшена назадъ.

Наполеонъ, слѣдившій за ходомъ боя, понялъ, что сраженіе проиграно на всѣхъ пунктахъ. Онъ видѣлъ, что рѣшительное преслѣдованіе союзниковъ можетъ имѣть самыя ужасныя послѣдствія для его арміи, и, желая задержать его хотя сколько нибудь, двинулъ на встрѣчу непріятелямъ свои послѣдніе резервы. Онъ самъ сталъ во главѣ двухъ гвардейскихъ дивизій и повелъ ихъ на деревню Шомениль. Французы, одушевленные присутствіемъ своего императора, нѣсколько разъ бросались на приступъ, но баварцы и австрійцы встрѣчали ихъ каждый разъ убійственнымъ огнемъ и обращали въ бѣгство. Одновременно съ этими атаками, маршалъ Удино бросился съ другою частью гвардіи на Ла-Ротьеръ и стремительнымъ натискомъ оттѣснилъ русскихъ до середины деревни. Напоръ французовъ былъ вскорѣ остановленъ баталіонами Олсуфьева. Они ударили на непріятеля въ штыки и прогнали его до послѣднихъ домовъ селенія. Тогда Удино двинулъ противъ русскихъ еще одну свѣжую гвардейскую бригаду. Въ улицахъ Ла-Ротьера, среди домовъ, объятыхъ пламенемъ, загорѣлся самый ожесточенный бой. Русскіе держались крѣпко и не уступали непріятелю ни пяди земли. Уже почти стемнѣло, когда на мѣсто боя прибыли давно ожидаемые русскіе гренадеры. Появленіе этой свѣжей силы окончательно рѣшило дѣло. Гренадеры однимъ натискомъ выбросили непріятеля изъ деревни. Въ дикомъ безпо-

рядкѣ бѣжали французы къ Бріенни, по совершенно открытой равнинѣ. Союзная конница гналась за ними по пятамъ и забирала орудія и плѣнныхъ. Только наступившая темнота прекратила преслѣдованіе и спасла французовъ отъ совершеннаго истребленія [1]).

Наполеонъ провелъ ночь послѣ битвы въ бріенньскомъ замкѣ. Его настроеніе было самое тревожное. Онъ замѣчалъ, что его молодыя войска были страшно потрясены, почти деморализованы и опасался самыхъ гибельныхъ послѣдствій въ случаѣ энергическаго преслѣдованія. Онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы обезпечить отступленіе своихъ войскъ и отвлечь вниманіе противника въ фальшивую сторону. Главная масса его арміи должна была отступать на Лемонъ тремя линіями, тогда какъ Мармонъ съ своимъ отрядомъ долженъ былъ расположиться у Перпа и Рони и стараться привлечь на себя вниманіе преслѣдователей [2]). Но эти мѣры предосторожности оказались почти излишними. Союзники начали преслѣдованіе такъ поздно и вели его такъ вяло [3]), что Наполеонъ имѣлъ полную возможность перевести спокойно войска свои черезъ Обу у Лемона по единственному мосту и достигнуть затѣмъ благополучно Труа, гдѣ онъ занялся реорганизаціею своей разстроенной арміи и соединился съ войсками маршала Мортье. Даже Мармонъ, оставленный почти на жертву, успѣлъ переправиться черезъ Вуару и соединиться съ императоромъ. Онъ былъ спасенъ не столько своими искусными распоряженіями, сколько оплошностью своихъ преслѣдователей и сильною мятелью, во-время скрывшей его маршъ отъ противника непроницаемою завѣсою.

---

[1]) Подробности о сраженіи при Ла-Ротьерѣ см. Богдановичъ, т. IV, стр. 367—370; Плото, т. III, стр. 114—123; Бернгарди, т. IV, стр. 303—317; Мармонъ, т. VI, стр. 33—39 и другіе.

[2]) Объ этихъ распоряженіяхъ Наполеона см. мемуары Мармона. т. VI стр. 39—40.

[3]) Мармонъ замѣчаетъ объ этомъ преслѣдованіи: Enfin, si quelque chose doit etonner, aprés l'idee de donner cette bataille, c'est d'avoir vu l'ennemis mal profiter des ses avantages, et l'armee française èchapper à une destruction complecte. Мемуары, т. VI, стр. 39.

Наполеонъ спасся отъ совершеннаго истребленія, но положеніе его было самое печальное, почти отчаянное. Въ битвѣ при Ла-Ротьерѣ онъ понесъ тяжелыя и невознаградимыя потери, 4,000 лучшихъ его солдатъ остались на мѣстѣ убитыми или ранеными; союзники взяли кромѣ того болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ и захватили большую половину его артиллеріи, около 70 орудій. Еще важнѣе было нравственное впечатлѣніе этого кроваваго дня. Страшная катастрофа произвела подавляющее впечатлѣніе на умы солдатъ и офицеровъ. Дикій безпорядокъ, деморализація арміи напоминали самые печальные моменты двухъ предшествующихъ кампаній и заставляли опасаться самыхъ великихъ несчастій. Дезертирство достигло до громадныхъ размѣровъ. Солдаты уходили уже не въ одиночку, а цѣлыми сотнями, унося съ собою оружіе. Одни изъ нихъ старались пробраться на родину, другіе составляли шайки мародеровъ и разбойниковъ, тогда какъ нѣкоторые переходили прямо къ непріятелю. Въ одну ночь, говоритъ маршалъ Мармонъ, дезертировали 265 солдатъ 37 легкаго пѣхотнаго полка. Тогда-же бѣжали нѣсколько кирасировъ, вмѣстѣ съ знатнымъ плѣнникомъ, отданнымъ подъ ихъ охрану [1]).

Еще мрачнѣе и безотраднѣе было настроеніе населенія [2]). Вѣсть о пораженіи, понесенномъ Наполеономъ при Ла-Ротьерѣ, всего лишь въ шести переходахъ отъ Парижа, распространила ужасъ и смятеніе во всей странѣ. Въ самой столицѣ господствовала паника и Іосифъ Бонапарте готовился уже отправить императрицу и ея сына изъ города. Повсюду зашевелились сторонники Бурбоновъ. Жители Труа, несмотря на присутствіе самого императора, относились съ

---

[1]) Мармонъ, Мемуары, т. VI, стр. 46—47.

[2]) Для успокоенія общественнаго мнѣнія Наполеонъ прибѣгалъ къ своему обычному средству. Онъ объявлялъ, что Шварценбергъ лжетъ въ своихъ донесеніяхъ, что при Ла-Ротьерѣ вовсе не было сраженія и что все дѣло ограничилось нѣсколькими кавалерійскими атаками и потерею нѣсколькихъ орудій. См. письмо къ Коленкуру отъ 4 февраля. Correspondance de Napoleon т. 27, стр. 127.

явнымъ недоброжелательствомъ къ собственнымъ войскамъ и съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія союзниковъ. Все предвѣщало, повидимому, скорый конецъ борьбы. Еще нѣсколько дружныхъ усилій союзниковъ, и судьба Франціи и Наполеона должна была рѣшиться.

ГЛАВА V.

Военный совѣтъ въ бріенньскомъ замкѣ.—Раздѣленіе союзныхъ армій.—Толль предсказываетъ бѣду.—Маневры Блюхера въ долинѣ Марны —Погоня за Макдональдомъ.—Шварценбергъ боится идти впередъ.—Партизанская рекогносцировка.—Наполеонъ покидаетъ Труа.—Безнадежное настроеніе императора французовъ и инструкціи Коленкуру.—Лучъ надежды.—Мармонъ предлагаетъ ударить на Блюхера —Наполеонъ одобряетъ его мысль.—Переходъ изъ долины Сены въ долину Марны.—Одно дѣло—давать совѣты; другое—выполнять ихъ.—Разбросанное положеніе силезской арміи.—Переходъ Наполеона черезъ С. Гондскія болота.—Нападеніе при Шампоберѣ.—Геройское сопротивленіе русскихъ.—Катастрофа Олсуфьева.—Хвастовство Наполеона—„И я буду опять на Вислѣ".—Несвоевременныя распоряженія главной квартиры силезской арміи.—Разногласіе между Сакеномъ и Іоркомъ.—Битва при Монмиралѣ и пораженіе Сакена.—Ночное отступленіе.—Геройское сопротивленіе союзниковъ при Шато-Тьери.—Іоркъ и Сакенъ отступаютъ къ Шалону на Марнѣ.—Затруднительное положеніе Блюхера.—Онъ идетъ на Мармона.—Наполеонъ спѣшитъ на помощь къ своему маршалу.—Битва при Этожѣ.—Блюхеръ ищетъ смерти.—Самообольщеніе Наполеона.—Онъ преувеличиваетъ свои успѣхи.—Силезская армія оправляется отъ нанесенныхъ ей ударовъ.—Блюхеръ готовъ къ новому походу —Первое взятіе Суассона.—Бездѣйствіе Шварценберга.—Тщетныя усилія императора Александра.—Наполеонъ направляется противъ главной арміи.—Пораженіе Палена.—Твердость принца Евгенія.—Отступленіе союзниковъ.—Австрійцы рѣшаютъ просить у Наполеона перемирія.

Вечеромъ второго февраля (21 января с. с.) собрались на совѣщаніе въ бріенньскомъ замкѣ императоръ Александръ, король Фридрихъ-Вильгельмъ, князь Шварценбергъ, Блюхеръ, Барклай и другіе генералы. Поставленъ былъ вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Къ удивленію нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ и всего болѣе императора Александра, нѣсколько австрійскихъ генераловъ, и во главѣ ихъ извѣстный намъ Дука, предложили не только не преслѣдовать непріятеля, но и отвести армію назадъ за Обу, дабы приблизиться къ сво-

нымъ магазинамъ и подкрѣпленіямъ [1]). Хотя Дука и его пріятели пытались оправдать свое мнѣніе, ссылаясь на позднее время года, на огромное количество больныхъ въ арміи, на ежедневно возростающій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, но ихъ предложеніе не было одобрено даже Шварценбергомъ, и совѣтъ постановилъ дѣйствовать наступательно. Затѣмъ Шварценбергъ и Лангенау выступили съ своею давнишнею затаенною мыслью. Соединеніе силезской и главной арміи было крайне неудобно для нихъ уже потому, что оно влекло за собою присутствіе Блюхера и Гнейзенау въ главной квартирѣ. Императоръ Александръ находилъ себѣ сильную поддержку въ этихъ рѣшительныхъ генералахъ и при ихъ помощи проводилъ свои смѣлые и столь непріятные для австрійскаго кабинета планы. Необходимо было лишить его, какъ можно скорѣе, этой поддержки, надо было разъединить, во что-бы то ни стало, обѣ союзныя арміи и опредѣлить каждой изъ нихъ особую операціонную линію. Предлогомъ для такого раздѣленія силъ должна была послужить затруднительность, почти невозможность, содержать путемъ реквизицій такія громадныя массы на тѣсномъ пространствѣ. Основываясь, главнымъ образомъ, на этомъ соображеніи, Шварценбергъ, Лангенау и Радецкій предложили, чтобы Блюхеръ двинулся съ своею арміею вправо къ Марнѣ, соединился тамъ съ корпусами Іорка, Клейста и Капцевича и двинулся на Парижъ по лѣвому берегу этой рѣки; тогда какъ главная армія должна была направиться на Труа, а оттуда внизъ по теченію Сены, также на столицу Франціи [2]).

Замѣчательно, что никто изъ присутствующихъ не возражалъ серьезно противъ этого предложенія. Императоръ Александръ считалъ силы Наполеона окончательно надломленными; ему казалось, что каждая изъ союзныхъ армій въ отдѣльности можетъ легко справиться съ нимъ. Такого-же мнѣнія

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ біографъ генерала Радецкаго, австрійскій ветеранъ, въ статьѣ Graf Radezky, eine biographische Skizze, стр. 255, см. Бернгарди, т. IV, 1 пол. стр. 322.

[2]) См. Бернгарди, т. IV, стр. 322.

держались Блюхеръ и Гнейзенау. Очевидно, они придавали слишкомъ большое значеніе послѣднимъ побѣдамъ и считали средства Наполеона окончательно исчерпанными. Въ душѣ они даже радовались освободиться отъ вліянія австрійской главной квартиры и возвратить себѣ полную свободу дѣйствій. Предложеніе австрійскаго фельдмаршала было, такимъ образомъ, принято единогласно всѣмъ совѣтомъ и рѣшено было привести его немедленно въ исполненіе. Уже на другой день Блюхеръ отдѣлился отъ главной арміи и, переправившись черезъ Вуару, достигъ мѣстечка Бро-ле-комтъ.

Лишь одинъ человѣкъ въ главной квартирѣ, не присутствовавшій впрочемъ на совѣщаніи, не одобрялъ принятой мѣры и съ самаго начала ожидалъ отъ нея дурныхъ послѣдствій для союзниковъ. То былъ генералъ К. Ф. Толль, славный сподвижникъ Кутузова. Уже вечеромъ 2 февраля Толль, возвратившись изъ преслѣдованій непріятеля, воспользовался случаемъ высказать императору Александру свои опасенія. Толль засталъ государя въ самомъ веселомъ и самоувѣренномъ настроеніи. Александръ, лично слѣдившій за атакою на Ла-Ротьеръ, передалъ генералу свои впечатлѣнія. Онъ восхвалялъ храбрость войскъ Сакена, порядокъ и правильность ихъ движеній, хвалилъ самого Сакена и замѣтилъ: „Теперь я понимаю, какъ неправъ былъ я къ Сакену, но въ этомъ виноватъ негодяй Бенингсенъ, оклеветавшій его передо мною. Я надѣюсь, впрочемъ, что Сакенъ будетъ теперь доволенъ мною [1]). Что скажутъ въ Парижѣ по поводу послѣднихъ новостей?— Непріятель отступаетъ вѣроятно къ Труа!“ — „Ваше величество“, замѣтилъ Толль, „намъ надлежитъ теперь воспользоваться побѣдою; мы должны быстро преслѣдовать непріятеля всѣми нашими соединенными силами. Желательно, чтобы фельдмаршалъ Блюхеръ сопровождалъ наше движеніе по параллельной линіи, въ разстояніи никакъ не болѣе двухъ переходовъ отъ насъ, дабы въ случаѣ надобности мы могли бы-

---

[1]) Бернгарди, т. IV, 1 пол. стр. 327. Генералъ Сакенъ получилъ за битву при Ла-Ротьерѣ орденъ св. Андрея Первозваннаго. См. Богдановичъ, Исторія Александра 1-го, т. IV, стр. 371.

стро соединить наши силы".—„Это совершенно вѣрно", отвѣчалъ государь, „ступай къ Шварценбергу, поговори съ нимъ объ этомъ, скажи ему, что я совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ".

Было уже 11 часовъ ночи, когда Толль явился въ квартиру Шварценберга. Главнокомандующій уже легъ спать, и Толль принужденъ былъ ограничиться объясненіемъ съ графомъ Радецкимъ. Выслушавъ мнѣніе русскаго генерала, Радецкій замѣтилъ, что невозможно содержать такія массы на такомъ ограниченномъ пространствѣ, что прійдется даже раздѣлить по частямъ главную армію, дабы облегчить ея продовольствіе, занявъ возможно большее пространство. Толль стоялъ, однакоже, упорно на своемъ мнѣніи. Онъ доказывалъ съ жаромъ, что опасно раздѣлять войска при настоящихъ условіяхъ и въ виду такого противника, какъ Наполеонъ. „За такую ошибку", добавилъ онъ почти пророческимъ тономъ, „мы жестоко поплатимся, рано или поздно".

Усилія Толля не увѣнчались успѣхомъ. Шварценбергъ остался при принятомъ разъ рѣшеніи, а императоръ Александръ не счелъ возможнымъ настаивать на его отмѣнѣ. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней силезская и главная армія все болѣе и болѣе удалялись другъ отъ друга. 3-го февраля Блюхеръ достигъ С. Квена и узнавъ здѣсь, что корпусъ Іорка подступилъ къ крѣпости Витри и разбилъ кавалерію Макдональда, при чемъ пруссаки захватили 5 орудій и нѣсколько сотъ плѣнныхъ, рѣшился двинуться какъ можно скорѣе на Соммесу, гдѣ скрещиваются дороги изъ Арсиса на Шалонъ и изъ Лаферъ-Шампенуаза на Сезаннь. Блюхеръ торопился этимъ движеніемъ, желая предупредить во чтобы-то ни стало соединеніе Макдональда съ Наполеономъ. 4-го февраля Блюхеръ прибылъ въ Соммесу. Здѣсь ему дали знать, что его конница, подъ начальствомъ Васильчикова, захватила мучной транспортъ, направлявшійся изъ Лаферъ-Шампенуаза и преслѣдуетъ другой транспортъ съ порохомъ, идущій на Сезаннь къ арміи Наполеона. Это извѣстіе утвердило Блюхера еще болѣе въ мысли, что Макдональдъ спѣшитъ на соединеніе съ Наполеономъ. Желая предупредить во чтобы-то ни стало это со-

единеніе и заградить всѣ пути Макдональду, фельдмаршалъ рѣшился оставить у Соммесу только отрядъ Олсуфьева и выдвинуть корпусъ Сакена къ Laферъ-Шампенуазу. Между тѣмъ Іоркъ съ своей стороны быстро подвигался впередъ. Оставивъ подъ Витри небольшой отрядъ, онъ двинулся къ Шалону. Макдональдъ не счелъ возможнымъ защищать Витри и Шалонъ. По его приказанію, гарнизонъ Витри вышелъ ночью съ 4-го на 5-е февраля изъ крѣпости, которая была обложена пруссаками лишь съ одной стороны, взорвалъ мостъ черезъ Марну, и двинулся по лѣвому берегу рѣки, пытаясь достигнуть дороги изъ Арсися въ Шалонъ. Самъ Макдональдъ, настигнутый Іоркомъ въ Шалонѣ, сдалъ городъ по договору и отступилъ внизъ по Марнѣ, направляясь на Эперне. Блюхеръ пытался перехватить гарнизонъ Витри, но французы успѣли ускользнуть отъ его преслѣдованія и соединиться съ кавалеріею Эксельмана, высланною имъ на встрѣчу Макдональдомъ. Прибывъ въ Лаферъ-Шампенуазъ, фельдмаршалъ получилъ съ одной стороны письмо отъ Шварценберга, въ которомъ тотъ просилъ его принять всѣ мѣры для предупрежденія соединенія Макдональда съ Наполеономъ, а съ другой стороны онъ узналъ, что Шалонъ занятъ Іоркомъ и что Макдональдъ отступаетъ по большой парижской дорогѣ, вдоль берега Марны. Блюхеру доносили также, что такъ называемая малая парижская дорога, идущая черезъ Этожъ, Монмираль, Шамповеръ и Ла-ферте-су-Жуаръ на Мо и Парижъ, свободна отъ непріятеля и, что, двигаясь быстро по ней, возможно будетъ перерѣзать путь Макдональду. Блюхеръ рѣшился не опускать изъ рукъ представлявшейся ему счастливой возможности. Онъ приказалъ Іорку преслѣдовать Макдональда по большой дорогѣ на Шато-Тьери, а по малой двинулъ отряды Сакена и Олсуфьева, дабы предупредить непріятеля у Ла-ферте-су-Жуара. Корпуса Клейста и Капцевича, находившіеся позади у Баръ-Ле-Дюка и Линьи, получили приказаніе соединиться 10-го февраля у Монмираля.

Макдональдъ во-время замѣтилъ, однакоже, грозившую ему опасность. Продолжая поспѣшно свое отступленіе, онъ прибылъ 6-го февраля въ Эперне, 7-го въ Дорманъ, 8-го въ

Шато-Тьери. Подозрѣвая намѣренія непріятеля, онъ выслалъ отсюда на Ла-ферте-су-Жуаръ часть своего войска, а самъ переправился обратно черезъ Марну, взорвавъ на воздухъ каменный мостъ у Шато-Тьери. Это движеніе спасло его отъ гибели. Іоркъ гнался за нимъ по пятамъ. Уже 8-го числа войска его достигли Дормана, а авангардъ расположился въ виду Шато-Тьери. Въ тотъ-же самый день Сакенъ достигъ Монмираля и выдвинулъ свою кавалерію къ Ла-ферте-су-Жуару. Олсуфьевъ, слѣдуя за нимъ, дошелъ до Этожа. Въ сторону Сезанны были высланы казацкіе разъѣзды, но они наткнулись здѣсь на непріятельскую кавалерію. То были очевидно войска, шедшія со стороны Ножана на Сенѣ и Труа [1]). Гроза, долженствовавшая обрушиться съ страшною силою на силезскую армію, показалась на горизонтѣ. Наполеонъ спѣшилъ на помощь своему маршалу. Что-же дѣлалось между тѣмъ съ главною арміею союзниковъ, и какимъ образомъ могъ ускользнуть Наполеонъ отъ ея преслѣдованія?

Въ теченіе всего 8-го февраля, въ то время, когда французы сосредоточивались у Труа, а Блюхеръ былъ уже на походѣ къ Марнѣ, армія Шварценберга оставалась въ полнѣйшемъ бездѣйствіи [2]). Главнокомандующій и его штабные находили, что необходимо дать отдыхъ войскамъ и подъ этимъ предлогомъ не трогались съ мѣста. Причина бездѣйствія была въ сущности совершенно иная. Шварценбергъ колебался, по обыкновенію, между различными возможностями и ожидалъ извѣстій о положеніи и силахъ противника. Въ извѣстіяхъ этихъ не было недостатка. Отъ Ожаровскаго и Блюхера получены были одновременно донесенія, что Наполеонъ сосредоточилъ свои войска въ Труа и окрестностяхъ и что онъ намѣренъ, повидимому, оказать здѣсь союзникамъ сильное со-

---

[1]) Всѣ подробности о движеніи Блюхера см. у Бернгарди, т. IV, 1-й пол., стр. 331—335; Дройзена, Жизнь Іорка, т. III, стр. 286—301.

[2]) Лучшую характеристику дѣйствій Шварценберга мы находимъ у Клаузевица: „Dieser folgt derselben (der feindlichen Armee) langsam gegen Troyes, welches er erst den 8 besezt, so dass er acht Tage braucht, um gegen eine geschlagene Armee sechs Meilen Land zu gewinnen“. Clausewitz, Hinterlassene Werke, т. VII, стр. 291.

противленіе. Единственно съ этою цѣлью могъ выдвинуть Наполеонъ часть своихъ войскъ къ Гильотьеру и Арсисъ и отдать приказъ уничтожить всѣ переправы на Обѣ. Свѣдѣнія такого рода не должны были, однакоже, тревожить Шварценберга, а скорѣе радовать его. Изъ тѣхъ-же донесеній, а равно и другихъ достовѣрныхъ источниковъ, ему было извѣстно, что въ распоряженіи Наполеона находилось всего лишь около 45,000 человѣкъ, что въ войскахъ его господствовалъ полнѣйшій упадокъ духа и страшная деморализація и что новобранцы цѣлыми толпами покидали его знамена. Въ распоряженіи Шварценберга находилось около 120,000 человѣкъ упоенныхъ побѣдою, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ новаго столкновенія съ только что побѣжденнымъ непріятелемъ. Оставалось, слѣдовательно, рѣшительно идти впередъ прямо на Наполеона и довершить дѣло, столь удачно начатое при Ла-Ротьерѣ.

Австрійскій главнокомандующій считалъ, однакоже, всякое прямое нападеніе на непріятеля дѣломъ крайне рискованнымъ и опаснымъ. Непріятельскія позиціи у Гильотьера и Арсиса казались ему чрезвычайно крѣпкими, почти неприступными и онъ остановился на мысли передвинуть всѣ союзныя войска влѣво, обойти правый флангъ Наполеона и заставить его безъ боя покинуть Труа. Шварценбергъ утвердился еще болѣе въ этой мысли, получивъ извѣстія, что изъ Орлеана къ Наполеону спѣшатъ сильныя подкрѣпленія, состоящія изъ старыхъ полковъ, только что вызванныхъ изъ Испаніи, а небольшое столкновеніе, происшедшее на лѣвомъ флангѣ союзниковъ, гдѣ двѣ роты австрійцевъ были отброшены назадъ французами съ потерею 140 чел., навело его даже на предположеніе, что Наполеонъ самъ готовится обойти лѣвый флангъ союзниковъ, занять Баръ на Сенѣ и Лангръ и отрѣзать ихъ отъ сообщенія съ южною Франціею и двинутыми туда ихъ войсками. Всѣ эти соображенія побудили Шварценберга, не смотря на возраженія Толля и другихъ генераловъ, передвинуть войска влѣво для обхода Труа и предупрежденія воображаемыхъ замысловъ французскаго императора.

Шварценбергъ выполнялъ, впрочемъ, задуманное имъ движеніе съ своею обычною медленностью и методичностью. Въ про-

долженіи 4-го и 5-го февраля всѣ союзныя войска переведены были на лѣвый берегъ Сены, а главная квартира перенесена въ городъ Баръ на рѣкѣ того же имени. На правомъ берегу Сены по дорогѣ въ Труа оставленъ былъ только корпусъ кронпринца виртембергскаго съ приказаніемъ не двигаться впередъ и тщательно наблюдать за непріятелемъ. Принимая всѣ мѣры для обезпеченія своего лѣваго фланга, главнокомандующій совершенно опустилъ изъ виду свой правый флангъ. Онъ былъ почему то убѣжденъ, что съ этой стороны не можетъ угрожать ни малѣйшая опасность. Ему казалось, что Блюхеръ будетъ имѣть дѣло съ однимъ Макдональдомъ и что Наполеонъ не вздумаетъ броситься на силезскую армію. Исходя изъ этихъ въ сущности ни на чемъ не основанныхъ убѣжденій, Шварценбергъ не принялъ никакихъ мѣръ для поддержанія сообщеній съ Блюхеромъ. Онъ не только передвинулъ влѣво корпусъ Витгенштейна, долженствовавшій, по первоначальному плану, поддерживать связь между главною и силезскою арміями, но направилъ даже на лѣвый берегъ Сены всѣ партизанскіе отряды, находившіеся въ его распоряженіи. Все пространство вправо отъ союзной большой арміи было такимъ образомъ очищено отъ войскъ и Наполеону дана была полная возможность броситься со всѣми своими силами на Блюхера и разбить его по частямъ, въ то время пока Шварценбергъ былъ всецѣло поглощенъ своими обходными маневрами и своими то эксцентрическими, то концентрическими маршами.

Занятый своими передвиженіями, Шварценбергъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что предпріиметъ его страшный противникъ. Сеславину отдано было приказаніе пробраться какъ можно ближе къ непріятельскимъ позиціямъ. Смѣлый партизанъ немедленно исполнилъ это порученіе, онъ прокрался съ своими казаками въ Сенъ-Бенуа въ разстояніи одной мили къ сѣверу отъ Труа. Съ небольшого холма, поросшаго кустарникомъ, онъ свободно и незамѣтно могъ наблюдать здѣсь за всѣмъ, что происходило въ городѣ и его окрестностяхъ. Не только Труа, но и вся болотистая долина Сены, внизъ по теченію рѣки, вплоть до самого Ножана, была передъ нимъ какъ на ладони, а ясная погода дозволяла безпрепятственно разсматривать даль.

Послѣ краткаго наблюденія Сеславинъ убѣдился, что непріятель очищаетъ Труа и отступаетъ по направленію къ Ножану. Немедленно донесъ онъ о своемъ открытіи въ главную квартиру. Шварценбергъ не хотѣлъ сначала вѣрить этому извѣстію и вмѣсто того, чтобы поспѣшно двинуть войска вслѣдъ за непріятелемъ, рѣшился произвести сильную рекогносцировку по направленію къ Труа.

Донесенія Сеславина были совершенно вѣрны. Уже 5 февраля Наполеонъ отказался отъ своего первоначальнаго плана, обороны Труа, и рѣшился отступить къ Мери и Ножану, внизъ по Сенѣ. Это рѣшеніе французскаго императора было вызвано вовсе не обходными движеніями Шварценберга, а извѣстіями, полученными имъ о походѣ Блюхера на Марну. Наполеонъ, не зная точныхъ намѣреній Блюхера, опасался, что силезская армія двинется изъ Лаферъ-Шампенуаза на Ножанъ и завладѣетъ въ тылу его всѣми переправами черезъ Сену. Чтобы предупредить эту страшную возможность, Наполеону не оставалось иного средства, какъ поспѣшно отступить отъ Труа къ Ножану. Совершая это отступленіе, Наполеонъ волновался самыми тревожными мыслями. Общее положеніе дѣлъ казалось ему въ этотъ моментъ настолько безнадежнымъ, полная катастрофа такъ неизбѣжною, что онъ отправилъ изъ Ножана Колинкуру предписаніе подписать миръ во чтобы-то ни стало и на какихъ бы то ни было условіяхъ [1]).

Тревожныя опасенія императора французовъ оказались однакоже преждевременными и преувеличенными. Грозная перспектива быть стиснутымъ и раздавленнымъ между двумя не-

---

[1]) Герцогъ бассанскій писалъ по распоряженію Наполеона 5-го февраля Колинкуру изъ Труа. „Monsieur le duc! je vous ai expèdié un courrièr avec une lettre de sa M. et le nouveau plein pouvoir que vous avez demandè. Au moment ou S. M. va quitter cetle vielle, elle charge de vous en expedier un second, et de vous faire connaitre en propres termes que S. M. vous donne carte blanche poùr conduire les nègociations à une heureuse fin, sauver la capitale et eviter une bataille, ou sont les dernieres espérances de la nation. Les conferences doivent commencè hier, S. M. n'a pas voulu aftendre que vous lui eussiez donne connaissance des premieres ouvertures, de crainte d'occasionner le moindre retard. Письмо это ясно свидѣтельствуетъ въ какомъ отчаянномъ положеніи находился Наполеонъ въ первыхъ числахъ февраля.

пріятельскими арміями скоро оказалась однимъ тревожнымъ предположеніемъ. Шварценбергъ занялъ, правда, Труа 7 февраля и уже на другой день союзные государи торжественно вступили въ городъ, дружелюбно привѣтствуемые жителями [1]), но всѣ усилія императора Александра побудить Шварценберга идти впередъ вслѣдъ за отступающимъ непріятелемъ остались тщетными. Австрійскій главнокомандующій ссылался на необходимость обезпечить свой лѣвый флангъ, на утомленіе войскъ и подъ этими предлогами расположился на продолжительный отдыхъ въ Труа, растянувъ при этомъ свою армію влѣво и не принимая, попрежнему, никакихъ мѣръ для возстановленія сообщеній съ силезскою арміею. Впослѣдствіи оказалось, что Шварценбергъ, дѣйствуя такимъ, на первый взглядъ, непонятнымъ образомъ, руководился вовсе не военными соображеніями, а тайными предписаніями австрійскаго кабинета.

Наполеонъ былъ крайне доволенъ бездѣйствіемъ Шварценберга, а извѣстія, полученныя имъ въ это время отъ Макдональда, подняли еще болѣе его надежды. Оказалось, что Блюхеръ вовсе не думаетъ идти на Ножанъ въ тылъ и на сообщенія Наполеона, что онъ направляется внизъ по Марнѣ вслѣдъ за отступающимъ Макдональдомъ, что несомнѣнная цѣль похода его—Парижъ. Какъ ни тревожно было само по себѣ это послѣднее обстоятельство, но Наполеонъ не придавалъ ему особеннаго значенія. Изъ свѣдѣній, полученныхъ имъ въ это время, оказалось, что между нимъ и Блюхеромъ вовсе не было союзныхъ войскъ и что прусскій фельдмаршалъ, увлеченный преслѣдованіемъ Макдональда, подвигается впередъ слишкомъ поспѣшно и не осторожно и что отдѣльные корпуса его не могутъ быть сосредоточены въ случаѣ внезапнаго нападенія. Мармонъ первый обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Онъ предложилъ Наполеону двинуться на Сезаннь и Шампоберъ, стать по срединѣ между разрозненными колоннами си-

---

[1]) Жители Труа страшно страдали отъ грабежей французскихъ конскриптовъ; они встрѣтили союзниковъ какъ освободителей. Богдановичъ, исторія Александра I. Т. IV, стр. 374.

лезской арміи и уничтожить ихъ одну за другую [1]). Императоръ тотчасъ же оцѣнилъ, по достоинству, предложеніе маршала и принялъ самыя энергическія мѣры къ его осуществленію.

Силы, которыми располагалъ Наполеонъ въ это время, давали ему возможность попытать еще разъ счастья. Въ послѣдніе дни его армія усилилась значительными подкрѣпленіями. Изъ Испаніи прибыли 14,000 отборныхъ старыхъ солдатъ, а изъ Парижа вновь сформированный 6000 отрядъ. Армія Наполеона возросла, такимъ образомъ, до 70,000 человѣкъ. Понятно, что онъ не могъ употребить всѣхъ этихъ силъ для нападенія на Блюхера; необходимо было оставить значительную часть ихъ на Сенѣ противъ Шварценберга. Для этой послѣдней цѣли Наполеонъ счелъ даже необходимымъ назначить большую часть своей арміи, около 40,000 ч. Войска эти отданы были подъ начальство маршаламъ Виктору и Удино. Имъ было предписано защищать Ножанъ и отступать передъ непріятелемъ внизъ по Сенѣ и то только въ случаѣ крайности не иначе какъ шагъ за шагомъ [2]). Всѣ остальныя войска въ числѣ 30,000 ч. при 120 орудіяхъ Наполеонъ взялъ съ собою противъ Блюхера.

Переходъ изъ долины Сены въ долину Марны сопряженъ былъ для французовъ съ большими трудностями. Болотистая почва, распустившаяся еще болѣе вслѣдствіе постоянной оттепели и дождя, задерживала на каждомъ шагу движеніе войскъ, особенно артиллеріи. Мармонъ, подавшій первую мысль къ этому предпріятію, отчаялся уже на первомъ переходѣ въ воз-

---

[1]) Мармонъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ. „Всѣ эти соображенія родили во мнѣ мысль, что счастіе представляетъ намъ благопріятный случай нанести большой вредъ противнику, дѣйствуя рѣшительно. Пройдя быстро черезъ Сезаннь и перерѣзавъ дорогу на Монмираль, можно было разсчитывать захватить эти отряды врозь, разбить, даже уничтожить ихъ, пользуясь ихъ слабостью и нечаянностью нападенія. Я отослалъ мои соображенія императору и предложилъ ему эту операцію... мои доводы убѣдили императора.“ Мемуары Мармона T. VI, стр. 47—49; тамъ-же письмо Мармона къ Бертьѣ.

[2]) Распоряженія Наполеона передъ движеніемъ на Сезаннь см. въ его письмѣ къ королю Іосифу отъ 9-го февраля. Correspondance de Napoléon, т. 27, стр. 172—74.

можности ея осуществленія. Видно, иное дѣло давать совѣты, и оное осуществлять ихъ на дѣлѣ [1]). Наполеонъ остался непоколебимымъ въ разъ принятомъ намѣреніи. Онъ понималъ, что ему представляется возможность великаго, неожиданнаго успѣха и неутомимо шелъ впередъ, ободряя солдатъ своимъ личнымъ присутствіемъ и примѣромъ. Вечеромъ 9-го февраля французскія войска достигли Сезанни; казачій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Карпова, занимавшій этотъ пунктъ, поспѣшно отступилъ передъ неожиданно явившимся непріятелемъ. Карповъ, какъ видно, не успѣлъ даже собрать надлежащихъ свѣдѣній о численности непріятеля. По крайней мѣрѣ, соединившись съ генераломъ Сакеномъ въ Монмиралѣ, онъ даже не предупредилъ его о надвигающейся грозѣ. Наполеонъ былъ уже близко, а отдѣльные корпуса силезской арміи разбросаны были на протяженіи семидесяти верстъ. Ближе всѣхъ къ непріятелю у Шампобера стоялъ Олсуфьевъ всего съ 4,000 человѣкъ. У Монмираля находился Сакенъ съ 16,000 отрядомъ; за нимъ въ разстояніи цѣлаго перехода, у Дормана и Шато-Тьери, стоялъ Іоркъ съ 18,000 ч.; тогда какъ отряды Капцевича (4,000 ч.) и Клейста (8,000 ч.) находились у Вертю.

Между войсками Наполеона и ближайшимъ отрядомъ Блюхера, Олсуфьевымъ, пролегали трудно проходимыя С. Гондскія болота. Мармонъ не считалъ возможнымъ переправиться черезъ нихъ и предлагалъ императору поворотить на Лаферте-Гоше и Мо и соединиться тамъ съ Макдональдомъ; но Наполеонъ хорошо сознавая, что, слѣдуя этому совѣту, онъ откажется отъ всѣхъ ожидаемыхъ имъ успѣховъ, рѣшился лично обслѣдовать пути черезъ болота къ Сенъ-При. Убѣдившись при этой рекогносцировкѣ въ возможности перейти болота, Наполеонъ приказалъ собрать со всѣхъ окрестностей крестьянъ съ ихъ лошадьми и повелъ впередъ свои войска. Дороги были, дѣйствительно, ужасныя. Люди и лошади увязали въ грязи, орудія и зарядные ящики погружались въ трясину по самую ступицу, но солдаты вытаскивали ихъ при

[1]) Мармонъ умалчиваетъ, впрочемъ, объ этомъ обстоятельствѣ.

помощи крестьянъ и обывательскихъ лошадей, и одушевляемые императоромъ, неутомимо шли впередъ. Въ восемь часовъ утра измученныя французскія войска достигли, наконецъ, моста у Сенъ-При. Олсуфьевъ оставилъ безъ всякой защиты этотъ важный пунктъ. Безпрепятственно перешли французы по мосту и тотчасъ-же ударили на небольшой авангардъ русскаго корпуса, расположенный у деревни—Байе.

Все способствовало, какъ нельзя болѣе, смѣлому предпріятію Наполеона: Блюхеръ, не покидавшій обыкновенно свои передовыя войска, находился на этотъ разъ при заднихъ отрядахъ Капцевича и Клейста. Въ главной квартирѣ силезской арміи движеніе Наполеона на Сезаннь сдѣлалось извѣстнымъ слишкомъ поздно и ему не была дана тотчасъ-же правильная оцѣнка. Не удивительно, что приказы, разсылаемые при таковыхъ обстоятельствахъ начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, или не соотвѣтствовали вовсе положенію дѣлъ, или-же прибывали не своевременно. Олсуфьевъ, сдѣлавшій только что небольшой переходъ отъ Этожа къ Шампоберу, получилъ приказаніе оставаться на этомъ мѣстѣ въ то время, когда появленіе непріятеля въ Сезаннѣ считалось еще простымъ набѣгомъ, но приказаніе не было отмѣнено и въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ стоялъ уже у Сенъ-При. Къ несчастью Олсуфьевъ былъ человѣкъ, неспособный къ какимъ-бы то ни было самостоятельнымъ дѣйствіямъ. Храбрый солдатъ, онъ не умѣлъ разсуждать и считалъ своимъ долгомъ слѣпо и безусловно исполнять распоряженія начальства. Его положеніе было къ тому-же самое странное. У него не было вовсе кавалеріи, за исключеніемъ двѣнадцати конныхъ вѣстовыхъ, и онъ не могъ, слѣдовательно, производить развѣдки и во-время узнавать о приближеніи непріятеля. Захваченный совершенно врасплохъ, онъ выдвинулъ противъ непріятеля половину своего отряда подъ начальствомъ генерала Удома и, собравъ на совѣтъ всѣхъ бывшихъ при немъ генераловъ, предложилъ имъ вопросъ, что дѣлать? Всѣ они единогласно предлагали отступить на Этожъ къ Вертю, дабы соединиться тамъ съ войсками Капцевича и Клейста. Такое отступленіе было еще возможно, такъ какъ Наполеонъ не успѣлъ еще придвинуть

къ мѣсту боя всѣ свои войска; но Олсуфьевъ не рѣшился послѣдовать совѣту генераловъ, ссылаясь на приказаніе, отданное ему держаться въ Шампоберѣ. Онъ подкрѣпилъ свои войска сражавшіяся у Байе остальною частью своего отряда и вступилъ въ безумную борьбу съ непріятелемъ, въ шесть разъ превосходившимъ его своею численностью. Исходъ борьбы не могъ подлежать сомнѣнію. Русскіе солдаты дрались какъ львы и покрыли себя безсмертною славой. Не имѣя при себѣ кавалеріи, они отражали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безчисленныя атаки непріятельской конницы и пѣхоты. Громимые артиллеріею, истрѣлявъ всѣ патроны, окруженные отовсюду врагами, они оборонялись штыками и прикладами до тѣхъ поръ, пока не иссякли послѣднія ихъ силы. Наступила полная темнота, когда горсть русскихъ была наконецъ окончательно сломлена непріятелями. 1200 храбрецовъ успѣли, однакоже, штыками проложить себѣ дорогу и укрыться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія въ сосѣднемъ лѣсу. 600 человѣкъ легло на мѣстѣ. Всѣ остальные, въ числѣ 1900 ч., по большей части раненые, взяты были въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ были самъ Олсуфьевъ и генералъ Полторацкій. Французы потеряли, по собственнымъ показаніямъ, около 600 ч. [1]).

Наполеонъ былъ въ восторгѣ отъ этой въ сущности незначительной побѣды. Его высокомѣрныя надежды мгновенно поднялись до недосягаемой высоты. Уже онъ мечталъ объ изгнаніи враговъ изъ предѣловъ Франціи, о возстановленіи своего владычества надъ Европою. За ужиномъ, къ которому при-

[1]) Французы, вслѣдъ за Наполеономъ, страшно преувеличивали побѣду свою при Шампоберѣ. Наполеонъ писалъ Іосифу Бонапарте: „Сегодня я атаковалъ непріятеля у Шампобера. Его силы состояли изъ 12 полковъ; у него было 40 орудій. Главный начальникъ былъ взятъ въ плѣнъ со всѣми своими генералами, полковниками, офицерами, орудіями, зарядными ящиками и багажемъ. Пока насчитываютъ 6,000 плѣнныхъ, 40 пушекъ, 200 повозокъ. Остатокъ былъ отброшенъ въ болото или перебитъ на мѣстѣ сраженія". Еще изумительнѣе хвастовство и лживость Мармона, писавшаго много лѣтъ спустя послѣ событія. Онъ говоритъ, правда, только о 15 взятыхъ пушкахъ и 4,000 плѣнныхъ, но за то онъ приписываетъ всю побѣду самому себѣ и своимъ войскамъ и утверждаетъ, что съ французской стороны сражались всего лишь 3,200 пѣхоты и 1,500 конницы. См. Мармонъ Мемуары. Т. VI стр. 50.

глашены были плѣнные русскіе генералы, Наполеонъ обратился къ своимъ маршаламъ съ такими словами: „отъ какихъ мелочей зависитъ часто судьба государствъ. Если завтра намъ повезетъ также противъ Сакена, какъ повезло сегодня противъ Олсуфьева, то союзники уйдутъ обратно за Рейнъ скорѣе, нежели они пришли, а я буду опять на Вислѣ“ [1])

Какъ ни странно было это хвастовство, но счастье продолжало служить какимъ то непонятнымъ образомъ Наполеону. Въ послѣдній разъ хотѣло оно осыпать своими щедротами прежняго любимца, чтобы покинуть его затѣмъ навсегда и безвозвратно. Сакенъ и Іоркъ получили въ самый день пораженія Олсуфьева новыя приказанія отъ Блюхера. Фельдмаршалъ предписывалъ Сакену отойти немедленно къ Монмиралю, а Іорку къ Этожу. Самъ Блюхеръ поспѣшилъ къ Ла-ферь-Шампенуазу, но на пути его настигло извѣстіе о катастрофѣ Олсуфьева. Тотчасъ-же посланы были новые приказы Сакену и Іорку, предписывавшіе обоимъ генераламъ перевести свои войска на лѣвый берегъ Марны и спѣшить къ Реймсу, главному сборному пункту силезской арміи. Если-бы это послѣднее приказаніе было отправлено нѣсколькими часами ранѣе, то оно могло-бы спасти союзниковъ отъ большого несчастія. Но теперь было уже поздно. Сакенъ получилъ приказъ отступать на Монмираль, въ то время когда корпусъ Олсуфьева былъ уже уничтоженъ, а Наполеонъ шелъ уже съ главными своими силами на Монмираль. Избалованный недавними успѣхами, горя желаніемъ сразиться съ самимъ Наполеономъ и побѣдить его, Сакенъ рѣшился идти прямо на Монмираль и силою проложить себѣ путь на соединеніе съ Блюхеромъ. Тщетно предупреждалъ его осторожный Іоркъ, тщетно предлагалъ онъ ему переправиться тотчасъ-же черезъ Марну у Шато-Тьери и избѣгнуть тѣмъ встрѣчи съ Наполеономъ. Сакенъ упорно стоялъ на своемъ, предлагалъ Іорку послѣдовать

---

[1]) Слова эти произвели, впрочемъ, непріятное впечатлѣніе на присутствующихъ маршаловъ. Наполеонъ замѣтилъ это, по выраженію лицъ ихъ, и поспѣшилъ добавить: „И тогда я заключу миръ на условіи естественнихъ границъ“. „Chose dont il se serait bien garde“, замѣчаетъ Мармонъ, по поводу этихъ послѣднихъ словъ. Мемуары Мармона, т. VI, стр. 52—53.

его примѣру и общими силами ударить на Наполеона. Такое предложеніе русскаго генерала не лишено было, впрочемъ, своего разумнаго основанія. Соединенныя силы Сакена и Іорка могли-бы помѣряться съ Наполеономъ; но Іоркъ не рѣшился на такое, по его мнѣнію, безразсудное предпріятіе. Опытный солдатъ, превосходный боевой генералъ, онъ не былъ полководцемъ и не обладалъ рѣдкою способностью понимать моментъ и пользоваться имъ [1]). Не желая принимать участія въ предпріятіи Сакена и рисковать подобно ему „всѣмъ своимъ корпусомъ", Іоркъ не хотѣлъ, однакоже, покинуть своего русскаго товарища на произволъ судьбы. Онъ старался обезпечить съ одной стороны свое отступленіе за Марну, а съ другой принялъ мѣры, чтобы поспѣть въ случаѣ крайности на помощь Сакену. Съ этою цѣлью онъ занялъ Шато-Тьери и мосты черезъ Марну, расположилъ массу своихъ войскъ у Вифора, а авангардъ выдвинулъ впередъ по дорогѣ на Монмираль.

Съ своей стороны Наполеонъ выступилъ изъ Шампобера еще вечеромъ 10 числа. Выдвинувъ корпусъ Мармона къ Этожу и, поручивъ ему задерживать, по возможности, Блюхера, императоръ съ остальными войсками двинулся поспѣшно на Монмираль и еще ночью съ 10 на 11 занялъ этотъ пунктъ, выгнавъ оттуда казаковъ Сакена. На слѣдующій день рано утромъ Наполеону дали знать, что русскіе наступаютъ со стороны Ла-ферте-су-Жуаръ и онъ тотчасъ-же построилъ свои войска въ боевой порядокъ [2]). Сакенъ дѣйствовалъ наступательно, но вмѣсто того, чтобы повести атаку на правый флангъ противника, откуда грозила ему величайшая опасность и гдѣ, въ случаѣ пораженія, непріятель могъ отрѣзать ему всѣ пути

---

[1]) Бернгарди говоритъ по этому поводу: Іоркъ былъ одинъ изъ лучшихъ генераловъ прусской арміи, быть можетъ, первый на полѣ битвы; онъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ и считалъ себя способнымъ къ высшему и вотъ ходъ событій доставилъ ему рѣдкій случай занять первое мѣсто въ ряду полководцевъ и самостоятельно сокрушить Наполеона, но онъ не видѣлъ славныхъ вѣнцовъ, касавшихся его чела. Бернгарди, т. IV, стр. 389.

[2]) Подробности о сраженіи при Монмиралѣ, см. Бернгарди, т. IV, стр. 390—393; Богдановичъ, т. IV, стр. 383—386; Дройзенъ, т. II, стр. 296—312.

къ отступленію, онъ направилъ массу своихъ войскъ на лѣвое крыло непріятеля, гдѣ французы сильно укрѣпились въ деревнѣ Марше. Уже передовыя войска повсемѣстно вступили въ бой, когда къ Сакену прибылъ адъютантъ Іорка, маіоръ Ф. Шакъ. Адъютантъ передалъ Сакену уже извѣстныя намъ опасенія Іорка, но русскій генералъ возразилъ, что онъ не можетъ прервать сраженія и что онъ имѣетъ передъ собою лишь незначительныя непріятельскія силы. Но какъ-бы противорѣча самому себѣ, онъ добавилъ, что онъ очень-бы просилъ генерала Іорка поддержать его своими войсками. Шакъ отвѣтилъ, что генералъ его готовъ поспѣшить на помощь къ своему русскому товарищу, но что во всякомъ случаѣ пруссаки могутъ поспѣть только къ вечеру и что непроходимыя дороги не дозволятъ имъ взять съ собою артиллерію. „Въ артиллеріи нѣтъ надобности", возразилъ съ живостью Сакенъ. „Русскія войска снабжены орудіями въ достаточномъ количествѣ" [1]).

Ф. Шакъ возвратился поспѣшно съ отвѣтомъ Сакена въ Вифоръ. Іоркъ понялъ, что теперь наступила минута давно предвидѣнной имъ великой опасности. Немедленно отправилъ онъ въ Шато-Тьери всю свою артиллерію и бригаду принца Вильгельма, а самъ съ остальными войсками, бригадами Пирха и Горна и 8-ю артиллерійскими орудіями, выступилъ къ Монмиралю на помощь Сакену. Дороги были, однакоже, такъ топки и непроходимы, что пруссаки, не смотря на всѣ свои усилія, достигли Фонтенеля, въ непосредственной близи отъ поля битвы, лишь около четырехъ часовъ пополудни. Между тѣмъ у Монмираля кипѣлъ отчаянный бой, начиная съ 12 часовъ дня. Сакенъ направилъ главную массу своихъ войскъ на деревню Марше и завладѣлъ ею послѣ ожесточеннаго сопротивленія. Всѣ попытки непріятеля взять обратно деревню были отбиты съ большими для него потерями. Но въ этой, въ сущности безполезной борьбѣ, Сакенъ затратилъ свои послѣдніе резервы и совершенно ослабилъ свой лѣвый флангъ. Наполеонъ, намѣренно отвлекавшій вниманіе противника своими

---

[1]) См. Дройзенъ, Жизнь Іорка, т. II, стр. 308.

повторенными атаками на Марше, получилъ около двухъ часовъ пополудни сильныя подкрѣпленія, въ томъ числѣ гвардейскую бригаду Мишеля и немедленно атаковалъ превосходными силами лѣвый флангъ Сакена. Сраженіе приняло самый печальный оборотъ для русскихъ. Не смотря на всю свою стойкость, они не въ состояніи были выдержать натиска свѣжихъ непріятельскихъ войскъ. Все лѣвое крыло Сакена было опрокинуто; французы завладѣли группою дворовъ и селеній, расположенныхъ вдоль дороги на Шато-Тьери и отрѣзали русскому корпусу всѣ пути къ отступленію. Въ этотъ отчаянный моментъ прибыли на мѣсто боя пруссаки. Іоркъ, не теряя ни минуты времени, двинулъ въ атаку на деревни бригаду Пирха. Онъ самъ прискакалъ въ цѣпь застрѣльщиковъ и лично распоряжался дѣйствіями, ободряя солдатъ своимъ хладнокровнымъ мужествомъ. Тщетно убѣждали его штабные офицеры отъѣхать назадъ, указывая на страшную опасность. Іоркъ давалъ видъ, что онъ не слышитъ ихъ предостереженій. На повторенныя просьбы онъ отвѣчалъ съ досадою: „Уѣзжайте сами! Оставьте меня! Я буду искать смерти, если мы не удержимся здѣсь“ [1]).

Неожиданная аттака пруссаковъ видимо озадачила французовъ. Они перестали тѣснить Сакена, и обратили всѣ свои силы противъ новаго врага. Французская гвардія оттѣснила назадъ бригаду Пирха, но Іоркъ выдвинулъ на помощь ей бригаду Горна, расположилъ свои войска у деревни Ле-Турне и до самой темноты продолжалъ отбиваться съ успѣхомъ отъ нападеній непріятеля. Тѣмъ временемъ войска Сакена начали отходить за прусскія линіи и благополучно достигли Виффорской дороги. Французы успѣли отрѣзать только софійскій пѣхотный полкъ, но и тотъ пробился. Бой и преслѣдованіе продолжались до наступленія полной темноты. Наставшая за тѣмъ темная и дождливая ночь заставила непріятеля прекратить сраженіе [2]). Прусскій арріергардъ подъ начальствомъ Кацле-

---

[1]) См. Богдановичъ, т. IV, стр. 385; Дройзенъ, т. II, стр. 311.

[2]) Наполеонъ распространялъ самыя чудовищныя извѣстія о своей побѣдѣ при Монмиралѣ. „Сегодняшній день былъ рѣшительный, писалъ онъ королю Іосифу, силезская армія не существуетъ болѣе; я нанесъ ей полное пораженіе.

ра остался въ виду французовъ и занималъ до самаго разсвѣта деревню Ле-Турне. Всѣ остальныя войска двинулись по дорогѣ на Вифоръ. Впереди шли русскіе, за ними пруссаки. Темнота была страшная, лилъ проливной дождь и всѣ дороги превратились въ непроходимое болото. Русскіе принуждены были зажигать костры, чтобы освѣтить хотя нѣсколько путь. Орудія и фуры то и дѣло увязали въ грязи. Цѣлые эскадроны принуждены были сходить съ коней и запрягать ихъ подъ орудія. Только съ разсвѣтомъ войска дошли наконецъ до Вифора и вышли здѣсь на большую шоссейную дорогу.

Французы возобновили преслѣдованіе съ наступленіемъ дня. Они вытѣснили арріергардъ Кацлера изъ Ле-Турне и, усиливаясь съ каждымъ часомъ, напирали все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ на пруссаковъ. Упоенные побѣдою, ободряемые присутствіемъ Наполеона, они видимо хотѣли покончить съ непріятелемъ. При такихъ обстоятельствахъ Іоркъ считалъ за лучшее перевести войска какъ можно скорѣе за Марну въ Шато-Тьери и разрушивъ мосты, прекратить тѣмъ самымъ преслѣдованіе. Сакенъ воспротивился, однакоже, этому намѣренію. Онъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ ему придется бросить всю свою артиллерію и багажъ и упрашивалъ Іорка, занявъ позицію впереди Марны, на высокомъ плато, насупротивъ Шато-Тьери, задержать хотя на нѣсколько часовъ наступленіе непріятеля и дать ему возможность переправить черезъ рѣку свои обозы. Неустрашимый Іоркъ исполнилъ просьбу своего товарища. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, пруссаки и русскіе, въ числѣ 10,000 чел., задерживали наступленіе французовъ и покрыли себя въ этотъ день неувядаемою славою. Наполеонъ, лично управлявшій боемъ, атаковалъ позицію Іорка

Мы взяли всѣ ея пушки, багажъ и массу плѣнныхъ, быть можетъ, до 7,000. Всякую минуту приводятъ новыхъ плѣнниковъ. Отъ 5 до 6000 непріятелей остались на мѣстѣ битвы. И все это было достигнуто одною половиною старой гвардіи; она сдѣлала болѣе, нежели можно ожидать отъ силъ человѣческихъ. Эти два дня измѣнили все положеніе дѣлъ. Сакенъ убитъ (!). Много генераловъ взято въ плѣнъ, нѣсколько ранено, многіе остались на мѣстѣ боя, десять русскихъ дивизій, т. е. 60 полковъ уничтожено (!?), я писалъ императрицѣ чтобы стрѣляли 60 разъ изъ пушекъ“ и т. д. Correspondance de Napoleon, т. 27, стр. 176—177.

съ фронта массами пѣхоты и направилъ въ обходъ лѣваго фланга четыре тысячи конницы, подъ начальствомъ маршала Нея. Отборныя французскія войска, недавно прибывшія изъ Испаніи, приняли участіе въ этой атакѣ. Въ первой линіи кавалеріи стояли драгуны, за ними конные гренадеры, позади кирасиры. Ярко блестѣли на солнцѣ ихъ кирасы и шлемы. Литовскіе драгуны подъ начальствомъ полковника Юргаса, смѣло бросились на непріятельскую конницу. Французы встрѣтили враговъ залпомъ изъ карабиновъ, но пруссаки безъ выстрѣла ринулись впередъ и мгновенно прорвали непріятельскую линію. Завязалась отчаянная свалка, но новыя волны французскихъ всадниковъ опрокинули, наконецъ, пруссаковъ. Непріятельская конница заскакала въ тылъ союзной пѣхотѣ, съ фронта напирали французскіе гренадеры. Все казалось погибло въ этотъ ужасный моментъ. Непріятель отрѣзалъ союзниковъ отъ Марны и готовъ былъ завладѣть мостами. Пѣхота Горна, поддерживаемая бранденбургскими гусарами, не потеряла однакоже присутствія духа. Она не только отбила фронтальныя атаки непріятельской пѣхоты, но и отразила побѣдоносно повторенныя яростныя нападенія конницы. Не смотря на всѣ свои усилія, французы принуждены были подаваться нѣсколько разъ назадъ и пруссаки успѣли очистить дорогу къ мостамъ. Нападенія непріятеля повторялись съ удвоенною силою до поздней ночи. Въ частности, они могли похвалиться блестящими успѣхами. Два баталіона русскихъ егерей были стоптаны и разсѣяны французскими кирасирами. Такая-же участь постигла Тамбовскій и Костромскій полки, въ тотъ самый моментъ, когда они пытались построиться въ карре. Два баталіона прусскаго ландвера были совершенно истреблены. Но все-же непріятель не могъ достигнуть своей главной цѣли. Бригада Горна и бранденбургскіе гусары держались на своихъ позиціяхъ, до тѣхъ поръ пока всѣ остальныя войска Сакена и Іорка переправились черезъ рѣку. Этого мало. Отбивъ послѣднюю атаку непріятеля, они сами перешли черезъ рѣку и на глазахъ у французовъ разрушили мосты. Союзная армія была спасена, но потери ея въ оба дни сраженія при Монмиралѣ и Шато-

Тьери были чрезвычайно велики. У русскихъ выбыло изъ строя около 4,500 человѣкъ,—у пруссаковъ болѣе 2,000; русскіе оставили въ рукахъ непріятеля 16 орудій; пруссаки три. Уронъ французовъ въ точности неизвѣстенъ. По ихъ собственнымъ, крайне сомнительнымъ показаніямъ, онъ не превышалъ 2600 человѣкъ [1]).

Перейдя черезъ Марну, корпуса Іорка и Сакена совершенно освободились отъ преслѣдованія. Спокойно достигли они Реймса, а оттуда, вслѣдствіе новаго распоряженія фельдмаршала, направились къ Шалону на Марнѣ. Наполеонъ не предполагалъ преслѣдовать ихъ всѣми своими силами. Преувеличивая свои успѣхи, онъ считалъ силезскую армію совершенно уничтоженною, и находилъ достаточнымъ для преслѣдованія ея остатковъ семитысячный отрядъ подъ начальствомъ маршала Мортье. Въ теченіе 12-го февраля французскіе піонеры возстановили разрушенный мостъ у Шато-Тьери и Мортье двинулся съ своимъ отрядомъ по дорогѣ на Суассонъ, но само собою понятно, что онъ былъ уже не въ состояніи настигнуть союзниковъ.

Наполеонъ съ остальными войсками собирался уже двинуться черезъ Сезаннь на главную армію, когда извѣстія, полученныя имъ отъ Мармона, побудили его измѣнить свой планъ и вмѣсто Шварценберга обратиться противъ Блюхера. Судьба продолжала служить императору французовъ и совершенно неожиданно для него самого указала ему путь къ новой блестящей побѣдѣ. Въ то время когда Сакенъ и Іоркъ сражались при Монмиралѣ и Шато-Тьери, Блюхеръ съ войсками Капцевича и Клейста, всего около 17,000 ч., стоялъ у Бержера всего въ одномъ переходѣ отъ Этожа, гдѣ находился съ своимъ корпусомъ Мармонъ. Положеніе фельдмаршала было самое затруднительное. Громъ пушекъ при Монмиралѣ явствен-

---

[1]) Подробности о битвѣ при Шато-Тьери см. у цитированныхъ выше авторовъ, особенно у Дройзена. Наполеонъ писалъ объ этомъ сраженіи: „Я захватилъ весь непріятельскій арріергардъ, состоявшій изъ четырехъ русскихъ баталіоновъ, трехъ прусскихъ и трехъ орудій; все было взято, даже командовавшій всѣмъ отрядомъ русскій генералъ (?). Сегодня взято 2,000 плѣнныхъ“. Correspondance, т. XXVII, стр. 178.

но доносился до него и онъ горѣлъ нетерпѣніемъ поспѣшить на помощь своимъ генераламъ, но у него вовсе не было конницы и онъ ежеминутно опасался подвергнуться атакѣ со стороны непріятеля, стоявшаго у Этожа. Такъ прошло цѣлыхъ два дня въ мучительномъ безпокойствѣ и тревогѣ. Только вечеромъ 12-го числа получено было, наконецъ, донесеніе отъ Іорка, извѣщавшее объ исходѣ сраженія при Монмиралѣ и объ отступленіи обоихъ союзныхъ корпусовъ къ Виффору. Въ этотъ же самый вечеръ Блюхеръ произвелъ рекогносцировку по направленію къ Этожу и убѣдился, что тамъ находится лишь незначительный отрядъ непріятеля. Естественно, что у него родилось предположеніе, что Наполеонъ прекратилъ преслѣдованіе силезской арміи и обратился вновь противъ Шварценберга, оставивъ при этомъ для прикрытія своего флангового марша корпусъ Мармона въ Этожѣ. Блюхеръ не находилъ для себя возможнымъ пребывать въ бездѣйствіи при такихъ обстоятельствахъ. Онъ рѣшился ударить немедленно-же на Мармона, опрокинуть его отрядъ и дѣйствовать въ тылу удаляющагося Наполеона. Блюхеръ не имѣлъ обыкновенія откладывать исполненіе своихъ плановъ. Едва только прибыли къ его отряду утромъ 13-го числа два полка прусскихъ кирасировъ, какъ онъ тотчасъ-же двинулся противъ Мармона. Непріятель нигдѣ не оказалъ серьезнаго сопротивленія. Тѣснимый авангардомъ Блюхера, онъ отступилъ въ теченіи этого дня сначала къ Шампоберу, а оттуда къ Фроментьеру.

Мармонъ поспѣшилъ увѣдомить императора о нападеніи Блюхера и уже въ ночь съ 13-го на 14-е февраля Наполеонъ рѣшился поспѣшить на помощь Мармону [1]). Онъ взялъ съ собою три пѣхотныхъ дивизіи и всю гвардейскую кавалерію и еще утромъ 14-го числа передовыя войска его дошли до Монмираля. Между тѣмъ Блюхеръ утромъ этого-же дня возобновилъ преслѣдованіе Мармона. Авангардъ его, подъ начальствомъ генерала Цитена, оттѣснилъ Мармона до селенія Вошампъ, но здѣсь непріятель внезапно усилился въ числѣ и остановилъ

---

[1]) Императоръ писалъ Мармону: Я надѣюсь быть въ Монмиралѣ ранѣе 7 часовъ утра, дабы атаковать непріятеля около полудня и дать ему хорошій урокъ. Correspondance, т. XXVII, стр. 189.

свое отступленіе. Наполеонъ былъ уже на мѣстѣ боя. Въ его распоряженіи сосредоточено было здѣсь около 13,000 пѣхоты,— слѣдовательно, почти столько-же, какъ и у Блюхера, но онъ могъ разсчитывать на прибытіе сильныхъ подкрѣпленій, въ числѣ 5,000 человѣкъ, и что самое главное, въ его распоряженіи было 8,000 отборной конницы, тогда какъ Блюхеръ располагалъ лишь двумя кирасирскими полками, всего около 1,200 человѣкъ.

Наполеонъ воспользовался, какъ нельзя лучше, своимъ численнымъ превосходствомъ и совершенно ровною, открытою мѣстностью. Онъ двинулъ свою пѣхоту на фронтъ непріятельской арміи, а кавалерію раздѣлилъ на двѣ массы. Одна изъ нихъ должна была обойти лѣвое крыло Блюхера, другая подъ начальствомъ Груши направлена была въ обходъ его праваго крыла. Сраженіе [1]) началось около полудня. Авангардъ Блюхера, не поддержанный во-время главными силами, былъ вскорѣ вытѣсненъ изъ селенія Вошампъ. Батальоны Цитена въ безпорядкѣ выбѣжали изъ деревни и были здѣсь совершенно разсѣяны неожиданною и стремительною атакою французской кавалеріи. Непріятель, упоенный первымъ легкимъ успѣхомъ, быстро продолжалъ наступленіе. Позади Вошампа, на разстояніи какихъ нибудь 3,000 шаговъ, французы наткнулись на главныя силы Блюхера. Онѣ были расположены поперекъ большой дороги на Шампоберъ; на правомъ крылѣ стояли пруссаки, на лѣвомъ—русскіе. Блюхеръ скоро замѣтилъ численное превосходство непріятеля въ кавалеріи и, принимая къ тому-же въ соображеніе невыгодныя мѣстныя условія, рѣшился подать сигналъ къ отступленію. Но было уже поздно. Оба его крыла были уже охвачены многочисленною непріятельскою конницею, и непріятель одновременно повелъ на него атаку и съ фронта, и съ фланговъ. Прусская кавалерія, не смотря на свою малочисленность, держалась долгое время противъ превосходныхъ силъ непріятеля. 600 кирасировъ, прикрывавшихъ правый флангъ Блюхера, неоднократно бросались въ

---

[1]) Подробности о битвѣ при Этожѣ см. Богдановичъ, т. IV, стр. 389—311; Бернгарди, т. IV, стр. 401—405; Мармонъ, т. VI, стр. 56—60.

атаку на французскую кавалерію и отбрасывали ее нѣсколько разъ назадъ. Оттѣсненные, наконецъ, шестернымъ превосходствомъ силъ, они упорно продолжали прикрывать свою пѣхоту, подвигаясь шагъ за шагомъ назадъ параллельно съ непріятельскою конницею. Русско-прусская пѣхота съ своей стороны отходила въ стройномъ порядкѣ, не торопясь, какъ будто на учебномъ полѣ. Такъ достигли союзники поселка Ле-Дезеръ, какъ-разъ на половинѣ дороги между Шампоберомъ и Фроментьеромъ. Мѣстность, пересѣченная здѣсь лѣсомъ и прудами, замедлила ихъ отступленіе. Атаки французской кавалеріи повторялись все чаще и чаще. Генералъ Капцевичъ, для лучшаго противодѣйствія имъ, приказалъ своимъ баталіонамъ отступать въ шахматномъ порядкѣ. Этотъ маневръ и неслыханное хладнокровіе, съ которымъ выполняли его русскіе войска, привелъ въ восторгъ стараго фельдмаршала. Тщетно доказывалъ генералъ Клейстъ, что подобный способъ отступленія даетъ французской конницѣ время зайти въ тылъ союзникамъ и отрѣзать ихъ отъ спасительнаго этожскаго лѣса, виднѣвшагося вблизи. Блюхеръ не захотѣлъ слушать его; удивляясь отвагѣ русскихъ, онъ приказалъ прусской пѣхотѣ, шедшей впереди, остановиться и подождать своихъ союзниковъ. Это замедленіе едва не погубило весь отрядъ. Этожскій лѣсъ былъ уже вблизи, какъ вдругъ передъ союзниками явились многочисленныя массы кавалеріи Груши. Прусскіе кирасиры бросились еще разъ въ атаку, но атакованные съ обоихъ фланговъ, потерпѣли полное пораженіе и были совершенно разсѣяны. Союзная пѣхота осталась теперь безъ всякаго прикрытія. Огромныя массы французской кавалеріи обрушились на нее со всѣхъ сторонъ. Конница Груши бросалась на нее спереди; гвардейская кавалерія Нансути напирала на нее сзади. То была ужасная минута. Карреи союзной пѣхоты исчезали по временамъ совершенно среди волнующагося моря непріятельскихъ всадниковъ. Нѣсколько баталіоновъ было смято и разсѣяно. Среди страшной свалки и всеобщаго смятенія принцъ Августъ прусскій, генералы Капцевичъ и Клейстъ были сброшены съ лошадей и лишь съ трудомъ успѣли спастись въ ближайшее карре. Самъ старый фельдмаршалъ под-

вергался величайшей опасности. Не смотря на всѣ просьбы окружающихъ, онъ не хотѣлъ скрыться въ средину карре и видимо искалъ смерти. Вокругъ него собрались его свита и нѣсколько кирасировъ. Непріятельскіе всадники бросились на нихъ. Одинъ конный гвардеецъ пробился до самого Блюхера. Со словами: „Ну этотъ молодецъ не уйдетъ отъ меня!" Старый фельдмаршалъ выхватилъ саблю и ринулся на него. Свита и кирасиры бросились за нимъ. Озадаченные внезапною атакою, гвардейцы дрогнули и повернули назадъ коней [1]). Но то былъ лишь одинъ моментъ. Новая волна непріятельскихъ всадниковъ нахлынула на храбрецовъ. Ностицъ, адъютантъ Блюхера, предпринялъ послѣднюю попытку спасти геройскаго старика. „Если васъ убьютъ здѣсь", сказалъ онъ ему, „то исторія не помянетъ васъ за это добрымъ словомъ". „Ну такъ уѣдемъ отсюда", отвѣчалъ угрюмо фельдмаршалъ. Вмѣстѣ съ своею свитою онъ помѣстился въ одномъ изъ карреевъ.

Къ счастію для союзниковъ, Груши не имѣлъ въ своемъ распоряженіи артиллеріи, а атаки его конницы, за немногими исключеніями, разбились безсильно объ желѣзную грудь русско-прусской пѣхоты. Восемь прусскихъ баталіоновъ, шедшіе впереди, отбили всѣ атаки французскихъ всадниковъ и штыками проложили себѣ дорогу къ этожскому лѣсу. Наступила темнота, и маршалъ Ней, опасаясь, чтобы кавалерія Груши не разсѣялась по лѣсу, приказалъ трубить сборъ. Преслѣдованіе прекратилось. Баталіоны Капцевича вслѣдъ за пруссаками вступили безпрепятственно въ лѣсъ. Только князь Урусовъ, шедшій въ арріергардѣ съ своею бригадою, отрѣзанъ былъ непріятелемъ. Самъ Урусовъ былъ взятъ въ плѣнъ, но часть его войскъ успѣла пробиться [2]).

Союзный отрядъ былъ спасенъ отъ совершеннаго истребленія, но потери, его были ужасны. Онѣ доходили до 6,000 ч. и 16 орудій; погибла, слѣдовательно, цѣлая треть войскъ Блюхера, въ томъ числѣ 4,000 пруссаковъ и 2,000 русскихъ. По-

---

[1]) Шерръ, Blücher, seine Zeit und sein Leben, т. III, стр. 349.
[2]) См. Мармонъ, Мемуары, т. VI, стр. 60.

бѣда Наполеона была блистательна [1]), но онъ не сумѣлъ воспользоваться ею до конца. Какъ при Шато-Тьери и Этожѣ, такъ и здѣсь онъ преувеличивалъ значеніе своего успѣха. Ему казалось, что онъ уничтожилъ въ конецъ армію Блюхера и что опаснѣйшій изъ его противниковъ не существуетъ болѣе. Онъ не считалъ даже нужнымъ преслѣдовать разбитаго Блюхера. Онъ занятъ уже былъ другими колоссальными планами. Оставивъ для наблюденія за обломками силезской арміи Мармона съ небольшимъ отрядомъ, онъ двинулся со всею арміею черезъ Мо и Гинь на Сену противъ Шварценберга.

Наполеонъ находился, однакоже, въ большомъ заблужденіи на счетъ опаснѣйшаго своего противника. Противникъ этотъ вовсе не былъ уничтоженъ. Оставляя его въ покоѣ, Наполеонъ давалъ ему тѣмъ самымъ возможность возстановить въ короткое время свои силы. Силезская армія понесла жестокіе удары. Въ теченіе одной роковой недѣли она потеряла около 16,000 чел. и до 50 орудій, но она счастливо избѣгла окончательнаго пораженія, а ея вожди, хорошо сознавая сдѣланныя ими ошибки, нисколько не упали духомъ. Старикъ Блюхеръ подавалъ всѣмъ остальнымъ примѣръ героической твердости въ эти печальные дни. По прибытіи въ Шалонъ, куда сошлись всѣ его корпуса, онъ приступилъ немедленно къ реорганизаціи своей арміи. Оборванные и босые солдаты снабжены были, по мѣрѣ возможности, обувью и теплою одеждою. Части войскъ, особенно пострадавшія за послѣднее время, были переформированы. Въ корпусѣ Іорка четыре прежнія бригады соединены были въ двѣ дивизіи; десять эскадроновъ резервной кавалеріи были соединены въ четыре. Такая-же переформировка произведена была и въ корпусѣ Клейста. Что-же касается до русскихъ корпусовъ, то убыль въ рядахъ ихъ пополнена была уже 18 февраля прибытіемъ 10,000 свѣжихъ

---

[1]) Онъ преувеличивалъ ее въ своихъ письмахъ и бюллетеняхъ, по обыкновенію, до смѣшнаго. Въ числѣ другихъ нелѣпостей, онъ писалъ, что потери французовъ доходили только до 300 чел., и что на полѣ сраженія подобрано было 40,000 ружей. См. Correspondance, т. 27, стр.

войскъ [1]). Заботясь о матеріальномъ возстановленіи своихъ войскъ, Блюхеръ обращалъ еще большее вниманіе на поднятіе ихъ нравственнаго духа, потрясеннаго послѣдними неудачами. Безкорыстный и великодушный по самой натурѣ своей, онъ взялъ на себя всю вину послѣднихъ пораженій; и въ донесеніяхъ императору Александру не обвинялъ ни одного изъ своихъ генераловъ [2]). Веселый и бодрый, какъ всегда онъ шутилъ съ солдатами и обѣщалъ имъ поправить дѣла въ самомъ ближайшемъ будущемъ" [3]). Не прошло и недѣли, а уже силезская армія, доведенная вновь до 53,000 челов., готова была опять начать наступленіе. „Смотрите", говорилъ фельдмаршалъ своимъ штабнымъ, составлявшимъ диспозицію новаго похода, „не натворите опять такого-же свинства, какъ за последніе дни!" [4])

Силезская армія могла быть усилена въ это время цѣлыми корпусами свѣжихъ войскъ, только что прибывшихъ во Францію. Еще въ началѣ января переправился черезъ Рейнъ у Дюссельдорфа 30,000 русскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Винцингероде, и занявъ по пути крѣпости Авенъ и Лаонъ, достигъ въ первыхъ числахъ февраля окрестностей Суассона. 14 февраля, въ самый день битвы при Этожѣ, генералъ Чернышевъ, командовавшій авангардомъ корпуса, взялъ штурмомъ Суассонъ, при чемъ французы потеряли 800 челов. убитыми и ранеными и 3,000 плѣнными [5]). Въ скоромъ времени войска Винцингероде получили приказаніе присоединиться къ силезской арміи. Такое-же назначеніе получили и войска прусскаго генерала Бюлова (30,000 чел.), прибывшія въ это время во Францію изъ Бельгіи.

Положеніе Наполеона, не смотря на всѣ его блестящія побѣды, было, такимъ образомъ, по прежнему критическое. Только въ главной квартирѣ союзниковъ продолжали смотрѣть еще на него какъ на силу грозную и непобѣдимую и трепетали

---

[1]) См. Дройзенъ, т. II, стр. 326 и 327.
[2]) См. Богдановичъ, т. IV, 391.
[3]) Бернгарди, т. IV, 1 пол. стр. 406.
[4]) Шерръ, Blücher's Leben, т. III, стр. 350.
[5]) Богдановичъ, т. IV, стр. 393.

при одной мысли о его скоромъ прибытіи на Сену. Шварценбергъ ни мало не воспользовался экспедиціею Наполеона противъ силезской арміи. Связанный извѣстнымъ уже намъ тайнымъ приказомъ своего двора,—отнюдь не переходить на правую сторону Сены,—онъ изыскивалъ всевозможныя средства, дабы подавать видъ дѣятельности, не предпринимая въ сущности ничего. Прежде всего онъ постарался растянуть всю армію на протяженіи ста верстъ между Ножаномъ и Оксономъ. Затѣмъ онъ предписывалъ отъ времени до времени отдѣльнымъ корпусамъ своихъ войскъ такъ называемыя рекогносцировки и демонстраціи, при чемъ строго внушалъ ихъ начальникамъ ограничиваться однимъ наблюденіемъ, не вступать въ бой съ непріятелемъ и занимать только тѣ пункты, которые уже очищены непріятелемъ. Частные успѣхи, какіе имѣли союзники при такихъ обстоятельствахъ достигнуты были помимо Шварценберга. Такъ кронпринцъ виртембергскій, вопреки распоряженіямъ главнокомандующаго, съ боя завладѣлъ Саномъ.

Между тѣмъ получено было въ главной квартирѣ извѣстіе о пораженіи Олсуфьева подъ Шампоберомъ. Крайне встревоженный этою вѣстью, императоръ Александръ настойчиво требовалъ, чтобы вся союзная армія направилась въ тылъ Наполеону на Сезаннь, но Шварценбергъ объявилъ, что несравненно выгоднѣе и безопаснѣе направить армію по лѣвому берегу Сены на Фонтенебло, т. е. именно въ ту сторону, гдѣ вовсе не было непріятеля. Выведенный изъ терпѣнія, государь объявилъ, что его войска ни въ какомъ случаѣ не послѣдуютъ за австрійцами. Немедленно отдалъ онъ приказъ Витгенштейну и Барклаю-де-Толли перейти на правый берегъ Сены, а генерала Дибича съ легкою гвардейскою кавалеріею и двумя пѣхотными полками послалъ прямо на Сезаннь для возстановленія сообщенія съ арміею Блюхера. Эти рѣшительныя мѣры Александра ни мало не образумили Шварценберга. „Коснѣя“, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ историковъ, [1]) „въ своемъ упрямствѣ“, онъ направилъ непосредственно зависѣвшія

---

[1]) Богдановичъ, Т. IV, стр. 397.

отъ него союзныя войска еще далѣе влѣво отъ Сены на рѣку Іонну и тѣмъ разобщилъ еще болѣе отдѣльные корпуса главной арміи другъ отъ друга. Между тѣмъ отъ Дибича приходили съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе грозныя вѣсти. Пораженіе Сакена и Іорка при Монмиралѣ усилило опасенія Александра. Вновь онъ потребовалъ соединенія арміи и движенія въ тылъ Наполеону; но Шварценбергъ упорно настаивалъ на своемъ прежнемъ планѣ: движеніи по лѣвому берегу Сены. Вопреки интригамъ главнокомандующаго, союзныя войска подвинулись, однакоже, въ теченіи послѣднихъ дней, отъ 12 по 16 февраля, нѣсколько впередъ. Корпусъ Витгенштейна, переправившись черезъ Сену у Понъ-Сюръ-Сенъ, занялъ Ножанъ и расположился между Провеномъ и Нанжисомъ. Авангардъ его, подъ начальствомъ графа Палена, достигъ Мормана. Вреде съ своими баварцами также перешелъ на правый берегъ Сены у Провена и расположился неподалеко отъ него у Доннемари. Кронпринцъ виртембергскій двинулся отъ Сана къ Монтеро и занялъ этотъ городъ, расположенный на самой Сенѣ. Русско-прусскіе резервы достигли Мери. Маршалы Викторъ и Удино нигдѣ не рѣшились вступить въ бой съ союзниками. Уже 15 февраля они переправились черезъ рѣку Іеръ и заняли позицію всего лишь въ двухъ переходахъ отъ Парижа.

И такъ, въ тотъ самый моментъ, когда Наполеонъ готовъ былъ броситься на главныя силы союзниковъ, силы эти были совершенно разобщены и разбросаны на огромномъ пространствѣ, частью на лѣвомъ, а частью на правомъ берегу Сены. Недостатка въ предостереженіяхъ не было, но Шварценбергъ оставался попрежнему глухъ къ нимъ. Въ полночь, на 4-е февраля, (16 февраля) императоръ Александръ получилъ донесеніе отъ генерала Дибича, не оставлявшее никакого сомнѣнія на счетъ дѣйствительныхъ намѣреній противника. Дибичъ доносилъ, что Наполеонъ прекратилъ преслѣдованіе силезской арміи, что онъ возвратился въ Монмираль и направляется оттуда на Ла-ферте-су-Жуаръ. Почти одновременно съ этимъ донесеніемъ прибылъ въ Понъ-Сюръ-Сенъ, гдѣ находились въ это время императоръ Александръ и король прусскій, графъ Гааке, адъютантъ Блюхера. Онъ не только подтвердилъ свѣдѣнія, до-

ставленныя Дибичемъ, но и предостерегалъ отъ имени стараго фельдмаршала, императора Александра о близкой опасности, грозящей со стороны Наполеона. Императоръ и король немедлено поспѣшили въ Ножанъ, на квартиру Шварценберга и, заставъ его спящимъ, приказали разбудить его. Князь, видимо смущенный, послалъ тотчасъ же за Лангенау, безъ котораго онъ не могъ ступить шагу. Едва только явился этотъ послѣдній, какъ начались совѣщанія. Императоръ Александръ вновь началъ требовать, чтобы вся армія сосредоточена была, какъ можно скорѣе, у Провена. Шварценбергъ и Лангенау, связанные своими тайными инструкціями, возражали. Послѣ долгаго спора австрійцы настояли на своемъ. Рѣшено было остановить войска на достигнутыхъ ими позиціяхъ и выжидать обнаруженія дальнѣйшихъ намѣреній непріятеля [1]). Рѣшеніе поистинѣ изумительное, вполнѣ австрійское! Намѣренія непріятеля были совершенно ясны безъ всякихъ дальнѣйшихъ обнаруженій. Наполеонъ собирался атаковать разрозненныя части арміи, и чтобы помѣшать его замысламъ необходимо было сосредоточить какъ можно скорѣе всѣ союзныя силы у Провена, какъ предлагалъ это императоръ Александръ. Рѣшая оставить корпуса на занятыхъ ими позиціяхъ, австрійскіе стратеги сдѣлали именно то, что было необходимо Наполеону для его успѣха.

Ближе всѣхъ къ наступающему непріятелю расположенъ былъ авангардъ корпуса Витгенштейна, состоявшій изъ 4,000 пѣхоты и конницы подъ начальствомъ графа Палена. Паленъ находился въ Морманѣ въ 35 верстахъ отъ главныхъ силъ Витгенштейна, остановившихся недалеко отъ Понъ-Сюръ-Сена. Узнавъ о приближеніи значительныхъ непріятельскихъ силъ, Паленъ отправилъ гонца къ австрійскому генералу Гардегу, стоявшему неподалеко отъ него у Нанжиса и просилъ помощи; но Гардегъ, занятый лишь собственною безопасностью, отвѣчалъ ему отказомъ [2]).

Французы, дѣйствовавшіе подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона, наступали по всей линіи, начиная отъ Фонте-

---

[1]) Бернгарди, T. IV, 2-я полов. стр. 18, 19; Богдановичъ, T. IV, стр. 388—389.

[2]) Богдановичъ, T. IV, стр. 399.

небло до Мормана. Генералъ Алликсъ вытѣснилъ австрійскій отрядъ Біанки изъ Фонтенебло, генералъ Пажоль завязалъ бой съ войсками кронпринца у Монтеро, тогда какъ самъ Наполеонъ, съ войсками Виктора, около 18,000 ч., ударилъ на Палена. Паленъ началъ отступленіе тотчасъ-же, какъ только непріятель двинулся на него. Онъ приказалъ своей пѣхотѣ, около 7 батальоновъ, построиться въ карреи, а кавалерію, около 9 эскадроновъ, расположилъ подъ ихъ защитою. Отступая такимъ образомъ, Паленъ былъ настигнутъ Наполеономъ у Грандъ-Пюи на половинѣ пути между Морманомъ и Нанжисомъ. Огромныя массы непріятельской конницы атаковали его отрядъ съ фронта и съ фланговъ, а 36 орудій поражали картечью его войска на близкомъ разстояніи. Малочисленная русская конница обратилась въ бѣгство послѣ перваго-же натиска. Пѣхотные карреи, окруженные со всѣхъ сторонъ, оборонялись съ мужествомъ отчаянія, но понесли, какъ и слѣдовало ожидать, полное пораженіе. Нѣкоторые батальоны, въ особенности селенгинскій и ревельскій полки, были почти уничтожены, другіе успѣли спастись, хотя и въ большомъ безпорядкѣ. Потеря русскихъ доходила въ этотъ день до 2,000 ч.; кромѣ того они оставили въ рукахъ непріятели 10 орудій [1]).

Войска Наполеона стремительно преслѣдовали разбитаго Палена. У Нанжиса имъ удалось настигнуть отрядъ Гардега и, не смотря на поспѣшное отступленіе австрійцевъ, причинить имъ чувствительныя потери. Отъ Нанжиса Наполеонъ двинулъ свои войска въ трехъ расходящихся направленіяхъ. Викторъ со всѣмъ своимъ корпусомъ выступилъ къ Монтеро; Удино, слѣдуя за разбитымъ отрядомъ Палена, двинулся на Провенъ; тогда какъ Макдональдъ, шедшій по серединѣ между обоими маршалами, направился на Доннемари. Наполеонъ торопилъ своихъ маршаловъ и требовалъ почти невозможныхъ усилій отъ своихъ войскъ. Онъ предписалъ Виктору достигнуть во чтобы-то ни стало Монтеро къ вечеру 17 числа, но маршалъ, встрѣтившійся на пути съ авангардомъ Вреде и

---

[1]) См. Богдановичъ, т. IV, стр. 400; Бернгарди, т. IV, 2-я пол. стр. 24.

обратившій его въ бѣгство, принужденъ былъ дать роздыхъ своимъ измученнымъ войскамъ у Салена, чѣмъ накликалъ на себя вновь гнѣвъ своего повелителя. Столь-же мало могъ угодить императору маршалъ Удино. Неподалеко отъ Провена его передовыя войска наткнулись на главныя силы Витгенштейна, находившіяся подъ начальствомъ герцога Евгенія виртембергскаго. Евгеній ничего не зналъ о пораженіи Палена, его войска спокойно отдыхали на бивуакахъ по обѣимъ сторонамъ шоссе, когда пришло совершенно внезапно извѣстіе о несчастномъ сраженіи при Морманѣ, а вслѣдъ затѣмъ показались на дорогѣ безпорядочныя толпы бѣглецовъ. Пѣхотинцы, кавалеристы, казаки, багажныя фуры, артиллерійскія орудія, двигались по шоссе, гонимые паническимъ страхомъ, тѣсня и давя другъ друга. При этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ паника готова была охватить войска Евгенія, но появленіе самого герцога, его спокойныя распоряженія, его бодрый видъ, магически подѣйствовали на солдатъ. „Вмѣстѣ съ его появленіемъ порядокъ и самоувѣренность возвратились въ наши ряды“ [1]), говоритъ очевидецъ. По мановенію герцога войска наши сформировались въ боевыя колонны по обѣимъ сторонамъ шоссе, артиллерія стала въ интервалахъ. Пропустивъ бѣглецовъ и обозъ, Евгеній началъ шагъ за шагомъ отступать съ своими войсками. Черезъ четверть часа показалась непріятельская конница. Герцогъ тотчасъ-же приказалъ остановиться своимъ войскамъ и построиться въ карреи, но непріятельскіе всадники не рѣшились атаковать ихъ и остановились на почтительномъ отъ нихъ разстояніи. Пославъ французамъ нѣсколько гранатъ изъ своихъ гаубицъ, Евгеній спокойно возобновилъ отступленіе, почти не тревожимый непріятелемъ. Самъ Витгенштейнъ призналъ въ присутствіи всего штаба, что корпусъ его спасенъ былъ въ этотъ день отъ катастрофы, единственно благодаря присутствію духа и и хладнокровному мужеству герцога.

День 17 февраля окончился печально для союзниковъ. Они

---

[1]) См. Helldorf, aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg, т. IV, стр. 15—16.

не только потеряли 3,000 ч. [1]), но и принуждены были отступить передъ французами по всей линіи. Неудачамъ этимъ не слѣдовало придавать, однакоже, большого значенія. Выгоды, достигнутыя Наполеономъ въ этотъ день, были въ сущности крайне маловажны; онѣ ограничивались побѣдою надъ передовыми отрядами и не могли оказать вліянія на дальнѣйшій ходъ событій. Стоило лишь союзникамъ отодвинуться нѣсколько назадъ и сосредоточить свои разбросанные корпуса, чтобы пріобрѣсти громадное численное превосходство передъ непріятелемъ и остановить его смѣлое наступленіе. Этого ожидалъ, этого требовалъ императоръ Александръ, но совершенно иначе смотрѣли на положеніе дѣлъ князь Шварценбергъ и его штабные. Они порѣшили воспользоваться удобнымъ моментомъ, дабы отвести какъ можно далѣе назадъ союзную армію и предложить Наполеону перемиріе. Чтобы понять эти изумительныя рѣшенія австрійскихъ полководцевъ, намъ необходимо обратить вниманіе на тайную, закулисную работу ихъ дипломатическихъ собратій.

---

[1]) Такъ опредѣляетъ общую потерю союзниковъ въ этотъ день Бернгарди Т. IV, стр. 25.

ГЛАВА VI.

Тайныя стремленія Меттерниха.—Открытіе Шатильонскаго конгресса.—Затруднительное положеніе Коленкура, его крайняя уступчивость и желаніе вывѣдать всѣ намѣренія союзныхъ кабинетовъ.—Требованія союзниковъ.—Пропозиція Коленкура.—Разумовскій и его инструкціи —Письмо Коленкура къ Меттерниху.—Кестльри спѣшитъ въ Труа.—Его совѣщанія съ Меттернихомъ.—Аудіенція у императора Александра.—„Франція сама должна устроить свои внутреннія дѣла".—Бурбонскіе претенденты.—Впечатлѣніе, произведенное на императора извѣстіемъ о пораженіи Олсуфьева.—Гнѣвъ Александра.—Австрійскіе вопросные пункты.—Отвѣты Александра.—Отвѣты другихъ союзныхъ кабинетовъ.—Крупный разговоръ.—„Не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ оставаться на престолѣ".—Торжество Меттерниха.—Тайныя сношенія австрійскаго канцлера съ Коленкуромъ и Шварценбергомъ.—Шварценбергъ проситъ перемирія у Наполеона.—Хвастовство и высокомѣріе Наполеона.—Онъ собирается разогнать плетью австрійскія войска.—Сраженіе при Монтеро.—Отступленіе союзныхъ войскъ.—Всеобщее уныніе.—Твердость русскаго солдата.—Шварценбергъ зоветъ на помощь Блюхера.—Блюхеръ держитъ свое слово.—Силезская армія у Мери.—Шварценбергъ рѣшается отступить къ Шомону и Лангру.—Новая попытка завязать переговоры съ Наполеономъ.—Князь Венцель Лихтенштейнъ и его бесѣда съ Наполеономъ.—Французы возобновляютъ наступленіе.—Переговоры о перемиріи.—Александръ разстраиваетъ австрійскіе планы.—Онъ даетъ разрѣшеніе Блюхеру отдѣлиться отъ главной арміи.—Письмо Блюхера.—Рѣшительный поворотъ.—Наполеонъ вступаетъ въ Труа.—Судъ надъ измѣнниками.—Исторія съ перстнемъ.—Маршалъ Ожеро.—Грозная вѣсть.—Наполеонъ спѣшитъ вслѣдъ за Блюхеромъ.—Англійскіе дипломаты начинаютъ прозрѣвать истину.—Жатва созрѣла.—Рѣшительный военный совѣтъ.—Сраженіе при Баръ-сюръ-Объ.—Геройскій подвигъ Калужскаго полка.—Наступленіе союзной арміи и вторичное занятіе Труа.—Шомонскій договоръ.—Александръ разоблачаетъ коварство австрійскаго кабинета.—Письмо Наполеона и отвѣтъ императора Франца.—Меттернихъ пытается еще разъ спасти Наполеона.—Тайная миссія Эстергази.—Наполеонъ ставитъ свою судьбу „на лафетъ послѣдняго своего орудія".

Меттернихъ смотрѣлъ на открытіе мирнаго конгресса въ Шатильонѣ какъ на великій успѣхъ своего дипломатическаго искусства. Давно, можно сказать, съ самаго начала коалиціонной войны, онъ вовсе не раздѣлялъ крайнихъ стрем-

леній Александра, далекъ былъ отъ всякой мысли о свержeніи Наполеона, и готовъ былъ заключить миръ съ нимъ при первомъ удобномъ случаѣ. Европа и ея общіе интересы вовсе не существовали для него; подобно повѣренному своему Генцу, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія одерживать новыя побѣды и мстить Наполеону. Въ своемъ неуклонномъ стремленіи къ миру австрійскій канцлеръ встрѣчалъ, однакоже, постоянно двѣ непреодолимыя преграды: непобѣдимое упорство самого Наполеона и страстное стремленіе Александра окончить войну не иначе, какъ взятіемъ Парижа и низложеніемъ Бонапарте и его династіи съ французскаго престола. Послѣ долгихъ тщетныхъ усилій, Меттернихъ началъ наконецъ, повидимому, приближаться къ завѣтной цѣли своихъ стремленій. Въ первыхъ числахъ февраля оба важнѣйшія препятствія къ мирному соглашенію были если и не совершенно устранены, то значительно ослаблены. Александръ далъ свое согласіе не только на открытіе конгресса въ Шатильонѣ, но даже и на програму будущаго мира. Наполеонъ съ своей стороны, потрясенный послѣдними неудачами и въ особенности пораженіемъ при Ла-Ротьерѣ, послалъ своему уполномоченному въ Шатильонѣ предписаніе подписать немедленно миръ, „дабы спасти столицу и избѣжать сраженія, въ которомъ должны быть поставлены на карту послѣднія надежды націи“.

Само собою понятно, что Меттернихъ не могъ знать подлиннаго текста этого предписанія Наполеона, но уже весь образъ дѣйствій Коленкура [1]) въ Шатильонѣ долженъ былъ

---

[1]) Чтобы понять образъ дѣйствій Коленкура въ Шатильонѣ, необходимо имѣть въ виду то крайне затруднительное положеніе, въ которое ставилъ его Наполеонъ своими неопредѣленными и противорѣчивыми предписаніями. Получивъ извѣстное намъ повелѣніе Наполеона отъ 5 февраля заключить миръ во что-бы то ни стало, Коленкуръ отвѣчалъ слѣдующимъ характернымъ письмомъ: „я противостою здѣсь четыремъ переговорщикамъ, если считать трехъ англійскихъ уполномоченныхъ за одного. Эти четыре переговорщика имѣютъ тождественную инструкцію, составленную государственными министрами четырехъ дворовъ. Ихъ слова предписаны имъ напередъ. Заявленія, которыя они должны сдѣлать, доставлены имъ заранѣе. Они не дѣлаютъ шага, не произносятъ

привести его къ убѣжденію, что императоръ французовъ, доведенный до крайности, дѣйствительно и искренно желаетъ мира. Первое засѣданіе конгресса состоялось 5 февраля. Послѣ обмѣна полномочій и исполненія обычныхъ формальностей, представители союзныхъ державъ заявили Коленкуру, что они являются здѣсь не только въ качествѣ пословъ четырехъ союзныхъ дворовъ, но и какъ носители порученія Европы, составляющей здѣсь одно неразрывное цѣлое, вести съ Франціею переговоры о мирѣ, при чемъ они берутъ на себя ручательство, что и остальные союзники примутъ заключенныя ими условія. Всякое разсужденіе о морскомъ правѣ, заявили далѣе послы, должно быть устранено изъ настоящихъ конференцій, какъ дѣло, не находящее-

---

слова, не сговорившись между собою напередъ. Они желаютъ сами, чтобы веденъ былъ протоколъ, но когда я требую, чтобы въ него занесены были простѣйшія замѣчанія объ осязательнѣйшихъ фактахъ, то тотчасъ-же возникаютъ затрудненія по поводу самыхъ умѣренныхъ выраженій, и я бываю вынужденъ уступать, дабы не терять времени въ пустыхъ препирательствахъ. Я чувствую какъ дороги мгновенія, но съ другой стороны я сознаю, что поспѣшностью я могу погубить все. Я спѣшу, но съ осторожностью, необходимою, чтобы не повредить ввѣреннымъ мнѣ интересамъ; я спѣшу, но такъ чтобы не отдаться въ руки этихъ людей. При такомъ положеніи дѣлъ я получаю письмо самаго возбуждающаго содержанія. Когда я уѣзжалъ, то руки мои были почти связаны, а теперь я получаю неограниченныя полномочія; тогда меня удерживали, теперь подстрекаютъ. И при этомъ меня оставляютъ въ неизвѣстности о причинахъ такой перемѣны; мнѣ указываютъ на опасности, но не говорятъ, какъ велики онѣ, грозятъ-ли онѣ съ одной, или съ нѣсколькихъ сторонъ. Передъ моимъ умомъ появляются то одновременно, то поочередно на первомъ планѣ В. В. и армія предводимая Вами, Парижъ, Бретань, Испанія, Италія. Мое воображеніе переносится отъ одного предмета къ другому, но я не въ состояніи составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія. Незнакомый съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, я не могу судить чего требуетъ оно, и что дозволяетъ оно: таково-ли оно, что я долженъ слѣпо согласиться на все безъ переговоровъ и замедленія, или же я располагаю для обсужденія, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пунктовъ, нѣсколькими днями, или однимъ днемъ, или наконецъ, ни однимъ мгновеніемъ. Меня могли-бы освободить отъ такого стѣснительнаго положенія, сообщивъ мнѣ извѣстія, которыхъ не нахожу въ письмѣ герцога Бассанскаго. Въ невѣдѣніи, въ которомъ оставляютъ меня, я буду дѣйствовать осторожно, какъ и слѣдуетъ находясь между двумя утесами, но въ крайнемъ случаѣ я сдѣлаю все, что будетъ требовать, безопасность В. В. и благоденствіе моей страны. См. Онкенъ, die Krisis der lezten Friedensverhandlungen mit Napoleon I, Historisches Taschenbuch, за 1886 г., стр. 5—6.

ся въ связи съ общими интересами и могущее лишь воспрепятствовать заключенію мира [1]).

Коленкуръ выслушалъ спокойно эту декларацію союзныхъ министровъ. Повидимому, онъ былъ готовъ къ самому худшему. Онъ ничего не возразилъ противъ такого, небывалаго въ формальномъ отношеніи заявленія и молча согласился, что уполномоченные четырехъ державъ выступаютъ въ качествѣ представителей всей Европы. Онъ не только не протестовалъ противъ устраненія вопроса о морскомъ правѣ, но даже нашелъ, что таковое устраненіе вполнѣ цѣлесообразно и естественно. Выслушавъ отвѣтъ французскаго уполномоченнаго, союзные послы объявили, что первое засѣданіе конгресса должно считаться оконченнымъ. Коленкуръ былъ видимо недоволенъ такимъ заявленіемъ; онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы побудить уполномоченныхъ объяснить немедленно свои мирныя условія. Неужели, замѣтилъ онъ, союзники не имѣли времени обдумать свои условія въ теченіи того долгаго мѣсяца, который провелъ онъ на аванпостахъ въ ожиданіи открытія конгресса. „Его стремленіе", доносилъ Разумовскій, „идти впередъ было такъ велико, что онъ готовъ былъ окончить переговоры въ теченіи одного дня, или по крайней мѣрѣ, ускорить ходъ ихъ по мѣрѣ возможности". Союзные уполномоченные стояли, однако, упорно на своемъ мнѣніи, а когда Коленкуръ продолжалъ развивать свои доводы и убѣжденія, то Разумовскій, желая положить предѣлъ такой настойчивости, объявилъ, что онъ не получилъ еще своихъ инструкцій, а потому и не можетъ продолжать переговоровъ [2]).

---

[1]) Подлинный текстъ заявленій союзныхъ уполномоченныхъ помѣщенъ въ заголовкѣ инструкцій, данныхъ гр. Разумовскому въ Баръ-сюръ-Обѣ 3-го Февраля.

[2]) „Cependant", пишетъ Разумовскій въ своемъ первомъ донесеніи изъ Шатильона, „pour couper court aux instances de notre adversaire, j'ai cru devoir declarer que n'ayant point encore mes instructions, que S. M. L'Empereur, dans les circonstrances actuelles, n'avait pas eu le loisir de me faire exspedier, je me trouvais hors de mesure de poursuivre la negociation, jusqu'a ce quelles me fussent parvenues". Семейство Разумовскихъ, Васильчикова. Т. IV, стр. 467.

Второе засѣданіе конференцій [1]) состоялось 7-го февраля. Графъ Стадіонъ прочелъ общее заявленіе союзныхъ державъ, заключавшее въ себѣ ихъ требованія. Этихъ требованій было два: первое гласило, что Франція должна возвратиться въ свои дореволюціонныя границы и отречься отъ всякаго непосредственнаго вліянія внѣ своихъ будущихъ предѣловъ; второе, вытекавшее изъ перваго, заявляло, что императоръ Наполеонъ обязанъ сложить съ себя всѣ титулы, вытекающіе изъ его владѣтельныхъ или протекторскихъ правъ въ Германіи, Италіи и Швейцаріи [2]).

Коленкуръ выслушалъ спокойно это роковое для Франціи требованіе, лишавшее ее не только всѣхъ завоеваній Наполеона, но и всѣхъ пріобрѣтеній республики. „Онъ казался, по словамъ Стадіона, „человѣкомъ подавленнымъ несчастіемъ, готовымъ на все, только-бы покончить войну, согласнымъ подписать все, что отъ него ни потребуютъ. Онъ былъ крайне вѣжливъ и почтителенъ во всѣхъ своихъ выраженіяхъ“ [3]). „Коленкуръ“, говоритъ Разумовскій, „отвѣчалъ смиреннымъ и печальнымъ тономъ, что его роль—приносить жертвы, что онъ готовъ подписать всѣ наши требованія подъ единственнымъ условіемъ, чтобы они были объявлены ему немедленно во всей полнотѣ и обстоятельности“ [4]). Переходя затѣмъ къ частностямъ, Коленкуръ замѣтилъ, что онъ не можетъ возразить ничего противъ отреченія Наполеона отъ титуловъ, что теряя свои владѣтельныя права, императоръ тѣмъ самымъ теряетъ и титулы, соединенные съ ними. Касаясь новаго порядка, который намѣревались

---

[1]) Въ самомъ началѣ второго засѣданія, Коленкуръ, прочитывая полномочіе Разумовскаго, замѣтилъ, что въ немъ отсутствуетъ формальное полномочіе подписать міръ. Разумовскій возразилъ, что если Коленкуръ находитъ это необходимымъ, то пусть заявитъ формально свое требованіе, и онъ, Разумовскій, обратится въ такомъ случаѣ къ своему государю. Коленкуръ оставилъ, однако-же, этотъ вопросъ, опасаясь очевидно, новыхъ проволочекъ. См. семейство Разумовскихъ. Т. IV, стр. 468.

[2]) Подлинный текстъ союзныхъ требованій см. у Онкена, гдѣ они взяты изъ протокола конгресса, напечатаннаго въ корреспонденціи Кестльри, Т. IX. стр. 541.

[3]) Онкенъ, стр. 10.

[4]) См. семейство Разумовскихъ, Т. IV, стр. 468.

ввести союзники въ Европѣ, Коленкуръ замѣтилъ, что Франція должна имѣть право голоса лишь въ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться непосредственно ея интересовъ. Наконецъ, французскій уполномоченный прямо заявилъ, что онъ не намѣренъ ссылаться на донесенія С. Эньяна и на декларацію 1 декабря 1813 г. и пользоваться ими какъ оружіемъ противъ союзныхъ уполномоченныхъ, ибо онъ хорошо понимаетъ, что военные успѣхи союзниковъ совершенно измѣнили съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ [1]. Послѣ долгой бесѣды Коленкуръ объявилъ, что онъ долженъ представить письменный отвѣтъ на декларацію союзныхъ уполномоченныхъ, что ему необходимо для этой цѣли нѣсколько часовъ времени и что онъ проситъ поэтому прервать засѣданіе конгресса до восьми часовъ вечера. Само собою понятно, что эта просьба французскаго посла была уважена.

По возобновленіи засѣданія Коленкуръ прочелъ слѣдующее заявленіе: „уполномоченный Франціи повторяетъ еще разъ принятое его дворомъ обязательство принести величайшія жертвы для заключенія мира. Онъ повторяетъ это обязательство, хотя требованія, предъявленныя въ сегодняшнемъ засѣданіи отъ имени союзныхъ державъ, уклоняются очень далеко отъ основаній, заявленныхъ ими во Франкфуртѣ и признававшихъ естественныя границы Франціи; хотя требованія эти крайне далеки отъ тѣхъ заявленій, которыя неоднократно сдѣланы были союзными дворами передъ лицемъ всей Европы; хотя требованія эти далеко не оставляютъ для Франціи того территоріальнаго объема, который соотвѣтствовалъ-бы положенію, занимаемому ею искони въ политической системѣ государствъ; хотя, наконецъ, результатомъ этихъ требованій является примѣненіе къ одной Франціи принципа, подчиниться которому не согласятся союзныя державы и примѣненіе коего, не будучи обязательнымъ для всѣхъ и безпристрастнымъ, не можетъ быть, слѣдовательно, справедливо. Французскій уполномоченный, не колеблясь ни минуты, высказался-бы опредѣленнѣйшимъ образомъ по всѣмъ

---

[1]) Донесеніе Стадіона у Онкена, стр. 11.

этимъ требованіямъ, если-бы всякая отдѣльно взятая жертва и степень, въ которой она должна быть принесена, не находилась въ неизбѣжной зависимости отъ рода и числа всѣхъ требуемыхъ жертвъ, точно также какъ и сумма жертвъ необходимо должна зависѣть отъ суммы вознагражденій. Всѣ вопросы такъ тѣсно связаны и такъ зависятъ одинъ отъ другаго, что невозможно рѣшить ни одного изъ нихъ, не зная всѣхъ остальныхъ. Тому, отъ кого требуется жертва, далеко не безразлично знать, для чьей выгоды приноситъ онъ ее и для какой цѣли будетъ употреблена она, равно, какъ и не безразлично знать положитъ-ли конецъ бѣдствіямъ войны принесеніе таковой жертвы. Проектъ, который развивалъ-бы во всей ихъ полнотѣ виды союзниковъ, удовлетворилъ-бы какъ нельзя болѣе такой цѣли. Уполномоченный Франціи возобновляетъ по сему настоятельнѣйше свою просьбу, чтобы уполномоченные союзныхъ дворовъ высказались положительно о всѣхъ вышеупомянутыхъ пунктахъ“ [1]).

Строго говоря, пропозиція Коленкура, какъ назвали ее союзные уполномоченные, не заключала въ себѣ ничего необыкновеннаго, а тѣмъ менѣе идущаго въ разрѣзъ съ только что высказанными устными отзывами французскаго министра. Невозможно было оспаривать у Коленкура такого естественнаго права, какъ желанія ознакомиться вполнѣ и во всѣхъ деталяхъ какъ съ требованіями союзниковъ, такъ и съ тѣмъ назначеніемъ, которое предполагали они дать уступаемымъ Франціею территоріямъ. Франція и ея представитель были крайне заинтересованы въ томъ, какія именно колоніи готова возвратить Англія, какимъ державамъ предоставлены будутъ Бельгія и лѣвый берегъ Рейна. Еще важнѣе было для нихъ получить точный и опредѣленный отвѣтъ на такіе вопросы какъ: заключается-ли въ деклараціи союзныхъ уполномоченныхъ послѣднее слово ихъ дворовъ и не послѣдуютъ-ли за высказанными требованіями новыя, и будетъ-ли дѣйствительно заключенъ миръ и прекращены военныя дѣйствія тотчасъ-же послѣ принятія союзной деклараціи?

---

[1]) Текстъ пропозиціи Коленкура у Онкена стр. 9—10, гдѣ онъ заимствованъ изъ корреспонденціи Кестльстри, т. IX, стр. 547—548.

Уполномоченные союзныхъ державъ отказались, однако-же, дать Коленкуру требуемыя имъ разъясненія. Они упорно стояли на своемъ требованіи, что Франція должна тотчасъ-же дать свое согласіе на возвращеніе въ свои старыя границы. Этого мало. Они заявили, что выраженіе *limites* вовсе не должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему Коленкуръ и что оно отнюдь не должно быть понимаемо какъ совокупность всѣхъ континентальныхъ и колоніальныхъ владѣній Франціи. Но и Коленкуръ въ свою очередь обнаружилъ неожиданное упрямство. Онъ настаивалъ на необходимости требуемыхъ имъ разъясненій, онъ то и дѣло возвращался къ противорѣчію между прежними и теперешними требованіями союзниковъ, ссылался на франкфуртскую декларацію и донесенія С. Эньяна, напоминалъ союзнымъ уполномоченнымъ, что ихъ кабинеты признавали недавно сами естественныя границы Франціи. Соглашаясь въ принципѣ на требуемыя земельныя уступки, онъ вдругъ началъ ставить эти уступки въ зависимость отъ согласія населенія уступаемыхъ территорій. Наконецъ, онъ прямо заявилъ, что союзные уполномоченные должны сообщить ему весь планъ того новаго порядка вещей, который думаютъ установить державы въ Европѣ. Безъ этого сообщенія, добавилъ Коленкуръ, я не могу идти далѣе моего общаго заявленія, что Франція готова принести для мира самыя великія жертвы [1]).

Союзные уполномоченные объявили, что они принимаютъ къ свѣдѣнію какъ письменное заявленіе Коленкура, такъ и его устныя разъясненія, но что они не могутъ опредѣлить дня слѣдующаго засѣданія конгресса [2]). Коленкуръ былъ крайне смущенъ такимъ оборотомъ дѣла. Его смущеніе перешло въ изумленіе и страхъ, когда союзные послы добавили, что они

---

[1]) См. Онкенъ, стр. 11—14. Семейство Разумовскихъ, т. IV, стр. 470, депеша Разумовскаго отъ 26-го января ст. стиля.

[2]) La seance de ce soir a eté terminée par la declaration que nous prendrions de ce qui s'est passe aujourd'hui, ad referendum, et par cette raison que nous ne pouvions fixer le jour d'une prochaine conference. Депеша Разумовскаго отъ 26-го января.

при такихъ условіяхъ принуждены отложить возобновленіе конгресса на неопредѣленное время.

Страхъ Коленкура однако-же не вполнѣ соотвѣтствовалъ положенію дѣла. Союзные уполномоченные сами не были согласны между собою относительно вопроса о продолженіи засѣданій. Австрійскій посолъ, графъ Стадіонъ, полагалъ, что конференціи могутъ быть возобновлены по прошествіи нѣсколькихъ дней. Онъ доказывалъ, что выраженіе принять къ свѣдѣнію (ad referendum) вовсе не значитъ ожидать результатовъ донесеній кабинетамъ и новыхъ инструкцій. Графъ Разумовскій, хорошо помня наставленія, данныя ему при отъѣздѣ императоромъ Александромъ, стоялъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. Онъ объявилъ, что конференціи не могутъ быть возобновлены до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ новыхъ приказаній отъ своего государя [1].

Приказанія эти получены были очень скоро уже 9 февраля. Императоръ Александръ, одобряя образъ дѣйствій своего уполномоченнаго, предписалъ ему поступать такимъ-же образомъ и впредь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ повелѣвалъ ему, въ виду разногласія мнѣній, обнаружившагося въ средѣ самихъ союзниковъ, прекратить переговоры впредь до полученія новыхъ инструкцій. Въ тотъ-же самый день Разумовскій сообщилъ своимъ товарищамъ полученныя имъ приказанія. Уполномоченные постановили увѣдомить Коленкура общею нотою о прекращеніи конференцій [2].

---

[1] On n'a point ete d'accord sur l'expression: ad referendum, dont le sens me parait positif et l'application consacrèe par un usage consjant. Il signifie rèferér l'objat à ses supèrieurs et par consequent mettant empèchement à la marche de la negociation jusqu'a ce que des ordres supérieurs la remettent en activitè, sens particulièrement incontestable dans la circonstance actuelle à la proximite, ou nous nores trouvons de nos souverains et sous le rapport du principe adopte, que les operations militaires ne seraient ni gênées, ni ralenties pendant qu'on négocierait. Le cc:·te Stadionn'a n'a pas admis cetle explication et a pretendu, que nous pouvions, daprès notre deliberation de demain, poursuivre les onferences et en fixer le jour, ajoutant qu'on ne pouvait les differer que de deux jours, et je pense que c'est dans ce sens qu'il ecrira. Toutefois je tacherai de faire en sorte que les seançes soient suspendues jusqu'a ce que les ordres quil praira à S. M. de me donner, me parviennent. Депеша Разумовскаго отъ 26 января ст. ст.

[2] Семейство Разумовскихъ, т. IV, стр. 471. Депеша отъ 28 января ст. ст.

Нота была отправлена Коленкуру 10 февраля. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела она на французскаго уполномоченнаго. Но его страхъ и недовольство значительно смягчились тѣми наблюденіями, которыя успѣлъ онъ сдѣлать за послѣдніе дни. Отъ его вниманія не укрылось глубокое и принципіальное разногласіе между представителями державъ. Онъ пришелъ къ совершенно правильному убѣжденію, что одна только Россія стремится къ прекращенію переговоровъ, тогда какъ Англія и особенно Австрія охотно подписали-бы миръ. Коленкуръ съ своей стороны рѣшился всячески усилить рознь между союзниками и тайно дѣйствовать на ту державу, которая заинтересована была въ сохраненіи французскаго престола за Наполеономъ и его династіею. Уже 9 февраля онъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ Меттерниху: „Я намѣреваюсь запросить уполномоченныхъ союзныхъ державъ достигнетъ-ли Франція тотчасъ-же перемирія, если она согласится на предъявленное ей требованіе возврата въ прежнія границы. Если таковая жертва будетъ имѣть своимъ прямымъ послѣдствіемъ немедленное заключеніе перемирія, то я готовъ принести ее. Въ виду этого предположенія я готовъ сдать тотчасъ-же часть тѣхъ крѣпостей, потеря которыхъ должна быть прямымъ послѣдствіемъ вышеозначенной жертвы. Я не знаю, уполномочены-ли союзные послы дать утвердительный отвѣтъ на мой вопросъ и имѣютъ-ли они полномочіе заключить перемиріе. Если они не имѣютъ таковаго, то никто, кромѣ Вашей свѣтлости, не можетъ способствовать болѣе его полученію. Причины, побуждающія меня къ моей просьбѣ, имѣютъ *впрочемъ большое значеніе не для одной Франціи*. Я прошу Вашу свѣтлость предложить мое письмо на усмотрѣніе отца императрицы. Пусть онъ обратитъ вниманіе на жертвы, которыя готовы принести мы и затѣмъ рѣшитъ самъ“ [1]).

Письмо Коленкура прибыло въ Труа почти одновременно съ лордомъ Кестльри. Британскій министръ былъ крайне

[1]) Письмо Коленкура помѣщено въ Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества т. XXXVII, стр. 375.

встревоженъ совершенно неожиданнымъ для него заявленіемъ Разумовскаго и поспѣшно отправился въ главную квартиру союзниковъ, чтобы разъяснить свои недоумѣнія. Его первый визитъ, по прибытіи въ Труа, былъ, разумѣется, къ Меттерниху. Австрійскій канцлеръ тотчасъ-же сообщилъ лорду, что императоръ Александръ отправилъ приказаніе Разумовскому прекратить конференціи совершенно самостоятельно, не посовѣтовавшись даже съ остальными союзниками. Такой поступокъ русскаго государя, добавилъ Меттернихъ, ясно доказываетъ, что Александръ намѣренъ покончить во что бы то ни стало съ Наполеономъ и осуществить свой извѣстный фантастическій планъ. Для Англіи и Австріи наступилъ теперь самый опасный моментъ, а для всей коалиціи рѣшительный кризисъ. Русскіе планы начинаютъ разоблачаться во всей своей полнотѣ. Бернадотъ, котораго думаетъ посадить Александръ на престолъ Франціи, уже готовится переправиться черезъ Рейнъ и стать во главѣ корпуса Винцингероде, проникшаго далѣе другихъ корпусовъ его арміи въ глубину Франціи. Лагарпъ, котораго думаетъ сдѣлать русскій императоръ руководителемъ французскаго національнаго собранія, находится уже въ Труа, въ ожиданіи приказаній своего питомца. Все готово, такимъ образомъ, къ совершенію давно задуманнаго удара, и это въ ту самую минуту, когда Франція изъявила полное согласіе на всѣ требованія, предъявленныя союзниками. При этихъ словахъ Меттернихъ показалъ письмо Коленкура отъ 9-го февраля и прочелъ его все болѣе и болѣе изумлявшемуся лорду. На вопросъ Кестльри, что онъ думаетъ предпринять, Меттернихъ замѣтилъ, что онъ счелъ своимъ долгомъ представить письмо Коленкура, съ разрѣшенія своего государя, на усмотрѣніе императора Александра. Онъ сдѣлалъ это потому, чтобы устранить всякія подозрѣнія на счетъ лояльности австрійской политики, чтобы доказать, что императоръ Францъ руководится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не личными и семейными побужденіями, какъ-бы дороги ни были они для него, а единственно интересами Европы и своихъ народовъ. Меттернихъ добавилъ, что онъ не ограничился однимъ со-

общеніемъ письма Коленкура, что онъ рѣшился установить общую точку зрѣнія союзныхъ кабинетовъ на все положеніе дѣлъ и составилъ съ этою цѣлью рядъ вопросовъ, на которые должны будутъ давать отвѣтъ представители державъ. Вопросы, замѣтилъ онъ, составлены такимъ образомъ, что исключаютъ всякую возможность уклончивыхъ отвѣтовъ, они должны повести къ полному разоблаченію намѣреній Александра. Въ заключеніе Меттернихъ совѣтовалъ Кестльри немедленно отправиться къ русскому императору и попытаться вывѣдать по возможности его намѣренія. Кестльри поспѣшилъ послѣдовать этому послѣднему совѣту [1]).

Императоръ Александръ былъ вполнѣ подготовленъ къ визиту британскаго министра. За нѣсколько дней передъ этимъ онъ получилъ изъ рукъ Штейна чрезвычайно важный дипломатическій документъ, бросавшій яркій свѣтъ на двусмысленное поведеніе лорда Кестльри. Русскій посолъ въ Лондонѣ, князь Ливенъ, обратился съ депешею на имя Штейна, намѣренно обходя Нессельроде [2]), находившагося всецѣло въ рукахъ Меттерниха. Депеша заключала въ себѣ чрезвычайно важныя сообщенія, шедшія отъ имени самого принца-регента. Верховный правитель Англіи излагалъ въ ней свой взглядъ на цѣли коалиціонной войны. Онъ доказывалъ, что союзники должны стремиться всѣми силами къ низложенію Наполеона и къ возстановленію Бурбонской династіи [3]).

Императоръ Александръ не питалъ лично никакихъ сим-

---

[1]) Мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ объ этой бесѣдѣ Кестльри съ Меттернихомъ, но каждое наше слово въ текстѣ можетъ быть подтверждено документами. Наше изложеніе подтверждается кромѣ того всѣми дальнѣйшими дѣйствіями Кестльри и его полною зависимостью отъ Меттерниха.

[2]) Какую роль игралъ въ это время русскій министръ (?!) Нессельроде—видно изъ слѣдующихъ словъ Генца. „Лордъ Кестльри, Гарденбергъ и даже графъ Нессельроде лично вполнѣ раздѣляютъ убѣжденія, виды и умѣренность князя Меттерниха, но опасаясь ссоры съ императоромъ Александромъ, держали себя болѣе нейтрально". Prokesch-Osten, Dépêches inedites du Chevalier de Genz. т. 1, стр. 53—68.

[3]) Депеша кн. Ливена напечатана въ приложеніяхъ къ Перцу, Stein's Leben, т. III, стр. 721—722.

патій къ Бурбонской династіи. Онъ полагалъ, что вопросъ возстановленія старой династіи есть вопросъ исключительно французскій, подлежащій рѣшенію самого французскаго народа. Не имѣя въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго повода сочувствовать взглядамъ принца-регента, онъ былъ, однакоже, вполнѣ согласенъ съ нимъ, что союзники должны преслѣдовать неуклонно свою главную цѣль, сосредоточить всѣ свои силы на энергическомъ веденіи войны и добиться прежде всего низложенія Наполеона. Императоръ видѣлъ, что лордъ Кестльри, настаивая такъ упорно на мирныхъ переговорахъ съ Наполеономъ, шелъ въ разрѣзъ съ желаніемъ своего собственнаго правительства и служилъ тайнымъ цѣлямъ австрійскаго кабинета. Это убѣжденіе утвердило его еще болѣе въ мысли, не придавать никакого значенія дипломатической комедіи въ Шатильонѣ и требовать энергическаго продолженія военныхъ дѣйствій.

Александръ принялъ Кестльри въ присутствіи Штейна. Какъ держалъ себя на этомъ свиданіи русскій императоръ видно изъ неподкупнаго свидѣтельства Штейна, человѣка неспособнаго ни къ лести, ни къ клеветѣ. „Образъ дѣйствій императора Александра", писалъ Штейнъ въ эти мрачные дни, „блистателенъ и прекрасенъ. Нельзя не изумляться до какой степени способенъ этотъ государь къ преданности, самоотверженію, одушевленію. Съ какимъ энтузіазмомъ служитъ онъ всему великому и благородному! Дай Богъ, чтобы ничто низкое и пошлое не успѣло унизить его высокаго паренія. Дай Богъ, чтобы Европа всецѣло вкусила то счастіе, которое даруетъ ей Провидѣніе!" [1]).

Кестльри началъ разговоръ выраженіемъ сожалѣнія, что предписаніе, посланное Разумовскому, не было результатомъ соглашенія между союзниками, и что оно не лишило Коленкура всякой надежды разсчитывать на рознь между державами. Императоръ замѣтилъ, что его приказъ имѣлъ въ виду лишь временное прекращеніе конференцій, но что

[1]) См. письмо Штейна къ женѣ отъ 16 февраля Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 541.

онъ полагалъ воспользоваться этимъ перерывомъ переговоровъ для низложенія Бонапарте. „Пусть сама французская нація рѣшитъ вопросъ объ избраніи его пріемника“, добавилъ онъ, „пусть она оставитъ даже на тронѣ Наполеона. Это не наше дѣло. Законодательный корпусъ въ связи съ другими верховными государственными учрежденіями и выдающимися лицами могутъ считаться вполнѣ законными представителями страны и воли націи“. Кестльри возразилъ: „Всѣ названныя учрежденія могутъ оказаться не на мѣстѣ въ рѣшительный моментъ. Если Наполеонъ уйдетъ съ своею арміею за Луару, то онъ заставитъ идти за собою и законодательный корпусъ и всѣ высшіе государственные чины. Союзникамъ придется долго ждать въ Парижѣ, пока удастся, наконецъ, собрать сколько нибудь приличное и соотвѣтствующее цѣли собраніе. Но допустимъ, что такое собраніе и состоится. Что произойдетъ изъ этого? Лишенное всякаго законнаго основанія, оно попадетъ въ руки враждующихъ претендентовъ. Назначенные Наполеономъ члены собранія или выскажутся за него изъ страха и преданности, или-же они предложатъ корону человѣку своего выбора, обставивъ это извѣстными условіями, и тогда союзникамъ придется принять участіе въ чуждыхъ имъ конституціонныхъ спорахъ“. „Императоръ замѣтилъ, что это участіе будетъ зависѣть отъ доброй воли союзниковъ, что онъ съ своей стороны не допуститъ никакихъ безпорядковъ и проволочекъ времени“. „Но ваше Veto будетъ находиться въ противорѣчіи съ свободою рѣшенія; гораздо удобнѣе избѣгнуть этой опасности, не созывая собранія“, возразилъ Кестльри [1]).

Разговоръ перешелъ вслѣдъ затѣмъ къ притязаніямъ Людовика XVIII. Александръ замѣтилъ, что онъ считаетъ его неспособнымъ, что онъ готовъ-бы отдать преимущество комунибудь изъ младшихъ принцевъ старой династіи, что лучшимъ кандидатомъ былъ-бы, по его мнѣнію, герцогъ Орлеан-

---

[1]) „Wenn die Entscheidung eine freie sein sollte, dann könnte S. M. auch kein Veto haben, und der einzig Schulz gegen solche Uebel sei der, dass man ihre Quelle nicht entstehen lasse“. Изъ донесеній Кестльри у Онкена стр. 81.

скій. Кестльри возсталъ рѣшительно противъ этого мнѣнія. Онъ объявилъ, что союзники могутъ сдѣлать лишь одно изъ двухъ, или устранить себя вовсе отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, или-же высказаться прямо и безусловно за представителя наслѣдственнаго права. Высказываясь такъ положительно за Бурбоновъ, Кестльри объявилъ вслѣдъ за тѣмъ, что не слѣдуетъ прерывать переговоровъ съ Наполеономъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ изъявляетъ согласіе на всѣ предложенныя ему условія. Поступать такимъ образомъ, значитъ прямо сознаваться, что переговоры начаты были съ нечестными намѣреніями. Если національное движеніе не отрицаетъ авторитета Наполеона, то слѣдуетъ довести съ нимъ дѣло до конца. Можно, не подвергаясь опасности, заключить съ нимъ даже перемиріе, если оно будетъ обставлено такими-же военными ручательствами, какъ и самый миръ [1]).

Императоръ Александръ, отлично знавшій характеръ Наполеона, никоимъ образомъ не могъ согласиться съ подобными мнѣніями Кестльри. Съ свойственнымъ ему жаромъ и убѣдительностью началъ онъ доказывать своему собесѣднику всю безплодность дипломатическихъ усилій и всю необходимость продолжать войну самымъ энергическимъ образомъ. Въ самый разгаръ спора дверь отворилась и князь Волконскій вошелъ въ кабинетъ съ донесеніемъ Блюхера о дѣлѣ при Шампоберѣ. Прочитавъ донесеніе, государь измѣнился въ лицѣ. „Вотъ“, сказалъ онъ, гнѣвно обращаясь къ Кестльри „слѣдствія бездѣйствія главной арміи и вашихъ домогательствъ заключить миръ“ [2]). Кестльри, видя государя раздраженнымъ и разстроеннымъ, поспѣшилъ раскланяться. Упорствуя въ своихъ намѣреніяхъ, онъ не замедлилъ, однакоже, прислать письменное изложеніе своего мнѣнія. Государь приказалъ Нессельроде написать ему въ отвѣтъ, „что его величество душевно сожалѣетъ, что лордъ Кестльри со-

[1]) Эти свои мысли Кестльри изложилъ въ особенномъ мемуарѣ, представленномъ императору Александру. См. Онкенъ, стр. 32.

[2]) Михайловскій-Данилевскій, стр. 129; Богдановичъ, т. IV стр. 402, Перцъ, т. III, стр. 537.

дѣйствуетъ видамъ австрійскаго кабинета и способствуетъ затрудненію хода военныхъ дѣйствій“ [1]).

Не теряя ни минуты времени, занятый одною мыслью о спасеніи Блюхера, государь поспѣшилъ въ Понъ-сюръ-Сенъ; но мы уже видѣли, какъ безплодны оказались всѣ его усилія вывести Шварценберга изъ преднамѣреннаго бездѣйствія. Интрига опутывала Александра со всѣхъ сторонъ; она тормозила каждый его шагъ и не давала ему покоя ни на минуту. Одновременно продолжалъ онъ вести борьбу и съ военными и съ дипломатическими представителями коалиціи. Едва только прибылъ онъ въ Понъ-сюръ-Сенъ, какъ Меттернихъ предложилъ уже на его благоусмотрѣніе вопросные пункты союзнымъ кабинетамъ, составленные имъ по поводу предложенія Коленкура. Пункты эти были слѣдующіе:

1) Какой отвѣтъ дадутъ герцогу Виченцскому?.

2) Предположивъ, что ему откажутъ, либо замедлятъ отвѣчать, какъ поступятъ? Союзныя державы примутъ-ли сторону Людовика XVIII-го или, по прежнему, предоставятъ рѣшеніе этого вопроса французамъ?

3) Какими средствами союзныя державы надѣются удостовѣриться въ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ французскаго народа на счетъ перемѣны династіи?

4) Какой срокъ постановятъ союзныя державы для обсужденія—желаетъ или нѣтъ французскій народъ такой перемѣны?

5) Въ случаѣ, если-бы Парижъ принялъ сторону Бурбоновъ и Наполеонъ удалился съ войсками, оставшимися ему вѣрными, союзники объявятъ себя въ пользу Бурбоновъ, или помирятся съ Наполеономъ?

6) Какимъ образомъ въ ожиданіи того будутъ поступать союзныя державы въ отношеніи Людовика XVIII-го, и въ особенности въ отношеніи графа д'Артуа, его повѣреннаго при главной квартирѣ, а также эмигрантовъ и роялистовъ во Франціи?

7) Какія мѣры будутъ приняты для управленія Пари-

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 402, Перцъ, т. III, стр. 537.

жемъ? Введутъ-ли туда гарнизонъ? Кому будетъ поручено управленіе? [1]).

Александръ, прочитавъ вопросы Меттерниха, тотчасъ-же понялъ затаенную цѣль австрійскаго канцлера. Онъ видѣлъ, что эти вопросы должны были указать на то безвыходное положеніе, въ которое поставятъ себя союзники, отклоняя мирныя предложенія Наполеона и стремясь завладѣть Парижемъ безъ всякой опредѣленной политической программы. Государь понялъ также, что вопросы были разсчитаны вовсе не на него, а на слабыхъ и податливыхъ дипломатовъ, на людей, бывшихъ подобно Нессельроде, Гарденбергу и Кестльри, всецѣло въ рукахъ Меттерниха [2]). Имѣя въ виду всѣ эти соображенія, Александръ написалъ собственноручно отвѣты на всѣ вопросы, не совѣтуясь ни съ однимъ изъ своихъ министровъ.

Отвѣты его были слѣдующіе:

1) Уклонясь отъ перемирія, можно устранить прочія предложенія, какъ слѣдствія перваго.

2) Союзныя державы будутъ дѣйствовать по прежнему, слѣдовательно не примутъ сторону Людовика XVIII, а предоставятъ французамъ рѣшеніе этого вопроса.

3) Расположеніе жителей столицы послужитъ руководствомъ союзникамъ. По мнѣнію его величества императора, слѣдуетъ, созвавъ членовъ различныхъ управленій, присоединить къ нимъ лицъ наиболѣе важныхъ по своимъ личнымъ качествамъ и званію, и пригласить сіе собраніе выразить свободно свое мнѣніе на счетъ того, кого оно считаетъ наиболѣе способнымъ занять мѣсто во главѣ управленія.

4) Прибытіе въ Парижъ.

5) Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только тогда, когда получимъ возможность судить о средствахъ, которыя

---

[1]) Австрійскіе вопросные пункты напечатаны во многихъ сочиненіяхъ, между прочимъ у Богдановича, т. IV, стр. 402—403.

[2]) Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вопросные пункты Меттерниха имѣли въ виду именно эти цѣли, что-бы ни возражалъ противъ этого новѣйшій апологетъ австрійскаго канцлера, Онкенъ.

дастъ Парижъ для поддержанія принятой имъ стороны и о вліяніи этой столицы на Наполеонову армію. Если-же Парижъ не возстанетъ противъ Наполеона, то лучше всего будетъ помириться съ нимъ.

6) Союзники, въ отношеніи къ Людовику XVIII и къ Бурбонамъ, будутъ дѣйствовать на тѣхъ-же основаніяхъ, которыми руководились до сего времени, и которыя столь сообразны съ видами великобританскаго правительства. Они не станутъ ни мѣшать Бурбонамъ, ни помогать имъ, и будутъ избѣгать всякаго участія въ ихъ дѣйствіяхъ.

7) Въ Парижѣ будутъ сохранены по возможности всѣ мѣстныя и муниципальныя управленія и назначенъ губернаторъ для общаго надъ ними надзора. Его величество императоръ желаетъ, чтобы въ Парижѣ былъ русскій губернаторъ. Какъ Россія наиболѣе сражалась противъ общаго врага, то его величество полагаетъ, что она имѣетъ вполнѣ право на эту уступку.

Принявъ за неизмѣнное правило, чтобы не ставить солдатъ на квартирахъ у жителей, можно будетъ воспользоваться казармами и другими строеніями, находящимися въ Парижѣ [1]).

Отвѣты всѣхъ остальныхъ союзныхъ кабинетовъ, какъ и слѣдовало ожидать, расходились по самымъ существеннымъ пунктамъ съ воззрѣніями императора Александра. Не только Австрія, но также Пруссія и Англія полагали, что не слѣдуетъ давать отрицательнаго, или уклончиваго отвѣта Коленкуру, что удобнѣе и выгоднѣе всего подписать миръ съ Наполеономъ и согласиться на предлагаемое имъ перемиріе, въ томъ случаѣ, если оно будетъ обставлено достаточными военными гарантіями [2]). Опираясь на такое единодушіе своихъ дипломатическихъ коллегъ, зная отлично, что и Нессельроде раздѣляетъ въ душѣ общее мнѣніе, Меттер-

---

[1]) Отвѣты Александра I на австрійскіе вопросы, подлинный текстъ которыхъ хранится въ государственномъ архивѣ, напечатанъ въ переводѣ у Богдановича, т. IV, стр. 403—404.

[2]) Отвѣты Пруссіи, Австріи и Англіи не напечатаны до сихъ поръ вполнѣ; мы пользуемся переводомъ и извлеченіемъ у Онкена. стр. 17—28.

нихъ сдѣлалъ новый шагъ впередъ. По его настоянію составленъ былъ протоколъ, коимъ представители союзныхъ кабинетовъ опредѣлили просить императора Александра о повелѣніи графу Разумовскому возобновить переговоры, на основаніяхъ, заключавшихся въ письмѣ Коленкура отъ 9 февраля [1]).

Императоръ Александръ, ознакомившись съ отвѣтами союзныхъ державъ на вопросные пункты и съ содержаніемъ протокола, отвѣчалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Цѣль настоящей войны, предпринятой сперва на защиту моего государства, а потомъ для освобожденія Европы, измѣнялась сообразно одержаннымъ успѣхамъ. Настоящее положеніе дѣлъ требуетъ, чтобы мы продолжали войну, потому что всякое соглашеніе, неизбѣжно сопряженное съ потерею времени, дастъ непріятелю возможность усилиться подкрѣпленіями и возобновить военныя дѣйствія. Разрушеніе Наполеонова могущества не составляетъ главной цѣли нашихъ усилій, но если успѣхи нашего оружія, покореніе Парижа и общій голосъ жителей Франціи дадутъ союзникамъ возможность провозгласить низложеніе Наполеона, то это послужитъ къ довершенію освобожденія Европы, благоденствію Франціи и спокойствію сосѣдей и явитъ свѣту самый блистательный примѣръ справедливости. Никто болѣе меня не убѣжденъ въ непостоянствѣ военнаго счастія, однакоже, многія обстоятельства подаютъ надежду къ достиженію нашей цѣли. Искусство генераловъ, храбрость войскъ, превосходство въ конницѣ, подкрѣпленія, къ намъ идущія и вообще мнѣніе народовъ, не допустятъ насъ унизиться въ такой степени, какъ думаютъ. Такая опасность угрожаетъ намъ только въ томъ случаѣ, ежели боязнь, выраженная въ мнѣніяхъ мнѣ представленныхъ, распространится на войска, но постоянство и твердость, выказанныя союзными арміями, служатъ порукою въ томъ, что подобныя впечатлѣнія не могутъ имѣть на нихъ вліянія. Затрудненія, ожидаемыя отъ занятія Парижа, преувеличены и могутъ быть устранены мѣрами, принятыми для спокойствія столицы Франціи.

---

[1]) См. Онкенъ, стр. 32.

Я отнюдь не противлюсь продолженію переговоровъ въ Шатильонѣ и сообщенію отвѣта Коленкуру на послѣдній запросъ его о будущемъ жребіи Европы, согласно постановленію нами принятому въ Лангрѣ; что-же касается до перемирія, то согласиться на переговоры о столь важномъ предметѣ значило-бы потворствовать видамъ непріятеля. Я увѣренъ въ счастливомъ окончаніи войны, ежели союзники останутся единодушны въ своихъ видахъ и по прежнему будутъ руководиться главною ихъ цѣлью: сокрушеніемъ непріятельской арміи" [1]).

Новыя извѣстія о пораженіи силезской арміи, пришедшія какъ-разъ въ это время, были какъ нельзя кстати для австрійскаго канцлера. Онъ ликовалъ въ душѣ о хорошемъ урокѣ, данномъ Наполеономъ сумасшедшему Блюхеру, романтикамъ его главной квартиры, надменнымъ русскимъ и экзальтированнымъ пруссакамъ. Вмѣстѣ съ Кестльри и Гарденбергомъ Меттернихъ вновь приступилъ къ императору Александру съ настоятельными просьбами дать свое согласіе на предложеніе Коленкура. Лордъ Кестльри, отличавшійся при подобныхъ случаяхъ, особенною словоохотливостью и страшно боявшійся, чтобы поворотъ въ военномъ счастіи не побудилъ Наполеона взять назадъ свои мирныя предложенія, высказалъ императору Александру мнѣніе, что слѣдуетъ лучше рѣшиться на миръ, пока не пришлось еще отступать за Рейнъ. „Мнѣ приказано, добавилъ онъ, воспользоваться случаемъ для заключенія мира, который необходимъ тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, союзъ готовъ разрушиться". Государь отвѣчалъ, возвыся голосъ: „Это будетъ не миръ, а перемиріе, которое дозволитъ разоружиться намъ лишь на минуту. Я не могу поспѣвать вамъ каждый разъ на помощь за 400 лье. Не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ оставаться на престолѣ" [2]). Настоянія и просьбы дипломатовъ,

---

[1]) Мнѣніе императора Александра о необходимости продолжать войну, (подлинникъ коего хранится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ) напечатано у Богдановича, т. IV, стр. 405—406.

[2]) Слова эти были сказаны въ присутствіи Толя. См. Богдановичъ. т. IV, стр. 49 (приложеніе). См. также Бернгарди. т. IV. стр. 58. гдѣ приведены подлинныя слова государя и Кестльри, на основаніи записокъ К. Ф. Толя.

однакожъ, не прекратились и послѣ этихъ рѣшительныхъ словъ Александра. Опасаясь, что дальнѣйшее сопротивленіе можетъ повести къ распаденію союза, государь, скрѣпя сердце, изъявилъ подъ конецъ согласіе на подписаніе мира, на условіяхъ, заявленныхъ союзниками при открытіи Шатильонскаго конгресса. Онъ послалъ новыя инструкціи въ этомъ смыслѣ графу Разумовскому, но ничего не говорилъ въ нихъ о заключеніи перемирія.

Меттернихъ ликовалъ. Его близорукость обнаруживалась тутъ во всемъ своемъ блескѣ. Совершенно не понимая характеръ Наполеона, онъ считалъ дѣло мира упроченнымъ и писалъ Коленкуру. „Намъ удалось опять пустить въ ходъ ваши переговоры. Скажу вашей свѣтлости, что право не легко быть министромъ коалиціи". Меттернихъ обнадеживалъ французскаго министра, что ему удастся довести до конца начатое дѣло. На сожалѣніе Коленкура, что онъ не можетъ вести переговоры съ нимъ лично, канцлеръ отвѣчалъ, въ дружескомъ тонѣ: „Вѣрьте мнѣ, что здѣсь, въ главной квартирѣ императора Александра я гораздо нужнѣе и полезнѣе, нежели у васъ" [1]).

Меттернихъ увѣдомилъ о своихъ успѣхахъ князя Шварценберга и посовѣтовалъ ему попытаться заключить перемиріе съ Наполеономъ [2]). Австрійскій генералиссимусъ полу-

---

[1]) Бернгарди, т. IV, ч. I, стр. 443. Достаточно одного этого письма, чтобы доказать насколько основательны доводы Онкена, силящагося доказать, что Меттернихъ, а никто либо другой, свергъ Наполеона (!?!).

[2]) Мы основываемъ это заключеніе на слѣдующихъ двухъ письмахъ Меттерниха, опубликованныхъ въ самое послѣднее время. Меттернихъ Шварценбергу: „Я только что отъ Императора Александра. Я почти убѣжденъ, что мы уладимъ всѣ вопросы, т. е. что Императоръ Александръ вынужденъ будетъ согласиться съ нашими рѣшеніями. Онъ склоненъ болѣе къ предварительному миру, нежели къ перемирію и всѣ согласны съ нимъ. Все должно рѣшиться въ теченіи нѣсколькихъ часовъ; предупреждаю васъ объ этомъ, дабы вы могли принять соотвѣтственныя мѣры, т. е. не вызывать ничего рѣшительнаго и не упускать изъ виду ничего полезнаго. Какъ только дѣло уяснится, я пришлю вамъ другаго курьера. Это навѣрное рѣшится въ нѣсколько часовъ, быть можетъ даже сегодня. Императоръ Александръ неоднократно спрашивалъ меня, не получили-ли вы приказанія отъ нашего Государя: не давать сраженія. Я отвѣчалъ, что Императоръ, отпуская васъ, повелѣлъ вамъ стать во главѣ арміи, не пренебрегать

чилъ этотъ совѣтъ въ тотъ самый моментъ, когда наступленіе Наполеона и успѣхи, одержанные имъ надъ передовыми войсками союзниковъ, повергли его въ крайнее уныніе. Мысль, брошенная канцлеромъ при такихъ обстоятельствахъ, показалась ему какъ нельзя болѣе счастливою и онъ ухватился за нее какъ за якорь спасенія [1]). Шварценбергъ отправилъ своего адъютанта графа Паара съ письмомъ на имя Бертье, въ которомъ увѣдомлялъ его, что вслѣдствіе полученнаго наканунѣ извѣстія о согласіи союзныхъ уполномоченныхъ заключить перемиріе, на условіяхъ, предложенныхъ Франціею и принятыхъ союзными монархами, отданы приказанія прекратить наступательныя движенія противъ французскихъ войскъ. Принимая такимъ образомъ на себя видъ, что онъ вѣритъ въ заключенное уже перемиріе, Шварценбергъ продолжалъ: „Не смотря, однако-же, на то, дошло до

ничѣмъ, дабы занять возможно выгодное военное положеніе, не обращая вниманія на вопросъ политическій, что въ случаѣ надобности онъ пришлетъ вамъ приказъ отступить, но что до полученія этого приказа вы должны идти впередъ безъ всякой задней мысли". (Письмо изъ Труа отъ 14-го февраля).

Второе письмо отъ того-же числа ясно доказываетъ, что Меттернихъ избѣгалъ излагать свои секретныя порученія на бумагѣ.

„Отнеситесь, мой другъ, съ полнымъ довѣріемъ ко всему, что скажетъ вамъ Павелъ Эстерази; ему извѣстно все случившееся. Императоръ (Францъ) желаетъ, чтобы вы употребили всѣ усилія, дабы получить какъ можно скорѣе согласіе Императора (Александра) на перемиріе). Отошлите Поля какъ можно скорѣе, ибо наши курьеры отправляются въ Шатильонъ".

Предоставляя себѣ право разобрать отношенія Императора Александра къ Меттерниху и коварную роль этого послѣдняго, въ особой критической статьѣ, ограничимся пока слѣдующими замѣчаніями. Приведенныя письма, особенно, если сопоставить ихъ съ отвѣтомъ Шварценберга, который мы приведемъ въ слѣдующей выноскѣ, рѣшаютъ окончательно вопросъ, кто былъ виновникомъ постыднаго предложенія 17-го февраля. Текстъ приведенныхъ писемъ см. въ Oesterreichs Theilnahme etc. стр. 809--810.

[1]) Шварценбергъ писалъ Меттерниху: „Jái proposè a L'Empereur Alexandre d'envoyer au Prince de Neûfchatel une lettre pour lui annoncer que les Souverains, avaient autorisè leurs ministres à signer les preliminaires sur les bases convenues avec le duc de Vicence. L'empereur a approuve la proposition, et j'ai expediè dans la minute le colonel Paar que j'ai bien endoctrine. La lettre dont vous recevez une copie a ètè arrangèe sour les yeux de L'Empereur, avec le consentement du roi". И такъ Шварценбергъ исполнилъ порученіе Меттерниха. Онъ добился согласія Александра.—См. Oesterreich's Theilnahme etc. Стр. 811.

моего свѣдѣнія, что съ вашей стороны военныя дѣйствія продолжаются, а потому прошу равномѣрно прекратить ихъ; въ противномъ случаѣ, буду принужденъ возобновить наступленіе, прерванное въ чаяніи перемирія" [1]).

Двуличное и трусливое предложеніе Шварценберга не могло имѣть успѣха. Графъ Паарь прибылъ въ главную квартиру Наполеона въ тотъ самый моментъ, когда императоръ французовъ, окончательно ослѣпленный своими послѣдними успѣхами, отмѣнилъ только что полномочіе данное имъ Коленкуру заключить миръ на какихъ-бы то ни было условіяхъ. Такое рѣшеніе Наполеонъ мотивировалъ своими громадными, небывалыми даже въ его собственной двадцатилѣтней блестящей военной карьерѣ успѣхами.

„Я одержалъ успѣхи необъятные", писалъ онъ герцогу. „Я взялъ отъ 30 до 40,000 плѣнныхъ. Я взялъ 200 пушекъ и множество генераловъ и истребилъ почти безъ сопротивленія нѣсколько армій. Вчера я напалъ на армію князя Шварценберга и надѣюсь истребить ее прежде, нежели она уйдетъ изъ нашихъ предѣловъ". Несмотря на свои сказочные успѣхи, Наполеонъ готовъ и теперь заключить миръ, но не иначе какъ на условіяхъ, предложенныхъ Меттернихомъ во Франкфуртѣ. Строго говоря, союзники не имѣютъ права разсчитывать теперь даже на эти условія; военное счастіе слишкомъ измѣнилось не въ ихъ пользу, — но онъ, Наполеонъ, хочетъ быть великодушенъ, онъ готовъ прекратить военныя дѣйствія и дать союзникамъ возможность отступить спокойно за Рейнъ, если они подпишутъ миръ на франкфуртскихъ условіяхъ. Въ заключеніе Наполеонъ присовокупилъ слѣдующее оригинальное наставленіе своему уполномоченному „Вообще вы должны дѣйствовать по прежнему и стремиться къ миру, но не подписывать ничего безъ моего вѣдома и разрѣшенія, ибо я одинъ знаю положеніе моихъ дѣлъ" [2]). Эти слова ясно указываютъ, что Наполеонъ ставитъ свое послѣднее слово въ зависимость отъ обстоятельствъ,

---

[1]) Богдановичъ, Т. IV, стр. 407.

[2]) Correspondance de Napoleon. T. 27. стр. 216—217.

что въ случаѣ возможности онъ не намѣренъ былъ даже довольствоваться франкфуртскими условіями.

Появленіе графа Паара при подобномъ настроеніи могло вызвать въ Наполеонѣ только чувства злорадства и пренебреженія. Онъ не пожелалъ даже видѣть австрійскаго посланца и только пробѣжалъ вскользь письмо Шварценберга: „Князь Шварценбергъ", писалъ онъ на другой день королю Іосифу, „подалъ намъ наконецъ признакъ жизни. Онъ прислалъ парламентера съ просьбою о перемиріи. Трудно быть подлымъ до такой степени. До сихъ поръ онъ упорно отвергалъ, и притомъ въ выраженіяхъ самыхъ оскорбительныхъ, всякое перемиріе, на какихъ-бы то ни было условіяхъ. Онъ не хотѣлъ даже принимать моихъ парламентеровъ до сдачи Дрездена и Данцига,—дѣло беспримѣрное во всей всемірной исторіи. А теперь, послѣ первой неудачи эти презрѣнные падаютъ на колѣни. Я не допустилъ въ мой лагерь адъютанта Шварценберга, я только получилъ письмо, на которое буду отвѣчать по усмотрѣнію. Я не дамъ имъ перемирія до тѣхъ поръ, пока они не очистятъ моей территоріи" [1]).

Самонадѣянность Наполеона возросла въ этотъ день до невѣроятной степени. Уже онъ мечталъ о возстановленіи своего разрушеннаго владычества въ Европѣ. На франкфуртскія условія онъ смотрѣлъ лишь какъ на минимумъ своихъ требованій, въ случаѣ дальнѣйшихъ успѣховъ онъ готовъ былъ требовать гораздо большаго [2]). Если нѣсколько дней тому назадъ, онъ приказывалъ Евгенію Богарне очистить Италію и поспѣшить съ своими войсками на театръ войны во Францію; то теперь, наоборотъ, онъ предписалъ ему оставаться въ Италіи и защищать эту страну до послѣдней возможности. „Передай Евгенію", сказалъ онъ адъютанту

---

[1]) Correspondance de Napoleon т. 27, стр. 222—223.

[2]) „Я надѣюсь, что я достигну мира, основаннаго на франкфуртскихъ условіяхъ; это минимумъ мира, который я могу заключить съ честью". Если-бы я подписалъ миръ на условіи старыхъ границъ, то уже черезъ два года я бы взялся за оружіе, и я сказалъ-бы націи, что я подписалъ не миръ, а капитуляцію". Отрывки изъ того-же письма къ Іосифу. Correspondance, т. 27, стр. 222—223.

вице-короля, отпуская его изъ своей главной квартиры, „что я остался побѣдителемъ при Шампоберѣ и Монмиралѣ надъ лучшими войсками коалиціи, что князь Шварценбергъ просилъ у меня въ эту ночь перемирія, но что я не позволилъ надувать себя и выигрывать время. Передай ему, что еслибы приказанія, отданныя мною маршалу Виктору, были исполнены въ точности, то я истребилъ-бы баварскія и виртембергскія войска. Тогда противъ меня остались-бы только одни австрійцы, плохіе солдаты, сволочь, которыхъ-бы я разогналъ плетью“ [1]).

Наполеонъ горѣлъ нетерпѣніемъ дополнить свои успѣхи и исправить свои ошибки, сдѣланныя, по его мнѣнію, Викторомъ. Шварценбергъ съ своей стороны дѣлалъ все возможное, чтобы облегчить побѣды Наполеону. Онъ отдалъ приказъ кронпринцу виртембергскому защищать мостъ черезъ Сену у Монтеро, несмотря на то, что въ распоряженіи кронпринца находилось всего лишь 15,000 ч., а условія мѣстности вовсе не благопріятствовали защитѣ. Городъ Монтеро построенъ на лѣвомъ берегу Сены, у сліянія ея съ Іонною, въ мѣстности совершенно ровной и открытой. Правый берегъ образуетъ значительную возвышенность, круто опускающуюся къ рѣкѣ. Защищать мостъ возможно, лишь занявъ войсками эти возвышенности. Въ случаѣ пораженія войска эти могли подвергнуться совершенному истребленію при отступленіи по узкому, крутому спуску къ мосту. Кронпринцъ, горѣвшій желаніемъ отличиться и обратить на себя вниманіе, принялъ возложенное на него опасное порученіе, но опытные офицеры, бывшіе при немъ, напередъ предвидѣли самыя дурныя послѣдствія [2]). Ихъ предсказанія не замедлили осуществиться. Кронпринцъ занялъ главною

---

[1]) Изъ рапорта Ташера вице-королю Correspondance, T. 27 стр. 225. Тамъ же письмо къ Евгенію, гдѣ Наполеонъ повторяетъ басни о 40,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 20 генераловъ, 600 офицеровъ, 200 орудіяхъ, взятыхъ имъ у союзниковъ.

[2]) Австрійскій полковникъ, Графъ Латуръ сказалъ одному русскому офицеру генеральнаго штаба, передававшему ему о неудачахъ подъ Морманомъ и Нанжи: „останьтесь только до завтра у насъ и вы будете и здѣсь свидѣтелемъ катастрофы“. Бернгарди, т. IV, стр. 56.

массою своихъ войскъ, около 10,000 ч., возвышенность праваго берега, а остальныя войска, около 5,000 ч., расположилъ въ городѣ на лѣвомъ берегу въ видѣ резерва. Наступленіе французовъ началось въ девять часовъ утра. Сначала въ бою участвовалъ только одинъ отрядъ Виктора и все дѣло ограничивалось канонадою. Но около полудня прибылъ самъ Наполеонъ и устремилъ на кронпринца двадцать тысячъ отборныхъ войскъ, въ томъ числѣ старую гвардію. Виртембергцы оборонялись отчаянно, но подавленные превосходнымъ числомъ, были вскорѣ приведены въ разстройство. Кронпринцъ приказалъ отступать. Виртембергская конница и артиллерія на рысяхъ перешли черезъ мостъ и благополучно достигли противоположнаго берега. Пѣхота поспѣшно слѣдовала за ними, но Наполеонъ двинулъ на нее свою конницу и гвардію. Виртембергцы были совершенно разбиты и въ дикомъ безпорядкѣ бросились на мостъ. Наполеонъ самъ управлялъ преслѣдованіемъ, онъ самъ наводилъ орудія на бѣгущихъ. Французскіе конные егеря проскакали мостъ, преслѣдуя и рубя непріятелей и не дали союзникамъ времени взорвать мостъ на воздухъ. Осыпаемые картечью, союзники не въ состояніи были привести въ порядокъ свои ряды и удержаться въ городѣ. Они отступили сначала къ Маролю, а потомъ въ Бре и Базошу. Наполеонъ могъ похвалиться еще одною блестящею побѣдою. Онъ обратилъ въ бѣгство цѣлый корпусъ союзниковъ, причинилъ имъ уронъ въ 5,000 человѣкъ, отнялъ у нихъ одно знамя и два орудія. Впрочемъ, эта побѣда досталась и ему не дешево. Войска его потеряли въ этотъ день до 2,500 человѣкъ; въ числѣ убитыхъ былъ дивизіонный генералъ Шато, зять маршала Виктора [1]).

Сраженіе при Монтеро было со стороны союзниковъ безцѣльнымъ и безсмысленнымъ кровопролитіемъ. Еще утромъ 18 января Шварценбергъ порѣшилъ отвести всѣ свои войска въ окрестности Труа и вступить въ сообщеніе съ Блюхеромъ, которому послано было предписаніе примкнуть

¹) Подробности о сраженіи при Монтеро, см. Бернгарди, т. IV, стр. 36—17.

къ правому крылу главной арміи. Понятно, что вѣсть о несчастномъ сраженіи могла только ускорить исполненіе этого намѣренія. Въ теченіи двухъ дней союзныя колонны отступали передъ непріятелемъ, слабѣйшимъ числомъ, гонимыя какъ будто какимъ то призракомъ. Глубокое уныніе распространилось въ рядахъ. Никто не могъ найти смысла въ этихъ ретроградныхъ маневрахъ, исполняемыхъ по мановенію австрійскаго генеральнаго штаба. Условія, въ которыхъ приходилось совершать эти марши и контръ-марши, дѣйствовали съ своей стороны на войска самымъ удручающимъ образомъ. Погода стояла холодная и сумрачная. Снѣжныя мятели очередовались съ морозами и внезапными оттепелями. Страна, по которой проходили войска, давно уже превратилась въ настоящую пустыню. Деревни, брошенныя своими обитателями, были разграблены и опустошены. Невозможно было достать нигдѣ ни дровъ, ни соломы; нигдѣ нельзя было найти защиты отъ ледянаго вѣтра, гулявшаго безпрепятственно по голой, безлѣсной равнинѣ. О съѣстныхъ припасахъ не было и рѣчи, приходилось довольствоваться одними сухарями. Ощущался недостатокъ даже въ годной для питья водѣ. Люди и лошади изнывали отъ жажды. На бивуакахъ солдаты сползались въ кучи какъ муравьи и только этимъ способомъ спасались отъ замерзанія. [1]).

Никто не обнаружилъ при этихъ испытаніяхъ такой твердости и выносливости, какъ русскій солдатъ. „Несомнѣнно," говоритъ очевидецъ, „что русскіе солдаты испытывали при этомъ отступленіи особаго рода удручающее, нравственное чувство". [2]) Недовольство ясно выражалось на ихъ лицахъ. Веселыя пѣсни, шутки, разговоры умолкли; они шли молча, сосредоточенно, но въ ихъ рядахъ не замѣтно было ни малѣйшаго безпорядка, не слышно было даже ропота.

20 января союзныя войска заняли назначенныя имъ позиціи. Русско-прусскіе резервы, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, стали впереди Труа, корпуса кронъ-принца, Вре-

---

[1]) Helldorf, Aus dem Leben. d. Prinzen Eugen v. Würtemberg, 3 T., стр. 17.
[2]) Helldorf, 3 T. стр. 18.

де и Витгенштейна расположились между Труа и Мери; всѣ австрійскія войска заняли позиціи между Труа и Саномъ. Главная квартира союзныхъ монарховъ и Шварценберга перенесена была въ Труа.

Австрійскій генералиссимусъ мотивировалъ свое отступленіе необходимостью сосредоточить силы, дабы дать отпоръ Наполеону. Онъ толковалъ о сраженіи, которое онъ намѣревался дать въ окрестностяхъ Труа; но достигнувъ этого мѣста, и соединивъ здѣсь на тѣсномъ пространствѣ около 90,000 отборнаго войска, онъ вдругъ объявилъ, что этихъ силъ недостаточно для противодѣйствія Наполеону и что онъ можетъ дать сраженіе съ надеждою на успѣхъ, лишь въ томъ случаѣ, когда къ нему присоединится армія Блюхера. Александръ, желая отнять у Шварценберга этотъ новый предлогъ къ дальнѣйшему отступленію, побудилъ его написать письмо къ Блюхеру. Фельдмаршалъ изъявлялъ въ этомъ письмѣ свою готовность принять сраженіе, но лишь въ томъ случаѣ, если Блюхеръ придетъ къ нему на помощь съ 30,000 ч. Отвѣтъ Блюхера долженъ былъ изумить не только Шварценберга, но и самого Александра. Старый герой писалъ: „Я буду 21-го февраля у Мери съ 53,000 ч. и тремя стами орудій, готовый къ бою“ [1]). Австрійскіе стратеги пожимали плечами и говорили о новомъ сумасбродствѣ Блюхера, но старикъ сдержалъ свое слово. 21-го февраля онъ былъ уже въ Мери и войска его примкнули къ правому флангу главной арміи.

На сторонѣ союзниковъ было теперь громадное превосходство силъ. Они располагали полуторастатысячною арміею; тогда какъ ихъ противникъ имѣлъ не болѣе 50,000 ч. Всѣ ожидали съ увѣренностью рѣшительнаго сраженія, но Шварценбергъ не былъ Блюхеромъ и не имѣлъ обыкновенія держать свое слово. Руководимый тайными предписаніями своего кабинета, онъ занятъ былъ измышленіемъ новыхъ предлоговъ къ дальнѣйшему отступленію. Такой предлогъ былъ вскорѣ найденъ. Уже французы появились въ окрестностяхъ Труа,

---

[1]) Бернгарди, Т. IV, стр. 45.

уже союзная армія расположилась въ боевомъ порядкѣ въ ожиданіи непріятеля, когда Шварценбергъ, осмотрѣвъ еще разъ расположеніе войскъ, объявилъ, что онъ не можетъ дать сраженія въ этой позиціи. Фельдмаршалъ особенно напиралъ на то обстоятельство, что союзныя войска занимали позиціи по обоимъ берегамъ Сены, и что тѣ корпуса, которые стояли ближе къ непріятелю, имѣли въ тылу у себя большую рѣку. Такъ какъ это соображеніе не лишено было своего основанія, хотя подобное расположеніе войскъ было прямымъ послѣдствіемъ диспозицій самого Шварценберга, то императоръ Александръ счелъ необходимымъ согласиться съ мнѣніемъ главнокомандующаго. Въ ночь съ 22-го на 23 февраля союзныя войска отступили за Сену, оставивъ на лѣвомъ берегу рѣки только небольшіе отряды. Въ Труа была оставлена австрійская бригада Фолькмана съ приказаніемъ: держаться въ городѣ въ теченіи слѣдующаго дня.

Преувеличенныя извѣстія о силахъ Наполеона усиливали съ каждою минутою тревожное настроеніе въ главной квартирѣ союзниковъ. Шварценбергъ дрожалъ съ одной стороны передъ мыслью о столкновеніи съ Наполеономъ, а съ другой придавалъ слишкомъ большое значеніе наступательнымъ движеніямъ Ожеро въ южной Франціи. Его мысли естественно обратились къ спасительному лангрскому плато и онъ вознамѣрился отступить къ нему съ своею арміею. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь настаивалъ на необходимости попытаться еще разъ предложить перемиріе Наполеону. Ему удалось склонить въ пользу своихъ мнѣній союзныхъ государей. Императоръ Александръ, утомленный долгою безплодною борьбою, введенный въ заблужденіе ложными донесеніями партизана Сеславина, доносившаго, что армія Наполеона состоитъ изъ 180,000 ч. [1]), оставленный всѣми, такъ какъ даже многіе русскіе генералы толковали только о мирѣ, и опасаясь совершеннаго распаденія союза, далъ свое согласіе на отступленіе къ Баръ-Сюръ-Обу и Шомону (о Лангрѣ австрійцы

[1]) Сеславинъ получилъ впослѣдствіи за свои неправильныя донесенія строгій выговоръ отъ императора Александра.

пока благоразумно умалчивали), и на посылку новаго парламентера къ Наполеону, но онъ потребовалъ въ тоже время, чтобы союзныя войска отходили назадъ, какъ можно медленнѣе, чтобы они не избѣгали столкновеній съ непріятелемъ и тѣмъ самымъ показывали противнику, что ихъ отступленіе вызвано не страхомъ и преувеличеннымъ мнѣніемъ о силахъ врага, а единственно стратегическими соображеніями. Князь Шварценбергъ принужденъ былъ согласиться съ этими требованіями. Войска получили приказаніе отступать шагъ за шагомъ, а Фолькману предписано было держаться въ Труа до послѣдней возможности.

Парламентеромъ къ Наполеону посланъ былъ князь Венцель Лихтенштейнъ. Выборъ во всѣхъ отношеніяхъ крайне неудачный! Лихтенштейнъ былъ настоящій придворный кавалеръ. Ловкій, свѣтскій, но пустой и ограниченный, онъ не въ состояніи былъ исполнить возложенной на него серьёзной миссіи. Явившись передъ императоромъ французовъ, онъ разсыпался въ любезностяхъ и комплиментахъ по адресу великаго императора и его непобѣдимой арміи. Онъ увѣрялъ, что французскія арміи произвели на союзниковъ импонирующее впечатлѣніе, что онѣ никогда еще не находились въ такомъ превосходномъ состояніи. Онъ заявлялъ, что союзные генералы поражены были изумленіемъ, встрѣчая повсюду отборныя войска закаленныхъ ветерановъ, прекрасную кавалерію. Лихтенштейнъ проболтался, что союзники считаютъ силы Наполеона не десятками, а сотнями тысячъ. Этого мало! Онъ былъ настолько наивенъ, что разсказалъ въ какомъ страхѣ находится главная квартира Шварценберга по поводу извѣстій о наступательныхъ дѣйствіяхъ Ожеро въ южной Франціи. Наполеонъ, замѣтивъ болтливость австрійскаго генерала, бесѣдовалъ съ нимъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Вывѣдавъ отъ Лихтенштейна все, что было возможно, онъ пришелъ къ убѣжденію, что Шварценбергъ готовъ бѣжать не только на лангрское плато, но и за самый Рейнъ, и рѣшился воспользоваться этимъ настроеніемъ своего противника. Онъ порѣшилъ согласиться на перемиріе лишь подъ условіемъ, что союзники положатъ въ основу мир-

ныхъ переговоровъ не предъявленныя ими въ Шатильонѣ требованія, а условія, объявленныя во Франкфуртѣ, т. е. естественныя границы Франціи. Отпуская Лихтенштейна, Наполеонъ сказалъ ему, что онъ пришлетъ отвѣтъ на предложенія Шварценберга съ своимъ адъютантомъ, генераломъ Флаго. О пріостановленіи военныхъ дѣйствій не было пока и рѣчи; напротивъ, Наполеонъ рѣшился, преслѣдуя свои выгоды, тѣснить съ возможно большею энергіею отступающаго непріятеля [1]).

Рано утромъ 23 февраля французы возобновили наступленіе на союзниковъ тремя колоннами. Нигдѣ не встрѣтили они серьезнаго сопротивленія. Союзники повсемѣстно отступили передъ ними по дорогамъ на Вандевръ, Динвиль, Баръ на Сенѣ и Баръ на Обѣ. Только австрійская бригада Фолькмана, оставленная въ Труа, оказала энергическое сопротивленіе. Наполеонъ, сгорая нетерпѣніемъ занять какъ можно скорѣе Труа и наказать тамошнихъ измѣнниковъ, приказалъ штурмовать города, несмотря на наступившую ночную темноту. Три раза бросались французы на приступъ, но каждый разъ были отражаемы австрійцами съ большими потерями. Бригада Фолькмана очистила Труа только въ четыре часа утра, когда нападенія французовъ совершенно прекратились. Въ теченіи всего 24 февраля, союзники продолжали отступленіе, тѣснимые французами. Чтобы задержать хотя сколько нибудь наступленіе непріятеля и облегчить положеніе своихъ войскъ, Шварценбергъ прибѣгнулъ къ не совсѣмъ достойной уловкѣ. Онъ увѣдомилъ [2]) французскаго маршала Келлермана, находившагося ближе всѣхъ къ союз-

---

[1]) Вотъ что дѣлаетъ страхъ (Voila re que c'est gue la terreur), замѣтилъ Наполеонъ по поводу болтовни Лихтенштейна. Въ письмѣ къ Іосифу Бонапарте, Наполеонъ писалъ: „Le prince Liechtenstein, aide de camp du prince de Schwar. zenberg, avec qui je viens de causer longmemps m'a lais se entrevoir q'uils etaient fort efrayès de ce mouvement de duc Castiglione. (Ожеро) Мемуары Іосифа Бонапарте Т. X, стр. 156.

[2]) Увѣдомленіе было сдѣлано, по распоряженію фельдмаршала, австрійскимъ генераломъ Гіулаемъ. Подобный-же приказъ посланъ былъ и Витгенштейну. Но русскій генералъ не счелъ удобнымъ прибѣгать къ подобной уловкѣ. См. Бернгарди, Т. IV, 2-а пол. стр. 74—75.

никамъ, что въ Люзиньи начались уже переговоры о перемиріи, и что въ виду этого слѣдуетъ остановить на-время военныя дѣйствія. Келлерманъ изъявилъ согласіе пріостановить преслѣдованіе до шести часовъ утра слѣдующаго дня.

Переговоры въ Люзиньи, деревушкѣ между Вандеромъ и Труа, были потомъ дѣйствительно открыты. Наполеонъ прислалъ туда элегантнаго генерала Флаго; со стороны Австріи велъ дѣло хорошо извѣстный намъ Дука, бывшій здѣсь какъ-разъ на своемъ мѣстѣ; уполномоченными со стороны Россіи и Пруссіи явились графъ Шуваловъ и генералъ Раухъ. Шварценбергъ былъ твердо убѣжденъ, что перемиріе будетъ заключено, онъ самъ оставался въ Люзиньи въ теченіи всего утра, въ ожиданіи результатовъ переговоровъ, но его надеждамъ не суждено было осуществиться. Уполномоченный Наполеона [1]) объявилъ отъ имени своего императора, что о предварительномъ перемиріи не можетъ быть и рѣчи, что непріязненныя дѣйствія могутъ быть пріостановлены лишь въ томъ случаѣ, если союзники примутъ за основу будущаго мира франкфуртскія условія, т. е. признаютъ естественныя границы Франціи. Съ другой стороны, русскій уполномоченный, графъ Шу-

---

[1]) Наполеонъ далъ своему уполномоченному чрезвычайно оригинальныя инструкціи. Флаго долженъ былъ требовать, чтобы союзники признали основою мира Франкфуртскія условія, и въ случаѣ ихъ несогласія прекратить тотчасъ-же переговоры. Въ случаѣ ихъ согласія онъ долженъ былъ требовать, чтобы союзники отступили въ Франшъ-Комте, Эльзасъ и Лотарингію и очистили Бельгію. Помимо этого Флаго долженъ былъ хвастать передъ союзными уполномоченными и разсказывать самыя невѣроятныя вещи о силахъ Наполеона. Онъ долженъ былъ говорить приблизительно такимъ образомъ: мы знаемъ силы нашихъ непріятелей, но наши силы вамъ недостаточно извѣстны. Каждый день мы получаемъ изъ Парижа 10,000 экипированнихъ и вооруженнихъ людей, въ томъ числѣ 2,000 конницы. Наша армія состоитъ изъ 300,000 челов. Старая гвардія, составленная изъ людей, прослужившихъ не менѣе 16 лѣтъ, утроена въ числѣ и раздѣлена на три дивизіи, въ каждой по 16 батальоновъ; общая численность ея доходитъ до 30,000 ч. Правда у насъ есть около 50,000 чел. не экипированныхъ; но всѣ экипировочные предметы находятся въ пути и всѣ эти люди снабжены хорошими ружьями и служатъ отлично. Ужасныя злодѣянія, производимыя повсемѣстно казаками, взволновали до крайней степени населеніе Франціи и всѣ спѣшатъ къ оружію. Всѣ шансы успѣха на нашей сторонѣ. Мы взяли до сихъ поръ 50,000 плѣнныхъ, 80 орудій и 800 повозокъ“. Correspondance de Napoleon, 27 т. стр. 277—278.

валовъ, заявилъ отъ имени своего государя, что Россія согласится на перемиріе лишь въ томъ случаѣ, когда за союзными войсками оставлены будутъ всѣ проходы черезъ Вогезы и вся восточная окраина Франціи. Въ виду такихъ противоположныхъ заявленій, переговоры были прерваны и военныя дѣйствія тотчасъ-же возобновились.

Императоръ Александръ не безъ намѣренія далъ [1]) графу Шувалову такія инструкціи. Онъ зналъ, что Наполеонъ ни за что не согласится на проведеніе требуемой имъ демаркаціонной линіи. Императоръ понималъ, что перемиріе можетъ спасти Наполеона отъ гибели, и именно поэтому рѣшился воспрепятствовать во что бы то ни стало его заключенію. Теперь цѣль эта была достигнута. Война продолжалась вопреки Меттерниху, Шварценбергу и Кестльри,—вопреки всѣмъ коварнымъ и трусливымъ союзникамъ. Александру удалось въ этотъ-же самый моментъ дать совершенно иной оборотъ военнымъ дѣйствіямъ. Онъ освободилъ Блюхера и силезскую армію отъ парализующаго вліянія Шварценберга и двинулъ ихъ вновь въ долину Марны и на Парижъ. Толчекъ къ этому спасительному рѣшенію Александра поданъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, самимъ Блюхеромъ.

Негодованіе овладѣло старымъ фельдмаршаломъ, когда онъ убѣдился, что Шварценбергъ заманилъ его на Обу лишь для того, чтобы увлечь его въ свое отступленіе. Блюхеръ сознавалъ, что подобное отступленіе не остановится у Лангра и Шомона, что оно пойдетъ до Рейна и за Рейнъ, что оно окончательно деморализуетъ союзную армію и погубитъ въ конецъ правое дѣло [2]). Неукротимый герой ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ принимать участіе въ подобныхъ маневрахъ. Онъ предпочиталъ отступленію все остальное въ мірѣ

---

[1]) Инструкціи Шувалову см. у Богдановича, гдѣ ссылка на исходящій номеръ журнала; стр. 50 приложеній къ тому IV.

[2]) Совершенно подобное-же мнѣніе высказано было, впрочемъ, и въ главной квартирѣ союзниковъ лордомъ Бургершомъ. „Отступленіе къ Лангру, замѣтилъ онъ на военномъ совѣтѣ, поведетъ къ отступленію за Рейнъ. „Тѣмъ лучше возразилъ ему одинъ изъ приближенныхъ Шварценберга, тогда мы спустимся внизъ по рѣкѣ и приступимъ къ формальной осадѣ Майнца“. Бернгарди, Т. IV, 2 пол. ст. 63.

и готовъ былъ скорѣе броситься на самое отчаянное и рискованное предпріятіе. Сначала Блюхеръ пытался уладить дѣло тѣмъ-же способомъ какъ три недѣли тому назадъ при Ла-Ротьерѣ. Онъ объявилъ, что готовъ атаковать Наполеона немедленно одними своими силами, подъ условіемъ, чтобы главная армія поддержала его лишь въ случаѣ крайности, но Шварценбергъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе. Тогда Блюхеръ отправилъ полковника Грольмана къ императору Александру съ письмомъ и устными порученіями. Въ письмѣ старый фельдмаршалъ просилъ дозволить ему отдѣлиться отъ главной арміи, перейти вновь въ долину Марны и оперировать на Парижъ. Объясненія полковника Грольмана вполнѣ удовлетворили императора Александра. Онъ понялъ, что движеніе Блюхера освободитъ главную армію отъ Наполеона и дастъ совершенно иной оборотъ войнѣ. Но чтобы маневръ Блюхера не остался одною диверсіею, Александръ рѣшился присоединить къ его войскамъ корпуса Винцингероде и Бюлова и довести, такимъ образомъ, его армію до 110,000 челов. Усиленная до такихъ размѣровъ, силезская армія могла уже принять на себя первенствующую роль и опредѣлять своими движеніями маневры главной арміи. Императоръ изложилъ эти соображенія своему другу Фридриху-Вильгельму и король прусскій, никогда не раздѣлявшій опасеній и недовѣрія своего министра Гарденберга, тотчасъ-же согласился съ нимъ. Друзья-монархи сообщили свои намѣренія князю Шварценбергу. Австрійскій генералиссимусъ тотчасъ-же догадался, что планъ Александра и Блюхера разстраиваетъ всѣ его собственныя предположенія. Онъ пытался противорѣчить, но Монархи напомнили ему, что ихъ распоряженія касаются исключительно русскихъ и прусскихъ войскъ, и князь принужденъ былъ замолчать. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ отправили Грольмана съ желанными приказаніями къ Блюхеру. Старый фельдмаршалъ былъ въ восторгѣ. Мосты на Обѣ у Вадемона наведены были уже заранѣе по его приказанію. Тотчасъ-же по возвращеніи Грольмана, силезская армія перешла черезъ рѣку и двинулась по направленію къ Сезанни.

Фельдмаршалъ написалъ благодарственное письмо императору Александру, гдѣ вновь повторилъ свою просьбу о присоединеніи къ его арміи корпусовъ Бюлова и Винцингероде. „Соединившись съ этими корпусами“, такъ оканчивалось его письмо, „я пойду на Парижъ. Я столь-же мало боюсь императора Наполеона, какъ и его маршаловъ“. Блюхеръ торопилъ, по возможности, движенія своихъ войскъ. Онъ видно хорошо изучилъ главную квартиру и опасался, чтобы только что отданныя приказанія не были отмѣнены. Его предчувствіе не замедлило оправдаться. Уже на другой день его настигло письмо Шварценберга, убѣждавшее поворотить назадъ и идти на Лемонъ и Бріеннь. Но Блюхеръ не обратилъ вниманіе на это своевольное вмѣшательство австрійскаго генералиссимуса и поспѣшно продолжалъ свой походъ на Марну [1]).

Въ то время, когда Блюхеръ началъ свое рѣшительное движеніе, долженствовавшее дать иной оборотъ всей войнѣ, императоръ Наполеонъ, во главѣ своей гвардіи, торжественно вступалъ въ Труа 24-го февраля, въ 11 часовъ утра. Жители привѣтствовали его шумными восклицаніями, но лице властелина было сумрачно и грозно. Чувства злобы и мести кипѣли въ его душѣ. Онъ не считалъ ниже своего достоинства подвергнуть строгой карѣ нѣсколькихъ несчастныхъ обывателей, осмѣлившихся заявить слишкомъ громко свои роялистскія чувства во время вступленія въ Труа императора Александра. Онъ не задумался отпраздновать свои военные успѣхи терроромъ и кровавыми экзекуціями. Одинъ изъ роялистовъ, кавалеръ Гюо, былъ схваченъ и разстрѣлянъ по его приказанію; другіе спаслись отъ подобной же участи только поспѣшнымъ бѣгствомъ. Въ своемъ гнѣвѣ и мстительности Наполеонъ доходилъ до смѣшнаго. Онъ осыпалъ упреками и бранью хозяина дома, въ которомъ квартировалъ Александръ; онъ отнялъ у него перстень, пожалованный ему рус-

---

[1]) Подробности о рѣшеніи Блюхера, о посылкѣ Грольмана, и о движеніяхъ силезской арміи. см. у Бернгарди, т. IV, стр. 67—72. Богдановичъ т. IV, стр. 415—416.

скимъ императоромъ и приказалъ отдать эту бездѣлушку въ пользу благотворительныхъ учрежденій [1]).

Само собою понятно, что Наполеонъ не былъ всецѣло поглощенъ этими недостойными мелочами. Его вниманіе было сосредоточено, главнымъ образомъ, на дальнѣйшемъ веденіи войны. Далѣе нежели когда нибудь былъ онъ отъ мысли о мирѣ. Всѣми силами пытался онъ раздуть національный энтузіазмъ французовъ, собрать новыя войска, устроить сильныя диверсіи въ тылу и во флангѣ непріятеля, найти новыхъ союзниковъ для Франціи и вернуть старыхъ друзей. Его энергическія старанія во всѣхъ этихъ отношеніяхъ не увѣнчались, однакоже, полнымъ успѣхомъ. Крестьяне въ мѣстностяхъ, опустошенныхъ войною, брались, правда, за оружіе и нападали на непріятельскихъ мародеровъ, курьеровъ и фуражировъ, но населеніе отдаленныхъ департаментовъ относилось совершенно апатично къ войнѣ и мечтало только о мирѣ. Въ Парижѣ настроеніе публики было по прежнему подавленное и тревожное. Прибытіе нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ не вызвало особеннаго энтузіазма, хотя по распоряженію императора ихъ торжественно водили по всѣмъ улицамъ города съ музыкою впереди. Только одни лавочники, торговки и уличные мальчишки выражали свою радость грубыми шутками и ругательствами надъ несчастными плѣнниками. Болѣе зажиточное и интеллигентное населеніе пожимало плечами при видѣ семи тысячъ плѣнныхъ и съ ироніею спрашивало: гдѣ же остальные 35,000, о которыхъ говорилось въ императорскихъ бюлетеняхъ? Національная гвардія кричала на смотрахъ Vive l'empereur! но рѣшительно протестовала противъ всякаго поползновенія воспользоваться ея энтузіазмомъ въ открытомъ полѣ. Бурбонская интрига продолжала работать въ салонахъ. Талейронъ былъ увѣренъ болѣе

[1]) Наполеонъ, замѣчаетъ Бернгарди, придавалъ большое значеніе подобнымъ расправамъ, этимъ coups de vigeur, какъ называлъ онъ ихъ. Они наводили, по его мнѣнію, страхъ и убивали всякое начинающееся движеніе. Такимъ образомъ, эти жестокости не были послѣдствіями вспыльчивости или гнѣва, а просто результатами холоднаго разсчета.

нежели когда-нибудь въ скоромъ и неизбѣжномъ паденіи имперіи.

Іосифъ Бонапарте увѣдомлялъ императора о всѣхъ этихъ грозныхъ симптомахъ, но Наполеонъ относился къ его предостереженіямъ съ пренебреженіемъ и насмѣшкою и жестоко пробиралъ его въ своихъ письмахъ. Увлекаемый несбыточными надеждами, Наполеонъ думалъ возвратить къ себѣ не только новаго измѣнника, Мюрата, но даже и стараго отщепенца Бернадотта. Онъ приказывалъ Іосифу завести тайныя сношенія съ тѣмъ и другимъ, напомнить Мюрату и Бернадотту, что пора имъ возвратиться къ единственно возможному и естественному союзу съ Франціею и представить имъ всю глупость ихъ образа дѣйствія [1]). Особенныя надежды возлагалъ Наполеонъ на дѣйствія Ожеро въ Южной Франціи. Введенный въ заблужденіе болтовнею Лихтенштейна, онъ вдругъ забылъ, что Ожеро былъ человѣкъ, вовсе не преданный ни ему, ни Франціи, пустой, развратный и неблагодарный. Онъ началъ ожидать геройскихъ подвиговъ отъ этого негодяя, приказывалъ императрицѣ ухаживать за его женою и выражалъ твердое убѣжденіе во всѣхъ своихъ письмахъ къ военному министру, что Ожеро не замедлитъ опрокинуть этого смѣшнаго Бубну и его жалкихъ солдатъ. Самому Ожеро Наполеонъ предписывалъ разбить Бубну, завоевать обратно Женеву, освободить отъ осады Безансонъ и прервать сообщенія союзниковъ съ Бургундіею [2]). Маршалъ читалъ всѣ эти приказы, но не только не думалъ исполнять ихъ, а на-

---

[1]) Въ письмѣ къ Іосифу отъ 25-го ф. Наполеонъ говоритъ: „On dit que le prince royal de Suede est à Cologne. Est ce que vous ne pourriez pas, de votre chef, lui envoyer quelqu' un 'qui lui fit sentir la folie de sa conduite et le porter, à changer? Essayet—le, mais sans que j' y sois pour rien.“ Correspondance T. 27, стр. 283. Въ письмѣ отъ 26-го ф. Наполеонъ пишетъ Іосифу: „Кажется, что союзники не утвердили еще договора съ неаполитанскимъ королемъ, я желаю, чтобы вы отправили кого нибудь изъ вашихъ агентовъ къ королю. Напишите ему откровенно о всей несообразности его поведенія, предложите ему свое посредничество для возвращенія къ намъ и т. д. Correspondance T. 27, стр. 292—293.

[2]) См. письма Наполеона къ Кларне отъ 26-го ф. Correspondance T. 27, стр. 289—290.

противъ открыто глумился и ругался надъ императоромъ въ присутствіи многихъ лицъ.

Среди всѣхъ этихъ тревогъ и занятій, Наполеонъ вдругъ получилъ извѣстіе о переходѣ Блюхера обратно черезъ Обу, и его мысли тотчасъ-же приняли совершенно иное направленіе [1]). Тревожныя опасенія вдругъ овладѣли его душою. Онъ догадался, что самый страшный и опасный изъ враговъ его, врагъ, котораго онъ считалъ совершенно истребленнымъ, собрался вновь съ силами и намѣревается нанести ему ударъ въ самое больное мѣсто. Правда, онъ старался скрыть отъ другихъ свои опасенія и толковалъ въ своихъ письмахъ о десяти тысячахъ солдатъ, съ которыми пустился въ походъ Блюхеръ, но его собственныя дѣйствія противорѣчили на этотъ разъ его словамъ. Опасность, казалось ему, была такъ велика и близка, что онъ не считалъ возможнымъ оставаться далѣе на Сенѣ и Обѣ. Преслѣдованіе Шварценберга сдѣлалось для него теперь дѣломъ второстепеннымъ. Оставивъ противъ главной арміи 40,000 челов. подъ начальствомъ маршаловъ Удино и Макдональда, онъ самъ съ 35,000 ч., въ томъ числѣ гвардія, покинулъ Труа уже 26 февраля и поспѣшилъ вслѣдъ за Блюхеромъ въ долину Марны.

Главная союзная армія продолжала, между тѣмъ, свое отступленіе, но съ каждымъ шагомъ назадъ возростали недовольство и ропотъ не только въ рядахъ войскъ, но и въ средѣ самой главной квартиры. Послѣднія событія нанесли тяжелый ударъ партіи мира. Высокомѣріе, проявлявшееся

---

[1]) Извѣстный Бонапартистскій писатель Фенъ утверждаетъ въ своемъ Manuscrit de l' Annee 1814, стр. 146., что Наполеонъ получилъ извѣстіе о переходѣ Блюхера черезъ Обу только ночью съ 26-го на 27-е февраля, но это извѣстіе, перешедшее въ позднѣйшую литературу, совершенно опровергается собственными свидѣтельствами Наполеона, заключающимися въ его письмахъ. Еще 25-го числа Наполеонъ писалъ брату своему Іосифу: „Генералъ Блюхеръ, перешедшій было черезъ Обу и расположившійся у Мери, перешелъ вчера, 24-го числа, обратно черезъ рѣку и двинулся на Огморъ съ 8 или 10 тысячами человѣкъ (?!) остаткомъ своего прежняго корпуса. Герцогъ Рагузскій открылъ его вчера, но не счелъ себя достаточно сильнымъ, чтобы атаковать его. Какъ только я узнаю намѣренія Блюхера, я попытаюсь броситься ему въ тылъ и изолировать его“. Correspondance, T. 27, стр. 283.

во всѣхъ письмахъ и дѣйствіяхъ Наполеона, его неслыханныя требованія въ Люзиньи раскрыли наконецъ глаза даже самымъ ярымъ сторонникамъ мира. Извѣстія, получаемыя изъ Шатильона объ образѣ дѣйствія Коленкура, привели всѣхъ, не исключая даже Кестльри и Меттерниха, къ убѣжденію, что императоръ французовъ вовсе не желаетъ мира, что онъ ведетъ переговоры съ единственною цѣлью выиграть время, а если возможно, поссорить союзниковъ. Тщетно требовали уполномоченные союзныхъ державъ, чтобы Коленкуръ далъ имъ точный и опредѣленный отвѣтъ, чтобы онъ принялъ или отвергъ заявленныя ими требованія. Коленкуръ, не имѣя настоящихъ полномочій, сбиваемый съ толку противорѣчивыми приказаніями Наполеона, прибѣгалъ къ неизбѣжнымъ въ его положеніи дипломатическимъ уловкамъ. Онъ представлялъ подробныя и темныя замѣчанія на каждый пунктъ союзной программы, выражалъ различныя сомнѣнія, но тщательно избѣгалъ всякаго положительнаго и прямаго отвѣта. То и дѣло говорилъ онъ о своей готовности подвергнуть всестороннему обсужденію каждое изъ требованій союзниковъ, но уклонялся сказать что либо рѣшительное о совокупности ихъ требованій. Не трудно было убѣдиться, что французскій уполномоченный стремится затянуть переговоры, наполнить время пустыми и безцѣльными препирательствами и выждать момента, когда обстоятельства сложатся болѣе благопріятно для Франціи и ея повелителя [1]).

Англійскіе дипломаты пришли, наконецъ, къ убѣжденію въ совершенной безплодности дальнѣйшихъ переговоровъ, они поняли, что императоръ Александръ стоялъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія, не придавая никакого значенія шатильонской комедіи и требуя энергическаго продолженія войны. Лордъ Кестльри вдругъ сообразилъ, что Наполеонъ никогда не согласится на такой миръ, который могъ-бы быть одобренъ англійскимъ парламентомъ. Благородный лордъ

---

[1]) О ходѣ переговоровъ въ Шатильонѣ см. въ особенности депеши Разумовскаго отъ 4-го, 5-го, 8-го, 25-го, 26-го февраля. (Семейство Разумовскихъ, Васильчикова, Т. IV, стр. 476 и слѣд. см. также Онкенъ, стр. 42 и слѣд.).

распрощался съ своими надеждами на миръ и объявилъ, что необходимо продолжать войну даже въ томъ случаѣ, если-бы пришлось отступить за Рейнъ и начинать кампанію вновь [1]).

Подобная-же метаморфоза и подъ вліяніемъ тѣхъ-же впечатлѣній совершилась въ эти дни съ Кнезебекомъ и Гарденбергомъ. И имъ пришлось сознаться, что ихъ прямой, честный и правдивый король былъ несравненно дальновиднѣе и проницательнѣе ихъ. Партія мира была совершенно разбита. Меттернихъ очутился въ положеніи изолированномъ. Наполеонъ, котораго онъ хотѣлъ спасти лишь для того, чтобы превратить его въ покорнаго зятя императора Франца и послушное орудіе Австріи противъ Россіи, испортилъ своимъ высокомѣріемъ и непреклонною гордостью его искусную дипломатическую игру. Волею или неволею, а австрійскій канцлеръ принужденъ былъ отказаться отъ Наполеона и предоставить его своей судьбѣ [2]). Жатва созрѣла, и Александръ понялъ, что настало время пожать ее.

25 февраля, въ 8 часовъ утра собрался въ Барѣ на Обѣ военный совѣтъ, по предложенію императора Александра. Совѣщанія происходили на квартирѣ короля прусскаго, въ комнатахъ, занимаемыхъ больнымъ генераломъ Кнезебекомъ. Присутствовали: императоръ Александръ, король Фридрихъ Вильгельмъ, императоръ Францъ, князь Шварценбергъ, графъ Радецкій, князь Волконскій, Дибичъ, Ф. Кнезебекъ, Меттернихъ, лордъ Кестльри, Нессельроде, Гарденбергъ. Поставленъ былъ вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Никто изъ присутствующихъ не думалъ говорить о перемиріи; дипломатическія соображенія, игравшія до сихъ поръ такую важную роль, были совершенно устранены. Было постановлено, что союзные уполномоченные представятъ въ Шатильонѣ такія общія и солидарныя заявленія, предъ которыми должна разсѣяться всякая надежда противника на разногласіе въ средѣ державъ.

---

[1]) См. Бернгарди Т. IV, 2-ая пол.. стр. 90, гдѣ находится и ссылка на корреспонденцію Кестльри, Т. III, стр. 290.

[2]) Отказъ этотъ былъ впрочемъ далеко не полный и не безусловный, какъ увидимъ мы это вскорѣ.

Затѣмъ приступлено было къ рѣшенію вопросовъ военныхъ. Императоръ Александръ, энергически поддерживаемый королемъ прусскимъ, руководилъ совѣщаніями. Онъ самъ записалъ въ краткихъ словахъ постановленія совѣта. Постановленія эти были слѣдующія: 1) При Барѣ не будетъ дано сраженія; 2) Блюхеръ будетъ продолжать свое самостоятельное движеніе; 3) большая армія продолжаетъ свое отступленіе на Шомонъ и Лангръ; 4) продолженіе этого отступленія будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ; 5) Блюхеръ будетъ увѣдомленъ о движеніяхъ большой арміи и о подчиненіи его командѣ корпусовъ Винцингероде и Бюлова; 6) Винцингероде и Бюлову будутъ посланы соотвѣтствующія распоряженія; 7) Блюхеру предоставляется свобода въ его дѣйствіяхъ, но подъ условіемъ соблюденія военной осторожности [1]).

Формулированныя, такимъ образомъ, рѣшенія военнаго совѣта, имѣли чрезвычайно важное, принципіальное значеніе. Армія Блюхера, увеличенная до 100,000 чел., должна была дѣйствовать наступательно, тогда какъ армія Шварценберга должна была принять на себя второстепенную роль вспомогательной силы. Движенія этой силы опредѣлялись впредь движеніями силезской арміи, а не наоборотъ, какъ было это до сихъ поръ. Князь Шварценбергъ обязанъ былъ остановить свое отступленіе и атаковать преслѣдующаго его непріятеля съ того момента, когда Наполеонъ и большая часть его арміи вынуждены будутъ направиться противъ Блюхера.

Моментъ этотъ не замедлилъ наступить. Въ теченіи всего 26-го февраля большая союзная армія продолжала свое отступленіе. Французы заняли Вандеврь и Баръ на Обѣ, но ихъ преслѣдованіе становилось съ каждымъ часомъ все медленнѣе и нерѣшительнѣе. Союзники вскорѣ убѣдились въ отсутствіи могучей руки, управлявшей движеніями непріятеля. Уже вечеромъ 26-го февраля, кронпринцъ виртемберг-

[1]) Подробности о военномъ совѣтѣ въ Баръ-Сюръ-Обѣ см. у Бернгарди, Т. IV, 2-ая полов. стр. 91—98; Богдановича, Т. IV, стр. 418—420; Онкена, Geschichte der Revolution и д. Freiheits Kriege T. II, стр. 744.

скій донесъ главнокомандующему, что большая часть французскихъ войскъ, равно какъ и самъ Наполеонъ не принимаютъ участія въ наступленіи непріятеля. Около этого-же времени король прусскій получилъ изъ главной квартиры силезской арміи донесеніе, что императоръ французовъ съ главными силами своей арміи двинулся къ Марнѣ. Король прусскій находился въ этотъ моментъ въ Коломбе, вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями [1]). Онъ тотчасъ-же рѣшился остановить отступающія союзныя колонны и направить ихъ на непріятеля. Шварценбергъ принужденъ былъ согласиться съ мнѣніемъ короля. Уже въ шесть часовъ вечера 26 февраля корпуса Вреде и Витгенштейна, получили приказанія двинуться впередъ на Вандевръ и атаковать стоящаго передъ ними непріятеля. Кронпринцу виртембергскому было предписано идти на Лаферте-Сюръ-Объ противъ маршала Макдональда. Вѣсть о наступленіи была встрѣчена въ рядахъ союзныхъ войскъ громкими радостными восклицаніями.

Диспозиція къ атакѣ, составленная австрійскимъ генеральнымъ штабомъ, отличалась, по обыкновенію, сложностью и искусственностью. Маршалъ Удино занялъ въ теченіи ночи позицію между Баромъ-на-Обѣ, Малепинскими высотами и селеніемъ Вернонъ-Фе. Шварценбергъ рѣшилъ атаковать непріятеля съ фронта 20,000 корпусомъ Вреде, но эта атака должна была лишь отвлечь вниманіе противника, тогда какъ главный ударъ должна была нанести французамъ колонна Витгенштейна, двинутая въ обходъ лѣваго фланга позиціи Удино. Въ австрійской диспозиціи разсчитаны были и приняты во вниманіе всѣ правила военной стратегіи, но, по обыкновенію, опущены изъ виду два важнѣйшія обстоятельства: условія времени и мѣстности. Союзники потеряли много времени въ сложныхъ маневрахъ и обходныхъ движеніяхъ. Они раздробили свои силы и дали противнику возможность со-

---

[1]) Кронпринцомъ, впослѣдствіи королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и принцомъ Вильгельмомъ, впослѣдствіи императоромъ Вильгельмомъ I. Принцъ Вильгельмъ былъ въ рядахъ Калужскаго полка подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля; за свои подвиги въ этотъ день онъ получилъ орденъ Св. Георгія и назначенъ былъ впослѣдствіи шефомъ Калужскаго полка.

браться съ силами и приготовиться къ энергическому отпору. Шварценбергъ, находившійся на мѣстѣ боя, потерялъ голову при первыхъ-же неудачахъ. Онъ то отдавалъ, то отмѣнялъ приказанія и сбилъ подъ конецъ всѣхъ съ толку. Французы перешли въ наступленіе. Благодаря безтолковымъ и противорѣчивымъ распоряженіямъ Шварценберга, они имѣли возможность ударить на колонну Витгенштейна почти съ двойными силами. Сраженіе грозило принять самый неблагопріятный оборотъ для союзниковъ, но присутствіе короля прусскаго и геройская отвага Калужскаго полка спасли дѣло. Фридрихъ-Вильгельмъ и его юные сыновья подавали всѣмъ примѣръ неустрашимаго мужества. Они оставались нѣсколько часовъ среди солдатъ подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ. Когда два русскихъ полка были приведены въ разстройство французами, то Фридрихъ-Вильгельмъ ободрилъ ихъ, привелъ въ порядокъ и двинулъ вновь на непріятеля. Среди самого разгара боя, одинъ батальонъ Калужскаго полка бросился безъ всякаго приказанія на Малепинскія высоты, взобрался на крутизны подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля, и могучимъ натискомъ опрокинулъ цѣлую французскую дивизію генерала Беле [1]). На помощь Калужцамъ были двинуты Могилевскій и Пермскій полки. Дивизія Беле, ошеломленная внезапнымъ ударомъ, была окончательно смята и разсѣяна. Союзники перешли повсюду въ наступленіе. Превосходство силъ дало наконецъ, чувствовать себя. Войска Удино обращены были въ бѣгство. 3000 французовъ легло на мѣстѣ, около 500 чел. было взято въ плѣнъ [2]).

На слѣдующій день, 28 февраля, корпусъ Макдональда былъ атакованъ у Лаферте-сюръ-Объ корпусомъ кронпринца виртембергскаго и отброшенъ къ Бару-на-Сенѣ съ потерею 800 человѣкъ. Князь Шварценбергъ не спѣшилъ воспользоваться этими успѣхами своихъ войскъ. Медленно, ме-

---

[1]) О подвигѣ Калужцевъ см. Плото, Т. III, стр. 242. Командиръ батальона умеръ смертью героя.

[2]) Подробности о сраженіи при Баръ-Сюръ-Объ у Бернгарди, Т. IV, 2-я полов., стр. 102—110; Богдановича, Т. IV, стр. 420—422, Плото, Т. III, стр. 238—244.

тодично, какъ-бы ощупью, подвигался онъ впередъ. Убѣдившись послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ, что оставшіяся противъ него французскія войска крайне слабы числомъ, фельдмаршалъ двинулъ, наконецъ, 3 марта свои корпуса на позиціи, занятыя Удино и Макдональдомъ впереди Труа. Французы, атакованные съ фронта и обойденные съ обоихъ фланговъ, оказали лишь слабое сопротивленіе. Они отступили по всей линіи, потерявъ около полутора-тысячи человѣкъ и оставивъ въ рукахъ союзниковъ 9 орудій. Макдональдъ направился съ главными силами къ Ножану и Мери, Удино остался съ небольшимъ отрядомъ въ Труа. Союзники продолжали свое наступленіе. 4-го марта, принцъ Евгеній виртембергскій выбилъ французовъ изъ Труа, захвативъ у нихъ въ плѣнъ около 3,000 челов. [1]) Еще большіе успѣхи сулило союзникамъ дальнѣйшее энергическое наступленіе. Ничто не мѣшало теперь князю Шварценбергу двинуться съ своею 90,000 арміею на Парижъ. Его должны были побуждать къ этому самыя важныя военныя и политическія соображенія. Въ долинѣ Марны начался отчаянный поединокъ между Наполеономъ и Блюхеромъ и постановленія военнаго совѣта въ Баръ-на-Обѣ обязывали князя Шварценберга оказать самую энергическую поддержку силезской арміи. Политическія соображенія, тормозившія каждый шагъ фельдмаршала, были, повидимому, окончательно устранены. 1 марта министры союзныхъ державъ подписали въ Шомонѣ договоръ, скрѣплявшій, казалось, коалицію неразрывными узами. По этому договору [2]) Россія, Австрія, Пруссія и Англія заключили между собою союзъ на 20 лѣтъ. Договаривающіяся державы обязались содѣйствовать всѣми силами возстановленію спокойствія и порядка въ Европѣ и выставлять противъ общаго врага по 150,000 челов. Англія обязалась сверхъ того уплачивать ежегодно другимъ союзнымъ

---

[1]) О занятіи Труа см. Helldorf, aûs dem Leben d. Prinzen Eugen Württemberg, T. III, стр. 21—22.

[2]) О шомонскомъ договорѣ см. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 544; Богдановичъ. T. IV, стр. 423; Васильчиковъ, T. IV, стр. 482; Тьеръ, Histoire du consulat et de l'Empire, T. XV, стр. 433.

державамъ пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Постановлено было, наконецъ, что переговоры съ Франціею могутъ быть ведены не иначе, какъ всѣми союзными державами сообща.

Въ виду такого формальнаго и торжественнаго акта должны были, казалось, умолкнуть всѣ распри между державами. На дѣлѣ было, однако-же, не совсѣмъ такъ. Австрійскій кабинетъ не думалъ отказываться отъ своей коварной и двусмысленной политики. Императоръ Францъ и его вѣрный Меттернихъ хотѣли во чтобы то ни стало спасти Наполеона, вопреки ему самому, вопреки самой судьбѣ. Меттернихъ продолжалъ сноситься въ тайнѣ съ Коленкуромъ и другими агентами французскаго правительства. Секретное предписаніе, обязывавшее Шварценберга не тѣснить Наполеона и не переходить на правый берегъ Сены, оставалось въ своей силѣ и послѣ вторичнаго занятія Труа. Подъ разными предлогами князь Шварценбергъ, достигнувъ этого пункта, остановилъ наступленіе на цѣлую недѣлю и далъ тѣмъ Макдональду время не только перейти на правый берегъ Сены, но и принять мѣры къ оборонѣ переправъ черезъ эту рѣку.

Императоръ Александръ давно уже пришелъ къ убѣжденію, что Шварценбергъ руководится въ своихъ дѣйствіяхъ не столько военными, сколько политическими соображеніями, но онъ не имѣлъ еще до сихъ поръ въ рукахъ документальныхъ доказательствъ вѣроломства австрійскаго двора. Теперь, по вторичномъ прибытіи въ Труа, императору доставлены были, наконецъ, эти доказательства. Ему врученъ былъ рескриптъ императора Франца, предписывавшій Шварценбергу не переводить главной массы союзныхъ войскъ на правый берегъ Сены и вообще не переходить за линію Ножана-Понъ-Сюръ-Сены и Монтеро. Глубоко возмущенный этимъ открытіемъ, Александръ рѣшился сообщить его всѣмъ союзнымъ кабинетамъ. Въ мемуарѣ, составленномъ отъ его имени, говорилось по этому поводу слѣдующее: [1]).

---

[1]) Несомнѣнность приводимыхъ въ текстѣ фактовъ засвидѣтельствована слишкомъ хорошо и не можетъ быть опровергнута никакими завѣреніями австрій-

„Его Величество приписываетъ всѣ препятствія, задержавшія быстрый успѣхъ союзнаго оружія, прежде всего австрійскому кабинету. Онъ можетъ выразить лишь сожалѣніе, что лордъ Кестльри не сдѣлалъ съ своей стороны ничего, чтобы побудить австрійское правительство къ большей дѣятельности и энергіи. Склоняясь на миролюбивые виды сего кабинета, лордъ Кестльри поощрялъ его въ намѣреніи замедлить, по возможности, ходъ военныхъ операцій. Такъ какъ его воззрѣнія пользовались рѣшительнымъ вѣсомъ, то ему удалось увлечь за собою прусское правительство, а все это повело въ концѣ-концовъ къ тѣмъ печальнымъ результатамъ, о которыхъ сожалѣетъ Его Величество. Императоръ получилъ безспорное доказательство образа дѣйствія австрійскаго кабинета, въ доставленномъ ему рескриптѣ императора Франца, отдающемъ повелѣніе князю Шварценбергу не переходить Сену у Ножана. Рескриптъ этотъ былъ сообщенъ императору, только по возвращеніи его въ Труа".

Разоблаченіе, сдѣланное императоромъ Александромъ, вызвало сильную сенсацію въ кругу союзной дипломатіи, но австрійцы остались вѣрны и послѣ этого своей системѣ. Ни императоръ Францъ, ни Меттернихъ не попытались отвергнуть подлинность рескрипта, они отдѣлались молчаніемъ и постарались загладить различными способами невыгодное впечатлѣніе, произведенное мемуаромъ русскаго правительства.

Именно въ это время императоръ Францъ сообщилъ своимъ союзникамъ отвѣтъ, составленный имъ на посланіе Наполеона, отвѣтъ долженствовавшій разсѣять всѣ сомнѣнія на счетъ вѣрности австрійскаго кабинета. Наполеонъ обратился съ письмомъ къ своему тестю, еще 21-го февраля, въ тотъ моментъ, когда его оружіе торжествовало, повидимому, повсемѣстно надъ союзниками. [1]).

„Сраженіе, котораго я старался избѣгнуть", писалъ въ сво-

скихъ писателей. Слова императора Александра заимствованы изъ оффиціальнаго письма барона Ф. Штейна къ русскому послу графу Ливену въ Лондонѣ, письма, написаннаго по приказанію самого императора, см. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 563—564.

[1]) См. Correspondance de Napoleon, T. 27, стр. 262—266.

емъ обычномъ высокопарномъ тонѣ Наполеонъ, „произошло. Фортуна улыбнулась мнѣ. Я уничтожилъ русскую и прусскую армію подъ начальствомъ Блюхера, а затѣмъ разбилъ прусскую армію подъ предводительствомъ генерала Клейста. При такомъ положеніи дѣлъ, каковы бы ни были мнѣнія, господствующія въ вашей главной квартирѣ, я могу завѣрить Ваше Величество, что мои арміи многочисленнѣе арміи Вашего Величества и пѣхотою, и кавалеріею, и артиллеріею. Если мои слова нуждаются въ доказательствахъ, то я готовъ дать ихъ каждому человѣку, способному къ здравому сужденію, напримѣръ: князю Шварценбергу, графу Бубнѣ или князю Меттерниху. Я рѣшаюсь писать это Вашему Величеству лишь потому, что борьба между арміями французскими и австрійскими противорѣчитъ нашимъ обоюднымъ интересамъ. Если счастье обманетъ мои надежды, то положеніе Вашего Величества вслѣдствіе этого лишь затруднится. Если же я разобью вашу армію, то какимъ образомъ уйдетъ она изъ Франціи, населеніе коей раздражено до крайней степени страшными злодѣяніями, совершаемыми казаками и русскими?

Въ виду такого положенія дѣлъ, я предлагаю Вашему Величеству подписать миръ на условіяхъ, предложенныхъ Вами самими во Франкфуртѣ и принятыхъ нами и французскою націею, какъ нашъ ультиматумъ. Скажу болѣе, только эти условія могутъ возстановить равновѣсіе въ Европѣ. Если на Францію наложены будутъ иныя, болѣе тяжелыя условія, то миръ не можетъ быть продолжителенъ.

Если нота, представленная союзными уполномоченными въ Шатильонѣ, будетъ опубликована, то раздраженіе и негодованіе во Франціи достигнутъ до высочайшей степени. Вѣдь это значитъ осуществлять мечтанія Бёрка, хотѣвшаго стереть Францію съ карты Европы! Нѣтъ того француза, который не предпочелъ-бы смерть условіямъ, превращающимъ насъ въ рабовъ Англіи, вычеркивающимъ Францію изъ числа великихъ державъ. Подобныя условія не могутъ истекать изъ воли Вашего Величества, да онѣ и не соотвѣтствуютъ интересамъ Вашей монархіи. Англія стремится разрушить Антверпенъ и поставить вѣчную преграду возстановленію француз-

скаго флота, но развѣ Вашъ интересъ заключается въ такомъ уничтоженіи? Ваше Величество, удерживая франкфуртскія условія, дѣлаетесь морскою державою; неужели-же Вы желаете, чтобы Вашъ флагъ подвергался и впредь постояннымъ оскорбленіямъ и насиліямъ, со стороны Англіи? Какой интересъ можетъ побуждать Ваше Величество отдавать Бельгію подъ иго протестантскаго князя, сынъ котораго взойдетъ впослѣдствіи на престолъ Англіи?

Какъ-бы то ни было, но таковыя надежды и проэкты не находятся во власти союзныхъ державъ. Если битва противъ арміи Вашего Величества будетъ потеряна мною, то у меня найдутся средства дать двѣ другихъ прежде, нежели вы достигнете Парижа; а если падетъ и Парижъ, то остальная Франція ни за что не подчинится игу, которое предлагаютъ ей въ формѣ договора, внушеннаго политикою Англіи. Отчаяніе націи учетверитъ ея энергію и ея силы.

Никогда не уступлю я Антверпена и Бельгіи. Если Ваше Величество будете настаивать на условіяхъ, внушенныхъ политикою Англіи и мстительностью Россіи, то геній Франціи и Провидѣніе будутъ за насъ.

Жажда мести Императора Александра лишена всякаго основанія. Передъ вступленіемъ въ Москву, я предлагалъ ему миръ; въ Москвѣ я старался потушить пожаръ, зажженный по его приказанію.

200,000 чел. стоятъ подъ оружіемъ въ Парижѣ; изъ дѣяній, совершенныхъ русскими, они могли убѣдиться, какъ ложны были обѣщанія; они знаютъ, какая участь ожидаетъ ихъ.

Прошу Ваше Величество избѣгнуть случайностей битвы; предлагаю миръ, основанный на прокламаціяхъ князя Шварценберга, на деклараціи союзниковъ отъ 1-го декабря помѣщенной въ Journal de Francfort, на условіяхъ, предложенныхъ барону С. Эньяну княземъ Меттернихомъ, графомъ Нессельроде и лордомъ Эбердиномъ, условіяхъ, которыя я принялъ и принимаю еще и теперь, хотя положеніе союзниковъ далеко измѣнилось противъ прежняго и хотя, по мнѣнію каждаго безпристрастнаго человѣка, всѣ шансы успѣха нынѣ на моей сторонѣ.

Да будетъ позволено мнѣ сказать Вашему Величеству, что несмотря на все сдѣланное вами противъ меня, несмотря на слабое воспоминаніе, сохраненное Вами объ узахъ, связывающихъ насъ, я съ своей стороны сохранилъ прежнія чувства по отношенію къ Вамъ. Не могу смотрѣть равнодушно, что отвергая миръ, Ваше Величество навлекаете несчастіе на себя и столько бѣдствій на всѣ народы, тогда какъ одно слово Ваше могло-бы остановить все, примирить все, и возвратить міру продолжительное спокойствіе. Еслибы я былъ настолько низокъ, что соглашался-бы принять условія англійскихъ и русскихъ министровъ, то Вы сами должны-бы были отвратить меня отъ этого, ибо Ваше Величество знаете, что то, что унижаетъ тридцать милліоновъ людей, не можетъ быть продолжительно.

Ваше Величество можете окончить однимъ словомъ войну, обезпечить спокойствіе своихъ народовъ и Европы, поставить самого себя внѣ непостоянства судьбы и положить предѣлъ бѣдствіямъ націи, бѣдствіямъ не обычнымъ, а злодѣяніямъ Татаръ пустыни, не заслуживающихъ даже имени человѣка.

Я полагаю, что Ваше Величество не станете вопрошать меня, почему я обращаюсь, именно, къ вамъ. Я не могу обратиться къ англичанамъ, ибо ихъ политика есть политика истребленія моихъ морскихъ силъ; я не могу обратиться къ императору Александру, ибо страсть и месть одушевляютъ всѣ его дѣйствія. Я могу адресоваться, слѣдовательно, только къ Вашему Величеству, когда-то моему союзнику и тому, сила арміи коего и размѣръ владѣній дѣлаютъ его первою силою коалиціи. Наконецъ, обращаюсь къ Вашему Величеству еще и потому, что каковы бы ни были ваши теперешнія чувства, но все же въ жилахъ вашихъ течетъ французская кровь“ [1]).

Письмо Наполеона попало въ руки Франца въ такое время, когда онъ самъ и его Меттернихъ съ удовольствіемъ подписали бы миръ на франкфуртскихъ условіяхъ. Но они не могли сдѣлать этого въ виду настроенія другихъ союзниковъ,

---

[1]) Этими послѣдними словами Наполеонъ намекалъ на лотарингское происхожденіе Габсбурговъ. Намекъ во всякомъ случаѣ крайне неудачный: Наполеонъ самъ не терпѣлъ, чтобы кто-либо говорилъ о его итальянскомъ происхожденіи.

готовыхъ на миръ только на основаніи шатильонскихъ условій. Въ виду этого обстоятельства, императоръ австрійскій и его министръ сочли за лучшее отложить отвѣтъ Наполеону до болѣе удобнаго момента. Теперь этотъ моментъ наступилъ, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ ожидали они его. Военныя операціи приняли такой оборотъ, что ни одна изъ союзныхъ державъ не могла согласиться на предложенія Наполеона. Теперь возможно было отвѣчать императору французовъ лишь въ отрицательномъ смыслѣ. Такимъ отвѣтомъ можно было достигнуть разомъ двухъ цѣлей: убѣдить союзниковъ въ искренности и прямотѣ австрійской политики и въ ея полной солидарности съ общими интересами и попытаться еще разъ вывести Наполеона изъ его ослѣпленія.

Отвѣтъ Франца составленъ былъ, дѣйствительно, такимъ образомъ, что долженъ былъ разрушить послѣднія надежды на несогласіе въ средѣ коалиціи. Миръ можетъ быть только общій, писалъ Францъ своему зятю Франція должна возвратиться въ свои старыя границы, союзники будутъ стоять на требованіяхъ, предъявленныхъ въ Шатильонѣ. Англія вовсе не препятствуетъ миру; она готова возвратить Франціи ея колоніи. Англія не стремится къ безусловному господству на морѣ, она хочетъ возстановить Голландію болѣе могущественною, нежели была она прежде. Если принцъ Оранскій, будущій король Голландскій, женится на принцессѣ Уэльской, то будутъ приняты мѣры, чтобы короны Великобританіи и Нидерландовъ не соединялись на одной главѣ. Письмо оканчивалось слѣдующими знаменательными словами: „Опытъ всѣхъ вѣковъ показалъ, въ какомъ подчиненіи находятся въ династическихъ кружкахъ фамильныя связи относительно великихъ интересовъ государствъ. Ваше Величество должны слишкомъ хорошо знать ходъ моей политики, чтобы не сомнѣваться какъ мало подчиняется она влеченіямъ, чуждымъ интересамъ моихъ народовъ“ [1]).

Письмо Франца предъявлено было всѣмъ союзнымъ каби-

---

[1]) Мы пользуемся извлеченіемъ изъ отвѣта Франца у Бернгарди, Т. IV, 2-я полов. стр. 141—142.

нетамъ. Этого мало. Союзнымъ уполномоченнымъ въ Шатильонѣ предписано было потребовать отъ Коленкура или окончательнаго отвѣта на предъявленныя ему требованія, или представленія контръ-проэкта. Предписаніе было исполнено немедленно. Съ трудомъ добился Коленкуръ, чтобы ему дана была отсрочка до 10 марта. Австрійскій уполномоченный Стадіонъ, соглашаясь на эту отсрочку, объявилъ представителю Франціи, что конгрессъ тотчасъ-же будетъ закрытъ, если проектъ, представленный имъ, уклонится въ чемъ либо существенномъ отъ требованій союзниковъ.

Можно-ли было сомнѣваться послѣ этого въ искренности и прямодушіи австрійскаго кабинета? И однако-же, несмотря на всѣ письма и дипломатическія заявленія, Шварценбергъ оставался, попрежнему, упорно въ окрестностяхъ Труа, а Меттернихъ предпринялъ въ глубочайшей тайнѣ еще одну послѣднюю попытку спасти Наполеона. Онъ отправилъ въ Шатильонъ одного изъ своихъ секретныхъ политическихъ агентовъ, князя Эстергази. Эстергази имѣлъ тайное свиданіе съ Коленкуромъ. Онъ объявилъ ему, что если-бы не Австрія и не ея постоянныя старанія въ пользу Наполеона, то союзники давно-бы приступили къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Если и теперь миръ не будетъ подписанъ въ скорѣйшемъ времени, то и Австрія вынуждена будетъ прекратить свои усилія. Это предостереженіе дѣлается императору французовъ въ виду того, чтобы избѣгнуть впослѣдствіе возможныхъ упрековъ и нареканій. „Неужели нѣтъ средства“ спросилъ между прочимъ Эстергази, „уяснить императору его настоящее положеніе? Неужели онъ хочетъ поставить свою судьбу и судьбу своего сына на лафетъ своего послѣдняго орудія“ [1]).

---

[1]) Бернгарди, Т. IV, стр. 143. Что Наполеонъ дѣйствительно поставилъ свою судьбу на лафетъ послѣдняго своего орудія, что онъ не былъ доступенъ никакимъ доводамъ здраваго смысла, это видно лучше всего изъ слѣдующаго отрывка письма его къ Коленкуру отъ 19-го февраля: „Je rends grâce au ciel d'avoir cette note; car il n'y aura pas un Francais dont elle ne fasse bouillir le sang d'indignation. C'est pour cela que je veux faire moi même mon ultimatum. Je prèfererais cent fois la perte de Paris au dèshonneur et a l'anèan-

Мы не знаемъ, что отвѣчалъ Коленкуръ своему собесѣднику, но самъ онъ понималъ отлично, что никакая сила міра не въ состояніи разсѣять ослѣпленіе его повелителя. Онъ увѣдомилъ Наполеона и объ ультиматумѣ союзниковъ и о предостереженіяхъ Эстергази, но властелинъ полуміра, обреченный на гибель самимъ Провидѣніемъ, не давалъ ему ни отвѣта, ни инструкцій. Еще разъ поставилъ онъ на карту военнаго счастія свою судьбу и судьбу Франціи. Побѣда надъ Блюхеромъ должна была проложить ему путь къ выгодному и почетному миру.

---

tissement de la France": Je suis si ému de l'infame proposition que vous m'envoyez que je me crois deshonorè, rien que de m'etre mis dans le cas qu' on vous l'ait proposée".

Интересно, что всѣ эти изліянія негодованія вызваны были давно и хорошо извѣстнымъ Наполеону требованіемъ союзниковъ возвратить Францію въ ея прежнія границы. Послѣ битвы при Ла-Ротьерѣ Наполеонъ не только не негодовалъ на эти требованія, но даже готовъ былъ принять ихъ.

ГЛАВА VII.

Вторичное движенiе Блюхера на Марну.—Значенiе этого событiя.—Наполеонъ спѣшитъ вслѣдъ за силезскою армiею.—Блюхеръ уклоняется отъ встрѣчи съ нимъ.—Неожиданное взятiе Суассона.—Силезская армiя переходитъ черезъ Эну и соединяется съ своими подкрѣпленiями.—Ярость Наполеона и судъ надъ генераломъ Моро.—Нападенiя французовъ на Реймсъ и Суассонъ.—Предпрiятiя Наполеона противъ силезской армiи.—Планы Блюхера и генералъ Винцингероде.—Битва при Краонѣ.—Героизмъ русскихъ и страшныя потери обѣихъ сторонъ.—Силезская армiя располагается подъ Лаономъ.—Наступленiе Наполеона.—Французы останавливаются въ недоумѣнiи передъ страшными силами союзниковъ.—Наполеонъ предполагаетъ возобновить бой на слѣдующiй день.—Болѣзнь Блюхера и ея тяжелыя послѣдствiя.—Ночное нападенiе пруссаковъ.—Паника французовъ и истребленiе корпуса Мармона.—Отступленiе Наполеона.—Онъ рѣшается броситься въ тылъ главной союзной армiи.—Взятiе Реймса и пораженiе Сенъ-При.—Инструкцiи Коленкуру.—Бернадотъ и Мюратъ.—Взглядъ Наполеона на бѣдственныя послѣдствiя войны для крестьянина.—Тревожныя вѣсти изъ Шатильона и Парижа.—Наполеонъ жестоко пробираетъ брата своего Iосифа.—Конецъ шатильонскаго конгресса.—Ослѣпленiе Наполеона.—Онъ отдаетъ приказъ удалить императрицу и короля римскаго изъ Парижа въ случаѣ появленiя союзниковъ подъ стѣнами столицы.—Начало роковой экспедицiи Наполеона.—Положенiе дѣлъ въ главной армiи союзниковъ.—Бездѣйствiе Шварценберга.—Недовольство и деморализацiя въ союзной армiи.—Тяжелая борьба Александра.—Императоръ пытается дѣйствовать на Шварценберга то непосредственно, то черезъ посредство другихъ лицъ.—Генералы Толь и Дибичъ.—Раздражительность Александра.—Его тревога при появленiи Наполеона.—Внезапная рѣшимость Шварценберга.—Онъ рѣшается дать отпоръ Наполеону при Арсисѣ.—Гнѣвъ Александра; онъ уѣзжаетъ съ поля битвы.—Сраженiе при Арсисѣ на Объ.—Отступленiе Наполеона.—Онъ рѣшается броситься на сообщенiя союзниковъ.—Его движенiе на Витри и Сенъ-Дизье.—Недоумѣнiе и нерѣшительность въ главной квартирѣ союзниковъ.—Неожиданное соединенiе съ Блюхеромъ.—Перехваченное письмо Наполеона.—Намѣренiя Блюхера и тревога въ главной квартирѣ.—Военный совѣтъ въ Пужи.—Рѣшенiе идти вслѣдъ за Наполеономъ и принудить его къ битвѣ.—Новыя извѣстiя и разоблаченiя.—Движенiе на Витри.—Императоръ Александръ въ Соммпюи.—Его тяжелое раздумье и внутренняя борьба.—Онъ ищетъ спасенiя и свѣта въ молитвѣ.—Молитва императора и ея чудесныя послѣдствiя.—Военный совѣтъ въ квартирѣ государя.—Толь предлагаетъ идти на Парижъ.—Военный совѣтъ на полѣ.—Побѣда Александра.—Движенiе на Парижъ.—Переполохъ въ средѣ дипломатовъ и радость Штейна.

Вторичное отдѣленiе Блюхера отъ главной армiи было во всѣхъ отношенiяхъ поворотнымъ событiемъ въ кампанiи 1814 года, началомъ конца [1]). Два пути и два совершенно

[1]) Такъ смотрятъ на этотъ фактъ всѣ историки войны 1814 года, начиная отъ современниковъ событiй и оканчивая новѣйшими изслѣдователями.

различныхъ способа дѣйствія представлялись Блюхеру по переправѣ его черезъ Обу у Вадомона. Фельдмаршалъ могъ идти прямо на Шалонъ и Реймсъ и соединиться тамъ съ назначенными для него подкрѣпленіями, или-же онъ могъ двинуться черезъ Сезаннь и Ла-ферте-су-Жуаръ и угрожать отсюда Парижу. Всякій болѣе осторожный полководецъ предпочелъ-бы несомнѣнно первый путь. На этомъ пути Блюхеръ нигдѣ не могъ встрѣтиться съ непріятелемъ; безпрепятственно, безъ малѣйшихъ потерь и всякаго риска, могъ онъ достигнуть Реймса и, увеличивъ здѣсь вдвое свою армію корпусами Бюлова и Винцингероде, начать наступательное движеніе на Парижъ внизъ по долинѣ Марны. Но избирая этотъ путь, Блюхеръ не въ состояніи былъ-бы достигнуть той главной цѣли, которая лежала въ основѣ всего его предпріятія. Его движеніе на Шалонъ и Реймсъ никогда-бы не заставило Наполеона прекратить преслѣдованіе Шварценберга и направиться съ лучшею частью своихъ войскъ по пятамъ силезской арміи; тогда какъ походъ на Сезаннь, Лаферте-су-Жуаръ, а оттуда на Парижъ неизбѣжно долженъ былъ имѣть именно это послѣдствіе.

Правда, походъ на Парижъ соединенъ былъ съ большими опасностями и даже рискомъ. Идя этимъ путемъ, Блюхеръ не приближался къ своимъ подкрѣпленіямъ, а напротивъ, удалялся отъ нихъ; онъ порывалъ связи съ остальными союзными арміями, терялъ возможность обезпеченнаго отступленія и предоставлялъ случаю продовольствіе своихъ войскъ въ далекой враждебной странѣ, среди озлобленнаго населенія, въ мѣстностяхъ, уже опустошенныхъ войною. Блюхеръ вовсе не былъ такимъ отчаяннымъ головорѣзомъ, какимъ изображали его въ своихъ задушевныхъ письмахъ Меттернихъ, Шварценбергъ и вся ихъ компанія. Онъ хорошо взвѣсилъ всѣ случайности, отлично понималъ всю рискованность своего предпріятія, но принялъ безповоротно свое рѣшеніе, такъ какъ только одно оно могло привести его къ достиженію поставленной имъ цѣли [1]).

---

[1]) См. Бернгарди, Т. IV, пол. 2. стр. 146—147.

„Впередъ гренадеры! Теперь на Парижъ“ [1]), вотъ съ какими словами обратился старый фельдмаршалъ къ своимъ солдатамъ. И солдаты, давно уже забывшіе о своихъ неудачахъ, безусловно довѣрявшіе своему вождю, встрѣтили слова его шумными радостными восклицаніями. Блюхеръ шелъ приблизительно тѣми-же дорогами, какъ Наполеонъ три недѣли тому назадъ. Онъ надѣялся захватить у Сезанни Мармона и истребить его корпусъ, но маршалъ, во-время увѣдомленный о грозившей ему опасности, успѣлъ уклониться отъ удара и, отойдя поспѣшно за рѣчку Моренъ, расположился у Лаферте-Гоше. Узнавъ о приближеніи Блюхера, Мармонъ уже на другой день покинулъ и эту позицію, отступилъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Лаферте-су-Жуару и соединился тамъ съ отрядомъ маршала Мортье. Оба маршала двинулись вслѣдъ затѣмъ къ Мо, и получивъ здѣсь небольшое подкрѣпленіе изъ Парижа, расположились на лѣвомъ берегу рѣки Урка. Блюхеръ намѣревался выбить непріятеля изъ этой позиціи, но попытка, предпринятая войсками Клейста переправиться черезъ Уркъ, была отражена французами съ большими потерями. Блюхеръ не имѣлъ надобности настаивать на этомъ предпріятіи. Уже 1 марта онъ получилъ извѣстіе, что Наполеонъ идетъ на Сезаннь съ отборною частью своей арміи. Первая цѣль экспедиціи силезской арміи была, такимъ образомъ, достигнута. Наполеонъ оставилъ въ покоѣ Шварценберга и устремился вслѣдъ за Блюхеромъ. Наступилъ моментъ, когда старый фельдмаршалъ могъ доказать своимъ друзьямъ и врагамъ, что онъ былъ не только отважный, но и разсудительный, осторожный полководецъ. Хотя у Блюхера было почти столько-же войска, какъ и у Наполеона, но онъ не думалъ вступать съ нимъ въ рискованный бой. Желая дѣйствовать навѣрняка, онъ предпочелъ перевести свою армію изъ долины Марны въ долину Эны, соединиться тамъ съ корпусами Бюлова и Винцингероде и только тогда атаковать Наполеона съ твердою надеждою на успѣхъ.

---

[1]) См. Бернгарди, т. IV, 2 полов. стр. 148.

Блюхеръ могъ исполнить задуманный имъ планъ безъ всякой помѣхи со стороны непріятеля. Наполеонъ не въ состояніи былъ настигнуть своего противника уже потому, что въ его распоряженіи вовсе не было матерьяла для наведенія понтонныхъ мостовъ, тогда какъ силезская армія была въ изобиліи снабжена имъ. Блюхеръ могъ переходить черезъ рѣки гдѣ и когда ему было угодно; Наполеонъ долженъ былъ розыскивать удобныя мѣста для переправы и терять цѣлые дни на возобновленіе разрушенныхъ мостовъ. Блюхеръ шелъ съ обычною своею быстротою. Уже 2 марта большая часть его войскъ сосредоточена была у Ульши. Отсюда было уже недалеко до Эны и Суассона; но такъ какъ этотъ послѣдній пунктъ былъ оставленъ войсками Винцингероде и вновь занятъ французами, то Блюхеръ рѣшился переправиться черезъ Эну выше города у Бюзанси и, соединившись тамъ съ своими подкрѣпленіями, ожидать наступленія Наполеона.

Обстоятельства сложились, однако-же, нѣсколько иначе, и притомъ гораздо благопріятнѣе для союзниковъ, нежели какъ разсчитывалъ это Блюхеръ. Въ концѣ февраля Винцингероде, соединивъ весь свой корпусъ въ Реймсѣ, вознамѣрился отнять у французовъ вторично Суассонъ. „Фантазія неудачника-генерала“ увѣнчалась на этотъ разъ самымъ блестящимъ успѣхомъ. Винцингероде просилъ содѣйствія у прусскаго генерала Бюлова, только что занявшаго Лаонъ и захватившаго мимоходомъ небольшую, но чрезвычайно важную крѣпость Лаферъ, въ которой найдено было сто орудій и громадные военные запасы всякаго рода, и Бюловъ поспѣшилъ исполнить его просьбу. 2-го марта войска Винцингероде обложили Суассонъ съ лѣваго, а войска Бюлова съ праваго берега Эны. Комендантъ Суассона, генералъ Моро, потерялъ голову и сдалъ городъ уже на слѣдующій день, (3-го марта) подъ условіемъ свободнаго выхода своихъ войскъ. Теперь не было никакой надобности наводить понтоны у Бюзанси, и пробираться къ этому городку по грязнымъ, окольнымъ дорогамъ. 3-го марта силезская армія спокойно и не торопясь перешла черезъ Эну у Суас-

сона и соединилась съ своими давно ожидаемыми подкрѣпленіями [1]).

Старыя войска силезской арміи были страшно утомлены и измучены непрестанными и быстрыми переходами въ опустошенной странѣ по дорогамъ, едва заслуживавшимъ этого названія. Они крайне нуждались въ отдыхѣ и Блюхеръ, думая дать имъ таковой, расположился въ позиціи, укрѣпленной самою природою. Между рѣками Эною и Летою простирается небольшое плато, склоны котораго круто спускаются къ обѣимъ рѣкамъ. Многочисленные рѣчки и ручьи, направляющіеся частью въ Эну, частью въ Лету, прорѣзываютъ глубокими долинами и оврагами окраины плато и образуютъ нѣсколько превосходныхъ оборонительныхъ позицій. На этой-то мѣстности между лаонскимъ шоссе на западѣ, Краономъ на востокѣ стали частью биваками, частью на квартирахъ, соединенныя силы Блюхера, доходившія теперь до 110,000 человѣкъ. На западѣ отъ лаонской дороги до деревни Фонтене расположились прусскіе корпуса Бюлова, Іорка и Клейста, всего около 45,000 человѣкъ, къ востоку отъ нихъ русскія войска Сакена и Винцингероде около 65,000 человѣкъ.

Наполеонъ преслѣдовалъ силезскую армію съ свойственною ему энергіею. Предполагая, что Блюхеръ переправится черезъ Эну гдѣ-либо выше Суассона, императоръ предпи-

[1]) Вторичное занятіе Суассона далеко не имѣло, однако-же, такого значенія, какое приписалъ ему самъ Наполеонъ, а вслѣдъ за нимъ не только большинство французскихъ писателей, но и другихъ авторовъ. Если вѣрить Наполеону и панегиристу его, Фену, то окажется, что армія Блюхера, запертая между Марною и Эною, погибла-бы до послѣдняго человѣка, если-бы постыдная сдача Суассона не дала возможности русскимъ и пруссакамъ уйти за Эну (см. Correspondance de Napoleon т. 27, гдѣ говорится прямо: армія Блюхера находилась въ полномъ отступленіи и погибла-бы, не случись измѣна суассонскаго коменданта. См. также Фена, гдѣ читаемъ такую фразу: „Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятель считалъ себя погибшимъ, но въ этотъ моментъ запертые мосты Суассона открываются передъ изумленною прусскою арміею"). Нечего и говорить, что здѣсь что ни слово, то и ложь. Блюхеръ вовсе не былъ окруженъ французами, онъ вовсе не нуждался въ суассонскихъ мостахъ, такъ какъ въ его распоряженіи былъ понтонный паркъ, при помощи котораго онъ могъ перейти черезъ Эну, гдѣ ему было угодно. Неожиданная сдача Суассона только облегчила положеніе Блюхера, но вовсе не спасла его.

салъ маршаламъ Мармону и Мортье неотступно тѣснить непріятеля, а самъ двинулся поспѣшно на Монтрель, надѣясь перерѣзать путь Блюхера. Планы Наполеона построены были въ это время на двухъ совершенно невѣрныхъ основаніяхъ. Онъ былъ почему-то убѣжденъ, что силезская армія бѣжитъ передъ нимъ безъ оглядки въ Бельгію. Затѣмъ онъ твердо разсчитывалъ, что Моро удержится во что-бы то ни стало въ Суассонѣ. Второе изъ этихъ предположеній не замедлило оказаться ложнымъ. Переночевавъ въ Монтрелѣ, Наполеонъ быстро двинулся на Феръ-анъ-Тардену, а оттуда на Фимъ. Утромъ 5-го марта, тотчасъ-же по прибытіи въ этотъ пунктъ, онъ получилъ извѣстіе о постыдной капитуляціи Суассона. Въ припадкѣ бѣшенаго гнѣва онъ приказалъ отдать подъ судъ генерала Моро и разстрѣлять его по истеченіи двадцати четырехъ часовъ [1]).

Обманутый въ одномъ изъ своихъ предположеній, Наполеонъ тѣмъ упорнѣе держался за свою первую фантастическую идею. Желая отрѣзать и истребить „бѣгущаго непріятеля", онъ не задумывался предпринимать рискованныя обходныя движенія и раздроблять свои и безъ того уже незначительныя силы. Онъ намѣревался двинуться съ главною частью своей арміи изъ Фима на Бери-о-бакъ, переправиться тамъ черезъ Эну, обойти лѣвый флангъ Блюхера и стать на сообщеніяхъ союзниковъ съ Бельгіею и Нижнимъ Рейномъ. Желая въ тоже время открыть себѣ сообщеніе съ крѣпостями Эльзаса и Лотарингіи, Наполеонъ послалъ генерала Корбино съ одною армейскою дивизіею и частью гвардіи къ Реймсу съ приказаніемъ захватить рѣшительною

[1]) „Я отдалъ военному министру приказъ", писалъ Наполеонъ брату своему Іосифу, „арестовать Моро, предать его военному суду и приговорить къ смерти. Необходимо, чтобы онъ былъ разстрѣлянъ на Гревской площади и чтобы экзекуція была обставлена возможно большею помпою. Приговоръ долженъ быть напечатанъ съ хорошимъ объясненіемъ. Слѣдуетъ назначить для суда пять генераловъ. Это дѣло причинило намъ неисчислимый вредъ. Я былъ-бы сегодня въ Лаонѣ и нѣтъ сомнѣнія, что непріятельская армія погибла-бы и разсѣялась. Теперь мнѣ приходится маневрировать и терять много времени на постройку мостовъ. Смотрите, чтобы данъ былъ, наконецъ, примѣръ". См. Cor. de Napoleon, т. 27, стр. 337. Моро былъ дѣйствительно приговоренъ къ смерти, но приговоръ не былъ исполненъ, такъ какъ этому помѣшала капитуляція Парижа.

атакою этотъ почти открытый городъ. Наконецъ войска Мармона и Мортье двинуты были на Суассонъ съ предписаніемъ завладѣть этимъ пунктомъ.

Изъ всѣхъ предначертаній Наполеона только одна экспедиція Корбино увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Въ Реймсѣ находился лишь небольшой русскій отрядъ князя Гагарина и Корбино безъ труда завладѣлъ городомъ [1]). Зато нападеніе Мармона и Мортье на Суассонъ окончилось самымъ постыднымъ образомъ. Генералъ Рудзевичъ, защищавшій крѣпость съ восемью тысячами русскихъ войскъ, отразилъ всѣ приступы и французы принуждены были отступить, понеся самыя чувствительныя потери [2]). Между тѣмъ самъ Наполеонъ достигъ 6 марта Бери-о-бака на берегу Эны и тотчасъ-же началъ переправляться съ своими войсками по каменному мосту черезъ рѣку. Переправа происходила почти на глазахъ у силезской арміи. Блюхеръ не намѣренъ былъ оставаться безучастнымъ зрителемъ дерзкаго маневра непріятеля. Онъ рѣшился спуститься съ занимаемыхъ имъ высотъ и ударить на противника, но распоряженія стараго фельдмаршала не были исполнены въ точности нѣкоторыми изъ подчиненныхъ командировъ. Винцингероде оказался и на этотъ разъ неудачникомъ. Вмѣсто того, чтобы исполнить предписанное ему движеніе, онъ оставался въ бездѣйствіи и не только далъ французамъ возможность перейти безпрепятственно черезъ рѣку, но и занять Краонъ, деревню Корбени и близь лежащій лѣсъ. Блюхеръ [3]) принужденъ былъ

---

[1]) Наполеонъ, по обыкновенію, преувеличивалъ значеніе этого успѣха. „Мы взяли", писалъ онъ Іосифу, „2,000 плѣнныхъ и болѣе 100 офицеровъ, въ томъ числѣ нѣсколько полковниковъ. Мы захватили много багажа. Я писалъ регентшѣ, чтоби стрѣляли изъ пушекъ". Corresp. de Nap. т. 27, стр. 387.

[2]) Мармонъ утверждаетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ и Мортье предприняли противъ Суассона только легкую попытку, которая была и должна была быть безплодна. Мемуары Мармона т. VI, стр. 206. Насколько легка была эта попытка,—видно изъ того, что Рудзевичъ потерялъ при отраженіи штурма около 1,000 ч. Потеря Мармона, какъ нападающаго, была, разумѣется, несравненно значительнѣе.

[3]) Что Блюхеръ дѣйствовалъ въ эти дни совершенно правильно и соотвѣтственно обстоятельствамъ, свидѣтельствуетъ даже такой строгій судья, какъ генералъ Клаузевицъ. См. Clausewiz, Hinterlassene Schriften, т. VII, стр. 376.

прекратить наступленіе и ограничиться обороною крѣпкой позиціи между Эною и Летою. Гнейзенау составилъ новый планъ сраженія, сулившій, повидимому, несомнѣнный и блестящій успѣхъ. На плато между Эною и Летою, представлявшемъ такія выгодныя условія для обороны, расположена была пѣхота корпуса Винцингероде подъ начальствомъ графа Воронцова. Войска эти въ числѣ 16,000 ч. должны были защищать всѣ подступы къ плато и въ томъ числѣ самый важный изъ нихъ у мызы Гертебизъ. Они были расположены вдоль линіи глубокихъ овраговъ между деревнями Айль и Жюминьи. Мыза Гертебизъ была занята 14 егерскимъ полкомъ, а артиллерія распредѣлена была такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность обстрѣливать перекрестнымъ огнемъ дорогу на Краонъ и всѣ подступы къ лѣвому флангу позиціи. Позади войскъ Воронцова у селеній Серни и Тройонъ поставлена была кавалерія князя Васильчикова состоявшая изъ 2,700 лошадей. Она должна была поддержать въ случаѣ надобности пѣхоту Воронцова, или-же прикрыть ея отступленіе. Наконецъ, главнымъ резервомъ Воронцова назначалась пѣхота корпуса Сакена, стоявшая позади Серни и Жуаньи.

Всѣ перечисленныя войска, составлявшія лишь меньшую часть силезской арміи, должны были ограничиваться одною обороною своихъ позицій. Рѣшительный ударъ непріятелю предполагалось нанести съ другой стороны и иными силами. Для этой цѣли собраны были 10,000 всадниковъ, принадлежавшихъ частью къ корпусу Винцингероде, а частью къ отрядамъ Іорка и Клейста. Поддерживаемые 60 конными орудіями и пѣхотою корпуса Клейста, войска эти должны были обойти французовъ съ лѣваго фланга и ударить имъ въ тылъ. Что-же касается корпуса Бюлова, отрядовъ Ланжерона и Капцевича, то они отведены были къ Лаону, дабы имѣть оттуда возможность поддержать, въ случаѣ надобности, Винцингероде и Клейста.

Планъ былъ составленъ превосходно [1]), но къ несчастью

---

[1]) Такъ отзывается о немъ и Клаузевицъ. См. Hinterlassene Werke т. VII, стр. 379.

для дѣла, важнѣйшая задача, при его выполненіи, возложена была на генерала Винцингероде. Ему было поручено начальство надъ многочисленною кавалеріею, долженствовавшею зайти въ тылъ непріятеля. Подобное странное назначеніе объясняется тою громкою репутаціею, которою пользовался Винцингероде, какъ отважный и искусный кавалерійскій генералъ. Трудно сказать на чемъ собственно основалась эта репутація. Во всемъ прошломъ генерала можно было, правда, найти не мало легкомысленныхъ и смѣшныхъ эпизодовъ [1]); но трудно было указать хотя одно дѣйствіе, носившее на себѣ характеръ дѣйствительной предпріимчивости и отваги. Винцингероде обладалъ, впрочемъ, двумя качествами, чрезвычайно важными для снисканія репутаціи и составленія карьеры. Онъ очень искусно умѣлъ присвоивать себѣ заслуги другихъ лицъ, въ особенности своихъ подчиненныхъ и безпощадно, и притомъ съ видомъ знатока, критиковать чужія дѣйствія и смѣяться надъ чужими ошибками. Крайне развязный и дерзкій на словахъ, онъ былъ крайне тяжелъ на подъемъ и въ высшей степени нерѣшителенъ тамъ, гдѣ отъ словъ надо было переходить къ дѣлу. Упрямый и самовольный, онъ никогда не имѣлъ обычая исполнять въ точности данныя ему приказанія. Очень часто, если предписанныя ему дѣйствія казались ему неправильными или неудобоисполнимыми, онъ или оставлялъ ихъ вовсе безъ исполненія, или дѣлалъ что нибудь совершенно противоположное. Такъ привыкъ онъ дѣйствовать всегда, такъ поступилъ онъ и при Краонѣ [2]).

Винцингероде долженъ былъ выступить еще вечеромъ 6-го марта на Шевриньи и Фетье, но онъ потерялъ нѣсколько часовъ сначала на обсужденіе и критику полученнаго имъ приказа, а затѣмъ на сборы и сосредоточеніе своихъ войскъ [3]).

---

[1]) Стоитъ вспомнить его плѣненіе въ Москвѣ въ 1812 г.

[2]) См. характеристику Винцингероде у Бернгарди, томъ IV, 2-я половина, стр. 182.

[3]) „Къ сожалѣнію“, говоритъ очевидецъ, „мой дорогой начальникъ испортилъ все. Горячій солдатъ Аустерлица и Асперна оказался на этотъ разъ ни горячимъ, ни даже поспѣшнымъ“. См. Записки Лифляндца, Т. II, стр. 208.

Уже настало утро 7-го марта и Наполеонъ двинулъ свои войска на позиціи Воронцова, когда Блюхеру донесли, что кавалерія Винцингероде только что выступила изъ своего сборнаго пункта у Филена. Внѣ себя отъ гнѣва фельдмаршалъ сдалъ команду у Краова Сакену и поскакалъ къ Филену, чтобы стать самому во главѣ кавалеріи. Но прибывъ на мѣсто, Блюхеръ тотчасъ-же убѣдился въ невозможности поправить дѣло. Пробило уже 11 часовъ утра и для совершенія обходнаго движенія не доставало самаго главнаго,—времени. Блюхеръ, не умѣвшій сдерживать въ такихъ случаяхъ своего гнѣва, осыпалъ Винцингероде рѣзкими укоризнами, но поправить дѣло было уже немыслимо.

Между тѣмъ на краонской возвышенности кипѣлъ отчаянный бой, покрывшій неувядаемою славою русское оружіе. Наполеонъ двинулъ на Воронцова лучшія свои войска подъ предводительствомъ искуснѣйшихъ и отважнѣйшихъ своихъ маршаловъ, Виктора, Нея и Груши. Онъ ввелъ постепенно въ дѣло болѣе 30,000 человѣкъ и пренебрегая самыми тяжелыми потерями, силился сбить во что бы то ни стало русскихъ съ занятыхъ ими позицій. Все напрасно! Войска Воронцова отбили всѣ повторенныя яростныя атаки непріятеля и въ теченіи шести часоваго непрерывнаго боя не уступили ему ни одной пяди земли.

Около двухъ съ половиною часовъ пополудни, когда Блюхеръ отказался отъ задуманнаго имъ обхода и порѣшилъ сосредоточить всю армію у Лаона, Сакенъ получилъ приказаніе очистить плато и послѣдовать за остальными союзными войсками. Немедленно-же послалъ онъ соотвѣтствующій приказъ Воронцову, но тотъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, гораздо удобнѣе продолжать оборону позиціи, нежели отступать предъ превосходными силами непріятеля, имѣя для прикрытія своего лишь одинъ гусарскій полкъ. Сакенъ повторилъ приказаніе и отдалъ въ распоряженіе Воронцова всю кавалерію Васильчикова. Тогда геройскіе защитники краонской позиціи начали свое безпримѣрное отступленіе. Оно происходило въ шахматномъ порядкѣ, какъ на учебномъ полѣ. Наполеонъ устремилъ вслѣдъ за ними всю свою кава-

лерію и послалъ на поддержку ея старую гвардію, но всѣ натиски этихъ войскъ встрѣтили непоколебимый отпоръ. Дойдя до деревни Серни, Воронцовъ соединился съ кавалеріею Васильчикова и отбилъ новыя, яростныя атаки французовъ. Отступленіе продолжалось въ томъ-же стройномъ порядкѣ; французы все еще не прекращали преслѣдованія. Тогда Сакенъ приказалъ генералу Никитину поставить артиллерію позади войскъ Воронцова и, пропустивъ ихъ, открыть огонь. Осыпанные картечью изъ тридцати шести орудій и притомъ на самомъ близкомъ разстояніи, французы принуждены были остановиться и около пяти часовъ вечера отрядъ Воронцова могъ отойти спокойно къ Шавиньону на дорогѣ къ Лаону [1]).

Потери русскихъ при Краонѣ были весьма чувствительны. Онѣ доходили до пяти тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными, но непріятель не успѣлъ захватить ни одного плѣннаго, ни одного трофея. Уронъ французовъ былъ громаденъ. У нихъ выбыло изъ строя около 8000 человѣкъ. Нѣкоторыя части войскъ потеряли около двухъ третей изъ наличнаго своего состава. Многіе генералы, въ томъ числѣ Викторъ и Груши, были ранены. Наполеонъ старался придать своей „побѣдѣ“ колоссальное значеніе. Онъ толковалъ въ своихъ бюлетеняхъ объ уничтоженіи цѣлыхъ корпусовъ, о взятіи тридцати орудій, но его наглое хвастовство не производило уже впечатлѣніе на самихъ французовъ [2]). Наполеонъ, впрочемъ, серьезно предполагалъ, что при Краонѣ ему удалось окончательно разстроить силезскую армію. Онъ воображалъ, что ему остается теперь только добивать и разгонять бѣгущаго непріятеля. Въ дѣйствительности, дѣло стояло, однако-же, совершенно иначе.

Силезская армія, ни мало не потрясенная послѣдними событіями, заняла въ теченіи ночи на 8 число чрезвычайно

---

[1]) Подробности о битвѣ при Краонѣ см. между прочимъ у Богдановича, т. IV, стр. 432—436.

[2]) См. между прочимъ письма Наполеона къ королю Іосифу отъ 8-го марта и къ Бертье отъ того-же числа. Въ послѣднемъ письмѣ Наполеонъ утверждаетъ, что онъ потерялъ при Краонѣ отъ 700 до 800 человѣкъ. Cor. de Napoleon, т. 27, стр. 348—349.

удобную позицію при Лаонѣ. Центръ подъ начальствомъ генерала Бюлова расположился на вершинѣ плоской возвышенности, застроенной домами и стѣнами стараго средневѣковаго города. На правомъ крылѣ, примыкавшемъ къ подножію горы, стали вплоть до селенія Молиншара войска Винцингероде. Корпуса Клейста и Іорка составили лѣвое крыло, растянутое на протяженіи между Лаономъ и болотистою рѣчкою Атисомъ. Позади Лаона находились сильные резервы подъ начальствомъ Ланжерона и Сакена. Болотистые луга и рѣчки прикрывали весь фронтъ союзниковъ, число войскъ, сосредоточенныхъ ими подъ Лаономъ, доходило до 100,000 человѣкъ [1]).

Наполеонъ не имѣлъ никакихъ точныхъ представленій о положеніи своихъ непріятелей. Несмотря на геройское сопротивленіе русскихъ войскъ въ послѣднемъ сраженіи, на стройный порядокъ, въ которомъ совершилось отступленіе силезской арміи, на полное отсутствіе трофеевъ и плѣнныхъ, императоръ старался убѣдить себя и другихъ, что непріятель находится въ полнѣйшемъ разстройствѣ, что онъ бѣжитъ поспѣшно въ Бельгію, что французамъ остается только энергически преслѣдовать его, чтобы уничтожить „Блюхера". Руководимый такими фантазіями, Наполеонъ быстро двигалъ свои войска по направленію къ Лаону. Его армія была раздѣлена на двѣ неравныя колонны: одна изъ нихъ, подъ начальствомъ самого императора, шла по большой дорогѣ отъ Суассона къ Лаону и составляла, слѣдовательно, лѣвое крыло, другая колонна, подъ предводительствомъ маршала Мармона, направлялась по проселочному пути отъ Бери-о-бака къ Лаону, образуя, такимъ образомъ, правое крыло; въ обѣихъ колоннахъ насчитывалось около 36,000 человѣкъ. И съ этими силами Наполеонъ собирался разгромить стотысячную армію противниковъ. Заблужденіе по-истинѣ безпримѣрное въ лѣтописяхъ исторіи!

Задоръ Наполеона, его дерзкая самоувѣренность росли съ каждымъ шагомъ. Густой туманъ окутывалъ всѣ окрестно-

[1]) Описаніе позиціи подъ Лаономъ см. у Бернгарди, т. IV, 2 пол. стр. 185.

сти и ничто не обличало близкаго присутствія большихъ непріятельскихъ силъ. Уже Лаонъ былъ недалеко, когда императору донесли, что небольшой русскій отрядъ подъ начальствомъ Чернышева остановилъ наступленіе французскаго авангарда въ узкомъ ущельи у Этонвиля. Наполеонъ немедленно отправилъ на помощь авангарду два баталіона и два эскадрона старой гвардіи. Они должны были обойти позиціи Чернышева, обратить его въ бѣгство и вмѣстѣ съ бѣгущими ворваться въ Лаонъ. Первая половина императорскаго приказанія исполнена была безъ особаго труда. Чернышевъ, тѣснимый съ фронта и фланга превосходными непріятельскими силами, поспѣшно отступилъ къ Лаону. Не теряя ни минуты времени, французскіе драгуны, какъ безумные, бросились впередъ. Они доскакали почти до позицій союзнаго центра, когда на нихъ посыпался цѣлый градъ картечи и ядеръ. Драгуны бросились назадъ, оставивъ передъ фронтомъ союзниковъ нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ всадниковъ.

Наполеону донесли тотчасъ-же объ этой непріятной неожиданности, но онъ не придалъ ей большаго значенія. Онъ вывелъ изъ этого случая лишь одно заключеніе, что непріятель не успѣлъ очистить еще Лаона, что арьергардъ его продолжаетъ занимать городъ. Такъ какъ туманъ становился съ каждою минутою все гуще и гуще, и совершенно скрывалъ отъ Наполеона позиціи союзниковъ, то императоръ оставался при своемъ заблужденіи въ теченіи всего утра 9 марта. Онъ не ожидалъ никакого серьезнаго отпора со стороны непріятеля и сообразно съ этимъ не принималъ никакихъ мѣръ для сосредоточенія своихъ разрозненныхъ силъ. Его войска наступали попрежнему двумя колоннами, отдѣленными одна отъ другой почти непроходимыми болотами; Мармону предписано было даже удерживать прежнее направленіе. Наполеонъ не намѣренъ былъ впрочемъ дожидаться прибытія этого маршала; войска Нея и Шарпантье, всего около 25,000 человѣкъ, казались ему вполнѣ достаточными для взятія Лаона.

Немедленно онъ двинулъ впередъ свое лѣвое крыло. Фран-

цузы наступали впередъ среди густаго, почти непроницаемаго тумана. Этотъ туманъ далъ имъ возможность перебраться безъ всякаго затрудненія черезъ болотистый ручей, протекавшій передъ правымъ крыломъ союзниковъ и развернуть свои линіи между селеніями Лейли и Класи, но онъ-же скрывалъ совершенно отъ ихъ глазъ грозныя позиціи и массы непріятеля и поддерживалъ ихъ вождя въ его странномъ заблужденіи. Уже французы начали проникать въ деревни Ардонъ и Семильи, расположенныя у самой подошвы Лаонской горы, когда туманъ началъ, наконецъ, разсѣяваться и грозная дѣйствительность предстала предъ изумленными взорами французскихъ воиновъ. Передъ ними раскидывались почти на необозримомъ протяженіи позиціи стотысячной непріятельской арміи. Лаонская гора и небольшія возвышенности, примыкавшія къ ней съ обѣихъ сторонъ, были унизаны многочисленными батареями; позади ихъ виднѣлись густыя массы непріятельской пѣхоты и конницы.

Всякій другой полководецъ потерялся-бы въ виду такой страшной неожиданности; но Наполеонъ сохранилъ и въ эту критическую минуту все присутствіе духа и все самообладаніе. Онъ былъ далекъ отъ мысли объ отступленіи, хорошо зная, съ какими опасностями сопряженъ подобный маневръ въ виду превосходнаго силами непріятеля; онъ приказалъ даже продолжать начатыя его войсками атаки на деревни Ардонъ и Семильи, впрочемъ болѣе для виду и для поддержанія духа войскъ, нежели съ дѣйствительнымъ разсчетомъ на какой-нибудь успѣхъ. Но что всего изумительнѣе, Наполеонъ не думалъ вообще объ отступленіи и нисколько не отказывался отъ своего первоначальнаго плана. Онъ все еще собирался серьезно атаковать союзниковъ, но отложилъ эту атаку до прибытія на поле битвы колонны маршала Мармона. Ясно, что императоръ не только слѣпо довѣрялъ своему счастью, но не имѣлъ и теперь еще никакихъ точныхъ свѣдѣній о численности стоявшаго передъ нимъ непріятеля.

И счастье осталось и на этотъ разъ вѣрно своему любимцу. Въ этотъ рѣшительный моментъ оно парализовало

его единственнаго достойнаго противника, лишило силезскую армію ея геройскаго вождя. Старый фельдмаршалъ Блюхеръ лежалъ въ постели, пораженный тяжелымъ недугомъ [1]) и его многочисленные враги и завистники могли убѣдиться воочію, что значилъ на полѣ битвы старый рубака, относившійся съ такимъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ ихъ геніальной кабинетной стратегіи. Никто не былъ въ состояніи замѣнить теперь стараго фельдмаршала. Геніальный стратегъ Гнейзенау, столь изобрѣтательный въ своихъ планахъ, столь неистощимый въ своихъ комбинаціяхъ, оказался, однако-же, неспособнымъ и безсильнымъ съ той минуты, когда ему пришлось самому приводить въ исполненіе свои предначертанія. Сознаніе страшной отвѣтственности, лежавшей теперь всецѣло на немъ одномъ, оцѣпѣняло его волю и рѣшимость, затемняло его столь ясный прежде взглядъ, наполняло его воображеніе призраками страшныхъ небывалыхъ опасностей. Къ довершенію несчастія Гнейзенау не пользовался никакимъ авторитетомъ въ арміи, а старые заслуженные генералы, командовавшіе отдѣльными частями, относились съ явнымъ недоброжелательствомъ къ начальнику штаба, уступавшему имъ и въ лѣтахъ и въ чинахъ. Генералъ Іоркъ, не признававшій никакой ученой стратегіи, не скрывалъ своей ненависти и презрѣнія къ геніальному Гнейзенау. Бюловъ, привыкшій къ совершенно самостоятельнымъ дѣйствіямъ подъ номинальнымъ начальствомъ Бернадота, не только открыто критиковалъ распоряженія Гнейзенау, но и уклонялся отъ исполненія ихъ на дѣлѣ. Русскіе генералы Сакенъ и Ланжеронъ, столь охотно подчинявшіеся Блюхеру, не намѣрены были преклоняться предъ авторитетомъ Гнейзенау. Что-же касается генерала Винцингероде, то не сдерживаемый болѣе старымъ фельдмаршаломъ, онъ могъ открыто руководиться своей собственной стратегіею, основное правило которой заключалось въ постоянномъ и систематическомъ уклоненіи отъ всякой встрѣчи съ страшнымъ На-

[1]) Болѣзнь Блюхера была весьма серьезна. Онъ страдалъ сильною лихорадкою, бредилъ и терялъ по временамъ сознаніе. См. Blücher, von K. Blasendorf, стр. 280.

полеономъ [1]). Необходимо имѣть въ виду эти оригинальные порядки въ силезской арміи, чтобы понять въ многихъ отношеніяхъ странныя событія при Лаонѣ.

Гнейзенау легко могъ усмотрѣть съ высоты лаонской горы съ какими ничтожными силами наступалъ на союзниковъ Наполеонъ, но обманутый ложными показаніями плѣнныхъ [2]), онъ полагалъ, что войска, появившіяся противъ праваго крыла силезской арміи, составляютъ лишь небольшой отдѣльный отрядъ, предназначенный для однихъ демонстрацій и отвлеченія вниманія и что нападеніе главныхъ силъ послѣдуетъ на лѣвый флангъ союзниковъ со стороны Реймса и Бери-о-бака. Въ такомъ-же заблужденіи, какъ Гнейзенау, находились и другіе штабные генералы силезской арміи. Всѣ они разсматривали атаки Наполеона на правое крыло лишь какъ демонстраціи, всѣ смотрѣли съ тревогою налѣво, ожидая появленія главныхъ непріятельскихъ массъ на Бери-о-бакской дорогѣ. Но время проходило и Гнейзенау, побуждаемый генераломъ Мюфлингомъ, рѣшился, наконецъ, перейти въ наступленіе. Предположено было обойти лѣвое крыло Наполеона и заставить его тѣмъ обнаружить свои настоящія намѣренія. Наступленіе совершено было, однако-же, крайне вяло и нерѣшительно. Русская кавалерія, подъ начальствомъ князя Васильчикова, начала было обходъ лѣваго непріятельскаго крыла, но тотчасъ-же остановилась, когда Наполеонъ выдвинулъ ей на встрѣчу свою конницу. Винцингероде долженъ былъ поддержать атаку Васильчикова, но онъ заблагоразсудилъ ввести въ дѣло лишь одну конную бригаду и шесть

---

[1]) Присутствіе Наполеона производило, впрочемъ, удручающее впечатлѣніе ни на одного Винцингероде, но и на многихъ другихъ, можно сказать, на большинство союзныхъ вождей. Рейхе, генералъ квартирмейстеръ въ корпусѣ Бюлова замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „Niemand wollte recht anbeissen. Bei dieser Gelegenheit entging es mir nicht, dass Napoleon sich persönlich gegenüber zu wissen einen merkwürdigen Eindruck auf die Männer an unserer Spize machte. См. Бернгарди, т. IV, 2 пол. стр. 190.

[2]) Въ числѣ плѣнныхъ находился и нѣмецкій секретарь Наполеона, Пальмъ. Пойманный на пути казаками и приведенный въ главную квартиру силезской арміи, онъ утверждалъ, что армія Наполеона состоитъ изъ 70,000 человѣкъ. См. Бернгарди, достопамятности Толля 2-е изданіе, т. 4, 2-я пол. стр. 189.

батальоновъ пѣхоты. Войска эти взяли штурмомъ селеніе Класси, занятое французами, но отошли тотчасъ-же назадъ на свои прежнія позиціи, оставивъ въ завоеванной ими деревнѣ всего лишь два батальона. Въ этотъ самый моментъ на Бери-о-бакской дорогѣ показались, наконецъ, войска Мармона. Всеобщее вниманіе союзныхъ генераловъ обратилось тотчасъ-же на эту сторону. Всѣ готовились отражать нападеніе воображаемыхъ главныхъ силъ противника. Среди общей сумятицы забыты были русскіе батальоны, занимавшіе Класси. Наполеонъ спѣшилъ воспользоваться этою оплошностью. Немедленно двинулъ онъ на Класси нѣсколько батальоновъ старой гвардіи и завладѣлъ обратно селеніемъ. Со стороны союзниковъ не было предпринято никакой попытки вытѣснить французовъ изъ селенія и поддержать русскіе батальоны, подавленные превосходными непріятельскими силами.

Между тѣмъ атаки французовъ на лѣвое крыло оказались такими-же домонстраціями, какъ и ихъ наступленіе на правый флангъ союзниковъ. Мармонъ замѣтилъ съ самаго начала съ какими превосходными силами имѣетъ онъ здѣсь дѣло. Онъ подвигался впередъ шагъ за шагомъ съ крайнею осторожностью и ограничивался лишь одною перестрѣлкою. Уже темнѣло, когда войска его заняли часть деревни Аттиса, добровольно оставленную пруссаками. Канонада прекратилась повсемѣстно. Императоръ Наполеонъ, довольный результатами этого дня, рѣшился возобновить сраженіе на слѣдующій день. Спокойно расположился онъ на ночлегъ. Онъ не предчувствовалъ, какая буря готова была разразиться надъ его лѣвымъ крыломъ.

Геройскій духъ предпріимчивости, одушевлявшій престарѣлаго вождя силезской арміи, не могъ быть подавленъ окончательно никакимъ физическимъ недугомъ. Прикованный къ постели, фельдмаршалъ Блюхеръ продолжалъ жить тѣмъ не менѣе съ своими солдатами; мысленно раздѣлялъ онъ ихъ геройскіе подвиги и скорбѣлъ душою при видѣ нерѣшительности и неумѣлости лицъ, долженствовавшихъ временно заступить его мѣсто. Узнавъ о нерѣшительныхъ результатахъ дня, о

неслыханной дерзости непріятеля, оставшейся безнаказанною, Блюхеръ напалъ на мысль вознаградить ночью потерянное днемъ, ударить внезапно на правую колонну непріятеля отдѣленную отъ главныхъ силъ Наполеона непроходимыми болотами, и уничтожить ее прежде нежели императоръ успѣетъ поспѣшить къ ней на помощь. Фельдмаршалъ приказалъ составить планъ ночнаго нападенія на корпусъ Мармона и отправилъ своего адъютанта, графа Гольца, къ генералу Іорку съ повелѣніемъ немедленно привести его въ исполненіе. На пути къ Іорку Гольцъ встрѣтился съ посланнымъ отъ Іорка адъютантомъ, который ѣхалъ къ фельдмаршалу съ просьбою разрѣшить ночное нападеніе на Мармона. Оказалось, что одна и та же мысль родилась одновременно и у Блюхера и у Іорка, или, какъ разсказываютъ современники, у одного изъ приближенныхъ послѣдняго [1]).

Быстрота исполненія равнялась быстротѣ замысла. Не было никакихъ долгихъ совѣщаній, никакихъ писанныхъ диспозицій. Весь планъ былъ установленъ въ полчаса, всѣ приказы отданы были словесно. Въ нападеніи должны были принять участіе всѣ прусскія войска, стоявшія на лѣвомъ крылѣ, т. е. корпуса Іорка и Клейста. Сакенъ, стоявшій съ своимъ отрядомъ позади позицій Іорка, былъ приглашенъ поддержать атаку, но русскій генералъ, не ладившій съ своимъ прусскимъ товарищемъ съ роковаго дня при Монмиралѣ, отказался, ссылаясь на другія приказанія, данныя ему свыше [2]).

Наступила уже полная темнота, когда Іоркъ отдалъ свои послѣднія распоряженія. Тихо, безъ шума собрались войска въ заранѣе назначенныхъ имъ мѣстахъ. Ночь была темная, хотя небо усыпано было звѣздами. На непріятельскихъ позиціяхъ пылали яркіе бивачные костры. Безчисленные огни, горѣвшіе на лаонскихъ высотахъ и зарево пылавшей деревни Аттисъ, освѣщали окрестности и указывали войскамъ назна-

---

[1]) Первая мысль ночнаго нападенія подана была Ф. Шакомъ, однимъ изъ приближенныхъ Іорка. См. Дройзенъ жизнь Іорка, т. II, стр. 355.

[2]) Дройзенъ, Жизнь Іорка, т. II, стр. 357.

ченное имъ направленіе. Незамѣтно приблизились пруссаки къ непріятельскому лагерю. Принцъ Вильгельмъ наступалъ съ своею бригадою съ фронта, пѣхота Іорка и Клейста обошла французовъ съ фланговъ, тогда какъ многочисленная прусская кавалерія, подкрѣпленная казаками, зашла имъ въ тылъ. Съ громовымъ крикомъ ура, не дѣлая ни одного выстрѣла, бросились пруссаки на своихъ враговъ. Французы были захвачены врасплохъ. Ихъ орудія, стоявшія на готовѣ, успѣли дать лишь одинъ выстрѣлъ. Атакованные со всѣхъ четырехъ сторонъ пѣхотою и конницею, не различая въ темнотѣ и смятеніи своихъ отъ чужихъ, солдаты Мармона метались какъ безумные изъ стороны въ сторону, давили и убивали другъ друга. Французскіе кирасиры бросились въ атаку на собственную пѣхоту, шассеры искали убѣжища въ средѣ прусскихъ баталіоновъ, принимая ихъ за своихъ и были или переколоты, или взяты въ плѣнъ. Все, что могло бѣжать, бѣжало, но прусская конница неутомимо преслѣдовала бѣглецовъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Лишь одинъ баталіонъ французовъ, въ серединѣ котораго нашелъ себѣ убѣжище Мармонъ, отступалъ въ стройномъ порядкѣ и штыками пролагалъ себѣ путь черезъ своихъ и чужихъ. Вся остальная масса разсѣялась въ разныя стороны. Корпусъ Мармона былъ совершенно уничтоженъ. Полторы тысячи человѣкъ остались на мѣстѣ, двѣ съ половиною тысячи было взято въ плѣнъ. Весь обозъ корпуса, вся артиллерія, 45 орудій, достались въ добычу побѣдителямъ. Потеря пруссаковъ состояла всего лишь изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Никогда еще въ теченіи всей этой кровавой войны такой блестящій успѣхъ не былъ купленъ такими ничтожными жертвами [1]).

Судьба Наполеона находилась теперь въ рукахъ вождей силезской арміи. Имъ оставалось только довершить столь блистательно начатое дѣло. У Наполеона оставалось теперь не болѣе 25,000 войска и союзники могли легко подавить

---

[1]) Подробности ночнаго нападенія см. въ особенности у Дройзена, т. II, стр. 357—360.

своими массами эти ничтожныя силы. Казалось, что они намѣревались сдѣлать это, казалось, что теперь наступилъ конецъ всѣмъ колебаніямъ и сомнѣніямъ. Диспозиція, составленная еще въ теченіи ночи въ главной квартирѣ, предполагала съ одной стороны продолжать преслѣдованіе разбитаго Мармона, а съ другой стороны наступленіе на самого Наполеона и обходъ его лѣваго крыла. Вся диспозиція построена была, впрочемъ, на томъ, повидимому, несомнѣнномъ предположеніи, что Наполеонъ, узнавъ о пораженіи Мармона, не рѣшится оставаться въ виду союзныхъ позицій и начнетъ немедленно .отступленіе. Къ общему изумленію, предположеніе это оказалось совершенно ошибочнымъ.

Наполеонъ узналъ о катастрофѣ, постигшей его правое крыло, въ часъ ночи. Онъ былъ страшно раздосадованъ, взбѣшенъ, онъ говорилъ, что Мармонъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ поручикъ, что безъ этой глупой драки все окончилось-бы превосходно и непріятель навѣрное очистилъ-бы Лаонъ [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не потерялъ ни на одинъ моментъ присутствія духа и рѣшился тотчасъ-же на такую мѣру, которая уже по одной своей неожиданности и чрезвычайности, должна была сбить совершенно съ толку его противниковъ. Онъ рѣшилъ оставаться неподвижно въ виду непріятельскихъ позицій и даже производить угрожающія демонстраціи противъ праваго крыла союзниковъ, твердо разсчитывая, что его противники прекратятъ преслѣдованіе Мармона и не рѣшатся атаковать его самого.

---

[1]) Въ письмѣ Наполеона къ королю Іосифу отъ 11-го марта мы читаемъ слѣдующую фразу: „Il est probable que l'ennemi aurait evacué Laon dans la crainte dy etre attaque, sans l'ehauffouree du duc de Raguse, qui s'est comportè comme un sous—lieutenant“. Въ другомъ письмѣ отъ 10-го марта мы читаемъ: „Ceci (т. е. пораженіе Мармона) n'est qu 'un accident de guerre, mais tres-facheux dans un moment où j'avais besoin de bonheur“. Corr. de Napoleon, т. 27, стр. 351—352. Мармонъ въ своихъ мемуарахъ искажаетъ безсовѣстнымъ образомъ истину, чтобы выгородить себя и скрыть, по возможности, свое пораженіе. Если вѣрить наполеоновскому маршалу, то оказывается, что вся бѣда произошла отъ небрежности войскъ дивизіи герцога падуанскаго, да что и сама бѣда не была особенно велика, такъ какъ всѣ потери ограничивались тремя стами человѣкъ и 21 орудіемъ, брошенными на пути. См. Memoires de Marmon, т. VI, стр. 212—214.

Разсчетъ Наполеона оправдался самымъ блистательнымъ образомъ. Недоумѣніе союзныхъ вождей не знало границъ, когда они замѣтили утромъ, что непріятельскія колонны остаются на тѣхъ-же мѣстахъ, что они готовятся даже перейти въ наступленіе. Недоумѣніе перешло въ нерѣшительность и страхъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ отъ перебѣжчиковъ, что Наполеонъ получилъ въ теченіи ночи сильныя подкрѣпленія и что онъ назначилъ въ этотъ день атаку союзныхъ позицій. Никто изъ союзныхъ генераловъ не рѣшился при такихъ обстоятельствахъ приступить къ исполненію диспозиціи. Бюловъ началъ было спускаться съ лаонскихъ высотъ, но лишь для того, чтобы поспѣшно возвратиться назадъ [1]). Винцингероде предпринялъ нападеніе на Класси, но отступилъ назадъ, встрѣтивъ энергическій отпоръ. Іорку и Клейсту отданъ былъ приказъ прекратить преслѣдованіе Мармона и возвратиться обратно въ Лаону. Весь день прошелъ въ безполезныхъ передвиженіяхъ и демонстраціяхъ. Съ неподражаемымъ искусствомъ игралъ Наполеонъ свою роль до самаго вечера. Съ 25,000 солдатъ удерживалъ онъ на мѣстѣ 100,000 непріятельскую армію. Только при наступленіи темноты, началъ онъ, наконецъ, отступленіе. Никто не преслѣдовалъ его. Спокойно, не торопясь, провелъ онъ свои войска черезъ опасные дефилеи и узкія гати у Шиви и Етувеля. Не потерявъ ни одного орудія, ни одной фуры, достигъ онъ благополучно окрестностей Суассона. Еще разъ имѣлъ онъ полное право благословлять свою звѣзду и смѣяться надъ непонятнымъ ослѣпленіемъ своихъ противниковъ.

Но всякое счастіе имѣетъ свои предѣлы. Наполеонъ былъ спасенъ еще разъ отъ гибели, но цѣль, съ которою онъ предпринялъ свое второе движеніе на силезскую армію, не была достигнута. Ему не удалось во второй разъ захватить противника врасплохъ и разбить его по частямъ. Онъ самъ понесъ жестокія, невознаградимыя потери при Лаонѣ и принужденъ былъ отступить. Эта страшная силезская армія,

---

[1]) См. Рейхе, Memoiren, т. II, стр. 79.

которую Наполеонъ считалъ совершенно основательно несравненно опаснѣе для Парижа, нежели всѣ силы Шварценберга [1]), осталась цѣла и невредима и могла возобновить свое наступленіе на столицу Франціи. Наполеонъ сознавалъ это прекрасно, но сознавалъ въ тоже время свое безсиліе помѣшать этому наступленію. Волею или неволею онъ долженъ былъ оставить въ покоѣ самаго опаснаго своего противника и искать спасенія въ новыхъ отважныхъ и рискованныхъ маневрахъ. Мысль о движеніи на Марну въ тылъ главнымъ силамъ союзниковъ вновь блеснула въ его головѣ и онъ рѣшился, наконецъ, приступить къ ея серьезному осуществленію.

Но прежде чѣмъ пускаться въ новую, далекую и опасную экспедицію, необходимо было дать небольшой отдыхъ истомленнымъ войскамъ и попытаться пополнить хотя нѣсколько страшную убыль въ своихъ рядахъ. Эта послѣдняя задача казалась Наполеону особенно настоятельною. Онъ требовалъ въ своихъ письмахъ къ брату Іосифу, чтобы въ Парижѣ было сформировано новое 30,000 войско изъ бѣглыхъ поселянъ и бездомныхъ пролетаріевъ; онъ жаловался, что молодая гвардія и кавалерія таютъ какъ снѣгъ подъ лучами жаркаго солнца и требовалъ отовсюду подкрѣпленій [2]). И подкрѣпленія эти приходили, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что ихъ не хватало и на половину для пополненія убыли.

Между тѣмъ оплошность непріятеля дала возможность Наполеону одержать совершенно неожиданно новую побѣду. Силезская армія, скованная по прежнему тяжелою болѣзнью Блюхера, оставалась въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, корпуса ея были разбросаны въ различныхъ направленіяхъ; не при-

[1]) „Cette armée est plus dangereuse pour Paris que celle de Schwarzenberg“. Изъ письма Наполеона къ Іосифу отъ 10 М. изъ Шавиньона. См. Corresp. de Napoleon, т. 27, стр. 351.

[2]) „La jeune garde fond comme la neige. La vieille garde se soutient. Ma garde à cheval aussi fond beaucoup.“ Изъ письма Наполеона къ Іосифу отъ 11 марта. Замѣчательно, что въ этомъ-же письмѣ Наполеонъ находитъ, что нѣсколько редутовъ вокругъ Парижа были бы полезны, въ особенности въ моральномъ отношеніи. Онъ даже приказываетъ начать постройку укрѣпленій на Монмартрѣ. См. Correspondance de Napoleon, т. 27, стр. 352.

нято было даже никакихъ мѣръ притянуть во-время къ главнымъ силамъ отрядъ графа Сенъ-При, прибывшаго въ это время на театръ войны съ 10,000 свѣжихъ русско-прусскихъ войскъ. Французскій эмигрантъ, одно имя котораго приводило Наполеона въ ярость, успѣлъ завладѣть Реймсомъ, но онъ велъ себя крайне неосторожно, забывая, что подъ Суассономъ находится самъ императоръ съ главными своими силами. Такая оплошность не прошла ему даромъ. Не давая отдыха своимъ войскамъ, Наполеонъ быстро двинулся къ Реймсу, внезапно ударилъ на Сенъ-При и совершенно уничтожилъ его корпусъ. 4000 русскихъ и пруссаковъ легло на мѣстѣ; одиннадцать орудій достались въ добычу французамъ; самъ Сенъ-При, смертельно раненый, скончался черезъ нѣсколько дней въ Лаонѣ.

Наполеонъ старался извлечь какъ можно болѣе пользы изъ этой легкой побѣды. Торжествующимъ тономъ возвѣщалъ онъ о заслуженной карѣ, постигшей измѣнника и до смѣшнаго преувеличивалъ потери непріятеля [1]). Какъ ни много фальши было во всѣхъ этихъ фанфоранадахъ, но новая побѣда несомнѣнно подняла и духъ самого императора. Планъ экспедиціи на Марну въ тылъ союзникамъ созрѣлъ въ это время окончательно въ его головѣ. Онъ рѣшился осуществить его, несмотря на всѣ предостереженія брата Іосифа, несмотря на крайнюю недостаточность своихъ силъ. Мысль о мирѣ была въ это время болѣе далека отъ него, нежели когда либо. Онъ заботился лишь о томъ, чтобы затянуть переговоры въ Шатильонѣ и внести рознь въ среду союзниковъ. Коленкуру было предписано потребовать, чтобы къ участію въ совѣщаніяхъ были допущены представители второстепенныхъ державъ. Такое-же внушеніе было послано Бернадоту, роль котораго сдѣлалась въ это время еще двусмысленнѣе нежели прежде. Понятно, что Наполеонъ вовсе не разсчитывалъ на успѣхъ этихъ интригъ. Въ своихъ пись-

---

[1]) Наполеонъ писалъ между прочимъ Іосифу: „Ce qu'il y a de remarquable c'est que Saint-Priest à ete blessé par le même pointeur qui a tué le géné ral Moreau; c'est le cas de dire: ò Providence! ò Providence".

Correspondance de Napoleon, т. 27, стр. 364.

махъ и инструкціяхъ онъ даже прямо говорилъ, что дѣло идетъ вовсе не о второстепенныхъ державахъ, а единственно о выигрышѣ времени [1]).

Собираясь на новое, опасное предпріятіе, Наполеонъ не только собиралъ отовсюду подкрѣпленія, но и возлагалъ большія надежды на различныя диверсіи на второстепенныхъ и отдаленныхъ театрахъ войны. Онъ предписалъ маршалу Сюше сдать испанцамъ всѣ крѣпости въ Каталоніи и поспѣшить съ ихъ гарнизонами во Францію. Князю Боргезе предписано было собрать въ итальянскихъ провинціяхъ всѣ гарнизоны и вновь сформированныя войска и привести ихъ на театръ войны. Маршалу Даву, запертому союзниками въ Гамбургѣ, велѣно было выйти изъ крѣпости и перенести войну въ открытое поле, на нижнюю Эльбу.

Ни къ кому изъ своихъ прежнихъ любимцевъ Наполеонъ не относился съ такимъ омерзеніемъ, какъ къ измѣннику Мюрату; но когда этотъ измѣнникъ изъявилъ готовность къ новой измѣнѣ, когда онъ тайно предложилъ императору вновь поднять за него оружіе, но подъ условіемъ, чтобы ему была уступлена половина Италіи, то Наполеонъ не рѣшился отвергнуть предложеній „новаго Искаріота". „Пошлите агента къ этому замѣчательному измѣннику", писалъ онъ вице-королю Евгенію, „и заключите съ нимъ договоръ отъ моего имени. Не касайтесь ни Піемонта, ни Генуи, а остальную Италію раздѣлите на два королевства". Само собою понятно, что Наполеонъ вовсе не думалъ соблюдать условій этого договора. „Что касается до условій", писалъ онъ тому-же Евгенію, „то впослѣдствіи можно будетъ поступить какъ угодно, ибо ничто не можетъ связывать насъ въ такомъ положеніи и послѣ такой неблагодарности" [2]).

Наполеонъ продолжалъ возлагать также большія надежды на дальнѣйшее развитіе народной войны. Онъ призывалъ

---

[1]) См. письмо Наполеона къ Коленкуру и проектъ ноты, которую онъ долженъ былъ представить конгрессу. Corresp. de. Nap. T. 27, стр. 315—318.

[2]) См. Бернгарди, т. IV, стр. 207, гдѣ письмо это заимствовано изъ Плана стр. 49.

Въ Corresp. письмо это не помѣщено.

крестьянъ къ оружію во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находятся вблизи французскія войска; онъ грозилъ смертью каждому чиновнику или меру, который осмѣлится удерживать поселянъ отъ поголовнаго возстанія, [1]), онъ относился съ ядовитою ироніею къ тѣмъ изъ своихъ приближенныхъ, которые сѣтовали на варварское опустошеніе страны своими и чужими войсками, на бѣдственное положеніе крестьянина. „И вы объ этомъ горюите", сказалъ онъ между прочимъ Мармону. „Какіе пустяки! Тутъ нѣтъ никакого несчастія! Когда мужикъ разоренъ, когда изба его сожжена,—то ему не останется иного выбора какъ взяться за ружье и принять участіе въ войнѣ" [2]).

Помимо всѣхъ этихъ надеждъ и разсчетовъ Наполеонъ не опускалъ изъ виду ближайшаго и нужнѣйшаго; всѣми силами старался онъ увеличить армію, долженствовавшую сопровождать его на Марну. Онъ забиралъ все, что было можно изъ крѣпостей на нижнемъ Маасѣ. Онъ велѣлъ собрать въ Реймсъ 8000 національныхъ гвардейцевъ изъ сосѣднихъ департаментовъ и присоединить ихъ къ отрядамъ Мармона и Мортье, онъ приказалъ генералу Дюруту, коменданту Меца, немедленно прислать въ армію 10,000 ч., но ни одно изъ этихъ распоряженій не могло быть приведено въ исполненіе. Въ концѣ концовъ армія увеличилась въ Реймсѣ всего лишь на 4000 человѣкъ. Состояніе обмундированія и вооруженія было крайне неудовлетворительное. Наполеонъ старался помочь горю, между прочимъ, тѣмъ, что приказалъ отобрать у плѣнныхъ шинели и шапки и раздать ихъ своимъ солдатамъ.

Наполеонъ видимо спѣшилъ съ своею экспедиціею. Неудержимо стремился онъ къ безднѣ и оставался глухъ ко всѣмъ предостереженіямъ, а недостатка въ нихъ не было и

---

[1]) Угроза распространяется даже на частныхъ лицъ, которыя осмѣлились-бы охлаждать порывы народнаго патріотизма. См. текстъ декрета въ Correspondance de Napoleon, т. 27, стр. 57.

[2]) „Cela vous afflige? eh! mais il n'y a pas grand mal! Quand un paysan est ruiné et que sa maison est brulée, il n'a rien de mieux à faire que de prendre un fusil et de venir combattre". См. Мемуары Мармона, т. VI, стр. 219.

въ этотъ послѣдній моментъ. Они приходили со всѣхъ сторонъ, изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ. Наканунѣ выступленія изъ Реймса онъ получилъ письмо отъ своего тестя, императора австрійскаго. Францъ прямо отрекался въ этомъ письмѣ отъ своего зятя, онъ отнималъ у него всякую надежду на отдѣльный миръ съ Австріею [1]). Одновременно съ этимъ грознымъ посланіемъ пришли тревожныя вѣсти изъ Шатильона. Коленкуръ извѣщалъ своего повелителя, что необходимо принести жертвы и жертвы тяжелыя, что всѣ кабинеты настроены крайне враждебно, что они ждутъ лишь повода, чтобы прервать переговоры, что не надо повторять ошибки, сдѣланной въ Прагѣ и опускать послѣдній моментъ, когда возможно еще заключить миръ.

Но быть можетъ, самыя тревожныя вѣсти и самыя настоятельныя предостереженія приходили изъ Парижа. Іосифъ извѣщалъ своего брата, что въ столицѣ господствуетъ самое безотрадное настроеніе, что всѣ требуютъ мира, какъ единственнаго спасенія, что члены государственнаго совѣта вовсе не считаютъ Рейнскую границу безусловно необходимою для Франціи, что всѣ полагаютъ, что можно удовольствоваться и предѣлами 1792 года. О новыхъ вооруженіяхъ въ Парижѣ, писалъ также Іосифъ, а тѣмъ болѣе о массовомъ призывѣ національной гвардіи,—не можетъ быть и рѣчи. По мнѣнію министровъ во всей столицѣ не найдется и тысячи человѣкъ, которые пожелали-бы взяться за ружье. Въ добавленіе ко всему Іосифъ увѣдомлялъ брата, что въ Парижѣ вовсе нѣтъ ружей, что населеніе ропщетъ, что оно желаетъ видѣть во главѣ національной гвардіи популярнаго маршала Монсея, что въ войскахъ Макдональда господствуетъ самое дурное настроеніе. Въ заключеніе Іосифъ писалъ: „Если Тулуза или Бордо выскажется за Бурбоновъ, то междоусобная война станетъ неизбѣжною. Громадное на-

---

[1]) Письмо, приведенное нами выше. Наполеонъ отнесся, впрочемъ, къ этому предостереженію съ крайнимъ презрѣніемъ. „Австрійскій императоръ“, писалъ онъ Іосифу, „не можетъ сдѣлать ничего, такъ какъ онъ слабъ и подчиняется вліянію Меттерниха, подкупленнаго англичанами. Вотъ вамъ и разгадка всего секрета“. См. Corresp. de Nap. T. 27, стр. 357.

селеніе Парижа выскажется за того, кто обѣщаетъ ему скорѣй миръ. Мы стоимъ наканунѣ всеобщаго разложенія; нѣтъ иного спасенія кромѣ мира" [1]).

Наполеонъ принялъ всѣ эти заявленія своего брата крайне оригинально. Онъ видѣлъ въ нихъ лишь постыдную, ничѣмъ не оправдываемую трусость и угодливость толпѣ. Онъ жестоко пробралъ Іосифа въ своемъ отвѣтѣ. „Довольно сплетенъ и жалобъ. Прошу пощадить меня ими въ будущемъ. Если бы я разсчитывалъ дать какое либо назначеніе Монсею, то я не руководился-бы при этомъ парижскою болтовнею. Парижская національная гвардія составляетъ часть французскаго народа, и пока я живъ, я останусь повелителемъ Франціи. Вашъ и мой характеръ совершенно различны. Вы любите льстить людямъ и повиноваться ихъ идеямъ; я люблю, чтобы всѣ старались угодить мнѣ и повиновались моимъ приказамъ. И нынѣ я такой-же повелитель, какимъ былъ во времена Аустерлица. Не допускайте, чтобы кто нибудь кокетничалъ съ національною гвардіею, или чтобы Реньо или кто либо другой выступалъ въ роли ея трибуна. Я думаю, что люди должны-же наконецъ понимать, что есть большая разница между тѣмъ временемъ, когда господиномъ былъ Лафайетъ или народъ, и тѣмъ, когда господинъ я. Если народъ замѣтитъ, что ему стараются лишь угодить, вмѣсто того, чтобы хлопотать объ его пользѣ, тогда естественно, что онъ вообразитъ себя повелителемъ, и усвоитъ себѣ очень низкое мнѣніе о своихъ правителяхъ" [2]).

Отдѣлавъ такимъ образомъ брата Іосифа и подтвердивъ ему вновь свои распоряженія на счетъ немедленнаго сформированія новаго войска изъ бездомныхъ пролетаріевъ, Наполеонъ послалъ въ высшей степени оригинальныя инструкціи Коленкуру. Онъ уполномочилъ его сдѣлать такія уступ-

---

[1]) Въ письмѣ Іосифа мы встрѣчаемъ еще слѣдующія мѣста: „On regarde l'occupation de la capital comme la fin de l'ordre actuel, et le commencement des grands malheurs"... „Nous sommes à la vielle d'une dissolution total; il n'ya d'autre salut que dans la paix".·

[2]) Все это въ высшей степени замѣчательное письмо Наполеона напечатано въ X томѣ мемуаровъ Іосифа Бонапарте. Въ Correspondance его нѣтъ.

ки, безъ которыхъ союзники не согласятся продолжать переговоры. Онъ настаивалъ, чтобы первымъ условіемъ предварительнаго договора было немедленное очищеніе французской территоріи и освобожденіе французскихъ плѣнныхъ [1]). Относительно сдачи союзникамъ крѣпостей Антверпена, Майнца и Александріи, Коленкуру было внушено выражаться самымъ неопредѣленнымъ образомъ, такъ какъ императоръ намѣренъ руководиться въ этомъ вопросѣ лишь чисто военными соображеніями, ибо онъ вовсе не желаетъ выдать врагамъ эти три ключа Франціи.

Представитель Франціи въ Шатильонѣ не успѣлъ, впрочемъ, воспользоваться этими инструкціями. Тѣснимый представителями союзныхъ державъ, Коленкуръ рѣшился, наконецъ, представить съ своей стороны проектъ мирнаго договора. Слѣдуя прежнимъ указаніямъ императора, онъ требовалъ для Франціи Рейнской границы, объявлялъ, что Наполеонъ готовъ отказаться отъ короны Италіи въ пользу Евгенія Богарне и заявлялъ, что племянникъ императора, Людовикъ Наполеонъ, долженъ получить герцогство Бергъ, равно какъ всѣ наполеоновскіе герцоги и маршалы удержатъ тѣ имѣнія, которыми надѣлилъ ихъ Наполеонъ въ Германіи. Ознакомившись съ этимъ курьезнымъ проектомъ, представители союзныхъ державъ единогласно заявили, что переговоры окончены и конгрессъ закрытъ [2]).

Наполеонъ узналъ объ этомъ роковомъ для него рѣшеніи уже во время своего движенія на Марну. Занятый всецѣло своими военными планами, онъ не придалъ ему особаго значенія. Да это и неудивительно. Императоръ относился спокойно даже къ такой возможности, какъ занятіе Парижа союзниками. Онъ давно уже предвидѣлъ и взвѣсилъ и эту случайность. Его братъ, его министры писали ему каждый день, что взятіе Парижа повлечетъ за собою его собственное паденіе; онъ только презрительно глумился надъ ихъ

---

[1]) См. Correspondance т. 27, стр. 382.

[2]) Объ окончаніи шатильонскаго конгресса см. депеши Разумовскаго отъ 3-го марта ст. ст. Семейство Разумовскихъ, т. IV, стр. 489—490.

наивною близорукостью. Пусть враги занимаютъ столицу Франціи, онъ все-же останется повелителемъ французскаго народа и будетъ продолжать войну. Одно лишь безпокоило императора: онъ опасался, чтобы его супруга и сынъ не попали въ руки непріятелей. Для предупрежденія этой страшной возможности онъ даетъ самыя точныя и рѣшительныя приказанія Іосифу. „Если непріятель“, пишетъ онъ брату, „подступитъ къ Парижу съ такими силами, что всякое сопротивленіе окажется невозможнымъ, то озаботьтесь немедленно отправить за Луару правительницу, моего сына, государственныхъ сановниковъ, министровъ, сенаторовъ, президента государственнаго совѣта и казну. Не оставляйте моего сына“ [1]).

Жребій былъ брошенъ. Утромъ 17 марта Наполеонъ выступилъ изъ Реймса. Силы, съ которыми онъ предпринималъ свою экспедицію, были крайне незначительны, всего на-всего около 25,000 человѣкъ, но онъ разсчитывалъ достигнуть съ ними и съ войсками Макдональда, около 40,000 человѣкъ, самыхъ колоссальныхъ результатовъ. Уже вечеромъ 17 марта императоръ достигъ Еперне. Онъ писалъ оттуда: „я выступлю отсюда завтра до свѣта, чтобы прибыть во-время въ Арсисъ на Обѣ. Я буду тамъ послѣ завтра въ полдень. Оттуда, смотря по обстоятельствамъ, я направлюсь на Мери или на Труа, дабы зайти въ тылъ непріятелю. Я ожидаю большихъ результатовъ отъ моего движенія. Оно произведетъ большой безпорядокъ и великое смятеніе и въ тылу непріятеля, и въ его главной квартирѣ, если только она находится еще въ Труа“ [2]). Возбужденный такими надеждами, Наполеонъ быстро двинулся впередъ. Уже 18 марта онъ прибылъ въ Феръ-Шампенаузъ.

---

[1]) „И помните, добавляетъ Наполеонъ, что я предпочелъ-бы утопить его въ Сенѣ, нежели предать въ руки враговъ Франціи. Участь Астіанакса въ плѣну у грековъ мнѣ казалась всегда самою несчастною въ исторіи“. См. Correspondance, т. 27, стр. 378.

[2]) См. письмо къ Іосифу Бонапарте отъ 17 марта а также къ Кларке, военному министру отъ того-же числа. Correspondance de Napoleon, т. 27, стр. 384—385.

Онъ былъ уже въ непосредственной близости къ арміи Шварценберга. Его передовыя войска столкнулись уже во многихъ мѣстахъ съ казачьими разъѣздами непріятеля. Предстояли, повидимому, самыя рѣшительныя событія.

Что-же происходило, между тѣмъ, въ большой союзной арміи? Нечего и говорить, что все шло здѣсь въ прежнемъ порядкѣ и духѣ. Князь Шварценбергъ не могъ измѣнить своей тактической системы, несмотря на всѣ послѣднія событія, побуждавшія его къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Ни разоблаченія, сдѣланныя императоромъ Александромъ, ни рѣшительное письмо императора Франца къ Наполеону, ни Шомонскій договоръ, ни измѣнившійся тонъ англійскихъ дипломатовъ въ главной квартирѣ, ничто не могло повліять на стратегическіе планы и дѣйствія фельдмаршала, такъ какъ эти планы и дѣйствія вытекали всецѣло и изъ характера князя, и изъ той военной теоріи, которая присуща была не только ему лично, но и всему его штабу. Съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ оставилъ въ покоѣ главную армію и двинулся вновь противъ Блюхера, Шварценбергъ не могъ, разумѣется, продолжать своего отступательнаго движенія. Волею или неволею, а приходилось идти впередъ, но продвинувшись до Труа, князь остановился какъ-бы въ недоумѣніи и, несмотря на протесты императора Александра, разбросалъ свои корпуса въ разныя стороны и никакъ не рѣшался атаковать Макдональда, стоявшаго на Сенѣ. Фельдмаршалъ заботился обо всемъ на свѣтѣ, ежеминутно дрожалъ онъ за свои сообщенія, ожидалъ съ тревогою вѣстей изъ Швейцаріи и южной Франціи, но болѣе всего хлопоталъ о продовольствіи своихъ войскъ. Казалось, что союзный главнокомандующій превратился окончательно въ интенданта, что вся его стратегическая мудрость свелась на хозяйственный вопросъ. Свою продолжительную остановку въ окрестностяхъ Труа онъ оправдывалъ тѣмъ, что войска его могутъ жить въ этой мѣстности, хотя и самъ сознавался, что по прошествіи короткаго времени все будетъ съѣдено и здѣсь, и что тогда придется умирать съ голоду.

Чтобы наполнить хотя чѣмъ-нибудь время и обнаружить хотя призракъ дѣятельности, фельдмаршалъ и его штабъ составляли каждый день длинныя и сложныя диспозиціи, затѣмъ передѣлывали ихъ иногда но нѣсколько разъ и разсылали по войскамъ всѣ различныя редакціи своихъ стратегическихъ фабрикатовъ. Такъ какъ эти различныя редакціи диспозиціи предписывали нерѣдко совершенно противоположныя движенія, то легко себѣ представить какой хаосъ и безсмыслица получались въ результатѣ. Едва только извѣстный отрядъ, получивъ приказъ двинуться впередъ, начиналъ сниматься съ бивуаковъ, какъ получалась новая диспозиція, предписывавшая идти назадъ, а часа черезъ три приходила третья, приказывавшая оставаться неподвижно на мѣстѣ [1]). Нетерпѣніе и негодованіе овладѣвало даже самыми терпѣливыми людьми при подобныхъ порядкахъ, а характеры болѣе страстные и натуры нервныя приходили просто въ отчаяніе. Всѣ, кто только могъ, старались уйти изъ арміи. Даже Витгенштейнъ оставилъ театръ войны, ссылаясь на легкую рану, полученную имъ при Баръ на Обѣ. Довѣріе къ князю Шварценбергу, никогда не отличавшееся особенною силою, пало окончательно при такихъ обстоятельствахъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, что князь руководится при своихъ дѣйствіяхъ какими-то глубокомысленными соображеніями; всѣ пришли къ убѣжденію, что онъ намѣренъ избѣгать во что-бы то ни стало всякой серьезной встрѣчи съ непріятелемъ, что онъ рѣшился свалить всю тяжесть борьбы на плечи одного Блюхера. Подобныя мнѣнія высказывались тогда громко всѣми лицами, посвященными хотя сколько нибудь въ тайны главной квартиры. К. Ф. Толь писалъ князю Волконскому, „что союзные монархи теперь-же должны рѣшить вопросъ, что предпримутъ они въ томъ случаѣ, если Блюхеръ будетъ разбитъ Наполеономъ, отважатся-ли они дать битву съ этою арміею, или-же, согласно мнѣнію князя Шварценберга, предпочтутъ отсту-

[1]) Подробныя и обстоятельныя подтвержденія всего сказаннаго въ текстѣ можно найти въ изложеніи Бернгарди. См. IX главу 2 полов. 4 тома.

пить за Рейнъ“ [1]). „Наши операціи“, писалъ въ это же время лордъ Бургершъ, „очень странны. Все дѣло заключается въ томъ, что мы боимся драться. Я убѣжденъ, что эта армія никогда не будетъ употреблена для рѣшительнаго сраженія; а безъ таковаго я не вижу возможности сокрушить Наполеона. Шварценбергъ желаетъ болѣе всего очутиться далеко позади на Рейнѣ; въ настоящей своей позиціи онъ встрѣтился съ такими трудностями, изъ которыхъ можетъ вывести его только одна побѣда. Но онъ считаетъ это слишкомъ рискованнымъ средствомъ, а отступить онъ также не можетъ, опасаясь взять на себя тяжелую нравственную отвѣтственность. Онъ предпочитаетъ оставаться тамъ, гдѣ онъ есть, не разсчитывая предпринять что-либо серьезное, за исключеніемъ того случая, когда побѣды, одержанныя другими союзными арміями, облегчатъ ему путь“ [2]).

Но не одни только полководцы и высокопоставленные дипломаты, а и всѣ маленькіе люди пришли въ это время къ убѣжденію, что дѣла не могутъ идти далѣе такимъ образомъ. Продолжительное бездѣйствіе, безцѣльныя движенія, вѣчное отступленіе передъ непріятелемъ, подѣйствовали самымъ убійственнымъ образомъ на настроеніе арміи. Геройскій духъ, господствовавшій въ войскахъ въ началѣ этой кампаніи, испарился совершенно. Глубокое недовольство и страшная деморализація охватили всю армію. Офицеры толковали только о мирѣ и высказывали полное отвращеніе къ войнѣ. Боевая слава, блестящія награды утратили все свое обаяніе. Солдаты предавались мародерству и рыскали шайками по деревнямъ. Грабежи и неистовства всякаго рода достигли до невѣроятныхъ размѣровъ. Крестьяне, доведенные до отчаянія, бѣжали въ лѣса и брались за оружіе. Въ Труа, гдѣ находилась главная квартира фельдмаршала, свирѣпствовалъ страшный голодъ. Невозможно было достать хлѣба ни за какія деньги. Жители питались лошадиною падалью, валявшеюся на улицахъ [3]).

[1]) См. Бернгарди, т. IV, 2 полов. стр. 225.

[2]) См. Бернгарди, т. IV, 2-я пол. стр. 226.

[3]) См. Бернгарди, т. IV, 2-я пол. стр. 228, гдѣ приведено свидѣтельство очевидца, лорда Бургерша.

Это безотрадное время постыднаго и безцѣльнаго бездѣйствія было временемъ самыхъ тяжелыхъ испытаній для императора Александра. На немъ одномъ лежала вся тяжесть непрерывной борьбы съ австрійскимъ генеральнымъ штабомъ и эта тяжесть истощала по временамъ и его изумительное, можно сказать, сверхчеловѣческое терпѣніе. Императоръ пускалъ въ этой борьбѣ въ ходъ всѣ средства, бывшія въ его распоряженіи. Онъ старался подѣйствовать на союзнаго генералиссимуса то силою своего собственнаго авторитета, то прибѣгалъ къ содѣйствію своего друга, короля прусскаго и англійскихъ уполномоченныхъ; но въ томъ и другомъ случаѣ князь Шварценбергъ съ ловкостью истаго придворнаго и съ апломбомъ настоящаго джентльмена умѣлъ вывернуться, оправдаться и настоялъ въ концѣ концовъ на своемъ. Система, которой слѣдовалъ при этомъ фельдмаршалъ, была въ сущности очень простая, но разсчитанная въ тоже время, какъ нельзя лучше, на характеръ противника. Хорошо понимая, что императоръ можетъ настаивать только на общихъ идеяхъ, но что, не считая себя спеціальнымъ знатокомъ военнаго дѣла, онъ не всегда рѣшится давать предписанія въ частностяхъ, Шварценбергъ никогда не оспаривалъ требованій и мнѣній Александра въ цѣломъ, онъ даже допускалъ ихъ справедливость и цѣлесообразность, воздерживался отъ всякихъ рѣзкихъ и рѣшительныхъ возраженій; но всегда умѣлъ указать на второстепенныя, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени тяжеловѣсныя обстоятельства, оправдывавшія его уклоненія отъ всякаго рѣшительнаго шага и дать въ заключеніе уклончивый, ничего не значащій отвѣтъ. Тщетно доказывалъ императоръ, что необходимо двинуться впередъ противъ слабыхъ корпусовъ Макдональда и Удино, или что слѣдуетъ передвинуть главныя силы арміи болѣе вправо къ Марнѣ, чтобы быть ближе къ силезской арміи и оказать ей хотя какое-нибудь содѣйствіе въ тяжелой борьбѣ съ Наполеономъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, фельдмаршалъ соглашался съ важностью и даже необходимостью требуемыхъ мѣръ, но указывалъ въ тоже время, что прежде и необходимѣе всего быть осторожнымъ, что нельзя идти впе-

редъ, не обезпечивши своего тыла, откуда грозитъ серьезная опасность со стороны Ожеро, или что нельзя обращать вниманія только на правый флангъ, а необходимо имѣть постоянно въ виду и лѣвый. Подвергнувъ терпѣніе императора самому тяжелому испытанію на этихъ личныхъ объясненіяхъ, князь присылалъ обыкновенно на другой день длинный мемуаръ, вышедшій изъ-подъ пера Лангенау или подобныхъ ему стратеговъ, гдѣ всѣ намеки, опасенія и увертки Шварценберга являлись уже обличенными въ строго научную, систематическую форму. Понятно, что въ такихъ мемуарахъ являлось на первомъ планѣ пресловутое Лангрское плато, что въ нихъ перечислялись, взвѣшивались и разбирались всевозможныя стратегическія комбинаціи, но что ни одинъ изъ нихъ не приходилъ ни къ какому практическому выводу. Чтеніе подобныхъ мемуаровъ могло только навести туманъ и сбить съ толку всякаго человѣка, неспособнаго подняться до высоты воззрѣній австрійскаго гофкригсрата [1]).

Утомленный подобными объясненіями, а еще болѣе чтеніемъ подобныхъ нелѣпостей, императоръ Александръ отказывался отъ всякой надежды повліять на князя лично и поручалъ это тяжелое дѣло другимъ лицамъ, настоящимъ спеціалистамъ и знатокамъ военнаго дѣла. Непріятныя миссіи такого рода всего чаще возлагались на генерала Толя, а иногда въ помощь ему посылался и генералъ Дибичъ. Но русскіе генералы напрасно тратили въ такихъ случаяхъ все свое краснорѣчіе и силу убѣжденій. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, имъ удавалось добиться лишь одного результата: Шварценбергъ отрекался отъ составленной имъ диспозиціи и приказывалъ составить новую. Обыкновенно такая новая диспозиція сводилась къ такому-же отрицательному результату, какъ и старая. Въ каждомъ изъ этихъ произведеній проглядывала одна и таже цѣль: оставаться въ бездѣйствіи и выжиданіи, предоставить иниціативу непріятелю, обезпечивать себя на всѣхъ пунктахъ отъ его предполагаемыхъ

---

[1]) Подробности и подтвержденія у Бернгарди въ IX главѣ IV-го тома.

предпріятій и выжидать чѣмъ окончится борьба Наполеона съ Блюхеромъ.

Никогда еще въ теченіи всей войны, начиная съ того грознаго момента, когда Наполеонъ перевелъ свои полчища черезъ Нѣманъ, императоръ Александръ не переживалъ такихъ тоскливыхъ, удручающихъ минутъ какъ въ эти мартовскіе дни. Его душа, вынесшая съ такою твердостью самые страшные удары судьбы, изнывала теперь въ неустанной борьбѣ съ мелочною интригою и тупою бездарностью. Нервы императора разстроены были и безъ того всѣми предшествующими странными перипетіями этой небывалой кампаніи. Онъ еще не оправился вполнѣ отъ страшнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него разгромомъ силезской арміи; негодованіе кипѣло въ его груди при одномъ воспоминаніи объ открытыхъ имъ коварныхъ интригахъ вѣнскаго кабинета, а тутъ эти новые, непонятные маневры Шварценберга, это систематическое бездѣйствіе, это какъ-бы преднамѣренное разбрасываніе своихъ силъ, это сваливаніе всего на армію Блюхера. Въ состояніи-ли былъ выносить человѣкъ, подобный Александру, всѣ эти махинаціи, не долженъ-ли онъ былъ выйти, подъ конецъ, изъ себя, утратить столь долго сохраняемое имъ равновѣсіе духа? [1])

Безпокойство императора Александра, его настойчивыя требованія предпринять, наконецъ, хотя что нибудь рѣшительное, возрасли еще болѣе, когда начали приходить одни за другими сначала неясныя и сбивчивыя, а за тѣмъ положительныя извѣстія о пораженіи Наполеона подъ Лаономъ. Теперь наступилъ, повидимому, моментъ, когда должны были прекратиться всѣ колебанія, когда главная армія союзниковъ должна была, наконецъ, выйти изъ своего бездѣйствія. И дѣйствительно, князь Шварценбергъ готовъ былъ подать сигналъ къ наступленію, когда совершенно неожиданно пришла новая вѣсть объ истребленіи корпуса Сенъ-

[1]) Необходимо имѣть въ виду это душевное настроеніе императора, чтобы понять и оцѣнить, какъ слѣдуетъ, дальнѣйшія въ высшей степени странныя событія.

При подъ Реймсомъ. Извѣстіе это получено было прежде всего въ главной квартирѣ императора Александра и уже одна его внезапность должна была произвести на него самое потрясающее впечатлѣніе. Никто не ожидалъ новаго наступательнаго движенія Наполеона въ этомъ направленіи, никто не разсчитывалъ на такіе страшные удары со стороны только что разбитаго противника. Тяжелыя опасенія, страшныя предчувствія, волновавшія всѣ эти дни душу Александра, казалось, начали осуществляться самымъ роковымъ образомъ.

Наполеонъ готовъ былъ, повидимому, повторить свои блестящіе маневры въ февралѣ мѣсяцѣ; катастрофа, обрушившаяся тогда на силезскую армію, должна была разразиться теперь надъ главною арміею. И въ какомъ положеніи находилась эта армія? Она была растянута на большомъ разстояніи между Сеною и Марною и что могло теперь помѣшать Наполеону уничтожить ее по частямъ? Вотъ къ какимъ результатамъ привели странная нерѣшительность Шварценберга, его непостижимое бездѣйствіе, его стремленіе обезпечить и прикрывать все. И что всего ужаснѣе, теперь не оставалось дѣйствительно иного средства избѣгнуть самаго страшнаго несчастія,—какъ отступить поспѣшно назадъ и сосредоточить, пока есть еще время, войска въ сильной оборонительной позиціи. Такъ казалось императору Александру и всѣмъ его совѣтникамъ; ошеломленные внезапностью удара, они готовы были теперь сами сдѣлать именно то, въ чемъ такъ упрекали они до сихъ поръ Шварценберга. Но одна неожиданность слѣдовала за другою, или лучше сказать, Провидѣніе, спасавшее столько разъ отъ гибели правое дѣло, избрало на этотъ разъ своимъ орудіемъ именно того человѣка, который такъ систематически тормозилъ до сихъ поръ ходъ военныхъ операцій и столько разъ останавливалъ союзныя арміи на ихъ пути къ побѣдѣ.

Князь Шварценбергъ, получивъ отъ императора Александра извѣстіе о движеніи Наполеона къ Реймсу и о пораженіи Сенъ-При, остановился въ первый моментъ на той-же мысли, за которую ухватился и Александръ. Немедленно рѣ-

шилъ онъ отвести назадъ всю армію и сосредоточить ее въ крѣпкой позиціи при Траннѣ на Обѣ; но обычная медленность и нерѣшительность, задерживавшія до сихъ поръ каждый шагъ впередъ, замедлили теперь и это отступательное движеніе. Прошло два, три дня въ новыхъ колебаніяхъ и отъ передовыхъ войскъ получены были свѣдѣнія, что Наполеонъ двигается на Эперне и на Арсисъ на Обѣ, что его войска вошли уже въ раіонъ занятый корпусами союзной арміи. Очевидно, что теперь некогда уже было думать объ отступленіи, о сосредоточеніи войскъ при Траннѣ, такъ какъ непріятель, наступавшій со стороны Марны, могъ легко врѣзаться въ средину разрозненныхъ союзныхъ массъ и разбить ихъ по частямъ. Несравненно удобнѣе и легче было сосредоточить войска въ равнинѣ при Арсисѣ, такъ какъ этотъ маневръ могъ быть совершенъ въ самое короткое время и безъ всякой помѣхи со стороны непріятеля. Но понятно, что сосредоточеніе при Арсисѣ легко могло повести къ рѣшительному столкновенію, т. е. именно къ тому, чего такъ систематически и упорно избѣгалъ до сихъ поръ союзный главнокомандующій. Всѣ знавшіе князя были твердо убѣждены поэтому, что онъ никогда не отважится стянуть свои массы къ Арсису тѣмъ болѣе, что императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ, всегда настаивавшіе прежде на наступательныхъ дѣйствіяхъ, только что одобрили диспозицію отступленія къ Транну и намѣрены были твердо требовать ея исполненія. Каково-же было всеобщее изумленіе, когда фельдмаршалъ внезапно объявилъ, что онъ отмѣняетъ диспозицію къ отступленію, что онъ рѣшилъ собрать всѣ войска въ Арсиской равнинѣ и атаковать приближающагося Наполеона. К. Ф. Толль былъ внѣ себя отъ радости, когда Шварценбергъ сообщилъ ему о своемъ новомъ рѣшеніи. „Впервые“, говоритъ онъ, „замѣтилъ я въ немъ качества настоящаго полководца. Причины, побуждавшія его измѣнить свой первоначальный планъ, были настолько убѣдительны, его новыя распоряженія такъ разумны, что я не могъ удержаться, чтобы тутъ-же не обнять его самымъ сердечнымъ образомъ. Я поспѣшилъ увѣрить его, что импе-

раторъ Александръ будетъ крайне обрадованъ его рѣшеніемъ“ [1]).

Но спрашивается, чѣмъ можно объяснить такую поразительную перемѣну, кто и что могло побудить Шварценберга выйти такъ неожиданно изъ своей обычной роли? Трудно допустить, чтобы князь дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по собственному побужденію, чтобы героическое рѣшеніе могло возникнуть въ немъ лишь на основаніи собственныхъ соображеній и собранныхъ имъ свѣдѣній о слабости непріятельскихъ силъ и о направленіи, принятомъ Наполеономъ къ Вуарѣ въ обходъ праваго союзнаго крыла. Скорѣе слѣдуетъ допустить, что князь дѣйствовалъ въ этотъ моментъ подъ вліяніемъ Радецкаго, единственнаго настоящаго воина и полководца во всемъ своемъ штабѣ. Такъ полагаетъ и Бернгарди, хотя источники, бывшіе въ его распоряженіи, не даютъ въ сущности никакого права на подобное заключеніе [2]).

К. Ф. Толль спѣшилъ увѣдомить императора Александра о новомъ рѣшеніи главнокомандующаго. „Изъ донесеній генералъ-майора Кайсарова“, читаемъ мы въ его письмахъ къ князю Волконскому, „оказывается, что Наполеонъ переправляется съ значительными силами черезъ Обу у Плакси, что 6,000 конницы находятся уже на этомъ берегу и что за ними слѣдуютъ 25,000 пѣхоты. Вслѣдствіе этого фельдмаршалъ поручилъ мнѣ донести черезъ посредство вашего сіятельства его величеству императору, что онъ намѣревается сосредоточить завтра всѣ корпуса нашей арміи между рѣками Сеною и Обою, т. е. между Труа и Лемономъ и дать непріятелю сраженіе. Фельдмаршалъ полагаетъ, что Наполеонъ, переправляясь черезъ Обу у Плакси, разсчитывалъ отрѣзать наши войска на Обѣ отъ войскъ, расположенныхъ на Сенѣ. Соединеніе корпусовъ Раевскаго, кронпринца виртембергскаго и Гіулая предупреждаетъ таковое намѣреніе непріятеля, и если Наполеонъ будетъ продолжать свое движеніе

[1]) См. Бернгарди, т. IV, 2 полов. стр. 273.

[2]) Самъ Бернгарди замѣчаетъ, что австрійскіе источники, пытающіеся всегда и повсюду выставить Шварценберга вполнѣ самостоятельнымъ, хранятъ на этотъ счетъ полное молчаніе.

въ этомъ направленіи, то всѣ выгоды будутъ на нашей сторонѣ, ибо онъ не будетъ въ состояніи отрѣзать наши сообщенія". Отправляя это письмо, Толль и не подозрѣвалъ, что оно не только не обрадуетъ императора, а приведетъ его еще въ большее безпокойство и смущеніе.

Въ то время, когда Шварценбергъ сосредоточивалъ войска свои у Арсиса, намѣреваясь атаковать непріятеля у Планси, Наполеонъ предупредилъ его наступленіе. Какъ подъ Лаономъ, такъ и теперь Наполеонъ находился въ полнѣйшемъ заблужденіи и на счетъ силъ, и на счетъ намѣреній противника. Ему казалось, что армія Шварценберга, узнавъ о его приближеніи, начала поспѣшное отступленіе, что ему остается только преслѣдовать ее, чтобы довершить ея разстройство. Онъ думалъ довершить катастрофу непріятеля движеніемъ черезъ Арсисъ на Витри, т. е. обходомъ его праваго фланга. Этотъ маневръ, направленный на сообщенія союзниковъ, долженъ былъ посѣять ужасъ и смятеніе въ ихъ рядахъ.

Рано утромъ, 21 марта войска Наполеона двинулись къ Арсису. Уже въ 10 часовъ утра французская конница подъ начальствомъ Себастіани и двѣ пѣхотныхъ дивизіи подъ командою маршала Нея явились подъ Арсисомъ. Немедленно заняли они городокъ, возстановили мостъ черезъ рѣку; и продвинувшись нѣсколько далѣе вверхъ по Обѣ, расположились двумя колоннами у деревни Грандъ-Торси. Неслыханная смѣлость Наполеона видимо озадачила Шварценберга. Проходилъ часъ за часомъ и фельдмаршалъ не рѣшался подать сигналъ къ атакѣ, хотя на сторонѣ его было громадное, по крайней мѣрѣ, четверное превосходство силъ и хотя союзныя войска готовы были къ нападенію уже съ ранняго утра. Пробилъ уже часъ дня, когда прибыли на позицію императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ. Александръ подъѣхалъ къ фельдмаршалу, видимо разстроенный и раздраженный. Сказавъ нѣсколько любезныхъ фразъ князю, императоръ обратился къ Толлю и тонъ его голоса разомъ измѣнился. Императоръ заговорилъ по-русски, не сдерживая своего негодованія и досады. „Что побудило

фельдмаршала", спросилъ онъ Толля, „измѣнить такъ внезапно весь операціонный планъ, и почему армія не продолжаетъ отступленія въ позицію при Траннѣ?"—Толль въ своемъ отвѣтѣ старался оправдать распоряженія фельдмаршала, онъ замѣтилъ, что армія, дѣйствующая оборонительно, никогда не можетъ предусмотрѣть своихъ движеній за 24 часа впередъ. Онъ старался доказать, что союзники не должны опускать удобнаго случая атаковать непріятеля, пользуясь своею численностью и выгодами мѣстности; но императоръ нимало не убѣдился его доводами. Онъ прервалъ его, наконецъ, словами: „Я опасаюсь самаго худшаго. Наполеонъ будетъ занимать насъ здѣсь пустыми маневрами, а самъ обойдетъ съ главными силами наше правое крыло и двинется на Бріеннь, а оттуда на сообщенія нашей арміи".— Не слушая никакихъ дальнѣйшихъ объясненій, императоръ поворотилъ лошадь и, сопровождаемый королемъ прусскимъ и свитою, уѣхалъ въ сосѣднее селеніе Пужи, предоставивъ князю Шварценбергу полную свободу дѣйствій [1]).

Тотчасъ-же послѣ отъѣзда монарховъ, фельдмаршалъ подалъ сигналъ къ атакѣ, но въ тотъ-же самый моментъ двинулась впередъ и вся непріятельская линія. Маршалы и генералы были въ изумленіи отъ безумной смѣлости своего императора. Себастіани и Ней осмѣлились доложить Наполеону, что онъ имѣетъ передъ собою всю союзную армію и что разсчитывать на отступленіе непріятеля нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Но Наполеонъ не терпѣлъ въ этотъ періодъ своей жизни никакихъ противорѣчій. Съ насмѣшкою отвѣчалъ онъ своимъ маршаламъ, что ихъ увѣренія неосновательны, что молодой ординарецъ, посланный имъ на развѣдку, доноситъ, что на непріятельскихъ позиціяхъ находится всего лишь нѣсколько тысячъ казаковъ. Ней и Себастіани должны были замолчать и повиноваться.

Сраженіе началось около двухъ часовъ. Въ центрѣ союзники атаковали деревню Грандъ-Торси и быстрымъ натискомъ вырвали ее изъ рукъ непріятеля, но Наполеонъ поспѣшилъ

---

[1]) Подробности этой сцены см. у Бернгарди, т. IV, 2 полов. стр. 279.

ввести въ дѣло новыя войска и предписалъ своимъ генераламъ удержать деревню во что бы то ни стало. Въ теченіи цѣлыхъ восьми часовъ кипѣлъ здѣсь самый ожесточенный бой. Вреде, распоряжавшійся въ союзномъ центрѣ, ввелъ мало по-малу въ дѣло двадцать два батальона и русскую гренадерскую бригаду; французы съ своей стороны двинули на деревню всю свою пѣхоту. Грандъ-Торси переходила нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, но французы, одушевляемые своимъ императоромъ, восторжествовали надъ всѣми усиліями союзниковъ и удержались въ деревнѣ до наступленія темноты. Безумная отвага Наполеона увѣнчалась, такимъ образомъ, въ центрѣ успѣхомъ, но на лѣвомъ крылѣ, гдѣ двинулись въ атаку массы его конницы, дѣла приняли иной оборотъ. Едва только кавалерійская дивизія Кольбера выстроилась къ атакѣ, какъ на нее ударили внезапно австрійскіе гусары и казаки Кайсарова. Французы не выдержали натиска и въ разсыпную бросились назадъ, оставивъ въ рукахъ союзниковъ четыре орудія. Тщетно старались поправить дѣло другіе французскіе кавалерійскіе отряды. Осыпанные картечью союзныхъ батарей, они ринулись назадъ, увлекая за собою въ бѣгство резервы. Вся масса французской конницы, пораженная паническимъ страхомъ, бѣжала по направленію къ Арсису. Тщетно пытался Наполеонъ съ шпагою въ рукѣ остановить бѣгущихъ, никто не слушалъ его приказаній [1]). Что сталось-бы со всею французскою арміею, если-бы союзные вожди сумѣли воспользоваться этимъ моментомъ страшнаго смущенія, но моментъ былъ опущенъ и на этотъ разъ. Никто не преслѣдовалъ бѣглецовъ и Наполеонъ успѣлъ вновь привести въ порядокъ свою разбитую конницу. При наступленіи темноты, французы произвели даже

---

[1]) Бонапартистскіе авторы, и во главѣ ихъ баронъ Фенъ, разсказываютъ при этомъ случаѣ чудеса о личной храбрости Наполеона и о страшной опасности, грозившей ему. Историкъ объективный замѣтитъ, что и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Наполеонъ исполнялъ лишь долгъ полководца, останавливая съ шпагою въ рукѣ своихъ бѣгущихъ солдатъ.—Фраза Фена: La mort ne veut pas de lui, едва-ли тутъ у мѣста. Фенъ Manuscrit de l'annee 1814, стр. 191.

новую атаку на союзныя войска, расположенныя позади Грандъ-Торси; но русская гренадерская бригада, поддержанная кавалеріею, побѣдоносно отразила эту послѣднюю попытку непріятеля.

Наступила ночь. Несмотря на блестящія кавалерійскія атаки, въ средѣ союзныхъ вождей господствовало подавленное настроеніе. Неслыханное упорство и смѣлость, обнаруженная непріятелемъ, его частные успѣхи въ центрѣ, невольно наводили на мысль, что Наполеонъ разсчитываетъ вѣроятно на скорое прибытіе сильныхъ подкрѣпленій, а извѣстія, полученныя отъ партизановъ и разъѣздовъ, о появленіи сильныхъ непріятельскихъ отрядовъ на правомъ флангѣ союзной арміи вызвали съ новою силой опасенія за собственныя сообщенія. При такихъ условіяхъ многіе изъ союзныхъ генераловъ считали самымъ благоразумнымъ не возобновлять сраженія и отвести, какъ можно скорѣе, всю армію въ оборонительную позицію при Траннѣ. Князь Шварценбергъ не согласился, однако же, на этотъ разъ съ сторонниками отступленія. Поддерживаемый Толлемъ, Дибичемъ и Радецкимъ, онъ рѣшился оставаться на позиціи у Арсиса. Но само собою понятно, что теперь не было уже и рѣчи объ атакѣ непріятеля. Фельдмаршалъ рѣшилъ держаться строго оборонительной системы, выжидать дальнѣйшихъ дѣйствій непріятеля и предоставить иниціативу Наполеону.

Совершенно иное настроеніе господствовало въ французскомъ станѣ. Въ теченіи ночи къ Наполеону подошли значительныя подкрѣпленія и силы его почти удвоились. Рѣшимость и самонадѣянность императора не были поколеблены нисколько событіями минувшаго дня. По прежнему, онъ былъ твердо убѣжденъ, что Шварценбергъ отступаетъ передъ нимъ, что въ теченіи ночи онъ навѣрно очиститъ свои позиціи. Рано утромъ Наполеонъ отправился самъ на рекогносцировку, но вопреки своему обычаю произвелъ ее крайне поверхностно и небрежно. Онъ не потрудился даже въѣхать на небольшую цѣпь холмовъ, отдѣлявшую его позиціи отъ союзныхъ, и замѣтивъ лишь небольшіе непріятельскіе отряды, возвратился въ свой лагерь, окончательно убѣжденный,

что Шварценбергъ отступилъ въ теченіи ночи съ главными массами своей арміи. Ней и Себастіани осмѣлились еще разъ предостеречь своего повелителя, но Наполеонъ не удостоилъ ихъ даже отвѣтомъ, и въ 10 часовъ утра вся французская армія двинулась впередъ. Впереди шла густыми колоннами конница, за нею двигалась вся пѣхота. Безъ труда оттѣснили французы союзный авангардъ подъ начальствомъ графа Палена и поднялись на возвышенности къ югу отъ Арсиса. Страшное и величественное зрѣлище открылось тутъ внезапно передъ ихъ глазами. По всему горизонту, безконечною дугою, края которой скрывались изъ виду, тянулись стройныя, сверкающія оружіемъ, прикрытыя грозными батареями, союзныя массы. Французы остановились какъ вкопанные, пораженные видомъ стотысячной арміи, превосходившей ихъ числомъ по крайней мѣрѣ вдвое. Наступили минуты, рѣдко повторяющіяся въ исторіи. „Оба вождя“, говоритъ очевидецъ, „взвѣшивали, должны или они двинуться впередъ, или ожидать атаки, или-же подать сигналъ къ отступленію. Рѣшенія этихъ часовъ должны были рѣшить судьбу міра. Провидѣніе произнесло свой приговоръ въ пользу союзнаго ополченія, прежде нежели его вожди успѣли извлечь какое либо рѣшеніе изъ лабиринта своихъ мыслей“ [1]).

Раздумье Наполеона продолжалось, впрочемъ, очень не долго. Увидѣвъ громадныя непріятельскія массы, готовыя къ бою, онъ тотчасъ-же убѣдился въ невѣрности своихъ разсчетовъ и ожиданій, и послѣ нѣкотораго колебанія рѣшилъ немедленно начать отступленіе, перевести свои войска обратно за Обу и двинуть ихъ на Витри въ обходъ праваго фланга союзниковъ. Рѣшаясь на подобный маневръ въ виду стотысячной непріятельской арміи, Наполеонъ обнаружилъ все свое пренебреженіе къ союзнымъ вождямъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ Шварценберга и былъ убѣжденъ, что фельдмаршалъ не отважится помѣшать его отступленію, что онъ будетъ собираться и раздумывать до тѣхъ поръ, пока французскія войска скроются у него изъ виду. И Наполеонъ

[1]) Плото, der Krieg in Deutschland und Frankreich III томъ, стр. 332.

не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Французы производили свои маневры на глазахъ союзнаго полководца. Съ высоты, на которой стоялъ князь Шварценбергъ со всѣмъ своимъ штабомъ, все было видно какъ на ладони. Отсюда можно было наблюдать, какъ быстро измѣнился боевой порядокъ французской арміи, какъ двинулись поспѣшно назадъ къ Арсису сначала массы пѣхоты, а затѣмъ и кавалерія. Отрядъ за отрядомъ переходили французы черезъ Обскій мостъ и взбирались затѣмъ на противоположную, береговую возвышенность [1]). Все совершалось въ стройномъ порядкѣ какъ на учебномъ полѣ; все обнаруживало полнѣйшее пренебреженіе къ непріятелю. Шварценбергъ не рѣшился распорядиться своею властью. Онъ созвалъ на совѣщаніе начальниковъ отдѣльныхъ частей, хотя совѣщаться было въ сущности не о чемъ, а каждая напрасно потерянная минута была невознаградима. Совѣщаніе было, впрочемъ, очень коротко и рѣшено было немедленно атаковать тремя колоннами отступающаго непріятеля. Прошло, однако-же, цѣлыхъ три часа, пока войска двинулись, наконецъ, впередъ, да и тутъ послѣдовала новая задержка. Съ высотъ, на которыхъ находился фельдмаршалъ, было замѣчено, что французскія колонны, перейдя черезъ Обу, повернули направо и двинулись по направленію къ Шалону, или быть можетъ Витри. Новыя опасенія пробуждались въ головѣ фельдмаршала. Непріятель направляется

---

[1]) Плото говоритъ по поводу этого отступленія Наполеона: „движеніе это казалось союзному войску обыкновеннымъ отступленіемъ непріятеля, Наполеонъ считалъ его рѣшительною стратегическою операціею; но Провидѣніе рѣшило въ эту минуту и этимъ движеніемъ судьбу міра; имъ было разрушено владычество тирана“. Чтобы понять эти слова, надо имѣть въ виду, что отступленіемъ при Арсисѣ начались тѣ маневры Наполеона, которые подали союзникамъ возможность идти безпрепятственно на Парижъ и, взятіемъ столицы Франціи, положить конецъ войнѣ, опустошавшей міръ въ теченіи цѣлой четверти вѣка: приведенное мѣсто важно для насъ и въ другомъ отношеніи. Оно показываетъ какія мысли возбуждались въ тогдашнихъ людяхъ при созерцаніи чудныхъ событій той эпохи, и какъ сознаніе руководительства высшей Божественной силы само собою проникало въ умы и согрѣвало сердца. Съ этой точки зрѣнія и императоръ Александръ не представляетъ что либо исключительное; онъ былъ лишь полнымъ и сознательнымъ представителемъ того, что смутно чувствовалось и сознавалось другими. Плото, Т. Ш, стр. 333.

очевидно на Бріеннь и Баръ, онъ идетъ въ обходъ праваго фланга союзниковъ, онъ угрожаетъ сообщеніямъ съ Рейномъ. Эта тревожная мысль вызвала новыя совѣщанія и новыя распоряженія. Нѣсколько союзныхъ корпусовъ получили приказъ перейти на правый берегъ Обы и занять позиціи между Донеманомъ и Доммартеномъ [1]). Только войска, находившіяся подъ начальствомъ кронпринца виртембергскаго, двинуты были прямо на Арсисъ. Союзники не могли уже настигнуть главныхъ массъ непріятеля. Передъ самымъ Арсисомъ они встрѣтили нѣсколько полковъ французской кавалеріи. Осыпанные картечью изъ восьмидесяти орудій, непріятельскіе всадники бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ. За то три бригады французской пѣхоты, оставленныя Наполеономъ въ Арсисѣ съ приказаніемъ защищать городъ до ночи, оказали упорное, отчаянное сопротивленіе. Тщетно штурмовали войска кронпринца нѣсколько разъ городъ; только вечеромъ удалось, наконецъ, двумъ австрійскимъ баталіонамъ взять замокъ, находившійся вблизи моста. Опасаясь быть отрѣзанными, французы перешли черезъ мостъ и успѣли разрушить его въ глазахъ союзниковъ. Укрѣпившись на противоположномъ берегу, они продолжали безпокоить оттуда союзниковъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Французскія гранаты сыпались на Арсисъ; городъ, зажженный ими, пылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пальба прекратилась только съ наступленіемъ полной темноты. Подъ покровомъ ночи остатки французскихъ бригадъ отступили спокойно по дорогѣ къ Витри.

Сраженіе при Арсисѣ стоило Наполеону 4500 солдатъ и нѣсколькихъ орудій. Потеря чувствительная, особенно, если принять во вниманіе, какими ограниченными силами располагалъ въ это время императоръ, какъ дорогъ былъ для него каждый баталіонъ, особенно старыхъ войскъ. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ имѣлъ полное право благодарить свою счастливую звѣзду. Еще разъ счастіе спасло его отъ неизбѣжной гибели; еще разъ бездѣйствіе и ослѣпленіе противника дали ему

[1]) Бернгарди т. IV, 2 полов. стр. 290.

возможность поправить собственныя ошибки и ускользнуть изъ западни, въ которую попалъ онъ, благодаря своей крайней самонадѣянности. Къ несчастію для властелина Франціи, онъ не сумѣлъ извлечь надлежащей морали изъ этого эпизода. Его самоувѣренность не была поколеблена нимало; а его презрѣніе къ противнику возросло еще болѣе. Онъ началъ относиться еще легче, нежели прежде къ своимъ ошибкамъ, въ твердой увѣренности, что непріятель всегда загладитъ ихъ еще большими промахами съ своей стороны.

Наполеонъ не придавалъ въ сущности никакого значенія своей неудачѣ подъ Арсисомъ. Именно въ этотъ моментъ онъ приступилъ къ исполненію самаго рискованнаго предпріятія своей жизни. Онъ рѣшился обойти правый флангъ большой союзной арміи, зайти ей въ тылъ, отрѣзать ея сообщенія съ Германіею, усилить свою армію гарнизонами лотарингскихъ крѣпостей и тѣмъ заставить союзниковъ очистить предѣлы Франціи. Для этого предпріятія Наполеонъ рѣшился собрать всѣ свои боевыя силы. Онъ не только призвалъ къ себѣ войска Макдональда и Удино, но и отдалъ также приказъ Мармону и Мортье спѣшить на соединеніе съ нимъ. При этомъ онъ не высказывалъ ни малѣйшаго опасенія за Парижъ. Вслѣдствіе его собственныхъ распоряженій, всѣ дороги къ столицѣ Франціи открыты были союзникамъ, но Наполеонъ былъ глубоко убѣжденъ, что его непріятели никогда не посмѣютъ воспользоваться этими путями, что они потянутся вслѣдъ за нимъ и будутъ вынуждены покинуть Францію, единственно благодаря его маневрамъ.

Разсчетъ Наполеона не былъ такъ страненъ и безразсуденъ, какъ можетъ онъ показаться на первый взглядъ. Онъ основывался на довольно точномъ и вѣрномъ знаніи обстоятельствъ и характеровъ лицъ, стоявшихъ во главѣ союзной арміи. Уже позже, когда все было кончено и потеряно безвозвратно, на пути въ изгнаніе, Наполеонъ замѣтилъ на вопросъ австрійскаго генерала Коллера, что побудило его предпринять движеніе въ тылъ союзникамъ: „я пошелъ на Сентъ-Дизье лишь потому, что хорошо зналъ изъ двадцатилѣтняго опыта, въ какое великое смущеніе впадали вы

каждый разъ, если я только посылалъ на ваши сообщенія нѣсколько гусаръ“ [1]). Наполеонъ полагалъ, что смятеніе и страхъ въ главной квартирѣ союзниковъ достигнутъ до крайнихъ предѣловъ, когда тамъ сдѣлается извѣстнымъ, что на сообщеніяхъ ихъ съ Рейномъ стоитъ стотысячная армія подъ его личнымъ предводительствомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что подъ вліяніемъ этого страха Шварценбергъ попытается прежде всего обогнать его параллельнымъ, фланговымъ маршомъ и предупредить его во что-бы ни стало на берегахъ Рейна. Онъ допускалъ и другую возможность: Шварценбергъ могъ двинуться вслѣдъ за нимъ и искать съ нимъ сраженія, но онъ не допускалъ возможности, чтобы союзный главнокомандующій могъ пренебречь имъ, Наполеономъ, что, оставляя его въ тылу у себя, онъ отважится идти на столицу Франціи. „Но допустимъ на одинъ моментъ“, разсуждалъ далѣе Наполеонъ, „что Шварценбергъ остановился-бы на мысли идти къ Парижу, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ-бы былъ заручиться согласіемъ государей и главнымъ образомъ императора Франца, а на все это потребовалось-бы такъ много времени, что я могъ-бы достигнуть въ тылу союзниковъ самыхъ важныхъ результатовъ и собрать такія силы, въ виду которыхъ они никогда-бы не отважились забыть хотя на минуту о моемъ существованіи“.

Движеніе Наполеона на Марну произвело на первыхъ порахъ большой переполохъ и породило немало недоумѣній. Хотя союзники располагали массою превосходныхъ легкихъ войскъ, хотя въ ихъ распоряженіи были такіе искусные и отважные партизаны, какъ Сеславинъ и Теттенборнъ, однако-же, въ главной квартирѣ долгое время не имѣли точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о направленіи, взятомъ Наполеономъ. По однимъ свѣдѣніямъ, оказывалось, что Наполеонъ направляется къ Шалону на Марнѣ, тогда какъ изъ другихъ выходило, что онъ идетъ на Витри и Сентъ-Дизье. Шварценбергъ склонялся болѣе въ пользу перваго предположенія, такъ какъ оно

[1]) Свидѣтельство Коллера мы находимъ впервые у Михайловскаго-Данилевскаго.

основывалось на донесеніи генерала Вреде, находившагося съ своимъ корпусомъ ближе другихъ къ непріятелю и написалъ даже диспозицію, по которой вся армія должна была направляться къ Шалону, когда утромъ 22 марта получено было донесеніе отъ партизана Теттенборна, бросавшее совершенно иной свѣтъ на положеніе дѣлъ. Теттенборнъ доносилъ, что ему удалось захватить въ тылу непріятельской арміи Шалонь, что Реймсъ занятъ корпусомъ Винцингероде и что вслѣдъ за Винцингероде идетъ вся силезская армія. У Шварценберга и его совѣтниковъ какъ-бы гора свалилась съ плечъ. Они расчитывали, что Блюхеръ долженъ занять Шалонь въ теченіи 22 марта и полагали, что Наполеонъ, имѣя такимъ образомъ въ собственномъ тылу стотысячную силезскую армію, не рѣшится продолжать свое движеніе на сообщенія главной арміи; что, по всей вѣроятности, онъ приметъ теперь чисто оборонительное положеніе и сосредоточитъ свои войска между Обою и Марною. Соотвѣтственно этому Шварценбергъ считалъ съ своей стороны необходимымъ сблизиться какъ можно скорѣе съ силезскою арміею. Немедленно составлена была новая диспозиція, направлявшая корпуса главной арміи къ Витри и его окрестностямъ. Но и эту диспозицію постигла такая-же участь, какъ и предшествующую. Едва только была она написана и разослана по войскамъ, какъ пришли съ разныхъ сторонъ противорѣчивыя извѣстія, окончательно сбившія съ толку Шварценберга. Не въ одной только главной квартирѣ союзниковъ, но и во всѣхъ ихъ отдѣльныхъ корпусахъ творились въ этотъ моментъ какія-то непостижимыя вещи. Одни генералы постоянно увѣдомляли, что Наполеонъ идетъ по дорогѣ къ Витри, тогда какъ другіе упорно доносили, что непріятель движется на Шалонь; и всѣ эти увѣдомленія и донесенія составлялись и посылались въ то самое время, когда непріятельскія силы, двигаясь мимо Витри на Сентъ-Дизье, проходили, такъ сказать, подъ самымъ носомъ у союзниковъ. Съ своей стороны, князь Шварценбергъ, получая то и дѣло извѣстія совершенно противоположныя одно другому, прибѣгъ, наконецъ, къ уловкѣ, вполнѣ достойной муд-

рости мудрѣйшихъ изъ членовъ гофкригсрата. Онъ приказалъ составить три различныя диспозиціи, изъ которыхъ одна была построена на предположеніи, что непріятель идетъ къ Шалону, другая основывалась на предполагаемомъ движеніи противника къ Витри и Сентъ-Дизье, тогда какъ третья обусловливалась направленіемъ Наполеона на Монмираль. Всѣ три диспозиціи предписывали, разумѣется, совершенно различныя движенія и маневры, всѣ три были разосланы по войскамъ, и, что всего характернѣе, рѣшеніе, какая изъ нихъ должна быть исполнена, было предоставлено генералу Вреде, какъ ближайшему къ непріятелю [1]).

Между тѣмъ Наполеонъ давно уже миновалъ съ своими главными силами Витри и приближался къ Сентъ-Дизье. Макдональдъ слѣдовалъ съ своимъ корпусомъ непосредственно за императоромъ. Французы проходили совершенно безнаказанно въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ союзныхъ массъ. Только одинъ артиллерійскій паркъ, состоявшій изъ 27 пушекъ, случайно отставшій отъ Макдональда и слѣдовавшій безъ всякаго прикрытія, былъ захваченъ у Соммепюи гвардейскою кавалеріею Ожаровскаго. Этотъ случай, самъ по себѣ не важный, долженъ былъ, повидимому, открыть, наконецъ, глаза Шварценбергу и его штабу на счетъ настоящаго направленія непріятеля. И дѣйствительно, фельдмаршалъ не сомнѣвался уже теперь болѣе, онъ долженъ былъ убѣдиться, что Наполеонъ идетъ не на Шалонъ, а на Сентъ-Дизье, но результатомъ этого убѣжденія были лишь новыя совѣщанія и новая диспозиція, имѣвшая въ виду сосредоточить всю армію близъ Витри. Диспозиціи писались и перемѣнялись, однако-же, въ послѣднее время такъ часто, что начальники отдѣльныхъ частей давно уже перестали заботиться объ ихъ исполненіи и руководились при всѣхъ передвиженіяхъ лишь собственными соображеніями. Такъ случилось и теперь. Никто не думалъ слѣдовать указаніямъ, полученнымъ изъ главной квартиры и вечеромъ 23 марта корпуса главной арміи очутились въ такихъ пунк-

[1]) Подробности объ этихъ, почти невѣроятныхъ фактахъ, см. у Бернгарди т. IV, 2-я пол. стр. 295—300.

тахъ, о которыхъ не упоминалось ни въ послѣдней, ни въ предшествующихъ диспозиціяхъ Шварценберга. Казалось, что какая-то невидимая сила управляла событіями и влекла вождей и ихъ воиновъ именно въ тѣ пункты, куда должны они были прибыть, дабы совершилось, наконецъ, то, что рѣшено было свыше. Шварценбергъ хотѣлъ стянуть всѣ войска въ окрестностяхъ Витри, но вопреки его предписаніямъ, отряды, бывшіе подъ начальствомъ Вреде, кронпринца виртембергскаго, Раевскаго и Гіулая, продвинулись по направленію къ Кордеманжу, Соммепюи и Мальи. Совершенно неожиданно столкнулись они тутъ повсемѣстно съ передовыми войсками Блюхера. Соммепюи и Витри были уже заняты массами конницы силезской арміи; вслѣдъ за нею въ небольшомъ разстояніи шли главныя силы Блюхера. Обѣ союзныя арміи соединились, такимъ образомъ, внезапно и притомъ гораздо ранѣе, нежели разсчитывали и надѣялись ихъ вожди.

Бездѣйствіе силезской арміи, наступившее послѣ лаонскаго сраженія, окончилось съ того момента, когда старый Блюхеръ почувствовалъ облегченіе отъ своего тяжкаго недуга. Правда фельдмаршалъ былъ все еще очень слабъ и не въ состояніи былъ сѣсть на коня, но прежняя бодрость духа вернулась къ нему вновь; онъ могъ показаться передъ войсками, онъ могъ распоряжаться, онъ могъ двигаться вмѣстѣ съ арміею, сидя въ своей коляскѣ [1]). Убѣдившись, что Наполеонъ совершенно оставилъ въ покоѣ силезскую армію и двинулся противъ Шварценберга, Блюхеръ рѣшился идти вслѣдъ за непріятелемъ и ударить ему въ тылъ и во флангъ. 18 марта двинулись впередъ отряды силезской арміи и уже вечеромъ того-же дня войска Іорка и Клейста достигли Бери-о-бака, между тѣмъ какъ корпуса Сакена, Ланжерона и Воронцова дошли до окрестностей Корбени. Что же касается до Бюлова, то онъ былъ отряженъ въ сторону для занятія Суассона и Компьени.

19 марта войска Блюхера обошли маршала Мармона у

---

[1]) Блюхеръ страдалъ еще въ это время сильно глазами и для защиты отъ солнца придумалъ носить дамскую шляпу съ широкими полями, обшитую шелковою зеленою матеріею. C. Blasendorf. Blücher, стр. 284.

Бери-о-бака и принудили его отступить поспѣшно къ Фиму, гдѣ онъ соединился съ отрядомъ маршала Мортье. Въ тотъже день Винцингероде подступилъ къ Реймсу и послѣ незначительной схватки съ непріятелемъ занялъ этотъ городъ [1]). Между тѣмъ Мармонъ получилъ въ Фимѣ приказаніе Наполеона спѣшить на соединеніе съ нимъ, но такъ какъ прямыя дороги на Реймсъ и Эперне были уже заняты союзниками, то Мармонъ и бывшій съ нимъ Мортье рѣшились идти обходнымъ путемъ на Шато-Тьери. Не встрѣчая въ этомъ направленіи непріятеля, они благополучно достигли утромъ 23 числа Вертю и Бержера, но отсюда было еще далеко до соединенія съ Наполеономъ. Съ своей стороны, колонны силезской арміи, подвигаясь непрерывно впередъ, достигли въ теченіи этого-же дня своими передовыми отрядами Ульши и Шато-Тьери, тогда какъ Винцингероде дошелъ своею конницею до Эперне, Воронцовъ до Реймса, а Ланжеронъ и Сакенъ до Фима и Бреня.

Направленіе, взятое Мармономъ, навело Блюхера на мысль, что Наполеонъ хочетъ соединить всю свою армію на Обѣ и нанести рѣшительный ударъ Шварценбергу. Исходя отъ такой мысли, фельдмаршалъ рѣшилъ съ своей стороны поспѣшить также на Обу и ударить всѣми силами въ тылъ французскому императору. Съ этой цѣлью онъ предполагалъ направить три своихъ русскихъ корпуса черезъ Шалонъ и Эперне на Арсисъ, а войска Іорка и Клейста двинулись черезъ Шато-Тьери и Монмираль по пятамъ Мармона [2]). Уже сдѣланы были всѣ распоряженія въ этомъ смыслѣ, когда казаки Теттенборна доставили въ главную квартиру пойманнаго ими на дорогѣ французскаго курьера. Курьеръ везъ собственноручное письмо Наполеона къ императрицѣ Маріи-Луизѣ, разоблачавшее всѣ намѣренія и планы непріятельскаго вождя.

Наполеонъ увѣдомлялъ прежде всего свою супругу о сраженіи при Арсисѣ, при чемъ, по обыкновенію, извращалъ

---

[1]) Подробности взятія Реймса см. въ запискахъ Лифляндца, т. II, стр. 224 и слѣдующія.

[2]) См. Бернгарди, т. IV, 2 пол. стр. 301.

факты, приписывалъ побѣду себѣ и говорилъ о четырехъ орудіяхъ, взятыхъ имъ у непріятеля, тогда какъ въ дѣйствительности орудія эти отбиты были у него союзниками. Далѣе Наполеонъ сообщалъ, что 21 числа армія Шварценберга стала въ боевой порядокъ, чтобы прикрыть свое отступленіе къ Бріенни и Баръ-на Обѣ. „Я-же рѣшился идти на Марну, дабы отбросить ихъ подальше отъ Парижа и приблизиться къ моимъ крѣпостямъ. Сегодня вечеромъ я буду въ С. Дизье“ [1]).

Великая загадка была раскрыта. Найденъ былъ ключъ, разъяснявшій всѣ непонятные доселѣ маневры непріятеля! Блюхеръ приказалъ снять копію съ императорскаго посланія, а оригиналъ препроводилъ черезъ парламентера въ Парижъ. Въ собственноручной припискѣ онъ увѣдомлялъ Марію Луизу, что готовъ и впредь препровождать ей аккуратно письма ея супруга, отрѣзаннаго теперь отъ нея союзными арміями [2]). Но спрашивается какое-же впечатлѣніе произвело письмо Наполеона и какія мѣры вызвало разоблаченіе его намѣреній съ одной стороны въ главной квартирѣ силезской арміи, а съ другой—въ большой союзной арміи, куда немедленно была отправлена копія письма. Какъ и слѣдовало ожидать, впечатлѣніе и рѣшенія были здѣсь и тамъ совершенно различны.

Блюхеръ не колебался ни минуты въ своихъ намѣреніяхъ.

---

[1]) Провидѣніе осудило Наполеона на гибель. Изъ записокъ Савари мы узнаемъ, что императоръ очень часто присылалъ письма своей супругѣ во время этого похода, но писалъ ихъ всегда не иначе, какъ шифромъ. Только, этотъ единственный разъ, по торопливости-ли или по забывчивости, онъ отступилъ отъ строго принятаго имъ правила и написалъ письмо простымъ шрифтомъ. Сама Марія Луиза сказала по этому поводу: „Императоръ писалъ мнѣ всегда шифромъ, и всѣ его шифрованныя письма доходили благополучно; только это письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ о своемъ планѣ, не было шифровано, и именно оно попало въ руки непріятеля. Это что-то фатальное, крайне тревожащее меня!“ Текстъ письма не помѣщенъ въ Correspondance; по словамъ Савари, оно оканчивалось такою фразою: „Этотъ маневръ или спасетъ, или погубитъ меня“. Memoires de duc de Rowigo, т. VI, стр. 374—377.

[2]) Блюхеръ, какъ настоящій кавалеръ, писалъ, между прочимъ, императрицѣ слѣдующее. „Il lui exprimait commbien il s'estimait heureux que cette circonstance lui eut fourni l'occasion de metlre à ses pieds l'hommage de son profond respect etc. См. Memoires du duc de Rowigo. T. VI, стр. 375.

Онъ понялъ, что маневръ Наполеона былъ дѣломъ отчаянія, что непріятель находится при послѣднемъ издыханіи, что теперь наступилъ моментъ нанести ему смертельный ударъ. Не теряя ни минуты времени, Блюхеръ рѣшилъ идти по пятамъ непріятеля и принудить его къ рѣшительному бою. Исходъ этого боя не могъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Блюхеръ имѣлъ уже свѣдѣнія, что его передовыя войска сошлись съ войсками главной арміи, а съ другой стороны онъ имѣлъ полное право предполагать, что Мармонъ и Мортье не успѣютъ уже соединиться съ главными силами непріятеля, такъ какъ между ними и Наполеономъ находились теперь обѣ союзныя арміи [1]).

И такъ, императоръ французовъ, уступавшій и безъ того уже въ численности своимъ врагамъ, не могъ располагать теперь всѣми своими наличными силами, тогда какъ союзники могли сосредоточить всѣ свои подавляющія массы. Таковъ былъ неожиданный результатъ послѣднихъ геніальныхъ маневровъ Наполеона, колебаній и медленности союзныхъ вождей. Результатъ по-истинѣ изумительный, странный и непонятный, если онъ былъ только дѣломъ одного случая, если въ немъ не сказалось еще разъ руководительство Высшей Божественной мудрости!

Письмо Наполеона подѣйствовало на главную квартиру большой союзной арміи какъ внезапный, громовой ударъ. И такъ, совершилось и совершилось безповоротно то, предъ чѣмъ трепетали такъ съ самаго начала кампаніи Шварценбергъ и его ученые стратеги. Наполеонъ стоялъ со всею своею арміею на сообщеніяхъ союзниковъ. Онъ занималъ пути къ Вогезамъ и Рейну, онъ отрѣзывалъ союзниковъ отъ лангрскаго плато, этого вѣрнаго убѣжища во всѣхъ бѣдахъ. Что можно было предпринять противъ такого страшнаго несчастія? Отвѣтъ на это долженъ былъ дать военный совѣтъ, поспѣшно созванный въ три часа ночи въ Пужи, въ квартирѣ императора Александра.

Настроеніе собравшихся было самое тревожное. Да это и

---

[1]) О рѣшеніяхъ Блюхера см. Бернгарди, т. IV, 2 пол. стр. 304.

неудивительно! За исключеніемъ императора Александра и короля прусскаго, на совѣтѣ присутствовали почти что одни австрійскіе генералы. Шварценбергъ и его совѣтники задавали тонъ и нѣкому было противорѣчить имъ. Не было ни Барклая, ни Толля, ни Дибича, ни Кнезебека, ни одного изъ тѣхъ лицъ, которые могли посмотрѣть на положеніе дѣлъ съ своей точки зрѣнія. Шварценбергъ началъ совѣщаніе указаніемъ на въ высшей степени опасное значеніе маневра Наполеона. Положеніе союзниковъ было теперь, по его мнѣнію, крайне затруднительное, почти критическое. Прежде всего, говорилъ онъ, слѣдуетъ попытаться возстановить потерянныя сообщенія, а для этого необходимо двинуться форсированными маршами по параллельной линіи съ непріятелемъ на Вандеврь, Баръ на Сенѣ и Шатильонъ. Но возникаетъ вопросъ, добавилъ Шварценбергъ, есть-ли какая нибудь надежда на успѣхъ подобнаго маневра и можно-ли еще обогнать непріятеля? Задавая подобный вопросъ, фельдмаршалъ напередъ былъ убѣжденъ, что отвѣтъ на него можетъ быть лишь отрицательный; тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ на его серьезномъ разсмотрѣніи и военный совѣтъ послѣдовалъ его приглашенію. Начали взвѣшивать всѣ шансы и возможности, считать и измѣрять переходы; но чѣмъ больше взвѣшивали и соображали, считали и мѣряли, тѣмъ несомнѣннѣе становилось, что нѣтъ уже ни малѣйшей возможности обогнать непріятеля, что достигнуть береговъ Рейна можно лишь съ величайшими жертвами и потерями, что по пути прійдется бороться не съ однимъ непріятелемъ, а и съ озлобленнымъ населеніемъ, что арміи грозитъ при этомъ полнѣйшая деморализація. Волею или неволею, приходилось отказаться отъ этого плана и остановиться на другой мысли. Надлежало двинуться вслѣдъ за непріятелемъ, оперировать въ тылу его и флангѣ и принудить его къ рѣшительному сраженію. Правда, подобный планъ дѣйствій казался Шварценбергу и его совѣтникамъ въ высшей степени рискованнымъ и опаснымъ; правда, они не ожидали отъ него никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій, но дѣлать было нечего, не оставалось никакого иного исхода; только этимъ

отчаяннымъ средствомъ можно было разсчитывать возстановить потерянныя сообщенія [1]).

Рѣшено было приступить къ исполненію „отважнаго маневра“ съ наивозможною быстротою. Предполагалось двинуть армію на Шалонь, попытаться взять силою этотъ городъ, или-же, если это окажется невозможнымъ, переправиться черезъ Марну въ другомъ мѣстѣ. Приняты были въ тоже время всѣ мѣры къ спасенію обозовъ, двигавшихся по прежней линіи сообщенія, а императору Францу посланъ былъ благоразумный совѣтъ уѣхать, какъ можно скорѣе, подальше на югъ, въ безопасный Дижонъ. Принимая всѣ эти мѣры, Шварценбергъ очевидно дѣйствовалъ второпяхъ, подъ вліяніемъ страха, не принимая во вниманіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Движеніе на Шалонъ было во всѣхъ отношеніяхъ большою ошибкою. Оно должно было удалить главную армію союзниковъ на цѣлый большой переходъ отъ непріятеля, оно находилось, слѣдовательно, въ прямомъ противорѣчіи съ основною идеею плана. Къ тому-же Шварценбергъ долженъ былъ, повидимому, знать, что Шалонъ или уже занятъ силезскою арміею, или-же будетъ занятъ ею въ самомъ непродолжительномъ времени.

Къ счастью, для союзниковъ, диспозицію князя Шварценберга постигла такая-же участь, какъ и всѣ предшествующія его распоряженія. По странному стеченію обстоятельствъ, ни одинъ изъ начальниковъ отрядовъ не счелъ нужнымъ исполнить настоятельное предписаніе фельдмаршала. Настало утро 24 марта, а войска оставались на прежнихъ мѣ-

---

[1]) Шварценбергъ увѣдомилъ о рѣшеніяхъ военнаго совѣта особымъ письмомъ императора Франца. Взглядъ князя на положеніе дѣлъ высказывается въ этомъ письмѣ самымъ опредѣленнымъ образомъ. Маневръ Наполеона кажется ему въ высшей степени смѣлымъ, а собственное положеніе крайне затруднительнымъ и опаснымъ. Всѣ преимущества на сторонѣ непріятеля; на его сторонѣ лишь одно, превосходство числа. Шварценбергъ намѣренъ дать сраженіе, но лишь потому, что нѣтъ иного исхода. Его утѣшаетъ лишь одно обстоятельство. Оба союзные государи, находящіеся въ его главной квартирѣ, вполнѣ раздѣляютъ его мнѣніе, они одобряютъ его рискованное намѣреніе, какъ единственно возможное. См. анализъ письма Шварценберга у Бернгарди, т. IV, 2 половина, стр. 307—308.

стахъ, ночное движеніе къ Шалону не было даже начато [1]). Между тѣмъ отовсюду приходили самыя важныя и неожиданныя извѣстія. Въ Дампьерѣ, куда перенесена была главная квартира, сдѣлалось, наконецъ, извѣстнымъ, что силезская армія не только заняла Шалонъ, но и соединилась съ главною арміею. Отъ Ожаровскаго, перехватившаго непріятельскаго курьера, получено было извѣстіе, что Веллингтонъ подвигается побѣдоносно впередъ на югѣ Франціи, и что войска его заняли уже Бордо. Но самыя важныя вѣсти пришли отъ Теттенборна. Этотъ смѣлый партизанъ успѣлъ перехватить трехъ непріятельскихъ курьеровъ, направлявшихся изъ Парижа къ Наполеону и препроводилъ теперь всю корреспонденцію, найденную при нихъ, въ главную квартиру. Корреспонденція была самого разнообразнаго и въ высшей степени важнаго свойства. Тутъ были письма брата Наполеонова, Іосифа Бонапарте, министра полиціи, Савари, многихъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ, тутъ были и частныя письма къ генераламъ и офицерамъ французской арміи. Всѣ письма какъ оффиціальныя, такъ и частныя, рисовали положеніе дѣлъ въ Парижѣ и всей Франціи въ самомъ безотрадномъ, отчаянномъ видѣ, они бросали также самый невыгодный свѣтъ на состояніе и настроеніе французской арміи. Повсюду господствовали полнѣйшая дезорганизація, страшный безпорядокъ, глубокій упадокъ духа. Средства непріятеля были совершенно истощены; его кассы, цейхгаузы и арсеналы были пусты. Не хватало предметовъ для обмундированія войскъ, истощились запасы пороха и оружія. Все вопило о мирѣ, все требовало прекращенія войны. Негодованіе и ропотъ на тяжелый гнетъ императорскаго правленія распространились по всей странѣ. Броженіе умовъ въ Парижѣ достигло высшей степени. Партія, враждебная правительству, агитировала самымъ сильнѣйшимъ образомъ. Сторонники Бурбоновъ и старые якобинцы не скрывали своей радости по поводу близкаго и неизбѣжнаго паденія императора. Савари въ письмѣ своемъ къ Наполеону прямо заяв-

[1]) По мнѣнію Бернгарди, диспозиція не была исполнена, вѣроятно, потому, что получена была по войскамъ слишкомъ поздно. Бернгарди, т. IV, 2 пол. стр. 309.

лялъ, что онъ не ручается за сохраненіе порядка въ Парижѣ, если только театръ военныхъ дѣйствій не будетъ перенесенъ какъ можно дальше отъ столицы [1]).

Велико и радостно было впечатлѣніе, произведенное въ главной квартирѣ союзниковъ всѣми этими новостями. Даже на Шварценберга онѣ произвели возбуждающее, ободряющее дѣйствіе. Онъ отказался теперь отъ безполезнаго и безцѣльнаго движенія къ Шалону. Составлена была новая диспозиція, совершенно измѣнявшая направленіе арміи. Всѣмъ корпусамъ предписано было немедленно переправиться черезъ Марну и идти на Витри въ тылъ Наполеону. Винцингероде съ своею многочисленною кавалеріею получилъ приказаніе двинуться между Марною и Обою, вверхъ по теченію этихъ рѣкъ и направиться, смотря по обстоятельствамъ, или на Витри, или на Сентъ-Дизье. Приняты были мѣры, чтобы диспозиція была исполнена на этотъ разъ въ точности и безотлагательно. Самъ фельдмаршалъ поспѣшилъ къ войскамъ, дабы лично руководить движеніями. Король прусскій отправился также на передовыя позиціи.

Императоръ Александръ не послѣдовалъ за ними. Онъ остался на своей квартирѣ, въ Соммепюи, погруженный въ глубокія, тяжелыя размышленія. Событія послѣднихъ дней, эти вѣчныя колебанія, эти постоянныя перемѣны, эти неожиданные переходы отъ тревогъ и опасеній къ новымъ обманчивымъ надеждамъ, окончательно разстроили нервы императора. Онъ сдѣлался раздражительнымъ, вспыльчивымъ, нетерпѣливымъ. Малѣйшее противорѣчіе выводили его изъ себя. Его приближенные жаловались, что онъ сталъ неузнаваемъ, что они дрожатъ ежеминутно отъ его гнѣва, что имъ приходится жить „какъ на каторгѣ“ [2]). Императоръ былъ крайне недоволенъ всѣмъ ходомъ дѣлъ, но онъ сознавалъ въ тоже время свое собственное безсиліе помочь этому горю. Въ его головѣ являлись то и дѣло новыя, смѣлыя комбинаціи, но онъ не отваживался навязывать ихъ другимъ; а тѣмъ болѣе настаи-

---

[1]) См. Бернгарди, т. IV, 2 полов. стр. 310.

[2]) Такъ выражался, между прочимъ, князь Волконскій въ своемъ письмѣ къ К. Ф. Толлю. См. Бернгарди, т. IV, 2 полов. стр. 247.

вать на ихъ исполненіи. На всѣхъ послѣднихъ совѣщаніяхъ онъ велъ себя сдержанно и пассивно. Онъ не высказывалъ своего мнѣнія, онъ не протестовалъ противъ рѣшенія большинства, но онъ сознавалъ въ тоже время ясно, что все это было не то, чего требовали обстоятельства и настоятельная необходимость. Такъ было и на послѣднихъ совѣщаніяхъ въ Пужи, Дампьерѣ и Соммепюи. Императоръ впадалъ послѣ всѣхъ этихъ совѣщаній въ глубокое раздумье. Оставленный наединѣ съ своими мыслями, онъ яснѣе и отчетливѣе понималъ положеніе дѣлъ и приходилъ нерѣдко къ выводамъ, діаметрально противорѣчившимъ постановленіямъ военнаго совѣта. Рѣшеніе, постановленное въ Соммепюи, идти по пятамъ Наполеона и принудить его къ битвѣ, казалось Шварценбергу верхомъ героической рѣшимости; Александръ смотрѣлъ какъ на исходъ, представлявшійся въ данный моментъ единственно возможнымъ, но въ концѣ-концовъ невѣрный и сомнительный. Кто могъ поручиться, что Наполеонъ не сумѣетъ побѣдить своихъ противниковъ смѣлыми и геніальными маневрами; кто могъ сомнѣваться, что онъ избѣгнетъ во всякомъ случаѣ грозящаго ему удара и достигнетъ въ то-же время своей главной цѣли, отвлечетъ союзниковъ отъ Парижа, заставитъ ихъ перенести войну на границы Франціи. Такъ разсуждалъ Александръ и вдругъ внезапная, свѣтлая мысль озарила его подобно молніи. Необходимо оставить безъ вниманія Наполеона и идти всѣми силами на Парижъ. Слѣдуетъ воспользоваться великою ошибкою Наполеона и не позволить ему пренебрегать союзниками безнаказанно. Парижъ не въ состояніи продержаться и дня противъ подавляющихъ силъ союзниковъ; онъ долженъ пасть черезъ нѣсколько часовъ послѣ ихъ появленія на высотахъ Монмартра. А съ паденіемъ Парижа должно рушиться и господство Наполеона, должна прекратиться самая война, завершиться кругъ тѣхъ ужасныхъ, потрясающихъ событій, которыя покрывали въ теченіи цѣлой четверти вѣка весь цивилизованный міръ развалинами и кровью [1]).

[1]) Кому принадлежитъ мысль идти на Парижъ, пославъ вслѣдъ за Наполеономъ лишь небольшой отрядъ,—вотъ вопросъ, который и по сію пору остается

Александръ остановился на столь внезапно представившейся ему мысли, онъ обдумывалъ и, взвѣшивая ее со всѣхъ сторонъ, припомнилъ, что въ сущности эта мысль была вовсе не нова, что на ней настаивали съ самаго начала кампаніи лучшіе вожди союзной арміи, такія лица, какъ: Толль, Дибичъ, Блюхеръ, Гнейзенау. Но чѣмъ болѣе убѣждался императоръ въ справедливости этой мысли, тѣмъ сильнѣе становилась его нерѣшительность. Ему вдругъ представлялось, что въ данный моментъ эта мысль можетъ быть не вполнѣ осуществима, что она встрѣтитъ сильную оппозицію со стороны опытныхъ и осторожныхъ полководцевъ, что она вызоветъ разногласіе въ ихъ средѣ и поведетъ лишь къ новымъ колебаніямъ и остановкамъ. И императоръ не находилъ возможнымъ высказываться, а тѣмъ болѣе настаивать на своемъ мнѣніи. А между тѣмъ, минуты и часы уходили; Шварценбергъ уѣхалъ уже давно; движеніе войскъ къ Витри и Сентъ-Дизье вѣроятно уже началось. Надо было на что-

---

не вполнѣ разъясненнымъ. Два извѣстныхъ австрійскихъ писателя Ф. Прокенсъ-Остенъ и Тиленъ приписываютъ эту мысль Шварценбергу, но уже Бернгарди совершенно доказалъ всю неосновательность такого мнѣнія (См. Бернгарди, т. IV, 2-я полов. стр. 311—312). Михайловскій-Данилевскій въ своемъ сочиненіи о войнѣ 1814 г. утверждалъ, что князь Волконскій былъ первый предложившій государю идти прямо на Парижъ. Бернгарди опровергаетъ и это мнѣніе, ссылаясь на хорошо извѣстный характеръ и образъ дѣйствій князя; да и самъ Михайловскій-Данилевскій отрекся впослѣдствіи отъ своего мнѣнія и приписалъ идею движенія на Парижъ К. Ф. Толлю (См. краткія замѣтки его о Толлѣ на французскомъ языкѣ, помѣщенныя между прочимъ и въ приложеніяхъ къ 4-му тому достопамятностей Толля. Бернгарди стр. 426—429), ссылаясь при этомъ на свидѣтельство самого императора Александра. И дѣйствительно, подлинныя записки Толля, бывшія въ распоряженіи Бернгарди, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что на военномъ совѣтѣ въ Соммепюи только одинъ Толль совѣтовалъ идти на Парижъ, тогда какъ другіе генералы или молчали, какъ князь Волконскій, или предлагали совершенно иныя мѣры, какъ Барклай и Дибичъ. Но принимая во вниманіе показанія Толля, подкрѣпленныя авторитетомъ самого Александра, историкъ не въ состояніи, однако-же, объяснить одного чрезвычайно важнаго момента. Уже самая постановка вопроса императоромъ Александромъ на совѣтѣ въ Соммепюи, и то горячее сочувствіе, съ которымъ отнесся государь къ предложенію Толля, показываетъ, что мысль о движеніи на Парижъ родилась въ умѣ Александра еще до совѣта, или-же что она внушена была ему заранѣе кѣмъ-то другимъ, помимо Толля. Такъ полагаетъ и Бернгарди, но не рѣшаясь приписать этой мысли самому Александру,

нибудь рѣшиться, а между тѣмъ рѣшеніе это было такъ безконечно тяжело. И Александръ вновь почувствовалъ въ эту минуту все свое ничтожество и безсиліе предъ Тѣмъ, на Кого возлагалъ онъ всѣ свои упованія въ тяжелые моменты испытаній. Онъ вспомнилъ свою внутреннюю борьбу, свои сверхчеловѣческія страданія въ тѣ дни, когда столица его царства была въ рукахъ непріятеля; онъ вспомнилъ откуда, изъ какого источника вытекла тогда его геройская рѣшимость, изумившая весь міръ. Вѣяніе высшей силы, влившей тогда въ его душу спокойствіе, міръ и непоколебимую твердость, вновь овладѣло имъ. „Въ глубинѣ сердца его зародилось какое-то смутное и неясное чувство ожиданія, какое-то непреоборимое желаніе предать это дѣло въ волю Божію. Ему захотѣлось молиться и излить передъ Господомъ тяжкія обуреванія и колебанія его духа. Онъ поспѣшилъ въ отдѣльную комнату, гдѣ привыкъ онъ молиться

онъ теряется въ догадкахъ на счетъ ея дѣйствительнаго инициатора и замѣчаетъ, что можетъ быть имъ былъ никто иной какъ извѣстный Поццо-ди-Борго.

Въ настоящее время мы располагаемъ новымъ источникомъ для разрѣшенія этого столь важнаго вопроса. Записки Бартенева, напечатанныя въ недавнее время въ Русскомъ Архивѣ, проливаютъ совершенно новый свѣтъ на событія, предшествовавшія походу на Парижъ и убѣждаютъ насъ, что идея движенія на столицу Франціи принадлежитъ всецѣло императору Александру. Правда, записки Бартенева возбуждаютъ, на первый взглядъ, большія сомнѣнія на счетъ достовѣрности своихъ показаній. Весь разсказъ, записанный по памяти со словъ князя А. Н. Голицына, страдаетъ крайнею неточностью, онъ не указываетъ даже точно ни времени, ни мѣста совѣщанія, онъ смѣшиваетъ два совершенно отдѣльныхъ событія, совѣтъ на квартирѣ государя въ Соммепюи и совѣтъ на полѣ; но всѣ эти неточности и ошибки утратятъ въ глазахъ нашихъ всякое значеніе, если мы обратимъ вниманіе на весь характеръ и тонъ разсказа. А. Н. Голицынъ, или лучше сказать самъ императоръ Александръ уясняетъ не внѣшнія событія, а лишь происхожденіе идеи движенія на Парижъ, т. е. именно тотъ самый темный пунктъ, на которомъ остановился Бернгарди. Въ нашемъ изложеніи мы пользуемся лишь тою несомнѣнно вѣрною частью разсказа, гдѣ Александръ говоритъ о своей внутренней борьбѣ и о ея результатѣ, причемъ оказывается, что часть эта не только не противорѣчитъ свидѣтельству Толля, но и легко можетъ быть согласована съ нимъ. Въ высшей степени замѣчательно, что источникъ нашъ вполнѣ подтверждаетъ то, что сказано было о выдумкѣ Михайловскаго-Данилевскаго Бернгарди. „Модные или такъ называемые перехваленные разсказы о сихъ важныхъ происшествіяхъ часто весьма далеки бываютъ отъ истины тамъ, гдѣ хотятъ догадываться о намѣреніяхъ и причинахъ.

вдали отъ взоровъ всѣхъ; тамъ колѣна его подогнулись сами собою и онъ излилъ передъ Господомъ все свое сердце. Государю казалось, что онъ никогда еще не молился такъ искренно и сильно, никогда еще такъ сладко и обильно не обливался слезами предъ распятымъ и познаннымъ имъ Господомъ Іисусомъ, какъ въ эту критическую для него минуту. Въ сосредоточенномъ и болѣзненномъ ожиданіи духа своего, онъ обратился весь въ желаніе; онъ умолялъ, онъ просилъ, онъ требовалъ у Господа слова, слова, въ которомъ обнаружилъ-бы Онъ ему Свою святую, непререкаемую волю. И его горячая, слезная молитва не осталась неуслышанною. Къ его несказанной радости и изумленію, слово, столь горячо требуемое имъ, столь вожделѣнное для него, было ниспослано ему свыше. И вдругъ сдѣлался онъ инымъ человѣкомъ. Сладостный миръ, полное спокойствіе и опредѣленность мыслей замѣнили прежнія бурныя колебанія и сомнѣнія. Твердая рѣшимость воли, лучезарная яс-

---

Вотъ теперь появилось знаменитое описаніе кампаніи 1812 г. (?) изданное въ свѣтъ сенаторомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ; читалъ-ли ты его или нѣтъ? Если не читалъ, то вообрази, что тамъ написано между прочимъ, будто-бы рѣшимость Александра брать, или не брать Парижъ, произошла отъ сдѣланнаго ему внушенія княземъ Волконскимъ. Между тѣмъ, какъ блаженной памяти Государь самъ мнѣ лично передалъ то, что я именно теперь тебѣ пересказываю. Я не вытерплю, продолжалъ князь, чтобы при удобномъ случаѣ не передать этого Императору Николаю Павловичу, какъ о самой вопіющей, если неумышленной неправдѣ. Тѣмъ страннѣе, что Волконскій, безъ сомнѣнія, прочитавшій книгу, промолчалъ; а это со стороны его можно принять знакомъ согласія. Нѣтъ уже нашего Александра, чтобы обличить его, но я, однако-жъ, сомнѣваюсь, чтобы и отъявленное смиреніе христіаннѣйшаго государя потерпѣло усвоить Волконскому то, что внушено ему было Самимъ Господомъ и доблественнымъ сердцемъ его, умѣвшимъ выполнять съ вѣрою и вѣрностью".

Приведенный отрывокъ важенъ и въ другомъ отношеніи: онъ подтверждаетъ какъ нельзя болѣе наше общее мнѣніе о характерѣ разсказовъ Бартенева. И въ немъ можно найти неточности (напр. сочиненіе Михайловскаго-Данилевскаго названо исторіею кампаніи 1812 года); но кто-же, знакомый хотя сколько нибудь съ внутреннимъ содержаніемъ эпохи, съ характеромъ и образомъ мыслей дѣйствующихъ лицъ, станетъ сомнѣваться, что здѣсь мы имѣемъ передъ собою подлинное свидѣтельство А. Н. Голицына, быть можетъ не точное и ошибочное во внѣшнихъ подробностяхъ, но несомнѣнно истинное по всему своему внутреннему содержанію.

Отдѣлъ записокъ Бартенева, въ которомъ находится занимающее насъ свидѣтельство, помѣщенъ въ пятой книжкѣ Русскаго Архива за 1886 годъ.

ность взгляда были ниспосланы ему въ этотъ великій, спасительный моментъ“ [1]).

Александръ быстро возвратился въ пріемную залу и приказалъ пригласить къ себѣ генералъ-адъютанта князя Волконскаго, генерала отъ инфантеріи Барклая-де-Толли, генералъ-лейтенанта Дибича и генералъ маіора Толля [2]). Пробило десять часовъ утра, когда всѣ приглашенные явились на зовъ. Государь пригласилъ ихъ сѣсть, онъ развернулъ передъ ними карту и обратился къ нимъ съ такими словами: „движеніе арміи князя Шварценберга на линіи сообщенія непріятеля приводитъ насъ къ соединенію съ арміею фельдмаршала Блюхера. По соединеніи обѣихъ армій намъ представляются двѣ возможности. Во-первыхъ, мы можемъ послѣдовать за императоромъ Наполеономъ и атаковать его далеко превосходными силами, или-же, во-вторыхъ, мы можемъ маскировать нашъ маршъ и идти прямо на Парижъ. Каково будетъ ваше мнѣніе господа?“

Государь обратился съ своимъ вопросомъ прежде всего къ Барклаю. Осторожный вождь взглянулъ на карту и отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ идти со всѣми силами на Наполеона и дать ему рѣшительное сраженіе. Государь не возразилъ ни слова и посмотрѣлъ на Дибича. Дибичъ замѣтилъ, что и онъ предпочелъ-бы идти за Наполеономъ съ главными силами арміи, но что онъ совѣтовалъ-бы двинуть въ тоже время на Парижъ пятидесяти-тысячный отрядъ войска. Волконскій, за которымъ была теперь очередь высказаться, молчалъ упорно. Какъ-бы нарочно держался онъ все время въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, какъ адъютантъ, который ожидаетъ приказаній своего генерала [3]). Александръ, знавшій хорошо его обычную сдержанность и скромность, и не ожидалъ отъ него видимо, никакого отвѣта. Онъ обратился къ Толлю и спросилъ его

---

[1]) Русскій Архивъ, 1886 г. кн. 5, стр. 95—96.

[2]) Все послѣдующее о совѣщаніи совѣта изложено на основаніи записокъ Толля, буквально переведенныхъ у Бернгарди, т. IV. 2 пол. стр. 312—314.

[3]) Подлинное выраженіе Толля въ его запискахъ см. Бернгарди, т. IV, 2-я пол. стр. 314, гдѣ подчеркнутыя слова приведены на русскомъ языкѣ.

мнѣнія. Толль отвѣчалъ, что онъ не можетъ согласиться ни съ мнѣніемъ Барклая, ни съ мнѣніемъ Дибича, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ поступить какъ - разъ наоборотъ. Соединенныя арміи Шварценберга и Блюхера должны идти форсированными маршами прямо на Парижъ; вслѣдъ за Наполеономъ слѣдуетъ послать всего лишь десяти тысячный кавалерійскій отрядъ. Государь, только и ожидавшій подобнаго отзыва, съ жаромъ ухватился за него; онъ объявилъ, что мнѣніе генерала Толля есть и его собственное мнѣніе. Дибичъ попытался перевести разговоръ на политическую почву. „Если ваше величество намѣрены возстановить Бурбоновъ“, замѣтилъ онъ, „тогда дѣйствительно лучше всего идти со всѣми силами на Парижъ“. Но Александръ прервалъ его словами: „здѣсь дѣло идетъ совсѣмъ не о Бурбонахъ, а о сверженіи Наполеона“.

Рѣшительное слово было произнесено и всѣ возраженія умолкли въ виду твердо выраженной воли императора. Совѣтъ обратился къ обсужденію подробностей плана. Было вычислено, что двигаясь на Парижъ, союзники съ каждымъ переходомъ будутъ удаляться на два перехода отъ арміи Наполеона и что по взятіи столицы Франціи они будутъ имѣть достаточно времени, дабы свергнуть владычество Наполеона и принять мѣры въ томъ случаѣ, если-бы онъ попытался завоевать обратно Парижъ. Государь закрылъ совѣщаніе, онъ приказалъ подать лошадей и, сопровождаемый всѣми четырьмя генералами, поскакалъ вслѣдъ за войсками. Проѣхавъ около восьми верстъ, онъ нагналъ короля прусскаго, князя Шварценберга и всю ихъ свиту. Государь слѣзъ съ коня, подозвалъ Толля и приказалъ ему разослать на землѣ карту театра войны. Съ жаромъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ изложилъ онъ планъ движенія на Парижъ, а равно указалъ на мѣры, которыя думалъ принять для маскированія марша [1]). Король прусскій первый и съ востор-

[1]) Въ изложеніи хода совѣщанія на этомъ полевомъ совѣтѣ мы отступаемъ отъ разсказа Толля и пользуемся вновь указаніями Бартенева. Намъ кажется, что эти указанія соотвѣтствуютъ какъ нельзя болѣе характеру и образу дѣйствій князя Шварценберга, къ тому-же и лордъ Бургершъ, цитируемый Берн-

гомъ одобрилъ мысль Александра. Шварценбергъ колебался, онъ не возражалъ противъ самой идеи предпріятія, но онъ называлъ его слишкомъ смѣлымъ, почти дерзновеннымъ. „Не слѣдуетъ забывать", говорилъ онъ, „что въ тылу нашемъ находятся значительныя силы французовъ. Я не могу принять на себя отвѣтственности и боюсь за армію, ввѣренную моему предводительству". Австрійскіе генералы пытались поддержать мнѣніе своего фельдмаршала и вывели при этомъ на сцену всѣ столь хорошо извѣстные Александру доводы своей кабинетной стратегіи. Завязался горячій споръ. Толль, Дибичъ и Волконскій отстаивали противъ австрійцевъ мнѣніе своего государя. Александръ слушалъ нѣкоторое время спокойно эти пренія. „Всѣ эти возраженія", говорилъ онъ впослѣдствіи, „не наводили на меня смущенія, какъ въ былое время, они не нарушили нимало сладкаго мира моей души". Выслушавъ противниковъ и замѣчая ихъ упорство, государь рѣшился, наконецъ, положить конецъ спору. Отрывисто и коротко объявилъ онъ Шварценбергу, что князь можетъ поступать и дѣлать, какъ ему угодно, но что вмѣстѣ съ симъ онъ беретъ на себя и всю тяжкую отвѣтственность, могущую произойти отъ его поступка. „Я и одинъ съ королемъ прусскимъ", закончилъ государь свою рѣчь, „пойду на Парижъ". Эти слова государя произвели отрезвляющее дѣйствіе на Шварценберга. Онъ объявилъ, что онъ согласенъ съ мнѣніемъ императора всероссійскаго и тутъ-же приказалъ войскамъ пріостановить движеніе къ Марнѣ. Въ теченіи вечера составлена была новая диспозиція. Винцингероде съ десяти-тысячнымъ отрядомъ конницы получилъ приказъ выступить на зарѣ къ Сентъ-Дизье, настигнуть Наполеона и попытаться маскировать движеніе главныхъ силъ союзниковъ. Всѣмъ остальнымъ войскамъ какъ силезской, такъ и главной арміи, предписано было идти прямо на Парижъ, причемъ войска Блюхера должны бы-

гарди, ничего не упоминаетъ о восторгѣ, съ которымъ присоединился князь Шварценбергъ къ мнѣнію Александра, а говоритъ, что австрійскій фельдмаршалъ согласился съ требованіемъ Александра, хотя его штабные и противорѣчили этому. См. Бернгарди, т. IV, 2-я пол. стр. 314; Русскій Архивъ, стр. 96.

ли составить правое крыло союзниковъ, а армія Шварценберга—лѣвое.

Между тѣмъ въ тылу союзныхъ армій началась страшная тревога. Появленіе французскихъ разъѣздовъ по дорогамъ на Шалонъ и Баръ на Обѣ произвело невѣроятный переполохъ въ главной дипломатической квартирѣ, гдѣ пребывалъ и императоръ Францъ съ своею многочисленною свитою и своимъ лейбъ-оркестромъ. Извѣстное уже намъ письмо Шварценберга, совѣтовавшее Францу и дипломатамъ уѣзжать какъ можно скорѣе въ Дижонъ, усилило еще болѣе общее смятеніе. Письмо пришло въ глухую полночь и моментально подняло на ноги всѣхъ. Велѣно было тотчасъ-же собираться въ путь. Дипломаты и кавалеры бѣгали взадъ и впередъ какъ полоумные. Передъ императорскою квартирою стояли наготовѣ экипажи и отрядъ гусаръ, назначенныхъ сопровождать кортежъ. Среди общей безтолковщины и паники одинъ только человѣкъ не потерялъ голову и сразу понялъ смыслъ и значеніе совершающагося событія. Одинъ изъ русскихъ дипломатовъ, Тургеневъ, второпяхъ вбѣжалъ въ комнату Штейна, ожидая найти барона въ крайне непріятномъ настроеніи духа. Къ его великому удивленію, Штейнъ встрѣтилъ его совершенно одѣтый съ спокойнымъ сіяющимъ отъ радости лицомъ. На вопросъ Тургенева, что означаетъ его веселіе, желѣзный баронъ отвѣчалъ: „Какъ! Да вѣдь это счастіе! великое счастіе! императоръ, освободившись отъ Меттерниха и австрійцевъ, пойдетъ на Парижъ и пріобрѣтетъ полную свободу дѣйствія. Онъ будетъ дѣйствовать и все будетъ кончено!“ [1]).

Съ недоумѣніемъ слушалъ Тургеневъ рѣчь своего собесѣдника, но слова Штейна оказались пророческими. Великая драма неудержимо стремилась къ развязкѣ.

---

[1]) Перцъ Stein's Leben, т. III, стр. 568.

ГЛАВА VIII.

Походъ на Парижъ.—Радость въ средѣ союзныхъ войскъ.—Паленъ и его блестящая кавалерійская атака.—Сраженіе при Феръ-Шампенаузѣ.—Пораженіе Мармона и Мортье.—Внезапное появленіе новаго врага.—Отрѣзанный французскій отрядъ.—Нечаянное открытіе русскаго офицера.—Отчаянное сопротивленіе французовъ.—Героизмъ генерала Пакто.—Онъ отвергаетъ всѣ предложенія положить оружіе.—Совершенное истребленіе французовъ.—Поле битвы.—Раненый французъ.—Союзники пользуются своею побѣдою.—Отступленіе Мармона и Мортье къ Парижу.—Союзники подступаютъ къ столицѣ Франціи.—Подступы къ Парижу.—Природа и искусство.—Укрѣпленія города.—Ошибочныя предположенія въ главной квартирѣ союзниковъ.—Рѣшеніе атаковать Парижъ съ самой сильной стороны.—Ночь передъ битвою.—Бѣлая повязка.—Мысли и чувствованія императора Александра.—Возмездіе и пощада.—Государь намѣренъ дѣйствовать въ духѣ Евангелія.—Вѣсти о настроеніи въ арміи.—Солдаты собираются мстить за Москву.—Александръ принимаетъ мѣры для спасенія Парижа.—Прокламація князя Шварценберга.—Тревога въ Парижѣ.—Засѣданіе государственнаго совѣта.—Рѣчь военнаго министра.—Громкія слова и трусливыя рѣшенія.—Письмо Наполеона и его рѣшающія послѣдствія.—Послѣдняя ночь въ Тюльири.—Бѣгство Маріи Луизы.—Сынъ Наполеона не хочетъ покидать отцовскаго дворца.—Средства для обороны Парижа.—Громадныя преимущества союзниковъ.—Диспозиція князя Шварценберга и ея ошибочныя основанія.—Битва подъ Парижемъ.—Прозорливость Евгенія Виртембергскаго и его героическое рѣшеніе.—Отчаянный бой за Роменвиль и отступленіе французовъ.—Мармонъ на высотахъ Бельвиля.—Его письмо къ Іосифу Бонапарте.—Перерывъ въ союзной атакѣ.—Грозный видъ съ высоты Монмартра.—Іосифъ Бонапарте теряетъ послѣднія надежды.—Мармонъ рѣшается продолжать сопротивленіе.—Возобновленіе атаки.—Повсемѣстное пораженіе французовъ.—Взятіе Ла-Виллета и Бельвиля.—Защитники Парижа отброшены къ самому городу.—Мармонъ рѣшается вступить въ переговоры.—Мортье тщетно пытается остановить союзниковъ обманомъ.—Императоръ Александръ и его великодушныя намѣренія.—Полковникъ Орловъ.—„Европа должна нынѣ-же ночевать въ Парижѣ!"—Мнимый парламентеръ.—Орловъ и герцогъ Рагузскій.—Перемиріе.—Союзная коммиссія для переговоровъ о сдачѣ Парижа.—Конференціи въ Ла-Виллетскомъ трактирѣ.—Упорство Мармона и Мортье.—Они требуютъ свободнаго выхода изъ города для своихъ войскъ.—Взятіе Монмартра.—

Государи даютъ свое согласіе на требованіе маршаловъ.—Новыя недоразумѣнія по поводу пути отступленія.—Союзные коммиссары возвращаются къ государямъ,—Орловъ остается заложникомъ у французовъ.—Ночная поѣздка черезъ опустѣлый Парижъ.—Отель Мармона.—Бесѣда Орлова съ французскими офицерами.—„И весь міръ былъ-бы тѣсенъ для Наполеона".—Великій мастеръ интриги.—Талейранъ и его порученіе.—Разговоры въ кабинетѣ Мармона.—Жирарденъ адъютантъ Наполеона и его миссія.—Ночная трапеза.—Споръ между Жирарденомъ и Орловымъ.—Пріѣздъ графа Паара.—Капитуляція Парижа.—Орловъ ведетъ депутатовъ города Парижа къ императору Александру.—Радость государя и его бесѣда съ Орловымъ.—„Теперь это пока еще анекдотъ, но можетъ сдѣлаться исторіею".—Наполеонъ и его послѣдняя борьба.—Пріѣздъ Коленкура въ императорскій лагерь.—Наполеонъ пытается возобновить переговоры съ союзниками.—Сраженіе при Сенъ-Дизье.—Наполеонъ сознаетъ наконецъ свое отчаянное положеніе.—Военный совѣтъ.—Наполеонъ спѣшитъ на помощь Парижу.—Пойманные дипломаты.—Совѣтъ Макдональда.—Войска не въ состояніи идти далѣе за Наполеономъ.—Онъ спѣшитъ впередъ одинъ.—Роковая встрѣча.—Отчаяніе и бѣшенство Наполеона.—Совѣщаніе на почтовой станціи.—Безумныя рѣчи Наполеона и его коварные замыслы.—Поѣздка Коленкура въ союзный лагерь.—Встрѣча съ парижскими депутатами.—Коленкуръ у императора Александра.—Судьба Наполеона рѣшена.

Рѣшеніе, принятое союзными монархами и вождями на полѣ близь Соммепюи, положено было хранить въ строгой тайнѣ, но едва только войска получили приказъ не переходить черезъ Марну и повернуться фронтомъ къ Парижу, какъ предчувствіе чего-то великаго и радостнаго быстро распространилось по всей арміи. Настало утро и смутное предчувствіе превратилось въ сознательное ликованіе. По войскамъ розданъ былъ приказъ идти на Феръ-Шампенаузъ, т. е. прямо на Парижъ. Разсѣялись послѣднія сомнѣнія, и неописанный энтузіазмъ охватилъ все союзное воинство, начиная отъ генерала и оканчивая послѣднимъ солдатомъ. Забыты были всѣ страданія, невзгоды и ропотъ минувшихъ дней. Исчезли недовольство и досада на эту безконечную и безплодную войну. Всѣ знали, что конецъ близокъ, что паденіе „новаго Аттилы" неизбѣжно, что въ Парижѣ союзниковъ ожидаютъ побѣда и столь желанный, столь заслуженный ими миръ.

Казалось, сама природа сочувствовала торжеству праваго дѣла. Утромъ 25 марта, солнце, скрывавшееся до тѣхъ поръ за густыми облаками, поднялось во всемъ своемъ блескѣ. Въ воздухѣ было свѣжо, дороги, непроходимыя въ послѣднее время, начали просыхать, отовсюду раздавалось пѣ-

ніе птицъ, весна видимо начинала вступать въ свои права. Войска выступили изъ бивуаковъ въ праздничномъ настроеніи духа. Во всѣхъ полкахъ играла музыка, всѣ барабанщики били маршъ, пѣсенники заливались соловьями [1]). Повсюду во всѣхъ батальонахъ и эскадронахъ повторялось одно магическое слово: Парижъ; повсюду, виднѣлись радостныя, сіяющія лица офицеровъ и солдатъ. Обѣ союзныя арміи подвигались впередъ густыми массами; обѣ шли къ одному пункту,—Мо, небольшому городку, къ сѣверо-востоку отъ Парижа. Силезская армія направлялась по хорошо извѣстному ей пути на Монмираль и Ла-ферте-су-Жуаръ; главная армія шла на Феръ-Шампенаузъ, Сезаннь и Коломье. Передъ фронтомъ союзныхъ колоннъ двигалась многочисленная кавалерія. Графъ Паленъ, шедшій въ авангардѣ главной арміи, вскорѣ открылъ непріятеля. Сначала усмотрѣны были у Коля значительные кавалерійскіе отряды, а затѣмъ у Судъ-Сенъ-Круа замѣчены были на позиціи большія массы французской пѣхоты. То были войска маршаловъ Мармона и Мортье, спѣшившіе на соединеніе съ своимъ императоромъ. Паленъ, не медля ни минуты, рѣшился атаковать непріятеля. Свою русскую кавалерію онъ двинулъ на лѣвый флангъ французовъ, а виртембергской конницѣ, подъ начальствомъ принца Адама, приказалъ ударить на правое крыло непріятеля. Атака удалась вполнѣ. Французская конница была сбита и обращена въ бѣгство при первомъ-же натискѣ; пѣхота отступила поспѣшно къ Соммессу и заняла здѣсь новую оборонительную позицію, но нѣсколько ротъ, отставшихъ отъ главной массы были частью изрублены союзными всадниками, частью захвачены въ плѣнъ. Тщетно пыталась подать имъ руку помощи французская кавалерія; она была опрокинута вторично и принуждена была искать спасенія за фронтомъ своей пѣхоты.

Повидимому, маршаламъ не оставалось теперь иного исхода, какъ возможно-скорѣйшее отступленіе, но Мармонъ, руководившій всѣмъ отрядомъ, находился, очевидно, въ пол-

---

[1]) Helldorf, aus dem Leben d. Prinzen Eugen von Würtemberg, т. IV стр. 30.

номъ заблужденіи на счетъ своего положенія. Введенный въ обманъ инструкціями Наполеона, онъ воображалъ, что имѣетъ дѣло только съ одною конницею, что масса союзной арміи двинулась вслѣдъ за императоромъ, и рѣшился держаться на своей позиціи передъ Феръ-Шампенаузомъ. Между тѣмъ къ союзникамъ подходили все новыя и новыя кавалерійскія массы. На поле битвы прибылъ кронпринцъ виртембергскій и принялъ начальство надъ 10,000 всадниковъ. Не дожидаясь пѣхоты, бывшей еще позади, онъ рѣшился ударить на непріятеля. Маневръ Палена повторенъ былъ съ двойными силами и съ двойнымъ успѣхомъ. Союзная кавалерія бросилась на оба фланга непріятеля и быстрымъ натискомъ опрокинула и смяла французскую конницу. Пѣхота, оставшаяся безъ прикрытія, начала отступать, но атакованная со всѣхъ сторонъ кавалеріею, поражаемая картечью нѣсколькихъ конныхъ батарей, приведена была вскорѣ въ полнѣйшее разстройство. Тщетно пытались французскіе пѣхотинцы построиться въ карре; русскіе, австрійскіе и виртембергскіе всадники, соперничавшіе въ этотъ день въ геройской храбрости, съ неслыханною отвагою бросались на непріятельскія пули и штыки и врубивались въ середину вражескихъ батальоновъ. Нѣсколько карре молодой гвардіи было стоптано и изрублено. Бригада Жамена была совершенно уничтожена; командиръ ея взятъ въ плѣнъ; бригада Лекапитенъ понесла тяжелыя потери; болѣе 30 орудій было захвачено союзниками [1]).

Атаки союзной кавалеріи возобновлялись все съ большею

[1]) Мармонъ, разсказывая въ своихъ мемуарахъ объ этомъ сраженіи, скрываетъ или искажаетъ, по обыкновенію, истину. Онъ утверждаетъ напр., что онъ былъ атакованъ 20,000 всадниковъ и что за ними слѣдовала вся союзная пѣхота; тогда какъ, въ дѣйствительности, онъ имѣлъ дѣло въ началѣ лишь съ 8,000, а въ концѣ боя съ 10,000 союзной кавалеріи. Далѣе Мармонъ утверждаетъ, что онъ остановился передъ Лаферъ-Шампенаузомъ у Соммессу единственно потому, что вынужденъ былъ ожидать прибытія отставшихъ войскъ Мортье, тогда какъ на дѣлѣ онъ остановился только потому, что разсчитывалъ имѣть бой лишь съ арьергардомъ союзной арміи, полагая, что ея главныя силы двинулись вслѣдъ за Наполеономъ.

См. Marmon, Memoires, т. 6, стр. 231—236.

яростью; отступленіе французовъ становилось все поспѣшнѣе и безпорядочнѣе, когда на поле битвы прибыли императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ, сопровождаемые всего лишь одною сотнею лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Оба монарха сосредоточили все свое вниманіе на отступающемъ непріятелѣ и побѣдоносной своей конницѣ, какъ вдругъ въ тылу ихъ послышался громъ другой перестрѣлки. На горизонтѣ показались густыя, сомкнутыя массы пѣхоты, медленно подавались онѣ впередъ, отстрѣливаясь отъ тѣснившей ихъ конницы. Никто не могъ разобрать сначала, что это были за войска и откуда явились они такъ неожиданно. Александръ, никогда не терявшій присутствія духа въ подобныя минуты, тотчасъ-же приказалъ изготовиться къ атакѣ находившейся при немъ казачей сотнѣ; онъ велѣлъ также выдвинуть на позицію противъ новаго врага конную батарею, случайно подоспѣвшую въ это время. Въ этотъ моментъ къ государю явились нѣсколько ординарцевъ изъ коннаго отряда Корфа, они донесли ему, что приближающіяся непріятельскія колонны состоятъ изъ двухъ дивизій генераловъ Пактô и Амея, что дивизіи эти были открыты случайно передовыми войсками силезской арміи и что преслѣдуемыя кавалеріею онѣ должны теперь сдѣлаться вѣрною добычею союзниковъ.

Положеніе французскихъ дивизій, попавшихъ какъ-разъ въ средину между двумя союзными арміями, было дѣйствительно самое отчаянное. Дивизіи эти принадлежали къ отряду Макдональда и были оставлены имъ у Сезання, откуда онѣ должны были провести въ армію Наполеона громадный транспортъ съ съѣстными припасами. Не имѣя никакихъ точныхъ свѣдѣній о движеніяхъ своихъ и непріятельскихъ войскъ, Амей и Пактô благополучно дошли до Этожа, гдѣ они разсчитывали соединиться съ маршалами Мармономъ и Мортье. Но въ Этожѣ они не только не нашли маршаловъ, но даже не могли собрать точныхъ свѣдѣній о направленіи, взятомъ ими. Подвигаясь далѣе наудачу, окольными путями на Ватри, французскіе генералы остановились на нѣсколько часовъ у Вилльсенера, дабы дать роздыхъ своимъ много-

численнымъ обознымъ лошадямъ. Они и не подозрѣвали, что мѣстность, среди которой расположились они, занята въ различныхъ направленіяхъ корпусами силезской арміи. Утромъ 25-го марта русскій полковникъ баронъ Левенштернъ, случайно проѣзжавшій въ окрестностяхъ Вилльсенера, замѣтилъ французскій разъѣздъ, состоявшій изъ четырехъ конныхъ егерей. Казаки, бывшіе при Левенштернѣ, немедленно бросились въ погоню за французами, поймали одного изъ нихъ и привели его къ своему полковнику. Левенштернъ допросилъ плѣннаго и къ удивленію узналъ отъ него, что въ Вилльсенерѣ находится цѣлая непріятельская колонна, изъ 8000 человѣкъ и громадный обозъ съ хлѣбомъ и припасами всякаго рода. По словамъ плѣннаго, колонна спѣшила соединиться съ маршалами Мармономъ и Мортье, которыхъ она разсчитывала встрѣтить у Ватри [1]).

Левенштернъ поспѣшилъ увѣдомить о своемъ открытіи ближайшаго генерала Силезской арміи, Мюфлинга. Мюфлингъ прискакалъ немедленно и убѣдившись, что непріятельская колонна уже выступила изъ Вилльсенера по направленію къ Трекону, послалъ за ней въ погоню драгунъ генерала Корфа. Корфъ получилъ приказъ обойти непріятеля и заградить ему путь на Ватри. Замѣтивъ приближеніе сильнаго отряда конницы, генералъ Пактô нисколько не потерялся. Войска его, состоявшія почти исключительно изъ новобранцевъ, обнаружили въ этотъ моментъ неслыханный героизмъ и твердость. Ободряемые своими начальниками, они построились въ нѣсколько карре, и встрѣтили атаку драгунъ убійственнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Нѣсколько разъ бросались въ атаку русскіе всадники, но были отбиваемы каждый разъ съ большими потерями. Прошло уже около часу, а французы неудержимо, хотя и медленно подвигались впередъ, устилая путь свой непріятельскими трупами. Пактô видимо не

---

[1]) Левенштернъ добавляетъ, что почти одновременно съ нимъ французская колонна была замѣчена на пути въ Бержеръ англійскимъ капитаномъ Гаррисомъ, адъютантомъ лорда Стюарта, который и сообщилъ объ этомъ немедленно въ главную квартиру Блюхера. См. Denkwürdigkeiten eines Lievländer's, T. II, стр. 240

торопился своимъ отступленіемъ; онъ твердо надѣялся спасти не только свой отрядъ, но и ввѣренный его попеченію транспортъ. Онъ даже не думалъ сворачивать съ большой дороги на Феръ-Шампенаузъ, хотя могъ-бы избрать и болѣе краткій путь, если-бы пошелъ прямо полями и болотами на соединеніе съ маршалами. Эта излишняя смѣлость должна была погубить его. Число союзныхъ войскъ, преслѣдующихъ отступающую колонну, возростало съ каждою минутой. На мѣсто боя явилась многочисленная кавалерія князя Васильчикова и нѣсколько конныхъ батарей. Атаки союзниковъ слѣдовали одна за другою; ихъ орудія обстрѣливали французовъ картечью на самомъ близкомъ разстояніи. Пактò убѣдился, наконецъ, въ невозможности сохранить транспортъ; онъ приказалъ перепрѣчь обозныхъ лошадей подъ орудія, бросилъ на дорогѣ нагруженныя фуры и продолжалъ отступать ускореннымъ маршемъ. Графъ Паленъ, прискакавшій въ это время на мѣсто боя съ двумя полками конныхъ егерей, пытался заградить дорогу французамъ; но геройскіе солдаты Пактò, построившись въ боевую колонну, штыками проложили себѣ путь черезъ его конницу. Между тѣмъ кавалерія Васильчикова неутомимо продолжала тѣснить непріятеля съ тылу и съ фланговъ и, хотя всѣ ея атаки были отражаемы по прежнему, однако-же карре Пактò быстро рѣдѣли и онъ рѣшился, наконецъ броситься съ остатками своихъ войскъ въ сосѣднія Сентъ-Гондскія болота, разсчитывая, что непріятельская конница не отважится послѣдовать за нимъ туда. Но этотъ отчаянный маневръ не могъ уже спасти отъ гибели геройскій отрядъ. Французы попали теперь какъ разъ въ середину между конными массами главной арміи и всѣ пути спасенія были отрѣзаны имъ [1]).

Императоръ Александръ, находившійся въ непосредствен-

---

[1]) Подробности этого ужаснаго, безпримѣрнаго боя см. въ особенности въ разсказахъ очевидцевъ: Гельдорфа, адъютанта герцога Евгенія и барона Левенштерна.

Helldorf, aus d. Leben d. Prinzen Eugen w. Würtemberg, T. IV, стр. 24—28; Denkwürdigkeiten eines Lievländer's, T. II, стр. 236—240. См. также

ной близости отъ непріятеля, приказалъ конной батареѣ Маркова открыть огонь въ возможно близкомъ разстояніи. Батарея буквально исполнила приказъ. Подъѣхавъ къ французамъ на нѣсколько сотъ шаговъ, она засыпала ихъ градомъ картечи. Солдаты Пактô уже не отвѣчали на этотъ адскій огонь, они только смыкали свои быстро тающіе ряды и, попирая трупы товарищей, продолжали идти впередъ. Два русскихъ орудія заскакали впередъ и расположившись передъ колонною, встрѣтили ее картечными выстрѣлами. Громимые со всѣхъ сторонъ, французы быстро ринулись впередъ и рѣшительнымъ натискомъ заставили орудія отъѣхать въ сторону. Въ этотъ моментъ они вновь подверглись атакѣ нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ, но отразили ее еще разъ ружейнымъ огнемъ и штыками. Союзные монархи поражены были невольнымъ изумленіемъ при видѣ этой неслыханной стойкости. Желая спасти отъ гибели оставшуюся еще въ живыхъ горсть героевъ, они отправили парламентеромъ къ Пактô прусскаго подполковника и адъютанта короля Фридриха-Вильгельма Ф. Тилле. Рискуя собственною жизнью, Ф. Тилле пробрался въ середину непріятельскаго карре. Онъ нашелъ генерала Пактô раненаго, съ перевязанною рукою. Блѣдный, истощенный потерею крови, онъ распоряжался хладнокровно своими солдатами, среди ужасовъ, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ.

Ф. Тилле объяснилъ генералу цѣль своего прибытія. Онъ объявилъ ему, что окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ долженъ положить оружіе и ввѣриться великодушію союзныхъ монарховъ. Между тѣмъ градъ картечи продолжалъ сыпаться на французовъ съ русскихъ батарей. Пактô обратился къ парламентеру: „Во время переговоровъ не принято стрѣлять картечью; честь моя запрещаетъ мнѣ говорить съ вами, пока будетъ продолжаться стрѣльба“. „Солдаты!“ крикнулъ

Бернгарди, Т. IV, 2-я половина, стр. 324—325; Богдановичъ, Т. IV, стр. 477—480. Мармонъ въ своихъ мемуарахъ упрекаетъ генерала Пактô въ сдѣланныхъ имъ ошибкахъ и винитъ также Мортье, оправдывая, по обыкновенію, одного себя. Marmon, Memoires, T. VI, стр. 285—286.

онъ вслѣдъ за тѣмъ, обращаясь къ своимъ гренадерамъ, „вы слышали, что предстоитъ намъ сегодня славный французскій день!“ [1]). Онъ подалъ сигналъ и колонна двинулась впередъ, поражаемая выстрѣлами изъ 48 орудій; Пактô, истекая кровью, не въ состояніи былъ идти уже пѣшкомъ. Тогда солдаты посадили своего генерала на носилки изъ ружей и продолжали путь. Великодушный императоръ Александръ не въ состояніи былъ выносить долѣе этой потрясающей сцены. Онъ рѣшился отправить второго парламентера къ непріятелю и его выборъ палъ на этотъ разъ на флигель-адъютанта, Рапателя, бывшаго спутника Моро. Рапатель подъѣхалъ съ трубачемъ къ самой французской колоннѣ,—но встрѣченный нѣсколькими выстрѣлами, палъ мертвый [2]). Было ясно, что эти храбрецы предпочитаютъ смерть плѣну. Тогда Александръ подалъ сигналъ къ послѣдней и рѣшительной атакѣ. Массы союзной конницы бросились со всѣхъ сторонъ на изнывающихъ непріятелей. Громовое ура, топотъ коней заглушили громъ перестрѣлки. Русскіе конные егеря подъ командою полковника Денисова и Александринскіе гусары съ полковникомъ Лессовскимъ во главѣ первые ворвались въ непріятельское карре. Другіе полки послѣдовали за ними [3]). Вся непріятельская колонна была срублена, растоптана, разсѣяна. Разгоряченные боемъ солдаты не давали пощады непріятелямъ, хотя французы, оставшіеся въ живыхъ, побросали ружья. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ спѣшили положить конецъ кровопролитію. Пренебрегая личною опасностью, они въѣхали въ самую густую свалку и приказали трубить отбой. Ихъ благороднымъ усиліямъ удалось спасти отъ смерти остатки без-

---

[1]) Пактô приказалъ задержать самого Ф. Тилле плѣнникомъ. Но офицеры, державшіе подъ уздцы лошадь прусскаго подполковника, отпустили его среди ежеминутно возраставшей сумятицы, и онъ ускакалъ обратно къ своимъ. Helldorf, aus. d. Leben. d. Prinzen. Eugen von Würtemberg, T. 4, стр. 27—28.

[2]) Рапатель былъ пораженъ разомъ двумя пулями; разсказывали, что въ непріятельскомъ карре находился его родной братъ. См. Denkwürdigkeiten eines Lievländer's, T. II, стр. 239.

[3]) Свидѣтельство очевидца и участника атаки; см. Denkwürdigkeiten eines Lievländer's, T. IV, стр. 239—240.

оружныхъ непріятелей. Все, что не было убито или ранено, взято было въ плѣнъ, ни одинъ человѣкъ не спасся. Въ числѣ плѣнныхъ были генералы Пактò, Амей, Тевено, Жаменъ, Делоръ, Бонте. Императоръ Александръ пожелалъ видѣть героевъ. Онъ ласково говорилъ съ каждымъ изъ нихъ; для всѣхъ нашелъ онъ слово высокой похвалы и сердечнаго утѣшенія. Императоръ явился въ этомъ случаѣ краснорѣчивымъ выразителемъ общихъ чувствъ. Вся союзная армія, начиная отъ генерала и оканчивая послѣднимъ солдатомъ, воздавала должную дань удивленія непріятельскимъ вождямъ и ихъ воинамъ [1]).

Трагическая гибель отряда Пактò спасла отъ катастрофы войска Мармона и Мортье. Оставленные почти безъ вниманія союзниками, маршалы успѣли ускользнуть съ поля битвы подъ покровомъ наступившей темноты. Во-время понялъ Мармонъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ одною конницею, а со всѣми силами союзниковъ. Страшная мысль, что непріятель идетъ прямо на Парижъ, мелькнула въ его головѣ. Онъ понялъ, что теперь нельзя терять ни минуты времени, что надо спѣшить какъ можно скорѣе на защиту столицы [2]).

Сраженіе при Лаферъ-Шампенаузѣ можно смѣло назвать единственнымъ во всей этой безпримѣрной войнѣ. 15,000 союзной кавалеріи разгромили въ этотъ день 25,000 французскую армію. Ни одна рота пѣхоты не участвовала въ дѣлѣ. Число трофеевъ было колоссальное. Однихъ плѣнныхъ взято было 10,000 челов., въ томъ числѣ было девять генераловъ. Орудій захвачено было 80. Союзники взяли кромѣ того 350 зарядныхъ ящиковъ и громадное количество обозныхъ фуръ съ припасами всякаго рода [3]). Поле битвы представляло, по

---

[1]) Императоръ Александръ поручилъ раненыхъ генераловъ попеченіямъ своихъ лейбъ-медиковъ. Helldorf, aus dem Leben d. Prinzen Eugen von Würtemberg, T. 4, стр. 28.

[2]) Товарищъ Мармона, Мортье, далекъ былъ однакоже отъ этого пониманія; мысль о движеніи къ Парижу не приходила ему въ голову до самого Провена.

[3]) Если вѣрить французскимъ писателямъ, то дѣло представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ. Всѣ они, вслѣдъ за Тьеромъ, повторяютъ, что въ этотъ кровавый день 200,000 союзниковъ напали на 20,000 французовъ, что одинъ

словамъ очевидцевъ, ужасающій видъ; оно не поддавалось никакимъ описаніямъ. Тысячи раненыхъ валялись на землѣ вмѣстѣ съ трупами убитыхъ, нерѣдко нагроможденные другъ на друга. Почти всѣ эти несчастные ранены были саблями въ голову; ихъ лица залиты были кровью и искажены зіяющими ранами. Нѣкоторые изъ нихъ остались въ сидячемъ положеніи. Одни стонали, другіе ругались, но почти всѣ молили дать имъ хотя глотокъ воды. Были между ними и такіе, у коихъ ненависть къ врагу могла исчезнуть лишь съ послѣднимъ издыханіемъ.

Принцъ Евгеній, объѣзжая поле битвы, замѣтилъ одного раненаго француза, облокотившагося на небольшое возвышеніе. На правой сторонѣ головы его виднѣлась глубокая зіяющая рана. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ ружье, а правою бросалъ во всѣхъ подходившихъ къ нему союзныхъ солдатъ камушки и комки земли. „Мы подъѣхали къ нему ближе и пытались утѣшить его. Онъ казался помѣшаннымъ, но просилъ дать ему пить. Одинъ изъ офицеровъ нашего штаба приказалъ своему деньщику подать ему вина. Деньщикъ опустился на колѣни передъ раненымъ и заботливо напоилъ его изъ походной фляжки. Отъѣхавъ отъ этого несчастнаго шаговъ на пятнадцать, мы еще разъ съ состраданіемъ оглянулись на него. И что-же? мы видѣли, какъ онъ схватилъ свое ружье и выстрѣлилъ въ насъ. Пуля просвистала надъ нашими головами. Мы хотѣли вернуться къ безумному, но было уже поздно. Два казака изъ нашей свиты предупредили насъ. Они подскакали къ несчастному и пронзили его своими пиками“ [1]).

Союзники спѣшили воспользоваться своею побѣдою. Уже на разсвѣтѣ 26-го марта ихъ колонны двинулись различными дорогами на Мо. Клейстъ и Іоркъ, шедшіе впереди си-

---

французъ сражался противъ 10 враговъ и что вся потеря французовъ убитыми, ранеными и плѣнными доходила лишь до 6,000 чел. И все это писалось и пишется спустя цѣлыхъ полъ вѣка послѣ событій. По-истинѣ, нигдѣ національное тщеславіе не искажало и не искажаетъ до такой степени историческую истину, какъ во Франціи.

[1]) См. Helldorf, aus dem Leben d. Prinzen Eugen v. Würtemberg. T. IV, стр. 28—30.

левской арміи, настигли неподалеку отъ Мо отступающихъ маршаловъ и пытались заградить имъ дорогу. Мортье и Мармонъ, пораженные страхомъ, не рѣшились проложить себѣ путь силою, хотя на ихъ сторонѣ было значительное превосходство числа. Простоявъ около двухъ часовъ въ виду непріятеля, они повернули на Провенъ [1]) и счастливо ускользнули отъ опасности, такъ какъ прусскіе генералы, уславшіе впередъ свою конницу, не въ состояніи были гнаться за ними. И въ слѣдующіе затѣмъ два дня маршалы были настолько счастливы, что избѣгли всякой встрѣчи съ непріятелемъ. Форсированными маршами подвигались они впередъ, давая своимъ утомленнымъ солдатамъ лишь по нѣскольку часовъ отдыха. Уже 29-го марта достигли они Шарентона, въ окрестностяхъ Парижа.

Союзники не встрѣчали на пути своемъ къ Парижу никакого сопротивленія. Дивизія Компана, занимавшая Мо, отступила при ихъ приближеніи, взорвавъ предварительно на воздухъ громадные пороховые склады, находившіеся въ этомъ городѣ [2]). Переправа черезъ Марну совершилась безпрепятственно. Впереди нигдѣ не видно было непріятеля, но за то съ тылу начали приходить тревожныя вѣсти. Пар-

---

[1]) Только въ Провенѣ маршалы рѣшились идти форсированными маршами къ Парижу. До тѣхъ поръ они все еще льстили себя надеждою, что непріятель не пойдетъ на столицу. Мортье продолжалъ колебаться даже теперь. „Но если мы прійдемъ къ Парижу“, спрашивалъ онъ наивно Мармона, „не произведетъ-ли тамъ тревоги наше появленіе?“. — „А какъ вы полагаете“, возразилъ ему Мармонъ, „развѣ тревога будетъ меньше, если непріятель явится тамъ раньше насъ?“. Marmon, Memoires, т. VI, стр. 248.

[2]) Взрывъ этотъ произвелъ страшное опустошеніе въ Мо и надѣлалъ большой переполохъ въ союзной арміи. Дѣло было въ глухую полночь, когда все въ союзномъ лагерѣ послѣ утомительнаго дневнаго перехода погружено было въ глубокій сонъ. Эффектъ взрыва былъ поразительный. Страшные громовые удары потрясли атмосферу, земля заколебалась, ночная тьма озарилась на нѣсколько секундъ яркимъ свѣтомъ. Въ лагерѣ произошло страшное смятеніе: ружья, сложенныя въ козлы, попадали на землю, лошади оторвались отъ коновязей и съ дикимъ ржаніемъ носились по лагерю, офицеры и солдаты толпились въ недоумѣніи, спрашивая другъ друга, что случилось, воздухъ огласился дикими безпорядочными криками. Но вскорѣ громовой кличъ: „къ ружью!“ привелъ все въ порядокъ. Не прошло и полчаса, какъ уже вся армія стояла въ

тизаны доносили, что Наполеонъ напалъ на Винцингероде при С. Дизье и принудилъ его отступить съ большими потерями. Изъ другихъ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ извѣстій оказывалось, повидимому, что императоръ французовъ понялъ планы своихъ враговъ, что онъ повернулъ назадъ и спѣшитъ на помощь къ Парижу. Положеніе становилось критическимъ. Шварценбергъ готовъ былъ уже остановиться и сосредоточить армію на Марнѣ въ ожиданіи Наполеона, но Александръ настоялъ на быстромъ движеніи къ Парижу. Рѣшено было оставить близъ Мо на Марнѣ корпуса Вреде и Сакена, а съ остальными войсками, всего около 120,000 человѣкъ, продолжать движеніе на Парижъ. Армія двинулась впередъ форсированными маршами. Восторженное настроеніе господствовало въ средѣ союзныхъ ополченій. Всѣ забыли думать о Наполеонѣ, у всѣхъ былъ на умѣ одинъ Парижъ. Страна, по которой проходили войска, была прелестная, не тронутая опустошеніями войны. Въ съѣстныхъ припасахъ вмѣсто прежняго недостатка господствовало изобиліе. Но болѣе всего одушевляло солдатъ побѣдоносное сознаніе своей силы, одушевлявшее всѣхъ и каждаго. Никто не тяготился форсированными маршами; никто не роапталъ на кратковременность и неудобства бивуачнаго отдыха. Солдатамъ почти не давали времени для ѣды и сна, а они бодро и весело шли впередъ.

сомкнутыхъ колоннахъ, готовая къ бою. Вмѣсто прежняго страшнаго шума водворилась гробовая тишина. Никто не рѣшался выйти изъ рядовъ, все было въ напряженномъ состояніи ожиданія. Но прошло четверть часа и все было спокойно. Въ рядахъ начался шопотъ. Офицеры стали выходить изъ фронта и спрашивали другъ друга, что могло-бы значить это чудесное явленіе. Одни говорили, что французы взорвали мостъ въ Мо; другіе утверждали, что непріятель взорвалъ мину, вблизи союзнаго лагеря. Часовые показывали, что около полуночи стало вдругъ свѣтло какъ днемъ, небо въ сторону Мо раскрылось и изъ него посыпался огненный дождь, а нѣсколько секундъ спустя страшный громъ потрясъ всѣ окрестности. Лишь черезъ полчаса тревожнаго ожиданія прибыли адъютанты изъ главной квартиры и объявили, что непріятель взорвалъ на воздухъ пороховые склады въ Мо. На другой день, когда союзники проходили черезъ Мо, то они не нашли уже здѣсь непріятеля, но весь городокъ заваленъ былъ грудами развалинъ. См. Helldorf, aus d. Leben, d. Prinzen Eugen von Würtemberg. T. 4, стр. 31—32.

29-го марта союзныя войска начали подходить къ Парижу. Колонна Раевскаго, состоявшая изъ однихъ русскихъ войскъ, первая завидѣла столицу Франціи. Еще въ теченіи дня она прошла черезъ Бонди и расположилась вечеромъ у Пантена, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Парижемъ. Русско-прусская гвардія и резервы, подъ начальствомъ Барклая, слѣдовавшіе непосредственно за Раевскимъ, стали бивакомъ у Виллъпаризиса. Только войска кронпринца виртембергскаго и Гіулая находились еще позади, первыя у Анне, впереди Мо, вторыя у Нантеля на лѣвомъ берегу Марны. Силезская армія, долженствовавшая сдѣлать въ этотъ день большой обходъ, чтобы подойти къ Парижу съ сѣверной стороны, находилась вечеромъ 29-го марта почти въ такомъ-же разстояніи отъ столицы Франціи, какъ и утромъ этого дня. Главная квартира князя Шварценберга и обоихъ союзныхъ монарховъ находилась въ Бонди.

Союзники подступили къ Парижу съ сѣверо-восточной стороны, т. е. именно съ той, которая была наиболѣе укрѣплена самою природою [1]). Тутъ возвышались передъ самымъ городомъ двѣ группы холмовъ, Бельвильскія высоты и Монмартръ, раздѣленныя глубокимъ ущельемъ, по которому проведенъ былъ Уркскій каналъ. Обѣ группы холмовъ отличаются совершенно различнымъ характеромъ и представляютъ не одинаковыя выгоды для обороны. Монмартръ тянется въ видѣ значительной и довольно крутой возвышенности и составляетъ превосходную оборонительную позицію, но гребень его очень узокъ и разъ занятый непріятелемъ, онъ можетъ быть отнятъ обратно лишь съ большими потерями. Наоборотъ, Бельвиль представляетъ небольшую плоскую возвышенность, круто поднимающуюся изъ равнины. Поверхность ея волнообразна; въ тѣ времена она была покрыта почти сплошь многочисленными деревнями. Однѣ изъ этихъ деревень, какъ напримѣръ, Бельвиль, Шарона, Баньоле, Малассизъ, Монтрейль построены на самой возвышенности; другія какъ

---

[1]) Описаніе поля битвы подъ Парижемъ находится между прочимъ у Гелльдорфа. Т. IV, 45—46 и Бернгарди, т. IV, стр. 341—342.

Пре-Сентъ-Жерменъ и Роменвиль расположены на ея склонахъ. Какъ тѣ, такъ и другія деревни состояли по большей части изъ каменныхъ загородныхъ домовъ, во всѣхъ ихъ были каменныя церкви, очень удобныя для защиты. Между деревнями лежали отдѣльныя виллы, окруженныя парками. По всѣмъ направленіямъ разбросаны были сады и виноградники, окруженные каменными оградами. По склонамъ холмовъ тянулись глубокія ущелья. Мѣстность представляла тутъ безчисленныя выгоды для обороны. Тутъ можно было защищать каждый шагъ земли, отходить изъ одной крѣпкой позиціи въ другую. Отъ Бельвильскихъ высотъ вплоть до Сены, выше города простирался Венсенскій лѣсъ; на самой опушкѣ лѣса былъ расположенъ городокъ Венсенъ и старый замокъ того-же имени. Вся эта мѣстность была ровная, но Венсенскій лѣсъ, городокъ и замокъ являлись и тутъ крѣпкими оборонительными пунктами. Къ западу отъ Монмартра вплоть до самой Сены, пониже города, простиралась также почти ровная мѣстность, но по самой срединѣ ея тянулась небольшая возвышенность, представлявшая нѣкоторыя удобства для обороны. Въ углубленіи между Бельвилемъ и Монмартромъ, на лѣвомъ берегу Уркскаго канала, у подошвы Бельвиля, лежала деревня Пантенъ, на правомъ берегу канала мѣстечко Ла-Виллетъ, а у подножія Монмартра Ла-Шапель.

Искусство не сдѣлало еще въ то время ничего для укрѣпленія Парижа [1]). Наполеонъ, полагавшійся на свой военный геній, на свое превосходство въ открытомъ полѣ, относился всегда съ пренебреженіемъ къ укрѣпленію своей столицы. Правда, вокругъ всего города тянулась старая стѣна, но въ стѣнѣ этой было устроено 56 широкихъ воротъ, да и сама она легко могла быть разрушена нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Теперь, когда счастіе измѣнило императору,

---

[1]) Объ укрѣпленіяхъ Парижа см. свидѣтельства Іосифа Бонапарте, приведенныя уже выше; см. также письма Наполеона въ его Correspondance, относящіяся къ этому-же предмету. См. также сочиненія Бернгарди, Плото, Гелльдорфа и Богдановича.

когда многочисленныя непріятельскія арміи вторглись во Францію, вопросъ объ укрѣпленіи Парижа поставленъ былъ на очередь. Составлена была особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Іосифа Бонапарте и уже 31 января 1814 года она представила подробный проектъ укрѣпленія Парижа, но императоръ отвергъ этотъ проектъ, какъ слишкомъ сложный и приказалъ построить у городскихъ заставъ палисадные тамбуры и снабдить ихъ амбразурами и бойницами. Тамбуры должны были быть устроены такъ, чтобы съ нихъ можно было обстрѣливать близь лежащія части городской стѣны, наружные бульвары и ведущія къ заставамъ улицы. Большая часть этихъ тамбуровъ была окончена ко времени прибытія непріятеля; продѣланы были кромѣ того бойницы въ городской стѣнѣ, а проломы и отверстія или задѣланы камнемъ, или заграждены палисадами.

Всѣ эти легкія и построенныя на скорую руку укрѣпленія не могли особенно усилить обороны Парижа, но все-же они не лишены были нѣкотораго значенія тамъ, гдѣ дѣлу обороны способствовали условія мѣстности. За то на южной и въ особенности на западной сторонѣ Парижъ былъ совершенно открытый городъ и легко могъ быть взятъ штурмомъ. Ничто не мѣшало, повидимому, союзникамъ передвинуть свои массы на западную окраину города и повести атаку на заставу Звѣзды. Такое передвиженіе могло занять лишь нѣсколько часовъ времени, въ самомъ худшемъ случаѣ день; но оно облегчило-бы, безъ сомнѣнія, взятіе Парижа и сохранило тысячи человѣческихъ жизней. На военномъ совѣтѣ, созванномъ въ Бонди, вечеромъ 29 марта, передвиженіе это было, однако-же, отклонено и состоялось рѣшеніе атаковать на слѣдующее-же утро (30 марта) Парижъ всѣми силами съ сѣверной стороны. Атака Монмартра возложена была на Блюхера, въ распоряженіи котораго имѣлось 47,000 человѣкъ; тогда какъ корпуса главной арміи, всего около 68,000 человѣкъ, должны были штурмовать Бельвильскія высоты. Мотивами такого, на первый взглядъ страннаго распоряженія, являлись соображенія, казавшіяся союзнымъ вождямъ въ высшей степени важными, но основанныя въ дѣйствительности

на совершенно невѣрныхъ предположеніяхъ. Извѣстія, получаемыя отъ партизановъ и лазутчиковъ, утверждали, что Наполеонъ находится уже неподалеку отъ Мо, что не позже какъ черезъ день онъ долженъ явиться подъ стѣнами Парижа. Съ другой стороны, въ главной квартирѣ союзниковъ не имѣли никакихъ точныхъ свѣдѣній о маршалахъ Мортье и Мармонѣ и были почему-то убѣждены, что они не успѣли еще достигнуть Парижа, что въ столицѣ Франціи нѣтъ другой вооруженной силы, кромѣ слабой дивизіи Компана и нѣсколькихъ тысячъ никуда негодной національной гвардіи. На основаніи всѣхъ этихъ предположеній утвердилось мнѣніе, что нельзя терять ни минуты времени, что необходимо штурмовать укрѣпленія Парижа прежде, чѣмъ подоспѣютъ къ нему на помощь войска обоихъ маршаловъ, а затѣмъ и армія самого Наполеона.

Наступила ясная, весенняя ночь, а въ лагерѣ союзниковъ кипѣла самая оживленная дѣятельность. Настроеніе было радостное, самоувѣренное. Никто не сомнѣвался въ побѣдѣ. Солдаты готовились къ штурму какъ къ празднику. Состоялось распоряженіе, что всѣ союзные воины должны обвязать себѣ руку бѣлою повязкою, распоряженіе необходимое въ виду той массы разнообразныхъ мундировъ, которыми отличалось многонародное и многоязычное союзное ополченіе. Необходимо было для каждаго достать откуда-бы то ни было клочекъ холста или какой-нибудь бѣлой матеріи — и вотъ солдаты пустились на розыски. Все, что ни попадало подъ руку, шло въ дѣло; въ крестьянскихъ домахъ и подгородныхъ дачахъ оказалось не мало подходящаго матеріала. Солдаты предпочитали простыни, они рѣзали ихъ на полоски и братски дѣлили между собою. По всѣмъ бивакамъ пылали громадные костры; вокругъ нихъ толпились, лежали и сидѣли солдаты, образуя нерѣдко самыя живописныя группы. Шумный говоръ, веселыя шутки, смѣхъ раздавались отовсюду. Всѣ говорили о завтрашнемъ днѣ, о богатой добычѣ, ожидавшей ихъ въ вражеской столицѣ [1]). Прислушиваясь къ би-

---

[1]) Настроеніе въ союзномъ лагерѣ, наканунѣ битвы подъ Парижемъ, прекрасно рисуется въ слѣдующихъ строкахъ, набросанныхъ очевидцемъ и участникомъ

вачному говору, не трудно было замѣтить, что въ массѣ господствовало далеко не дружелюбное настроеніе къ парижанамъ. Французы побывали во всѣхъ странахъ и столицахъ Европы, повсюду оставили они по себѣ страшную, неизгладимую память. Теперь насталъ часъ разсчета. Достигнута была, наконецъ, цѣль, къ которой такъ напрасно стремилась Европа въ теченіи цѣлыхъ двадцати двухъ лѣтъ. Великолѣпная столица общаго врага человѣчества лежала, распростертая у ногъ побѣдителей. Сотни тысячъ разноплеменныхъ воиновъ, соединенныхъ однимъ общимъ чувствомъ ненависти, пожирали глазами городъ, наполненный всевозможными богатствами и чудесами искусства, награбленными со всѣхъ концовъ міра. Тяжкія страданія и неслыханный позоръ, милліоны окровавленныхъ жертвъ громко и настойчиво вопили о возмездіи. И что̀ могло помѣшать совершенію кары, гдѣ была та сила, которая могла спасти міровой городъ, осужденный на разрушеніе самою судьбою?

Императоръ Александръ переживалъ самыя великія и

великаго событія: „Поздно вечеромъ графа Палена посѣтили генералъ Кретовъ и другіе старшіе офицеры. Мы сидѣли далеко за полночь, толкуя о возможныхъ событіяхъ грядущаго дня, событіяхъ, которыя должны были совершиться подъ стѣнами Парижа. Никто не сомнѣвался, что предстоящая битва будетъ выиграна нами. Высокомѣрный Вавилонъ долженъ былъ пасть къ ногамъ нашимъ смиренный и побѣжденный, все равно, разрушенный-ли, или сохраненный. Я розыскалъ въ моей квартирѣ хорошую постель съ превосходнымъ матрацомъ, вещь, которую французы умѣютъ устраивать лучше кого-либо. Я спалъ спокойно и крѣпко и уже на зарѣ былъ у Палена. Было 30 марта. Я видѣлъ, что всѣ спѣшили запастись бѣлыми повязками. Многіе носили ихъ уже на рукѣ, другіе старались раздобыть ихъ. Солдаты забирали отовсюду простыни и рѣзали ихъ на куски. Съ верху отданъ былъ приказъ, чтобы всѣ военные безъ различія чиновъ, принадлежащіе къ союзной арміи, носили, какъ общій распознавательный знакъ, на лѣвой рукѣ, бѣлую повязку. Такая мѣра вызывалась разнообразіемъ мундировъ въ союзномъ войскѣ. Еще за день передъ тѣмъ казаки попотчивали немножко пиками англійскаго полковника, Кемпбеля, принявъ его, незнакомый имъ, мундиръ за французскій. Теперь, когда войска стремились со всѣхъ сторонъ къ одному средоточію и легко могли столкнуться при этомъ, наступая съ противоположныхъ сторонъ, подобный знакъ былъ крайне необходимъ, дабы предупредить подобныя-же случайности. Бѣлый цвѣтъ повязки не имѣлъ, впрочемъ, никакого отношенія къ Бурбонамъ, хотя ихъ сторонники и пытались истолковать это обстоятельство въ свою пользу“. Denkwurdigkeiten eines Lievländers, T. II, стр. 247—248.

торжественныя минуты своей жизни. Еще нѣсколько часовъ, еще одно, послѣднее усиліе,—и цѣль, къ которой такъ настойчиво стремился онъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ,—будетъ достигнута! Императоръ выѣхалъ на передовыя позиціи и передъ нимъ, сверкая милліонами огней, развернулся Парижъ. Глухой шумъ, подобный рокоту моря, явственно доносился до его слуха. То было ускоренное, напряженное дыханіе милліоннаго города. Говоръ и крики толпы, стукъ сотенъ тысячъ колесъ, топотъ коней, трескотня барабановъ и звонъ колоколовъ явственно выдѣлялись изъ общаго хаоса звуковъ. Парижъ видимо готовился къ послѣдней отчаянной оборонѣ; революція, изрыгавшая отсюда разрушеніе и смерть на цѣлый міръ, билась въ послѣднихъ, предсмертныхъ судоргахъ. И Александръ понялъ въ свою очередь, что часъ разсчета и возмездія пробилъ, но онъ понялъ также, что разсчетъ и возмездіе должны совершиться не тѣми путями и способами, какъ понимала ихъ толпа.

Тщеславный, гордый врагъ былъ ниспровергнутъ съ высоты своего эфемернаго величія. Позоръ Аустерлица и Фридланда, униженіе Тильзита и Эрфурта, пожаръ Москвы, оскверненіе святыни,—все было смыто потоками крови. Половина Франціи была занята и опустошена всеевропейскимъ воинствомъ. Уже его русскіе полки подступили къ самому гнѣзду революціи и тиранніи, уже христолюбивые легіоны его взирали съ окрестныхъ высотъ на поприще столькихъ злодѣяній и толикой славы. „Чтобы сказала Екатерина Вторая, когдабы могла предусмотрѣть, что нѣкогда царственный внукъ ея такъ близко придвинетъ побѣдоносную свою армію къ стѣнамъ великой столицы міра и, что Александръ Благословенный не будетъ въ этотъ моментъ лишь предводителемъ одного своего воинства, но Агамемнономъ между царями и повелителемъ всѣхъ европейскихъ полчищъ, что мощный русскій владыка будетъ вмѣстѣ и душею своихъ державныхъ и вѣнценосныхъ соратниковъ“ [1]). И развѣ въ этомъ моментѣ не заключалось уже само по себѣ и полное удовлетвореніе для

---

[1]) Изъ записокъ Бартенева, Русскій Архивъ, 1886 г. Кн. V, стр. 94.

побѣдителя, и горькое возмездіе для ниспровергнутаго въ прахъ гордаго врага? И неужели было мыслимо запятнать это удовлетвореніе и возмездіе дикими сценами убійства, грабежа, пожара, разрушенія? Нѣтъ, онъ, Александръ, поборникъ свѣта и добра, не можетъ, не долженъ допускать этого! Рука Божія ополчила его десницу несокрушимою мощью, она привела его отъ пожарища Москвы къ стѣнамъ вражеской столицы, она повергла къ стопамъ его величайшаго военнаго генія міра, она направила его къ Парижу вопреки всѣмъ сомнѣніямъ, колебаніямъ и разсчетамъ человѣческимъ, она избрала его исполнителемъ своей воли. И эта воля должна была теперь свершиться, но свершиться не въ духѣ кроваваго отмщенія, а въ духѣ милосердія и помилованія, которымъ было преисполнено сердце Александра.

Не ложное тщеславіе, не желаніе блеснуть великодушіемъ, не заискиваніе предъ низложеннымъ непріятелемъ и не дальновидныя политическія комбинаціи [1]), а единственно нравственныя и чисто религіозныя побужденія руководили въ этотъ величайшій моментъ дѣйствіями русскаго Самодержавца. Русскіе варвары и людоѣды должны были пристыдить своимъ человѣколюбіемъ поборниковъ революціонной фразы и ложной цивилизаціи. Беззащитное населеніе не должно было расплачиваться своею кровью, честью и имуществомъ за безумное ослѣпленіе своихъ тиранновъ. На мѣстѣ невѣрія и нечестія не должны были совершиться новыя оргіи кроваваго разрушенія; нѣтъ! это мѣсто должно было быть очищено колѣнопреклонною молитвою побѣдителей и побѣжденныхъ.

Александру доносили, что въ средѣ союзнаго воинства господствуетъ самое озлобленное настроеніе, что пруссаки готовятся смыть въ крови парижанъ неслыханный позоръ, причиненный ихъ родинѣ, что русскіе солдаты намѣреваются разсчитаться съ французами за пожаръ Москвы и опусто-

[1]) Такими мотивами объясняли и объясняютъ образъ дѣйствій Александра по отношенію къ побѣжденному Парижу почти всѣ западные писатели, за немногими почтенными исключеніями.

шеніе своего отечества, что всѣ союзные воины, безъ исключенія, разсчитываютъ на грабежъ Парижа. Императоръ спѣшилъ принять мѣры противъ собирающейся грозы. Онъ подѣлился своими мыслями прежде всего съ своимъ другомъ, королемъ прусскимъ и успѣлъ склонить его на свою великодушную точку зрѣнія. Къ государямъ были призваны начальники всѣхъ отдѣльныхъ частей; всѣмъ имъ отданъ былъ самый строгій приказъ принять самыя дѣятельныя мѣры къ сохраненію дисциплины, къ предупрежденію безпорядковъ и насилій надъ мирными жителями въ случаѣ взятія города приступомъ [1]).

И парижане должны были знать о великодушныхъ намѣреніяхъ союзныхъ монарховъ, и они должны были понять, что соединенная Европа стремится лишь къ низложенію всесвѣтнаго тиранна и возстановленію мира. Князь Шварценбергъ долженъ былъ обратиться, по желанію монарховъ, съ слѣдующею прокламаціею къ жителямъ Парижа:

„Жители Парижа! Союзныя арміи стоятъ передъ вашимъ городомъ; цѣль ихъ похода къ столицѣ Франціи,—это надежда достигнуть искренняго и прочнаго примиренія съ вашею страною. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ Европа покрывается потоками слезъ и крови. Всѣ попытки положить предѣлъ сему великому несчастью остались безплодными, ибо въ могуществѣ угнетающаго васъ правительства, заключается

---

[1]) Въ запискахъ Бартенева читаемъ: „Вскорѣ послѣ рѣшенія нашего идти на Парижъ, продолжалъ государь, нѣкоторые изъ моихъ генераловъ донесли мнѣ, что, обозрѣвая солдатскіе бивакп, они случайно заслышали и вызнали единодушное намѣреніе солдатъ, невольно обнаружившееся въ ихъ простодушныхъ разговорахъ, чтобы поразорить и пограбить, какъ они тогда называли, богатую французскую столицу. Но я въ то же время принялъ противъ этого рѣшительныя мѣры. Пересказывая о сихъ солдатскихъ желаніяхъ королю прусскому, я весьма удивился, когда отъ него услышалъ, что онъ никакъ не беретъ на себя воспретить такого лакомаго и такъ давно ожидаемаго случая для войскъ прусскихъ. „Возьмите, государь, вы сами на себя, сказалъ мнѣ тогда Фридрихъ, удержать мои войска, а я ни какъ за это не берусь“.—За моихъ русскихъ я могу смѣло отвѣтствовать, промолвилъ я. Надѣюсь сдержать и вашихъ солдатъ. Въ то же время я приказалъ призвать къ себѣ маіоровъ полковъ, и все устроялось по моему желанію“. Русская Старина, 1886 г. Кн. V, стр. 97.

непреодолимое препятствіе для мира. Нѣтъ ни одного француза, который не былъ-бы убѣжденъ въ этой истинѣ. Такъ какъ союзные монархи искренно желаютъ водворенія во Франціи такой верховной власти, которая могла-бы примириться со всѣми націями и правительствами, то они полагаютъ, что и городъ Парижъ могъ-бы способствовать въ настоящую минуту установленію всеобщаго мира. Они ожидаютъ выраженія вашего желанія съ тѣмъ участіемъ, какое способно внушить столь великое рѣшеніе. Пусть только Парижъ заявитъ свои желанія и армія, стоящая подъ стѣнами его, поддержитъ ихъ. Парижане! Вы знаете положеніе вашего отечества, образъ мыслей Бордосцевъ, дружелюбное занятіе Ліона, несчастія, обрушившіяся на всю Францію и настоящій образъ мыслей вашихъ земляковъ. Въ этихъ примѣрахъ вы должны найти конецъ внѣшней войны и внутренняго раздора. Тщетно пытались-бы вы найти ихъ на иномъ пути. Сохраненіе и спокойствіе вашего города будутъ предметомъ заботливости союзниковъ; они будутъ стремиться къ этой цѣли въ согласіи съ тѣми властями и нотаблями, которые пользуются наибольшимъ уваженіемъ. Войска не будутъ расквартированы въ вашемъ городѣ. Съ такими чувствами обращается къ вамъ стоящая подъ стѣнами вашими вооруженная Европа. Поспѣшите-же оправдать то довѣріе, которое возлагаетъ Европа на вашу любовь къ отечеству и на ваше благоразуміе“ [1]).

Прокламація Шварценберга была составлена по желанію монарховъ, но можно сказать положительно, что она не могла удовлетворить императора Александра. Шварценбергъ говорилъ не языкомъ побѣдителя, дарующаго пощаду и милость побѣжденнымъ, а языкомъ человѣка, прибѣгающаго къ посредничеству великаго и непобѣдимаго Парижа. Онъ какъ будто извинялся передъ парижанами за свое неожиданное появленіе подъ стѣнами ихъ города, онъ приглашалъ ихъ

---

[1]) Подлинный текстъ прокламаціи Шварценберга напечатанъ, между прочимъ, у Плото, Der Krieg in Deutschland u. Frankreich in den Iahren 1813—1814, Т. III, стр. 403.

выразить свои желанія и требованія и предлагалъ къ ихъ услугамъ свою армію. Понятно, что подобная прокламація могла произвести лишь самое тяжелое и невыгодное впечатлѣніе въ рядахъ союзной арміи [1]). Что-же касается до парижанъ, то они едва-ли успѣли ознакомиться съ воззваніемъ князя. Ихъ вниманіе поглощено было въ это время иными интересами; они еще не знали, чѣмъ окончится борьба за ихъ городъ и предпочитали пока оставаться безучастными зрителями этой борьбы.

Безпокойство и тревога въ Парижѣ возростали съ каждымъ днемъ съ тѣхъ поръ, какъ пронесся слухъ, что сильный непріятельскій корпусъ приближается къ столицѣ со стороны Марны. Правительство поспѣшило, правда, обнародовать самыя успокоительныя извѣстія. Было объявлено, что непріятель, направляющійся къ Парижу, состоитъ лишь изъ небольшаго отряда, что, отрѣзанный отъ остальныхъ союзныхъ войскъ, онъ бросился къ столицѣ, руководимый слѣпымъ отчаяніемъ и, что вслѣдъ за нимъ идетъ побѣдоносная армія

---

[1]) О впечатлѣніи, произведенномъ прокламаціею князя Шварценберга на союзныя войска, см. между прочимъ: Helldorf, aus dem Leben d. Prinzen Eugen v. Würtemberg, T. 4, стр. 51. „Wenn der Eindruk, den diese Proclamation auf die Pariser machte, kein grösserer war, als der, den sie ihrer matten Sprache halber auf uns machte, so war seine Wirkung eine gänzlich verfehlte; dem Schwarzenbergischem Hauptquartier ging vor den Thoren von Paris nicht nur Umsicht sondern auch Energie ab. Schwarzenberg fühlte theils sich überwältigt von der unermesslichen Aufgabe, welche ihm jezt, zum Theil wider seinen Willen, gedrängt durch die Erreignisse geworden; theils durch die Anwesenheit der Monarcheu in seinen Schritten beengt. Wir fragten mit Recht: warum sollte nach Paris keine militärische Einquartierung kommen, hatten die braven Truppen, welche mit den unsäglichsten Entbehrungen bisher gekämpft hatten, nicht ein Recht errungen, Paris als das Ende derselben ansehen zu dürfen und dort Erholung zu finden, und wodurch hatten die Pariser diesen Vorzug, von Einquartierung befreit zu bleiben, errungen? Etwa durch das Benehmen des Franzosen in den von ihnen bisher, leider, besezt gehaltenen Hauptstädten Europa's? War es nicht genug, wenn ihnen versprochen wurde, es sollte nach dem Einzug die strengste Mannszucht gehalten werden?" Слова эти любопытны во многихъ отношеніяхъ. Они характеризуютъ, какъ нельзя лучше, настроеніе, господствовавшее въ союзной арміи по отношенію къ князю Шварценбергу. Нелюбимому фельдмаршалу приписывали все, что не нравилось массѣ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Извѣстно, что рѣшеніе освободить Парижъ отъ квартирнаго постоя войскъ исходило отъ императора Александра, а вовсе не отъ Шварценберга.

Наполеона. Распоряженія самого правительства, его напряженная, лихорадочная дѣятельность плохо гармонировали, однако-же, съ этими баснями. Парижане видѣли, что правительство забираетъ подъ ружье всѣхъ, кого только возможно, что оно отправляетъ послѣднихъ рекрутъ изъ запасныхъ депо къ вновь сформированной дивизіи Компана, что оно высылаетъ въ поле даже совершенно необученныхъ и плохо вооруженныхъ людей.

Трудно допустить, чтобы Наполеоновскія власти обманывали самихъ себя, чтобы они питали еще какія—нибудь надежды на спасеніе Парижа. Эти надежды должны были во всякомъ случаѣ исчезнуть, когда пришло извѣстіе о пораженіи маршаловъ при Феръ-Шампенаузѣ и когда два дня спустя вступили съ одной стороны въ городъ истомленные отряды Мармона и Мортье, а съ другой—появились у Бонди русскіе казаки и егеря. Наступило 29-е марта, а вмѣстѣ съ нимъ пробилъ и послѣдній часъ Наполеоновскаго владычества во Франціи. Король Іосифъ, переговоривши съ маршалами и получивъ отъ нихъ точныя свѣдѣнія о громадныхъ силахъ, съ которыми идетъ непріятель на Парижъ, о безнадежности дальнѣйшаго сопротивленія, порѣшилъ, что теперь наступилъ моментъ исполнить инструкціи, данныя ему императоромъ и принять мѣры къ удаленію изъ Парижа императрицы и короля римскаго. Но онъ не рѣшился принять на себя всю тяжкую отвѣтственность этого дѣла, а предпочелъ оградить себя авторитетомъ государственнаго совѣта.

Засѣданіе совѣта открылось вечеромъ 29 марта [1]) въ одной изъ залъ Тюльирійскаго дворца. На предсѣдательскомъ мѣстѣ возсѣдала императрица Марія-Луиза, блѣдная, взволнованная, но неспособная ни по своей натурѣ, ни по положе-

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ засѣданіи мы находимъ въ запискахъ Іосифа Бонапарте, въ мемуарахъ Савари и въ свидѣтельствахъ другихъ участниковъ. По словамъ Савари въ совѣтѣ засѣдали слѣдующія лица: князь Беневентскій, архиканцлеръ, верховный казначей, великій судья М. Моле, министръ внутреннихъ дѣлъ Монталиве, министръ военный, герцогъ Фельтрскій, министръ духовныхъ дѣлъ Биго де Прамене, министръ торговли де Сюсси, государственный секретарь, герцогъ Кадорскій, министръ финансовъ, герцогъ Гаэтскій, хра-

нію, къ какому-бы то ни было самостоятельному, героическому рѣшенію. Вокругъ нея размѣстились всѣ корифеи Наполеоновскаго режима. Тутъ были архиканцлеръ Камбасаресъ, верховный судья Молѐ, президентъ сената Ласепедъ; тутъ засѣдали всѣ министры, сюда не преминулъ явиться и хитрый Талейранъ, давно уже покончившій всѣ счеты съ имперіею и дѣятельно подготовлявшій въ тиши реставрацію Бурбоновъ.

Странное зрѣлище представлялъ этотъ государственный совѣтъ, состоявшій изъ однихъ креатуръ Наполеона, изъ людей, поднятыхъ имъ изъ ничтожества. Всѣ эти люди отлично понимали теперь, что вопросъ идетъ о существованіи Наполеона и его династіи; всѣ они отлично сознавали, что и ихъ интересы тѣсно связаны съ существующимъ порядкомъ вещей, но ни у одного изъ нихъ не хватило въ этотъ моментъ ни мужества, ни способности, ни рѣшимости высказать самостоятельное мнѣніе. Воспитанные въ рабствѣ, привыкшіе къ слѣпому исполненію воли своего повелителя, они остались рабами и въ этотъ послѣдній моментъ своей политической дѣятельности. Они способны были говорить и говорить много, они умѣли отчеканивать громкія, героческія фразы, но какъ всегда, такъ и теперь, они предоставляли рѣшеніе всѣхъ вопросовъ своему непогрѣшимому владыкѣ.

Строгій этикетъ, напоминавшій доброе старое время, господствовалъ въ этомъ собраніи. Король Іосифъ испросилъ прежде всего разрѣшеніе императрицы начать совѣщанія и предоставилъ затѣмъ слово военному министру, герцогу фельтрскому Кларке. Кларке произнесъ длинную рѣчь, въ которой изображалъ положеніе дѣлъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Онъ говорилъ, что столица находится въ крайней опасности, что императоръ далеко, а враги близко и что нѣтъ средствъ для борьбы съ ними. Онъ перечислилъ всѣ

нитель государственной казны Мольенъ, министръ полиціи, герцогъ Ровиго, морской министръ, герцогъ Декресъ, государственные министры: герцогъ де Масса, Реньо де сенъ-жанъ-д'Анжели, Буле де-га Мертъ, Мерлинъ де Дуэ, Мюреръ, графъ де Сессакъ, де-Фермонъ, президентъ сената Ласепедъ". Мнѣ кажется, добавляетъ Савари, что въ совѣтѣ присутствовали также маршалы Монсей и Серюрье, хотя я и не могу утверждать этого". Memoires de duc du Rowigo, T. 6, стр. 381.

войска, бывшія въ его распоряженіи какъ въ Парижѣ, такъ и въ окрестностяхъ; онъ жаловался на недостатокъ въ ружьяхъ и въ артиллеріи; онъ упомянулъ, что у него нѣтъ даже лошадей, которыхъ можно было запрягать подъ орудія. Онъ не сдѣлалъ никакого вывода изъ своей длинной рѣчи, но онъ видимо хотѣлъ сказать: я объяснилъ вамъ все; теперь дѣлайте, какъ знаете, а я умываю руки.

Никто изъ членовъ совѣта не рѣшился оспаривать заявленій военнаго министра. Всѣ молчали, не исключая и министра полиціи Савари, увѣрявшаго потомъ въ своихъ мемуарахъ, что Кларке намѣренно скрылъ отъ совѣта тѣ громадныя средства, которыя имѣлись въ его рукахъ для обороны Парижа, что онъ умолчалъ о десяти тысячахъ войска, находившихся на пути изъ Версаля въ Вандомъ, о пятидесяти четырехъ тысячахъ совершенно готовыхъ ружей, сложенныхъ въ парижскомъ арсеналѣ, что онъ не упомянулъ ни однимъ словомъ о двухъ стахъ пятидесяти орудіяхъ, стоявшихъ въ полной готовности на Марсовомъ полѣ. Какъ бы то ни было, но Савари не счелъ почему-то удобнымъ дополнить или поправить соообщенія Кларке; быть можетъ, онъ самъ не былъ увѣренъ въ точности своихъ свѣдѣній и какъ настоящій чиновникъ считалъ неумѣстнымъ мѣшаться въ чуждую ему область военной администраціи [1]). Всѣ присутствующіе держались, очевидно, такой-же тактики. Заявленія военнаго министра были приняты какъ факты, не подлежащіе сомнѣнію. Парижъ невозможно было защищать съ какою-нибудь надеждою на успѣхъ, а отсюда естественно возникалъ вопросъ: возможно-ли было оставлять въ городѣ императрицу и ея сына?

Савари увѣряетъ насъ, что всѣ члены совѣта высказались

---

[1]) Всѣ утвержденія Савари, повторяемыя и другими бонапартистскими авторами, или крайне преувеличены, или совершенно вымышлены. Не только Кларке, но и король Іосифъ и другіе свидѣтели утверждаютъ, что въ парижскихъ арсеналахъ вовсе не было ружей. Что ружей дѣйствительно не было, видно, между прочимъ, изъ того, что изъ 12,000 парижской національной гвардіи, принимавшей участіе въ оборонѣ Парижа, только 7,200 человѣкъ вооружены были солдатскими ружьями, тогда какъ остальные имѣли только охотничьи ружья и карабины. Войска вооруженнаго и готоваго къ бою въ окрестносяхъ Парижа

по этому вопросу, какъ подобаетъ добрымъ французамъ и людямъ, преданнымъ императору и его дѣлу. Они доказывали, что крайне опасно предоставлять Парижъ въ жертву враждебнымъ династіи вліяніямъ, что не слѣдуетъ оскорблять парижанъ, удаляя изъ ихъ среды правительницу и короля римскаго, которыхъ они поклялись защищать. Съ особеннымъ жаромъ говорилъ сенаторъ Буле-де-ла-Мертъ. „Необходимо“, заявилъ онъ, „чтобы императрица послѣдовала въ этотъ критическій моментъ героическому примѣру бабки своей, Маріи Терезіи. Пусть Марія-Луиза явится съ своимъ сыномъ на рукахъ въ городскомъ домѣ, пусть она покажется народу на улицахъ, пусть она отправится въ предмѣстія— и парижская масса подымется съ энтузіазмомъ, какъ одинъ человѣкъ, на защиту имперіи“. Рѣчь Буле произвела, повидимому, сильное впечатлѣніе, всѣ одобряли высказанную имъ мысль, всѣ были, казалось, преисполнены чувствами національной гордости и династической преданности. Даже Талейранъ замѣтилъ, что императрица должна остаться въ Парижѣ, что одно ея присутствіе можетъ предупредить грозящій переворотъ. Мастеръ дипломатической интриги, человѣкъ, замѣтившій, что языкъ данъ людямъ лишь для того, чтобы удобнѣе скрывать свои мысли, счелъ для себя удобнымъ надѣть въ эту минуту еще разъ маску ревностнаго слуги императора. Талейранъ отлично понималъ, что члены совѣта играютъ пустую и недостойную комедію, что все ихъ вниманіе поглощено теперь не вопросомъ спасенія имперіи, а спасенія собственной карьеры и матеріальнаго благосостоянія. Онъ зналъ, какъ знали это и всѣ другіе, что паденіе Парижа неминуемо, что присутствіе императрицы и ея сына не можетъ оказать ни малѣйшаго вліянія на

не было и быть не могло, такъ какъ въ противномъ случаѣ Наполеонъ давнобы притянулъ его къ своей арміи. Въ запасныхъ депо находилось, правда, до 20,000 рекрутъ, но они не были обучены и вооружены. Національная гвардія и рабочее населеніе Парижа, объ энтузіазмѣ и героизмѣ которыхъ толкуетъ такъ много Тьеръ, вовсе не были годны къ бою съ регулярными войсками и не обнаруживали ни малѣйшаго желанія идти въ огонь. Что-же касается до артиллеріи, то защитники Парижа снабжены были ею, какъ увидимъ это ниже, въ достаточномъ количествѣ.

неудержимый ходъ событій, онъ не боялся возстанія пролетаріевъ и не ожидалъ отъ него ничего хорошаго или дурнаго; но онъ считалъ излишнимъ противорѣчить въ этомъ мѣстѣ и въ эту минуту громкимъ словамъ безсовѣстныхъ фразеровъ, онъ даже вторилъ имъ съ свойственною ему тонкою, сатанинскою ироніею.

Дѣланный энтузіазмъ совѣта достигъ до своего апогея, рѣчь слѣдовала за рѣчью и не предвидѣлось конца вѣрноподданническимъ изліяніямъ, когда Іосифъ Бонапарте внезапно вынулъ изъ кармана письмо императора отъ 16 марта [1]), предписывавшее немедленно увезти изъ Парижа императрицу и короля римскаго въ томъ случаѣ, если союзники явятся подъ стѣнами столицы съ главными своими силами. Теперь этотъ случай наступилъ и воля императора должна была быть исполнена немедленно и безпрекословно. Письмо подѣйствовало на собраніе подобно магическому жезлу. Нашлись, правда, храбрецы, въ родѣ герцога Кадорскаго, утверждавшіе, что не слѣдуетъ обращать вниманіе на предписаніе императора, что правительница и сынъ ея должны оставаться въ Парижѣ, что если правители желали слѣпо исполнять декреты Наполеона, не принимая во вниманіе обстоятельствъ времени и мѣста, то въ такомъ случаѣ вовсе не было надобности созывать членовъ государственнаго совѣта. Никто не возражалъ противъ послѣдняго вполнѣ основательнаго замѣчанія, но всѣ члены совѣта объявили, что воля императора должна быть исполнена. Правительница не противорѣчила. Ей объявили, что она должна выѣхать изъ Парижа въ 8 часовъ утра. Было уже три часа ночи, когда окончилось засѣданіе совѣта.

Страшная сумятица поднялась въ роскошныхъ покояхъ Тюльирійскаго дворца. Возвратились, казалось, страшныя времена великой революціи. Торопливо метались во всѣ сто-

---

[1]) Впослѣдствіи бонапартисты утверждали, что Іосифъ ссылался на устарѣлое и отмѣненное распоряженіе Наполеона. Нечего и говорить, что эта наглая ложь лишена всякаго основанія. Наполеонъ никогда не отмѣнялъ своего приказанія отъ 16 марта и приказаніе это относилось именно къ тому случаю и къ тѣмъ обстоятельствамъ, которые наступили 29 марта.

роны элегантныя, придворныя дамы и простые лакеи. Забыты были правила строгаго этикета. Рабочіе заколачивали ящики и сундуки съ пожитками императрицы и ея дамъ. Чиновники, блѣдные отъ страха, упаковывали бумаги и остатки государственной казны. Никто не вздремнулъ въ эту ночь во всемъ дворцѣ. Да и возможно-ли было думать о снѣ, среди всѣхъ дѣйствительныхъ, а еще болѣе воображаемыхъ ужасовъ, потрясавшихъ нѣжные нервы придворнаго люда! Парижъ представлялъ въ эту ночь тревожную картину. Весь горизонтъ былъ залитъ яркимъ заревомъ десятковъ тысячъ костровъ, пылавшихъ въ непріятельскомъ лагерѣ. На всѣхъ улицахъ гремѣли барабаны, призывавшіе на сборъ національную гвардію. Толпы буйной черни бродили тамъ и сямъ, громко и неистово требуя оружія. Войска Мармона и Мортье торопливо проходили черезъ городъ спѣша занять высоты Монмартра и Бельвиля.

Настало утро и приближался уже часъ, назначенный для отъѣзда императрицы и короля римскаго. За городомъ раздавались уже отдѣльные пушечные выстрѣлы и слышался трескъ ружейнаго огня. Марія-Луиза готова была въ дорогу, но маленькій сынъ ея ни за что не хотѣлъ покидать отцовскаго дворца. Тщетно пытались уговорить малютку его мать и гувернантка. „Я не хочу ѣхать въ Рамбулье! Это гадкій замокъ! Останемся здѣсь, мама!“ кричалъ мальчикъ. Казалось, онъ чувствовалъ, что его влекутъ въ вѣчное изгнаніе, что надъ нимъ свершается страшный приговоръ. Шталмейстеръ Канишъ вынесъ его на лѣстницу, но онъ сопротивлялся всѣми силами. Онъ хватался рученками за мебель, за двери, за перила лѣстницы. „Я не хочу оставлять мой домъ!“ вопилъ онъ, обливаясь слезами. „Папа уѣхалъ! Онъ оставилъ меня здѣсь хозяиномъ“. Съ трудомъ вынесли его изъ дворца и усадили въ карету, почти безъ чувствъ. Всѣ присутствующіе были невольно потрясены этою странною сценою [1]). Печальный кортежъ тронулся въ путь.

---

[1]) Подробности см. у Савари, т. VII, стр. 2—3, Дюрандъ Мемуары (нѣмецкое изданіе) стр. 189—191; Мемуары короля Іосифа, т. X, стр. 33; Боссе, Memoires et souvenirs. T. IV, стр. 66 (нѣмецкое изданіе).

Императрицу сопровождалъ, въ числѣ другихъ лицъ, президентъ сената. Передъ отъѣздомъ, онъ обратился съ письмомъ ко всѣмъ сенаторамъ, предупреждая ихъ отнюдь и ни по чьему приглашенію не собираться въ незаконное засѣданіе. Смѣшная предосторожность со стороны лицъ, никогда не стѣснявшихся никакими законами и формальностями! Іосифъ Бонапарте и государственные министры оставались пока въ городѣ, но и они готовы были къ отъѣзду.

Выпроводивъ правительницу и ея сына [1]), Іосифъ поспѣшилъ за городскую заставу и въ сопровожденіи Мармона объѣхалъ ближайшія позиціи. Онъ имѣлъ тутъ возможность лично убѣдиться въ крайней несоразмѣрности своихъ и непріятельскихъ силъ. Невозможность защищать подступы къ Парижу даже въ теченіе одного дня представилась ему во всей очевидности. Эксъ-король, страшно взволнованный предстоящимъ ему тяжелымъ рѣшеніемъ, расположился на возвышенности Монмартра, откуда открывался видъ на все обширное поле битвы. Онъ хотѣлъ лично слѣдить отсюда за ходомъ боя, дабы имѣть возможность съ точностью опредѣлить моментъ, когда изсякнутъ послѣднія средства обороны и когда сама необходимость заставитъ вступить съ непріятелемъ въ переговоры о капитуляціи Парижа.

Вооруженныя силы, находившіяся въ распоряженіи Мармона и Мортье, были крайне ограничены. Онѣ состояли изъ 18,981 человѣка пѣхоты и 5,565 всадниковъ. Изъ этого числа 3,345 всадниковъ расположились у подошвы холмовъ, тянувшихся вдоль Венсенскаго лѣса; 9,000 пѣхоты заняли Бельвильскія высоты, тогда какъ у Пантена и въ ущельи Уркскаго канала стали 5,320 человѣкъ пѣхоты. Всѣ эти войска, со включеніемъ 210 человѣкъ морскихъ канонировъ, находившихся при орудіяхъ на высотахъ Бельвиля, составляли правое крыло всей французской арміи и находились подъ непосредственнымъ начальствомъ маршала Мармона. На лѣвомъ крылѣ, гдѣ командовалъ маршалъ Мортье, рас-

[1]) Надъ несчастнымъ сыномъ Наполеона совершилась, дѣствительно, участь Астіанакса, всегда казавшаяся его отцу самою печальною и ужасною во всей всемірной исторіи.

положено было всего на—всего 4,410 человѣкъ пѣхоты и 2,200 всадниковъ. Главная часть этихъ войскъ, 3,603 человѣка пѣхоты и вся кавалерія, сосредоточены были на Сенъ-Дениской равнинѣ, тогда какъ на крутой возвышенности Монмартра находились всего лишь 780 человѣкъ инвалидныхъ артиллеристовъ и учениковъ политехнической школы [1]). Защита Парижа была-бы впрочемъ совершенно немыслима, если-бы въ распоряженіи маршаловъ не находилась многочисленная артиллерія, всего около 154 орудій. Правда, эта артиллерія не могла маневрировать, такъ какъ она не имѣла упряжныхъ лошадей. Всѣ пушки были доставлены на позиціи извощичьими и почтовыми лошадьми; онѣ должны были оставаться неподвижными во все время боя, но французскіе артиллеристы распредѣлили ихъ такъ искусно, что онѣ могли обстрѣливать всѣ подступы и дороги къ высотамъ и наносить большой уронъ непріятелю. Нѣсколько баталіоновъ національной гвардіи отважились также выйти изъ города утромъ 30-го марта и заняли позиціи вблизи линейныхъ войскъ, но едва только раздались первые пушечные выстрѣлы, какъ эти гражданскіе воины поспѣшно отретировались съ поля сраженія въ болѣе безопасныя мѣста.

Для атаки французскихъ позицій союзники располагали громадными силами, всего около 120,000 ч., но диспозиція, составленная княземъ Шварценбергомъ, построена была на совершенно фальшивыхъ основаніяхъ и не дала возможно-

---

[1]) Относительно численности защитниковъ Парижа самыя точныя свѣдѣнія даетъ Кохъ, Memoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814. T. II, стр. 433—436. Если у Коха общее число французскихъ войскъ показано въ 40,000 чел., то эта цыфра не должна вводить насъ въ заблужденіе, такъ какъ въ составъ ея внесены 12,000 національной гвардіи, не имѣвшей никакого значенія на полѣ битвы. См. также: Бернгарди, т. IV, втор. полов. стр. 342—344; Богдановичъ, т. IV стр. 486; Мармонъ, т. VI, стр. 241, который, уменьшая, по обыкновенію до смѣшнаго, количество войскъ, находившихся подъ его командою, выражается, между прочимъ, такимъ образомъ: „Итакъ съ семью тысячами пятью стами пѣхотинцевъ, принадлежавшими къ семидесяти различнымъ баталіонамъ и состоявшимъ, слѣдовательно, изъ однихъ обломковъ, и пятнадцатью сотнями лошадей, я выдержалъ противъ цѣлой арміи, введшей въ бой около 50,000 человѣкъ, одну изъ славнѣйшихъ битвъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ Франціи“.

сти воспользоваться скоро и рѣшительно этимъ подавляющимъ численнымъ превосходствомъ. Оказывается, что въ главной квартирѣ князя не имѣли точныхъ свѣдѣній ни о непріятелѣ, ни о мѣстѣ нахожденія собственныхъ корпусовъ. Хотя маршалы Мармонъ и Мортье уже занимали высоты подъ Парижемъ, но союзные стратеги, опустившіе ихъ совершенно изъ виду уже нѣсколько дней тому назадъ, полагали, что они только приближаются къ столицѣ Франціи со стороны Фонтенебло. Основываясь на этомъ фантастическомъ предположеніи, диспозиція князя Шварценберга разсчитывала завладѣть городомъ почти безъ всякаго сопротивленія и назначала для атаки Бельвильскихъ высотъ и для занятія всей мѣстности вдоль до Урксваго канала отъ Пантена до самой городской ограды всего лишь одинъ корпусъ Раевскаго, около 19,000 ч. Въ резервѣ за этими войсками поставлена была русско-прусская гвардія и гренадеры подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, но при этомъ предполагалось само собою, что гвардія и гренадеры будутъ оставаться все время внѣ линіи огня, что дѣло обойдется и безъ нихъ. Выдвигая противъ главной непріятельской позиціи такія незначительныя силы, диспозиція сосредоточила громадную массу войскъ подъ начальствомъ кронпринца виртембергскаго и генерала Гіулая на берегу Марны и предписывала этимъ отрядамъ заграждать съ одной стороны путь къ Парижу Мармону и Мортье, а съ другой повести атаку на Венсенскій лѣсъ, Шарантонъ и Венсенскій замокъ. Наконецъ, фельдмаршалу Блюхеру отправленъ былъ приказъ атаковать своими войсками Сенъ-Дени и Монмартръ, одновременно съ войсками Раевскаго, т. е. около пяти часовъ утра. Приказанія, отданныя кронпринцу и Блюхеру, не могли быть, однакоже, исполнены въ точности, такъ какъ войска этихъ генераловъ находились на зарѣ 30-го (18-го) марта вовсе не на тѣхъ пунктахъ, гдѣ предполагала ихъ диспозиція. При самомъ лучшемъ желаніи они не могли достигнуть непріятельскихъ позицій ранѣе полудня. Результатъ всѣхъ этихъ странныхъ распоряженій былъ въ высшей степени благопріятенъ для защит-

никовъ Парижа. Оказалось, что французамъ пришлось имѣть дѣло въ первые часы сраженія всего лишь съ 19,000 союзниковъ, другими словами, что на ихъ сторонѣ была не только крѣпкая позиція, но и численное превосходство [1]).

Маршалъ Мармонъ сдѣлалъ впрочемъ, съ своей стороны, также чрезвычайно крупную ошибку. Расположивъ свои войска на высотахъ Бельвиля на линіи между Мотрейлемъ и Пре-Сентъ-Жерве, онъ опустилъ изъ виду занять своевременно крѣпкій замокъ Роменвиль [2]), расположенный на склонѣ высотъ, окруженный обширнымъ, огражденнымъ каменными стѣнами, и чрезвычайно удобнымъ для обороны, паркомъ. По странному стеченію обстоятельствъ, союзники также не заняли этого важнаго пункта, и теперь все зависѣло отъ того, какая сторона пойметъ ранѣе свою ошибку и успѣетъ предупредить противника. Герцогъ Евгеній виртембергскій, войска котораго входили въ составъ колонны Раевскаго, явился и на этотъ разъ какъ при Кульмѣ прозорливѣйшимъ и отважнѣйшимъ изъ союзныхъ вождей. Евгенію было предписано идти впередъ по долинѣ Уркскаго канала, но онъ видѣлъ, что всѣ возвышенные пункты надъ

---

[1]) Диспозиція К. Шварценберга у Плото, Der Krieg in Deutschland und Francreich in d. Jahren 1813 и 1814, т. III, стр. 404; разборъ диспозиціи у Бернгарди, т. IV, 2-я половина, стр. 345 и слѣд.

[2]) Мармонъ говоритъ объ этой своей ошибкѣ слѣдующее: „Я понялъ значеніе Роменвильской позиціи и зная, что Компанъ, при своемъ отступленіи, покинулъ ее, не имѣлъ свѣдѣній о занятіи ея непріятелемъ. Ночью я отправилъ изъ Сенъ-Манде патруль, дабы удостовѣриться на счетъ этого важнаго обстоятельства. Офицеръ, командовавшій этимъ патрулемъ, донесъ мнѣ, не побывавъ даже въ Роменвилѣ, что тамъ непріятеля нѣтъ. Эта ошибка, настоящее преступленіе на войнѣ, имѣла, однако-же, одинъ благопріятный результатъ и была отчасти причиною продолжительности этой столь достопамятной по неравенству силъ защиты. Она имѣла то вліяніе, что побудила меня дѣйствовать наступательно и тѣмъ дала всей защитѣ совершенно иной характеръ. На основаніи этого ложнаго донесенія я отправился за часъ до восхожденія солнца изъ Шаронтона, дабы занять Роменвильскую позицію, захвативъ съ собою 1200 ч. пѣхоты, немного кавалеріи и пушекъ и т. д.“ Изъ сопоставленія извѣстій Мармона и принца Евгенія, у Гельдорфа, оказывается, что офицеръ, посланный Мармономъ, донесъ маршалу совершенно вѣрно, такъ какъ Роменвиль былъ занятъ войсками Евгенія только утромъ 30 марта. См. Helldorf. Aus d. Leben d. Prinzen Eugen v. Würtemberg, т. IV, стр. 53.

этою долиною, какъ то Ла-Виллетъ и Пре-Сентъ-Жерве были заняты сильными непріятельскими отрядами и артиллеріею. Герцогъ тотчасъ-же понялъ, что, исполняя данное ему приказаніе, онъ попадетъ подъ перекрестный огонь и погубитъ безъ всякой пользы для дѣла свои войска. А между тѣмъ отъ вниманія герцога не укрылось, что Роменвиль съ его паркомъ и замкомъ не были заняты ни французами, ни союзниками. Значеніе этого пункта было очевидно и герцогъ, не теряя ни минуты времени, рѣшился вопреки своей инструкціи занять его своими войсками. Оставивъ дивизію Пюшницкаго передъ деревнею Пантеномъ, Евгеній самъ сталъ во главѣ дивизіи Шаховскаго и быстрымъ шагомъ повелъ ее на Роменвиль. О своемъ рѣшеніи герцогъ увѣдомилъ генераловъ Барклая и Раевскаго въ слѣдующихъ словахъ, набросанныхъ карандашемъ на клочкѣ бумаги. „Роменвиль—настоящій ключъ всей позиціи,—его нельзя оставлять не занятымъ. Кровопролитный бой ожидаетъ второй корпусъ. Онъ жертвуетъ собою. Это уже не первый разъ. Я разсчитываю на скорую помощь“ [1]).

Едва только войска Евгенія заняли Роменвиль и большую часть его парка, какъ со стороны Бельвиля показались сильныя непріятельскія колонны. То были три французскія дивизіи, предводимыя самымъ Мармономъ. Маршалъ понялъ свою оплошность и спѣшилъ теперь загладить ее. Внезапнымъ ударомъ разсчитывалъ онъ вытѣснить русскихъ изъ парка, но встрѣтилъ самое упорное и отчаянное сопротивленіе. Войска Евгенія оказались вполнѣ достойными своей старой славы. Въ теченіи цѣлаго часа въ паркѣ кипѣлъ самый ожесточенный бой, но тщетно вводилъ маршалъ въ огонь все новые и новые батальоны, тщетно становился онъ впереди атакующихъ колоннъ, пытаясь одушевить ихъ своею

---

[1]) Bomainville est la clef du terrain et doit être occupé. Un sanglant combat v attend le second corps. Jl se de voue. Ce n'est pas la premiere fois. J'espere un prompt secours. Eugéne.

Барклай отвѣчалъ герцогу такими словами: „съ благодарностью признаю вашу рѣшимость. Гренадеры готовы поддержать васъ“.

Helldorf. Aus d. Leben. d. Prinzen Eugen v. Würtemberg, T. 4, стр. 54.

личною отвагою. Солдаты Евгенія стояли какъ незыблемая скала и не уступали французамъ ни пяди земли. Неслыханное упорство непріятеля, его повторенныя и усиленныя атаки навели герцога на мысль, что онъ имѣетъ дѣло не съ слабыми отрядами дивизіи Компана, какъ предполагала это диспозиція князя Шварценберга, а съ цѣлыми корпусами Мармона и Мортье. Показанія плѣнныхъ не замедлили подтвердить эту мысль. Евгеній узналъ отъ нихъ, что маршалы заняли еще на ранней зарѣ всѣ высоты передъ Парижемъ; немедленно далъ онъ знать союзному главнокомандующему о своемъ открытіи [1]).

Между тѣмъ къ герцогу начали прибывать подкрѣпленія. Прежде всѣхъ подошли четыре баталіона егерей подъ командою генерала Властова. Одновременно съ ихъ прибытіемъ, генералъ Пюшницкій попытался, слѣдуя указаніямъ Евгенія, обойти лѣвое крыло французовъ у Роменвиля. Одинъ баталіонъ Волынскаго полка взобрался незамѣтно на высоту и смѣло ударилъ въ тылъ войскамъ Мармона. Это смѣлое движеніе озадачило непріятеля. Онъ прекратилъ свои атаки на Евгенія и обратился противъ новаго врага. Геройскіе волынцы, осыпанные со всѣхъ сторонъ картечью, тѣснимые густыми колоннами пѣхоты, погибли почти до послѣдняго человѣка, но они сдѣлали свое дѣло [2]). Непріятель не могъ уже возобновить атаки на Роменвиль, онъ принужденъ былъ ограничиться собственною защитою. На помощь къ Евгенію подоспѣла цѣлая гренадерская бригада Чоглокова, посланная генераломъ Барклаемъ. Мгновенно сраженіе приняло совершенно иной оборотъ. Всѣ войска Евгенія двинулись впередъ и ударили на французовъ въ штыки. Послѣ ожесточенной рукопашной свалки дивизіи Мармона об-

---

[1]) См. Lützow, Beiträge zur Kriegsgeschichte der Feldzüge 1813 и 1814., стр. 279. Не имѣя подъ рукою этой книги, я пользуюсь ссылкою на нее у Бернгарди, т. IV, 2-я пол., стр. 355.

[2]) Атака волынцевъ предпринята была по личной инціативѣ командира ихъ, подполковника Юрковскаго. Изъ всего полка уцѣлѣло лишь нѣсколько сотъ человѣкъ, да и то, по большей части, раненыхъ. Подробности этого геройскаго подвига см. въ особенности у Гелльдорфа, Aus d. Leben d. Prinzen Eugen v. Würtemberg, Т. 4, стр. 59.

ратили тылъ и искали спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ. Самъ маршалъ попалъ при этомъ въ страшную опасность. Какъ настоящій полководецъ, онъ сражался въ послѣднихъ рядахъ отступающей колонны. Русскіе тѣснили его со всѣхъ сторонъ. Около десятка солдатъ были заколоты вокругъ него штыками, ежеминутно грозили ему плѣнъ или смерть. Въ этотъ моментъ одинъ французскій баталіонъ, отрѣзанный русскими въ Ла-Брюерскомъ паркѣ, пытаясь проложить себѣ путь къ отступленію, атаковалъ съ тылу войска Евгенія и задержалъ на нѣсколько моментовъ ихъ движеніе впередъ. Мармонъ воспользовался этими минутами. Онъ успѣлъ отвести свои разбитыя войска на высоты Бельвиля и расположилъ ихъ здѣсь въ новой укрѣпленной позиціи [1]).

Было уже 11 часовъ утра, когда побѣдоносныя войска Евгенія утвердились окончательно въ Роменвилѣ и Ла-Брюерѣ и заняли всѣ подступы къ Бельвильскимъ высотамъ. Мармонъ, имѣвшій пока дѣло лишь съ незначительною частью союзныхъ силъ, убѣдился въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія. Немедленно увѣдомилъ онъ короля Іосифа о безнадежномъ положеніи дѣлъ. „Я не могу", писалъ онъ ему, „продлить оборону далѣе двухъ часовъ и предупредить несчастіе насильственнаго взятія Парижа" [2]). Отправляя свою записку, Мармонъ не подозрѣвалъ, что онъ черезчуръ поторопился и что взятіе Парижа не было еще такъ близко, какъ казалось ему. Къ удивленію маршала, непріятель не только не преслѣдовалъ его, но даже совершенно пріостановилъ свои атаки. Прошло цѣлыхъ три часа, а союзныя колонны не двигались съ мѣста. Только одна артиллерія продолжала обмѣниваться выстрѣлами съ французскими орудіями. Мармонъ не въ состояніи былъ объяснить себѣ причины этого загадочнаго явленія, но онъ старался

---

[1]) Подробности этого эпизода см. въ мемуарахъ Мармона, т. VI, стр. 243—244. Маршалъ приписываетъ свое спасеніе исключительно полковнику Генгезеру, называя его при этомъ: le plus brave soldat et le plus brave homme, que j'aie jamais connu".

[2]) Мармонъ ни слова не говоритъ объ этой записочкѣ въ своихъ мемуарахъ; мы знаемъ ее только изъ мемуаровъ короля Іосифа.

воспользоваться, по возможности, неожиданнымъ отдыхомъ, даннымъ ему непріятелемъ. Ему удалось привести за это время въ порядокъ свои разстроенныя войска и распредѣлить ихъ возможно удобнѣе на занимаемыхъ имъ позиціяхъ.

Причина временнаго бездѣйствія союзниковъ была, впрочемъ, очень простая. Если рано утромъ союзный главнокомандующій полагалъ, что ему прійдется имѣть дѣло съ одною дивизіею Компана и разсчитывалъ занять почти безъ боя высоты, господствующія надъ Парижемъ, то теперь, получивъ свѣдѣнія, что онъ имѣетъ передъ собою корпуса Мармона и Мортье, Шварценбергъ рѣшилъ пріостановить атаки до тѣхъ поръ, пока прімутъ участіе въ дѣлѣ войска Блюхера и кронпринца, и подавить затѣмъ непріятеля своими массами. Такого-же мнѣнія, какъ фельдмаршалъ, держался на этотъ разъ и генералъ Барклай-де-Толи. И ему казалось, что не слѣдуетъ продолжать бой съ недостаточными силами и что гораздо лучше отложить рѣшительное нападеніе на непріятеля до прибытія силезской арміи и корпуса кронпринца [1]).

Передовыя войска Блюхера появились передъ непріятельскими позиціями около 10 часовъ утра, но только къ полудню начали показываться на Сенъ-Денисской равнинѣ главныя массы силезской арміи. Іосифъ Бонапарте, находившійся въ это время на высотѣ Монмартра, могъ свободно наблюдать движеніе этихъ грозныхъ массъ. Онъ видѣлъ какъ одинъ сильный непріятельскій отрядъ обходилъ Монмартръ съ западной стороны и приближался къ деревнѣ Обервилье, занятой застрѣльщиками Мортье, тогда какъ два другіе непріятельскіе корпуса наступали съ востока, собираясь атаковать деревню Ла-Шапель. То были войска Ланжерона съ одной стороны, корпуса Іорка и Клейста, съ другой. Вся равнина сверкала оружіемъ. Облака пыли подымались къ верху подъ копытами многочисленной русско-прусской конницы. Самъ фельдмаршалъ Блюхеръ находился въ срединѣ наступающихъ колоннъ. Онъ не могъ сидѣть на конѣ вслѣд-

---

[1]) Бернгарди, Т. IV, половина 2-я, стр. 357—358.

ствіе своей болѣзни, но онъ не хотѣлъ разставаться съ своими солдатами въ эту торжественную и рѣшительную минуту. Сидя въ своей походной коляскѣ, руководилъ онъ движеніями колоннъ.

Іосифъ Бонапарте, никогда не отличавшійся особенною личною храбростью, распрощался съ послѣднею надеждою отстоять Парижъ въ виду этого зрѣлища. Эту надежду отнимала у него и коротенькая записка маршала Мармона, полученная имъ въ этотъ самый моментъ. Не теряя ни минуты времени,—(ужасы штурма Парижа носились предъ его разстроеннымъ воображеніемъ),—сообщилъ онъ маршалу, что онъ уполномочиваетъ его вступить немедленно въ переговоры съ непріятелемъ о сдачѣ города. Написавъ письмо [1]) Мармону, Іосифъ оставилъ свой наблюдательный постъ на Монмартрѣ и не останавливаясь въ Парижѣ, выѣхалъ въ слѣдъ за императрицею Маріею-Луизою. Бонапартисты поставили впослѣдствіи этотъ торопливый отъѣздъ въ страшную вину королю Іосифу; они усматривали въ немъ главную причину капитуляціи Парижа и паденія наполеоновской династіи. Насколько вѣрны подобныя обвиненія, и кто былъ дѣйствительнымъ виновникомъ катастрофы,—на эти вопросы исторія дала уже давно свой безпристрастный отвѣтъ.

Маршалъ Мармонъ не торопился воспользоваться разрѣшеніемъ, полученнымъ имъ отъ короля Іосифа. Онъ самъ сожалѣлъ теперь о своей прежней поспѣшности и твердо намѣренъ былъ продлить оборону Парижа до послѣдней возможности. Около часу дня всѣ союзныя колонны, предназначенныя принять участіе въ послѣдней рѣшительной атакѣ, приблизились, наконецъ, къ непріятельскимъ позиціямъ [2]). Войска

[1]) Письмо было составлено въ такихъ выраженіяхъ: „Si M. le marechal duc de Raguse et M. le marechal duc de Trevise ne pevvent plus tenir, ils sont autorisés à entrer en pourparlers avec le prince de Schwarzenberg et l'empereur de Russie, qui sont dèvant eux. Ils se retireront sur la Loire. Ioseph.

[2]) Объ этихъ послѣднихъ рѣшительныхъ событіяхъ, равно какъ и о всемъ сраженіи подъ Парижемъ, см. въ особенности: Aus dem Leben d. Prinzen Eugen vo Würtemberg, T. IV, стр. 51—108; см. также Кохъ, Memoires pour servir à l'histoire de la campagni de 1814, T. II, стр. 445—487; Мармонъ Memoires, T. VI, 241—247, Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire T.

кронпринца виртембергскаго вступили въ Венсенскій лѣсъ, взяли штурмомъ Сенъ-Мо и завладѣли, послѣ отчаяннаго сопротивленія французовъ, селеніемъ Шарантонъ. Съ другой стороны прусская гвардія не только завоевала всю деревню Пантенъ, но и оттѣснила непріятеля до мѣстечка Ле-Мезонетъ, причемъ попала въ ея руки большая батарея, выдвинутая непріятелемъ на этотъ пунктъ. Между тѣмъ силезская армія съ своей стороны неудержимо подвигалась впередъ. Въ то время, какъ войска Ланжерона вытѣсняли французовъ изъ Обервилье, а корпуса Іорка и Клейста повели атаку на Ла-Шапель, принцъ Вильгельмъ перевелъ свою бригаду черезъ Уркскій каналъ и сблизился съ войсками главной арміи, занимавшими Пантенъ. Въ этотъ моментъ французы предприняли неожиданное наступленіе. Одна ихъ колонна перешла у Ла-Виллета по мосту черезъ Уркскій каналъ и ударила на прусскую гвардію, другая, съ кавалеріею во главѣ, бросилась изъ Ла-Виллета на прусскую бригаду Кацлера. Обѣ колонны потерпѣли, однако-же, полную неудачу. Особенно печальная участь постигла французовъ, выступившихъ противъ Кацлера. Едва только вышли они въ открытое поле, какъ на нихъ бросились пять эскадроновъ прусскихъ гусаръ. Французы, ошеломленные внезапною атакою, не успѣли построиться въ карре. Ихъ конница бросилась въ разсыпную назадъ, а ихъ пѣхота была моментально стоптана и изрублена гусарами. Оставшіеся въ живыхъ спѣшили укрыться въ деревнѣ Ла-Виллетъ; 13 орудій достались въ добычу пруссакамъ. Принцъ Вильгельмъ рѣшился воспользоваться смятеніемъ непріятеля. Войска его быстро двинулись впередъ, взяли штурмомъ Ла-Виллетъ и, преслѣдуя разбитаго непріятеля, проникли до самой Пантенской заставы.

Около трехъ часовъ утра, русскія войска предприняли рѣшительную атаку Бельвильскихъ высотъ. И тутъ французы

XVII, стр. 593—607; Плото, der Krieg in Deutschland und Frankreich in d. Iahren 1813—1814, T. III, стр. 403—417; Бернгарди, T. IV, 2-я половина стр. 345—365. Богдановичъ, T. IV, стр. 488—500; Denkwürdigkeiten eines Lievländers, T. II, 248—258 и мн. другія...

пытались задержать своихъ враговъ неожиданными контръатаками, но и тутъ ихъ плохо разсчитанные маневры только ускорили катастрофу. Уже дивизія Мезенцова выгнала французовъ почти безъ сопротивленія изъ деревни Баньоле, уже кавалерія Палена спустилась черезъ Монтрейль въ Венсенскую равнину, когда на встрѣчу наступающимъ русскимъ войскамъ выдвинулась сильная непріятельская батарея изъ 28 орудій и попыталась открыть огонь. Но едва только первыя непріятельскія орудія начали сниматься съ передковъ, какъ на французовъ ударили два эскадрона чугуевскихъ улановъ. Въ одинъ моментъ уланы захватили всю батарею. Артиллерійская прислуга была частью перебита, частью захвачена въ плѣнъ. Жандармы и національные гвардейцы, составлявшіе прикрытіе, бѣжали въ дикомъ безпорядкѣ къ городской заставѣ. Французская кавалерія спѣшила на помощь къ своимъ орудіямъ. Ей удалось спасти часть батареи, но 16 пушекъ остались въ рукахъ улановъ.

Этотъ эпизодъ ни мало не задержалъ наступленія русскихъ. Войска ихъ неудержимо подвигались впередъ во всѣхъ направленіяхъ. Дивизія Пюшницкаго взобралась изъ Пантена по крутымъ склонамъ къ деревнѣ Пре-Сентъ-Жерве и завладѣла ею безъ всякаго сопротивленія. Въ деревнѣ найдено было 17 орудій, брошенныхъ французами. Четыре баталіона русской гвардіи и небольшой отрядъ конницы взяли также безъ боя Бюттъ-де-Шамонъ, послѣднюю группу холмовъ, подымавшихся у самой городской ограды. Русскіе егеря ворвались въ улицы Бельвиля и послѣдняя попытка Мармона вытѣснить ихъ оттуда не удалась. Въ этотъ-же самый моментъ гренадерская дивизія Паскевича обошла правый флангъ французской позиціи и послѣ слабаго сопротивленія противника завладѣла деревнею Шаронномъ [1]).

Дѣло видимо клонилось къ развязкѣ. Громадное численное превосходство союзниковъ вступало въ свои права. Силы французовъ видимо истощались въ неравной, отчаянной

---

[1]) Интересныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Паскевича мы находимъ въ только что вышедшей обширной монографіи, кн. Щербатова: Генералъ—фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность, см. т. I, стр. 244—248.

борьбѣ. Войска Мармона стѣснены были въ узкомъ пространствѣ между Бельвилемъ, Менильмонтаномъ и кладбищемъ Перъ-Ла-Шезъ. Съ трехъ сторонъ окружены они были непріятелями, а въ тылу ихъ зіяли глубокіе овраги, спускавшіеся непосредственно къ городской стѣнѣ. Войска принца Вильгельма и кронпринца виртембергскаго собирались уже ворваться въ самыя предмѣстія города. Со стороны Сенъ-Дени союзники выгнали уже французовъ изъ всѣхъ ихъ позицій и войска Ланжерона собирались штурмовать Монмартръ. Отчаяніе и паника начали овладѣвать при такихъ обстоятельствахъ защитниками Парижа. Многіе солдаты побросали ружья и спѣшили укрыться за городскими заставами. Въ городѣ распространилась страшная тревога. Непріятельскія гранаты и ядра начали падать среди самыхъ населенныхъ улицъ. Жители, обезумѣвшіе отъ страха, то искали спасенія въ погребахъ и подвалахъ, то тысячами бѣжали изъ города въ сторону, незанятую непріятелемъ.

Маршалъ Мармонъ понялъ, что наступилъ моментъ, когда онъ пріобрѣлъ полное нравственное право воспользоваться разрѣшеніемъ полученнымъ имъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Уже съ самаго начала боя, маршалъ смотрѣлъ совершенно безнадежно на задачу, возложенную на него судьбою. Онъ хотѣлъ лишь спасти свою военную честь и эта честь была теперь спасена. Онъ исполнилъ свой долгъ и интересы человѣколюбія, интересы милліоннаго населенія Парижа должны были теперь вступить въ свои права. Никто не станетъ винить маршала, что онъ поставилъ въ эту минуту спасеніе парижскаго населенія выше интересовъ и воли своего надменнаго повелителя. Правда, онъ былъ обязанъ Наполеону всѣмъ лично, но личная точка зрѣнія была неумѣстна въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; да къ тому-же Мармонъ справедливо полагалъ, что продолжая далѣе сопротивленіе, онъ не въ состояніи былъ-бы удержать Парижъ даже до наступленія вечера, и что совершенное разрушеніе города было-бы единственнымъ результатомъ его упорства.

Было, правда, повидимому, еще одно средство отклонить на болѣе продолжительное время паденіе Парижа, и это средство, наглый обманъ, было пущено въ ходъ товарищемъ Мармона, маршаломъ Мортье. Мортье дѣйствовалъ, впрочемъ, въ этомъ случаѣ не самостоятельно, а по внушенію и приказанію самого Наполеона. Императоръ узналъ уже въ это время объ отчаянномъ положеніи Парижа и, не надѣясь поспѣть во-время на спасеніе своей столицы, остановился на мысли задержать своихъ непріятелей безсовѣстною выдумкою, долженствовавшею внести, по его мнѣнію, разладъ въ среду союзниковъ. Въ полдень 30 марта адъютантъ его генералъ Дежанъ явился къ маршалу Мортье и передалъ ему тайное распоряженіе императора. Въ силу этого распоряженія, Мортье долженъ былъ отправить немедленно одного изъ своихъ офицеровъ съ конфиденціальнымъ письмомъ на имя князя Шварценберга. Въ этомъ письмѣ Наполеонъ увѣдомлялъ австрійскаго фельдмаршала, что онъ только что отправилъ собственноручное письмо къ императору Францу, что это письмо неизбѣжно повлечетъ за собою заключеніе мира и что въ виду этого необходимо тотчасъже прекратить непріязненныя дѣйствія и положить тѣмъ предѣлъ безполезному кровопролитію. Мортье повиновался. Тотчасъ-же отправилъ онъ парламентера къ Шварценбергу и, опираясь на письмо Наполеона, предложилъ князю заключить двадцати четырехъ часовое перемиріе, подъ условіемъ, чтобы обѣ стороны удержали занимаемыя ими позиціи.

Грубый обманъ не удался, однакоже, совершенно. Князь Шварценбергъ отлично понималъ, что заключеніе перемирія находится вовсе не въ его власти, онъ сомнѣвался, чтобы Наполеонъ говорилъ правду въ своемъ письмѣ, и что самое важное, онъ зналъ отлично, что императоръ Францъ не можетъ и не захочетъ вступить въ отдѣльные переговоры съ своимъ зятемъ. Имѣя все это въ виду, князь сообщилъ полученное имъ странное предложеніе обоимъ союзнымъ государямъ и парламентеръ маршала Мортье долженъ былъ возвратиться съ отрицательнымъ отвѣтомъ.

По всей вѣроятности, маршалъ Мармонъ былъ посвященъ въ эту интригу, хотя и не принималъ въ ней никакого прямаго участія. Когда-же интрига не удалась и всѣ средства защиты были истощены, то онъ рѣшился предложить непріятелю капитуляцію Парижа. Въ три съ четвертью часа Мармонъ отправилъ трехъ парламентеровъ въ главную квартиру союзниковъ, но лишь одинъ изъ нихъ, адъютантъ генерала Лагранжа, успѣлъ проникнуть черезъ линію огня. Два другіе офицера, потерявъ своихъ лошадей и трубачей, принуждены были возвратиться обратно [1]).

Великодушный императоръ Александръ уже съ самаго начала боя нетерпѣливо ожидалъ мирныхъ предложеній непріятеля. Онъ былъ твердо намѣренъ довести дѣло до конца, но его человѣколюбивое сердце болѣзненно сжималось при мысли объ участи, ожидавшей населеніе Парижа въ томъ случаѣ, если городъ будетъ взятъ штурмомъ. Когда

---

[1]) Важнѣйшія свѣдѣнія о капитуляціи Парижа заключаются съ одной стороны въ мемуарахъ Мармона, а съ другой, въ разсказѣ М. Ѳ. Орлова, одного изъ очевидцевъ и главныхъ дѣятелей событія. Свидѣтельства Мармона отличаются довольно краткимъ, но въ тоже время безусловно достовѣрнымъ характеромъ. Мармонъ разсказываетъ, правда, далеко не все и о многомъ умалчиваетъ съ намѣреніемъ, но все разсказываемое имъ вполнѣ достовѣрно и подтверждается иными свидѣтельствами.

Свидѣтельство Орлова отличается не только правдивостью, но и обилуетъ массою живыхъ въ высшей степени интересныхъ подробностей. Принимая самое дѣятельное участіе въ переговорахъ о сдачѣ Парижа, Орловъ, благодаря счастливой случайности, находился въ качествѣ заложника въ Парижѣ, въ тѣ самые часы, когда рѣшалась участь столицы. Въ салонѣ Мармона онъ имѣлъ возможность наблюдать высшее французское общество въ моментъ катастрофы. Находясь въ качествѣ флигель-адъютанта при особѣ императора Александра I пользуясь личнымъ расположеніемъ и довѣріемъ государя, хорошо знакомый со всѣми главными дѣятелями, какъ съ нашей такъ и съ непріятельской стороны, высокообразованный, храбрый воинъ и тонкій дипломатъ, замѣчательный наблюдатель, Орловъ начерталъ намъ полную картину капитуляціи Парижа, картину, каждая черта которой дышетъ жизненною правдою. М. Ѳ. Орловъ написалъ свой разсказъ въ окончательной формѣ много лѣтъ спустя послѣ событій, по всей вѣроятности, въ серединѣ 30-хъ годовъ, хотя въ основѣ его лежали, безъ всякаго сомнѣнія, точныя и подробныя замѣтки, набросанныя тотчасъ-же послѣ событія; въ печати-же онъ явился уже послѣ смерти автора, послѣдовавшей въ 1842 г. Помѣщенный въ альманахѣ В. А. Владиславлева, „Утренняя Заря“, очеркъ Орлова былъ изданъ вновь въ „Русской Старинѣ“ за 1877 г., т. XX, стр. 635—662.

рано утромъ приведенъ былъ въ главную квартиру французскій офицеръ, выдававшій себя за парламентера, императоръ позвалъ къ себѣ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ, М. Ѳ. Орлова, и обратился къ нему съ такими словами.

„Отправляйтесь немедленно съ непріятельскимъ офицеромъ. Я даю вамъ право остановить огонь вездѣ, гдѣ вы сочтете это нужнымъ. И для того, чтобы предупредить и отвратить всѣ бѣдствія, облекаю васъ властью,—не подвергаясь никакой отвѣтственности, прекращать самыя рѣшительныя атаки, даже обѣщающія полную побѣду. Парижъ, лишенный своихъ разсѣянныхъ защитниковъ и своего великаго мужа, не будетъ въ состояніи противиться. Я твердо убѣжденъ въ этомъ. Богу, Который даровалъ мнѣ могущество и побѣду, угодно, чтобы я воспользовался тѣмъ и другимъ только для дарованія мира и спокойствія Европѣ. Если мы можемъ пріобрѣсть этотъ миръ, не сражаясь, тѣмъ лучше; если-же нѣтъ, то уступимъ необходимости, станемъ сражаться, потому что волей или неволей, съ бою или парадвымъ маршемъ, на развалинахъ, или во дворцахъ, но Европа должна нынѣ-же ночевать въ Парижѣ" [1]).

Такъ говорилъ императоръ Александръ и его слова произвели неизгладимое впечатлѣніе на М. Ѳ. Орлова. Въ одномъ и томъ-же лицѣ онъ видѣлъ необычайное сочетаніе непобѣдимаго героя и кроткаго смиреннаго христіанина. „Величаво и важно говорилъ императоръ всякій разъ, когда ему приходилось защищать общеевропейскія выгоды, но былъ снисходителенъ и кротокъ, какъ скоро дѣло шло о немъ самомъ и его собственной славѣ. На дѣлѣ участь міра зависѣла отъ него, а онъ называлъ себя только орудіемъ Провидѣнія. Политическій разговоръ его носилъ отпечатокъ этихъ двухъ душевныхъ расположеній; съ увѣренностью въ побѣдѣ онъ соединялъ заботливость почти отеческую о жребіи побѣжденнаго врага".

---

[1]) „Эти вѣчно памятныя слова Александра не сбылись однако-же въ буквальномъ смыслѣ слова. На этотъ разъ, замѣчаетъ Орловъ, мнѣ суждено было представлять Европу, ночующую въ Парижѣ: торжественное вшествіе союзниковъ послѣдовало не прежде какъ на другой день". Орловъ, стр. 636.

Первая попытка завязать переговоры о сдачѣ Парижа, однако-же, не удалась. Мнимый парламентеръ оказался военно-плѣннымъ и обманщикомъ. Подъѣхавъ съ Орловымъ къ французской цѣпи, онъ скрылся въ рядахъ своихъ, и русскій уполномоченный принужденъ былъ возвратиться обратно подъ сильнѣйшимъ огнемъ обѣихъ сторонъ, рискуя каждый моментъ своею жизнью [1]). Теперь когда явился настоящій парламентеръ, М. Ѳ. Орловъ вновь отправился къ непріятелю. Первый человѣкъ, котораго онъ встрѣтилъ въ передней цѣпи французскихъ стрѣлковъ, былъ маршалъ Мармонъ. Онъ стоялъ со шпагою въ рукѣ, движеніями и голосомъ ободряя солдатъ своихъ къ отчаянной защитѣ. Замѣтивъ русскаго офицера, маршалъ обратился къ нему съ такими словами:

— „Я герцогъ Рагузскій; вы кто?“

— „Полковникъ Орловъ, флигель-адъютантъ Его Величества Императора Всероссійскаго, который желаетъ спасти Парижъ для Франціи и для міра“.

— „Это также мое желаніе и единственная надежда, безъ того всѣмъ намъ оставалось-бы только умереть здѣсь“.

— „Условія ваши?“

— „Огонь остановится; французскія войска войдутъ за укрѣпленныя заставы; тотчасъ назначить коммиссію для переговоровъ о сдачѣ Парижа“.

— „Согласенъ, я буду съ герцогомъ Тревизскимъ (Мортье) ждать васъ у Пантенской заставы“.

— „И такъ къ дѣлу; прекратимъ не мѣшкая огонь по всей линіи. Добавлю только, что и Монмартская высота должна быть очищена французскими войсками“.

— Мармонъ подумалъ съ минуту: „Это справедливо, отвѣтилъ онъ, она внѣ укрѣпленныхъ заставъ“ [2]).

Орловъ поспѣшилъ обратно къ государю. Офицеры, разосланные имъ и маршаломъ во всѣ стороны, развозили повсюду приказъ прекратить огонь. Противники стояли въ двухъ стахъ шагахъ другъ отъ друга. Вдоль всей французской ли-

[1]) Подробности объ этой первой попыткѣ см. у Орлова, стр. 636.

[2]) Орловъ, стр. 636—637.

ніи раздавались громкіе крики: да здравствуетъ императоръ. Казалось, что эти храбрецы, не сломленные несчастіемъ, ожидали только сигнала къ возобновленію боя. Въ рядахъ союзниковъ господствовало сильнѣйшее возбужденіе, вызванное горячимъ боемъ. Нѣкоторые солдаты упорно продолжали стрѣлять, не смотря на приказанія офицеровъ и громовой трескъ барабановъ, бившихъ отбой [1]).

Орловъ нашелъ государя и короля прусскаго въ средѣ наступающихъ союзныхъ войскъ. Съ видимымъ удовольствіемъ выслушалъ императоръ докладъ своего адъютанта. Великая цѣль была, повидимому, достигнута, оставалось уладить лишь однѣ формальности. Немедленно назначена была комиссія для переговоровъ съ маршалами о сдачѣ Парижа. Въ составъ ея вошли: графъ Нессельроде, М. Ѳ. Орловъ и адъютантъ князя Шварценберга полковникъ Парръ. Комиссія направилась къ Пантенской заставѣ. Мармонъ встрѣтилъ ее здѣсь со всѣмъ своимъ штабомъ. Огонь прекратился уже повсемѣстно. Французскія войска вступили въ городъ и расположились вдоль длинныхъ рядовъ палисадовъ. Только со стороны Монмартра, куда не успѣла еще достигнуть вѣсть о перемиріи раздавались пушечные выстрѣлы. Мармонъ предложилъ комиссарамъ проѣхать къ Ла-Виллетской заставѣ [2]), гдѣ находился Мортье. Здѣсь, въ небольшомъ трак-

---

[1]) „Барабаны ударили сборъ; офицеры разъѣзжали по рядамъ и только небольшое количество самыхъ отчаянныхъ солдатъ упорно продолжали стрѣлять въ непріятеля. Никогда не забуду комическаго неудовольствія одного русскаго гренадера, котораго я не допустилъ выстрѣлить, приказавъ ему возвратиться къ его ротѣ. Онъ взглянулъ на меня съ видомъ упрека и сказалъ умоляющимъ голосомъ, указывая рукою на французскаго стрѣлка, котораго вѣроятно почиталъ личнымъ врагомъ своимъ: „Ваше высокоблагородіе, позвольте мнѣ только этого подстрѣлить?“ Разумѣется, я не далъ свободы его мщенію или гнѣву, и онъ, возвратясь въ ряды, ворчалъ противъ того, что называлъ моей непонятной несправедливостью“. Русская Старина 1877 г. Т. XX, стр. 638.

[2]) Во время этой поѣздки Орловъ сдѣлалъ интересныя наблюденія: „проѣзжая по линіи палисадовъ къ Ла-Виллетской заставѣ, я имѣлъ случай замѣтить, что происходило въ этой части города: войска французскія заняли въ порядкѣ и съ быстротою свои слабыя укрѣпленія; солдаты стояли вдоль палисадовъ, опираясь на ружья. Было устроено нѣсколько исходящихъ угловъ для фланкированія длинныхъ куртинъ, почти совершенно открытыхъ. Новые мундиры, которыхъ мы не встрѣчали на полѣ сраженія, свидѣтельствовали о присутствіи національ-

тирѣ начались переговоры. Бесѣду велъ, впрочемъ, одинъ герцогъ Рагузскій; Мортье слушалъ молча и только по временамъ вставлялъ свои замѣчанія.

Сраженіе подъ Парижемъ окончилось совершеннымъ пораженіемъ французской арміи; она была выбита изъ всѣхъ своихъ укрѣпленныхъ позицій, потеряла почти половину людей и оставила въ рукахъ побѣдителей большую часть своей артиллеріи, около 80 орудій [1]). Основываясь на этихъ тяжеловѣсныхъ обстоятельствахъ и имѣя въ виду конечную цѣль войны, Нессельроде предложилъ маршаламъ сдать Парижъ со всѣмъ его гарнизономъ, но Мармонъ и Мортье съ жаромъ возстали противъ такого, постыднаго, по ихъ мнѣнію, требованія. Они напоминали о прежнихъ своихъ заслугахъ, перечисляли сраженія, въ которыхъ покрыли они себя славою и объявили рѣшительно, что они скорѣе погребутъ себя подъ развалинами Парижа, нежели подпишутъ подобную капитуляцію. Тщетно старались оправдать союзные комиссары свое требованіе, тщетно напоминали они маршаламъ о спасеніи Парижа, о громадной отвѣтственности, которую берутъ они на себя, напрасно доказывали они, что только сдача Парижа со всѣми войсками можетъ сломить упорство Наполеона и заставить его подписать миръ. Маршалы упорно стояли на своемъ. Они уклонялись отъ всякихъ политическихъ разсужденій, они не хотѣли говорить о будущемъ, они стояли только за незапятнанное сохраненіе своей военной чести [2]). Въ самый разгаръ спора, выстрѣлы, все время слы-

ной гвардіи. Впрочемъ, позади войскъ народу было мало или почти не было; не слышно было криковъ, не видно ни малѣйшаго движенія, никакихъ необыкновенныхъ приготовленій; однимъ словомъ, это была защита спокойная, обдуманна, устроенная въ чисто военномъ смыслѣ, безъ сильнаго энтузіазма со стороны народа, безъ революціонныхъ импровизацій со стороны начальниковъ. Намъ очень было важно собрать всѣ эти успокоительные признаки". Орловъ, стр. 639.

[1]) Потери французовъ въ битвѣ подъ Парижемъ доходили до 9,500 челов. Союзники потеряли 8155 ч.; изъ этого числа на долю русскихъ приходилось 6,000, а пруссаковъ 2,000; потери-же другихъ союзныхъ войскъ были совершенно ничтожны.

[2]) Мармонъ не говоритъ въ своихъ мемуарахъ ни слова объ этомъ долгомъ препирательствѣ. Если вѣрить высокомѣрному маршалу, то все дѣло ограничивалось со стороны французскихъ маршаловъ одними жестами негодова-

шавшіеся со стороны Монмартра, вдругъ участились и слились въ одинъ потрясающій гулъ. Трескъ ружейной перестрѣлки явственно донесся до слуха. Союзные комиссары видимо были смущены этою неожиданностью; тревога и недовѣріе выразилось на лицахъ маршаловъ. Но вскорѣ шумъ битвы умолкъ и отъ посланныхъ офицеровъ получено было извѣстіе, что перемиріе было установлено и на этой части поля битвы.

Приказаніе прекратить огонь пришло въ главную квартиру Блюхера, когда войска Ланжерона бросились по его приказанію на штурмъ Монмартра. Войска бѣжали на гору подъ сильнѣйшимъ огнемъ французовъ и было немыслимо останавливать ихъ въ этотъ моментъ. Блюхеръ не думалъ объ этомъ. Онъ приказалъ прекратить огонь только тогда, когда русскіе сбросили французовъ съ высотъ Монмартра и захватили всю бывшую на нихъ артиллерію. 80 орудій обращены были на Парижъ, готовыя изрыгнуть смерть и разрушеніе на столицу „революціи". Фельдмаршалъ и весь его штабъ собрались на горѣ и, молча, смотрѣли на распростертый у ногъ ихъ великолѣпный городъ. Всѣ пожирали глазами величественную картину, у всѣхъ вырывались невольныя восклицанія изумленія. Но старый вождь былъ полонъ иными думами. „Накажи меня Богъ!" ворчалъ онъ сердито, „но я охотнѣе направилъ-бы на гнѣздо мои пушки, нежели мою зрительную трубку" [1]).

Извѣстіе о паденіи Монмартра не произвело никакого впечатлѣнія на маршаловъ [2]). По прежнему, они отвергали съ негодованіемъ предложеніе союзниковъ и графъ Нессельроде

нія и презрѣнія. „A une insultante proposition de mettre bas les armes, nous répondimes par un geste d'indignation et de mepris". Marmon, Memoires, T. VI стр. 248.

[1]) „Gott straf mir! ich möchte lieber meine Geschütze als mein Perspectiw auf das Nest richten". Scherr, Blücher, seine Zeit und sein Leben. T. III, стр. 377.

[2]) M. Ѳ. Орловъ замѣчаетъ по этому поводу: „Это обстоятельство, не предвидѣнное ни съ той, ни съ другой стороны, могло-бы поколебать мужество менѣе испытанное, чѣмъ то, какимъ отличались оба маршала, и, доведя до отчаянія, принудить къ принятію предложенія нашихъ. Но они продолжали упорствовать"... Русская Старина, Т. XX, стр. 640.

рѣшился, наконецъ, отправиться за новыми инструкціями къ государямъ. Вмѣстѣ съ союзными комиссарами поѣхалъ и французскій генералъ Лапуантъ. Императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ находились на Шомонскомъ холмѣ, наблюдая оттуда панораму Парижа. При монархахъ находились: князь Шварценбергъ, Барклай-де-Толи и свита. Легко себѣ представить съ какими чувствами взирали побѣдители на распростертую у ногъ ихъ, беззащитную, отданную во власть ихъ столицу ихъ страшнаго врага, владыки полуміра. Императоръ Александръ сіялъ отъ радости. Съ любопытствомъ всматривался онъ въ толпы народа, высыпавшія на улицы и бульвары Парижа. Замѣтивъ въ толпѣ множество наряженныхъ женщинъ, императоръ съ улыбкою указалъ на нихъ королю. И въ самомъ дѣлѣ было чему улыбнуться! „По-истинѣ замѣчательное зрѣлище“, говоритъ очевидецъ „представляли эти пестро разукрашенныя и тщательно одѣтыя дамы. Переговоры еще продолжались и могли окончиться разрывомъ. Тогда должны были загремѣть вновь пушки и затрещать ружья, тогда могли наступить всѣ ужасы, которые могъ причинить побѣдоносный непріятель взятому городу. А эти женщины выползли на улицы съ своими зонтиками и вѣерами, чтобы поглазѣть и показать себя, какъ будто дѣло вовсе не касалось ихъ, какъ будто имъ не грозила ни малѣйшая опасность!“ [1]).

Бесѣда монарховъ съ возвратившимися комиссарами продолжалась не долго; государи согласились не настаивать на сдачѣ войска, но они потребовали, чтобы маршалы отступили по той дорогѣ, которая будетъ указана имъ союзниками. Было уже семь часовъ вечера, когда Нессельроде и его товарищи возвратились въ трактиръ у Ла-Виллетской заставы. Выслушавъ ультиматумъ союзниковъ и тихо переговоривъ между собою въ углу комнаты, Мармонъ и Мортье объявили, что Парижъ не окруженъ и не можетъ быть окруженъ, что на дѣлѣ всѣ дороги открыты для ихъ отступленія, но что они желаютъ, чтобы комиссары объяснили имъ точнѣе

---

[1]) Scherr, Blücher, seine Zeit und sein Leben, T. 3, стр. 378.

свое предложенiе и указали дорогу, по которой назначено будетъ отступать французской армiи. Графъ Нессельроде отвѣтилъ, что союзные государи назначаютъ для отступленiя Бретанскую дорогу. Мармонъ съ живостiю возразилъ, что онъ не можетъ согласиться на подобное условiе, что настоящiй путь его отступленiя для него открытъ и очевиденъ, что защищая Парижъ шагъ за шагомъ, онъ можетъ быть отброшенъ не иначе, какъ на Сенъ-Жерменское предмѣстiе, гдѣ онъ можетъ, перейдя черезъ Сену, отретироваться по дорогѣ на Фонтенебло. Маршалъ закончилъ свои возраженiя такими словами:

„Господа! жребiй оружiя благопрiятствовалъ вамъ; нѣтъ сомнѣнiя, что вы побѣдили; я предвижу, что слѣдствiя этой побѣды будутъ неисчислимы. Будьте вмѣстѣ и великодушны и благоразумны, не простирайте вашихъ требованiй до крайности. Совѣты великодушiя бываютъ часто лучше совѣтовъ силы“ [1]).

Какъ ни краснорѣчиво говорилъ маршалъ, но союзные комиссары, связанные своими инструкцiями, не могли согласиться съ нимъ. Поднялись новые споры, а между тѣмъ время проходило и наступило уже восемь часовъ вечера. Не трудно было сообразить, что всѣ выгоды положенiя были на сторонѣ маршаловъ. Уже темнота начиналась и немыслимо было штурмовать Парижъ среди мрака ночи. Волею или неволею приходилось отложить нападенiе на городъ до утра, а за это время маршалы могли спокойно уйти изъ Парижа и избрать любой путь отступленiя. Да они и готовились сдѣлать это. Мортье удалился изъ комнаты, объявивъ, что его ждутъ неотложныя дѣла и что онъ предоставляетъ вести переговоры одному Мармону. Не трудно было догадаться, какого рода были эти дѣла, несомнѣнно было, что маршалъ отправился отдать приказъ войскамъ начать немедленно отступленiе.

---

[1]) Орловъ, Русская Старина, Т. XX, стр. 641—42.

Мармонъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ. „A la proposition de prendre la route de Bretagne en sortant de Paris, nous rèpondimes que nous irions ou nous voudrions, sans recevoir une loi qu'on ne pouvait nous contraindre d'accepter“. Marmon, Memoires, T. 6, стр. 248.

Орловъ первый вѣрно оцѣнилъ и взвѣсилъ и общее положеніе дѣлъ, и намѣренія маршаловъ. Онъ посовѣтовалъ Нессельроде возвратиться еще разъ къ государямъ и испросить у нихъ новыхъ инструкцій. Самъ онъ изъявилъ готовность остаться заложникомъ у непріятеля въ ручательство того, что нападеніе на Парижъ не будетъ начато до тѣхъ поръ, пока онъ не переступитъ обратно черезъ русскіе аванпосты. Нессельроде согласился съ мнѣніемъ Орлова, а Мармонъ съ своей стороны поспѣшилъ изъявить свое одобреніе. Была уже глубокая темнота, когда Нессельроде и Парръ отправились въ союзный лагерь, а герцогъ Рагузскій и его заложникъ поѣхали въ Парижъ.

„Мы ѣхали верхомъ и медленно", разсказываетъ Орловъ, „въ глубочайшей тишинѣ и темнотѣ. Слышенъ былъ только раздававшійся топотъ лошадей нашихъ, и изрѣдка нѣсколько лицъ, волнуемыхъ тревожнымъ любопытствомъ, являлось въ окнахъ, которыя быстро открывались и опять закрывались. Улицы были пусты; казалось, безчисленное населеніе Парижа бѣжало изъ него; но оно находилось только въ оцѣпененіи. Сами мы, у кого въ рукахъ находилась участь такого множества людей, походили на тихій патруль, объѣзжавшій улицы оставленнаго города. Каждый изъ насъ погруженъ былъ въ свои мысли и мнѣ не приходитъ на память, чтобы сказано было въ продолженіи этого переѣзда хоть одно слово, которое стоило-бы сохранить" [1]). Такъ достигли одиновіе путники отеля герцога Рагузскаго. Странный контрастъ представлялъ этотъ домъ съ только что пройденными

[1]) „Только разъ маршалъ Мармонъ подозвалъ къ себѣ одного изъ адъютантовъ и тихимъ голосомъ отдалъ ему какой-то приказъ. Адъютантъ отправился и черезъ нѣсколько минутъ мы услышали въ сосѣдней улицѣ шумъ причиняемый отрядомъ, идущимъ съ пушками. Этотъ шумъ не прекращался во все продолженіе переѣзда нашего; его направленіе совершенно утвердило меня въ первой мысли моей, что оба маршала, не желая подвергнуть Парижъ бѣдствію, которое неминуемо навлекло-бы на него сопротивленіе, несогласное съ ихъ силами, не желая также увидѣть себя вынужденными къ эксцентрической ретирадѣ, которая могла-бы ихъ лишить возможности соединиться съ Наполеономъ, рѣшились, съ общаго согласія, выйти изъ города на ихъ естественную коммуникацію. Впослѣдствіи я узналъ, что предположеніе мое совершенно оправдалось событіемъ". Русская Старина, 1877 г. Т. XX, стр. 643—44.

пустыми, какъ-бы вымершими улицами. Онъ весь былъ залитъ сверху до низу огнями. У подъѣзда стояло множество экипажей; толпы любопытныхъ виднѣлись на тротуарахъ. Едва только маршалъ и его спутникъ поднялись по лѣстницѣ и вступили въ ярко освѣщенныя гостинныя, какъ на встрѣчу имъ хлынула со всѣхъ сторонъ самая разнообразная публика. Тутъ были и военные въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ и штатскіе въ мундирахъ и штатскіе во фракахъ, не доставало однѣхъ дамъ. Все общество видимо давно уже ожидало прибытія маршала. Взоры всѣхъ обратились на него и на сопровождавшаго его русскаго офицера. Но Мармонъ видимо не находилъ удобнымъ удовлетворять общему любопытству. Поручивъ Орлова внимательности своихъ адъютантовъ, онъ прошелъ прямо въ кабинетъ, куда послѣдовали за нимъ лишь немногія, очевидно избранныя особы.

Толпа разсѣялась по заламъ и разбилась на нѣсколько группъ, въ каждой изъ нихъ шелъ самый оживленный, иногда даже шумный разговоръ. Орловъ попалъ въ общество военныхъ, хорошо знакомое ему еще со временъ Тильзита. Ему казалось, что онъ видитъ знакомыя лица, слышитъ хорошо извѣстныя ему фразы и обороты, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подмѣчалъ во всѣхъ манерахъ и во всемъ тонѣ своихъ собесѣдниковъ нѣчто особенное, несвойственное имъ въ прежнее время, въ счастливое время побѣдъ и славы. Онъ замѣтилъ, что наши непріятели утратили свое моральное равновѣсіе; что ихъ веселость и сообщительность уступили мѣсто холодной, вынужденной вѣжливости; что они сдѣлались раздражительнѣе и щекотливѣе. Французы, казалось, забыли, что они имѣютъ дѣло съ гостемъ и заложникомъ. Ѣдкія шутки, колкія эпиграммы сыпались со всѣхъ сторонъ на русскаго офицера, но Орловъ, владѣвшій въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, ловкій, находчивый, не остался въ долгу передъ своими собесѣдниками.

— „Много-ли въ вашемъ лагерѣ казаковъ?“ спросилъ его одинъ офицеръ, „что касается до меня, то мнѣ показалось сегодня, что на насъ нападаетъ цѣлая армія казаковъ, такъ войска ваши сражались вразсыпную“.

— „Это было дѣйствіе вашей прекрасной защиты", отвѣчалъ ему Орловъ, „а вы знаете, что русскіе равно не боятся битвы свалочной, какъ и стройнаго сраженія".

— „Знаете-ли вы, гдѣ императоръ Наполеонъ?" вмѣшался въ разговоръ другой офицеръ; „онъ ночуетъ нынче въ Мо".

— „Какъ!" воскликнулъ Орловъ съ притворнымъ удивленіемъ, „у генерала Сакена, который, сколько мнѣ извѣстно, не выходилъ съ тремя корпусами своими".

— „А у васъ еще три корпуса въ Мо!" подхватилъ третій офицеръ, „нечего сказать, прекрасная побѣда раздавить 50,000 храбрыхъ соединенными силами цѣлой Европы".

— „Послушайте", возразилъ ему находчивый Орловъ, „не сердитесь на насъ слишкомъ за нашу вѣжливость. Мы хотѣли во что-бы то ни стало отблагодарить васъ за посѣщеніе, которымъ вы удостоили насъ точно въ томъ-же сопровожденіи".

Разговоръ продолжался, однако-же, не долго въ такомъ тонѣ. Французы вскорѣ убѣдились, что ни въ мысляхъ, ни въ выраженіяхъ ихъ собесѣдника не было въ сущности ничего оскорбительнаго для ихъ самолюбія. Врожденная вѣжливость, невольное чувство уваженія къ честному и прямому врагу взяли верхъ надъ порывами безсильной злобы. Прошелъ какой-нибудь часъ и французскіе офицеры бесѣдовали уже дружески и откровенно съ Орловымъ. „Военные и другіе анекдоты лились рѣкою и много разъ съ обѣихъ сторонъ позабывали суровость обстоятельствъ и взаимныхъ отношеній". Французы начали превозносить мужество и рыцарскій духъ русскихъ; они подтверждали свои мнѣнія ссылками на событія минувшихъ войнъ. Орловъ отвѣчалъ имъ такими-же любезностями и сыпалъ съ своей стороны примѣрами и анекдотами [1]. Французы могли относиться съ

---

[1]) По поводу этого разговора Орловъ проводитъ любопытную параллель между французами и русскими. Между прочимъ онъ замѣчаетъ: „Впрочемъ, между обѣими націями не существуетъ никакого тождества; самые недостатки ихъ существенно различны. Главный недостатокъ русскаго есть лѣнь, элементъ безплодный, дѣйствіе котораго уничтожаетъ у насъ нерѣдко усилія ума, возвращая способности наши къ жизни только при температурѣ крайней необхо-

похвалою, впрочемъ, только къ однимъ русскимъ; объ остальныхъ націяхъ они не могли говорить хладнокровно. Въ ихъ глазахъ только одни русскіе являлись достойными врагами великой націи. „Что такое австріецъ", вопрошали они, „ничто иное какъ презрѣнный, коварный врагъ, желающій воспользоваться чужими побѣдами. А пруссакъ? это мятежникъ, побѣжденный столько разъ, котораго слѣдуетъ наказать. Нечего и говорить объ англичанинѣ. Это существо вѣроломное, способное вызвать лишь одно чувство ненависти". И всѣ эти изліянія оканчивались постоянно одною и тою-же фразою. „Ахъ зачѣмъ Наполеонъ отступилъ отъ своей эрфуртской политики, т. е. отъ союза съ Россіею".

— „Если-бы оба императора", воскликнулъ одинъ изъ офицеровъ, „остались друзьями, то они раздѣлили-бы между собою міръ".

— „Но", возразилъ другой, „и весь міръ былъ тѣсенъ для Наполеона". Это слово, произнесенное впрочемъ въ полголоса, было самое смѣлое и правдивое изъ сказанныхъ въ этотъ вечеръ.

Между тѣмъ залы маршала не пустѣли. Все новыя и новыя, повидимому, высокопоставленныя лица появлялись въ отель и проходили въ кабинетъ Мармона [1]). Лишь одно изъ

димости. Главный недостатокъ француза, напротивъ, есть бурная дѣятельность, безпрерывно увлекающая его въ преувеличеніе. Что можетъ быть общаго между этими двумя организаціями, изъ которыхъ, одна тревожная, пламенная, пускаетъ безпрерывно во весь опоръ всѣ соотечественныя суетности по пути къ успѣху, а другая, сосредоточенная, терпѣливая, возвращается къ жизни, силѣ и движенію только повторенными толчками крайней нужды?"

Въ числѣ анекдотовъ, разсказанныхъ тогда французами, Орловъ приводитъ слѣдующій. „Одинъ изъ офицеровъ разсказалъ мнѣ, что, возвращаясь во время заключенія тильзитскаго мира къ арміи, онъ встрѣтилъ въ какомъ-то нѣмецкомъ трактирѣ множество французскихъ солдатъ, которые шли назадъ во Францію. Онъ спрашивалъ у нихъ объ арміи и между прочимъ о храбрости русскихъ. „О! о!—сказалъ одинъ старый французскій гренадеръ, знайте, государь мой, что когда сто французскихъ гренадеръ и сто русскихъ встрѣтятся между собою, такъ только живые ступаютъ по тѣламъ убитыхъ". Любезность вызывала любезность, и Орловъ въ свою очередь разсказалъ французамъ извѣстный анекдотъ о князѣ Багратіонѣ въ Бородинскомъ сраженіи. Орловъ, Русская Старина, т. XX, 1877 г. стр. 646—647.

[1]) Въ кабинетъ маршала проходили тогда дѣйствительно очень многіе оригинальные визитеры. Объ одномъ изъ нихъ самъ Мармонъ сообщаетъ слѣдую-

нихъ невольно остановило на себѣ вниманіе русскаго офицера. Лицо это поражало наблюдателя своею некрасивою, но въ высшей степени тонкою, интеллигентною физіономіею. Желтоватая сѣровидная блѣдность гармонировала въ немъ какъ нельзя болѣе съ спокойнымъ, ледянымъ безстрастіемъ выраженія. Напряженное вниманіе всѣхъ присутствующихъ сосредоточилось на этомъ человѣкѣ. Казалось, всѣ ожидали услышать отъ него разрѣшеніе всѣхъ волнующихъ ихъ вопросовъ. Да это и не было удивительно. Человѣкъ этотъ былъ никто иной, какъ князь Талейранъ, великій мастеръ дипломатической интриги, когда-то довѣренный министръ Наполеона, теперь его злѣйшій и опаснѣйшій врагъ. Онъ прошелъ прямо въ кабинетъ маршала и оставался тамъ довольно долго. Когда онъ наконецъ вышелъ, то его окружила цѣлая толпа любопытныхъ, но лишь немногіе успѣли ухватить на лету нѣсколько сказанныхъ имъ словъ. Вокругъ этихъ счастливцевъ образовались тотчасъ-же цѣлыя группы. Орловъ былъ забытъ; онъ оставался почти одинъ въ своемъ углу. Талейранъ какъ будто ожидалъ этой минуты. Быстрыми шагами подошелъ онъ къ русскому офицеру. „Милостивый государь, сказалъ онъ ему, возьмите на себя трудъ повергнуть къ стопамъ государя вашего выраженія глубочайшаго почтенія, которое питаетъ къ особѣ его величества князь Беневентскій".—

щее: „Въ этотъ вечеръ у меня собралось большое количество моихъ друзей. Разговоръ шелъ о безнадежномъ положеніи дѣлъ. Всѣ, казалось, соглашались, что единственное спасеніе заключается въ низложеніи Наполеона. Говорили о Бурбонахъ. Энергичнѣе всѣхъ высказывался въ ихъ пользу г. Лафитъ, и его голосъ произвелъ на меня наибольшее впечатлѣніе. Онъ открыто объявлялъ себя ихъ сторонникомъ, и когда я началъ возражать ему, то онъ прервалъ меня такими словами: „О! г. маршалъ, чего намъ опасаться съ писанными гарантіями, съ политическимъ порядкомъ, устанавливающимъ наши права". Когда я услышалъ, что подобное мнѣніе высказываетъ человѣкъ изъ рядовъ буржуазіи, простой банкиръ, то мнѣ показалось, что въ его словахъ слышится голосъ всего города Парижа. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Лафитъ превратился въ яраго врага Бурбоновъ". Впрочемъ Лафитъ, по замѣчанію Мармона, былъ человѣкъ пустой, тщеславный, неспособный къ какому-бы то ни было благородному чувству. Это свойство, замѣтимъ мы съ своей стороны, нисколько не помѣшало либеральному банкиру играть видную роль какъ при реставраціи Бурбоновъ, такъ и при ихъ сверженіи въ іюльскую революцію. Memoires de Marmon, T. VI, стр. 249—250.

Орловъ сразу понялъ, что въ этой фразѣ инициатора Бурбонской реставраціи заключалась цѣлая программа. „Князь", отвѣчалъ онъ въ полголоса Талейрану, „будьте увѣрены, что я непремѣнно повергну къ стопамъ его величества этотъ бланкъ". Легкая, почти незамѣтная улыбка скользнула по лицу Талейрана. Видимо довольный, что его тонкій намекъ былъ понятъ, какъ слѣдуетъ, онъ тотчасъ-же отошелъ въ сторону, не подавая виду, что онъ понялъ отвѣтъ Орлова и не прибавляя ни слова къ своей, повидимому, чисто оффиціальной, но въ то-же время столь многозначительной фразѣ [1]).

Французы, находившіеся случайно вблизи, подслушали слова Талейрана, хотя и не могли слышать отвѣта Орлова. Нѣкоторые изъ нихъ были настолько наивны, или хотѣли казаться таковыми, что не могли понять смысла рѣчей князя Беневентскаго. „Ужъ не сошелъ-ли Талейранъ съ ума?" говорили они, смѣясь между собою, „что значитъ этотъ бланкъ, который онъ препровождаетъ къ русскому императору?" [2]). Понятно, что люди болѣе дальновидные легко могли уяснить себѣ значеніе этого бланка. Талейранъ только что вышелъ изъ кабинета Мармона и фраза, брошенная имъ Орлову, была прямымъ послѣдствіемъ бесѣды его съ маршаломъ.

„При таковыхъ обстоятельствахъ", разсказываетъ Мармонъ въ своихъ запискахъ, „явился ко мнѣ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся, побуждаемый къ тому различными мотивами. То былъ Талейранъ. Онъ пожелалъ видѣть меня наединѣ и я принялъ его въ моей столовой. Онъ началъ, чтобы завязать разговоръ съ вопроса, считаю-ли я сообщенія свободными; онъ спросилъ меня далѣе: не появились-ли казаки на лѣвомъ берегу Сены. За тѣмъ онъ началъ распространяться объ общественныхъ бѣдствіяхъ. Я соглашался съ нимъ, но не проронилъ ни слова на счетъ средствъ, которыми можно-бы было положить имъ предѣлъ. Онъ искалъ случая сдѣлать мнѣ важное сообщеніе, но хотя я предчувствовалъ приближеніе необычайныхъ событій, но онъ не могъ

---

[1]) Орловъ, Русская Старина, Т. XX. годъ 1877, стр. 648.

[2]) Орловъ, Русская Старина, 1877. Т. XX, стр. 648.

убѣдить меня содѣйствовать имъ. Я желалъ выполнять лишь мое призваніе, предоставляя времени и силѣ вещей рѣшеніе, предназначенное Провидѣніемъ. Князь Талейранъ, потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ, оставилъ меня“ [1]).

Неудача не была, однакоже, такъ полна, какъ старается увѣрить насъ Мармонъ. Изъ осторожнаго и сдержаннаго поведенія маршала Талейранъ могъ сдѣлать выводъ благопріятный для своихъ плановъ. Онъ убѣдился, что Мармонъ тяготится, подобно другимъ маршаламъ, этою безнадежною войною, что его преданность императору далека отъ всякаго энтузіазма и даже твердости, что при случаѣ и давленіи обстоятельствъ онъ покинетъ знамя своего властелина, и никогда не будетъ отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ потерянное дѣло. Этого было вполнѣ достаточно для князя Беневентскаго. Тылъ его былъ обезпеченъ; онъ чувствовалъ подъ ногами своими твердую почву. Наполеоновскіе маршалы и войска не безпокоили его болѣе. Ему надо было склонить теперь на свою сторону вѣнценоснаго вождя соединенной Европы; и онъ смѣло и ловко приступилъ къ исполненію этого замысла.

Сенсація, произведенная появленіемъ князя Беневентскаго и его таинственною фразою, вскорѣ уступила мѣсто инымъ впечатлѣніямъ. Въ отель появился адъютантъ императора Наполеона, генералъ Жирарденъ. Онъ только что прибылъ въ Парижъ съ чрезвычайно важными сообщеніями и повелѣніями своего властелина. Наполеонъ увѣдомлялъ войска и парижанъ о своемъ близкомъ прибытіи въ столицу. То былъ уже второй вѣстникъ; первый, генералъ Дежанъ, пріѣхалъ лишь нѣсколько часовъ тому назадъ. Оба генерала

---

[1]) „Jl me parla ensuite longuement des malheurs publics. J'en convins a vec lui, mais sans dire un mot sur le reméde à employer. Il cherchait l'occasion de me faire une ouverture; mais quoique je pressentisse d'etranges e'venements, il ne pouvait pas me convenire d'y concourir: et de lors, un secret m'eut eté a charge. Je voulais faire loyalement mon metier, et atendre du temps et de la forcedes choses la solution que la Providence y apporterait. Le prince de Talleyrand, ayant echoué dans sa tentative „se retira“. Marmon, Memoires, т. VI, стр. 250.

должны были употребить всѣ усилия, чтобы задержать паденіе Парижа до прибытія Наполеона и его арміи. Они должны были пустить въ ходъ всѣ средства: увѣщаніе, угрозы, даже обманъ. Особенно широки были въ этомъ отношеніи полномочія Жирардена, подробно формулированныя, по указаніямъ Наполеона, маршаломъ Бертье. Жирарденъ долженъ былъ объявить прежде всего о мирѣ съ Австріею, заключенномъ будто-бы Наполеономъ, и попытаться внести тѣмъ раздоръ въ среду союзниковъ. Этимъ наглымъ обманомъ Наполеонъ разсчитывалъ также ободрить парижанъ. Жирарденъ долженъ былъ взволновать населеніе Парижа, убѣдить гражданъ подняться съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своихъ домовъ, своихъ женъ и дѣтей. Тщетное, смѣшное начинаніе! Наполеонъ въ теченіи всего своего владычества силился превратить французовъ въ покорныхъ рабовъ и бездушныхъ автоматовъ. Онъ не допускалъ ни малѣйшаго проявленія самодѣятельности, онъ третировалъ національную гвардію, онъ смотрѣлъ на всякій энтузіазмъ, какъ на пустую или преступную идеологію; онъ говорилъ, что ему не нужны граждане, а только вѣрные подданные, исправные плательщики податей и хорошіе рекруты. А теперь онъ вдругъ заговорилъ о патріотическомъ энтузіазмѣ, о гражданскомъ долгѣ [1]) и, вопреки всему своему прошлому, началъ искать спасенія въ той самой массѣ, которая до сихъ поръ была въ его глазахъ лишь матерьяломъ для пополненія его казны и его арміи.

Давая подобныя порученія Жирардену, императоръ, по всей вѣроятности, самъ не ожидалъ отъ нихъ никакого успѣха. Онъ видно плохо надѣялся на энтузіазмъ парижанъ и волнуемый противоположными чувствами, доведенный до отчаянія, готовъ былъ самъ обречь на гибель и уничтоже-

---

[1]) Мы видѣли, что Наполеонъ вспомнилъ о гражданахъ, патріотизмѣ и энтузіазмѣ и т. д. какъ разъ съ того момента, когда военное счастіе, улыбавшееся ему нѣсколько разъ даже въ теченіи роковой для него кампаніи 1814 г., окончательно отвернулось отъ него послѣ битвы при Лаонѣ. Уже съ тѣхъ поръ Наполеонъ началъ бросать вокругъ себя либеральными и даже революціонными фразами. Но само собою понятно, что „обращеніе это“ было неискреннее.

ніе столицу Франціи съ ея милліоннымъ населеніемъ. Жирардену отданъ былъ словесный приказъ, истощивъ всѣ другія средства, взорвать Гренельскій пороховой магазинъ и погребсти подъ развалинами столицы друзей и враговъ.

Жирарденъ прибылъ въ Парижъ вечеромъ 30 (18) марта и тотчасъ-же убѣдился, что онъ опоздалъ, что дѣло его властелина въ Парижѣ проиграно окончательно. Капитуляція была уже почти заключена, войска Мармона и Мортье уже начинали покидать свои позиціи и даже очищать самый городъ. Для возбужденія народнаго энтузіазма не было ни времени, ни возможности. Даже въ рабочихъ кварталахъ Парижа господствовала полная тишина, тогда какъ состоятельная часть населенія столицы съ удовольствіемъ ожидала вступленія союзниковъ, считая его, не безъ основанія, концемъ войны. Жирарденъ попробовалъ было предпринять коечто для исполненія своей миссіи, но наталкивался повсюду или на полную апатію, или на открытое сопротивленіе. Его увѣдомили, что генералъ Лапуантъ пытался уже остановить союзниковъ ложнымъ извѣстіемъ о заключеніи отдѣльнаго мира съ Австріею; но что никто въ непріятельскомъ лагерѣ, не исключая самого Шварценберга, не повѣрилъ этой наглой выдумкѣ [1]). Тщетно требовалъ Жирарденъ отъ полковника Лескура взорвать пороховой магазинъ въ самый моментъ вступленія союзниковъ въ Парижъ; благородный Лескуръ наотрѣзъ отказался исполнять варварское приказаніе, пока не получитъ отъ Наполеона письмомъ несомнѣннаго и положительнаго повелѣнія [2]).

---

[1]) „Онъ былъ предупрежденъ въ переговорахъ съ союзниками генераломъ Лапуантомъ, а предположеніе отдѣльнаго мира съ Австріею было средство давно ужъ устарѣлое, говоритъ М. Ѳ. Орловъ. Попытка Лапуанта была предпринята, по приказанію маршала Мортье, подвинутому въ свою очередь на этотъ шагъ категорическими повелѣніями Наполеона, привезенными генераломъ Дежаномъ. Мармонъ зналъ безъ всякаго сомнѣнія объ этихъ переговорахъ, хотя и не принималъ въ нихъ прямого участія“.

[2]) „Долго сомнѣвались въ истинѣ этого варварскаго приказа. Къ несчастію, я могу засвидѣтельствовать о дѣйствительномъ существованіи его; въ послѣдствіи я очень коротко былъ знакомъ съ полковникомъ Лескуромъ, тѣмъ самымъ, который съ благородною твердостью отказался отъ повиновенія г. Жирардену,

Потерпѣвъ полную неудачу во всѣхъ своихъ попыткахъ, Жирарденъ явился поздно вечеромъ въ отель Мармона. Его появленіе, для многихъ внезапное, произвело сильное движеніе въ многочисленной публикѣ, наполнявшей залы маршала. „Всѣ почувствовали какъ-бы предвкусіе присутствія великаго человѣка; у всѣхъ лица сдѣлались болѣе важны, и каждый, кто за минуту передъ тѣмъ подписалъ-бы impetto отдѣльный миръ, принялъ гордую, воинственную осанку. Разговоръ превратился въ шопотъ на ушко, и тѣ, которые было подошли ко мнѣ, удалились, потерялись въ толпѣ“.

Было уже 11 часовъ вечера, когда по распоряженію маршала въ большой залѣ сервированъ былъ столъ для всѣхъ

пока не получитъ на письмѣ отъ государя своего несомнѣннаго и положительнаго повелѣнія. И такъ нельзя отрицать факта, свидѣтельствуемаго самою явностью довѣренностей, которыя дѣлались тогда. Фитиль, при помощи котораго должно было совершиться бѣдствіе, еще, такъ сказать, горѣлъ въ рукахъ у Лескура, когда я извѣстился о всѣхъ подробностяхъ этого неудавшагося предпріятія“. Далѣе у автора слѣдуютъ весьма оригинальныя сужденія о Наполеонѣ, доказывающія очевидно, что и Орловъ, подобно тысячамъ другихъ современниковъ, находился всецѣло подъ обаяніемъ колоссальной личности Наполеона. Между прочимъ Орловъ старается убѣдить насъ, что Наполеонъ вовсе не былъ кровожаденъ по своей натурѣ; что сердце его въ дружескихъ бесѣдахъ открывалось для самыхъ нѣжныхъ ощущеній, что онъ тысячу разъ доказалъ (?) въ продолженіи государственной своей жизни, что оффиціальная его жестокость (?!) была не столько природная, какъ притворная. Изъ дальнѣйшихъ разсужденій Орлова мы узнаемъ, что Наполеонъ приносилъ въ жертву все своему честолюбію и совершалъ самыя страшныя дѣла ради осуществленія своей несбыточной идеи всесвѣтной монархіи. Орловъ, впрочемъ, ясно сознавалъ демоническую натуру Наполеона и смотрѣлъ на его послѣднюю борьбу, „какъ на борьбу съ самимъ Провидѣніемъ“. „Въ свою очередь“, говоритъ онъ, „и Парижъ необходимо долженствовалъ былъ быть принесенъ въ жертву,—и былъ-бы. Въ минуту моральнаго и нервнаго раздраженія, Наполеонъ далъ роковой приказъ, и, давая его, думалъ, можетъ быть, дать послѣднее, ужасное сраженіе, уже не людямъ, а самому Провидѣнію. Преступный мятежъ генія противъ непреложной воли небесъ! Горестное и жестокое отчаяніе издыхающей гордости, которая находитъ себѣ наказаніе въ самой немощности ненавистныхъ усилій своихъ. Провидѣніе приняло вызовъ человѣка, сильнаго по превосходству; оно горько посмѣялось ему, лишивъ его возможности совершить разрушеніе Парижа, и вскорѣ вынудило подписать собственный приговоръ уничиженія и отреченія отъ трона. Таковъ верховный законъ, управляющій слабыми силами нашими: великому жребію, — великія заблужденія“. Орловъ, Русская Старина, томъ XX, стр. 649—650.

присутствовавшихъ. Орлову пришлось сидѣть за столомъ бокъ о бокъ съ Жирарденомъ. Русскій парламентеръ давно уже былъ знакомъ съ наполеоновскимъ генераломъ. Онъ видѣлся съ Жирарденомъ и бесѣдовалъ съ нимъ въ 1812 г. въ Вильнѣ у князя Невшательскаго. Онъ произвелъ на него тогда впечатлѣніе очень умнаго, развязнаго, свѣтскаго человѣка, умѣвшаго говорить очень много и очень красно. Но на этотъ разъ Жирарденъ былъ, видимо, не въ духѣ. Онъ былъ страшно взволнованъ, раздраженъ и очевидно искалъ человѣка, на котораго онъ могъ-бы излить свою злобу. Русскій адъютантъ, пріѣхавшій къ тому-же закончить переговоры о капитуляціи Парижа, показался ему самымъ подходящимъ субъектомъ. „Онъ имѣлъ нужду“, говоритъ Орловъ, „излить на кого нибудь все свое негодованіе, и естественно сдѣлалъ мнѣ честь, выбравъ меня въ свои страдательные собесѣдники. Общій столъ передъ слушателями, принимающими участіе въ разговорѣ, представляетъ для человѣка, который заранѣе рѣшился вести войну на словахъ, всегда особенное удобство. Тамъ бокъ о бокъ съ противникомъ, онъ поставляетъ его въ невозможность избѣгнуть ударовъ, отказаться отъ сраженія, приготовиться къ нему или отдалить его, язвительные слова достигаютъ по своему назначенію со всею жестокостью ихъ первоначальной злобы“. Положеніе Орлова было крайне затруднительное. Онъ только что пріобрѣлъ среди этого общества своего рода популярность, и онъ не хотѣлъ утратить ее какимъ-нибудь неосторожнымъ выраженіемъ. Ему нужно было необыкновенное хладнокровіе, благоразуміе и скромность, чтобы не проиграть въ глазахъ многочисленной и раздражительной публики, окружавшей ихъ. И Орловъ, обладавшій всѣми этими качествами, съ честью вышелъ изъ испытанія. Ловко и деликатно отпарировалъ онъ личныя нападки и колкости Жирардена и сумѣлъ перевести разговоръ на почву общественныхъ и политическихъ разсужденій. Какъ только дѣло дошло до этихъ серьезныхъ матерій, то Жирарденъ „заключился въ совершеннѣйшемъ скептицизмѣ“. Онъ началъ сомнѣваться во всемъ и въ силахъ союзниковъ, и въ ихъ успѣхахъ, и въ намѣреніяхъ. Само собою понятно, что

Орлову не стоило большаго труда разсѣять всѣ эти сомнѣнія. Онъ могъ говорить съ полною и твердою увѣренностью и о громадномъ численномъ превосходствѣ союзниковъ, и о несомнѣнности ихъ успѣховъ, и о великодушныхъ намѣреніяхъ своего государя. Жирарденъ перешелъ къ частностямъ. Онъ началъ говорить о побѣдѣ, одержанной Наполеономъ надъ отдѣльнымъ корпусомъ Винцингероде, но Орловъ спокойно замѣтилъ, что это аррьергардное дѣло не можетъ быть даже называемо сраженіемъ, что оно во всякомъ случаѣ не окажетъ ни малѣйшаго вліянія на ходъ большихъ операцій кампаніи. Жирарденъ и его секунданты начали превозносить тѣ неистощимые рессурсы, которые найдетъ Наполеонъ въ своемъ несравненномъ военномъ геніи. Орловъ, преклоняясь передъ геніемъ императора, замѣтилъ, что если Наполеонъ стоилъ одинъ въ началѣ этой кампаніи 500,000 солдатъ, то теперь его стоимость равняется лишь 50,000. Жирарденъ началъ толковать о соединеніи Наполеона съ Ожеро и Сультомъ; Орловъ выставилъ съ своей стороны Бернадота, Бубну и Велингтона. Опровергнутый на военномъ поприщѣ, Жирарденъ сталъ распространяться о намѣреніяхъ союзниковъ. Онъ дошелъ до того, что обвинялъ союзныхъ государей въ намѣреніи раздѣлить Францію. Орловъ опровергалъ подобное обвиненіе, ссылаясь на хорошо извѣстный всѣмъ благородный, высокій, безкорыстный образъ мыслей императора Александра. Онъ напомнилъ французамъ, что императору Александру будетъ принадлежать рѣшающій голосъ въ опредѣленіи участи Франціи [1]). Онъ приглашалъ

[1]) Положеніе, занимаемое Россіею во главѣ коалиціи, характеръ ея государя и его громадное, рѣшающее вліяніе, облегчали Орлову, какъ нельзя болѣе, его полемику съ Жирарденомъ. „По счастливому и рѣдкому случаю“, говоритъ онъ, „одно и тоже доказательство послужило мнѣ къ убѣжденію и въ силѣ, и въ умѣренности союзниковъ. Это доказательство заключалось именно въ зрѣлищѣ тѣснаго и вмѣстѣ страшнаго союза, при которомъ успѣли собрать столько разнородныхъ элементовъ, сплавить въ одну массу столько различныхъ армій, слить въ одно желаніе столько различныхъ желаній и подлинно, ни одна изъ прежнихъ коалицій не представляла такихъ огромныхъ силъ, такого дружескаго согласія, потому что ни одна не опиралась на такихъ общихъ европейскихъ основаніяхъ, и всѣ, безъ исключенія, подъ предлогомъ блага общаго, скрывали

своихъ собесѣдниковъ не внимать тщетнымъ обольщеніямъ, принести въ жертву свои мечты о славѣ и владычествѣ, будущности, исполненной счастія и спокойствія, предпочесть систему равновѣсія и союзовъ наступательному воинственному уединенію, предоставить Франціи снова занять подобающее ей мѣсто и санъ въ общемъ возсозданіи европейскаго зданія, которое безъ ея содѣйствія не будетъ имѣть ни прочности, ни блеска, ни основанія, ни верха: „Слова мои", говоритъ онъ, „не остались безъ дѣйствія. Я имѣлъ удовольствіе замѣтить это по удвоившимся вѣжливостямъ и внимательности, съ которою мои слушатели тѣснились вокругъ меня. Все доказывало мнѣ, что мое посланіе морально было приведено къ исполненію. Предшественникъ воплощенной кротости, я направлялъ всѣ мои усилія только къ одной цѣли, именно, чтобы предуготовить парижанъ къ вступленію Александра, окруженнаго милосердіемъ, могуществомъ и величіемъ... Путь теперь былъ проложенъ; осталось ему только явиться".

Было уже очень поздно, когда собесѣдники поднялись изъ за стола. Орловъ, утомленный неслыханными событіями, небывалыми впечатлѣніями этого дня, забрался въ уголъ залы и впалъ невольно въ легкую дремоту. Вокругъ него продолжали двигаться и говорить, и отдѣльныя громко сказанныя слова нерѣдко поражали его слухъ. Но ему не приходилось слышать ничего непріятнаго. Французы видимо перешли въ

виды корысти частной. Здѣсь, напротивъ, всѣ виды эгоистическіе, исключительные всѣ замыслы честолюбія частнаго и отдѣльнаго—терялись въ общемъ стремленіи къ благу всего человѣчества. Здѣсь дѣло шло не о границахъ, не о пріобрѣтеніяхъ, не о завоеваніяхъ. Чего требовала Пруссія? 10,000,000 жителей. Австрія?—обезпеченія своихъ областей (Австрія требовала гораздо большаго, едва-ли не больше всѣхъ). Англія—уничтоженія континентальной системы и освобожденія торговли. Второстепенныя государства?—неприкосновенности ихъ владѣній. А Россія?—ничего для себя самой и всего для міра. Это благородное высокое безкорыстіе обезпечивало императору Александру верховное распоряженіе и главный голосъ во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ. И только, эта, почти слѣпая довѣренность къ императору Александру, эта вѣра полная и безграничная всѣхъ въ одного извлекла изъ общаго политическаго хаоса два огромные результаты: всеобщій миръ и неприкосновенность государствъ". Орловъ, Русская Старина, Т. XX, стр. 652—653.

благодушное настроеніе. „Вотъ сонъ побѣдителя", сказалъ кто-то, проходя мимо его.—„И честнаго человѣка", добавилъ другой. Эти простыя слова тронули Орлова до глубины души.

Но время проходило и дѣла не подвигались впередъ. Орловъ начиналъ уже безпокоиться [1]), когда его извѣстили о пріѣздѣ графа Парра. Графъ привезъ съ собою письмо отъ Нессельроде, уполномочивавшее привести къ концу переговоры о капитуляціи Парижа.

Письмо гласило такъ: „государь императоръ, по соглашенію съ фельдмаршаломъ княземъ Шварценбергомъ, находитъ болѣе выгоднымъ для союзныхъ армій не настаивать на томъ условіи, которое прежде было предлагаемо для очищенія Парижа, но союзники предоставляютъ себѣ право преслѣдовать французскую армію, по дорогѣ, которую изберетъ она для своего отступленія. И такъ, вы уполномочиваетесь вмѣстѣ съ господиномъ полковникомъ графомъ Парромъ заключить конвенцію относительно сдачи и занятія Парижа, на тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы согласились, до отъѣзда моего, съ господами герцогами Рагузскимъ и Тревизскимъ" [2]).

Орловъ и Парръ, прочитавши письмо, послали сказать герцогу Рагузскому, что они готовы составить и подписать актъ капитуляціи Парижа. Мармонъ явился немедленно на ихъ приглашеніе. Всѣ трое усѣлись въ гостинной около стола, вокругъ нихъ толпились многочисленныя группы гостей. Орловъ взялъ листъ простой почтовой бумаги и принялся сочинять статьи капитуляціи. Графъ Парръ, облокотившись на плечо Орлова, слѣдилъ глазами за письмомъ и по мѣрѣ написанія статей, изъявлялъ на нихъ свое согласіе. Черезъ четверть часа все было кончено и Орловъ подалъ маршалу

---

[1]) „Послѣ отъѣзда комиссаровъ всѣ сношенія между обѣими главными квартирами прекратились, и я рѣшительно ничего не зналъ о намѣреніяхъ нашего кабинета. Я былъ простой заложникъ, не имѣлъ никакого оффиціальнаго характера и не могъ ничего предпринять, ничего рѣшить". Орловъ. Тамъже, стр. 653.

[2]) Текстъ письма у Орлова, стр. 654.

проектъ капитуляціи. Онъ заключалъ въ себѣ слѣдующія 8 статей [1]):

1) Французскія войска, состоящія подъ начальствомъ маршаловъ герцоговъ Рагузскаго и Тревизскаго, очистятъ городъ Парижъ 19 (31-го) марта въ 7 часовъ утра.

2) Они возьмутъ съ собою всю артиллерію и тяжести, принадлежащія къ этимъ двумъ корпусамъ.

3) Военныя дѣйствія должны начаться вновь не прежде, какъ спустя два часа по очищеніи города, т. е. 19 (31) марта въ девять часовъ утра.

4) Всѣ военные арсеналы, заведенія и магазины будутъ оставлены въ томъ состояніи, въ какомъ находились до заключенія настоящей капитуляціи.

5) Національная гвардія пѣшая и конная совершенно отдѣляется отъ линейныхъ войскъ; она будетъ сохранена, обезоружена или распущена по усмотрѣнію союзниковъ.

6) Городскіе жандармы раздѣлятъ вполнѣ участь національной гвардіи.

7) Раненые и мародеры, которые найдутся въ городѣ послѣ девяти часовъ, останутся военно-плѣнными.

8) Городъ Парижъ предается на великодушіе союзныхъ государей.

Мармонъ началъ читать бумагу съ видимымъ безпокойствомъ. Казалось, что онъ опасался встрѣтить въ условіяхъ союзныхъ уполномоченныхъ поводы къ новымъ недоразумѣніямъ и спорамъ. Но вскорѣ лице его прояснилось. Онъ прочелъ проэктъ вслухъ ясно и отчетливо. Онъ какъ будто требовалъ отъ многочисленной, окружавшей его публики, одобренія или замѣчаній; но въ залѣ царствовала гробовая тишина, никто не сказалъ ни слова. Маршалъ отдалъ бумагу Орлову и объявилъ, что не имѣя ничего сказать противъ трактата ни со стороны содержанія, ни со стороны формы, онъ изъявляетъ на него свое полное согласіе. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ, бывшимъ около него, полковникамъ Фавье и Дюсису подписать вмѣстѣ съ союзными уполномо-

---

[1]) Текстъ статей капитуляціи у Орлова, стр. 654—655.

ченными проэктъ капитуляціи. Подписи были сдѣланы тотчасъ-же и Орловъ, взявъ съ собою оригиналъ капитуляціи, тутъ-же снялъ съ него копію и вручилъ ее герцогу Рагузскому [1]).

Оставалось назначить депутацію отъ города Парижа, которая должна была выйти на встрѣчу побѣдоноснымъ союзнымъ государямъ. Орловъ замѣтилъ маршалу, что ограничиваясь чисто военною стороною дѣла, онъ съ намѣреніемъ умолчалъ о гражданскихъ дѣлахъ Парижа, для того, чтобы дать начальству города время и способъ обсудить эти дѣла имъ самимъ передъ союзными государями, которые съ своей стороны будутъ имѣть случай показать жителямъ Парижа на первомъ-же шагу свои великодушныя намѣренія. Орловъ добавилъ, что депутація можетъ свободно заявить о своихъ желаніяхъ, за исполненіе которыхъ онъ ручается напередъ, что довѣренность равно приноситъ честь и тѣмъ, кому она оказывается и тому, кто ее оказываетъ, что, наконецъ, онъ принялъ на себя составить осьмую статью капитуляціи [2]), въ которой помѣщено повелѣніе его величества избавить городъ Парижъ отъ униженія передать ключи свои въ какой-нибудь иностранный музей. Мармонъ видимо былъ тронутъ этимъ послѣднимъ заявленіемъ; онъ молча подалъ руку Орлову. Вслѣдъ затѣмъ въ залѣ произошло большое движеніе. Приступлено было къ избранію депутаціи [3]).

День уже занимался, когда депутація была избрана и готова отправиться. Орловъ сѣлъ на свою лошадь и поѣхалъ въ Бонди, гдѣ находилась главная квартира Александра. Путь пролегалъ черезъ биваки союзныхъ войскъ. Повсюду пылали громадные костры. Солдаты уже видимо отдохнули. Почти никто не спалъ. Всѣ чистили ружья, приводили въ

---

[1]) Всѣ эти подробности у Орлова. Мармонъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ о капитуляціи Парижа очень кратко.

[2]) По счету это должна была быть девятая статья.

[3]) Въ составъ депутаціи вошли слѣдующія лица: префекты Шаброль и и Пакье, нѣсколько членовъ городскаго совѣта и три офицера національной гвардіи.

порядокъ свои мундиры и аммуницію. Лица всѣхъ сіяли въ виду приближенія послѣдняго торжественнаго момента страшной многолѣтней борьбы. Прибывъ въ Бонди, Орловъ ввелъ депутатовъ въ большую залу замка и велѣлъ увѣдомить о ихъ прибытіи графа Нессельроде. Самъ Орловъ направился прямо къ государю, который заранѣе распорядился позвать его тотчасъ-же по прибытіи. Александръ принялъ своего флигель-адъютанта, лежа въ постели.

— „Ну", сказалъ онъ входящему Орлову, „что вы привезли новаго?"

— „Вотъ капитуляція Парижа", отвѣчалъ тотъ.

Императоръ взялъ бумагу, прочелъ ее, сложилъ и, положивъ подъ подушку, сказалъ:

— „Поцѣлуйте меня; поздравляю васъ, что вы соединили имя ваше съ этимъ великимъ событіемъ".

Онъ заставилъ Орлова подробно разсказать о вечерѣ, проведенномъ имъ въ Парижѣ и обнаружилъ живѣйшее удивленіе, когда услышалъ разсказъ о Талейранѣ. „Теперь это пока еще анекдотъ", замѣтилъ онъ, „но можетъ сдѣлаться исторіею". Вслѣдъ затѣмъ императоръ отпустилъ Орлова [1]).

Великая драма закончилась. Сдача Парижа обозначала собою конецъ войны. Паденіе Наполеона совершилось, хотя онъ самъ еще ничего не зналъ въ этотъ моментъ о состоявшемся надъ нимъ приговорѣ судьбы. Самоувѣренность, доведшая Наполеона въ этотъ періодъ его жизни до полнаго ослѣпленія, достигла своего апогея, въ тотъ моментъ, когда онъ началъ свое рискованное движеніе на сообщенія союзниковъ и тѣмъ самымъ открылъ непріятелямъ своимъ путь къ Парижу.

Наполеонъ ожидалъ въ первые дни своего похода самыхъ благопріятныхъ для себя послѣдствій. Онъ старался увѣрить себя и другихъ, что союзники не отважатся идти на Парижъ, а непремѣнно послѣдуютъ за нимъ. 24-го марта Наполеонъ достигъ Дулевана, тогда какъ различные отряды его войскъ дошли до Бріенни и Мутье-ендера, а Мак-

1) Орловъ, Русская Старина, т. XX, стр. 656.

дональдъ, шедшій позади всѣхъ, занялъ Сенъ-Дизье. Наполеонъ, занятый въ это время всецѣло своими военными предпріятіями, былъ пораженъ крайне непріятно, когда въ главную квартиру его явился внезапно Коленкуръ. Удивленіе императора перешло въ смущеніе и страхъ, когда онъ узналъ отъ герцога Виченцкаго о закрытіи шатильонскаго конгресса. Такой неожиданный инцидентъ совершенно не входилъ въ его разсчеты. Если онъ и не думалъ о заключеніи мира, то за то продолженіе переговоровъ было для него въ высшей степени необходимо. Онъ нуждался въ переговорахъ, уже въ виду одного общественнаго мнѣнія Франціи, принимавшаго съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тревожный характеръ. Переговоры нужны были ему и потому, что благодаря имъ, онъ могъ разсчитывать въ случаѣ крайности заключить миръ, или остановить успѣхи союзниковъ, или, наконецъ, посѣять при удобномъ случаѣ вражду между ними. Теперь всѣ эти возможности разомъ закрывались для него, а рѣшительный тонъ послѣдняго заявленія союзныхъ уполномоченныхъ, равно какъ и письма Меттерниха, представленныя Наполеону Коленкуромъ, не оставляли сомнѣнія въ томъ, что союзники будутъ стремиться теперь къ низложенію его самого.

Извѣстный бонапартистскій писатель и панегиристъ Наполеона, баронъ Фенъ, утверждаетъ, что появленіе Коленкура и вѣсти, привезенныя имъ, произвели сильное недовольство и страхъ въ главной квартирѣ Наполеона и въ средѣ его приближенныхъ. Уже и прежде, многіе были недовольны тѣмъ, что армія удаляется отъ Парижа; теперь безпокойство и тревога овладѣли всѣми. Въ комнатѣ, находившейся близь самаго кабинета Наполеона, собрались поздно вечеромъ маршалы и генералы. Они громко жаловались на императора и, не стѣсняясь, высказывали свои опасенія. Младшіе офицеры и адъютанты толпились вокругъ нихъ, жадно прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ. Прежнее слѣпое довѣріе къ императору исчезло окончательно. Страхъ передъ грядущимъ переворотомъ развязалъ всѣмъ языкъ. „Куда идемъ мы? Что станется съ нами? Если онъ падетъ, то и

мы падемъ вмѣстѣ съ нимъ!“ вотъ какіе возгласы раздавались теперь среди столь раболѣпной прежде толпы. „Никогда еще, добавляетъ Фенъ, Наполеонъ не нуждался такъ, какъ теперь въ своей сильной волѣ, чтобы бороться противъ окружавшей его оппозиціи, но въ первый разъ, онъ не обращаетъ вниманія на то, что происходитъ вокругъ него [1]).

Мы знаемъ, что Наполеонъ никогда не имѣлъ обыкновенія обращать вниманіе на настроеніе и толки своихъ окружающихъ, а въ настоящій моментъ ему было вовсе не до того. Грозныя извѣстія, привезенныя Коленкуромъ, сбили его совершенно съ толку. Первую минуту онъ думалъ поправить сдѣланную ошибку, завязать во что бы то ни стало вновь прерванные переговоры. Коленкуръ долженъ былъ написать, по его приказанію, два почти тождественныя письма къ князю Меттерниху. И въ томъ и въ другомъ онъ увѣдомлялъ австрійскаго премьера, что онъ получилъ теперь отъ императора самыя опредѣленныя инструкціи и безусловное полномочіе подписать миръ, что онъ готовъ тотчасъ-же отправиться въ главную квартиру союзниковъ и будетъ ожидать отвѣта Меттерниха. Оба письма были отправлены немедленно съ двумя курьерами, по двумъ различнымъ дорогамъ, но, само собою понятно, что ожидать на нихъ скораго отвѣта не было никакой возможности [2]).

Новый обманчивый лучъ надежды блеснулъ въ это время неожиданно Наполеону. Изъ арріергарда пришло извѣстіе,

---

[1]) Разсказавъ эту исторію, Фенъ спѣшитъ добавить: „Aprés l'aveu qui vient de nous e'chapper, hâtons-nous de rendre justice à l'armée. Officiers et soldats tous ont conserve l'energie et le devouement qui peuvent seuls faire rèussir la campagne aventureuse à la quelle on est pres de s'abandonner“. Fain, Manuscript de Mil. huit cent quatorze, стр. 195.

[2]) По поводу этихъ писемъ и вообще образа дѣйствій Наполеона послѣ прибытія Коленкура, Бернгарди замѣчаетъ: „Возникаетъ вопросъ: отважился-ли бы Наполеонъ на свой дерзкій походъ въ тылъ союзникамъ, если-бы онъ зналъ уже на полѣ битвы при Арсисѣ о прекращеніи переговоровъ въ Шатильонѣ и о заключительной декларація союзниковъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Мы видимъ, что получивъ эти тревожныя вѣсти, Наполеонъ теряетъ два дня въ нерѣшительномъ, неудержимомъ колебаніи и бросается изъ стороны въ сторону хватаясь, подобно утопающему, за каждую соломинку“. См. Бернгарди, т. IV, 2-я полов. стр. 372.

что сильныя непріятельскія массы спѣшатъ по пятамъ французской арміи. Лазутчики доносили даже, что въ Сенъ-Дизье заготовляются уже квартиры для союзныхъ государей. Наполеонъ воспрянулъ духомъ. Онъ ликовалъ, воображая, что непріятели пошли въ поставленную имъ ловушку. Прошелъ день въ тревожныхъ ожиданіяхъ и надеждахъ. Наконецъ, отъ Макдональда пришло извѣстіе, что между преслѣдующими войсками союзниковъ незамѣтно вовсе пѣхоты, что они состоятъ, повидимому, изъ одной легкой конницы. Новое тяжелое раздумье напало на императора. Желая, наконецъ, открыть во что бы то ни стало истину, Наполеонъ собралъ поспѣшно войска, находившіяся вблизи, и двинулся съ ними обратно на Сенъ-Дизье.

Винцингероде не успѣлъ уклониться отъ грозившаго ему удара. Атакованный превосходными силами Наполеона у Сенъ-Дизье, онъ потерпѣлъ полное пораженіе, и потерялъ около 1,500 чел. и 9 орудій. Разбитыя союзныя войска отступили двумя колоннами на Барь-ле-дюкъ и Витри. Но Наполеонъ не могъ радоваться своей побѣдѣ. Сраженіе при Сенъ-Дизье вполнѣ подтвердило донесенія Макдональда. Непріятельскія войска, съ которыми имѣлъ дѣло Наполеонъ, состояли изъ одной легкой конницы. Императоръ самъ допросилъ нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ; изъ ихъ отвѣтовъ онъ узналъ, что за нимъ слѣдуетъ лишь небольшой отрядъ союзной кавалеріи, что главная армія его враговъ двинулась уже два дня тому назадъ форсированными маршами на Парижъ [1]).

Странное впечатлѣніе произвела на Наполеона эта вѣсть. Повидимому, она не заключала въ себѣ ничего неожиданнаго, а тѣмъ менѣе ужаснаго для него. Развѣ онъ не предвидѣлъ заранѣе и этой случайности и не принялъ противъ нея мѣръ? Вѣдь онъ уже отдалъ приказанія на случай появленія союзниковъ подъ стѣнами Парижа. Вѣдь онъ распорядился уже на счетъ спасенія своего семейства и столь-

---

[1]) Эти извѣстія не замедлили подтвердиться и изъ другихъ источниковъ, какъ видно это изъ Фена, Manuscript de 1814, стр. 198.

ко разъ говорилъ и писалъ, что потеря столицы не можетъ имѣть никакого рѣшающаго значенія. И что-же однако? То, что казалось ему столь маловажнымъ, пока оно существовало лишь въ предположеніи, подѣйствовало на него сокрушающимъ образомъ, когда вдругъ предстало предъ нимъ въ дѣйствительности. Самообольщенія и иллюзіи разсѣялись какъ дымъ передъ страшнымъ свершившимся фактомъ. Наполеонъ вдругъ понялъ и оцѣнилъ все страшное, неизмѣримое значеніе Парижа для него, для его господства, для его династіи. Онъ понялъ свою колоссальную ошибку [1]).

Но быть можетъ есть еще возможность поправить дѣло? Наполеонъ ухватился прежде всего за мысль двинуться на Шалонъ и ударить въ тылъ союзной арміи. Правда, путь этотъ былъ обходный, но Наполеонъ думалъ, слѣдуя имъ, избѣжать переправъ черезъ Марну у Трильпора, Мо и Ланьи, занятыхъ и обороняемыхъ союзниками и перейти черезъ рѣку у Шато-Тьери. Дойдя до Витри, Наполеонъ получилъ извѣстіе о пораженіи Мармона и Мортье у Ла-феръ-Шампенауза. Онъ отказался отъ намѣренія идти на Шалонъ. Его мысли начали мѣшаться; обычная ясность взгляда и рѣшительность покинули его. Онъ собралъ военный совѣтъ и объявилъ своимъ маршаламъ, что онъ думаетъ предоставить Парижъ его участи, броситься въ Вогезы, соб-

---

[1]) Бернгарди, т. IV, 2-я полов. стр. 373. Тьеръ замѣчаетъ, что Наполеонъ отнесся спокойно къ извѣстію о движеніи союзниковъ на Парижъ и, разсматривая событія съ чисто-военной точки зрѣнія, хотѣлъ продолжать свое движеніе въ Лотарингію. Только общее противодѣйствіе всѣхъ окружающихъ заставляетъ Наполеона измѣнить свое намѣреніе и спѣшить къ Парижу. Если согласиться съ этимъ мнѣніемъ Тьера, тогда прійдется согласиться и съ тѣмъ, что Наполеонъ не имѣлъ никакого понятія ни о своемъ положеніи во Франціи вообще, ни о роли Парижа, въ частности, ни объ интригахъ бурбонистовъ. Впрочемъ, мнѣніе Тьера опровергается самими фактами и всѣми дальнѣйшими дѣйствіями самого Наполеона. См. Histoire de consulat et de l'empire, т. 17, стр. 620—621. Мнѣніе Тьера въ этомъ случаѣ, впрочемъ, ни чѣмъ не отличается отъ стараго, избитаго мнѣнія бонапартистовъ, по которому Наполеонъ является всегда непогрѣшимымъ и дѣлаетъ ошибки только подъ вліяніемъ окружающихъ. См. между прочимъ Фенъ, Manuscript de 1814, стр. 203.

рать войска изъ крѣпостей, вооружить поселянъ. Но онъ не настаивалъ на этой отчаянной мысли; онъ отказался отъ нея уже послѣ первыхъ возраженій, представленныхъ маршалами Бертье и Неемъ. Кто-то изъ присутствующихъ предложилъ вслѣдъ за тѣмъ идти кратчайшимъ путемъ прямо на Парижъ по пятамъ непріятельской арміи. Но и этотъ планъ былъ отвергнутъ, когда Бертье замѣтилъ, что армія не въ состояніи будетъ съ бою завладѣть переправами черезъ Марну у Мо и Ланьи.

Послѣ долгихъ разсужденій и колебаній Наполеонъ рѣшился, наконецъ, идти на Парижъ самымъ длиннымъ, обходнымъ путемъ черезъ Сенъ-Дизье, Баръ на Обѣ, Труа, Санъ и Фонтенебло. Избирая этотъ путь, по лѣвому берегу Сены, Наполеонъ никоимъ образомъ не могъ разсчитывать во-время поспѣть къ Парижу съ своею арміею, но за то онъ могъ идти здѣсь совершенно свободно, не встрѣчая нигдѣ непріятеля, и, что самое важное, онъ могъ отправиться по этой дорогѣ и одинъ, и явиться въ Парижъ нѣсколькими днями ранѣе своихъ войскъ, быть можетъ, какъ-разъ во-время, чтобы предупредить паденіе столицы. Не безъ основанія придавалъ Наполеонъ громадное значеніе своему личному присутствію; только въ виду этого обстоятельства, рѣшился онъ двинуть свою армію обходнымъ путемъ [1]).

Тотчасъ-же по окончаніи военнаго совѣта французская армія двинулась обратно въ Сенъ-Дизье, откуда она только что пришла. Войска должны были идти форсированнымъ маршемъ. Отданъ былъ приказъ маршировать день и ночь; для отдыха назначено было только нѣсколько часовъ въ сутки. А между тѣмъ погода была ужасная. Дождь лилъ какъ изъ ведра; дороги превратились въ непроходимыя болота. Армія нуждалась въ самомъ необходимомъ, не хватало даже хлѣба, солдаты совсѣмъ оборвались, многіе шли босикомъ. Лошади выбивались изъ силъ и сотнями падали по дорогѣ. Приказано было закапывать въ землю орудія, лишив-

---

[1]) Подробности этого совѣта см. у Бернгарди, т. IV, 2-я полов. стр. 374.

шіяся упряжныхъ лошадей, взрывать на воздухъ пороховые ящики.

Среди этихъ начинающихся бѣдствій къ Наполеону привели нѣсколькихъ знатныхъ плѣнниковъ, случайно захваченныхъ крестьянами на пути между Нанси и Лангромъ. Въ ихъ числѣ находились: баронъ Вессенбергъ, австрійскій посолъ при Великобританскомъ дворѣ, русскіе офицеры Толстой и Марковъ и нѣкоторыя другія лица, по большей части, не военные. Наполеонъ обрадовался этой случайной поимкѣ [1]). Онъ задумалъ воспользоваться австрійскимъ дипломатомъ, какъ вѣстникомъ мира. Онъ пригласилъ къ себѣ барона Вессенберга, угостилъ его ужиномъ, объявилъ ему, что онъ и его спутники свободны и могутъ тотчасъ-же отправиться подъ прикрытіемъ въ Дижонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ барону о своемъ искреннемъ желаніи положить предѣлъ кровопролитію и вручилъ ему собственноручное письмо къ императору Францу. Наполеонъ говорилъ совсѣмъ другимъ языкомъ, нежели нѣсколько дней тому назадъ. Онъ изъявлялъ готовность тотчасъ-же подписать условія мира, предложенныя союзниками въ Шатильонѣ. Такъ утверждала, по крайней мѣрѣ, молва, хотя самое письмо не было обнародовано никогда [2]).

28-го марта вечеромъ французская армія достигла Дулевана. Здѣсь Наполеонъ получилъ коротенькую записку отъ Ла-Валета изъ Парижа. То была первая вѣсть изъ столицы послѣ десятидневнаго перерыва. Ла-Валетъ писалъ: „сторонники иноземцевъ, ободренные происшествіями въ Бордо, по-

---

[1]) Подробности см. у Фена, Manuscript de 1814. „Si en croit les bruits que depuis l'on a fait courir, M. de Vittrolles, qui avait eté envoyé vers le comte d' Artois par Talleyrand, faisait partie de cette capture, mais il etait, parvenu à s'e chapper en se glissant parmi les domestiques“. Этотъ слухъ превращается у Тьера въ его Histoire du consulat et de l'empire въ несомнѣнный фактъ, см. T. XVII, стр. 616—617.

[2]) Какъ и всѣ письма Наполеона, написанныя между 27 марта и 1-мъ апрѣля 1814 года. Тьеръ умалчиваетъ объ этомъ письмѣ Наполеона и говоритъ лишь о письмахъ Коленкура къ Меттерниху, которыя были написаны и отправлены, какъ мы видѣли, нѣсколькими днями ранѣе. Впрочемъ, Тьеръ и самую поимку Вессенберга относитъ совершенно неправильно къ 25 марта.

дымаютъ голову; тайные происки поддерживаютъ ихъ. Присутствіе Наполеона необходимо, если онъ хочетъ воспрепятствовать сдачѣ своей столицы. Нельзя терять ни минуты“ [1]).

Наполеонъ и не думалъ терять ихъ. Какъ безумный гналъ онъ впередъ свои истомленныя, измученныя войска. 29-го марта онъ прибылъ въ Дуланкуръ на Сенѣ и отправилъ отсюда генерала Дежана въ Парижъ съ извѣстіемъ о своемъ скоромъ прибытіи. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, армія поспѣшно двинулась дальше. Напрягая свои послѣднія силы, императорская гвардія прошла въ полдня 15 лье и поздно ночью прибыла въ Труа.—Отсюда посланъ былъ новый вѣстникъ въ Парижъ, генералъ Жирарденъ. И онъ долженъ былъ объявить о скоромъ прибытіи Наполеона. Но до столицы оставалось еще 50 лье, разстояніе громадное для арміи, истощившей—свои послѣднія силы! Наполеонъ намѣренно закрывалъ глаза передъ этимъ страшнымъ обстоятельствомъ; но его вѣрнѣйшіе приверженцы не считали уже возможнымъ раздѣлять его иллюзіи.

Маршалъ Макдональдъ прямо объявилъ императору, что спасти Парижъ уже поздно и что надо искать спасенія въ другихъ маневрахъ. Онъ предлагалъ собрать всѣ войска, отступить на югъ, соединиться съ Ожеро и, подкрѣпивъ свои силы отдыхомъ, дать непріятелю рѣшительное сраженіе. „Если“, говорилъ онъ, „и пробьетъ тогда нашъ послѣдній часъ, то мы падемъ, по крайней мѣрѣ, съ честью, а не погибнемъ какъ мародеры, разсѣянные, забранные въ плѣнъ, ограбленные казаками“ [2]).

Такъ говорилъ маршалъ, но Наполеонъ не принялъ, да и не могъ принять во вниманіе его предложенія. Подобное предложеніе было-бы умѣстно, если-бы Наполеонъ былъ Людовикъ XIV, если-бы онъ былъ представителемъ старой законной династіи, связанной неразрывными узами съ своею страною. Но Наполеонъ зависѣлъ всецѣло отъ общественнаго

---

[1]) Ла-Валетъ былъ начальникомъ почтъ. О немъ см. у Мармона Т. 6, стр. 251.

[2]) Макдональдъ изложилъ свое мнѣніе письменно въ пространномъ мемуарѣ поданномъ Наполеону. Извлеченіе см. у Бернгарди, Т. IV, стр. 376.

мнѣнія Франціи, а это мнѣніе направлялось и рѣшалось всегда однимъ Парижемъ. Съ паденіемъ Парижа должна была рѣшиться и участь Наполеона.

Въ виду такой постановки вопроса, отступленіе съ арміею на югъ не могло имѣть никакого смысла для Наполеона. Онъ отлично понималъ, что армія и народъ пойдутъ вслѣдъ за Парижемъ; что тамъ, а не гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, рѣшится его судьба. Чтобы предупредить это рѣшеніе, чтобы не выпустить Парижа изъ рукъ, онъ долженъ былъ спѣшить впередъ съ арміею, или безъ арміи, не теряя ни минуты времени, не давая отдыха ни себѣ, ни другимъ. Послѣ двухъ часовой остановки въ Труа, Наполеонъ двинулся впередъ съ своею гвардіею и, послѣ утомительнаго перехода, достигъ вечеромъ 30-го марта Вильнефъ-Ларшевекъ. До Парижа оставалось еще 18 миль; гвардія не въ состояніи была идти дальше и Наполеонъ долженъ былъ ѣхать далѣе лишь въ сопровожденіи нѣсколькихъ эскадроновъ. Уже у Вильнефъ-ла-Гюардъ Наполеонъ бросилъ и этотъ послѣдній конвой и, отдавъ приказъ, чтобы армія слѣдовала за нимъ, какъ можно скорѣе, поскакалъ въ Парижъ на почтовыхъ. Вмѣстѣ съ нимъ ѣхали Бертье и Коленкуръ.

По дорогѣ Наполеонъ получалъ все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Послѣдовательно узналъ онъ о бѣгствѣ своей жены и сына изъ Парижа, о появленіи непріятеля подъ стѣнами города, о началѣ боя. Нетерпѣніе Наполеона, его волненіе возрастали съ каждою минутою. Никогда еще разстояніе не казалось ему столь безконечнымъ, а бѣшеный бѣгъ лошадей столь медленнымъ. Онъ самъ понукалъ почтальоновъ [1]). Но вотъ онъ уже близокъ къ цѣли. Вдали показалась станція Ла Куръ-де-Франсъ, а отъ нея оставалось всего лишь двадцать верстъ до столицы. Императоръ могъ пролетѣть это разстояніе въ какой-нибудь часъ. Но вмѣстѣ съ станціею Наполеонъ увидѣлъ во мракѣ ночи и нѣчто другое.

---

[1]) По временамъ Наполеонъ восклицалъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ: „Все это безполезно! Я опоздаю!“ См. Мемуары Дюрандъ, стр. 207, (нѣмецкое изданіе).

Темныя массы двигались къ нему на встрѣчу по направленію отъ Парижа. Еще минута и коляска императора остановилась среди кавалерійскаго отряда, наполнявшаго всю дорогу. Наполеонъ былъ внѣ себя отъ изумленія; страшное предчувствіе стѣснило его грудь. Онъ выскочилъ изъ коляски. Первый, кто ему попался на глаза, былъ генералъ Бельяръ. Императоръ схватилъ генерала за руку.

— „Гдѣ армія?“ спросилъ онъ его дрожащимъ голосомъ.

— „Она слѣдуетъ за мною Государь“, отвѣчалъ Бельяръ.

— „А непріятель?“

— „Онъ стоитъ у воротъ Парижа“.

— „Кто занимаетъ городъ?“

— „Никто! онъ очищенъ всѣми войсками“.

— „Очищенъ?“ продолжалъ спрашивать Наполеонъ какъ-бы во снѣ.

— „А мой сынъ, моя жена, мое правительство, гдѣ они?“

— „На Луарѣ, Государь!“ [1]).

Наполеонъ стоялъ нѣсколько минутъ какъ уничтоженный. Страшный, неожиданный ударъ ошеломилъ его. Казалось, онъ потерялъ всякую способность думать, разсуждать, дѣйствовать. Самое сознаніе готовилось оставить его. Но то былъ только моментъ. Наполеонъ быстро вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія. Припадокъ бѣшенства напалъ на него. Онъ метался изъ стороны въ сторону, кричалъ, какъ безумный. Онъ осыпалъ страшными ругательствами и проклятіями виновниковъ парижской катастрофы. Онъ называлъ своего брата подлымъ презрѣннымъ трусомъ, онъ клеймилъ военнаго министра Кларке именемъ измѣнника. Онъ восклицалъ, что въ его отсут-

---

[1]) По свидѣтельству Бельяра разговоръ продолжался въ такомъ родѣ: „Кто же принялъ подобное рѣшеніе?—„Государь, говорятъ, что это было сдѣлано на основаніи вашихъ распоряженій“.—„Въ моихъ приказахъ не заключалось ничего подобнаго... но Іосифъ, Кларке, Мармонъ, Мортье, куда дѣвались они, что дѣлали они?“—„Государь, мы не видѣли за цѣлый день ни Іосифа, ни Кларке, но Мармонъ и Мортье вели себя, какъ храбрые люди... Ахъ государь, если-бы у насъ было 10,000 резерва, и если-бы съ нами были вы, то мы бы отбросили союзниковъ въ Сену, спасли Парижъ и отстояли-бы честь нашей арміи“.—„Безъ сомнѣнія, если-бы я былъ съ вами. Но я не могу быть вездѣ“ и т. д. См. Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, т. XVII, стр. 622—623.

ствіи всѣ его подчиненные дѣлаютъ только глупости. Какъ въ былое время, такъ и теперь, онъ думалъ поправить все однимъ своимъ появленіемъ. Онъ объявилъ, что онъ не намѣренъ соблюдать этой подлой капитуляціи, что онъ пойдетъ на Парижъ, соберетъ войско, призоветъ къ оружію народъ, погребетъ себя подъ развалинами столицы. Дикая корсиканская натура проснулась въ немъ. Грубыя простонародныя ругательства, грязные эпитеты сыпались изъ его устъ.

Между тѣмъ со стороны Парижа подходили все новыя и новыя войска. Вокругъ императора собралась цѣлая группа генераловъ и офицеровъ. Наполеонъ продолжалъ кричать и неистовствовать. Онъ приказывалъ, чтобы всѣ войска шли немедленно на Парижъ, чтобы ему подали тотчасъ-же его коляску. Никто не думалъ, однакоже, исполнять его приказаній. Даже коляска не появлялась. Коленкуръ распорядился потихоньку, чтобы не закладывали лошадей. Всѣ окружающіе смотрѣли на Наполеона, какъ на человѣка, потерявшаго разсудокъ. Давъ ему накричаться, они объявили, что они не въ состояніи исполнить его приказаній. Болѣе деликатные изъ генераловъ начали доказывать ему, что невозможно защищать Парижъ послѣ потери высотъ, что городъ уже вѣроятно занятъ непріятелемъ, что, продолжая далѣе свое путешествіе, онъ рискуетъ попасть въ плѣнъ. Совсѣмъ инымъ языкомъ говорилъ съ императоромъ грубый Бельяръ. Онъ объявилъ ему напрямикъ, что онъ вышелъ изъ Парижа по условію капитуляціи и ни въ какомъ случаѣ не можетъ возвратиться туда [1]).

Наполеонъ вздрогнулъ при этомъ замѣчаніи. „Капитуляція!“ вскрикнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства, „а какой подлецъ заключилъ ее?“—„Честные люди, которые не могли поступить иначе!“ отвѣчалъ Бельяръ съ возрастающею смѣлостью [2]). Но Наполеонъ уже не слышалъ его отвѣта. Онъ

---

[1]) Подлинныя слова Бельяра: Ah! Sire, il est trop tard, l'infanterie est la qui me suit; d'ailleurs nous avons signé une capitulation, qui ne nous permet pas de rentrer“. Тьеръ, Т. XVII, стр. 624.

[2]) У Тьера: „Une capitulation! et qui, donc á eté assez lache pour en signer unes“.—„De braves gens, Sire, qui ne pouvaient faire autrement“.

продолжалъ идти впередъ по шоссе, громко требуя свой экипажъ, осыпая ругательствами и проклятіями все и всѣхъ. Вдругъ онъ столкнулся почти лицемъ къ лицу съ пѣхотнымъ офицеромъ, по имени Курьяломъ. Наполеонъ подозвалъ его къ себѣ и услышалъ отъ него, что пѣхота, защищавшая Парижъ, давно уже вышла изъ города, что она находится здѣсь, т. е. въ четырехъ миляхъ отъ столицы.

Эта вѣсть произвела на императора потрясающее впечатлѣніе. Онъ смутно понялъ, что все потеряно для него, что мечъ сломленъ въ его рукахъ, что ему остается лишь одинъ выборъ между смертью и безславною покорностью побѣдителямъ. Сраженный судьбою, Наполеонъ остановился у двухъ колодезей, находившихся при дорогѣ [1]). Безсильно опустился онъ на край одного изъ нихъ и закрывъ лице руками, застылъ на мѣстѣ.

Прошло около получаса. Наполеонъ не трогался съ мѣста. Генералы, офицеры, толпившіеся вокругъ него, хранили глубокое молчаніе. Обычный страхъ предъ грознымъ повелителемъ не утратилъ еще для нихъ своего послѣдняго обаянія; а невольное благоговѣніе передъ величіемъ, сраженнымъ самимъ Провидѣніемъ, сковывало двойною силою ихъ языкъ.

Наконецъ, Наполеонъ очнулся. Прежняя энергія, казалось, возвратилась къ нему. Онъ уже не чувствовалъ ни физической усталости, ни нравственнаго удрученія. Ему вдругъ показалось, что еще не все кончено, что есть еще возможность бороться съ судьбою. Онъ потребовалъ стола, свѣчей, картъ; тутъ-же на мѣстѣ хотѣлъ онъ сдѣлать свои соображенія, раздать приказанія. Окружающіе почтительно предложили ему взойти въ станціонный домикъ. Онъ послѣдовалъ ихъ предложенію. Сопровождаемый Бертье и Коленкуромъ, онъ вошелъ въ комнату и долгое время оставался у стола, разсматривая свои карты, погруженный въ глубокое размышленіе.

Вдругъ онъ заговорилъ: „Если-бы у меня была здѣсь армія, то все можно было-бы поправить. Александръ пойдетъ показаться парижанамъ; онъ не золъ, онъ не сожжетъ Па-

[1]) Мѣсто это называлось Lu Jovisy.

рижа, онъ хочетъ лишь показать себя великому городу. Онъ устроитъ завтра парадъ; одна часть его солдатъ будетъ на правомъ берегу Сены, другая—на лѣвомъ; одна половина въ Парижѣ, другая—за городомъ, а въ такомъ положеніи я легко истребилъ-бы ихъ всѣхъ, будь лишь у меня моя армія. Населеніе присоединилось-бы ко мнѣ, оно забросало-бы союзниковъ всякою всячиною, бургонскіе крестьяне добили-бы ихъ окончательно. Ни одинъ изъ нихъ не ушелъ-бы обратно за Рейнъ, и величіе Франціи было-бы возстановлено. Ахъ! если-бы у меня была армія! но она будетъ не раньше какъ черезъ три, четыре дня. А! зачѣмъ не продержались они, хотя еще нѣсколько часовъ!" Страсть видимо начинала заглушать въ Наполеонѣ опять спокойный голосъ разсудка. Лице его пылало гнѣвомъ, онъ метался взадъ и впередъ по маленькой комнатѣ. Коленкуръ попытался успокоить своего повелителя. „Но, государь", сказалъ онъ, „армія прійдетъ черезъ четыре дня и тогда ваше величество совершите то, что невозможно сдѣлать сегодня."

Услыхавъ эти слова, Наполеонъ „повернулся къ Коленкуру. „А! Коленкуръ", воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ, „вы не знаете людей!—Три дня, два дня! Вы не знаете, что можно сдѣлать въ этотъ короткій срокъ! Вы не знаете, сколько интригъ будетъ пущено въ ходъ противъ меня, вы не знаете, сколько людей готовы бросить меня. Если хотите, я вамъ назову ихъ всѣхъ. Смотрите, они говорятъ, что я самъ приказалъ удалить изъ Парижа императрицу и моего сына; это правда, но вѣдь я не могъ сказать всего, я не могъ сказать, что императрица—дитя, что ею могутъ воспользоваться противъ меня, что отъ нея могутъ вынудить, Богъ знаетъ, какіе акты противъ меня! Но забудемъ этихъ презрѣнныхъ! Три дня, четыре дня,—это слишкомъ долго! Армія прибудетъ и если только мнѣ помогутъ, Франція будетъ спасена" [1]).

Уже въ головѣ Наполеона родился новый, фантастическій планъ и онъ съ жаромъ началъ развивать его Коленкуру,

---

[1]) Весь этотъ разговоръ мы воспроизводимъ на основаніи Тьера, т. XVII, стр. 625—627.

приказавъ предварительно всѣмъ остальнымъ выйти изъ комнаты. Коленкуръ долженъ былъ немедленно отправиться въ Парижъ, а оттуда въ главную квартиру императора Александра. Въ Парижѣ онъ долженъ былъ предупредить готовящійся переворотъ; Александра онъ долженъ былъ обмануть мирными предложеніями и коварными переговорами. Онъ долженъ былъ напомнить Александру его прежнія чувства и намѣренія по отношенію къ Наполеону, указать ему на тѣ страшныя опасности, которыя ожидаютъ его въ Парижѣ, въ особенности-же на приближающагося Наполеона во главѣ шестидесятитысячной арміи, Наполеона, пылающаго жаждою мести, готоваго на все, только-бы возстановить славу своего оружія. Коленкуръ долженъ былъ употребить всѣ силы, чтобы смягчить сердце Александра и наполнить въ тоже время его воображеніе призраками страшныхъ опасностей. Достигнувъ этой цѣли, доведя русскаго императора до требуемаго душевнаго состоянія, Коленкуръ долженъ былъ предложить ему отъ имени Наполеона миръ, на условіяхъ, предложенныхъ самими союзниками въ Шатильонѣ. Нѣтъ сомнѣнія, продолжалъ фантазировать Наполеонъ, что Александръ пріиметъ ваше предложеніе, что онъ отошлетъ васъ съ своимъ отвѣтомъ ко мнѣ, что въ ожиданіи таковаго онъ воздержится отъ всякихъ дѣйствій въ пользу Бурбоновъ, а между тѣмъ пройдетъ четыре дня, армія подойдетъ и явится возможность вступить въ послѣдній, отчаянный бой.

Тщетно пытался Коленкуръ успокоить и образумить своего повелителя; тщетно совѣтовалъ онъ ему отбросить въ сторону коварство и заднія мысли, вступить въ честные и серьезные переговоры, принять шатильонскія условія и покориться не людямъ, а всесильнымъ обстоятельствамъ.

„Нѣтъ! Нѣтъ!“ прервалъ его грубо и рѣзко Наполеонъ. „Мечъ долженъ рѣшить! Перестаньте унижать меня! Пока еще можно спасти величіе Франціи. Наши шансы будутъ прекрасны, если только вы выиграете мнѣ два, три дня“.

Коленкуръ началъ просить, чтобы Наполеонъ не возлагалъ на него одного такую тяжелую отвѣтственность, чтобы отпустилъ съ нимъ маршала Бертье, человѣка хорошо извѣст-

наго и уважаемаго союзными государями. Наполеонъ отклонилъ и эту просьбу. „Бертье нуженъ мнѣ самому, онъ одинъ знаетъ расположенiе моихъ войскъ на театрѣ войны. Къ тому, при всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ, Бертье слабъ, и вы не можете себѣ представить, какъ могутъ воспользоваться этимъ агитирующiе теперь интриганы. Нѣтъ, ступайте вы одни; лишь вы одни сможете выдержать себя въ этомъ центрѣ интригъ“.

Коленкуръ убѣдился въ безполезности дальнѣйшаго противорѣчiя и объявилъ, что принимаетъ возложенную на него миссiю. Прощаясь съ Наполеономъ, Коленкуръ понималъ отлично, что его повелитель обманываетъ себя ребяческими надеждами, что никто въ мiрѣ не въ состоянiи исполнить его невозможныхъ порученiй. Да Коленкуръ и не думалъ серьезно объ ихъ выполненiи, онъ былъ неспособенъ играть ту роль обманщика, которую возложилъ на него Наполеонъ. Герцогъ думалъ воспользоваться своею миссiею въ иномъ смыслѣ. Онъ хотѣлъ предпринять послѣднюю попытку спасти Наполеона, вопреки ему самому, вопреки судьбѣ. Быть можетъ, ему удастся подѣйствовать въ пользу Наполеона на благороднаго и великодушнаго Александра, быть можетъ, ему удастся возстановить правильныя дипломатическiя сношенiя между своимъ неукротимымъ повелителемъ и побѣдоносною Европою и предупредить тѣмъ самымъ успѣхъ бурбонской интриги. Съ этою слабою, почти неосуществимою надеждою, Коленкуръ оставилъ почтовый домикъ въ Ла-Куръ-де-Франсъ и поспѣшилъ въ Парижъ [1]).

Наполеонъ оставался еще нѣкоторое время на станцiи.

---

[1]) Тьеръ, т. XVII, стр. 627—629. Наполеонъ выдалъ впрочемъ Коленкуру формальное полномочiе, въ которомъ уполномачивалъ его, во-первыхъ, ходатайствовать передъ союзными государями за жителей Парижа; во-вторыхъ, заключить миръ съ союзниками, въ третьихъ, явиться представителемъ военныхъ и гражданскихъ властей въ Парижѣ. Сущность полномочiй Коленкура заключалась однакоже не въ этомъ оффицiальномъ документѣ, а въ тайномъ порученiи, изложенномъ въ текстѣ; самъ Наполеонъ сознавался, впослѣдствiи, что онъ имѣлъ въ виду, отправляя Коленкура, лишь выиграть время и обмануть Александра.

Непріятель былъ уже вблизи его. На противоположномъ берегу Эссонскаго ручья пылали яркіе бивачные костры, то были форпосты союзниковъ, выдвинутые отъ Венсена изъ окрестностей Парижа къ равнинѣ, простиравшейся у Вильнефъ-сенъ-жоржа. Отблескъ костровъ освѣщалъ даже холмы праваго берега, на которомъ находился Наполеонъ; но самъ онъ, его экипажи и почтовая станція были покрыты глубокою непроницаемою темнотою [1]); съ минуты на минуту долженъ былъ, однакоже, наступить разсвѣтъ и тогда невозможно было оставаться долѣе на этомъ мѣстѣ. Наполеонъ рѣшилъ отправиться въ сосѣднее Фонтенебло, въ тотъ самый замокъ, гдѣ еще такъ недавно томился въ плѣну папа Пій VII, одна изъ жертвъ его ненасытнаго властолюбія. Отдавъ приказанія войскамъ, прибывавшимъ изъ Парижа, занять позиціи вдоль праваго берега Эссонскаго ручья, императоръ выѣхалъ со станціи на зарѣ 31-го марта въ сопровожденіи маршала Бертье. Онъ былъ въ крайне возбужденномъ нервномъ состояніи. Какъ-разъ такого видали его въ былые дни товарищи наканунѣ великихъ побѣдъ [2]).

Между тѣмъ Коленкуръ прибылъ въ Парижъ уже по наступленіи разсвѣта. Онъ не нашелъ непріятеля въ городѣ, но судьба столицы рѣшена была уже безповоротно. Въ Парижѣ вовсе не было французскихъ войскъ, лишь на городскихъ заставахъ оставались небольшіе караулы долженствовавшіе сдать ихъ союзникамъ. Коленкуръ узналъ, что въ Парижѣ не оставалось ни одного представителя императорскаго правительства, что всѣ они бѣжали или спрятались тотчасъ-же послѣ отъѣзда короля Іосифа. Герцогъ поспѣшилъ въ городской домъ. Здѣсь ему передали, что капитуляція подписана и утверждена окончательно, что оба префекта и городская депутація отправились уже въ Бонди, главную квартиру императора Александра, что населеніе совершенно спокойно и ожидаетъ съ нетерпѣливымъ любопытствомъ вступленія союзниковъ.

---

[1]) См. Fain, Manuscript de l'annee 1814, стр. 213.

[2]) Тьеръ, т. XVII, стр. 629.

Не теряя ни минуты времени, Коленкуръ выѣхалъ въ Бонди въ сопровожденіи трубача. Его пропустили безпрепятственно черезъ союзные форпосты. Проѣзжая черезъ биваки, герцогъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ шумной и радостной жизни, кипѣвшей въ союзномъ станѣ. На пути онъ повстрѣчалъ парижскую депутацію, возвращавшуюся изъ Бонди и обмѣнялся съ нею нѣсколькими словами. Депутаты были въ восторгѣ отъ пріема оказаннаго имъ императоромъ Александромъ. Одинъ изъ нихъ передалъ Коленкуру подробности аудіенціи.

Императоръ Александръ бодрствовалъ почти всю ночь, предшествовавшую величайшему событію его жизни: торжественному вступленію въ Парижъ. Отпустивъ Орлова, государь уснулъ около двухъ часовъ, но уже въ шесть онъ былъ на ногахъ и приказалъ позвать парижскихъ депутатовъ. Аудіенція происходила въ большой залѣ Бондійскаго замка, въ присутствіи Нессельроде. Войдя въ залу, Александръ привѣтствовалъ преклонившихся предъ нимъ депутатовъ, съ свойственною ему исключительно, чарующею любезностью. На изъявленіе покорности и на просьбы пощадить Парижъ и его жителей, императоръ отвѣчалъ, приблизительно, такими словами:

„Повторяю въ вашемъ присутствіи то, что сказано было мною неоднократно уже прежде. Я веду войну не съ Франціею, а съ безумнымъ честолюбіемъ одного человѣка. Я не стремлюсь навязать Франціи новое правительство, или наложить на нее унизительныя условія мира; но я хочу освободить ее отъ деспотизма, отъ котораго страждетъ она, наравнѣ съ остальною Европою. Я гарантирую столицѣ Франціи самое снисходительное обращеніе, но ожидаю, что и населеніе Парижа будетъ вести себя миролюбиво и дружелюбно по отношенію къ своимъ гостямъ. Я согласенъ поручить охраненіе порядка въ городѣ національной гвардіи, и готовъ освободить васъ отъ военнаго постоя, но вы должны доставлять войскамъ всѣ необходимые припасы“.

Государь окончилъ свою рѣчь. Депутаты, не ожидавшіе такой любезности и столькихъ милостей, спѣшили заявить

свою глубокую признательность и свою готовность исполнить всѣ справедливыя и умѣренныя требованія императора [1]). Александръ, покончивъ съ общимъ пріемомъ, перешелъ къ частной бесѣдѣ съ отдѣльными членами депутаціи. Для каждаго изъ нихъ онъ находилъ ласковое слово, на каждаго произвелъ онъ въ эти немногія минуты неизгладимое впечатлѣніе. Депутаты вышли отъ него растроганные, восхищенные. Въ разговорѣ съ Коленкуромъ они превозносили до небесъ великодушіе, благородство, изящество вѣнценоснаго вождя соединенной Европы.

Коленкуръ, искренно преданный Наполеону, былъ глубоко опечаленъ этими разсказами. Онъ понялъ, что Александръ побѣдилъ парижанъ не только силою оружія, но и силою кроткаго, христіанскаго своего величія. Послѣдняя почва исчезала подъ ногами уполномоченнаго Наполеона. Надежды на вооруженное возстаніе парижскаго населенія, на его противодѣйствіе всякой попыткѣ свергнуть Наполеона, оказались пустою обманчивою иллюзіею.

---

[1]) Говоря о пріемѣ депутатовъ, Тьеръ добавляетъ: „Александръ, завладѣвъ Парижемъ, былъ на верху радости. Его гордость была удовлетворена и вмѣстѣ съ тѣмъ его добрыя чувства взяли верхъ въ немъ. Его выдающееся стремленіе было желаніе нравиться, и никому не хотѣлъ онъ такъ нравиться, какъ этимъ французамъ, которые побѣждали его столько разъ, которыхъ онъ побѣдилъ, наконецъ, также въ свою очередь и одобренія которыхъ онъ добивался съ такою страстностью. Побѣдить великодушіемъ этотъ великодушный народъ, вотъ къ чему онъ стремился болѣе всего въ эту минуту. Благородная слабость,—если только это была слабость". Итакъ, по мнѣнію великаго либеральнаго историка, создавшаго вмѣстѣ съ другими бонапартистами и либералами тотъ чудовищный культъ Наполеона, за который такъ дорого поплатилась потомъ Франція и продолжаетъ платиться еще и по нынѣ, весь великодушный образъ дѣйствій Александра, по отношенію къ Франціи, объясняется единственно тѣмъ, что русскій государь хотѣлъ понравиться и пококетничать передъ благородною націею, ограбившею всю Европу. Приписывая Александру подобныя побужденія, Тьеръ охарактеризовалъ только самого себя и національное самомнѣніе, которымъ онъ былъ преисполненъ до ослѣпленія подобно всѣмъ своимъ землякамъ. Г-нъ Тьеръ не представляетъ впрочемъ въ этомъ случаѣ исключенія; онъ занимаетъ лишь одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ безчисленныхъ французскихъ, нѣмецкихъ и даже русскихъ либеральныхъ историковъ публицистовъ, которые варьируютъ на всевозможные лады знаменитое изреченіе Наполеона, считавшаго Александра только великимъ актеромъ и глумятся надъ великимъ историческимъ явленіемъ, понять истинное значеніе котораго они не могутъ, да и не хотятъ.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ мрачными мыслями продолжалъ Коленкуръ путь свой въ Бонди черезъ оживленные биваки союзныхъ войскъ. Онъ видѣлъ стройныя колонны побѣдителей, готовыхъ занять столицу Франціи, онъ предчувствовалъ, что населеніе города встрѣтитъ ихъ съ радостными оваціями, что, по одному слову императора Александра, оно отречется отъ Наполеона,—и паденіе имперіи вдругъ показалось ему фактомъ неизбѣжнымъ и неотвратимымъ. Коленкуръ напередъ былъ убѣжденъ въ безуспѣшности своей миссіи, у него явилось даже опасеніе, что императоръ Александръ не захочетъ принять его. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ ошибся.

Александръ хорошо помнилъ и высоко цѣнилъ Коленкура, еще со временъ пребыванія его въ Петербургѣ. Узнавъ о его пріѣздѣ, онъ тотчасъ-же принялъ его, несмотря на то, что до начала торжественнаго вступленія въ Парижъ оставалось не болѣе часа. Государь встрѣтилъ входящаго герцога какъ стараго друга. Онъ обнялъ его и усадилъ рядомъ съ собою. Александръ началъ разговоръ, объяснивъ Коленкуру, почему онъ не могъ принять его въ Прагѣ. Переходя затѣмъ къ великимъ событіямъ дня, Александръ сказалъ:

„Я чуждъ всякаго чувства мести, я хочу только мира. Не найдя его въ Шатильонѣ, я пришелъ искать его въ Парижѣ. Я хочу мира почетнаго для Франціи, но прочнаго для Европы, а посему ни я, ни мои союзники не соглашаемся вести переговоры съ Наполеономъ. У насъ не будетъ затрудненія найти того, съ кѣмъ можно будетъ придти къ соглашенію, ибо отовсюду получаемъ мы извѣстія, что Франція тяготится Наполеономъ не менѣе остальной Европы, что она стремится лишь освободиться отъ его деспотизма. Союзники не питаютъ никакихъ враждебныхъ намѣреній по отношенію къ Франціи, они относятся къ ней съ подобающимъ уваженіемъ, они предоставятъ ей свободный выборъ своего государя и подпишутъ миръ только съ таковымъ. Вступивъ въ Парижъ, союзники соберутъ совѣтъ изъ выдающихся нотаблей, выбранныхъ изъ всѣхъ партій, изъ всѣхъ оттѣнковъ общественнаго мнѣнія. Лицо, указанное наиболѣе свѣдущими пред-

ставителями націи, будетъ принято союзниками и Европа освятитъ его избраніе своимъ согласіемъ".

Императоръ говорилъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ, но его слова дышали тѣмъ не менѣе непоколебимою рѣшимостью. Коленкуръ пытался возражать.

„Союзники", замѣтилъ онъ, „выставляющіе себя представителями соціальнаго порядка и монархизма въ Европѣ, явятся поборниками революціи, низвергая съ престола государя, давно уже признаннаго всѣми дворами, бывшаго союзника нѣкоторыхъ и зятя одного изъ нихъ. Въ вопросѣ такой важности не слѣдуетъ вѣрить недовольнымъ, говорящимъ лишь подъ вліяніемъ страсти, не слѣдуетъ дозволять имъ обманывать себя на счетъ истинныхъ чувствъ Франціи. Французская нація тяготится, правда, постоянными войнами Наполеона, но она признательна ему за славу, коею покрылъ онъ ея знамена, за прочный внутренній миръ, которымъ наслаждалась она подъ его управленіемъ. Франція не согласится промѣнять его могущественную и славную державу на дряхлыхъ и забытыхъ Бурбоновъ. Наконецъ, союзники не должны пренебрегать отчаяніемъ Наполеона и его арміи; они не должны подвергать свое неожиданное торжество новымъ и страшнымъ случайностямъ, напротивъ они должны попытаться утвердить его какъ можно скорѣе справедливымъ и умѣреннымъ миромъ." Александръ отвѣчалъ Коленкуру въ такомъ же спокойномъ тонѣ:

„Союзники внемлютъ не голосу недовольныхъ, а лицъ спокойныхъ, чуждыхъ всякой партіи и предвзятыхъ интересовъ. Союзные государи вовсе не имѣютъ желанія ниспровергать троны, да и не могутъ имѣть его. Они считаются съ опасностью довести Наполеона до отчаянія, но они твердо намѣрены, зайдя разъ такъ далеко, продолжать борьбу до конца, дабы не быть вынужденными начинать ея вновь, при обстоятельствахъ, быть можетъ менѣе для нихъ благопріятныхъ. Они ожидаютъ отъ Наполеона новыхъ отчаянныхъ ударовъ, до тѣхъ поръ пока мечъ остается въ его рукахъ, но если бы ему и удалось оттѣснить ихъ отъ Парижа, то они вернутся опять, пока не завоюютъ прочнаго мира. Разсчитывать

